

ISSN 1810-1909

Вестник

ЧУВАШСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

№ 4 2015

Гуманитарные науки

Научный журнал

Основан в марте 1995 г.

Учредитель:

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Чувашский государственный университет имени И.Н. Ульянова»

Главный редактор

А.Ю. Александров, кандидат экономических наук, доцент (Чебоксары, Россия)

Заместитель главного редактора

Г.Е. Корнилов, доктор филологических наук, профессор (Россия, Чебоксары)

Члены редакционной коллегии

Л.А. Абукаева, доктор филологических наук, доцент (Россия, Йошкар-Ола)

Т.Б. Агранат, доктор филологических наук, доцент (Россия, Москва)

С.А. Арутюнов, член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, профессор (Россия, Москва)

Д.Н. Давлетбаева, доктор филологических наук, доцент (Россия, Казань)

Е.С. Данилко, доктор исторических наук, профессор РАН (Россия, Москва)

А.В. Дыбо, член-корреспондент РАН, доктор филологических наук, профессор (Россия, Москва)

И. Зимони, доктор наук, профессор (Венгрия, Сегед)

Т.Н. Иванова, доктор исторических наук, доцент (Россия, Чебоксары)

А. Каппелер, доктор истории, университетский профессор (Австрия, Вена)

Н.В. Кондратьева, доктор филологических наук, доцент (Россия, Ижевск)

Й. Луутонен, доктор философии, доцент (Финляндия, Турку)

Е.К. Минеева, доктор исторических наук, профессор (Россия, Чебоксары)

С.Ю. Михайлова, доктор исторических наук, доцент (Россия, Чебоксары)

О.А. Мудрак, доктор филологических наук (Россия, Москва)

С.А. Мызников, доктор филологических наук, главный научный сотрудник (Россия, Санкт-Петербург)

О.Е. Поляков, доктор филологических наук, профессор (Россия, Саранск)

Л.П. Репина, член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, профессор (Россия, Москва)

А.К. Салмин, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник (Россия, Санкт-Петербург)

О.Н. Широков, доктор исторических наук, доцент (Россия, Чебоксары)

А.Ш. Юсупова, доктор филологических наук, профессор (Россия, Казань)

Ответственный секретарь

Н.И. Завгородняя

Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, выпускаемых в Российской Федерации, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук.

Адрес редакции: 428015, Чебоксары, Московский пр., 15,
тел. (8352) 45-20-96, 58-33-63 (доб. 2030)
e-mail: vestnik@chuvsu.ru
<http://www.chuvsu.ru/university/vestnik.htm>

ISSN 1810-1909

Vestnik

CHUVASHSKOGO UNIVERSITETA

№ 4 2015

Humanities

Scientific Journal

Since March, 1995

Founder:
Federal State Educational Budgetary Institution
of Higher Professional Education
the Ulyanov Chuvash State University

Editor-in-Chief

A.Yu. Aleksandrov, Candidate of Economics, Associate Professor (Cheboksary, Russia)

Deputy Editor-in-Chief

G.Ye. Kornilov, Doctor of Philology, Professor (Cheboksary, Russia)

Editorial Board

L.A. Abukaeva, Doctor of Philology, Associate Professor (Yoshkar-Ola, Russia)

T.B. Agranat, Doctor of Philology, Associate Professor (Moscow, Russia)

S.A. Arutyunov, RAS corresponding member, Doctor of Historical Sciences, Professor (Moscow, Russia)

D.N. Davletbaeva, Doctor of Philology, Associate Professor (Kazan, Russia)

E.S. Danilko, Doctor of Historical Sciences, RAS Professor (Moscow, Russia)

A.V. Dybo, RAS corresponding member, Doctor of Philology, Professor (Moscow, Russia)

I. Zimoni, Doctor of Science, Professor (Szeged, Hungary)

T.N. Ivanova, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor (Cheboksary, Russia)

A. Kappeler, Doctor of History, Professor (Vienna, Austria)

N.V. Kondratieva, Doctor of Philology, Associate Professor (Izhevsk, Russia)

J. Luutonen, Doctor of Philosophy, Associate Professor (Turku, Finland)

E.K. Mineyeva, Doctor of Historical Sciences, Professor (Cheboksary, Russia)

S.Yu. Mikhailova, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor (Cheboksary, Russia)

O.A. Mudrak, Doctor of Philology (Moscow, Russia)

S.A. Myznikov, Doctor of Philology, Chief Researcher (St. Petersburg, Russia)

O.E. Polyakov, Doctor of Philology, Professor (Saransk, Russia)

L.P. Repina, RAS corresponding member, Doctor of Historical Sciences, Professor (Moscow, Russia)

A.K. Salmin, Doctor of Historical Sciences, Leading Researcher (St. Petersburg, Russia)

O.N. Shirokov, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor (Cheboksary, Russia)

A.Sh. Yusupova, Doctor of Philology, Professor (Kazan, Russia).

Executive Editor

N.I. Zavgorodnyaya

The journal is included into the List of leading peer-reviewed scientific journals and publications issued in the Russian Federation where the main scientific results of doctoral theses are to be published.

Address: 15, Moskovskiy pr., Cheboksary, Chuvash Republic, 428015, Russia

Tel. +7(8352)45-20-96, 58-33-63 (2030)

E-mail: vestnik@chuvsu.ru

<http://www.chuvsu.ru/university/vestnik.htm>

УДК 94 (77.04)

ББК (Т) 63.3(2)6-7

Р.О. АБИЛОВА

«ОНИ ВСЕГДА СО МНОЙ»: К ИСТОРИИ НАСТЕННОГО ФОТОАЛЬБОМА

Ключевые слова: Н.Ф. Федоров, фотография, семейный фотоальбом, настенный фотоальбом, семейная память, музей.

В статье представлена история настенного фотоальбома на основе эмпирических данных полевого исследования в сельских населенных пунктах Республики Татарстан. Среди других его названий – «иконостас» фотоизображений, «фотоиконостас», «деревенский коллаж». История альбома на стене началась в послевоенные годы (в конце 1940-х гг.). В последующие десятилетия он получил массовое распространение среди сельских жителей, но уже в конце 1970-х – начале 1990-х гг. утратил свою популярность и стал исчезать из домашнего интерьера. В наши дни можно наблюдать возрождение настенного фотоальбома и его модернизацию. В данном исследовании настенный альбом рассматривается в качестве музея через интерпретацию Н.Ф. Федорова.

«Всякий человек носит в себе музей» [8. С. 372], таким «музеем» является и семейный фотоальбом. Его экспонаты, семейные фотографии, передаются потомкам, одному или нескольким поколениям.

Альбомная традиция берет свое начало от немецкого «штамбуха» (das Stammbuch) [10. С. 177–178]. Так в Германии называли альбомы (die Deutsch Standesbücher), которые первоначально изготавливали немецкие дворяне в XVI в. В дальнейшем эта традиция распространилась на другие слои общества, в том числе и за пределами страны. На формирование «русской альбомной традиции» повлияли те самые немецкие альбомы (они были привезены в Россию во второй половине XVIII в.) [9. С. 102–104]. История фотоальбома начинается практически сразу же с появлением фотографии. В российской историографии принято отмечать, что современная фотоальбомная традиция берет свое начало от рукописных (девичьих) альбомов, которые появились незадолго до изобретения фотографии [5; 7. С. 256–257]. Первоначально это были книги, в которых хранили опытные образцы первых фотографий, как правило, членов семьи. Когда фотографии получили более широкое распространение, появились первые фотоальбомы. Альбомы использовали как подарки на память и предметы коллекционирования.

До середины XX в. семейный фотоальбом чаще всего – часть городской культуры. Семейные альбомы в сельской местности были большой редкостью как в силу отсутствия традиции, ограничений по религиозным мотивам, так и в силу реальных возможностей приобщения к процессу фотографирования. Фото съемка и создание семейных альбомов, как культурное явление, входили в жизнь сельского населения не так стремительно, как это происходило в городах. Интересно, что первые семейные фотоальбомы сельского населения стали «особым типом фотообъекта» [7. С. 256], закрепившим за собой принадлежность к деревенской и поселковой бытовой культуре. В российской историографии эта форма бытования фотографий менее всего изучена. В работах некоторых исследователей присутствует лишь упоминание об этом феномене [1, 3, 4, 7].

Речь идет о так называемом «настенном» фотоальбоме. Среди других его названий – «иконостас» фотоизображений (также «фотоиконостас») или «дере-

венский коллаж» [7. С. 256, 371]. Роль семейного фотоальбома выполняли самодельные деревянные рамки, которые крепились на стене. За стеклом рамы вставлялись фотографии членов семьи и близких родственников (живых и ушедших в мир иной). В наши дни до сих пор еще встречаются дома, где традиционно на стенах можно увидеть рамки с семейными фотографиями нескольких поколений. По мере увеличения количества фотографий настенный фотоальбом превращался в «своеобразное хранилище памяти» – семейный музей.

В истории настенного фотоальбома можно выделить несколько этапов: зарождение и массовое распространение, упадок и исчезновение, возрождение и модернизация. Обратимся к результатам анализа эмпирического материала полевого исследования, проведенного в татарской деревне Верхний Шемордан Кукморского района и селе Столбище Лаишевского района Республики Татарстан в 2011–2012 гг.¹ Во время проведения исследования практика создания настенных фотоальбомов была встречена как в русских, так и в татарских семьях. Первые альбомы на стене стали появляться в послевоенные годы (во второй половине 1940-х гг.). В основном в них размещали черно-белые портреты. Постепенно к ним добавлялись и любительские фотографии, выполненные родственниками-горожанами или присланные из армии, а с появлением собственного фотоаппарата – выполненные членами семьи (рис. 1–2).

Рис. 1. Фотография «настенного» фотоальбома в семейном альбоме. 1961 г.
ТАССР Кукморский район д. Верхний Шемордан

¹ Научное исследование главным образом базируется на основе данных дер. Верхний Шемордан, которые дополняются сведениями, полученными в с. Столбище. Выбор территориальных рамок непосредственным образом связан с особенностями национального и религиозного состава населения, а также с социальным развитием населенных пунктов. Верхний Шемордан является классической «глубинкой». На момент проведения исследования в Верхнем Шемордане проживало 265 человек – татары, исповедующие ислам. В деревне отсутствует крупное производство, и на протяжении XX в. число населения резко сократилось. Деревня расположена в 130 км от республиканской столицы – Казани, в 30 км от районного центра – Кукмора. Село Столбище значительно отличается по уровню социально-экономического развития от деревни Верхний Шемордан. Со второй половины XX в. число жителей значительно увеличилось за счет исчезновения ближайших «неперспективных» сел. На данный момент количество населения составляет около 7000 человек, из них русских, исповедующих христианство, – 77%. Благополучному экономическому положению села способствуют наличие производства и близкое расположение к крупному городу – Казани (около 25 км).

Рис. 2. «Настенный» фотоальбом в деревенской избе. 1974 г.
ТАССР Кукморский район д. Верхний Шемордан

Результаты интервью показали, что пик своего распространения настенные фотоальбомы получили в 1960-е гг., когда фотографы из фотоателье собирали семейные портреты, переснимали их, ретушировали и раскрашивали анилиновыми красками, а затем возвращали владельцам, которые размещали их на стене комнаты. В этот период можно было встретить по несколько рам с семейными фотографиями. На этих фотографиях запечатлена визуальная история семьи и рода. В одном из таких альбомов была выявлена фотография, на которой зафиксировано шестое поколение семьи. Хотя в большинстве случаев на фотоснимках настенных фотоальбомов зафиксированы представители трех-четырех поколений семейного рода. Это и есть главная функция настенного фотоальбома – хранение памяти о предках. Семейный альбом на стене превращается в музей, призванный «восстановлению умерших, по их произведениям, живыми деятелями» [8. С. 377]. Настенный фотоальбом, как и любой семейный альбом, – это «ворота» памяти, ведущие к фотореминисценции о предках [6]. Этот процесс побуждает к почтению «отцов» рода.

Интересно, что через практику составления настенных альбомов одновременно в разных частях мира формировались и иные традиции почтения. Так, например, в исследовании, посвященном отношению жителей Тибета к фотографии [11], проанализированы «фотоиконостасы». Они стали появляться в домах жителей, имеющих высокий ранг, в 1930-е гг. Настенный фотоальбом в тибетских семьях, как и в российских, располагается на стене сверху, что свидетельствует об уважении к запечатленным на фотографиях. Таким образом в Тибете отдают дань почтения религиозным лидерам, начиная от Далай-ламы. В фотографическом «иконостасе» наряду с фотокарточками известных религиозных деятелей присутствуют и региональные монахи. Автор исследования о тибетских фотографиях пришел к выводу о том, что такие «фотоиконостасы» можно называть семейными альбомами [11. С. 144]. Однако указывается, что для тибетских буддистов это не члены семьи, а члены родословной религиозных лидеров. Кроме того, такие настенные альбомы выполняют функцию «щита» [11. С. 146]. Схожие представления о фотографическом «щите» описаны и в одном из отечественных исследований, проведенном среди восточно-славянских и финно-угорских народов Приуралья и Западной Сибири [2]. В большой раме с фотографиями размещались «снимки умерших – для памяти, живых – для защиты». В то же время фотографии умерших могли восприниматься в качестве семейных покровителей.

Формирование настенного фотоальбома происходило «случайно» и «не повсеместно». Как и другие музеи, рост альбомов на стене «не правильный, не постоянный, не непрерывный, а внутреннее распределение предметов в них представляет скорее случайный сброд, чем правильное собрание» [8. С. 379]. Возникнув стихийно, настенные фотоальбомы начали утрачивать свою популярность в конце 1970-х гг. в с. Столбище, а в д. Верхний Шемордан в начале 1990-х гг. В данном случае возникла противоречивая ситуация, о которой писал русский философ Н.Ф. Федоров: «почтение, выраженное «музейски» <...> заключает в себе двусмысленность» [8. С. 370] – музей – почтение и музей – презрение. Это выразилось в том, что семьи по-прежнему относились с почтением к прошлым поколениям, но в то же время расставались со своими настенными фотоальбомами.

Интересно, что респонденты разных населенных пунктов объяснили причину спада популярности по-разному: жители Столбищ стали отказываться от таких альбомов из-за выхода их из моды и доступности фабричных фотоальбомов, а жители Верхнего Шемордана – по религиозным причинам (запрет по канонам ислама). Еще одна причина, свойственная татарским и русским семьям, – обновление домашнего интерьера. После проведения ремонтных работ в комнатах многие предметы не вернулись на свое прежнее место. В их числе оказались и настенные фотоальбомы. Выводы Н.Ф. Федорова оказались верны: «Чем более человек будет продвигаться по пути нынешнего промышленного прогресса, тем более будет сдавать в музей вещей, тем более будет требоваться места, сил и средств для хранения, и в то же время тем менее сравнительно будет попадать их в музей» [8. С. 380]. Фотографии получили широкое распространение среди сельского населения, но перестали быть достоянием альбомов на стене. Полученное заключение противоречит точке зрения О.Ю. Бойцовой, которая считает, что фотографии в сельской культуре более статичны, чем в городской, и фотографии на стенах «наиболее неподвижны» [1. С. 156]. Это мнение можно назвать спорным, так как описываемое явление для населения дер. Верхний Шемордан и с. Столбище было характерно в прошлые десятилетия, а не в последние годы. В ходе проведения исследования было выявлено, что в некоторых русских семьях (30%) традиционные настенные фотоальбомы по-прежнему занимают свое почетное место (рис. 3), но среди татарских семей настенный фотоальбом был обнаружен только в одной семье (3%) (рис. 4).

Рис. 3. «Настенный» фотоальбом в сельском доме. 2012 г.
Республика Татарстан Лаишевский район с. Столбище

Рис. 4. «Настенный» фотоальбом. 2012 г.
Республика Татарстан Кукморский район д. Верхний Шемордан

Тем не менее, несмотря на перечисленные факторы, настенный фотоальбом не ушел в прошлое. Выдержав паузу от нескольких лет до пары десятилетий, в середине 2000-х гг. семейный фотомузей преобразился и начал свое возрождение. Н.Ф. Федоров предугадал, что «только воссозданное заключает в себе силу противодействия разрушению; прогресс же лишь придает благолепие тлению» [8. С. 422]. В семьях стали появляться современные фабричные рамки с фотографиями. Наряду с цветными портретами последних лет за стеклом рам можно увидеть и черно-белые фотографии XX в., которые когда-то бережно хранились в традиционном альбоме на стене. На глазах произошло соединение памяти о прошлом и современности в одно пространство.

В эпоху цифровой фотографии (хранящейся на электронных носителях) восстановление настенного фотоальбома может показаться анахронизмом, хотя для самих владельцев альбомов это не так. Один из последних респондентов на вопрос, почему же Вы формируете и модернизируете настенный фотоальбом своих предков, ответил: «Потому что они всегда со мной».

Литература

1. *Бойцова О.Ю.* Любительские фото: визуальная культура повседневности. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2013. 266 с.
2. *Голубкова О.В.* Фотография в представлениях восточно-славянских и финно-угорских народов Приуралья и Западной Сибири (по полевым материалам 2000-х годов) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий / РАН. Сиб. отд-ние. Ин-т археологии и этнографии. Новосибирск, 2007. Т. 13. С. 443–446.
3. *Лаврентьева Л.С., Толмачева Е.Б.* Об одном сюжете деревенской семейной фотографии // Радловский сборник. Научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2008 г. СПб., 2009. С. 179–182.
4. *Петрова А.А.* Фотографические практики северного села: изобразительный канон и коммуникативный потенциал [Электронный ресурс]. URL: <http://cmb.ruh.ru/article.html?id=254914> (дата обращения: 14.02.2015).
5. *Разумова И.А.* Письменные традиции современной семьи: проблемы собирания и изучения [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/rasumova1.htm> (дата обращения: 15.05.2015).
6. *Романов П.В., Ярская-Смирнова Е.Р.* Ландшафты памяти: опыт прочтения фотоальбомов // Визуальная антропология: новые взгляды на социальную реальность. Саратов: Научная книга, 2007. С. 146–168.
7. *Стигнеев В.Т.* Век фотографии. 1894–1994: Очерки истории отечественной фотографии. 5-е изд. М.: ЛИБРОКОМ, 2012. 392 с.
8. *Федоров Н.Ф.* Собр. соч.: в 4 т. М.: Прогресс, 1995. Т. II. 498 с.

9. Чеканова А.В. Альбомы милые, преданья старины... // Родина. 2003. № 4. С. 102–104.
 10. Dahlgren A. Dated Photographs The Personal Photo Album // Photography & Culture. 2010. July. Vol. 3. № 2. P. 175–194.
 11. Harris C. The Photograph Reincarnate: The Dynamics of Tibetan Relationships with Photographs. In: Edwards E., Hart J., eds. Photographs Objects Histories. L., Routledge, 2004, pp. 139–155.

АБИЛОВА РАМИНА ОЛЕГОВНА – аспирантка Института международных отношений, истории и востоковедения, Казанский (Приволжский) федеральный университет, Россия, Казань (ramina.abilova@gmail.com).

R. ABILOVA

«THEY ARE ALWAYS WITH ME»: HISTORY OF WALL PHOTO ALBUM

Key words: N. Fedorov, photographs, family photo albums, the wall photo album, family memory, museum.

The article is devoted to the history of the wall photo album based on empirical data of field research in rural areas of the Republic of Tatarstan. Other names for the wall photo album are «iconostasis» of photographic images, «photoikonostas», «rural collage». The history of the wall photo album began in the postwar years (late 1940s). In the following decades, the wall photo album became very popular with villagers, but in the late 1970s – early 1990s, it has lost its popularity and began to disappear from the home interior. Today, we can observe the revival of the wall album and its modernization. Wall album is regarded as a museum as interpreted by N. Fedorov.

References

1. Boitsova O.Yu. *Lyubitel'skie foto: vizual'naya kultura povsednevnosti* [Amateur photo: visual art of everyday life]. St. Petersburg, 2013, 266 p.
2. Golubkova O.V. *Fotografiya v predstavleniyakh vostochno-slavyanskikh i finno-ugorskikh narodov Priural'ya i Zapadnoi Sibiri (po polevym materialam 2000-kh godov)* [Photography as perceived by East Slavic and Finno-Ugric peoples of the Urals and Western Siberia (based on field data of the 2000s)]. *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorii* [Problems of archeology, ethnography, anthropology of Siberia and adjacent territories]. Novosibirsk, 2007, vol. 13, pp. 443–446.
3. Lavrent'eva L.S., Tolmacheva E.B. *Ob odnom syuzhete derevenskoi semeinoi fotografii* [A story told by a rural family photo]. *Radlovskii sbornik. Nauchnye issledovaniya i muzeinye proekty MAE RAN v 2008 g.* [Radlovsky Collection. Research and museum projects at Museum of Anthropology and Ethnography of the Russian Academy of Sciences in 2008]. St. Petersburg, 2009, pp. 179–182.
4. Petrova A.A. *Fotograficheskie praktiki severnogo sela: izobrazitel'nyi kanon i pkommunikativnyi potentsial* [The photographic practice of northern village: image representation canons and communicative potential]. Available at: <http://cmb.rsu.ru/article.html?id=254914> (Accessed 14 February 2015).
5. Razumova I.A. *Pis'mennye traditsii sovremennoi sem'i: problemy sobiraniya i izucheniya* [Writing traditions of a modern family: problems of collecting and studying]. Available at: <http://www.ruthenia.ru/folklore/rasumova1.htm> (Accessed 14 February 2015).
6. Romanov P.V., Yarskaya-Smirnova E.R. *Landshafty pamyati: opyt prochteniya fotoal'bomov* [Landscapes of Memory: the experience of reading albums]. *Vizual'naya antropologiya: novye vzglyady na sotsial'nuyu real'nost'* [Visual Anthropology: new perspectives on the social reality]. Saratov, Nauchnaya kniga Publ., 2007, pp. 146–168.
7. Stigneev V.T. *Vek fotografii. 1894–1994: Ocherki istorii otechestvennoi fotografii. 5-e izd.* [A century of photography. 1894–1994: Historical Sketches of Russian Photography. 5th ed.]. Moscow, LIBROKOM Publ., 2012, 392 p.
8. Fedorov N.F. *Sobranie sochinenii: v 4-kh t.* [The collected works. 4 vols.]. Moscow, Progress Publ., 1995, vol. II, 498 p.
9. Chekanova A.V. *Al'bomy milye, predan'ya stariny...* [Lovely albums, ancient legends]. *Rodina* [Motherland], 2003, no. 4, pp. 102–104.
10. Dahlgren A. Dated Photographs The Personal Photo Album. *Photography & Culture*, 2010, July, vol. 3, no. 2, pp. 175–194.
11. Harris C. The Photograph Reincarnate: The Dynamics of Tibetan Relationships with Photographs. In: Edwards E., Hart J., eds. *Photographs Objects Histories*. L., Routledge, 2004, pp. 139–155.

АБИЛОВА РАМИНА – Post-Graduate Student, Institute of International Relations, History and Oriental Studies of Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russia.

Ссылка на статью: Абилова Р.О. «Они всегда со мной»: к истории настенного фотоальбома // Вестник Чувашского университета. – 2015. – № 4. – С. 5–10.

УДК 351/354(470.344)«17»
ББК 67.401

Д.В. БАСМАНЦЕВ

ОРГАНЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО НАДЗОРА И СЛЕДСТВИЯ ПО БОРЬБЕ СО ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯМИ МЕСТНОЙ АДМИНИСТРАЦИИ НА ТЕРРИТОРИИ ЧУВАШИИ В XVIII ВЕКЕ*

Ключевые слова: фискалы, прокуроры, следственные комиссии, сенатская комиссия А.И. Свечина (1763–1765), губернаторы, воеводы, местное чиновничество, злоупотребления, наказания, Чувашия, XVIII век.

В Петровскую эпоху были созданы и получили свое развитие надзорные органы над деятельностью местных учреждений. С 1713 по 1729 г. за региональной администрацией следил институт фискалов. В 1730-х–1781 гг. прокуроры осуществляли надзорные функции. «Майорские» и следственные комиссии, сенатская комиссия А.И. Свечина ведали делами о злоупотреблениях областных чиновников Казанской и Нижегородской губерний. В целом органы надзора и следствия сыграли важную роль по искоренению лихоимства воевод и должностных лиц в среде нерусского населения на территории Чувашии в XVIII в.

В условиях утверждения абсолютизма и бюрократизации органов власти в первой четверти XVIII в. усилилась административная роль местных государственных учреждений. В 1708 г. были созданы крупные административно-территориальные образования – губернии во главе с губернаторами, а в 1719 г. – провинции с воеводами. Территория современной Чувашской Республики по административному делению 1719–1781 гг. входила в части Казанской (полностью Чебоксарский и Цивильский, частично Козьмодемьянский и Свияжский уезды Свияжской провинции; частично Симбирский уезд Симбирской провинции) и Нижегородской (полностью Ядринский, частично Курмышский и Алатырский уезды Алатырской провинции) губерний. Уездами и провинциями управляли воеводы, подчинявшиеся власти губернатора. Городские власти находились в зависимости от провинциального и отчасти уездного воевод [16. С. 40–41, 324–327].

С областными реформами были связаны создание разветвленной и централизованной вертикали власти и комплектование штата приказных служителей по бюрократическому принципу на местах. В это время правительством учреждаются специальные органы государственного надзора для осуществления контроля деятельности местной администрации. Поэтому заложенные в ходе административных реформ в 1708–1720-х гг. основы придавали местным управленческим структурам устойчивость, а дальнейшие преобразования в области управления свидетельствовали о поступательном развитии абсолютизма.

С введением в 1710-х гг. фискалов началась деятельность надзорных органов управления. По времени учреждение института фискалитета совпало, как писал Г.Н. Анпилов, с реорганизацией центральных и местных органов власти и учреждением в 1711 г. Сената [2. С. 63]. Процесс формирования фискальной службы, проводившийся с начала 1712 г., в основном завершился к 1713 г. [2. С. 66; 39. С. 56]. Об этом же свидетельствует нарядный список по Казанской губернии, составленный в 1713 г. В нем указывался, что Петр Панкратович Нечаев был «у дел» в Алатыре на должности фискала [4. С. 35]. Он был в числе 129 городских фискалов, которые подчинялись 24 провинциал-фискалам, а они в свою очередь – обер-фискалу (позже генерал-прокурору) при Сенате [39. С. 56] (с 1718 г. при Юстиц-коллегии [2. С. 66]). Все они были наделены широкими надзорными функциями [2. С. 63–80; 39. С. 54–81].

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект № 13-31-01001а1.

В 1720-х гг. штат фискалов не был фиксированным. Так, в 1727 г. чебоксарским и козьмодемьянским фискалом являлся «из шляхетства» Мин Михайлов [17. С. 221]. В Курмыше и Ядрине городскими фискалами были назначены, соответственно, Лука Муравьев и Семен Вашутин (Ватутин) [17. С. 212; 34. Оп. 109. Кн. 205. Л. 127]. В подчинении у алатырского провинциал-фискала Афанасия Юрлова были, кроме ядринского и курмышского фискалов, так называемые «подчиненные фискалы», выбранные из среды посадских людей и несшие фискальную повинность (А. Щеглов, Т. Проухин и А. Моркин, позже их сменили А. Сквориков и К. Воронин). В Алатырской провинции фискальную должность также исполнял («неподчиненный фискал») Илья Кирилов [34. Оп. 109. Кн. 205. Л. 205–206об.]. В Симбирской провинции фискальную службу несли Иван Вдонков (Данков) и Григорий Неклюдов [17. С. 236].

По статусу фискальные люди, с одной стороны, были независимыми органами управления, связанными с центральными учреждениями, с другой – находились в подчиненном положении у воевод и губернаторов. Все хозяйственно-организационные вопросы фискалы решали через провинциальных воевод. В 1727 г. курмышский воевода обратился в Алатырскую провинциальную канцелярию с тем, чтобы ему разрешили исполнить требования городского фискала об отдаче подьячего («для письма») и солдат для рассылок. В документе также содержались пункты о выделении съезжего и постоялого дворов, выдаче бумаг, свечей и дров [34. Оп. 109. Кн. 205. Л. 206об.]. Алатырскому провинциал-фискалу приходилось часто обращаться к воеводской власти. Например, 1727 г. А. Юрлов требовал от воеводы издать распоряжение для проведения им надзора над местными учреждениями в Алатырской провинции («для смотрения по фискальской должности») [34. Оп. 109. Кн. 205. Л. 98об.].

Переписка между провинциальной воеводой и провинциал-фискалом осуществлялась через «доношения» [34. Оп. 109. Кн. 205. Л. 96, 98–103, 107–113, 123, 127, 204–206об.]. Уездные и провинциальные воеводы имели классные чины выше, чем фискалы. По Табели о рангах фискалы могли иметь лишь XIV класс, тогда как воевод возводили на VII–VIII чины [40. С. 137–138]. К тому же губернаторы и воеводы могли определять на должности фискалов сами, без участия центральной власти. В июне 1729 г. вышел указ о высылке и проведении «смотров» всех фискалов, назначенных без сенатского указа [31. Т. 8. № 5431. С. 210]. В сентябре того же года он был исполнен воеводой Алатырской провинции [34. Оп. 109. Кн. 205. Л. 215]. В декабре 1729 г. правительством было объявлено о ликвидации фискальной службы [2. С. 80].

Центральной задачей фискалов являлась охрана интересов казны. В связи с ней под их наблюдением оказались различные сферы деятельности местных учреждений. В первую очередь они проверяли счета, предоставляемые приказными служителями и другими выборными людьми. Скажем, в 1727 г. провинциал-фискал А. Юрлов подготовил алатырскому воеводе доношение о ревизии приходных счетов подканцеляриста И. Абакумова. Он же инициировал расследование дела «о взыскании интереса 500 руб.», произошедшего при прежнем воеводе М.Б. Мещерском и камериере И. Сухова [34. Оп. 109. Кн. 205. Л. 98, 205об.]. Фискалы проверяли деятельность счетчиков А. и И. Панфиловых, бурмистров, ларечных и др. [34. Оп. 109. Кн. 205. Л. 112об., 205об.–206об.].

Доход казне приносили винокуренные заводы и произведенная на них винная продукция, поставляемая в различные кабаки. Провинциал-фискал А. Юрлов, поверив винокурню под д. Алтышевой, выявил ряд нарушений. Для выяснения обстоятельств незаконного ведения винокуренного промысла преследовался алатырец И. Спасский, а также владельцы Новотроицкого кабака (д. Селоусь Курмышского уезда) [34. Оп. 109. Кн. 205. Л. 102, 205]. К сыску и допросам были объявлены приказчик винокуренного завода Симонова о незаклей-

менных 12 казанах. Привлекались также к следствию бывшие алатырские фискалы А. Щеглов, Т. Проухин и А. Моркин о конфискации в «мордовских деревнях» неучтенных кубов [34. Оп. 109. Кн. 205. Л. 204–205об., 206об.].

Фискалы вели борьбу с беглыми, незаконной рубкой заповедного леса, осуществляли контроль над исполнением служителями провинциальных и уездных канцелярий дел [34. Оп. 109. Кн. 205. Л. 98об., 127, 205об., 206об.]. Особое место занимали судебно-следственные дела, которые порой рассматривались при фискалах. Например, в 1729 г. провинциал-фискал А. Юрлов и курмышский воевода И. Лачинов проводили допросы монастырских крестьян Д.Ф. Хохлина и И.С. Балашина. В застенках Курмышской канцелярии указанные крестьяне объявили «государево слово и дело» [14. Д. 1. Л. 5, 7об.].

Несмотря на широкие полномочия фискалов, их деятельность была сопряжена зависимостью от местной администрации в лице воевод и губернаторов. При этом трудно судить об эффективности деятельности фискальных учреждений на местах по борьбе с казнокрадством и соблюдением законности. В то же время следует признать, что в 1713–1729 гг. была апробирована совершенно новая система надзора над представителями местной власти. Она явилась прообразом института прокурорства.

С эпохой Петра I связано создание экстренных следственных органов, которые, в отличие от фискалов, непосредственно проводили на местах расследование и разоблачали в преступных деяниях казнокрадов и взяточников. В 1713 г. Петр I издал указ об учреждении так называемой «маюрской» (майорской) канцелярии для распуtywания злоупотреблений на территории Архангелогородской губернии [38. С. 66]. По мнению Д.О. Серова, они пришли взамен традиционной службе «сыщиков» XVII в. [38. С. 68]. Все же, как справедливо отмечает исследователь Ю.В. Готье, «средством для контроля над тем, что происходило на местах, была посылка особых лиц, снабженных часто очень широкими полномочиями, для расследования злоупотреблений чиновников, а также наиболее выдающихся преступлений общего характера» [8. С. 103].

В 1714–1715 гг. с деятельностью канцелярии («майорской») подполковника В.В. Долгорукова связано отписание винокуренных заводов А.Д. Меншикова в пользу государства, находившихся в Казанской губернии. Вплоть до 1719 г. ими централизованно управляла канцелярия главного управителя, которая была подчинена вышеуказанной канцелярии В.В. Долгорукова [3. С. 24–25].

В последующее время на территории Чувашии «особые лица», назначенные центральной властью, возглавляли следственные комиссии.

После поступления сигнала о злоупотреблениях областных правителей центральные или губернские власти учреждали специальные следственные комиссии. Состав и структура комиссий зависели от рассматриваемого дела. При незначительных злоупотреблениях глава следственной комиссии проводил расследование над отстраненным воеводой и параллельно исполнял его обязанности. В особых случаях, например, как с делом алатырского воеводы Ф.Г. Шишкина, следственная комиссия состояла из главы, двух членов, канцелярских служителей и штата военных. Первоначально в 1747 г. комиссию возглавляли воевода и товарищ воеводы Арзамасской провинциальной канцелярии [8. С. 113, 128]. В 1749–1751 гг. ее главой был М. Полубояринов, которого сменил подполковник В. Ржевский. Комиссия В. Ржевского состояла из двух членов (коллежского асессора П. Матюшкина, князя и титулярного советника Ф. Енгальчева), секретаря, двух канцеляристов и двух копиистов. Она проработала до 1752 г. В дальнейшем в состав комиссии вошли глава и коллежский асессор И. Кандауров, капитан А. Раевский и прапорщик Ф. Ермолов [34. Оп. 5. Кн. 269. Л. 420, 425, 429–442об.].

Одним из первых «в обидах и разорениях» был обличен ядринский воевода и обер-ландрихтер А.М. Михайлов (по «челобитью ядринских чуваш в разоре-

ниях и в прочем»). 17 декабря 1730 г. по указу Сената он был смнен капитаном К. Ивашкиным. Следствие установило, что бывший воевода виновен во взятках в размере 100 руб., в вымогательстве 6 баранов и был оштрафован [30. С. 466–467; 35. Кн. 134. Л. 1027об.]. Одновременно велось следствие над чебоксарским воеводой А.Е. Заборовским. Ему инкриминировалось в «напрасных... нападках и взятках» по отношению к чувашам Чебоксарского уезда [30. С. 330]. В качестве истцов выступали чувашаи Туруновской, Кувшинской и Кинярской волостей. Они просили злоупотребления воеводы «исследовать и ево Заборовского отрешить» [34. Оп. 13. Кн. 730. Л. 261]. Чебоксарец И. Кемин также искал защиты у центральной власти от указанного воеводы. В сенатском указе от 7 ноября 1730 г. говорилось, что «воеводу Заборовского ис того города не высылать, а быть ему у следствия... против прошения чебоксарнина И. Кемина с товарищи во учиненных... обидах и разорениях» [11. Д. 9. Л. 228–228об.].

До приезда нового воеводы Ф. Козинского в Чебоксары начала свою работу следственная комиссия под руководством майора И.Ф. Чирикова. В.М. Грибовский, изучивший материалы следствия чебоксарского воеводы А.Е. Заборовского, отмечал, что дело приняло неожиданный поворот. Несмотря на то, что «... по показаниям челобитчика Кемина, подавшего жалобу прямо государыне, [воевода Заборовский] не обращал внимания на указы, притеснял чебоксарских чувашей, брал с них взятки, разорял, стрелял в них из пушек и убил пятнадцать человек», Сенат оправдал областного правителя. А доносчика И. Кемина после наказания кнутом сослали в Охотск. Получилось так, что часть обвинений воеводе удалось ликвидировать, помирившись с чувашами, а убийство 15 человек следователи сочли случайным происшествием. Подытоживая указанное дело, В.М. Грибовский недоумевал: «Оказывается, что с точки зрения Сената, должностное лицо, обвиняемое в злоупотреблениях по службе могло мириться с притесняемым и хранилище законов признавало такое явление вполне законным, не отрицая при этом самого факта взяток и иных преступлений» [15. С. 49–50; 30. С. 330, 686–687].

В 1733 г. курмышского воеводу В.М. Ресина в Нижнем Новгороде (под страхом «отнятия движимого и недвижимого имущества») проверяли на причастность «в посылке в уезды бес передачи драгун и во взятках ими и приказными людьми с чуваш» [35. Кн. 134. Л. 1029]. Дело симбирского воеводы С.Д. Гурьева заключалось в злоупотреблениях, связанных с винными и соляными подрядами. Следствие, продолжавшееся с апреля 1733 по 1737 г., было доверено подполковнику И.И. Немкову [30. С. 290–291, 492–493].

Масштабными были лихоимства провинциальных воевод Симбирска А.А. Ходырева и Алатыря Ф.Г. Шишкина. Они не остались без внимания исследователей и служили в их работах яркими примерами крупных злоупотреблений в Российской империи в первой половине XVIII столетия [6. С. 249–250, 252; 8. С. 113, 115, 119–121, 128–141, 147–150; 16. С. 340].

В 1747 г. началось грандиозное следственное дело о симбирском воеводе и подполковнике А.А. Ходыреве. Процесом руководил капитан-поручик лейб-гвардии Семеновского полка А. Треской. В инструкции от 1 мая 1747 г. и за подписью императрицы Елизаветы Петровны ему ставилась задача расследовать донос секретаря А. Манахтина на областного правителя («во взятках от приему рекрут, в обидах и разорениях, изо взятков же провинциальных обывателей, а паче иноверцов») [33. Д. 928. Л. 1–1об.]. Следствие выдвинуло против воеводы 18 обвинительных пунктов о широком размахе взяточничества деньгами от нескольких рублей до 60 руб., пушниной, «съестными припасами» и т.д. В преступной группе участвовали десятки сообщников, разорявших население Симбирской провинции [16. С. 340; 33. Д. 928. Л. 14–20об.; 34. Оп. 5. Кн. 319. Л. 1–4об.]. В ходе следственных мероприятий А.А. Ходырев признался только в

нескольких эпизодах лихоимства, а по остальным «доношениям во всем запирался, что не брал» [33. Д. 928. Л. 14].

Следствие велось несколько лет. В 1753 г. Сенат, несмотря на скоропостижную смерть А.А. Ходырева, признал экс-воеводу виновным по всем пунктам и вынес приговор, предусматривающий казнь и конфискацию имущества. Сособщники воеводы также понесли суровые наказания [8. С. 147–148]. В свою очередь, «за правильный донос» А. Манахтин указом Сената был награжден чином титулярного советника и удостоен жалованья «по высшему окладу» [8. С. 148].

В 1746–1747 гг. алатырский воевода Ф.Г. Шишкин, как и А.А. Ходырев, совершал различные противоправные деяния и злоупотреблял своим служебным положением. В апреле 1746 г. по поводу него бил челом служитель Алатырского приписного монастыря Троице-Сергиевой лавры П. Семенов. Он на суде выступал поверенным и защищал интересы челобитчика. В обращении П. Семенова указано, что «Ф.Г. Шишкин от него... оправдания не принял и суд не окончил», а также воевода его заточил в тюрьму и принудил отсрочить суд с 22 марта до 7 апреля 1746 г. [9. Д. 101. Л. 1–2]. Вскоре лихоимства алатырского воеводы стали известны столичным властям, и в 1747 г. была создана следственная комиссия.

Следователи Ф.Г. Шишкина инкриминировали в различных эпизодах нарушения закона («в 746-м году лошадином наборе касался с некоторых обывателей взяткам и подаркам», освобождал колодников из тюрьмы, превышал служебные полномочия и т.д.) [34. Оп. 5. Кн. 269. Л. 1, 8, 14; 36. Д. 5. Л. 1–82]. К сожалению, следственное дело затянулось на несколько лет и не имело логического конца, как в случае с воеводой А.А. Ходыревым. В этом вопросе не последнюю роль играла личность самого Ф.Г. Шишкина – хитрого и изощренного администратора, имевшего, видимо, покровителей в высших эшелонах власти.

Приведенные материалы свидетельствуют, что правительством на территории Чувашии велась активная борьба со злоупотреблениями местной администрации. Следственные комиссии друг за другом разбирали дела о лихоимствах провинциальных и уездных воевод, об их незаконных действиях по отношению к нерусскому населению различных уездов и провинций Казанского и Нижегородского губерний. Однако следственным органам ввиду различных причин не всегда удавалось доказать вину чиновников и предать их к суду, чтобы те понесли заслуженные наказания.

В 1730-х гг. наряду с деятельностью временных следственных комиссий шел процесс учреждения прокурорской службы на местах. По манифесту 1730 г. были восстановлены должности генерал-прокурора и обер-прокурора; в 1731 г. в губерниях появились прокуроры. В Казанской губернии прокурорами служили кавалергард Я.А. Маслов (1731–1732 гг.), майор С. Плохой (1734) [7. С. 7–8; 15. С. 44; 30. С. 449]. В 1742 г. прокурорами Казанской и Нижегородской губерний определены были артиллерии капитан А.А. Бахметев (1742–1743 гг.) и капитан П. Головин, соответственно [7. С. 10; 11. Д. 34. Л. 226–227; 30. С. 198]. Долгое время с 1744 г. должность казанского прокурора исполнял Родионов [7. 15–16, 23–24].

Губернские прокуроры были наделены надзорными функциями, позволяющими следить за административно-судебной деятельностью губернаторов и воевод [7. С. 12–28]. В их подчинении было 2–3 канцелярских служителя. Они с прокурорами готовили различные доношения в центральные учреждения и губернские канцелярии, например, о контроле мер и весов, взятках, незаконной рубке заповедных лесов, захвате земель и т.д. [7. С. 22–26]. Прокуроры требовали от воеводских властей развернутых ведомостей о количестве поступивших к следствию челобитных, сколько по ним вынесено приговоров, численности

содержащихся под стражей колодников и т.д. Их же интересовал режим работы воевод в канцеляриях [37. Д. 197. Л. 1, 8об.–9, 10, 16об.–17об., 21–24, 47об.]. В целом, как показал Ю.В. Готье, деятельность прокуроров мало приносила пользы в борьбе с казнокрадством и исполнением законов, в особенности на губернском уровне: «Лишь очень редко вступали прокуроры с донесениями и обличениями крупных проступков и злоупотреблений самих губернаторов и их товарищей» [7. С. 23].

В работе по искоренению должностных правонарушений весомую роль должны были играть секретари воеводских канцелярий. В деле симбирского воеводы А.А. Ходырева говорилось, что секретарь А. Манахтин, исполняя указ о прокурорской должности, донес в 1747 г. центральным органам управления на своего руководителя. Он руководствовался следующим положением указа: «где прокуроров нет, то им секретарям, буде кто подлинно какое произведение в противность указом признают, в протокол представлять в Сенат к прокурорским делам» [31; 34. Оп. 5. Кн. 319. Л. 1–10б.].

Как и в случае с фискалами, губернские прокуроры ни по чину, ни по функциям не были равной инстанцией губернаторам и воеводам, что отрицательно влияло на эффективность надзора над ними. Видимо, и в центральных органах власти делам о губернских и воеводских чинах особо не давали хода. Так, казанский прокурор Родионов безрезультатно пытался найти управу на губернатора А.Г. Загряжского [7. С. 23–24].

При Екатерине II с учетом некоторых недостатков организации прокурорской службы были приняты следующие меры. В 1763 г., во-первых, в провинциях, как и в губернских городах, были учреждены должности прокуроров. Во-вторых, губернский прокурор получал чин полковника, а провинциальный – майора, что уравнило их с чинами губернаторов и воевод [7. С. 11].

Двухуровневая прокурорская система надзора просуществовала без изменений вплоть до известных реформ 1775 г. С 1765 по 1781 г. казанскими прокурорами были П.В. Екимов (1767), Н.П. Львов (1772–1775), Н.А. Овцын (1777–1781) [1. С. 155; 20. С. 187; 21. С. 173; 22. С. 202; 23. С. 286; 24. С. 313; 25. С. 382; 26. Л. 414; 27. С. 383; 33. Д. 720. Л. 17]. В Нижнем Новгороде служили подполковник И.И. Уваров (1765–1766), А.И. Бахметев (1767–1773), П.С. Нестеров (1775–1778), в Свияжске – А.И. Леонтьев (14.IV.1764–1772), А.М. Нестеров (1773–VII.1774), Н.А. Бекетов (V.1775–1779), И.Г. Лукошков (1780–[до X.1780]), в Симбирске – И.М. Толстой (1765–1767), А.А. Похвиснев (1772–1778), А.Ф. Ермолов (1779), в Алатыре – П.А. Лазарев (1765–25.II.1773) и С.З. Лавров (1777–1778) [1. С. 154–155, 157; 13. Д. 20. Л. 4; 20. С. 185–188; 21. С. 171–174, 176; 22. С. 200–203, 205; 23. С. 282, 285–287, 291; 24. С. 309, 311, 313–314, 317; 25. С. 382–383, 388; 26. Л. 414–415; 27. С. 383–384; 33. Д. 774. Л. 3об.; 37. Д. 87. Л. 1, 327; Д. 88. Л. 228; Д. 92 а. Л. 1, 407; Д. 646. Л. 5об.; Д. 836. Л. 1].

Прокуроры до назначения на должность (аналогично воеводам) несли военную службу или занимали, хотя редко, гражданский пост. Типична была биография свияжского прокурора Александра Ивановича Леонтьева (1733 г. р.). Он был дворянином, владел 97 душами крестьян. С десяти лет находился в рядах Преображенского полка и в 1757 г. получил капитанский чин. До 1764 г. был межевщиком в Серпухове [37. Д. 646. Л. 5об.].

Для ведения делопроизводства к прокурорам были закреплены 1–2 приказных служителя из штата губернских и провинциальных канцелярий. Они вели дела в прокурорском поветье. Например, в 1774 г. помощником свияжского прокурора А.М. Нестерова являлся секретарь А. Протопопов, который сменил регистратора Ефтропова [37. Д. 836. Л. 1–2].

В новых условиях прокуроры активнее подключились контролировать местную администрацию. Основная их деятельность была связана с проверкой

колодничьих дел, соблюдением режима работы воеводских учреждений. В 1764 г. алатырский прокурор П.А. Лазарев в своем ордере просил Ядринскую канцелярию ежемесячно присылать ведомости о решенных и нерешенных судебных делах, «в которых часех ядринской канцелярии... воевода приход и выход имеет» [12. Д. 135. Л. 28об.]. В 1767–1768 гг. он же давал предписания алатырскому воеводе о порядке рассылок солдат, лично проверял информацию о новом месторождении руды [7. С. 30–31]. В 1772 г. исполняющему обязанности прокурора Ф. Горемыкину стало известно о том, что гражданский воевода П.Д. Копиев «без всяких справок и резолюции» отпустил одного подследственного на свободу. От воеводы прокурор требовал объяснений [37. Д. 85 а. Л. 141]. В июле 1774 г. во время восстания под предводительством Е. Пугачева свияжский прокурор А.М. Нестеров отвечал за сохранность денежной казны [37. Д. 87. Л. 327].

При беглом рассмотрении деятельности прокуроров бросается в глаза то, что их надзорные функции исполнялись в рамках функциональных обязанностей губернаторов и воевод. Последние, полномочные управители губерний, провинций и уездов, несмотря на приставление к ним прокуроров, продолжали безнаказанно заниматься взяточничеством, казнокрадством, недолжным образом исполняли законодательные акты. Данные о недееспособности надзорных органов управления позволяет раскрыть сенатская комиссия подполковника А.И. Свечина, которая выявила вопиющие факты злоупотреблений губернских и воеводских чиновников Казанской губернии на протяжении 1763–1765 гг.

Специальная комиссия, созданная при Сенате по предложению императрицы Екатерины II, должна была провести ревизию корабельных лесов Казанской губернии и выяснить, почему «государственные крестьяня в Казанской самой лутчей губернии живущия в великую бедность приведены» [16. С. 386; 18. С. 434].

В апреле 1763 г. сенатская комиссия во главе с подполковником А.И. Свечиным, 2 офицеров, 2 картографов, 4 приказных служителей из Казанской адмиралтейской канторы и 1 геодезиста начала масштабную проверку казенного лесного хозяйства. В ходе инспекции А.И. Свечину, как пишет исследователь В.Д. Дмитриев, было подано 264 сказки от чувашских, татарских, русских, марийских, удмуртских и мордовских крестьян [16. С. 388]. Так, из показаний жительницы Цивильска К.М. Выдрицкой явствует, что в 1740-х гг. при гражданском воеводе Д. Бибикове по оговору посадили ее мужа в тюрьму и приговорили к ссылке. При этом с осужденного указаный воевода «взял во взятку 40 руб.» [28. Л. 718]. И после Д. Бибикова, как видно из челобитных, адресованных А.И. Свечину, воеводы И. Хотяинцов и А. Всеволожский продолжали заниматься лихоимством [28. Л. 718–719]. В десятках обращений население жаловалось на ядринских воевод П. Макарова (1748–1749) и И. Братцова (1750–1754), курмышского и свияжского правителей А.А. Трегубова (1750–1756) и М.А. Зыбина (1756–1761), чебоксарских администраторов Б.Г. Любятинского (1754–1761) и В.П. Обреского (1761–1763) [19. С. 191–194; 28. Л. 319, 616, 623об., 748об., 821, 822об.; 29. Л. 1603, 1605–1650, 1749; 32. С. 31–34, 49–52, 67; 38. Д. 277. Л. 2–2об., 51–51об., 53]. В злоупотреблениях участвовали также другие должностные лица воеводской системы управления (товарищи воевод, толмачи, представители общинного самоуправления и др.). Так, еще до работы сенатской комиссии А.И. Свечина в 1753 г. прокурор Камер-коллегии Д.И. Философов был обеспокоен донесением своего служителя Ф. Панова. Оказывается, в октябре 1752 г. титулярный советник и товарищ воеводы Алатырской канцелярии И. Репин явился в с. Астрадамовка «для взятья якобы скаски, каков урожеи хлеба... и просил во взятку денег 10 руб.». Крестьяне отдали взятчику только 1 руб. да пуд меда [10. Л. 4. Л. 1].

На основе многочисленных обращений жителей Казанской губернии в 1765 г. был составлен обстоятельный экстракт из 168 пунктов, из них в пунктах 34–131 содержится сведения «О присудственных местах и тех мест подкомандующих», рассказывающие о вопиющих фактах разорения нерусского населения Казанской губернии [18. С. 68–99]. Например, в 74-м пункте экстракта написано следующее: «Во время платежа подушных денег в канцеляриях подавались и ныне подаются в год по два раза скаски: о смотре кормчества, о ворах и разбойниках, которые становились каждая скаска по копейке и по две с написанных по ревизии числа душ, а бес того и подушных денег не принимали» [18. С. 81]. В экстракте прослеживаются многочисленные жалобы не только о незаконных сборах, но и о судебных делах и нарушениях законодательства. Размах злоупотреблений был огромен, начиная с правонарушений, совершаемых губернаторами и заканчивая лихоимствами со стороны низших должностных лиц общинного самоуправления. Исследователь В.Д. Димитриев по материалам подполковника А.И. Свечина сделал следующий вывод: «Чудовищный произвол чиновничье-дворянской бюрократии среди чувашских крестьян проявился во взыскании незаконных поборов, повальном взяточничестве, насильственном отнятии крестьянского имущества, принуждении работать на чиновников, избиении крестьян, насильственным захватах чиновниками крестьянских земель. Чиновники эксплуатировали чувашских крестьян как крепостных и присваивали значительную долю прибавочного продукта, созданного крестьянами. Грабеж чиновников зачастую поглощал крестьянских средств не меньше, чем шло на уплату государственных податей» [16. С. 345]. Однако, несмотря на обстоятельный отчет сенатской комиссии А.И. Свечина о положении обывателей Казанской губернии и выявленном размахе злоупотреблений со стороны представителей власти, многие челобитные так и остались нерассмотренными Сенатом и другими государственными структурами [16. С. 389].

Таким образом, на протяжении XVIII столетия на территории Чувашии функционировали различные надзорные и следственные комиссии, следившие за законностью действий уездных и провинциальных чиновников, а также распутывавшие дела об их злоупотреблениях. При всех недостатках деятельности органов надзора и следствия они внесли весомый вклад в борьбу с лихоимствами воевод и других должностных лиц органов местного управления, в особенности в среде нерусского населения региона Среднего Поволжья в целом.

Литература

1. Адрес-календарь Российский на лето от Рождества Христова 1767. СПб., [Б. г.]. 20+187 с.
2. *Анпилогов Г.Н.* Фискалитет при Петре I // Вестник МГУ. Сер. Историко-филологическая. 1956. № 2. С. 63–80.
3. *Бабич М.В.* К истории государственных учреждений XVIII в. // Отечественные архивы. 2000. № 1. С. 24–25.
4. *Басманцев Д.В.* «Царедворцы» в системе управления Казанской губернии в начале XVIII века // Марийский археографический вестник. 2015. № 25. С. 31–35.
5. *Волков М.Я.* Очерки истории промыслов России (вторая половина XVII – первая половина XVIII в.). Винокуренное производство. М.: Наука, 1979. 336 с.
6. *Готье Ю.В.* История областного управления в России от Петра I до Екатерины II. Т. 1. Реформа 1727 года. Областное деление и областные учреждения 1727–1775 гг. М.: Тип. Г. Лиснера и Д. Собко, 1913. 472 с.
7. *Готье Ю.В.* История областного управления в России от Петра I до Екатерины II. Т. 2. Органы надзора. Чрезвычайные и временные областные учреждения. Развитие мысли о преобразовании областного управления. Упразднение учреждений. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941. 304 с.
8. *Готье Ю.В.* Следственные комиссии по злоупотреблениям областных властей в XVIII веке // Сборник статей, посвященных В.О. Ключевскому. М.: Тов-во «Печатня С.И. Яковлева», 1909. С. 103–152.
9. Государственный архив Ульяновской области. Ф. 732. Оп. 2.
10. Государственный архив Ульяновской области. Ф. 819. Оп. 1.
11. Государственный исторический архив Чувашской Республики. Ф. 2. Оп. 1.
12. Государственный исторический архив Чувашской Республики. Ф. 3. Оп. 1.

13. Государственный исторический архив Чувашской Республики. Ф. 88. Оп. 1.
14. Государственный исторический архив Чувашской Республики. Ф. 474. Оп. 1.
15. Грибовский В.М. Высший суд и надзор в России в первую половину царствования императрицы Екатерины Второй. СПб.: Тип. СПб. т-ва печ. и изд. дела «Труд», 1901. 4+IV+345+6 с.
16. Димитриев В.Д. История Чувашии XVIII века (до крестьянской войны 1773–1775 годов). Чебоксары: Чуваш. гос. изд-во, 1959. 532 с.
17. Кирилов И.К. Цветущее состояние Всероссийского государства. М.: Наука, 1977. 443 с.
18. Крестьянская война под предводительством Емельяна Пугачева в Чувашии. Чебоксары, 1972. 528 с.
19. Кузнецов И.Д. Очерки по истории чувашского крестьянства. Чебоксары: Чуваш. гос. изд-во, 1957. 344 с.
20. Месяцеслов с росписью чиновных особ в государстве на лето от Рождество Христова 1772. СПб., [Б. г.]. XX+221+X с.
21. Месяцеслов с росписью чиновных особ в государстве на лето от Рождество Христова 1773. СПб., [Б. г.]. XX+219+XII с.
22. Месяцеслов с росписью чиновных особ в государстве на лето от Рождество Христова 1775. СПб., [Б. г.]. XXI+264+XX с.
23. Месяцеслов с росписью чиновных особ в государстве на лето от Рождество Христова 1777. СПб., [Б. г.]. XX+366+IX с.
24. Месяцеслов с росписью чиновных особ в государстве на лето от Рождество Христова 1778. СПб., [Б. г.]. XX+366+IX с.
25. Месяцеслов с росписью чиновных особ в государстве на лето от Рождество Христова 1779. СПб., [Б. г.]. XXI+444+XVIII с.
26. Месяцеслов с росписью чиновных особ в государстве на лето от Рождество Христова 1780. СПб., [Б. г.]. XXI+479+XVII с.
27. Месяцеслов с росписью чиновных особ в государстве на лето от Рождество Христова 1781. СПб., [Б. г.]. XXI+435+IX с.
28. Научный архив Чувашского государственного института гуманитарных наук (НА ЧГИГН). Отд. II. Ед. хр. 683. Инв. № 1996.
29. НА ЧГИГН. Фонд Н.В. Никольского. Т. 191.
30. Областные правители России, 1719–1739 гг. М.: РОССПЭН, 2008. 831 с.
31. Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. (1649–1825 гг.). (ПСЗ–1). СПб., 1830. Т. 9. № 6475. 3 сентября 1733 г. С. 199–201.
32. Практикум по истории Чувашской АССР «Чувашия в середине XVIII века». (1740–1760-е годы). Чебоксары: [б. и.], 1978. 96 с.
33. Российский государственный архив древних актов. Ф. 16. Оп. 1.
34. Российский государственный архив древних актов. Ф. 248.
35. Российский государственный архив древних актов. Ф. 286. Оп. 1.
36. Российский государственный архив древних актов. Ф. 304. Оп. 1.
37. Российский государственный архив древних актов. Ф. 441. Оп. 1.
38. Российский государственный исторический архив. Ф. 796. Оп. 35.
39. Серов Д.О. Гвардейцы и фискалы Петра I в борьбе с лихоимцами и казнокрадами // Исторический вестник. 2003. Т. 6 [153]. С. 54–81.
40. Шепелёв Л.Е. Чиновный мир России: XVIII – начало XX вв. СПб.: Искусство, 1999. 479 с.

БАСМАНЦЕВ ДМИТРИЙ ВИКТОРОВИЧ – младший научный сотрудник, Чувашский государственный институт гуманитарных наук, Россия, Чебоксары (basmantsevd@rambler.ru).

**D. BASMANTSEV
GOVERNMENTAL BODIES SUPERVISING AND INVESTIGATING
ABUSES OF LOCAL ADMINISTRATION
ON THE TERRITORY OF CHUVASHIA IN 18th CENTURY**

Key words: state finance supervisors, prosecutors, investigation commissions, A.I. Svechin's Senate commission, governors, generals, local officials, abuses, punishments, Chuvashia, 18th century.

In the epoch of Peter I there appeared special governmental bodies that supervised the activities of local institutions, which got their further development. From 1713 to 1729, the provincial administration was supervised by the state finance supervision institution. In 1730–1781, supervisory functions fell to prosecutors. Abuses of provincial officials in Kazan and Nizhny Novgorod provinces came under the jurisdiction of «major» and investigating commissions, as well as A.I. Svechin's Senate commission. In general, the supervisory and investigation bodies played a key role in eradication of bribery by generals and officials among the non-Russian population on the territory of Chuvashia in the 18th century.

References

1. Adres-kalendar' Rossiiskii na leto ot Rozhdestva Khristova 1767 [Russian address-calendar for the year 1767 a.d.]. St. Petersburg, [no date], 20+187 p.
2. Anpilogov G.N. *Fiskalitet pri Petre I* [State financial control under Peter I]. *Vestnik MGU. Seriya istoriko-filologicheskaya* [Bulletin of Moscow State University. History and philology series], 1956, no. 2, pp. 63–80.
3. Babich M.V. *K istorii gosudarstvennykh uchrezhdenii XVIII v.* [History of state institutions of the 18th century]. *Otechestvennye arkhivy* [Domestic archives], 2000, no. 1, pp. 24–25.
4. Basmantsev D.V. «Tsaredvortsy» v sisteme upravleniya Kazanskoj gubernii v nachale XVIII veka [«The courtiers» in the administrative system of Kazan province at the beginning of the 18th century]. *Mariiskii arheograficheskii vestnik* [Mari Archeographic Bulletin], 2015, no. 25, pp. 31–35.
5. Volkov M.Ya. *Ocherki istorii promyslov Rossii (vtoraya polovina XVII – pervaya polovina XVIII v.). Vinokurennoe proizvodstvo* [Historical sketches of Russian trades (the second half of the 17th – the first half of the 18th centuries). Distilleries]. Moscow, Nauka Publ., 1979, 336 p.
6. Got'e Yu.V. *Istoriya oblastnogo upravleniya v Rossii ot Petra I do Ekateriny II. T. 1. Reforma 1727 goda. Oblastnoe delenie i oblastnye uchrezhdeniya 1727–1775 gg.* [History of provincial administration in Russia from Peter I to Catherine the Great. Vol. 1. Reform of 1727. Provincial division and provincial institutions of 1727–1775]. Moscow, 1913, 472 p.
7. Got'e Yu.V. *Istoriya oblastnogo upravleniya v Rossii ot Petra I do Ekateriny II. T. 2. Organy nadzora. Chrezvychainye i vremennye oblastnye uchrezhdeniya. Razvitiye mysli o preobrazovanii oblastnogo upravleniya. Uprazhdenie uchrezhdenii* [History of provincial administration in Russia from Peter I to Catherine the Great. Vol. 2. Supervisory bodies. Emergency and provisional provincial institutions. Development of the idea about reorganization of provincial administration. Dissolution of institutions], Moscow, Leningrad, 1941, 304 p.
8. Got'e Yu.V. *Sledstvennye komissii po zloupotrebleniyam oblastnykh vlastei v XVIII veke* [Investigation commissions in abuses of provincial authorities in 18th century]. *Sbornik statei, posvyashchennykh V.O. Klyuchevskomu* [Collection of articles devoted to V.O. Klyuchevsky]. Moscow, 1909, pp. 103–152.
9. *Gosudarstvennyi arkhiv Ulyanovskoi oblasti. Fond 732. Opis' 2* [State Archive of the Ulyanovsk region. Archives 732. Anagraph 2].
10. *Gosudarstvennyi arkhiv Ulyanovskoi oblasti. Fond 819. Opis' 1* [State Archives of the Ulyanovsk region. Archive 819. Anagraph 1].
11. *Gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Chuvashskoi Respubliki. Fond 2. Opis' 1* [State Historical Archives of the Chuvash Republic. Archive 2. Anagraph 1].
12. *Gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Chuvashskoi Respubliki. Fond 3. Opis' 1* [State Historical Archives of the Chuvash Republic. Archive 3. Anagraph 1].
13. *Gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Chuvashskoi Respubliki. Fond 88. Opis' 1* [State Historical Archives of the Chuvash Republic. Archive 88. Anagraph 1].
14. *Gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Chuvashskoi Respubliki. Fond 474. Opis' 1* [State Historical Archives of the Chuvash Republic. Archive 474. Anagraph 1].
15. Gribovskii V.M. *Vyssхий sud i nadzor v Rossii v pervuyu polovinu tsarstvovaniya imperatritsy Ekateriny Vtoroi* [Supreme Court and supervision in Russia in the first half of reign of Empress Catherine the Great]. St. Petersburg, 1901, 4+IV+345+6 p.
16. Dimitriev V.D. *Istoriya Chuvashii XVIII veka (do krest'yanskoi voiny 1773–1775 godov)* [History of Chuvashia of the 18th century (till the peasants' war of 1773–1775)]. Cheboksary, Chuvash State Publ., 1959, 532 p.
17. Kirilov I.K. *Tsvetushchee sostoyanie Vserossiiskogo gosudarstva* [The Prosperity of the All-Russian State]. Moscow, Nauka Publ., 1977, 443 p.
18. *Krest'yanskaya voina pod predvoditel'stvom Emel'yana Pugacheva v Chuvashii* [Peasant war led by Pugachev in Chuvashia]. Cheboksary, 1972, 528 p.
19. Kuznetsov I.D. *Ocherki po istorii chuvashskogo krest'yanstva* [Sketches in history of the Chuvash peasantry]. Cheboksary, Chuvash State Publ., 1957, 344 p.
20. *Mesyatseslov s rospis'yu chinovnykh osob v gosudarstve na leto ot Rozhdestvo Khristova 1772* [Menologion with description of governmental officials for the year 1772 a.d.]. St. Petersburg, [no date], XX+221+X p.
21. *Mesyatseslov s rospis'yu chinovnykh osob v gosudarstve na leto ot Rozhdestvo Khristova 1773* [Menologion with description of governmental officials for the year 1773 a.d.]. St. Petersburg, [no date], XX+219+XII p.
22. *Mesyatseslov s rospis'yu chinovnykh osob v gosudarstve na leto ot Rozhdestvo Khristova 1775* [Menologion with description of governmental officials for the year 1775 a.d.]. St. Petersburg, [no date], XXI+264+XX p.
23. *Mesyatseslov s rospis'yu chinovnykh osob v gosudarstve na leto ot Rozhdestvo Khristova 1777* [Menologion with description of governmental officials for the year 1777 a.d.]. St. Petersburg, [no date], XX+366+IX p.

24. *Mesyatseslov s rospis'yu chinovnykh osob v gosudarstve na leto ot Rozhdestvo Khristova 1778* [Menologion with description of governmental officials for the year 1778 a.d.]. St. Petersburg, [no date], XX+366+IX p.
25. *Mesyatseslov s rospis'yu chinovnykh osob v gosudarstve na leto ot Rozhdestvo Khristova 1779* [Menologion with description of governmental officials for the year 1779 a.d.]. St. Petersburg, [no date], XXI+444+XVIII p.
26. *Mesyatseslov s rospis'yu chinovnykh osob v gosudarstve na leto ot Rozhdestvo Khristova 1780* [Menologion with description of governmental officials for the year 1780 a.d.]. St. Petersburg, [no date], XXI+479+XVII p.
27. *Mesyatseslov s rospis'yu chinovnykh osob v gosudarstve na leto ot Rozhdestvo Khristova 1781* [Menologion with description of governmental officials for the year 1781 a.d.]. St. Petersburg, [no date], XXI+435+IX p.
28. *Nauchnyi arkhiv Chuvashskogo gosudarstvennogo instituta gumanitarnykh nauk. Otdel II. Edinitsa khraneniya 683. Inventarnyi № 1996* [Scientific archive of the Chuvash State Institute of Humanities. Archives II. Storing Unit 683. Inventory number 1996].
29. *Nauchnyi arkhiv Chuvashskogo gosudarstvennogo instituta gumanitarnykh nauk. Fond N.V. Nikol'skogo. T. 191* [Scientific archive of the Chuvash State Institute of Humanities. N.V. Nikol'skiy's Archives, vol. 191].
30. *Oblastnye praviteli Rossii, 1719–1739 gg.* [Regional governors of Russia, 1719–1739]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2008, 831 p.
31. *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobranie pervoe. (1649–1825 gg.)* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Collection 1 (1649–1825)]. St. Petersburg, 1830, vol. 9, no. 6475, pp. 199–201.
32. *Praktikum po istorii Chuvashskoi ASSR «Chuvashiya v seredine XVIII veka». (1740–1760-e gody)* [Workshop on the history of the Chuvash Autonomous Soviet Socialist Republic "Chuvashia in the middle of the XVIII century." (1740–1760)]. Cheboksary, 1978, 96 p.
33. *Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv drevnikh aktov. Fond 16. Opis' 1* [Russian State Archives of Ancient Documents. Archive 16. Anagraph 1].
34. *Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv drevnikh aktov. Fond 248* [Russian State Archives of Ancient Documents. Archive 248].
35. *Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv drevnikh aktov. Fond 286. Opis' 11* [Russian State Archives of Ancient Documents. Archive 286. Anagraph 1].
36. *Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv drevnikh aktov. Fond 304. Opis' 1* [Russian State Archives of Ancient Documents. Archive 304. Anagraph 1].
37. *Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv drevnikh aktov. Fond 441. Opis' 1* [Russian State Archives of Ancient Documents. Archive 441. Anagraph 1].
38. *Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv. Fond 796. Opis' 35.* [Russian State Historical Archives. Archive 796. Anagraph 35].
39. Serov D.O. *Gvardeitsy i fiskaly Petra I v bor'be s likhoimtsami i kaznokradami* [Peter the Great's guardsmen and supervisors in the struggle against bribe takers and embezzlers of state property]. *Istoricheskii vestnik* [Historical bulletin], 2003, vol. 6 [153], pp. 54–81.
40. Shepelev L.E. *Chinovnyi mir Rossii: XVIII– nachalo XX vv.* [Governmental Officials in Russia: the 18th – early 20th century]. St. Petersburg, «Iskusstvo-SPb» Publ., 1999, 479 p.

BASMANTSEV DMITRIY – Junior Researcher, Chuvash State Institute of Humanities, Cheboksary, Russia.

Ссылка на статью: Басманцев Д.В. Органы государственного надзора и следствия по борьбе со злоупотреблениями местной администрации на территории Чувашии в XVIII веке // Вестник Чувашского университета. – 2015. – № 4. – С. 11–21.

УДК 342.53:37(092)(470.40/43)"XIX/XX"
ББК Ч403(2)5В05

Н.С. БОЙКО

РОЛЬ ГУБЕРНАТОРОВ В РАЗВИТИИ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ В ПЕРИОД КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВЕКОВ (на примере городов Среднего Поволжья)

Ключевые слова: система образования, население, губернатор, училищные советы, земские школы, старообрядчество, Братство, общины, епархии.

В статье уделено особое внимание изучению истории развития и становления системы образования в городах Среднего Поволжья с учетом многонациональности и многоконфессиональности данного региона. Впервые предпринята попытка исследовать систему образования на основе региональных культурных особенностей, порожденных долгим процессом исторического развития народа, его традициями, так как в исследуемый период практически в каждом регионе дореволюционной России вырабатывались собственные региональные образовательные стандарты и региональная образовательная политика. Исследованы яркие конфликтные ситуации, которые возникали, например, между дирекцией школ и органами городского управления, земствами и сопровождали становление образовательной системы в регионах. Изучена роль губернаторов, которые разрешали конфликты между православными епархиями, выступающими как составная часть государственного аппарата, и городскими думами в сфере образования. Сделан основной вывод, о том, что губернаторы практически контролировали всю деятельность дирекций народного образования, докладывая в случае необходимости о недостатках в их работе вышестоящим попечителям учебных округов.

Изучение истории становления системы образования в городах Среднего Поволжья в течение XIX–XX вв. приобретает важнейшее значение, так как позволяет всесторонне и поэтапно рассмотреть проблемы, образования, учесть накопленный опыт, выявить историко-культурный потенциал формирующегося на данной территории общества в системе образования.

В царской России понимали, что система образования должна строиться на учете региональных культурных особенностей, порожденных долгим процессом исторического развития народа, его традициями. Практически в каждом регионе дореволюционной России вырабатывались собственные региональные образовательные стандарты и региональная образовательная политика.

Так, например, в Симбирской губернии губернаторы внимательно следили за состоянием образования и просвещения других, немусульманских народов, проживающих в крае. В 1870–1890-е гг. XX в. губернаторы и училищные советы поддерживали деятельность выдающегося просветителя И.Я. Яковлева. В 1896 г. И.Я. Яковлев на заседании губернского училищного совета выступил с информацией о том, что в ряде волостей Симбирской губернии под влиянием исламской пропаганды своих соседей татар начался повальный переход многих представителей чувашского населения из православия в ислам. Для того чтобы выправить ситуацию, И.Я. Яковлев предложил создать в этих уездах сеть чувашских миссионерских школ. Губернатор выделил ему на эти цели 1220 руб. Было открыто несколько миссионерских православных школ, которые усилили «антиисламскую» пропаганду. Процесс перехода чувашей в ислам в этих уездах был остановлен И.Я. Яковлевым, который занимался образованием и просвещением чувашей [23. С. 53].

Однако губернаторам приходилось также разрешать конфликты между православными епархиями, выступающими как составная часть государственного аппарата, и городскими думами в сфере образования. Вот один из конфликтов: в марте 1885 г. санскитная комиссия Симбирской думы попросила Симбирскую духовную консисторию составлять ежемесячную статистику смертей в городе, по

возможности выясняя причину смерти усопших у родственников. Думе это было необходимо для выявления наиболее опасных и частых заболеваний в городе [23. С. 171]. В ответ Симбирская консистория попросила управу отремонтировать ограду вокруг Всесвятского кладбища по причине ее ветхости [15].

Возник конфликт, так как дума потребовала у церкви статистику, а церковь отказалась ее давать, пока городские власти не отремонтируют территорию ряда церквей. Губернатор вмешался в решение этого вопроса, и стороны, проведя переговоры, пошли навстречу друг другу [19. С. 57].

Городские думы пытались отстаивать интересы горожан во взаимоотношениях с церковью, далеко не всегда эти взаимоотношения складывались безоблачно. Серьезный конфликт Самарской городской думы с духовным ведомством, который также пришлось улаживать самарскому губернатору, произошел летом 1890 г. В августе 1890 г. городской голова лично обратился в Самарскую духовную консисторию, за одобрением строительства на территории бывшего кладбища, принадлежавшего Самарской духовной консистории православного ведомства. Духовная консистория решительно воспротивилась проекту, разработанному городской думой, хотя там планировалось построить и школы [5].

Православная епархия не захотела отдавать бывшее кладбище и заблокировала все решения городской думы, даже губернатор ничего не смог поделать, разрешение на строительство так и не было получено [6].

Губернаторы нередко в споре с епархиями поддерживали городские управления, как это было, например, в Симбирской губернии в 1905 г. Даже всесильный Ober-прокурор Святейшего Синода по просьбе архиепископа Гурия не смог убедить губернатора выдать разрешение на постройку на кладбище храма, хотя город планировал построить по соседству с этой территорией школу. Победоносцев так и не смог заручиться поддержкой Симбирского губернатора для умиротворения конфликта. Через некоторое время Гурий сменил епархию, тем временем городская дума самостоятельно построила храм на данном кладбище.

Губернские училищные советы, дирекции народного просвещения, православные братства совместно с местными епархиями уделяли значительное внимание борьбе с язычеством среди представителей коренных народностей края. На противоязыческое религиозно-нравственное воспитание в Симбирской губернии губернским училищным советом, а также земствами, по просьбам губернаторов, выделялись значительные средства. Постепенно языческое население края, как русские, так и чуваша и мордва таких деревень, как Большая Акса, Богдашкино, Верхние Темирсяны, Новые Чукалы, все больше и больше стало приобщаться к православной вере [10].

Губернские училищные советы постоянно настраивали руководителей земств и городских дум на открытие новых школ, оказывали в этом деле им всяческую поддержку. Например, губернский училищный совет одобрил программы ряда уездных земств Симбирской губернии по открытию новых начальных народных училищ. Карсунское уездное земское собрание учредило 85 новых школ, израсходовав при этом 66 000 руб. [10] Симбирское уездное собрание открыло 70 школ, при расчёте 14 школ в год, при этом земские расходы составили 14 820 руб. в год. [10] Буинская уездная управа открыла в течение первых 5 лет 80 новых школ [10]. Курмышская уездная управа – 62 школы [10].

Однако не все земские учреждения понимали всю важность этого дела, поэтому губернские училищные советы были вынуждены вызывать их на свои заседания и проводить с ними *широкую разъяснительную работу*. В частности, пришлось разъяснять задачи совершенствования школьного образования руководителям Сызранского уездного земства [9].

В период корректировки реформы, проводимой правительством Александра III, губернское правление принимало активное участие в реализации некоторых ее положений применительно к губерниям. С 1882 г. правительство не только стало проводить политику усиленного насаждения церковно-приходских школ, но и значительно расширило религиозные аспекты преподавания в министерских и земских школах. В Симбирской губернии эта новация особенно явственно проявилась начиная с 1886 г., когда поступило распоряжение попечителя Казанского учебного округа, рекомендовавшее наряду с увеличением часов на преподавание Закона Божьего введение изучения в рамках этой дисциплины Псалтыря и Часослова, а также Октоиха. Губернские училищные советы и губернаторы активно включились в выполнение этой новой правительственной задачи. Одновременно в министерских и земских школах вводилось церковное пение. Губернский и училищный советы во исполнение этого распоряжения объявляли о том, что учительские вакансии в первую очередь будут предоставляться преподавателям церковного пения, и для обучения учителей по этому предмету наряду с военной гимнастикой были созданы специальные краткосрочные курсы. К 1904 г. в 407 школах губернии преподавалось церковное пение. Одновременно с 1886 г. усиливается преподавание церковнославянского чтения.

Симбирский губернатор всячески пропагандировал работу Буинского уездного училищного совета, который, по его мнению, наиболее тщательно подошел к выполнению распоряжения правительства. Буинский уезд под руководством архиерея А. Баратынского пошел дальше всех в губернии по внедрению религиозно-нравственного аспекта в преподавании. Была проведена массовая «чистка» книг в библиотеках, откуда удалили издания, «не соответствующие новым требованиям», волостным и сельским старшинам было запрещено приобретать литературу для деревенских школы кроме тех книг, которые значились в перечне, утверждённом советом, были усилены дисциплинарные меры к учителям-нарушителям. Губернатор призвал все уездные училищные советы поддержать положительный опыт членов Буинского училищного совета [13].

Когда в стране в общеобразовательных школах были введены церковное пение и «военная гимнастика», остро встал вопрос о кадрах. В различных губерниях эти проблемы решали по-разному. В Симбирской губернии были срочно при содействии губернского училищного совета и лично губернатора созданы краткосрочные курсы для обучения этим предметам. Их организаторы постарались привлечь к ним как можно больше учителей, нежелание их посещать было чревато отстранением от работы. Так, учителей по «военной гимнастике» привлекали путём привлечения запасных нижних чинов, уволенных из рядов Вооружённых сил Российской империи. Им выплачивалось жалованье в размере 15–20 руб. в месяц, при этом попутно назначали на должности сторожей и вахтёров при школах. Однако из этой затеи ничего путного не вышло. Занятия приходилось отменять. Кроме того, в период «корректировки» значительно усилился контроль за досугом учеников в начальных школах. Им, как и в системе среднего образования, было категорически запрещено под страхом исключения участвовать в увеселительных мероприятиях, проводимых без ведома руководства школ [8].

Одновременно чиновники от образования и направленная губернаторами полиция значительно усилили контроль за учебной литературой, используемой в школах [14]. В ходе проведения «военной гимнастики» учащиеся отрабатывали упражнения на шестах, трапециях, маршировали под барабанный бой.

Как уже отмечалось, не менее значимым направлением в деятельности губернаторов было *регулирование возникающих* конфликтов и тренировок в об-

разовательной сфере между дирекциями народных училищ, земскими учреждениями, органами городского управления и конфессиональными структурами. Конфликтов, между главными субъектами организации образовательного процесса было достаточно много. Практически все они затрагивали различные интересы, были ожесточенны, и губернаторам приходилось их урегулировать. Так, в Пензенской губернии в г. Инсар городская дума, ссылаясь на «извечную нехватку средств», приняла решение закрыть местную ремесленную школу, как «не приносящую дохода, а вводящую город в убыток» [4]. Пензенская губернская дирекция народного образования, получив от местного уездного инспектора соответствующий рапорт, немедленно доложила об инциденте губернатору. Губернатор специально по этому поводу собрал присутствие по городским делам. Присутствие признало постановление Инсарской думы незаконным, так как для закрытия школы необходимо было согласие ее соучредителей – земства и нескольких частных лиц [1].

В Симбирской губернии губернскому правлению также приходилось разрешать конфликты между, например, дирекцией школ и органами городского управления и земствами. Так, когда симбирскому губернатору стало известно, что органы городского управления несвоевременно финансируют подотчетные им школы, он собрал губернское присутствие по городским и земским делам и потребовал разобраться в ситуации. На заседание были приглашены представители дирекции народного образования, земских учреждений и городов, члены губернского училищного совета. Была озвучена поступившая в губернский училищный совет и на стол губернатора информация о несвоевременной выдаче денег, ассигнованных на училища, и задержке выплат заработной платы учителям. На заседании была подвергнута критике ситуация, когда учителя иногда получали свое жалованье лишь по истечении нескольких месяцев. Вследствие этого губернатор по согласованию с Министерством внутренних дел направил городским властям предписание выдавать жалованье учителям регулярно каждый месяц в четко установленные сроки, а денежные средства представлять училищам заблаговременно [12].

Один из крупных конфликтов между Самарским губернатором и Самарской городской думой произошел в 1871 г., когда губернатор Г.С. Аксаков потребовал преобразовать городское женское училище в гимназию. Это означало, что училище выводилось из-под опеки городской думы и переходило в подчинение Министру народного просвещения, в то время как городская дума не хотела выводить из-под опеки данное образовательное учреждение. Городская дума, хотя открыто и не воспротивилась требованию губернатора, прекратила финансирование вновь образованной гимназии [2].

Губернатор немедленно вынес этот вопрос на заседание губернского по городским делам присутствия, которое предписало городу финансировать это образовательное учреждение в полном объеме [3], гордума попыталась жаловаться в Сенат, но он оставил данное решение в силе.

В 1894 г. губернатору пришлось снова вмешаться в спор между органом городского управления, Карсунской гордумой и уездным земством, когда между ними возникла тяжба из-за открытия ремесленного училища. Все дело в том, что Карсунская уездная земская управа обратилась к органам городского самоуправления Карсуна с просьбой предоставить земству здание для открытия ремесленного училища. В то же время гордума сама хотела открыть подобное училище и стала всячески тормозить это необходимое дело.

В результате вялотекущей тяжбы городская дума много раз оставляла данный вопрос «открытым», предложив земской управе совместно с городской управой составить смету о расходах на приспособление кирпичного корпуса под

учебное заведение. Когда смета была все-таки составлена, городские власти три месяца перепроверяли сметы, пытаясь установить максимально точно сумму расходов и снизить затраты города. Уездное земство обратилось за помощью к губернатору, так как иначе решить этот вопрос представлялось невозможным. В данном случае дело при поддержке губернатора было урегулировано, и даже не потребовалось вмешательства вышестоящих инстанций [7].

Встречались и более серьезные конфликты, в которых были задействованы дирекции народного образования и инославные конфессии, в частности старообрядцы. Эти конфликты также приходилось разрешать губернаторам. В сентябре 1909 г. в с. Аскилы Сызранского уезда, где проживала большая община староверов-беспоповцев, возник конфликт между уездным инспектором народных училищ и руководством общины, когда ее лидеры без согласования с уездным инспектором открыли свою старообрядческую школу, грубо нарушив закон. Уездный инспектор народных училищ немедленно доложил о происшедшем губернатору. Тот приказал провести ревизию учебного процесса в школе. Проведенная инспекция ее деятельности показала, что преподаватели-старообрядцы воспитывали и обучали своих питомцев в духе религиозной ненависти к православному «еретическому» христианству, фанатизма и изуверства, ненависти к земским школам. Губернатор и здесь проявил терпение, порекомендовав уездному инспектору проследить за тем, чтобы учебный процесс в этой школе был организован согласно требованиям Министерства народного просвещения.

Однако руководители общины предпочли эскалацию конфликта, они не только не внесли никаких изменений в учебный процесс, но и продолжали воспитывать в учениках ненависть и непримиримость по отношению к православию. Через два месяца, в ноябре 1909 г., проходя мимо земской начальной школы, ученики-старообрядцы разбили камнями стекла в земской школе и обозвали ее учителей и учеников «антихристами». Жители села обратились через уездное земство к губернатору с просьбой навести порядок и «унять разбушевавшихся староверов». Губернатор прислал немедленно наряд полиции во главе с уездным капитан-исправником, который закрыл школу и задержал для разбирательства руководителя общины [11].

Губернаторы и члены их правлений принимали также непосредственное участие в работе миссионерских православных братств (в Казани это было Братство святителя Гурия, а в Симбирской губернии – Братство «Трех Святителей»).

В Казанской губернии губернатор принимал активное участие в работе Братства святителя Гурия. Братство было создано в 1867 г. и открывало свои школы, основанные на системе известного педагога-миссионера Н.И. Ильминского. Помимо церковноприходских школ, крещено-татарских школ, миссионерских приютов школы Братства также были ориентированы на распространение православной веры и усиление религиозного образования у так называемых «инородцев».

Эти школы подчинялись непосредственно духовному ведомству. Большинство членов данного Братства являлись государственными чиновниками и священнослужителями. Их главной задачей было стремление максимально использовать в своих целях весь административный ресурс власти. Согласно уставу «Братства святителя Гурия» 1867 г., начальная цель организации выражалась в содействии утверждению в вере православной крещеных инородцев, воспитании детей их в духе православия через создание так называемых «инородческих школ» по «системе Ильминского»; издании книг на их родных языках; распространении «святой веры Христовой» среди иноверного населения Казанской епархии; убеждении и вразумлении отпадающих и заблуждающихся членов пра-

вославленной церкви; заботе и попечении о нуждающихся членах православной церкви из инородцев, оказание им нравственной и материальной поддержки [18. С. 161–162].

Братство существовало в основном благодаря субсидиям Святейшего Синода, средствам, выделяемым при посредничестве губернатора, трансфертам Министерства народного просвещения, а также на деньги, выделяемые органами городского управления, губернского и уездных земств. Так, в начале 1869 г. в ведении организации было только 8 крещено-татарских школ, а после получения денежных вспомоществований от государственных и земских учреждений к концу того же года количество школ возросло до 25. В 1872 г. Братство содержало уже до 40 крещено-татарских школ [20. С. 225].

Подобные школы создавались и в других губерниях, в частности в Симбирской. В их создании активное участие принимал губернатор, являющийся членом православного Братства «Трех Святителей». Так, во второй половине XIX в. в Симбирской и Сызранской епархиях состояла 471 школа, из них двухклассных 1, одноклассных 433, школ грамоты 37. Количество учащихся составляло 19 745 человек. При некоторых церквях были библиотеки, количество которых в Симбирской губернии составляло 674. Именно губернатор и на заседании губернского училищного совета, и на собрании Братства «Трех Святителей» постоянно требовал увеличения количества церковноприходских школ, так как особенностью Сибирской губернии было тесное совместное проживание татар и чувашей, как следствие, татары стремились в массовом порядке приобщить чувашское население, которое исповедовало в своем большинстве язычество, к исламу и делали это весьма небезуспешно [22. С. 56–57].

Православные религиозные братства, поддерживаемые губернаторами, проводили активную религиозно-просветительную работу среди населения. В 1896 г. в г. Симбирск по предложению губернатора были открыты религиозно-нравственные чтения. На открытии чтений в семинарской церкви губернатор присутствовал лично, обратился к собравшимся слушателям с речью «О призвании помощи, благодати и дара Пресвятого духа в начале каждого доброго дела» [21. С. 4].

Публичные религиозно-нравственные чтения в первый раз состоялись в зале Симбирского уездного земства в соединении с духовным концертом со сбором средств в пользу Братства «Трех Святителей», заседание открыл лично губернатор. Религиозно-нравственное чтение было проведено ректором духовной семинарии В.М. Успенским на тему: «О цели и смысле жизни». Чтения привлекли большое число слушателей, было много представителей коренных народов края. Подобные публичные чтения проводились и отделениями в г. Сызрань и г. Карсун [16. С. 5]. Народ относился к чтениям и беседам сочувственно и смотрел на них как на «училище благочестия», в котором ему преподавались «истины веры и нравственности христовой» [17. С. 15].

Следует отметить, что полицейский надзор над образовательной системой постоянно усиливался, о чем свидетельствует появление такой новой формы надзора, как запросы, направляемые уездными и губернскими советами Симбирской губернии в жандармское управление о благонадёжности не только учителей, но и аппаратных работников училищных советов. Немаловажные вопросы, которые решали училищные советы, – это проведение специальных испытаний лиц, стремящихся получить право преподавания. Губернаторы также контролировали всю деятельность дирекций народного образования, докладывая, в случае необходимости, о недостатках в их работе вышестоящим попечителям учебных округов. Контроль за литературой и учебниками школ и школьных библиотек был полностью возложен на полицию, подконтрольную губернаторам.

Нередко губернаторам приходилось разрешать конфликты между православными епархиями, выступающими как составная часть государственного аппарата, и городскими думами в сфере образования, которые возникали, как правило, на почве имущественных и финансовых разногласий. Губернские училищные советы постоянно настраивали руководителей земств и городских дум на открытие новых школ, оказывали в этом деле им всяческую поддержку, т.е. выступали в качестве генераторов в развитии системы образования.

Литература

1. Государственный архив Пензенской области. Ф. 361. Оп. 1. Д. 177. Л. 19–27.
2. Государственный архив Самарской области (далее – ГАСО). Ф. 153. Оп. 9. Д. 387. Л. 7–9.
3. ГАСО. Ф. 153. Оп. 9. Д. 387. Л. 11.
4. ГАСО. Ф. 153. Оп. 9. Д. 387. Л. 21.
5. ГАСО. Ф. 153. Оп. 9. Д. 626. Л. 3об.
6. ГАСО. Ф. 153. Оп. 9. Д. 626. Л. 15об.
7. Государственный архив Ульяновской области (далее – ГАУО). Ф. 84. Оп. 1. Д. 24. Л. 63.
8. ГАУО. Ф. 99. Оп. 1. Д. 44. Л. 6.
9. ГАУО. Ф. 99. Оп. 1. Д. 117. Л. 11.
10. ГАУО. Ф. 135. Оп. 1. Д. 65. Л. 8–8об.
11. ГАУО. Ф. 190. Оп. 4. Д. 56. Л. 16.
12. ГАУО. Ф. 137. Оп. 34. Д. 37. Л. 72.
13. ГАУО. Ф. 768. Оп. 1. Д. 14. Л. 43–44об.
14. ГАУО. Ф. 932. Оп. 1. Д. 17. Л. 10.
15. Свод законов Российской империи. СПб., 1876. Т. XII. Ст. 914.
16. Отчет о деятельности Симбирского духовно-просветительского братства Трех Святителей за 1896 г. Симбирск: Типолиитография Токарева, 1897.
17. Отчет о деятельности Симбирского духовно-просветительского братства Трех Святителей за 1899 г. Симбирск: Типолиитография Токарева, 1900.
18. Устав «Братства святителя Гурия» при Казанском кафедральном соборе // Известия по Казанской епархии. Казань, 1867. № 6. С. 161–162.
19. *Златоустовский Б.В.* Городское самоуправление // История Москвы: в 6 т. М., 1954. Т. 4.
20. *Машанов М.А.* Обзор деятельности «Братства святителя Гурия» за двадцать пять лет его существования: 1867–1892 гг. Казань, 1892.
21. Симбирск и его прошлое: хрестоматия краеведческих текстов. Ульяновск: Лаборатория культурологии, 1993.
22. Ульяновская правда. 2002. 12 марта, № 40.
23. *Юмакулов Н.Х.* Система образования нерусских народов Среднего Поволжья: структура, организация, практика: дис. ... канд. пед. наук. Чебоксары, 2002. 171 с.

БОЙКО НАТАЛИЯ СЕМЕНОВНА – кандидат юридических наук, доцент кафедры летной эксплуатации и безопасности полетов, Ульяновское высшее авиационное училище (институт), Россия, Ульяновск (Nboyko2005@mail.ru).

N. BOYKO

ROLE OF GOVERNORS IN DEVELOPMENT OF EDUCATION SYSTEM IN LATE XIX – EARLY XX CENTURIES (ON THE EXAMPLE OF THE CENTRAL VOLGA AREA TOWNS)

Key words: *education system, population, governor, school boards, territorial schools, Old Belief, Brotherhood, communities, eparchies.*

The article is focused on studying the history of development and formation of an education system in the towns of Central Volga area, considering multinationality and multiconfessionality of this region. It is the first attempt to study the education system based on the regional cultural peculiarities that had been shaped throughout the long process of historical development of the people and their traditions, as during the period under study practically each region in the pre-revolutionary Russia was developing their own regional educational standards and policy. The author has studied the most striking conflict situations, between, for example, a school directorate and municipal governmental bodies or zemstvos, which accompanied the process of formation of education system in the regions, as well as the role of governors who resolved the conflicts in the sphere of education between the orthodox eparchies, as a constituent part of governmental machine, and the municipal dumas. The author concludes that governors practically controlled all the activities of the public education directorates, reporting, when needed, on the shortcomings of their work to higher trustees of educational districts.

References

1. *Gosudarstvennyi arkhiv Penzenskoi oblasti. F. 361. Op. 1. D. 177. L. 19–27* [State Archives of the Penza region. Archive 361. Anagraph 1. Document 177. P. 19–27].
2. *Gosudarstvennyi arkhiv Samarskoi oblasti. F. 153. Op. 9. D. 387. L. 7–9* [State Archives of the Samara region. Archive 153. Anagraph 9. Document 387. P. 7–9].
3. *Gosudarstvennyi arkhiv Samarskoi oblasti. F. 153. Op. 9. D. 387. L. 11* [State Archives of the Samara region. Archive 153. Anagraph 9. Document 387. P. 11].
4. *Gosudarstvennyi arkhiv Samarskoi oblasti. F. 153. Op. 9. D. 387. L. 21* [State Archives of the Samara region. Archive 153. Anagraph 9. Document 387. P. 21].
5. *Gosudarstvennyi arkhiv Samarskoi oblasti. F. 153. Op. 9. D. 626. L. 3ob.* [State Archives of the Samara region. Archive 153. Anagraph 9. Document 626. P. 3ob.].
6. *Gosudarstvennyi arkhiv Samarskoi oblasti. F. 153. Op. 9. D. 626. P. 15ob* [State Archives of the Samara region. Archive 153. Anagraph 9. Document 626. P. 15ob.].
7. *Gosudarstvennyi arkhiv Ul'yanovskoi oblasti. F. 84. Op. 1. D. 24. L. 63* [State Archives of the Ulyanovsk region. Archive 84. Anagraph 1. Document 24. P. 63].
8. *Gosudarstvennyi arkhiv Ul'yanovskoi oblasti. F. 99. Op. 1. D. 44. L. 6* [State Archives of the Ulyanovsk region. Archive 99. Anagraph 1. Document 44. P. 6].
9. *Gosudarstvennyi arkhiv Ul'yanovskoi oblasti. F. 99. Op. 1. D. 117. L. 11* [State Archives of the Ulyanovsk region. Archive 99. Anagraph 1. Document 117. P. 11].
10. *Gosudarstvennyi arkhiv Ul'yanovskoi oblasti. F. 135. Op. 1. D. 65. L. 8–8ob.* [State Archives of the Ulyanovsk region. Archive 135. Anagraph 1. Document 65. P. 8–8ob.].
11. *Gosudarstvennyi arkhiv Ul'yanovskoi oblasti. F. 190. Op. 4. D. 56. L. 16* [State Archives of the Ulyanovsk region. Archive 190. Anagraph 4. Document 56. P. 16].
12. *Gosudarstvennyi arkhiv Ul'yanovskoi oblasti. F. 137. Op. 34 1, d. 37, l. 72* [State Archives of the Ulyanovsk region. Archive 137, Anagraph 34, Document 37, P. 72].
13. *Gosudarstvennyi arkhiv Ul'yanovskoi oblasti. F. 768. Op. 1. D. 14. L. 43–44ob.* [State Archives of the Ulyanovsk region. Archive 768. Anagraph 1. Document 14. P. 43–44ob.].
14. *Gosudarstvennyi arkhiv Ul'yanovskoi oblasti. F. 932. Op. 1. D. 17. L. 10* [State Archives of the Ulyanovsk region. Archive 932. Anagraph 1. Document 17. P. 10].
15. *Svod zakonov Rossiiskoi imperii* [Code of Laws of the Russian Empire]. St. Petersburg, 1876, vol. XII.
16. *Otchet o deyatelnosti Simbirskogo dukhovno-prosvetitel'skogo bratstva Trekh Svyatitelei za 1896 g.* [The 1896 report on activities of Simbirsk ecclesiastical and educational brotherhood of Three Holy Hierarchs]. Simbirsk, 1897.
17. *Otchet o deyatelnosti Simbirskogo dukhovno-prosvetitel'skogo bratstva Trekh Svyatitelei za 1899 g.* [The 1899 report on activities of Simbirsk ecclesiastical and educational brotherhood of Three Holy Hierarchs]. Simbirsk, 1900.
18. *Ustav «Bratstva svyatitelya Guriya» pri Kazanskom kafedral'nom sobore. Izvestiya po Kazanskoi eparkhii* [The charter of «Brotherhood of Saint Guriya» at Kazan cathedral church. News on Kazan eparchy]. Kazan, 1867, no. 6, p. 161–162.
19. Zlatoustovskii B.V. *Gorodskoe samoupravlenie* [City self-government]. *Istoriya Moskmy: v 6 t.* [History of Moscow. 6 vols.]. Moscow, 1954, vol. 4.
20. Mashanov M.A. *Obzor deyatelnosti «Bratstva svyatitelya Guriya» za dvadtsat' pyat' let ego sushchestvovaniya: 1867–1892 gg.* [The review of «Brotherhood of Saint Guriya's» activity within its twenty-five-year existence: 1867–1892]. Kazan, 1892.
21. *Simbirsk i ego proshloe: khrestomatiya kraevedcheskikh tekstov* [Simbirsk and its past: anthology of local history texts]. Ulyanovsk, 1993.
22. *Ul'yanovskaya Pravda* [Ulyanovsk truth], 2002, March 12, no. 40.
23. Yumakulov N.Kh. *Sistema obrazovaniya nerusskikh narodov Srednego Povolzh'ya: struktura, organizatsiya, praktika: dis. ... kand. ped. nauk* [Education system of the non-Russian peoples of Central Volga area: structure, organization, practice]. Cheboksary, 2002, 171 p.

BOYKO NATALIA – Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Department for Flight Maintenance and Security, Ulyanovsk Higher Civil Aviation School (Institute), Ulyanovsk, Russia.

Ссылка на статью: Бойко Н.С. Роль губернаторов в развитии системы образования в период конца XIX – начала XX веков (на примере городов Среднего Поволжья) // Вестник Чувашского университета. – 2015. – № 4. – С. 22–29.

УДК 28-47:342.553(470.40/43)"XIX/XX"
ББК Э38-39(235.54)-35-67-115.3

Н.С. БОЙКО

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ГУБЕРНАТОРОВ РОССИИ В СФЕРЕ НАЦИОНАЛЬНОГО, В ЧАСТНОСТИ МУСУЛЬМАНСКОГО, ОБРАЗОВАНИЯ В КОНЦЕ XIX ВЕКА

Ключевые слова: губернатор, губернское правление, местные органы, народное образование, духовные школы, медресе, чиновники, общины.

В статье предпринята попытка исследовать особенности становления и развития мусульманского образования в царской России в конце XIX в., а также влияния центральной власти на данный процесс. Так, например, Министерство народного просвещения и Министерства внутренних дел в исследуемый период действовали слаженно. Специальным циркуляром министр внутренних дел поручил губернаторам оказывать дирекциям народного образования всяческое содействие. В Симбирской губернии по предложению губернатора уездные муллы обязаны были ежегодно письменно отчитываться перед дирекцией народных училищ Симбирской губернии о количестве исламских учебных заведений, числе учеников, подготовке учителей, наличии запрещенной или не рекомендованной к использованию литературы. Роль губернатора также была значима. Губернатор был обязан обеспечить сбор сведений о людях, осуществляющих нововведения в системе мусульманского образования. Сделан общий вывод, что, несмотря на все усилия, предпринимаемые губернаторами, губернскими училищными советами и дирекциями народного образования, предпринятый в начале 70-х гг. XIX в. эксперимент по созданию русско-татарских школ завершился неудачей.

Во второй половине 1880-х гг. насущной задачей губернского правления было приобщение представителей нерусских народов через систему образования к русской культуре и русскому языку. В целях распространения между татарами-магометанами русского языка и образования были определены следующие мероприятия: учреждение за счет казны для татар-магометан начальных сельских и городских школ; предоставление права татарам приглашать в эти школы за свой счет вероучителей своей веры – мулл [8. С. 357].

По закону от 26 марта 1870 г. мусульманские духовные школы, мектебы и медресе были подчинены Министерству народного образования, а русский язык был включен в учебные программы национальных учебных заведений. В решении этого вопроса Министерство народного просвещения и Министерство внутренних дел действовали слаженно, специальным циркуляром министр внутренних дел поручил губернаторам оказывать дирекциям народного образования всяческое содействие, в первую очередь путем использования полиции, так как татарское население встретило данную новацию, изложенную в законе, крайне недружелюбно. Было решено открывать казенные начальные училища в местностях с полностью татаро-мусульманским населением (среди татарского населения Казанского учебного округа), в которых обучение велось бы в основном на русском языке, и «располагать мусульманские общества к открытию классов русского языка в конфессиональных школах, не разрешая открывать новые без таких классов. Нередко, подобные классы открывались исключительно при помощи полиции [3. С. 254].

В Казанской губернии негативное отношение населения к данной акции удалось преодолеть совместными усилиями чиновников и членов дирекции народного образования только к 1874 г., когда по инициативе чиновников Казанского учебного округа все татарские школы в регионе были подчинены ведению Министерства народного просвещения.

В Симбирской губернии по предложению губернатора уездные муллы обязаны были ежегодно письменно отчитываться перед дирекцией народных училищ Симбирской губернии о количестве исламских учебных заведений, числе учеников, подготовке учителей, наличии запрещенной или не рекомендованной к использованию литературы. К началу XX в. во всем Казанском учебном округе, в который входило шесть губерний региона, в том числе и Симбирская губерния, было уже 57 русско-татарских школ (рост почти в 5 раз) [6. С. 64].

С 1872 г. в мектебе и медресе согласно решению Министерства народного просвещения вводится обязательное изучение русского языка. Чтобы активизировать этот процесс, специальным решением губернатора, поддержанного губернским училищным советом, вводился порядок, когда лучшие ученики из этих школ определялись в удельные школы для углубленного изучения русского языка. Однако в Симбирской губернии из этого начинания практически ничего не вышло. Все факты свидетельствовали о том, что это начинание не увенчалось особым успехом. В 99% медресе и мектебе преподавания русского языка так и не удалось ввести, так как это новшество встретило ожесточенное сопротивление не только со стороны мулл-учителей, но и со стороны рядовых членов исламских общин [10. С. 31].

Опасаясь серьезного недовольства, правительство практически не ввело в действие закон 1874 г. о подконтрольности конфессиональных мусульманских школ Министерству народного просвещения. Из семи первоначально предполагаемых к открытию русско-татарских школ в Казанской губернии ни одна не была создана. В Симбирской губернии первая русско-татарская школа была создана в д. Петряска Курмышского уезда с 84 учениками. К 1874 г. было уже 6 подобных школ практически во всех уездах. Если школа в Петряске содержалась за счёт казны, то остальные школы содержались преимущественно за счёт татарских обществ. По данным 1902 г., в Казанской губернии существовало 11 русско-татарских школ, в Симбирской – 8. Но к 1911 г. отмечается снижение их количества или же полное исчезновение, кроме как в Казанской губернии [10. С. 31]. Основной причиной непопулярности русско-татарских школ справедливо считались их несоответствие национальным и религиозным особенностям мусульманского населения и тот факт, что «у татар уже есть свое особое мировоззрение, настроение, быт, своя литература, история, своя школа и культура» [1. С. 100].

Именно губернаторам при помощи полиции приходилось погашать конфликты, связанные с административным распространением русско-татарских школ и введением в мектебе и медресе русского языка. В период 1870–1871 гг. не было учреждено ни одной школы. Само мусульманское общество выступало против подобных школ, особенно муллы. Были случаи разгрома русско-татарских школ местным населением [5].

Имели место случаи, например в 1873 г., когда под давлением исламского духовенства местные татары под угрозой совершения погрома требовали закрыть школы. Дело не обошлось без вмешательства полиции, а губернатор проводил с представителями татарского населения воспитательную работу, ссылаясь на нормы закона. В более позднее время в той же Симбирской губернии массовые выступления татар-магометан произошли в 1888 г. в д. Уразово Карсунского уезда, когда они, подстрекаемые исламским духовенством, разгромили русско-татарскую школу и изгнали учителя. Власти не стали раздувать конфликт и временно прекратили здесь всякие попытки создать

русско-татарскую школу, хотя полицией были арестованы и переданы в следственные органы зачинщики беспорядков. Подобные выступления в этом же году прошли и в других деревнях. В с. Нечаево татары-мусульмане попросту сожгли вновь построенное здание, выступления прошли и в других селах. Губернаторы направляли в эти села усиленные отряды полиции, привлекали для подавления беспорядков военных [2].

Несмотря на все усилия, предпринимаемые губернаторами, губернскими училищными советами и дирекциями народного образования, предпринятый в начале 70-х гг. эксперимент по созданию русско-татарских школ завершился неудачей. Первые школы имели жалкий вид, денег на их финансирование практически не выделялось, а местное население на свои средства содержать их категорически отказывалось. Детей туда зачастую собирали насильно, при помощи полиции. Губернаторы требовали жестких действий, однако побороть протесты не удавалось. Здания, выделенные для первых совместных русско-татарских школ, были тесные, темные, слабо вентилируемые, уровень преподавания в них был исключительно низким, в должном количестве отсутствовала необходимая учебная литература. Несмотря на все предпринимаемые полицией усилия, местное население отказывалось отправлять детей в эти школы, объясняя как раз свое желание именно их «неблагоустроенностью». Так, в 1888 г. в Карсунском уезде полноценные занятия удалось наладить только в русско-татарской Драгинской школе. В Сенгилеевском и Сызранском уездах – ни в одной. При посещении деревень Гори и Шлемисской губернатора и сопровождающего его инспектора в этом же 1888 г. встретили депутации местного татарского населения с требованием закрыть школы в их селах. Пришлось обязывать родителей вести детей в эти школы приговорами мировых судей, снова и снова привлекать полицию. Перелом этой в целом негативной ситуации наступил только в 1894 г., когда правительство выделило необходимые средства, многие русско-татарские школы обзавелись просторными зданиями, в должном количестве были завезены необходимые учебники и учебные пособия [5].

В более позднее время помощь была направлена на поддержание кадимистских (старометодных) школ в ущерб новометодных (джадидистских), так как царские чиновники видели в джадидизме опасность разжигания сепаратизма среди поволжских мусульман [7. С. 76].

Об этом открыто говорилось в секретном письме временно управляющего Министерством народного просвещения от 24 февраля 1902 г. на имя попечителя Казанского учебного округа. В нем сказано: «Будет вполне правильным предоставить мусульманское учебное дело самому себе вне всякого стороннего воздействия в смысле улучшения и реформы этих учебных заведений, воспитывающих по принципу враждебных нам деятелей. Предоставленные самим себе, мусульманские школы будут по-прежнему пользоваться рутиной, которая обрекла на застой мусульманскую школу... Не представляется никаких оснований к вмешательству в учебную часть мусульманских школ органов Министерства народного просвещения» [4. С. 124].

О негативном отношении властей к джадидизму также свидетельствует ряд «особых совещаний», например, «особое совещание по выработке мер для противодействия татарско-мусульманскому влиянию в Приволжском крае», проведенное в 1910 г. под предводительством премьер-министра П.А. Столыпина. Совещание выработало ряд мер по противодействию джадидизму [9], а на губернаторов было возложено исполнение его решений.

Губернатор был обязан обеспечить сбор сведений о людях, осуществляющих нововведения в системе мусульманского образования. Власти интересовались и мусульманами, сотрудничающими с татарской печатью. Выпол-

няя указания сверху, симбирский губернатор 19 января 1901 г. запросил сведения об этом у уездных капитан-исправников, которые за короткое время проверили учителей-татар школ Симбирского, Сызранского, Сенгилеевского, Карсунского и Курмышского уездов. Среди проверенных были выпускники мусульманских и светских учебных заведений Казани и других городов. 24 февраля 1901 г. последовал рапорт губернатору от Карсунского уездного исправника. В нем утверждалось, что в уезде есть новометодная школа при д. Гурьевка на фабрике Т.К. Акчурина. Данная школа решением губернатора была немедленно переведена под начало Дирекции народного образования губернии, так как чиновники считали, что если в новометодных школах вводятся светские предметы, то они перестают быть конфессиональными, попадая под компетенцию Министерства просвещения, учебные заведения которого по закону не имели права преподавания на татарском языке.

Литература

1. Анастасиев А. Вятские инородцы и их школы // Журнал Министерства народного просвещения. 1904. Июнь.
2. Государственный архив Ульяновской области. Ф. 99. Оп. 1. Д. 1182. Л. 4.
3. История Татарстана. Казань: Тарих, 2001.
4. Ишмухаметов З.А. Социальная роль и эволюция ислама в Татарии (Исторические очерки). Казань: Тат. кн. изд-во, 1979.
5. Махмутова А.Х. Становление светского образования у татар. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1982.
6. Мухаметшин Р.А. Ислам в общественной и политической жизни татар и Татарстана в XX в. Казань: Тат. кн. изд-во, 2005. -246 с.
7. Мухаметзянова Д.С. Кадимистская система образования в историческом и педагогическом контекстах. Казань: Ин-т истории АН РТ, 2008.
8. Спасский Н.А. Просветитель инородцев Казанского края Н.И. Ильминский. Самара, 1900.
9. Фахрутдинов Р.Р. Татарский либерализм в конце XIX – начале XX веков (Очерки политической истории). Казань: Магариф, 1998. 127 с.
10. Эфиоров А.Ф. Нерусские школы Поволжья, Приуралья и Сибири в дореволюционное время. М.: Учпедгиз, 1948. 280 с.

БОЙКО НАТАЛИЯ СЕМЕНОВНА – кандидат юридических наук, доцент кафедры летной эксплуатации и безопасности полетов, Ульяновское высшее авиационное училище (институт), Россия, Ульяновск (Nboyko2005@mail.ru).

N. BOYKO

ACTIVITY OF GOVERNORS OF RUSSIA IN THE SPHERE NATIONAL, IN PARTICULAR MUSLIM EDUCATION AT THE END OF XIX CENTURY

Key words: governor, provincial government, local bodies, public education, religious schools, madrasah, officials, communities.

The author attempts to investigate the peculiarities of formation and development of Muslim education in a tsarist Russia at the end of the XIX century, as well as the influence of the central authorities on this process. For example, the Ministry of National Education and the Ministry of Internal Affairs worked in close cooperation with each other during the regarded period, and a special circular letter by the Minister of Internal Affairs charged the governors to render all kinds of assistance to the public education directorates. According to the proposal of the governor of the Simbirsk province, district mullahs were obliged to submit annually to the provincial directorate of public schools a written report on the number of Islamic educational institutions, the number of pupils, on teachers' training, availability of the literature forbidden or not recommended for use. The role of the Governor was also significant. The governor was obliged to provide collecting data on the people who were introducing innovations in the system of Muslim education. The author concludes that the experimental opening of Russian-Tatar schools started in early seventies of XIX century failed despite all the efforts by governors, provincial school boards and public education directorates.

References

1. Anastasiyev A. *Vyatskie inorodtsy i ikh shkoly* [Vyatka foreigners and their schools]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya* [Journal of the Ministry of Public Education], 1904, June.
2. *Gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Ulyanovsk region. T. 99. Op. 1. D. 1182. L. 4* [State Archives of the Ulyanovsk region. Archive 99. Anagraph 1. Document 1182. P. 4].
3. *Istoriya Tatarstana* [History of Tatarstan]. Kazan, Tarikh Publ., 2001.
4. Ishmukhametov Z.A. *Sotsial'naya rol' i evolyutsiya islama v Tatarii (Istoricheskie ocherki)* [A social role and evolution of Islam in Tataria (Historical sketches)]. Kazan, Tatar Publishing House, 1979.
5. Makhmutova A.H. *Stanovlenie svetskogo obrazovaniya u tatar* [Formation of secular education in Tatars]. Kazan, 1982.
6. Mukhametshin R. *Islam v obshchestvennoi i politicheskoi zhizni tatar i Tatarstana v XX v.* [Islam in social and political life of Tatars and Tatarstan in the XX century]. Kazan, 2005, 246 p.
7. Mukhametzyanova D.S. *Kadimistskaya sistema obrazovaniya v istoricheskom i pedagogicheskom kontekstakh* [Kadimistsky education system in historical and pedagogical contexts]. Kazan, 2008.
8. Spassky N.A. *Prosvetitel' inorodtsev Kazanskogo kraja N.I. Il'minskii* [Educator of foreigners of the Kazan edge N. I. Il'minsky]. Samara, 1900, 357 p.
9. Fakhrutdinov R.R. *Tatarskii liberalizm v kontse XIX – nachale XX vekov (Ocherki politicheskoi istorii)* [The Tatar liberalism in early XIX – late XX centuries (Sketches of Political History)]. Kazan, 1998. 127 p.
10. Efirov A.F. *Nerusskie shkoly Povolzh'ya, Priural'ya i Sibiri v dorevolyutsionnoe vremya* [Non-russian schools in the Volga region, Pre-Ural area and Siberia in pre-revolutionary period]. Moscow, 1948, 280 p.

BOYKO NATALIA – Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Department for Flight Maintenance and Security, Ulyanovsk Higher Civil Aviation School (Institute), Ulyanovsk, Russia.

Ссылка на статью: Бойко Н.С. Деятельность губернаторов России в сфере национального, в частности мусульманского, образования в конце XIX века // Вестник Чувашского университета. – 2015. – № 4. – С. 30–34.

УДК 94(47).084.3
ББК 63.3(2)612/613

Р.Г. БУКАНОВА, А.И. УРАЗОВА, И.З. ШАЯХМЕТОВА

**ДЕПУТАТСКИЙ КОРПУС
ГОРОДСКИХ СОВЕТОВ БАШКИРСКОЙ АССР
В 1919–1946 ГОДАХ***

Ключевые слова: городские советы, депутаты, Башкирская АССР, избирательная политика.

Предложены результаты исследования депутатского корпуса городских советов Башкирской АССР на основании неопубликованных документов и материалов, выявленных в архивах Москвы и Уфы. В рассматриваемый период порядок выборов депутатов городских советов, нормы представительства от различных категорий населения в пределах норм, содержащихся в Конституции, должны были определять сами советы. Соответственно депутатами городских советов становились рабочие и служащие, партийные и беспартийные, члены ВЛКСМ. Образовательный ценз при выдвижении кандидатов в депутаты в расчет не принимался, что сказывалось на первоочередном решении социально-бытовых вопросов. С 1920-х гг. обязательными условиями для выдвиженцев были пролетарское происхождение и членство в ВКП(б). Соблюдались нормы представительства женщин в выборных органах. Для Башкирской АССР, как и для остальных национальных республик СССР, особое значение придавалось представительству лиц коренной национальности в системе управления и самоуправления. Принцип выборности был нарушен в годы Великой Отечественной войны. Он был заменен кооптацией. После войны кооптация была запрещена. Избирательная политика советского государства постепенно унифицировала облик народного представителя власти, превратив его в послушного исполнителя партийных директив. Голосование в городских советах носило плебисцитарный характер: выработанное большинством решение подтверждалось единогласно. Городские советы были порождены политической культурой народов России и выражали эту культуру.

В настоящее время в ряде регионов Российской Федерации, в том числе в Республике Башкортостан, продолжается осуществление реформы органов местного самоуправления. При этом важно учитывать наследие прошлого. Одной из организационных форм местного управления в советский период были городские советы, которые стали основой для трансформации традиционной системы российского управления.

Городские советы образовывались на основе избирательной системы согласно Конституции РСФСР 1918 г. Статьей 57, пунктом «а» было установлено, что депутаты городских советов избираются по норме: один депутат от каждой тысячи человек населения, но при этом общее число депутатов не должно быть менее 50 и более 1000.

Таким образом, порядок выборов депутатов городских советов, нормы представительства от различных категорий населения в пределах норм, содержащихся в Конституции, должны были определять сами советы. Соответственно этому 18 сентября – 9 октября 1919 г. были проведены выборы в Уфимский городской совет. В выборах участвовало 22 тыс. человек, которые избрали 222 депутата, в том числе 200 членов ВКП (б), 20 беспартийных и 2 эсеров [4]. Председателем Уфимского горсовета был избран Ф.Я. Першин. После выборов в Уфе были проведены выборы в Бирский городской совет.

* Статья написана в рамках государственной программы: «Города и городское население Южного Урала в XVI–XX вв.: история, источниковедение, историография», код и шифр ГРНТИ 60.30.204, № государственной регистрации 200004581.

Статистические данные относительно состава городских советов Башкирской АССР и Уфимской губернии в 1919–1920 гг. скудны. Процент рабочих в составе городских советов колебался от 22 до 53, несколько большую группу депутатов городских советов составляли служащие – в среднем 28%. Крестьяне в городских советах региона в указанный период почти отсутствовали [7].

Если после революции 1917 г. советы являлись многопартийными органами самоуправления, то с начала 1920-х гг. они стали однопартийными. В 1921 г. в составе депутатов городских советов республики было 53% рабочих, членов ВКП(б) – до 73,5%. Наблюдался непрерывный рост представительства женщин. По нормативно-правовым актам женщины в депутатском корпусе городских советов должны были составлять не менее 15–20%. В Башкирской АССР в 1922 г. их насчитывалось 9,8%, в 1923 г. – 13,1%, в 1924–1925 гг. – 18,54%, в 1925–1926 гг. – 22,15% и в 1927 г. – 27,5% по отношению к общей численности депутатов городских советов [6].

Сложившаяся структура местного управления требовала вовлечения в работу советских органов квалифицированных кадров. Как правило, высшее образование в 1920-е гг. уроженцы Башкирской АССР получали за ее пределами. Подавляющее большинство членов, кандидатов в члены городских советов и их исполнительных комитетов прошли обучение в совпартшколах. Так, в 1927–1931 гг. в них обучалось 322 слушателя, или 1,3% общего числа всех слушателей совпартшкол и комвузов СССР [1]. В 1931 г. республиканская совпартшкола была преобразована в комвуз, а в январе 1933 г. он был реорганизован в Башкирскую высшую Коммунистическую сельскохозяйственную школу.

Со временем обучение в совпартшколах стало необходимой ступенью карьерного роста наряду со вступлением в партию. Это означало превращение сети совпартшкол в номенклатурную привилегию, оторванную от населения, в интересах которого она была организована.

Помимо совпартшкол подготовка кадров для советских органов осуществлялась на краткосрочных курсах. С 1928–1929 гг. функционировали республиканские курсы по переподготовке инструкторов, информаторов, председателей и секретарей исполкомов городских советов.

В 1927 г. состав городских советов Башкирской АССР был значительно обновлен. Среди депутатов городских советов повысился процент рабочих. Рабочие с производства составляли 47,6%, в 1929 г. – более 43,9%. Среди них преобладали граждане в возрасте от 24 до 39 лет. 79,3% депутатов имели начальное образование, 1,3% были неграмотными [5]. Служащие составляли 31,3% депутатского корпуса, кустари-ремесленники – 2,3%, прочие – 21,9%. Среди руководителей секций до 40% имели начальное образование, в том числе председатель Уфимского городского совета Н.О. Куракин [8]. Невысокий образовательный уровень депутатов городских советов predetermined их некомпетентность в решении ряда вопросов, стоящих в повестке дня, в частности касающихся народного образования и культуры. В первую очередь рассматривались социальные и бытовые проблемы рабочих, именно рабочие составляли почти половину депутатского корпуса городских советов Башкирской АССР.

В пять городских советов Башкирской АССР в 1924–1929 гг. было избрано от 707 до 736 депутатов, из которых 258 в Уфе [10]. По национальному составу среди народных избранников преобладали русские, представительство которых составляло в среднем от 68,3 до 71,6%, башкир и татар было приблизительно по 12,0%, представителей прочих национальностей – от 4,4 до 7,7%. В 1924–1929 гг. членами и кандидатами ВКП(б) были от 43,0 до

46,5% депутатов, беспартийными – от 44,0 до 46,1%, членами ВЛКСМ – от 5,6 до 7,4% [11]. Довольно значительное представительство членов и кандидатов партии в депутатском корпусе объясняется влиянием партийных органов на процедуру выдвижения кандидатов в депутаты и ход избирательных кампаний. Невысокий процент лиц коренной национальности и национальных меньшинств связан с их расселением преимущественно в сельской местности, а не в городах, где было сосредоточено русское население.

В 1934 г. по итогам выборов рабочих с производства составили 41,1%. Среди избранных депутатов членов и кандидатов в члены ВКП(б) было 43,9%, членов ВЛКСМ – 9,5% [3]. Таким образом, тенденции к тотальному партийному контролю советских органов, наметившиеся в 1920-е гг., усилились.

В 1937–1938 гг. в Башкирской АССР были разгромлены кадры большинства советских организаций. Арест секретаря обкома или председателя облисполкома означал обычно полный разгром руководящих кадров всех местных партийных и советских органов.

Результаты выборов 1939 г. показали, что более 65,7% депутатов горсоветов БАССР были рабочими, 34,3% – служащими. Женщины составили 38,1% депутатского корпуса, члены ВКП(б) – 32,1%, члены ВЛКСМ – 12,0%. Большинство депутатов городских советов Башкирской АССР в этот период были русской национальности – 61,2%, татарской – 20,0% и башкирской – 17,0%, представителей прочих национальностей было 1,8%. Среди депутатов коренной национальности представительство женщин было больше мужчин на 12,3% [9]. Довольно значительная численность беспартийных депутатов городских советов Башкирской АССР была связана с проводившейся с 1938 г. партийной кампанией на широкое выдвижение на советскую работу беспартийных. 4 марта 1938 г. ЦК ВКП (б) принял постановление «О выдвижении беспартийных на руководящую советскую и хозяйственную работу» [13]. Это происходило на фоне массовых политических репрессий.

В 1940–1946 гг. выборы в городские советы Башкирской АССР не проводились, исполнительные комитеты городских советов пополнялись в основном за счет кооптации членов исполнительных комитетов советов из городов фронтовых районов страны из числа эвакуированных в республику граждан [12]. После Великой Отечественной войны кооптация в местные советы была запрещена и был восстановлен принцип выборности [2].

В целом избирательная политика советского государства постепенно унифицировала облик народного представителя власти, превратив его в послушного исполнителя партийных директив.

Депутатами городских советов становились не профессиональные политики (как правило, юристы), а люди из «гущи жизни» – в идеале представители всех социальных групп и национальностей. С точки зрения парламентаризма «подбор» состава городских советов по полу, возрасту, профессиям и национальностям не вполне оправдан. Однако когда корпус депутатов состоит не из профессионалов, а из тех, кто знает все стороны жизни на личном опыте, этот подход имеет глубокий смысл. Голосование в городских советах носило плебисцитарный характер: выработанное большинством решение подтверждалось единогласно. На практике же выработанные решения реализовывали органы городских советов – исполнительные комитеты.

Городские советы были порождены политической культурой народов России и выражали эту культуру. Это ярко видно на примере Башкирской АССР, где особое значение придавалось национальной пропорциональности представительства населения в выборных органах.

Литература

1. Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-1235. Оп. 106. Д. 310.
2. Известия. 1947. 28 марта.
3. Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 17. Оп. 68. Д. 462.
4. Центральный архив общественных объединений Республики Башкортостан (ЦАООРБ). Ф. 1. Оп. 1. Д. 11.
5. ЦАООРБ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 29.
6. ЦАООРБ. Ф. 122. Оп. 2. Д. 58.
7. Центральный исторический архив Республики Башкортостан (ЦИАРБ). Ф. Р-91. Оп. 5. Д. 1.
8. ЦИАРБ. Ф. Р-91. Оп. 5. Д. 6.
9. ЦИАРБ. Ф. Р-91. Оп. 5. Д. 10.
10. ЦИАРБ. Ф. Р-91. Оп. 3. Д. 27.
11. ЦИАРБ. Ф. Р-91. Оп. 3. Д. 7.
12. ЦИАРБ. Ф. Р-2281. Оп. 1. Д. 7.
13. Янтурин Д. Массовые политические репрессии второй половины 30-х годов в автономиях Урало-Поволжья // Ватандаш. 2004. № 1. С. 53–67.

БУКАНОВА РОЗА ГАФАРОВНА – доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой историографии и источниковедения, Башкирский государственный университет, Россия, Уфа (istoriografiya@mail.ru).

УРАЗОВА АМИНА ИЛЬДУСОВНА – кандидат исторических наук, доцент, директор Института комплексной безопасности и предпринимательства, Башкирский государственный университет, Россия, Уфа (istoriografiya@mail.ru).

ШАЯХМЕТОВА ИРИНА ЗУФАРОВНА – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры историографии и источниковедения, Башкирский государственный университет, Россия, Уфа (istoriografiya@mail.ru).

R. BUKANOVA, A. URAZOVA, I. SHAYAKHMETOVA

MUNICIPAL COUNCILS DEPUTY CORPS OF BASHKIR ASSR IN 1919–1946

Key words: city councils, MPs, Bashkir Autonomous Soviet Socialist Republic, electoral politics.

The article presents the findings of the research into the municipal councils deputy corps of the Bashkir ASSR based on unpublished documents and materials found in the Moscow and Ufa archives. In the period under review it was the municipal councils themselves who established the election procedure for deputies running for town councils, as well as the electoral quotient of different categories of people within the norms stipulated by the Constitution. Accordingly, among the municipal council deputies one could find workers and employees, both partisan and nonpartisan, as well as members of the Young Communist League. Educational qualifications were not taken into account when nominating candidates for deputies, which influenced the priority of decisions concerning social and living conditions. Since 1920s a prerequisite for the nominees was a proletarian background and membership of the Soviet communist party (of bolsheviks). Women were represented in the elected bodies according to the electoral quotient. It was especially important for the Bashkir Autonomous Republic, as well as for other national republics of the Soviet Union, that people of indigenous nationality were represented in the governing and self-governing bodies. The elective principle was violated during the Great Patriotic War. It was replaced by co-optation. After the war, co-optation was banned. The Soviet Union's electoral politics eventually shaped a unified image of a people's power representative as an obedient executive of the communist party directives. Voting in municipal councils was of plebiscitary character: a decision approved by a majority was un-animously accepted. Municipal councils were generated by the political culture of Russia's peoples and expressed this culture.

References

1. Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii. F. R-1235. Op. 106. D. 310 [State Archives of the Russian Federation. Fond R-1235. Anagraph 1. Document 310].
2. Izvestiya, 1947, March 28.

3. Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv sotsial'no-politicheskoi istorii. F. 17. Op. 68. D. 462 [Russian state Archives of socio-political history. Archive 17. Anagraph 68. Document 462].
4. Tsentral'nyi arkhiv obshchestvennykh ob"edinenii Respubliki Bashkortostan. F. 1. Op. 1. D. 11 [Central Archives of public associations of the Republic of Bashkortostan. Archive. 1. Anagraph 1. Document 11].
5. Tsentral'nyi arkhiv obshchestvennykh ob"edinenii Respubliki Bashkortostan. F. 1. Op. 4. D. 29 [Central Archives of public associations of the Republic of Bashkortostan. Archive. 1. Anagraph 4. Document 29].
6. Tsentral'nyi arkhiv obshchestvennykh ob"edinenii Respubliki Bashkortostan. F. 122. Op. 2. D. 58 [Central Archives of public associations of the Republic of Bashkortostan. Archive 122. Anagraph 2. Document 58].
7. Tsentral'nyi istoricheskii arkhiv Respubliki Bashkortostan. F. R-91. Op. 5. D. 1 [Central historical Archives of the Republic of Bashkortostan. Archive. R-91. Anagraph 5. Document 1].
8. Tsentral'nyi istoricheskii arkhiv Respubliki Bashkortostan. F. R-91. Op. 5. D. 6 [Central historical Archives of the Republic of Bashkortostan. Archive. R-91. Anagraph 5. Document 6].
9. Tsentral'nyi istoricheskii arkhiv Respubliki Bashkortostan. F. R-91. Op. 5. D. 10 [Central historical Archives of the Republic of Bashkortostan. Archive. R-91. Anagraph 5. Document 10].
10. Tsentral'nyi istoricheskii arkhiv Respubliki Bashkortostan. F. R-91. Op. 3. D. 27 [Central historical Archives of the Republic of Bashkortostan. Archive. R-91. Anagraph 3. Document 27].
11. Tsentral'nyi istoricheskii arkhiv Respubliki Bashkortostan. F. R-91. Op. 3. D. 7 [Central historical Archives of the Republic of Bashkortostan. Archive. R-91. Anagraph 3. Document 7].
12. Tsentral'nyi istoricheskii arkhiv Respubliki Bashkortostan. F. R-2281. Op. 1. D. 7 [Central historical Archives of the Republic of Bashkortostan. Archive. R-2281. Anagraph 1. Document 7].
13. Yanturin D. *Massovye politicheskie repressii vtoroi poloviny 30-kh godov v avtonomiyakh Uralo-Povolzh'ya* [Mass political repressions in the Autonomous regions of the Ural-Volga region in the second half of the 30s. *Vatandash* [Vatandas], 2004. no 1, pp. 53–67.

BUKANOVA ROSA – Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of Historiography and Source Department, Bashkir State University, Ufa, Russia.

URAZOVA AMINA – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Director of the Institute of Integrated Security and Entrepreneurship, Bashkir State University, Ufa, Russia.

SHAYAKHMETOVA IRINA – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of Historiography and Source Department, Bashkir State University, Ufa, Russia.

Ссылка на статью: Буканова Р.Г., Уразова А.И., Шаяхметова И.З. Депутатский корпус городских советов Башкирской АССР в 1919–1946 годах // Вестник Чувашского университета. – 2015. – № 4. – С. 35–39.

УДК 331.23-055.2(091)(470.344)"1941/1945"
ББК ТЗ(2Рос.Чув)622-284.3

А.Д. ГРИГОРЬЕВ, С.Б. ХАРИТОНОВА

**ЖЕНЩИНА И ВОЙНА:
АНАЛИЗ ИЗМЕНЕНИЙ СОЦИАЛЬНОГО СТАТУСА И РОЛИ
(на материалах Чувашии)***

Ключевые слова: история Великой Отечественной войны, тыл в годы войны, женский труд в военные годы, подвиг женщин в годы войны, Чувашская АССР.

Место и роль женщины во всенародном подвиге Великой Отечественной войны никогда не потеряют своей актуальности, тем более в современной России, когда растёт исследовательский интерес к многоуровневым и разноплановым проблемам, связанным со всем спектром взаимоотношений женщины, общества и государства. На основе архивных источников и опубликованной литературы в статье представлен анализ изменений социального статуса женщин с началом Великой Отечественной войны. Одним из результатов исследования стала возможность показать неочевидную роль женского населения в промышленном производстве и сельском хозяйстве, свидетельствующую об упорном труде женщин, направленном на укрепление обороноспособности советского государства в столь сложный для него период. В статье показаны примеры героического труда женщин страны, несмотря на все сложности, связанные с их бытом в период Великой Отечественной войны.

Никогда не потеряет своей актуальности исторический опыт борьбы народов Советского Союза с немецко-фашистскими оккупантами. Огромное значение всегда будет иметь каждый его аспект, в том числе такой, как место женщины в этом всенародном подвиге, в приближении великой Победы. В последнее время возрос исследовательский интерес к многоуровневым и разноплановым проблемам, которые связаны со всем спектром взаимоотношений женщины, общества и государства в период Великой Отечественной войны. Объясняется это прежде всего переосмыслением происходивших процессов и событий периода военных лет, а также роли женщин, которые ни на минуту не прекращали трудиться в этот сложный период. Во многих исторических публикациях, которые посвящены истории Чувашии в годы Великой Отечественной войны, традиционным сюжетом являются массовый патриотизм и трудовой вклад женщин [3, 11, 12, 18–20, 22, 23], однако при этом мало места отводится изучению роли женщины как наиважнейшего фактора социально-экономических изменений в обществе, приуменьшаются все выпавшие на их долю испытания и лишения, которые им пришлось перенести в годы войны. Этот сложный комплекс проблем ушедшей войны остается в историографии Чувашии почти нераскрытым.

Война, начатая гитлеровской Германией, вызвала колоссальные потребности в людях. Кроме пополнения действующей армии, огромные массы рабочих были необходимы для развертывания и наращивания военного производства. Вопрос об использовании труда женщин имел в годы Великой Отечественной войны исключительное социально-экономическое, а также военно-стратегическое значение.

С началом войны был выдвинут лозунг «Полностью мобилизовать все резервы женского труда». 13 февраля 1942 г. Президиум Верховного Совета

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда проект № 14-11-21010 а(р).

СССР издал Указ «О мобилизации на период военного времени трудоспособного городского населения для работы на производстве и строительстве». По данному документу всё трудоспособное население (мужчины в возрасте от 16 до 55 лет, а также женщины от 16 до 45 лет) были мобилизованы на фабрики и заводы, а также строительные организации, это касалось, прежде всего, предприятий военной промышленности страны. От мобилизации были освобождены мужчины и женщины в возрасте от 16 до 18 лет, которые подлежали призыву в школы ФЗО, ЖДУ и РУ, а также женщины, которые имели детей в возрасте до восьми лет, если у них не было других членов семьи, которые могли бы осуществлять уход за ними, это касалось как учащихся вузов, так и учащихся средних учебных заведений. Тех же, кто уклонялся от мобилизации для работы на строительстве и производстве, подлежали судебной ответственности [17. С. 64].

Чувашская областная партийная организация проводила специальные женские собрания, женские митинги, слеты молодых работниц, создавала советы жен фронтовиков, а в последующем организовывала и встречи женщин с делегациями фронтовиков. Чувашский обком ВКП(б) требовал от партийных, комсомольских и профсоюзных организаций «систематически заниматься политическим и культурным воспитанием женщин, регулярно проводить с ними собрания, митинги, лекции, доклады, привлекать их к активному участию во всех областях хозяйственной и политической деятельности, направляя их работу на оказание помощи фронту» [5. Д. 433. Л. 83].

Для мобилизации неработающего городского и сельского населения на стройки и предприятия, а также учета и распределения рабочей силы при СНК Чувашской АССР создано было специальное бюро, усилиями которого в течение 1942 г. на стройки и в промышленность республики было направлено порядка 2 тыс. человек [15. С. 225], из них на предприятия г. Чебоксары – более 500, Канашский вагоноремонтный – 245, г. Алатырь – 90, на торфоразработки в районы республики – 266 человек.

В обеспечении рабочей силой транспорта и промышленности большое значение имело возникшее патриотическое движение женщин. Лозунг: «Женщины и девушки! Заменяйте мужчин, ушедших на фронт! Овладевайте мужскими профессиями!» – был активно подхвачен и женщинами из Чувашии. В Канаше с июля 1941 г. по январь 1942 г. более 1000 женщин обратились на промышленные предприятия и железнодорожный транспорт, а также в артели промысловой кооперации с просьбой заменить мужчин на них. Так, за 10 месяцев Великой Отечественной войны по Канашскому вагоноремонтному заводу количество женщин, которых в результате проведенных мероприятий приняли на производство увеличилось с 742 до 1408. На железнодорожный транспорт трудоустроили порядка 500 женщин. На промышленные предприятия г. Алатырь за начальный период войны оформились более 900 женщин, г. Шумерля – около 1000 женщин.

К началу 1942 г. в некоторых отраслях народного хозяйства республики доля женщин была очень высока: в пищевой промышленности 83,8% работников составляли женщины, в промкооперации – 75,3% [1. С. 22]. На 1 января 1945 г. на всех предприятиях республики доля женщин-работниц выросла до 61,9% [10. Д. 27. Л. 51]. Среди них девушек в возрасте от 14 до 25 лет было около 50%, менее 24% составляли женщины в возрасте от 36 и более лет [10. Д. 27. Л. 4].

Следует отметить, что приход женщин на производство являлся первым шагом к их самоотверженному труду в сложных условиях Великой Отече-

ственной войны. Пришедшим на производство женщинам, девушкам и подросткам не хватало умения, навыков, технических знаний. В стране начался трудоёмкий процесс их обучения: были организованы индивидуальное и бригадное ученичество, краткосрочные курсы по повышению производственной квалификации, а также по освоению второй профессии, курсы бригадиров, стахановские школы, открывались отделения вечерних техникумов. Так, на Чебоксарском электроаппаратном заводе за первые два года войны было обучено различным специальностям 1464 человека, из них – 883 женщины. Только в 1943 г. здесь окончили стахановские школы 289 человек (из них 162 женщины), курсы бригадиров, установщиков и наладчиков – 44 человека (из них 29 женщин). Здесь же в основном из числа стахановок по 350-часовой программе теоретического обучения с прохождением 6-месячной практики подготовлены технологи, конструкторы и мастера в количестве 21 [5. Д. 790. Л. 50].

Большую роль в подготовке кадров для промышленности сыграли ремесленные училища и школы ФЗО. Всего по стране через систему трудовых резервов было подготовлено за 1941–1945 гг. 2 млн 475 тыс. рабочих ведущих специальностей [21. С. 240].

В Чувашии в железнодорожных училищах и школах ФЗО, куда девушки принимались «в порядке открытого добровольного набора без ограничения количества» [5. Д. 74. Л. 62], для промышленности в целом и транспорта в частности было подготовлено 10 453 рабочих различных квалификаций [24. С. 40]. И если к началу войны в Чувашской АССР действовало 3 школы ФЗО и одно железнодорожное училище, то к 1945 г. Чувашия уже имела одно ремесленное, два железнодорожных училища и 7 школ ФЗО. Именно благодаря привлечению на производство женщин и молодежи, а также повышению их квалификации в годы Великой Отечественной войны транспорт и промышленность Чувашской АССР не испытали больших затруднений в квалифицированных рабочих кадрах.

В ходе Великой Отечественной войны видоизменялись и совершенствовались формы обучения. Наряду с индивидуальным и бригадным обучением женщин, как правило, осуществляемым на их рабочем месте, с 1943 г. все большее внимание обращалось на повышение их рабочей квалификации как в стахановских школах, так и на курсах и в кружках передового опыта.

Женщины и девушки учились настойчиво, в очень короткие сроки овладевали профессиями и с первых же дней самостоятельной работы выполняли производственные задания. Для достижения более высокого уровня производства, столь необходимого для ведения освободительной войны, по стране в целом на новый уровень было поднято социалистическое соревнование.

Немало образцов женского трудового героизма среди женщин Чувашии. Токарь Алатырского паровозоремонтного завода З. Легостина, до войны работавшая счетоводом, в первый же месяц выполнила норму выработки на 180% и вскоре начала выполнять по три нормы за смену, став наставницей других работниц [6. Д. 18. Л. 143]. На Канашском вагоноремонтном заводе токарь В. Кучмина выполняла за смену 4-5 нормы, освоив работу на 4 станках, тем самым освободила трех токарей, которые перешли на другие операции [4]. Женщины Чувашии активно участвовали в различных формах социалистического соревнования: в движении двухсотников, трехсотников, многостаночников, стахановских вахтах, движении по совмещению профессий и т.д.

Еще одной формой помощи фронту стала организация комсомольско-молодежных бригад, трудившихся на предприятиях и транспорте республики. К весне 1945 г. на предприятиях, транспорте Чувашии имелись 683 комсомольско-

молодежные бригады, которые объединяли более 5 тыс. человек [14. С. 78], в большинстве своем они являлись женскими. Так, на электроаппаратном заводе весной 1944 г. из 26 комсомольско-молодежных бригад 24 были женские [9. Д. 31. Л. 63]. На Канашской текстильной фабрике – фронтовые бригады Кабир-Оглы, Смирновой, Ананьевой, Архиповой, добившиеся роста производительности труда в 1,5 раза, на Алатырском паровозоремонтном заводе – фронтовая бригада, возглавляемая Р. Балыкиной, до 180% выполняла плановые задания, на Чебоксарской хлопчатобумажной фабрике – бригада Л. Анисимовой, на электроаппаратном заводе – бригада Н. Спасовой и др. [19. С. 45–46].

Несмотря на бытовавший формализм, шумиху и показуху в организации социалистического соревнования, применение идеологизированного общественного сознания тружениц тыла, их патриотизма, самоотверженности, а также терпения, было достигнуто главное: женщины стремились работать лучше, хотя для этого у них фактически никаких возможностей не было и при этом для них не были изменены условия труда. Для большинства женщин в годы войны труд за двоих, троих стал нормой, обычным явлением. Нередки были случаи, когда женщины на производстве в 6–10 раз перевыполняли норму выработки. В большинстве своем женщины поняли, что только их самоотверженный труд и подчинение личных интересов нуждам общества и фронта поможет ускорить победу над лютым врагом. В связи с этим в годы войны на совершенно иной уровень поднялась именно их инициатива, участие практически во всех формах соревнований, которые в течение Великой Отечественной войны расширялись и совершенствовались.

Резко выросла за годы войны доля женского труда и на железнодорожном транспорте. В Канаше и Алатыре среди жен и дочерей железнодорожников был создан большой резерв женских кадров. Активистки овладевали специальностями машинистов электростанций и водокачек, стрелочников, кондукторов, весовщиков и т.д. [26. С. 111–112]. В целом по республике в системе железнодорожного транспорта к началу января 1945 г. женщины составляли 50,2% от общего числа рабочих и служащих [10. Д. 27. Л. 51].

Еще более значительный вес женский труд приобрел в сельской местности. В годы войны женщины стали главной силой в колхозах и совхозах. Вся тяжесть нелегкого крестьянского труда ложилась на их плечи. По сравнению с 1941 г. к 1943 г. количество работоспособных мужчин в колхозах республики сократилось на 68% [10. Д. 27. Л. 51]. Ведение сельскохозяйственных работ усложнялось тем, что тысячи колхозников и колхозниц, особенно молодежи, мобилизовывались для работы в промышленности, на транспорте, на торфоразработках и заготовке дров, привлекались к строительству оборонительных сооружений. В таких условиях труд женщин-колхозниц стал поистине героическим.

В колхозах они работали трактористами, комбайнерами, сеяльщиками, плугарями, бригадирами, а также председателями колхозов. В 1944 г. в Чувашии женщины составляли 82,2% от общего числа всех участвовавших в колхозном производстве [13. С. 92].

Для обеспечения фронта и страны в целом продовольствием, а промышленности столь необходимым ей сырьем добросовестно трудились не только местные колхозницы, которые с детства были приучены к далеко не лёгким сельскохозяйственным работам, но и женщины из числа эвакуированных городских жителей, хотя многие из них не были знакомы с сельскохозяйственным трудом. В годы войны в колхозах республики тысячи женщин трудились на фермах.

В среде женщин достаточно широкий размах приняло движение за овладение ими специальностями сельских механизаторов. Так, в 1941–1942 гг. в Чувашии из числа женщин было подготовлено в общей сложности 1010 комбайнеров, трактористов и их помощников, а также механиков и других специалистов [2. С. 61]. По статистике, если в 1940 г. среди механизаторов в СССР женщин было 9%, то в 1941 г. женщины-трактористки составляли уже 81%, комбайнерки – 62%; в Чувашии количество женщин-трактористок за это время возросло более чем в 5 раз: в 1940 г. их было 12,4%, в 1944 г. – уже 64,6% [7. Д. 706. Л. 44; 8. Д. 32. Л. 24].

В 1943 г. было принято решение о начале Всесоюзного социалистического соревнования женских тракторных бригад и женщин-трактористок за урожай 1943 г. Инициатором данного веяния стала женская тракторная бригада Дарьи Гармаш. 12 женских тракторных бригад и 729 женщин-трактористок Чувашской АССР включились в Всесоюзное социалистическое соревнование. Однако и этого было недостаточно: в 1943 г. МТС республики годовой план тракторных работ был выполнен лишь на 74%, т.е. в переводе на мягкую пахоту было вспахано только 340 127 га при норме 457 000, в последующий период количество участников социалистического соревнования возросло до 42 женских бригад, в которых работало 1243 женщины, они должны были в 1943 г. выработать 61 610 га, а фактически выработали лишь 47 492, что составило 77% плана [5. Д. 924. Л. 1, 11, 32].

Примером доблести и самоотверженности для механизаторов республики стал труд таких трактористок, как А.Д. Булыгана из Ядринской, А.Г. Гордеева из Яльчикской, Т.М. Ильина из Вурнарской МТС [5. Д. 924. Л. 69].

С началом войны на первый план встала задача – замещение ушедших на фронт руководителей мужчин. Необходимо отметить, что определенная работа по привлечению женщин на должности руководителей была проделана ещё в довоенное время, в республике возник крупнейший дефицит руководящих кадров как в промышленности, так и на селе.

В связи с тяжёлой обстановкой в стране ЦК ВКП(б) призвал все общественные организации «всемерно заботиться о выдвижении передовых женщин и девушек на руководящую работу в советских, хозяйственных и общественных организациях, помогая им расти на этой работе» [16]. Итогом стало увеличение числа женщин-руководителей.

Огромное значение имел вопрос выдвижения женщин на руководящую работу в колхозах. Если в 1940 г. в Чувашской АССР председателями колхозов были всего 7 женщин, бригадирами-счетоводами числилось 100, то уже в начале 1942 г. женщины становятся председателями в 142 колхозах из имеющихся на тот момент 1674, бригадирами работали 2311 женщин, бригадирами и счетоводами – 768, заведующими фермами – 750. В этот сложный для страны период на руководящую работу в колхозах было выдвинуто свыше 4 тыс. женщин. Следует отметить, что в послевоенный период в связи с возвращением мужчин с фронта количество женщин, задействованных на руководящей работе в колхозах, сокращается [15. С. 231].

В Чувашской АССР к началу 1944 г. среди бригадиров полеводческих бригад и заведующих фермами их уже стало около половины, так 134 женщины работали председателями колхозов [25. С. 92]. Война предъявила повышенные требования к руководителям колхозного производства. В условиях нехватки рабочих рук, тягловой силы, при низкой механизации труда и возросшем в то же время объеме работ требовались особая оперативность, гибкость, настойчивость и умение работать с людьми. Так, даже для опытных

руководителей эти задачи зачастую были тяжелыми, тем более это касалось женщин, которые не имели опыта руководящей работы, достаточного уровня знаний и были обременены семейными заботами.

Многие женщины были выдвинуты на руководящие посты партийно-советского и хозяйственного аппарата республики. «Более 22% руководящих работников промышленности города Чебоксар были женщины. В числе выдвинутых в годы войны в партийный аппарат женщины составляли более 60%. Среди ответственных работников советского аппарата женщин было около 65%, в органах народного образования – 88,5, здравоохранения – 68,3%» [19. С. 54–55]. Такая же картина наблюдалась и по всей республике.

Однако в целом имела место быть недооценка роли женщины в качестве руководителя. Одной из причин слабого выдвижения женщин скорее всего являлись многовековые традиции и устаревшая психологическая установка, что руководителем может быть только мужчина, а руководитель-женщина – это своеобразный вызов. Достаточно часто женщина назначалась на руководящую работу по воле случая, когда «больше было некому». В результате наблюдался достаточно формальный подход к назначению на должность женщин, так как оно порой проходило приказным путем. Вновь избранным могли отказать в помощи, что часто приводило к срывам в работе. В связи с этим женщины боялись занимать руководящие посты и отказывались от предложенного назначения. Сказывался в том числе и достаточно невысокий уровень политических знаний женщин, а порой и просто нехватка образования. Огромным препятствием для женщины на пути к руководящей работе были насмешки, а также угрозы, оскорбления, зависть не только мужа и родственников, но и подруг.

Всё же самым ярким достижением женщин в годы войны стал их многолетний массовый, беззаветный трудовой героизм, ведь именно он является не просто историческим фактом, а свидетельством особого менталитета населения с его традициями и национальным характером, духом коллективизма, ибо его истоки уходят в далекое прошлое. Именно в сложные для нашей страны моменты истории женщина была и остаётся главной поддержкой мужчины, она помогла ему перенести все невзгоды и страдания.

Истоки участия женщин в работе тыла страны находятся в советском прошлом и являются следствием проведённых политических, экономических, социальных преобразований в стране. Небывалый трудовой героизм женщины говорит об особой психологии женщины-матери, труженицы, защитницы своих детей, дома, малой родины и всего Отечества в целом. Это было и остаётся подвигом высокой морально-нравственной силы миллионов советских женщин.

С начала Великой Отечественной войны проявилась осознанная близость женщин и интересов фронта, пришло понимание, что основной задачей женщин должна быть работа в тылу страны. Именно они стали оценивать результаты труда на производстве «фронтальной меркой». Огромная часть женщин в тылу поняла или ощутила свое место в войне, отлично осознав, что «если не я, то кто же». Объективной причиной выхода женщин на работу была сама жизнь, которая толкала их на это в связи с тем, что они оставались единственными кормильцами в семье. Конечно, были и другие мотивы участия в общественном производстве: некоторые из женщин хотели выделиться, кто-то садился за руль трактора, шел работать на завод в память о муже, который трудился до начала войны на этом месте и который никогда уже не вернётся с фронта, при этом самоотверженным трудом они, как правило, хотели отомстить врагу, работая в тылу. Следует ещё раз подчеркнуть, что всё же женщины – это особый социальный слой. Так как прежде всего женщина – это мать, лишь устроив детей в детские учреждения, она могла выйти на работу.

У каждой женщины был свой мотив для выхода на работу и самоотверженного труда на предприятиях и сельском хозяйстве без выходных и отпусков, но основным всё же было стремление работать во имя Победы и будущего своей страны.

Литература

1. Андреева З.А. Чувашская женщина в прошлой войне // Ялав. 1975. № 5. С. 21–25.
2. Ахазов Т.А. Перестройка народного хозяйства Чувашской АССР на военный лад в начальный период Великой Отечественной войны советского народа 1941–1945 гг. // Ученые записки (НИИ при Совмине Чувашской АССР) / ЧНИИ. Вып. 40. Чебоксары, 1968. С. 38–68.
3. Волкова Е.Ю. Женщины тыловых регионов России в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 2008. 492 с.
4. Красная Чувашия. 1944. 27 сент.
5. Государственный архив современной истории Чувашской Республики (далее – ГАСИ ЧР). Ф. 1. Оп. 23.
6. ГАСИ ЧР. Ф. 381. Оп. 2.
7. Государственный исторический архив Чувашской Республики (далее – ГИА ЧР). Ф. 1041. Оп. 1.
8. ГИА ЧР Ф. 872. Оп. 20.
9. ГИА ЧР. Ф. 517. Оп. 16.
10. ГИА ЧР. Ф. 872. Оп. 16.
11. Григорьев А.Д. Материальное положение и быт населения Чувашской АССР в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2008. 168 с.
12. Григорьев А.Д., Харитонов С.Б. Использование женского потенциала в промышленном производстве Чувашии в 1920–1930-е гг. // XX-XXI века в истории России: актуальные проблемы: сб. ст. VIII Междун. науч.-практ. конф. / МНИЦ ПГСХА. Пенза: РИО ПГСХА, 2012. С. 60–63.
13. Зайцев М.В., Шорников А.М. Социалистическое сельское хозяйство республики // Чувашской АССР – 50 лет. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1970. С. 90–97.
14. Ижойкин А.Ф. Рабочий класс Чувашии в годы Великой Отечественной войны. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1961. 109 с.
15. История Чувашии новейшего времени: в 2 кн. Кн. 1. 1917–1945 / ЧГИГН. Чебоксары, 2001. 261 с.
16. Правда. 1942. 7 марта.
17. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам (1917–1967): в 6 т. Т. 3. 1941–1952 гг. М.: Политиздат, 1968. 751 с.
18. Свягина В.И. Политическое воспитание женщин в годы Великой Отечественной войны // Идеологическая работа партийных организаций в годы Великой Отечественной войны. Горький, 1976. С. 34–38.
19. Свягина В.И., Изоркин А.В. Трудовой подвиг женщин Чувашии в годы Великой Отечественной войны // История, археология и этнография Чувашской АССР: труды / ЧНИИ. Чебоксары, 1975. Вып. 60. С. 39–55.
20. Соколова В.И. Молодежь Чувашии в годы Великой Отечественной войны, восстановления и развития народного хозяйства (1941–1953 гг.). Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2008. 304 с.
21. Страна Советов за 50 лет. сб. стат. материалов. М.: Статистика, 1967. 351 с.
22. Сухова Е.В. Единство фронта и тыла в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. (на материалах Чувашской АССР). Чебоксары: ПБОЮЛ Л.А. Наумов, 2008. 211 с.
23. Харитонов С.Б. Женщины в сельском хозяйстве Чувашии в годы Великой Отечественной войны // Вестник Чувашского университета. 2011. № 2. С. 126–133.
24. Чичикин П.А., Ефремов А.Г. Чувашия индустриальная // Чувашской АССР – 50 лет. Чебоксары, 1970. С. 35–45.
25. Чувашия за 50 лет: стат. сб. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1970. 132 с.
26. Чувашская АССР в период Великой Отечественной войны (июнь 1941–1945 гг.): сб. док. и материалов. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1975. 528 с.

ГРИГОРЬЕВ АЛЕКСАНДР ДМИТРИЕВИЧ – кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории имени А.В. Арсентьевой, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (ru-900pis@yandex.ru).

ХАРИТОНОВА СВЕТЛАНА БРОНИСЛАВОВНА – кандидат исторических наук, доцент кафедры документоведения, информационных ресурсов и вспомогательных исторических дисциплин, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (ssbron@mail.ru).

A. GRIGORJEV, S. KHARITONOVA

WOMEN AND WAR: ANALYSIS OF CHANGES IN SOCIAL STATUS AND ROLE
(based on the materials of Chuvashia)

Key words: history of the Great Patriotic War, the home front during the war, female labour in years of war, heroism of women in years of war, Chuvash ASSR.

The place and role of women in the heroic deeds displayed nation-wide during the Great Patriotic War will never lose its relevance, especially in modern Russia, when there is a growing research interest in multi-level and multi-faceted problems associated with the whole spectrum of the relationship of women, society and the state. Based on archival sources and published literature, the authors give an analysis of changes in the social status of women since the beginning of the Great Patriotic War. One of the results was an opportunity to show the role of women, involved either in industrial production or in agriculture, attesting to her hard work aimed at strengthening the defense capability of the Soviet state in the troubled times. The paper vividly illustrates the heroic exploit of the female population despite all the hardships in their life during the Great Patriotic War, when women manifested their close concern of all the events on the front line, and understood that their primary task should be serving on the home front.

References

1. Andreeva 3.A. *Chuvashskaya zhenshchina v proshloi voine* [Chuvash woman in the last war]. *Yalav*, 1975, no. 5, pp. 21–25.
2. Akhazov T.A. *Perestroika narodnogo khozyaistva Chuvashskoi ASSR na voennyi lad v nachal'nyi period Velikoi Otechestvennoi voiny sovetskogo naroda 1941–1945 gg.* [Restructuring the economy of the Chuvash ASSR on a war footing during the initial period of the Great Patriotic War of the Soviet People in 1941–1945]. *Uchenye zapiski (NII pri Sovmine Chuvashskoi ASSR). Vypusk 40* [Uchenye Zapiski (Scientific Research Institute under the Council of Ministers of the Chuvash ASSR), Issue 40]. Cheboksary, 1968, pp. 38–68.
3. Volkova E.Y. *Zhenshchiny tylovykh regionov Rossii v period Velikoi Otechestvennoi voiny 1941–1945 gg.: dis. d-ra ist. nauk* [Women of Rear Regions of Russia during the Great Patriotic War of 1941–1945 Doct. Diss.]. St. Petersburg, 2008. 492 p.
4. *Krasnaya Chuvashiya* [Red Chuvashia], 1944, Sept. 27.
5. *Gosudarstvennyi arkhiv sovremennoi istorii Chuvashskoi Respubliki. Fond 1. Opis 23* [State Archives of contemporary history. Archive 1. Opis 23].
6. *Gosudarstvennyi arkhiv sovremennoi istorii Chuvashskoi Respubliki. Fond 381. Opis 2* [State Archives of contemporary history. Archive 381. Opis 2].
7. *Gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Chuvashskoi Respubliki. Fond 1041. Opis 1* [State Historical Archive of the Chuvash Republic. Archive 1041. Anagraph 1].
8. *Gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Chuvashskoi Respubliki. Fond 872. Opis 20* [State Historical Archive of the Chuvash Republic. Archive 872. Anagraph 20].
9. *Gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Chuvashskoi Respubliki. Fond 517. Opis 16* [State Historical Archive of the Chuvash Republic. Archive 517. Anagraph 16].
10. *Gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Chuvashskoi Respubliki. Fond 872. Opis 16* [State Historical Archive of the Chuvash Republic. Archive 872. Anagraph 16].
11. Grigor'ev A.D. *Material'noe polozhenie i byt naseleniya Chuvashskoi ASSR v gody Velikoi Otechestvennoi voiny 1941–1945 gg.* [Economic and Living Conditions of the Population of the Chuvash ASSR during the Great Patriotic War of 1941–1945]. Cheboksary, Chuvash State Univesity Publ., 2008, 168 p.
12. Grigor'ev A.D., Kharitonova S.B. *Ispol'zovanie zhenskogo potentsiala v promyshlennom proizvodstve Chuvashii v 1920–1930-e gg.* [The Use of Females' Potential in Industrial Production of Chuvashia in the 1920s–1930s]. *XX–XXI veka v istorii Rossii aktual'nye problem: sb. st. VIII Mezhdunar. nauch.-prakt. konf.* [Proc. of VIII Int. Sci. Conf. «The XX–XXI centuries in the history of Russia: actual problems»]. Penza, 2012, pp. 60–63.
13. Zaitsev M.V., Shornikov A.M. *Sotsialisticheskoe sel'skoe khozyaistvo respubliki* [Socialist agriculture of the Republic]. In: *Chuvashskoi ASSR – 50 let [50th Anniversary of the Chuvash ASSR]*. Cheboksary, 1970, pp. 90–97.
14. Izhoikin A.F. *Rabochii klass Chuvashii v gody Velikoi Otechestvennoi voiny* [The working Class of Chuvashia during the Great Patriotic War]. Cheboksary, Chuvash Publishing House, 1961, 109 p.
15. *Istoriya Chuvashii noveishego vremeni: v 2 kn.* [Modern Time History of Chuvashia. 2 books]. Cheboksary, 2001, book 1, 261 p.
16. *Pravda*, 1942, Mar. 7.
17. *Resheniya partii i pravitel'stva po khozyaistvennym voprosam (1917–1967): v 6 t.* [The Party and Government's Decisions on Economic Issues (1917–1967). 6 vols]. Moscow, Politizdat Publ., 1968, vol. 3, 751 p.

18. Sviyagina V.I. *Politicheskoe vospitanie zhenshchin v gody Velikoi Otechestvennoi voiny* [Political education of women during the Great Patriotic War]. In: *Ideologicheskaya rabota partiinykh organizatsii v gody Velikoi Otechestvennoi voiny* [The Ideological work of party organizations during the Great Patriotic War]. Gorkii, 1976, pp. 34–38.
19. Sviyagina V.I., Izorkin A.V. *Trudovoi podvig zhenshchin Chuvashii v gody Velikoi Otechestvennoi voiny* [Females' Feats of Labor in Chuvashia during the Great Patriotic War]. *Istoriya, arkhologiya i etnografiya Chuvashskoi ASSR: trudy. Vypusk 60* [History, Archeology and Ethnography of the Chuvash ASSR: Collected Papers, Issue 60]. Cheboksary, 1975, pp. 39–55.
20. Sokolova V.I. *Molodezh' Chuvashii v gody Velikoi Otechestvennoi voiny, vosstanovleniya i razvitiya narodnogo khozyaistva (1941–1953 gg.)* [The Youth of Chuvashia during the Great Patriotic War, reconstruction and development of the national economy (1941–1953)]. Cheboksary, Chuvash State Univesity Publ., 2008, 304 p.
21. *Strana Sovetov za 50 let: sb. stat. materialov* [The country of the Soviets in its 50-year history: collected statistical materials]. Moscow, Statistika Publ., 1967, 351 p.
22. Sukhova E.V. *Edinstvo fronta i tyla v Velikoi Otechestvennoi voine 1941–1945 gg. (na materialakh Chuvashskoi ASSR)* [The Unity of the Front and Home Front in the Great Patriotic War of 1941–1945 (on the materials of the Chuvash ASSR)]. Cheboksary, 2008, 211 p.
23. Kharitonova S.B. *Zhenshchiny v sel'skom khozyaistve Chuvashii v gody Velikoi Otechestvennoi voiny* [Women in agriculture of Chuvashia during the Great Patriotic War]. *Vestnik Chuvashskogo universiteta*, 2011, no. 2, pp. 126–133.
24. Chichikin P.A., Efremov A.G. *Chuvashiya industrial'naya* [Chuvashia industrial]. In: *Chuvashskoi ASSR – 50 let. [50th Anniversary of the Chuvash ASSR]*. Cheboksary, 1970, pp. 35–45.
25. *Chuvashiya za 50 let: stat. sb.* [Chuvashia in its 50-year history: collected statistical materials]. Cheboksary, Chuvash Publishing House, 1970, 132 p.
26. *Chuvashskaya ASSR v period Velikoi Otechestvennoi voiny (iyun' 1941– 1945 gg.): sb. dok. i materialov* [Chuvash ASSR during the great Patriotic war (June 1941–1945): Collection of documents and materials]. Cheboksary, Chuvash Publishing House, 1975, 528 p.

GRIGORJEV ALEKSANDR – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Russian History Department, Chuvash State University, Cheboksary, Russia.

KHARITONOVA SVETLANA – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department for Records Management, In-formation Resources and Auxiliary Historical Disciplines, Chuvash State University, Cheboksary, Russia.

Ссылка на статью: Григорьев А.Д., Харитоновна С.Б. Женщина и война: анализ изменений социального статуса и роли (на материалах Чувашии) // Вестник Чувашского университета. – 2015. – № 4. – С. 40–48.

УДК 94 (470. 344) «17/18» – 057.34
ББК 63.3(2)4–28

Ю.В. ГУСАРОВ

ОБ УРОВНЕ ОБРАЗОВАНИЯ ЧИНОВНИЧЕСТВА ЧУВАШИИ В XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА*

Ключевые слова: чиновничество, канцелярские служащие, домашнее образование, систематическое образование, история Чувашии, дворянство.

В статье рассматриваются уровень и виды образования чиновничества Чувашии в XVIII – первой половине XIX вв. В первой половине XVIII в. большинство местных чиновников и канцелярских служащих имели домашнее образование. К середине XIX в. благодаря развитию системы народного образования и мерам правительства по повышению образовательного уровня чиновников выросла доля лиц с систематическим образованием, в том числе полученным в учебных заведениях Казани и уездных городов Чувашии. Как правило, чиновники из дворян получали среднее и высшее образование (в том числе военное), выходцы из непривилегированных сословий – начальное светское или духовное. Самым высоким уровнем образования обладали представители интеллигенции – врачи и учителя.

Развитие абсолютизма сопровождалось ростом бюрократического аппарата. Чиновники делились на табельных, обладавших чином по Табели о рангах, и внетабельных канцелярских служащих, которые резко отличались от них в правовом и материальном положении. Канцелярская среда служила «основным резервом для пополнения табельного чиновничества» [31. С. 63]. В середине 1750-х гг. в России было примерно 11,5-12,5 тыс. чиновников (в том числе 3,3 тыс. канцелярских служащих) [59. С. 176], в 1856 г. – 113,9 тыс. человек (в том числе 31,6 тыс. канцелярских служащих) [32. Стб. 46], т.е. за сто лет их количество увеличилось в 9-10 раз.

В XVIII в. чиновничество Чувашии (под Чувашией понимается территория современной Чувашской Республики, входившая в состав Казанской и Симбирской губерний) было представлено служащими государственных учреждений провинциального и уездного уровня, после реализации губернской реформы 1775 г. – уездного. По положению в табельной лестнице большинство представителей местной бюрократии относилось к третьей, низшей группе чиновничества (9-14 классы) и канцелярским служащим. Изучению уровня их образования посвящена данная статья.

Потомственные дворяне предпочитали гражданской службе менее трудную и более почётную военную, которая давала больше привилегий. Обычно на службу в гражданское ведомство они поступали по выходе в отставку, получая преимущество при чинопроизводстве [3. С. 86]. По подсчетам Г.А. Двоеносовой, 53% основателей дворянских родов Казанской губернии на момент внесения их родов в родословную книгу находились на военной службе, 37% – на гражданской; около 30% по увольнении из военной службы перешли на гражданскую [35. С. 110].

Выходцев из непривилегированных сословий гражданская служба привлекала материальными благами и возможностью повышения своего социального статуса. По Табели о рангах (1722) низший чин 14-го класса (коллежский регистратор) давал личное дворянство, 8-го (коллежский ассессор) – потомственное. В 1845 г. и 1856 г. ценз для получения дворянства был повышен, однако гражданская служба осталась одним из основных каналов пополнения дворянства. Дореволюционные авторы отмечали: «Современное

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ (проект № 13-31-01001).

дворянство плоть от плоти и кость от кости современной бюрократии» [Цит. по: 33. С. 110]. Не случайно, что в статистических источниках чиновники часто фиксировались в одной графе с дворянами.

До начала XIX в., пока не была создана система народного образования, государство не предъявляло требований к уровню образования чиновников. Как следствие, правительственный аппарат «был переполнен малограмотными служащими» [31. С. 67], знания которым заменял служебный опыт. Даже в первой половине XIX в. встречались неграмотные чиновники, хотя ещё в 1731 г. было запрещено принимать на гражданскую службу лиц, не знающих грамоты [48].

В XVIII в. основным видом образования было домашнее (несистематическое), дававшее начальные знания. Оно же служило для подготовки к поступлению в учебные заведения. В Чувашии обучением на дому занимались мещане, диаконы, церковнослужители или их вдовы; некоторые из них содержали частные школы. Выходец из чувашских крестьян, переводчик Козьмодемьянского земского суда С.М. Михайлов вспоминал, что научился читать в приемной семье купца г. Козьмодемьянск, а писать – у писца козьмодемьянского магистрата [40. С. 26]. В 1722 г. камерир Алатырской провинции И.Ф. Сухов указывал, что его пятилетний сын Иван «учится грамоте словесно» [51. Д. 13. Л. 776, 776об.].

При наличии достаточных знаний домашними учителями могли выступать родители. Скажем, историк, бывший цивильский предводитель дворянства Н.С. Арцыбышев, будучи полиглотом, дважды в неделю занимался со своими детьми немецким языком [27. С. 10]. Иные из канцеляристов не только обучали своих детей грамоте, но и выступали их профессиональными наставниками. Так, в 1729 г. копиист Чебоксарской воеводской канцелярии Василий Кокшайский служил в полаты под началом отца, подьячего Ф.И. Кокшайского [5. Л. 155, 155об.].

При Петре I домашнее образование дворян рассматривалось как уклонение от государственной службы и строго наказывалось. В 1729 г. по указу Герольдмейстерской конторы в Чебоксарском уезде были переписаны дворянские недоросли «которые в службу еще не успели, а в школу годны и грамоте умеют» [5. Л. 4, 418об.]. Только в 1730-е гг. государство признало за дворянами право и обязанность обучать детей дома для подготовки к военной и гражданской службе [59. С. 288]. В 1819 г. внуки городского Цивильска Н.Е. Рылеева, недоросли Петр и Николай, обучались грамоте, проживая в его чебоксарском имении [11. Л. 6(г)].

Нередко программа домашнего обучения чиновников дополнялась изучением иностранных языков и начальными сведениями по истории, географии, математике [59. С. 288]. Так, в 1755 г. чебоксарский помещик, капитан А.А. Кушников представил в Свияжскую провинциальную канцелярию на первый дворянский смотр (по достижении 7 лет) сыновей Сергея и Василия, указав, что они обучаются французскому и русскому языкам (чтение, письмо). По его просьбе сыновья были оставлены дома для завершения первоначального обучения до возраста второго смотра (12 лет) [51. Д. 463. Л. 2–3об., 10]. Вероятно, их воспитывал гувернер-иностранец, что было по средствам только дворянам с хорошим достатком. В 1760 г. титулярный советник М.С. Пересекин представил в Алатырскую провинциальную канцелярию 7-летнего сына Николая, которому был выдан паспорт по достижении 12 лет для обучения дома грамоте и арифметике. В 1765 г. в связи с тем, что Н. Пересекин «арифметики не доучил», паспорт ему был продлен ещё на 3 года [38].

Вопрос о домашнем образовании неоднозначный. Существует немало примеров тому, как люди без систематического образования становились высокообразованными людьми и достигали карьерных высот. Наверное, многие

из них могли бы подписаться под словами Н.С. Арцыбышева: «Всем, что я знаю дельного, одолжен я сам себе» [45. Л. 27об.].

Согласно Генеральному регламенту 1720 г. канцелярии государственных учреждений занимались подготовкой кадров: учеников в рабочем порядке обучали письмоводству и арифметике, зарекомендовавших себя с хорошей стороны определяли на свободные вакансии [49. С. 126]. Вот пример: в 1720-е гг. сирота, подьяческий сын И.И. Турченинов был взят в Московскую полицмейстерскую контору «для обучения приказного дела» и по окончании учебы оставлен в ней копиистом. В 1731 г. он поступил канцеляристом в Чебоксарскую воеводскую канцелярию [6. Л. 33–33об.]. В 1766–1767 гг. сын чувашского крестьянина с. Атиково Свияжского уезда, выпускник новокрещенской школы М.Я. Иштутов стажировался в Свияжской провинциальной канцелярии писцом вне штата, а в 1767 г. поступил копиистом в канцелярию Синода [37. С. 145].

В 1720-х – 1763 гг. чиновников из дворян готовили в юнкерских школах при Сенате и коллегиях. Так, в 1751–1758 гг. свияжский дворянин Ф.В. Горемыкин (1740–?) обучался в школе юнкеров при Коммерц-коллегии, по окончании которой был определен секретарем в Свияжскую провинциальную канцелярию [52. Д. 850. Л. 287]. Известно, что юнкера Коммерц-коллегии посещали классы при Академии наук, где обучались истории, географии, французскому, немецкому языкам и прочим наукам [59. С. 274].

Определенный вклад в подготовку канцелярских кадров внесли цифирные (арифметические) школы, открытые в первой четверти XVIII в. при архиерейских домах и крупных монастырях. Школы находились в ведении Адмиралтейской коллегии, предназначались для детей приказных и духовенства в возрасте 10–15 лет. Учителями в них работали выпускники Навигацкой школы и ученики Морской академии. В 1723 г. А. Пахирев, присланный из Академической канцелярии для обучения подьяческих детей Свияжской провинции «арифметике и некоторой части геометрии», открыл арифметическую школу в Свияжске [5. Л. 275]. К 1727 г. он обучил 13 учеников и продолжал работать с тремя [60. С. 141]. В 1729 г. по запросу Пахирева Чебоксарская воеводская канцелярия направила на обучение в свияжскую школу 13-летнего копииста Василия Кокшайского и приняла на работу писцом её выпускника Петра Трушеникова [5. Л. 155об., 275, 457], вероятно, сына подьячего Н.М. Трушеникова.

В канцеляристы поступали отдельные выпускники новокрещенских школ XVIII в. В 1830-х – 1861 гг. в селениях Казанской и Симбирской губерний функционировали приходские училища Департамента уделов и Министерства государственных имуществ (МГИ), лучшие выпускники которых поступали писарями и канцеляристами в удельные конторы и приказы, окружные управления МГИ, волостные правления [30. С. 534; 41. Л. 107]. С 1830-х гг. Министерство финансов вело подготовку сельских писарей, которые за общественный счет обучались в приходских и уездных училищах, а затем проходили стажировку в казенных палатах или уездных казначействах. Известно, что в рамках этой программы в Ядринское уездное училище от каждой волости Ядринского уезда направлялись по два крестьянских мальчика чувашской национальности [41. Л. 121].

В чувашских уездах волостными писарями зачастую служили русские купцы и мещане. По свидетельству С.М. Михайлова, ради получения должности, позволявшей бессовестно обирать крестьян, они записывались в крестьянское сословие и не давали ходу грамотным чувашам, самые способные из которых служили под их началом «ничтожными писарями в сельских расправах» [40. С. 200, 201]. Только единицам из чувашей удавалось сделать успешную чиновничью карьеру. Например, сын крестьянина д. Кугеево Свияжского уезда

Казанской губернии, выпускник Казанской новокрещенской школы В.С. Кайсаров в 1769 г. поступил копиистом в Свяжскую провинциальную канцелярию и дослужился до титулярного советника (занимал должности гражданского, свияжского уездного стряпчего и др.); приобрел поместье в 200 десятин земли [57].

До второй половины XVIII в. чиновники Чувашии из-за отсутствия учебных заведений в Казани и Симбирске были вынуждены отправлять своих детей на обучение в столицу. В соответствии с сословными традициями дворяне отдавали предпочтение военным учебным заведениям. Скажем, сын надворного советника, неоднократно замещавшего воеводу г. Цивильск А.С. Арцыбышева С.А. Арцыбышев в 1764 г. закончил Артиллерийский и инженерный шляхетный кадетский корпус [24. С. 13], гражданский земский исправник Н.В. Мельгунов в 1808 г. – кадетский корпус [7. Л. 1об.–2]. Цивильский и чебоксарский землемер В.И. Троцкий в 1798–1806 гг. обучался в Императорском военно-сиротском доме [10. Л. 17]. Упомянутые С.А. и В.А. Кушниковы в 1757 г. были зачислены в Сухопутный шляхетный кадетский корпус [51. Д. 463. Л. 2–3об., 10] (впоследствии С.А. Кушников служил казначеем Коллегии экономии в Царевококшайском и других уездах Казанской губернии). Также и воевода Чебоксар, надворный советник А.Г. Копылов являлся выпускником этого высшего военного учебного заведения (окончил в 1741 г.) [6. Л. 14]. Сын воеводы Чебоксар А.И. Кушникова Д.А. Кушников окончил Чертежно-артиллерийскую школу в Петербурге, в 1763–1764 гг., являлся членом (геодезистом) сенатской комиссии подполковника А.И. Свечина по ревизии корабельных лесов в Среднем Поволжье [18. С. 412].

Иногда специальное образование получали без отрыва от военной службы. Скажем, надворный советник А.И. Леонтьев, в разные годы служивший свияжским провинциальным прокурором и чебоксарским уездным судьей, в 1740-х гг. обучался «арифметике, тригонометрии, фортификации и артиллерии», числясь на службе в лейб-гвардии Преображенском полку [52. Д. 646. Л. 5об.].

Популярностью у дворян пользовались иностранные пансионы, в которых большое внимание уделялось изучению европейских языков. Скажем, сыновья гражданского помещика С.А. Арцыбышева Николай и Александр в 1780-е гг. последовательно закончили казанский немецкий пансион для дворянских и купеческих детей М. Вюльфинга и петербургский немецкий пансион для дворян Н. Бамана [24. С. 20, 21]. В начале XIX в. оба служили в Цивильске – первый уездным предводителем дворянства, второй – почтовым экспедитором [24. С. 74; 45. Л. 2об.].

Во второй половине XVIII в. в Казанской и Симбирской губерниях стали открываться общеобразовательные учебные заведения, в том числе для дворян. К последним относилась казанская гимназия (1798), среди первых учеников которой были сыновья гражданского помещика, свияжского предводителя дворянства Л.П. Есипова Николай и Петр [8. Л. 20об.].

В 1780–1790-х гг. в городах Чувашии (Алатырь, Чебоксары, Ядрин) открылись все сословные малые народные училища, в которых обучались, в том числе, дети чиновников. Скажем, в год открытия Алатырского малого народного училища (1787) в него поступило двое детей канцелярских служителей и пять – офицеров (в том числе чиновников в офицерских чинах), что составляло 25% от числа всех учеников [1. С. 73]. По неполным данным, за 1789–1799 гг. в училище обучались 975 человек, в том числе 54 сына табельных чиновников, 2 – лекарей, 41 – канцелярский служащий, что составляет 10% от числа учащихся [2. С. 293]. К сведению, в 1795 г. чиновники составляли 0,9% городского населения Чувашии (вместе с дворянами – 6,8%) [29. С. 400].

Поначалу дворяне противились все сословному обучению. Известно, что после учреждения дворянской гимназии в Казани они стали переводить в неё своих

сыновей из Казанского главного народного училища, считая неприличным их общение с «детьми граждан низшего класса» [56. С. 34]. В первое время после открытия в Казанской губернии уездных училищ (1810-е гг.) дворяне и чиновники «по какому-то предрассудку» не отдавали туда своих детей. Чтобы «поправить дело», профессорам Казанского университета пришлось обещать дворянам открывать для их сыновей отдельные классы, дабы они «не смешивались с детьми разночинцев и крепостных людей» [58. С. 134]. Судя по всему, такие настроения имели место и в Чувашии. Скажем, в 1826 г. учителя Цивильского уездного училища с разрешения исполняющего должность директора училищ Казанской губернии М.С. Рыбушкина обучали детей Н.С. Арцыбышева, посещая их на дому; в 1837 г. их коллеги из Чебоксар частно на дому обучали до 6 учеников [14. Д. 24. Л. 65; 15. Д. 432. Л. 3об.].

В начале XIX в. в связи с усложнившимися задачами государственного управления были приняты меры, направленные на повышение образовательного уровня чиновников. Указом от 6 августа 1809 г. было установлено, что соискатели гражданских чинов VIII и V классов должны иметь университетское образование или сдать соответствующие экзамены. Указ был непопулярен в чиновничьей среде и исполнялся с отступлениями; окончательно отменен в 1834 г. Он мало затронул местное управление, где количество должностей VIII класса было невелико [36]. Больше значение имело «Положение о порядке производства в чины по гражданской службе» 1834 г., действовавшее до 1856 г. Оно поделило чиновников на три разряда по уровню образования (высшее, среднее, начальное), для каждого из которых действовали разные сроки производства в чины. В 1844 г. были приняты «Дополнительные правила к Уставу о гражданской службе», по которым лица, не закончившие уездное училище или не сдавшие экзамен за его курс, могли производиться в первый классный чин лишь после 4–12 лет службы (в зависимости от социального происхождения).

Под влиянием этих мер в первой половине XIX в. сформировалось поколение чиновников, для которых «систематическое образование становилось нормой» [36]. Чиновники Чувашии не являлись исключением. Например, в 1851–1852 гг. канцелярский служитель Чебоксарского земского суда П.И. Степанов и секретарь Цивильского уездного суда А.В. Аплавин сдали экзамены, предусмотренные законом 1844 г. в Чебоксарском и Цивильском уездных училищах, соответственно [15. Д. 126. Л. 7; 54. Л. 65].

В уездных училищах на территории Чувашии доля детей дворян и чиновников составляла 22,1% (для сравнения: купцов и мещан – 47,9%, крестьян – 30%) [50. С. 160]. Это немало, учитывая, что в конце 1850 – начале 1860-х гг. чиновники и дворяне составляли 3,5% городского населения Чувашии [подсчитано по: 47. С. 7; 46. С. 94, 308; 44. С. 87; 34. С. 83].

Как правило, дети чиновников недворянского происхождения поступали на гражданскую службу по получении начального образования. Вот примеры: в 1824 г. сын канцеляриста П. Троицкий выбыл из Цивильского уездного училища «для определения в должности» [13. Л. 2], в 1818 г. сын обер-офицера, «с похвалой» окончивший Ядринское уездное училище, поступил на службу с приказным чином губернского регистратора [16. Л. 19об.]. Такое поведение объясняется тем, что неродовитые чиновники, как правило беспоместные, не имели средств для дальнейшего обучения детей. Те же из них, кто имел поместья, по примеру потомственных дворян инвестировали средства в образование своих детей. Скажем, сын личного дворянина, секретаря Цивильского земского суда П.С. Чашкова Н.П. Чашков в 1818 г. окончил Казанский университет [23. С. 449].

Отставные офицеры с военным или светским образованием успешно делали гражданскую карьеру. Например, воспитанники Морского кадетского корпуса – лейтенант флота А.М. Карпека и поручик И.И. Беляев служили в Чебоксарах предводителем дворянства и заседателем уездного суда [42. Л. 10; 35. С. 91, 270], соответственно; генерал-майор Д.Н. Леонтьев (Артиллерийская военная академия) – мировым посредником Чебоксарского уезда [20], поручик Ф.И. Лакреев-Панов (Казанский университет) – свияжским предводителем дворянства [19], капитан Н.П. Завадский (Казанская гимназия) – гражданским уездным судьей [39. С. 214; 55. Л. 8об.].

В первой половине XIX в. значительно расширился список учебных заведений, в которых получали образование местные чиновники. Гражданский уездный судья С.П. Завадский в юности был вольнослушателем Санкт-Петербургского университета (курса наук не окончил) [25. С. 65; 53. Л. 5, 6]. Дворянский заседатель Ядринского земского суда А.Я. Телешев окончил Главный педагогический институт [35, с. 545], управляющий Алатырской удельной конторы А.П. Бороздин и её столоначальник князь В.А. Оболенский – Пажеский корпус [22. С. 281; 12. Л. 6об., 7]. Братья – гражданский окружной начальник Н.Д. Леонтьев и чебоксарский предводитель дворянства И.Д. Леонтьев – обучались в Благородном пансионе при Царскосельском лицее. Первый окончил его с золотой медалью, второй из последнего класса был переведен в Школу гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров, которую закончил с высшим отличием – чином офицера гвардии [43. Л. 58; 15. Д. 53. Л. 22об.; 20].

Гимназическое образование в Казани получили: почётный смотритель Ядринского уездного училища А.А. Акчурина [9. Л. 14], дворянский заседатель Ядринского уездного суда А.Е. Гурылев [35. С. 176] и др. Большую роль в развитии культуры и образования в Среднем Поволжье сыграл Казанский университет, который до революции окончили более 300 уроженцев Чувашии [28]. Среди них чиновники: братья М.А. Лохтин (чебоксарский предводитель дворянства) и Д.А. Лохтин (депутат дворянства Цивильского, Чебоксарского уездов) [21. С. 467], М.Н. Арцыбышев (чебоксарско-козьмодемьянский предводитель дворянства) [35. С. 71], И.И. Верцелиус (ядринский окружной начальник) [17], Ф.В. Матюнин (гражданский предводитель дворянства) [35. С. 360], князь А.Д. Тенишев (канцелярский чиновник Алатырской удельной конторы) [26. С. 270], Н.И. Аристов (канцелярист Алатырской удельной конторы) [35. С. 66], И.Г. Горемыкин (почетный смотритель Цивильского уездного училища) [14. Д. 40. Л. 240об.] и др. Для кого-то из них служба в Чувашии была началом карьеры, для других – её очередным этапом после работы в центральных государственных учреждениях.

Чиновники – выходцы из духовенства, имели духовное (полное, неполное) образование. Так, в Казанской духовной академии обучались земские исправники: Ядринского уезда А.В. Головкинский, Цивильского – Г.Ф. Тарбеев, Козьмодемьянского – И.П. Арканов. Казанскую духовную семинарию окончил заседатель Чебоксарского земского суда С.П. Домонтович [35. С. 69, 159, 195, 542].

Чиновников готовили и вне стен учебных заведений. Скажем, гражданский уездный землемер Д.П. Фатов в 1810-е гг. «окончил курс» в Санкт-Петербургском военно-топографическом депо [35. С. 573].

В начале XIX в. профессиональный состав чиновничества расширился за счет инженеров, врачей, учителей и др., доля которых в его общей массе составляла около 10% [61. С. 115]. Учителя учебных заведений Чувашии, как правило, имели светское (начальное, среднее, высшее) или духовное образование, полученное в государственных и частных учебных заведениях Петербурга, Казани, Симбирска и уездных городов Поволжья. В первой половине XIX в.

среди них встречались лица с домашним образованием [4. С. 39–42]. Большинство врачей Чувашии окончили Казанский университет [4. С. 48].

Среди учителей и врачей доминировали выходцы из духовенства, мещан, купцов и крестьян. Это свидетельствует о том, что в XIX в. в общественном сознании сформировались представления о жизненном успехе, связанные с небюрократической деятельностью, требующей профессионального образования.

С развитием системы образования доля российского чиновничества с домашним образованием в целом по стране сокращалась и в 1840-х гг. составляла 5% [31. С. 69]. В середине XIX в. домашнее образование имели, например, почётный смотритель Цивильского уездного училища князь А.А. Долгоруков [4. С. 69], участковый мировой посредник Козьмодемьянского и Ядринского уездов П.Н. Яльцев [9. Л. 14], депутат дворянства Чебоксарского уезда подполковник А.А. Евсевьев [43. Л. 34об.–40; 35. С. 205].

Итак, на примере Чувашского края видно, что развитие системы образования и меры по повышению образовательного уровня чиновничества принесли свои плоды. Если в XVIII в. чиновники и канцелярские служащие Чувашии в большинстве имели домашнее образование, то к середине XIX в. среди них выросла доля лиц с систематическим образованием, в том числе полученным в учебных заведениях Казани и уездных городов Казанской губернии. Как правило, чиновники из дворян имели среднее и высшее (в том числе военное) образование, выходцы из непривилегированных сословий – начальное светское или духовное. Самым высоким уровнем образования обладали представители интеллигенции – врачи и учителя.

Литература и источники

1. Артамонова Л.М. Политика государства и позиция общества в отношении общеобразовательных начальных школ Поволжья в конце XVIII в. (на примере училища в г. Алатыре) // Самарский земский сборник. 2005. № 4. С. 71–83.

2. Артамонова Л.М. Общество, власть и просвещение в русской провинции XVIII – начала XIX в. (Юго-восточные губернии Европейской России). Самара: Изд-во Самарского научного центра РАН, 2001. 395 с.

3. Архипова Т.Г., Румянцева М.Ф., Сенин А.С. История государственной службы в России XVIII–XX века. М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 2000. 230 с.

4. Гаврилова Л.М. Интеллигенция Чувашии в первой половине XIX века: подготовка и профессиональная деятельность врачей и учителей // Исследования по истории Чувашии дооктябрьского периода / ЧНИИ. Чебоксары, 1985. С. 31–52.

5. Государственный исторический архив Чувашской Республики (ГИА ЧР). Ф. 2. Оп. 1. Д. 8.

6. ГИА ЧР. Ф. 2. Оп. 2. Д. 1.

7. ГИА ЧР. Ф. 4. Оп. 1. Д. 423.

8. ГИА ЧР. Ф. 4. Оп. 2. Д. 5.

9. ГИА ЧР. Ф. 14. Оп. 1. Д. 452.

10. ГИА ЧР. Ф. 78. Оп. 1. Д. 397.

11. ГИА ЧР. Ф. 90. Оп. 1. Д. 172.

12. ГИА ЧР. Ф. 193. Оп. 5. Д. 7.

13. ГИА ЧР. Ф. 211. Оп. 2. Д. 1.

14. ГИА ЧР. Ф. 211. Оп. 3.

15. ГИА ЧР. Ф. 216. Оп. 1.

16. ГИА ЧР. Ф. 222. Оп. 1. Д. 1.

17. Гусаров Ю.В. Верцеллиусы // Чувашская энциклопедия: в 4 т. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2006. Т. 1. С. 311.

18. Гусаров Ю.В. Кушниковы // Чувашская энциклопедия: в 4 т. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2008. Т. 2. С. 411–412.

19. Гусаров Ю.В. Лакреевы-Пановы // Чувашская энциклопедия: в 4 т. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2008. Т. 2. С. 418.

20. Гусаров Ю.В. Леонтьевы // Чувашская энциклопедия: в 4 т. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2008. Т. 2. С. 436.

21. Гусаров Ю.В. Лохтины // Чувашская энциклопедия: в 4 т. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2008. Т. 2. С. 466 – 467.

22. Гусаров Ю.В. Оболенские // Чувашская энциклопедия: в 4 т. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2009. Т. 3. С. 280–281.
23. Гусаров Ю.В. Чашковы // Чувашская энциклопедия: в 4 т. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2011. Т. 4. С. 449–450.
24. Гусаров Ю.В. Цивильский затворник: Очерк жизни и творческой деятельности Н.С. Арцыбышева / ЧГИГН. Чебоксары, 2000. 184 с.
25. Гусаров Ю.В. Дневник провинциального помещика первой четверти XIX века // Вопросы истории народов Поволжья и Приуралья: материалы регион. науч. конф. (г. Чебоксары, 11–12 января 1994 г.). Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 1997. С. 64–70.
26. Гусаров Ю.В. Князья Тенишевы и Алатырский край // Жизнь во славу Отечества. Город Алатырь в Отечественной войне 1812 года. Чебоксары: Пегас, 2013. С. 261–277.
27. Гусаров Ю.В. Новые мемуарные источники об историке Н.С. Арцыбышеве // Исследования по истории Чувашии и чувашского народа: сб. науч. тр. Вып. 4 / ЧГИГН. Чебоксары, 2006. С. 3–15.
28. Гусаров Ю.В., Краснов Н.Г. Казанский государственный университет // Чувашская энциклопедия: в 4 т. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2008. Т. 2. С. 181.
29. Димитриев В.Д. Чувашия в эпоху феодализма (XVI – начало XIX вв.). Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1986. 456 с.
30. Дружинин Н.М. Государственные крестьяне и реформа П.Д. Киселева. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1946. Т. 1. 631 с.
31. Ерошкин Н.П. Крепостническое самодержавие и его политические институты (первая половина XIX века). М.: Мысль, 1981. 252 с.
32. Ерошкин Н.П. Чиновничество // Советская историческая энциклопедия. М.: Сов. энциклопедия, 1976. Т. 16. Стб. 44–52.
33. Зорин Н.В. Города и посады дореволюционного Поволжья. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2001. 704 с.
34. Изоркин А.В. Ядрин: Исторический очерк. 2-е изд. Чебоксары: Калем, 2003. 232 с.
35. Казанское дворянство 1785–1917 гг.: Генеалогический словарь / сост. Г.А. Двоеносова. Казань: Гасыр, 2001. 640 с.
36. Люди 20-го числа: Мир провинциального российского чиновничества конца XVIII – начала XX века / Т.И. Любина и др. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rfh.ru/downloads/Books/124193043.pdf> (дата обращения: 05.03.2015).
37. Макаров Д.М. О Михаиле Ишутове, копиисте Синода в XVIII веке, уроженце д. Аттикова Сви-яжского уезда // Труды. Вып. 73: Вопросы истории Чувашии / ЧНИИ. Чебоксары, 1977. С. 143–147.
38. Материалы исторические и юридические района бывшего Приказа Казанского дворца. Т. 9. [Электронный ресурс]. URL: <http://ct72943.tmweb.ru/Russian/17vek/arshiv/index.htm> (дата обращения: 09.03.2015).
39. Месяцеслов и Общий штат Российской империи на 1830 год. СПб.: Тип. при Императорской акад. наук, [1830]. Ч. 2. 424 с.
40. Михайлов С.М. Собрание сочинений. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2004. 510 с.
41. Научный архив Чувашского государственного института гуманитарных наук. Отд. II. Ед.хр. 13.
42. Национальный архив Республики Татарстан (НА РТ). Ф. 1. Оп. 1. Д. 14.
43. НА РТ. Ф. 407. Оп. 1. Д. 881.
44. Описание городских поселений Казанской губернии / сост. А.П. Орлов. Казань: Тип. губерн-ского правления, 1885. Вып. 1. 185 с.
45. Отдел рукописей Библиотеки Российской академии наук. Ф. 69. Д. 12.
46. Памятная книжка Казанской губернии на 1863 год. Казань: Изд. Казан. статистического комитета, 1862. 510 с.
47. Памятная книжка Симбирской губернии на 1860 год. Симбирск: Печ. в Симбирской гу-бернской типографии, 1860. 208 с.
48. Писарькова Л.Ф. Российский чиновник на службе в конце XVIII – первой половине XIX века. [Электронный ресурс]. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/Article/Pisar_RossChin.php (дата обращения: 09.03.2015).
49. Реформы Петра I: сб. док. / сост. В.И. Лебедев. М.: Гос. соц.-эк. изд-во, 1937. 379 с.
50. Рожнов В.П. Статистика Чувашии в период капитализма // История и культура Чуваш-ской АССР: сб. ст. Вып. 1 / ЧНИИ. Чебоксары, 1971. С. 137–158.
51. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 286. Оп. 1.
52. РГАДА. Ф. 441. Оп. 1.
53. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1343. Оп. 22. Д. 237.
54. РГИА. Ф. 1349. Оп. 3. Д. 91.
55. Рукописный отдел Института русской литературы и искусства. Ф. 13. Д. 149.
56. Рыбушкин М.С. Краткая история города Казани. Казань: Тип. Шевиц, 1848. Ч. 2. 150 с.
57. Симулин А.М. Кайсаров В.С. // Чувашская энциклопедия: в 4 т. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2008. Т. 2. С. 188.

58. Сухомлинов М.И. Исследования и статьи по русской истории и просвещению. СПб.: Изд. А.С. Суворина, 1889. Т. 1. 671 с.

59. Троицкий С.М. Русский абсолютизм и дворянство в XVIII в. Формирование бюрократии. М.: Наука, 1974. 396 с.

60. Фруменкова Т.Г. Цифирные и архиерейские школы первой трети XVIII века // Вопросы истории. 2003. № 7. С. 136–143.

61. Шепелев Л.Е. Чиновный мир России. XVIII – начало XX в. СПб.: Искусство–СПб., 2001. 479 с.

ГУСАРОВ ЮРИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, Чувашский государственный институт гуманитарных наук, Россия, Чебоксары (gsr63@yandex.ru).

Yu. GUSAROV

**LEVEL OF EDUCATION OF OFFICIALS IN CHUVASHIA
IN XVIII – FIRST HALF OF XIX CENTURY**

Key words: officials, clerks, home schooling, formal education, history of Chuvashia, gentry.

The article considers the level and types of education of officials in Chuvashia in the XVIII – first half of the XIX centuries. In the first half of the XVIII century most officials and clerks were home schooled. By the middle of the XIX century thanks to the development of the public education system and measures taken by the government to enhance the educational level of officials, the proportion of people with formal education increased, including those who graduated from educational institutions of Kazan and district centres of Chuvashia. As a rule, officials belonging to the gentry received secondary and higher education (including a military one), officials from underprivileged classes received primary secular or religious education. Intelligentsia – doctors and teachers – had the highest level of education.

References

1. Artamonova L.M. *Politika gosudarstva i pozitsiya obshchestva v otnoshenii obshcheobrazovatel'nykh nachal'nykh shkol Povolzh'ya v kontse XVIII v. (na primere uchilishcha v g. Alatyre)* [The attitude of the state and the society to general primary schools of the Volga region in late 18th century (on the example of the school in Alatyre)]. *Samarskii zemskii sbornik* [The Samara provincial collection]. 2005, no 4, pp. 71–83.

2. Artamonova L.M. *Obshchestvo, vlast' i prosveshchenie v russkoi provintsii XVIII – nachala XIX v. (Yugo-vostochnye gubernii Evropeiskoi Rossii)* [Society, power and enlightenment in the Russian province of the 18th – early 19th centuries (the South-Eastern Provinces of European Russia)]. Samara, 2001, 395 p.

3. Arkhipova T.G., Rumyantseva M.F., Senin A.S. *Istoriya gosudarstvennoi sluzhby v Rossii XVIII–XX veka* [The history of public service in Russia in XVIII–XX centuries]. Moscow, 2000, 230 p.

4. Gavrilova L.M. *Intelligentsiya Chuvashii v pervoi polovine XIX veka: podgotovka i professional'naya deyatel'nost' vrachei i uchitelei* [Intelligentsia of Chuvashia in the first half of the XIX century: Training and professional activities of doctors and teachers]. *Issledovaniya po istorii Chuvashii dooktyabr'skogo perioda: sb.nauch. tr.* [Historical Study of Chuvashia of pre-October period: Collected papers]. Cheboksary, 1985, pp. 31–52.

5. *Gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Chuvashskoi Respubliki. Fond 2. Opis' 1. Dokument 8.* [State Historical Archives of the Chuvash Republic. Archive 2. Anagraph 1. Document 8].

6. *Gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Chuvashskoi Respubliki. Fond 2. Opis' 2. Dokument 1* [State Historical Archives of the Chuvash Republic. Archive 2. Anagraph 2. Document 1].

7. *Gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Chuvashskoi Respubliki. Fond 4. Opis' 1. Dokument 423* [State Historical Archives of the Chuvash Republic. Archive 4. Anagraph 1. Document 423].

8. *Gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Chuvashskoi Respubliki. Fond 4. Opis' 2. Dokument 5* [State Historical Archives of the Chuvash Republic. Archive 4. Anagraph 2. Document 5].

9. *Gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Chuvashskoi Respubliki. Fond 14. Opis' 1. Dokument 452* [State Historical Archives of the Chuvash Republic. Archive 14. Anagraph 1. Document 452].

10. *Gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Chuvashskoi Respubliki. Fond 78. Opis' 1. Dokument 397* [State Historical Archives of the Chuvash Republic. Archive 78. Anagraph 1. Document 397].

11. *Gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Chuvashskoi Respubliki. Fond 90. Opis' 1. Dokument 172* [State Historical Archives of the Chuvash Republic. Archive 90. Anagraph 1. Document 172].

12. *Gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Chuvashskoi Respubliki. Fond 193. Opis' 5. Dokument 7* [State Historical Archives of the Chuvash Republic. Archive 193. Anagraph 5. Document 7].
13. *Gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Chuvashskoi Respubliki. Fond 211. Opis' 2. Dokument 1* [State Historical Archives of the Chuvash Republic. Archive 211. Anagraph 2. Document 1].
14. *Gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Chuvashskoi Respubliki. Fond 211. Opis' 3* [State Historical Archives of the Chuvash Republic. Archive 211. Anagraph 3].
15. *Gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Chuvashskoi Respubliki. Fond 216. Opis' 1* [State Historical Archives of the Chuvash Republic. Archive 216. Anagraph 1].
16. *Gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Chuvashskoi Respubliki. Fond 222. Opis' 1. Dokument 1* [State Historical Archives of the Chuvash Republic. Archive 222. Anagraph 1. Document 1].
17. Gusarov Yu.V. *Vertselliusy* [The Vertselliuses]. *Chuvashskaya entsiklopediya: v 4 t.* [Chuvash Encyclopedia. 4 vols.]. Cheboksary, Chuvash Publishing House, 2006, vol. 1. p. 311.
18. Gusarov Yu.V. *Kushnikovy* [The Kushnikovs]. *Chuvashskaya entsiklopediya: v 4 t.* [Chuvash Encyclopedia. 4 vols.]. Cheboksary, Chuvash Publishing House, 2008, vol. 2. pp. 411–412.
19. Gusarov Yu.V. *Lakreevy-Panovy* [The Lakreev-Panovs]. *Chuvashskaya entsiklopediya: v 4 t.* [Chuvash Encyclopedia. 4 vols.]. Cheboksary, Chuvash Publishing House, 2008, vol. 2, p. 418.
20. Gusarov Yu.V. *Leont'evy* [The Leontyevs]. *Chuvashskaya entsiklopediya: v 4 t.* [Chuvash Encyclopedia. 4 vols.]. Cheboksary, Chuvash Publishing House, 2008, vol. 2, p. 436.
21. Gusarov Yu.V. *Lokhtiny* [The Lokhtins]. *Chuvashskaya entsiklopediya: v 4 t.* [Chuvash Encyclopedia. 4 vols.]. Cheboksary, Chuvash Publishing House, 2008, vol. 2, pp. 466–467.
22. Gusarov Yu.V. *Obolenskie* [The Obolenskies]. *Chuvashskaya entsiklopediya: v 4 t.* Cheboksary, Chuvash Publishing House, 2009, vol. 3. pp. 280–281.
23. Gusarov Yu.V. *Chashkovy* [The Chashkovs]. *Chuvashskaya entsiklopediya: v 4 t.* [Chuvash Encyclopedia. 4 vols.]. Cheboksary, Chuvash Publishing House, 2011, vol. 4. pp. 449–450.
24. Gusarov Yu.V. *Tsivil'skii zatvornik: Oчерk zhizni i tvorcheskoi deyatel'nosti N.S. Artsybyshveva* [A Tsivilsk Recluse: a Sketch of N.S. Artsybyshv's life and creative activity]. Cheboksary, 2000, 184 p.
25. Gusarov Yu.V. *Dnevnik provintsial'nogo pomeshchika pervoi chetverti XIX veka* [A Diary of Provincial Landowner of the first quarter of the XIX century]. *Voprosy istorii narodov Povolzh'ya i Priural'ya: materialy region. nauch. konf. (g. Cheboksary, 10–11 janvarja 1994 g.)* [Proc. of conf. «The Issues Concerning the History of the Peoples of the Volga and Ural Regions», Cheboksary 10–11 January 1994]. Cheboksary, Chuvash State University Publ. 1997, pp. 64–70.
26. Gusarov Yu.V. *Knyaz'ya Tenishevy i Alatyrskii kraj* [The Tenishev Nobles and the Alaty Region]. *Zhizn' vo slavu Otechestva. Gorod Alaty' v Otechestvennoi voine 1812 goda* [The life for the glory of the Fatherland. The Town of Alaty' in the Patriotic War of 1812]. Cheboksary, Pegas Publ., 2013, pp. 261–277.
27. Gusarov Yu.V. *Novye memuarnye istochniki ob istorike N.S. Artsybyshveva* [New memoir sources about the historian N.S. Artsybyshv]. *Issledovaniya po istorii Chuvashii i chuvashskogo naroda. Vyp. 4.* [Historical Study of Chuvashia and the Chuvash people: Collected papers, issue 4]. Cheboksary, 2006, pp. 3–15.
28. Gusarov Yu.V., Krasnov N.G. *Kazanskii gosudarstvennyi universitet* [Kazan State University]. *Chuvashskaya entsiklopediya: v 4 t.* [Chuvash Encyclopedia. 4 vols.]. Cheboksary, Chuvash Publishing House, 2008, vol. 2, p. 181.
29. Dimitriev V.D. *Chuvashiya v epokhu feodalizma (XVI – nachalo XIX vv.)* [Chuvashia in the era of feudalism (XVI – early XIX centuries)]. Cheboksary, Chuvash Publishing House, 1986, 456 p.
30. Druzhinin N.M. *Gosudarstvennyye krest'yane i reforma P.D. Kiseleva* [State peasants and P.D. Kiselev's Reform]. Moscow, Leningrad, 1946, vol. 1. 631 p.
31. Eroshkin N.P. *Krepostnicheskoe samoderzhavie i ego politicheskie instituty (pervaya polovina XIX veka)* [The feudal autocracy and its political institutions (the first half of the XIX century)]. Moscow, Mysl' Publ., 1981, 252 p.
32. Eroshkin N.P. *Chinovnichestvo* [Officialdom.]. *Sovetskaya istoricheskaya entsiklopediya* [Soviet Historical Encyclopedia]. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya Publ., 1976, vol. 16, column 44–52.
33. Zorin N.V. *Goroda i posady dorevoljucionnogo Povolzh'ya* [Towns and Suburbs of Prerevolutionary Volga Region]. Kazan, Kazan University Publ., 2001, 704 p.
34. Izorkin A.V. *Yadrin: istoricheskii очерк. 2-e izd.* [Yadrin: Historical review. 2nd ed.]. Cheboksary, Kalem Publ., 2003, 232 p.
35. *Kazanskoe dvoryanstvo 1785–1917 gg.: Genealogicheskii slovar'* [The Kazan nobility in 1785–1917.: Genealogical Dictionary]. Kazan, Gasyr Publ., 2001, 640 p.
36. Lyubina T.I. et al. *Lyudi 20-go chisla: Mir provintsial'nogo Rossijskogo chinovnichestva kontsa XVIII – nachala XX veka* [People of the 20th: The world of the provincial Russian officialdom on the late XVIII – the early XX century]. Available at: <http://www.rfh.ru/downloads/Books/124193043.pdf> (Accessed 5 March 2015).
37. Makarov D.M. *O Mikhaile Ishutove, kopiiste Sinoda v XVIII veke, urozhenitse d. Attikova Sviyazhskogo uезда* [About Mikhail Ishutov, the copyist of the Synod in XVIII century, the native of Atti-

kovo village of the Sviyazhsk district]. *Trudy. Vyp. 73: Voprosy istorii Chuvashi* [Scientific Works. Issue 73: Issues on History of Chuvashia]. Cheboksary, 1977, pp. 143–147.

38. *Materialy istoricheskie i yuridicheskie raiona byvshego Prikaza Kazanskogo dvortsa*. T. 9. [Historical and Legal Materials of the Area of the Former Department of the Kazan Palace. Vol. 9]. Available at: <http://ct72943.tmweb.ru/Russian/17vek/arshiv/index.htm> (Accessed 9 March 2015).

39. *Mesyatseslov i Obshchii shtat Rossiiskoi imperii na 1830 god* [Menologion and General Staff of the Russian Empire in 1830]. St. Petersburg, [1830], part 2, 424 p.

40. Mikhailov S.M. *Sobranie sochinenii* [Collected Works]. Cheboksary, Chuvash Publishing House, 2004, 510 p.

41. *Nauchnyi arkhiv Chuvashskogo gosudarstvennogo instituta gumanitarnykh nauk. Otdel II. Edinitsa khraneniya 13* [Scientific Archives of the Chuvash State Institute of Humanities. Archive II. Storing Unit 13].

42. *Natsional'nyi arkhiv Respubliki Tatarstan. Fond 1. Opis' 1. Dokument 14*. [The National Archive of the Tatar Republic. Archive 1. Anagraph 1. Document 14].

43. *Natsional'nyi arkhiv Respubliki Tatarstan. Fond 407. Opis' 1. Dokument 881* [The National Archive of the Tatar Republic. Archive 407. Anagraph 1. Dokument 881].

44. *Opis' gorodskikh poselenii Kazanskoi gubernii* [The Inventory of Towns of Kazan Province]. Kazan, 1885, vol. 1, 185 p.

45. *Otdel rukopisej Biblioteki Rossiiskoi akademii nauk. Fond 69. Dokument 12*. [The Department of manuscripts of the Library of the Russian Academy of Sciences. Archive 69. Dokument 12].

46. *Pamyatnaya knizhka Kazanskoi gubernii na 1863 god* [The Kazan Province Memorial Book of 1863]. Kazan, 1862, 510 p.

47. *Pamyatnaya knizhka Simbirskoi gubernii na 1860 god* [The Simbirsk Province Memorial Book of 1860]. Simbirsk, 1860, 208 p.

48. Pisar'kova L.F. *Rossiiskii chinovnik na sluzhbe v kontse XVIII – pervoi polovine XIX veka* [A Russian Official on a Service in late XVIII – first half of XIX century]. Available at: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/Article/Pisar_RossChin.php (Accessed 9 March 2015).

49. *Reformy Petra I: sb. dokumentov* [Reforms of Peter I: Collected Documents]. Moscow, 1937, 379 p.

50. Rozhnov V.P. *Statistika Chuvashii v period kapitalizma* [Chuvashia's Statistics in the Period of Capitalism]. *Istoriya i kultura Chuvashskoi ASSR: sb. st. Vyp. 1* [History and Culture of the Chuvash Autonomous Republic: Collected papers. Issue 1]. Cheboksary, 1971, p. 137–158.

51. *Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv drevnikh aktov. Fond 286. Opis' 1*. [Russian State Archives of Ancient Documents. Archive 286. Anagraph 1].

52. *Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv drevnikh aktov. Fond 441. Opis' 1* [Russian State Archives of Ancient Documents. Archive 441. Anagraph 1].

53. *Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv. Fond 1343. Opis' 22. Dokument 237*. [Russian State Historical Archive. Archive 1343. Anagraph 22. Document 237].

54. *Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv. Fond 1349. Opis' 3. Dokument 91* [Russian State Historical Archive. Archive 1349. Anagraph 3. Document 91].

55. *Rukopisnyi otdel Instituta russkoi literatury i iskusstva. Fond 13. Dokument 149* Manuscripts Department of the Institute of Russian Literature and Art. Archive 13. Document 149].

56. Rybushkin M.S. *Kratkaya istoriya goroda Kazani* [A Brief History of Kazan City]. Kazan: tip. Shevits, 1848, ch. 2, 150 p.

57. Simulin A.M. *Kaisarov V.S.* [Kaisarov V.S.]. *Chuvashskaya entsiklopediya: v 4 t.* [Chuvash Encyclopedia. 4 vols]. Cheboksary, Chuvash Publishing House, 2008, vol. 2, p. 188.

58. Sukhomlinov M.I. *Issledovaniya i stat'i po russkoi istorii i prosveshcheniyu* [The studies and the articles on Russian history and education]. St. Petersburg, 1889, vol. 1, 671 p.

59. Troitskii S.M. *Russkii absolyutizm i dvoryanstvo v XVIII v. Formirovanie byurokratii* [Russian Absolutism and Nobility in XVIII century. Formation of Bureaucracy]. Moscow, Nauka Publ., 1974, 396 p.

60. Frumenkova T.G. *Tsifirnye i arkhieireiskie shkoly pervoi treti XVIII veka* [Arithmetical and episcopal schools of the first third of the XVIII century]. *Voprosy istorii* [Historical Issues], 2003, no. 7, pp. 136–143.

61. Shepelev L.E. *Chinovnyi mir Rossii. XVIII – nachalo XX v.* [The world of Russian Officialdom. XVIII – early XX century]. St. Petersburg, 2001, 479 p.

GUSAROV YURY – Candidate of Historical Sciences, Leading Researcher, Chuvash State Institute of Humanities, Russia, Cheboksary.

Ссылка на статью: Гусаров Ю.В. Об уровне образования чиновничества Чувашии в XVIII – первой половине XIX века // Вестник Чувашского университета. – 2015. – № 4. – С. 49–59.

УДК 364.65-058.862(47+57)(093)'192/193'

ББК 63.3(2)61-284.1ю1

А.Е. ДМИТРИЕВ

К ВОПРОСУ О НЕОПУБЛИКОВАННЫХ ИСТОЧНИКАХ ПО ПРОБЛЕМЕ ПРЕОДОЛЕНИЯ ДЕТСКОЙ БЕСПРИЗОРНОСТИ В ЧУВАШИИ В 1920–1930-е ГОДЫ И ТРУДНОСТЯХ ИХ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Ключевые слова: детская беспризорность, детский дом, исторический источник.

В статье делается обзор неопубликованных исторических источников по проблеме преодоления беспризорности в Чувашии в 1920–1930-е гг., выделяются их основные группы, дается оценка достоверности информации. Рассматриваются проблемные вопросы интерпретации источников и неоднозначности получаемой информации на конкретных примерах. На основе краткой характеристики разных групп документов раскрываются такие трудности в вопросах обследования детских учреждений, как нерегулярность и бессистемность, злоупотребления руководства, общая бесплановость работы детских домов.

Изучение проблемы преодоления детской беспризорности в России в первые десятилетия (1920–1930-е гг.) советской власти базируется на многочисленных источниках, разнообразных как по содержательности, так и по достоверности. Наиболее информативными первоисточниками выступают архивные неопубликованные материалы. Если говорить о проблеме в региональном разрезе, и в рамках истории Чувашии в частности, то нетрудно прийти к выводу, что критика источниковой базы в данном случае представлена очень скудно. Комплексные исследования борьбы с беспризорностью в Чувашской автономной области, а также в Чувашской АССР на сегодняшний день отсутствуют. Проблема рассматривалась преимущественно косвенным образом, когда речь заходила о голоде в Поволжье в 1921–1922 гг. [14], коллективизации [10], становлении органов правопорядка [13] или национально-государственного строительства [11]. Безусловно, затрагивая определенную проблематику в рамках иной, мы не можем полностью оценить и сравнить определенные источниковедческие аспекты. Подобные вопросы должны раскрываться в рамках специальных исследований.

Говоря о неопубликованных источниках, их можно условно разделить на несколько крупных категорий. В первую очередь, это нормативно-правовые документы (законодательные акты, циркуляры, постановления и др.), хранящиеся в архивах или опубликованные в многотомных изданиях. В них сосредоточены многочисленные документы, раскрывающие государственную политику в отношении охраны детства: борьба с голодом, упразднение старых и создание новых детских учреждений, в том числе единой трудовой школы. Подобные документы являются основой для раскрытия процесса формирования системы государственных и общественных организаций, непосредственно занимающихся проблемами беспризорности в рассматриваемый период, изучения нормативно-правового регулирования деятельности детских учреждений и др.

Еще одной важной группой источников выступают материалы, постановления, резолюции съездов и конференций, посвященные борьбе с беспризорностью, работе с малолетними правонарушителями. В них оценивается ситуация с беспризорностью, раскрываются мероприятия по её ликвидации, намечаются дальнейшие пути в области воспитания беспризорных детей. Помимо этого особой информативностью отличается делопроизводственная документация, хранящаяся в архивных фондах либо частично опубликованная. К ней относятся различного рода протоколы заседаний местных государственных органов и общественных организаций, отчеты, справки, докладные записки о материальном состоянии детских учреждений, характере питания воспитанников, наличии библиотечных фондов и др. Они позволяют охарактеризовать общее и особенное в деятельности конкретных детских учреждений.

Значительная роль в исследовании темы отводится статистическим источникам. Из наиболее информативных можно выделить материалы обследования беспризорных и безнадзорных детей, проводимые статорганами, годовые отчёты детских домов, анкеты для беспризорных детей. Их обработка позволяет изучить состав беспризорников, численность детских домов и другие важнейшие вопросы.

Основным местом хранения подобных источников по истории Чувашии выступает Государственный исторический архив Чувашской Республики (Ф. Р-6: Чебоксарский уездный отдел народного образования; Ф. Р-123: Отдел народного образования Исполкома Советов ЧАО; Ф. Р-151: Цивильский уездный отдел народного образования; Ф. Р-221: Министерство народного образования ЧАССР; Ф. Р-466: Комиссия по улучшению жизни детей при ЦИК; Ф. Р-675: Ядринский уездный отдел народного образования; Ф. Р-1144: Цивильский детгородок им. В.И. Ленина; Ф. Р-1605: Ядринский детский дом; Ф. Р-1767: Шихазановский детский дом). Здесь они группируются по разноуровневым фондам, начиная с фонда центральных органов, заканчивая фондами детских домов.

Не менее важны и периодические издания, хранящиеся в фондах Государственного архива печати Чувашской Республики. В рамках изучаемой проблемы необходимо выделить отдельно газеты «Канаш» и «Красная Чувашия», в которых отражались повседневные вопросы и конкретные действия правительства, а также общественных организаций.

В Государственном архиве современной истории Чувашской Республики большой интерес представляет фонд Чувашского республиканского комитета КП РСФСР г. Чебоксары [1], в котором представлены документы о деятельности партийных органов различных уровней в сфере образования, здравоохранения, культурно-массовой работы. Необходимо отметить также фонды Чувашской республиканской организации профсоюза работников народного образования и науки [2], Чувашского республиканского комитета профсоюза работников дошкольных учреждений и детских домов [3].

Описанные источники обладают высокой степенью информативности. Однако с учетом непростой социально-политической и экономической обстановки в стране в 1920–1930-е гг. информация, содержащаяся в них, легко может быть воспринята и интерпретирована неоднозначно. Существует ряд трудностей, с которыми может столкнуться исследователь.

Важной проблемой является отсутствие точных численных статистических показателей по ряду вопросов. Одним из наиболее трудных аспектов в данном случае выступает численность детей, нуждавшихся в защите и государственном призрении, т.е. так называемых «беспризорников». В условиях, к примеру, голодных лет в Чувашии подобный учет не велся в принципе в силу очевидной невозможности. Постоянные миграции детей, высокие показатели заболеваемости и смертности – вот те факты, которые не позволяли поставить дело статистического учета должным образом. Подобная проблема описывается и в самих источниках. Так, «в детских домах области, вопреки неоднократным распоряжениям Наркомпроса и Оботнароба находятся дети, имеющие родителей, в то время как совершенно беспризорные круглые сироты в числе не менее 20 000 человек нищенствуют и голодают вне организованных детских учреждений» [4]. Влияние на отсутствие конкретных численных показателей оказывали и беги детей из-под опеки. Например, во время эвакуации ребят из Ядринского уезда в Нижегородскую губернию 22 сентября 1921 г. из 303 детей убежали 56 человек [7].

Другим проблемным вопросом долгое время оставалась непрозрачность подчинения детских учреждений областным и республиканским органам. Официальное конкретное закрепление детских домов за народными комиссариатами будет произведено только в 1935 г. постановлением ВЦИК и СНК РСФСР «О ли-

квидации детской беспризорности» [8]. До этого момента регулярно случались курьезы, когда детский дом просто не получал финансирования в силу того, что органы народного образования не приняли его на учет, а органы здравоохранения отказывали по причине «неподходящей» типизации (детский дом обычного типа, не для детей инвалидов). Подобная ситуация складывалась вокруг Нороваш-Шигалинского детского дома Больше-Батыревского района в 1931 г., где 22 воспитанника содержались в бывшем кулацком доме, питались в рабочей столовой за счет местного населения, а местные органы не знали о существовании данного учреждения, т.е. оно не числилось ни по каким спискам [5, Оп. 1. Д. 715. Л. 85.]. Не удивительно, что и отчет в Центральную комиссию по улучшению жизни детей при ВЦИК не содержал информации по этому детдому.

С предыдущей проблемой связан вопрос обследований детских домов. Обследования являлись механизмом контроля за функционированием тех или иных учреждений. В нашем случае единственным способом узнать о том, что происходило за стенами детских коммун, являются акты обследований. Однако в рамках указанного временного периода подобный механизм работал несовершенно, имел ряд недостатков. Первым из них является отсутствие плановости контроля. Обследования совершались крайне нерегулярно. Иные детские дома годами могли не проверять контролирующие органы. На момент включения Алатырского детского дома в воспитательную систему Чувашской АССР (1926 г.) последняя запись в журнале обследования датировалась 1924 г. [5, Оп. 1. Д. 695. Л. 73].

Однако даже в случае регулярных обследований информация о состоянии детских домов в отчетах выглядит достаточно противоречиво. На примере Ядринского детского дома мы можем видеть следующую ситуацию. В октябре 1928 г. детдом находился «в хаотическом состоянии», отмечалось общее «разгильдяйство работников», воспринимающих воспитанников как распущенных детей, «хулиганов и воров», при этом дети были почти раздеты и разуты, а имевшееся белье было грязное, у многих не было пальто, обуви, шапок [5. Оп. 1. Д. 441. Л. 91]. Обследование в марте 1929 г. совершенно не затрагивало вопросы педагогической работы. Вновь отмечался острый недостаток одежды, однако признавалось нормальным питание. Главными проблемами были названа «неубранность, запыленность, обилие грязи» в помещениях, где отдыхали дети [5, Оп. 1. Д. 503. Л. 34]. И совершенно формальными выглядят отчеты за 1930 и 1931 г. Здесь было подсчитано число зданий и помещений, при таких недостатках, как малая кубатура воздуха, очень низкая температура в помещениях, отсутствие стекол и «общая захлапленность», состояние детдома признавалось удовлетворительным! И это при том, что воспитанники были обеспечены пальто только на 50%, отсутствовала «теплая» обувь, в наличии имелась лишь поношенная «холодная» обувь. Кроме того, портянки, носки, чулки и варежки совершенно отсутствовали [5. Оп. 1. Д. 715. Л. 78]. Таким образом, получить информацию о критериях «удовлетворительного» состояния детского дома современный исследователь может путем сравнения с состоянием других детдомов. Наиболее крупной и ведущей школой-коммуной в начале 1930-х гг. в Чувашии была Цивильская (детский городок). Однако и здесь складывалась неоднозначная ситуация. По акту обследования 1931 г. «помещения детгородка в отношении поддерживаемой в них чистоты не удовлетворяли санитарно-гигиеническим требованиям: не во всех комнатах производился ремонт, стены запущенные и неоклеенные, достаточно не отапливались, в результате чего в спальнях сыро, холодно»; большинство воспитанников ходили в рваных пальто, мылом обеспечивались не полностью [5. Оп. 1. Д. 715. Л. 74–77]. Однако совершенно иная ситуация в данном учреждении складывалась с воспитательной работой. Здесь активно пропагандировалось трудовое

обучение, дети работали в мастерских, на участках и ухаживали за скотом. В силу крупного подсобного хозяйства (9 га пахотной земли и 15 га лугов) питание в Цивильском детском городке было, на наш взгляд, лучшим в Чувашии [9].

Проверяющие, к сожалению, не задумывались и не искали ответы на вопрос, в чем же причины плачевного состояния детских домов. Разумеется, имели место объективные причины: трудные времена, недостаток финансирования и прочее. Однако исходя из документальных данных нетрудно установить, что были и внутренние причины, связанные с человеческим фактором. Так, в Ибресинском детском доме в 1931 г. отсутствовали рукомойники, дети не мылись, несмотря на наличие 32 кг мыла на складе. Кроме того, пища принималась руками, без столовых приборов, хотя по хозяйственным записям числились и были обнаружены 40 новых алюминиевых ложек. К слову, тот же склад хранил 506 м мануфактуры, в то время как дети ходили полураздетыми и спали без постельного белья [5. Оп. 1. Д. 715. Л. 90].

Очевидно, что руководство детского дома не заботилось об обеспечении детей всем необходимым, имея собственные планы на их имущество. С другой стороны, интерпретировать подобный случай одной лишь жаждой наживы было бы неправильно. На протяжении 1920–1930-х гг. очень часто бывали случаи смены руководства и персонала детских домов. Эта работа была действительно тяжелой и требовала особого подхода. Источники вскрывают данную проблему, она отмечается не только в актах обследований, но и в отчетах центральным органам.

**Списки детских домов и детских садов по ЧАССР и сведения
о количестве культурно-просветительных учреждений на 1928–1929 гг.**

Наименование детских учреждений	Адреса учреждений	Фамилия руководителей
Цивильский детгородок	г. Цивильск ЧАССР	-
Мариинско-Посадский детдом подростков	г. Мариинский Посад, Мариинско-Посадский район ЧАССР	Иванов
Козловский	с. Козловка, Козловский район ЧАССР	-
Ядринский	г. Ядрин	-
Алатырский	г. Алатырь	-
Детдом имени III интернационала	хутор Хумушла, Ибресинского района ЧАССР	Потапов В.Д.
Тархановский детский дом	с. Тарханы, Б.-Батыревского района ЧАССР	-

Примечание. Таблица сост. по: ГИА ЧР. Ф. Р-221. Оп. 1. Д. 499. Л. 14–17.

Так, согласно спискам детских домов и детских садов по ЧАССР и сведениям о количестве культурно-просветительных учреждений на 1928–1929 гг., переданным в Центральную деткомиссию ВЦИК, только 2 из 7 детдомов имели постоянных заведующих. Заведующие детскими домами часто менялись и в таких образцовых заведениях, как Цивильский детгородок. В 1936–1937 гг. здесь сменилось не менее 4 заведующих, один из которых (А.М. Соловьев) был представлен как выдающийся педагог [6. Оп. 2. Д. 210. Л. 46], а последний (Алексеев) – «часто оставлял воспитанников без обеда, запирали в пустую кладовку» [6. Оп. 2. Д. 151. Л. 27].

Злоупотребления и нарушения, безусловно, имели место и в управляющих органах. В документах имеются разнообразные сведения, например, о незаконно занимаемых помещениях Республиканской деткомиссии в г. Чебоксары, которые вместо хранения в них документации, материалов и средств сдавались в аренду [6. Оп. 2. Д. 151. Л. 27]. Средства той же деткомиссии далеко не всегда шли на нужды детей, так, с 17 июля 1933 г. по 1 января 1934 г. заведующий ларьком Деткомиссии растратил 4642 р. 70 к. [6. Оп. 2. Д. 151. Л. 2].

Отдельные разночтения можно встретить в текущей документации. Как известно, воспитанники детских домов могли поступать на работу колхозы

для продолжения трудового обучения. Семьи, взявшие над ними опеку, получали помощь от государства. В течение 1936 г. в семьи колхозников были устроены 527 детей. Однако официально оформленных и составленных договоров числилось лишь 150 [6. Оп. 2. Д. 210. Л. 7].

И всё же самым актуальным вопросом, активно обсуждающимся в переписке того времени, остается вопрос о преодолении беспризорности. С конца 1920-х гг. советская пресса неоднократно заявляла о том, что данное социальное явление было уничтожено. В сборнике по вопросам охраны детства Комиссии по улучшению жизни детей при ВЦИК от 1937 г. открыто заявлено, что «Беспризорности в Чувашии нет!» [12]. Однако документальные данные говорят о том, что в том же 1937 г. на улице были задержаны 260 человек, 177 из которых представлены были детьми других регионов [6. Оп. 2. Д. 210. Л. 21].

Нужно отметить, что информация, содержащаяся в разнообразных источниках, весьма объемна. Тема призрения сирот, борьбы с беспризорностью и безнадзорностью несовершеннолетних в Чувашии может активно изучаться, для этого существуют все необходимые условия. Отдельно следует выделить момент именно педагогический, поскольку документы часто содержат в себе интересные и курьезные случаи, происходившие с детьми, такие как борьба ибресинских детдомовцев с пекарем, который регулярно их обвешивал [5. Оп. 1. Д. 848. Л. 5], история об украденных 12-летним воспитанником трёх матрасах и двух подушках без возможности сбежать с добытым добром [5. Оп. 1. Д. 347. Л. 15], о мальчике, который просился в Чебоксарский приемник-распределитель, поскольку там были шахматы [5. Оп. 1. Д. 217. Л. 22] и др. Кроме того, безусловный интерес для социальной истории и истории развития медицины в республике могут представлять данные медицинских осмотров детей, их анкетирования по тестам на одаренность.

Таким образом, как мы можем видеть на основе данной статьи, существует и ряд проблем с интерпретацией источников. Встречаются открытые разночтения, как статистические, так и фактические. Исследователю, начавшему работать над данной темой, предстоит привлекать разнообразные дополнительные материалы с целью выявить истинную природу тех или иных несоответствий, что, в сущности, очень трудно, поскольку, как уже отмечалось выше, целостные исследования процесса преодоления беспризорности в Чувашии на сегодняшний день отсутствуют. Тем не менее комплексный подход и использование уже опубликованных мемуарных, статистических, нормативно-правовых и иных источников позволят сформировать широкую и достоверную базу для изучения проблемы.

Литература

1. Государственный архив современной истории Чувашской Республики (далее – ГАСИ ЧР). Ф. 1.
2. ГАСИ ЧР ф. 2727/1531.
3. ГАСИ ЧР ф. 2852/1262.
4. ГИА ЧР. ф. Р-123. Оп. 1. Д. 32. Л. 51.
5. ГИА ЧР. ф. Р-221.
6. ГИА ЧР. ф. Р-466.
7. ГИА ЧР. ф. Р-675. Оп. 1. Д. 618. Л. 12.
8. Дети ГУЛАГа. 1918–1956 / сост.: С.С. Виленский, А.И. Кокурин, Г.В. Аتماшкина, Ю.И. Новиченко. М.: МФД, 2002. С. 183–187.
9. *Дмитриев А.Е., Минеева Е.К.* Цивильский детский городок имени В.И. Ленина как неформальный центр системы детских учреждений опеки в Чувашской АССР // Вестник Чувашского университета. 2014. № 1. С. 9–13.
10. *Касимов Е.В.* Крестьянство Чувашии и политика государства по коллективизации сельского хозяйства: 1917–1937 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Чебоксары, 2004. 249 с.
11. *Минеева Е.К.* Становление Марийской, Мордовской и Чувашской АССР как национально-территориальных автономий (1920–1930-е гг.). Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2009. 594 с.
12. Сборник по вопросам охраны детства Комиссии по улучшению жизни детей при ВЦИК. № 9 (VI). М.: Власть советов, 1937. С. 10.
13. *Тимофеев В.Г.* На страже правопорядка: становление, развитие и деятельность органов милиции Чувашии в предвоенные годы (1917–1941). Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 1996. 447 с.

14. Ухъянкин С.П. Спасённые жизни: об участии народов Советской России в спасении детей Чувашии от голодной смерти в 1921–1923 годах: исторический очерк. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1980. 128 с.

ДМИТРИЕВ АНДРЕЙ ЕВГЕНЬЕВИЧ – аспирант кафедры отечественной истории имени А.В. Арсентьевой, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (andrey.d.meat@mail.ru).

A. DMITRIEV

**TO THE QUESTION OF UNPUBLISHED SOURCES ON ELIMINATION
OF CHILDREN'S HOMELINESS IN CHUVASHIA IN 1920–1930
AND DIFFICULTIES OF THEIR INTERPRETATION**

Key words: children homeliness, orphanage, historical source.

This author reviews unpublished sources on the issue of elimination of children's homeliness in Chuvashia in 1920–1930, pointing out their main groups and assessing the information authenticity. In addition, the author considers, on some examples, the problematic issues of interpreting the sources and the ambiguity of the information they contain. Based on the brief characteristics of different groups of documents, the author reveals obvious difficulties in the inspection of children's institutions, such as irregularity and lack of system, leadership abuses, nonplanning of orphanages' work.

References

1. Gosudarstvennyi arkhiv sovremennoi istorii Chuvashskoi Respubliki. Fond 1 [State Archives of modern history of Chuvash Republic. Archive 1].
2. Gosudarstvennyi arkhiv sovremennoi istorii Chuvashskoi Respubliki. Fond 2727/1531 [State Archives of modern history of Chuvash Republic. Archive 2727/1531].
3. Gosudarstvennyi arkhiv sovremennoi istorii Chuvashskoi Respubliki. Fond 2852/1262 [State Archives of modern history of Chuvash Republic. Archive 2852/1262].
4. Gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Chuvashskoi Respubliki. Fond R-123. Opis' 1. Dokument 32. List 51 [State Historical Archive of the Chuvash Republic. Archive R-123. Anagraph 1. Document 32. P. 51].
5. Gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Chuvashskoi Respubliki. Fond R-221 [State Historical Archive of the Chuvash Republic. Archive R-221].
6. Gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Chuvashskoi Respubliki. Fond R-466 [State Historical Archive of the Chuvash Republic. Archive R-466].
7. Gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Chuvashskoi Respubliki. Fond R-675. Opis' 1. Dokument 618. List 12 [State Historical Archive of the Chuvash Republic. Archive R-675. Anagraph 1. Document 618. P. 12].
8. *Deti GULAGA. 1918–1956* [Children of GULAG]. Moscow, 2002, pp. 183–187.
9. Dmitriev A.E., Mineeva E.K. *Tsivil'skii detskii gorodok imeni V.I. Lenina kak neformal'nyi tsentr sistemy detskikh uchrezhdenii opeki v Chuvashskoi ASSR* [The Civil Children's Town Named after V.I. Lenin as the Informal Centre of Orphanages and Child Protection System in Chuvash Republic]. *Vestnik Chuvashskogo universiteta*, 2014, no. 1, pp. 9–13.
10. Kasimov E.V. *Krest'yanstvo Chuvashii i politika gosudarstva po kollektivizatsii sel'skogo khozyaistva: 1917–1937 gg.: dis. ... kand. ist. nauk* [Chuvashia's Peasantry and the State's Policy on Collectivization of Agriculture: 1917–1937. PhD Diss.]. Cheboksary, 2004, 249 p.
11. Mineeva E.K. *Stanovlenie Mariiskoi, Mordovskoi i Chuvashskoi ASSR kak natsional'no-territorial'nykh avtonomii (1920–1930-e gg.)* [The Formation of the Mari, Mordovian and Chuvash ASSR as National-Territorial Autonomies (1920–1930s)]. Cheboksary, Chuvash University Publ., 2009, 594 p.
12. *Sbornik po voprosam okhrany detstva Komissii po uluchsheniyu zhizni detei pri VTSIK* [Collected Papers on the Issues of Child Welfare of the Central Executive Committee Commission on Improving Children's Life at. No. 9 (VI)]. Moscow, 1937, p. 10.
13. Timofeev V.G. *Na strazhe pravoporyadka: stanovlenie, razvitiye i deyatelnost' organov militsii Chuvashii v predvoennyye gody (1917–1941)* [On Guard of Law and Order: Formation, Development and Operation of Militia Authorities of the Chuvash Republic in the Pre-War Period (1917–1941)]. Cheboksary, Chuvash University Publ., 1996, 447 p.
14. Ukh"yanin S.P. *Spasennyye zhizni: ob uchastii narodov Sovetskoi Rossii v spasenii detei Chuvashii ot golodnoi smerti v 1921–1923 godakh: istoricheskii ocherk* [Life Saved: Participation of the Peoples of Soviet Russia in the Salvation of Chuvashia's Children from Starvation In 1921–1923: A Historical Sketch]. Cheboksary, Chuvash Publishing House, 1980, 128 p.

DMITRIEV ANDREY – Post-Graduate Student of Russian History Department, Chuvash State University, Cheboksary, Russia.

Ссылка на статью: Дмитриев А.Е. К вопросу о неопубликованных источниках по проблеме преодоления детской беспризорности в Чувашии в 1920–1930-е годы и трудностях их интерпретации // Вестник Чувашского университета. – 2015. – № 4. – С. 60–65.

УДК 316.75(092)(470.344)"XX"
ББК ТЗ(2Рос.Чув)61-72

А.Н. ЗАХАРОВА, С.Б. ХАРИТОНОВА

**СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ПРОЦЕССЫ
В УСЛОВИЯХ РАДИКАЛЬНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ
ТРАДИЦИОННОГО ОБЩЕСТВА ЧУВАШИИ
В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА***

Ключевые слова: этноменталитет, трансформация общества, социокультурные процессы.

В статье на основе анализа научных источников рассматривается процесс трансформации традиционного чувашского общества первой половины XX в. Основное внимание уделено анализу изменений миграционно-расселенческих и этнографических процессов в республике, трансформациям в области ценностно-смысловой сферы общества. В статье дается характеристика меняющегося в выбранный хронологический период начала XX в. – 1930-е гг. религиозного мировоззрения населения. Изучаются проблемы трансформации исторически распространенной формы социальной организации традиционного чувашского общества. Характеризуя социокультурные процессы начала века на основе изучения факторов занятости и безработицы, авторы отмечают трансформацию трудового поведения населения. Рассматриваются аспекты трансформации социально-экономической жизни региона. Авторами исследуется трансформация семейных отношений и системы семейного воспитания в чувашском обществе и делается вывод об изменении роли женщин в семье в связи с коренными преобразованиями общества.

Необходимость изучения целого комплекса различных аспектов и направлений исследования менталитета российского народа во многом обусловлена многонациональностью и поликонфессиональностью России, сформировавшимся на протяжении веков широчайшим спектром нравственных и религиозных норм, исторических, социальных, культурных и экономических традиций [3]. Л.Н. Пушкаревым выделены несколько переломных этапов, через которые в историческом плане прошел менталитет народов России: 1) период конца X в. – Крещение Руси, дальнейшее православно-христианское воспитание, борьба с языничеством; процесс взаимодействия светской власти и церкви по утверждению и дальнейшему распространению православной веры; 2) период татаро-монгольского ига, на протяжении которого русскому народу удалось сохранить свою веру, свой облик, удалось сбросить иго и создать из раздробленных княжеств единое Российское государство; 3) конец XV в. – образование Московского государства, период формирования основных национальных черт великорусской народности; 4) период реформ Петра Великого – смешение старых домостроевских устоев с элементами западной культуры; 5) начало XX в. – период февральской и октябрьской революций, формирование нового советского народа, его менталитета; 6) конец XX в. – период резких изменений в настроениях, чувствах, оценках, представлениях, попытка построения рыночного менталитета [10].

Таким образом, настоящее время – очередной переходный этап, связанный с кардинальной перестройкой не только социально-политической системы общества, но и менталитета российского народа, что проявляется в резких изменениях представлений, чувств, настроений, в попытках создания

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда проект № 14-11-21010 а(р).

нового рыночного менталитета, в изменении экономического поведения и сознания всех социальных слоев населения. В связи с этим закономерен интерес к предыдущему переломному этапу – трансформации традиционного общества в первой половине XX в., который не раз становился объектом исследовательского внимания [3–5, 13–15].

В социокультурных условиях Чувашии трансформационные процессы в рассматриваемый исторический период оказались особенно радикальны.

К основным историческим вехам, наложившим заметный отпечаток на традиционный менталитет народа и приведшим к трансформации этноменталитета чувашского народа, на наш взгляд, относятся: столыпинские реформы начала XX в., последствия Первой мировой войны, революционные события 1917 г., создание чувашской государственности в 1920 г., голод 1921 г. и 1933–1934 гг., репрессии 1937–1940 гг., Великая Отечественная война 1941–1945 гг., трудности восстановления народного хозяйства Чувашии в послевоенный период.

В рамках данной публикации остановимся на характеристике временного периода начала XX в. – 1930-е гг.

Трансформация миграционно-расселенческих и этнографических процессов. Анализируя исторические этапы миграционно-расселенческих и этнографических процессов у чувашей и характеризуя рассматриваемый исторический период, В.П. Иванов относит последний к двум разным эпохам – имперско-колониальной (середина XVI – начало XX вв.) и советской [6. С. 290].

К важным особенностям последнего, четвертого, по классификации автора, этапа (конец XIX – начало XX вв.) имперско-колониальной эпохи, автор относит (приведем в несколько сокращенном виде) усложнение социального состава этноса; усиление татарской ассимиляции этноса; активизацию отхожих промыслов и миграцию крестьянства в губернские промышленные центры; столыпинские реформы начала XX в. и переселение крестьян в Западную Сибирь; негативные с точки зрения этнодемографии последствия Первой мировой войны; начало национально-освободительного движения [6. С. 290].

В качестве наиболее значимых событий 1-го этапа (1920–1930-е гг.) советской эпохи В.П. Иванов указывает национально-территориальное самоопределение; изменение этнодемографических характеристик чувашей в годы Гражданской войны; активизацию миграции в неурожайные 1920-е гг. и в первые советские пятилетки; усложнение социально-классовой структуры этноса; формирование чувашской нации [6. С. 290].

Э.В. Никитина, рассматривая этноменталитет чувашей, отмечает, что национальное самосознание, характер, менталитет чувашского народа в XX в. испытали несколько значительных преобразований, вызванных революциями, войнами, государственными реформами и национальным движением. Революционное поколение начала XX в., его сознание и поведение менялись до неузнаваемости, и документы, письма, художественные произведения отчетливо фиксировали духовные, экономические, политические, социальные трансформации, своеобразно отражая черты обновляющегося народного менталитета. Автор отмечает, что явные перемены в умонастроении чувашей наблюдались после создания автономной республики (1925) и после небывалого размаха репрессий [8].

Трансформация ценностно-смысловой сферы. Происходящие радикальные перемены традиционного общества изменили ценностный мир чувашского этноса. О.Н. Терентьева, рассматривая ценностные ориентации, от-

раженные в устном народном творчестве чувашей, приходит к выводу, что в основе иерархии традиционных ценностей чувашского народа лежит родственность. Она связывает общество с природой, определяет порядок жизнедеятельности людей. Общество, основанное на таких ценностях, осознается как благополучное. По мнению автора, иерархия ценностей традиционного чувашского общества заключается в таких ценностях, как родственность, порядок и благополучие. Иерархия ценностей, на которую опирается личность, состоит из общей и особенной частей. Общая часть содержит самореализацию, а особенная – самосохранение, тесно связанное с экономией жизненной силы, рентабельностью, принципом наименьшего действия [12].

Э.В. Никитина, изучив специфику чувашского менталитета, среди основных ментальных качеств чувашского народа называет любовь к родному языку, честность, благоговейное отношение к природе и земле, верность присяге и долгу, коллективизм в быту и др. [5].

Трансформация исторически распространенной формы социальной организации. Как отмечает В.П. Иванов, вплоть до коллективизации 1930-х гг. община была формой социальной организации чувашского крестьянства, так как Чувашский край, как и другие местности компактного проживания чувашей, не знали крепостного права [6. С. 158]. Результатом его отмены стало социальное расслоение чувашской деревни, и в Чувашии начали развиваться капиталистические отношения. Однако национальная торгово-промышленная буржуазия даже в начале XX в. была малочисленной и состояла в основном из мелких сельских предпринимателей. В конце XIX – начале XX вв. в Чувашии насчитывалось до трех десятков фабрик и заводов, включая мелкие заведения и мастерские, железнодорожный и водный транспорт, на которых трудилось около 6 тыс. рабочих. Кроме того, часть трудоспособного мужского населения Чувашии (более 8%) уходила на отхожие промыслы.

Г.А. Николаев, анализируя историко-этнографические и справочные издания второй половины XIX – начала XX вв., подчеркивает, что на процесс проникновения в среду чувашей рыночных отношений повлиял тот факт, что в эпоху модернизации они вступили крестьянским этносом. Менталитет крестьянства хотя и переживал трансформацию, не так, чтобы окончательно порвать с традиционными воззрениями. Таким образом, чувашские хлебопашцы по своему мировосприятию были неблагоприятной средой для капиталистических отношений [9]. В качестве основных черт социально-психологического портрета чувашей Среднего Поволжья автор выделяет непредприимчивость, выражающуюся в преимущественной ориентации их на земледелие, инертность и осторожность. Исследователь также отмечает, что непредприимчивость чувашей была не только предопределена исторически, но и имела глубокую психологическую основу [9].

Трансформация религиозного мировоззрения. С конца 1920-х гг. XX в. массово закрываются приходские храмы и начинаются репрессии верующих. Несмотря на критику духовенства, среди населения сохранялась стойкая привязанность к религиозным обрядам. Привитие новых идеалов шло медленно, требовалось время для внедрения новых советских праздников, которые местное население просто отказывалось принимать. Новые формы общественно-политического быта внедрялись административными методами и не учитывали этническое своеобразие народа, его психологию и исторический опыт. Привычные устои разрушались гораздо быстрее, чем складывались новые [2].

Трансформация семейных отношений и системы семейного воспитания. Большая семья с традиционными патриархальными связями была исторически наиболее распространенным типом семьи в Чувашии. Воспитание подрастающего поколения в чувашских семьях, как отмечают этнопсихологи, отличалось строгой дисциплиной в раннем и позднем детстве, высокой степенью требовательности и дисциплинированности [1]. В связи с коренными преобразованиями общества изменилась и роль женщины в семье. Подчиненное положение женщины в семье до революции было освящено церковью и закреплено законом. В 107-й главе свода законов Российской империи было зафиксировано: «Жена обязана повиноваться своему мужу, как главе семейства, пребывать к нему в любви, почтении и неограниченном послушании». Она не имела паспорта и была обязана всюду следовать за мужем. Женщины не обладали политическими правами, не могли участвовать в выборах в Государственную думу, городские думы и земские собрания. Со становлением демократических традиций и коренными изменениями в российском обществе в начале XX в. положение вещей, при котором женщина находилась на второстепенных общественных ролях, стало восприниматься как неестественное, требующее реформирования [13].

Трансформация трудового поведения. Характеризуя социокультурные процессы начала века, нельзя не затронуть такой фактор, как занятость и безработица. Ученые отмечают, что в начале XX в. Чувашия представляла собой аграрно-сырьевой придаток Российской империи [14]. Промышленность была развита слабо, поэтому избыток рабочей силы ощущался постоянно. До революции основной сферой эксплуатации наемного труда в крае являлась работа в лесу и на отхожих промыслах. В годы гражданской войны ситуация кардинально изменилась и в Чувашии, как и в России в целом, практически не было безработицы, наоборот, существовала нехватка рабочей силы. Среди причин безработицы в Советской России 1920–1930-х гг. можно назвать следующие: демобилизация с фронта; экономическая разруха военных лет и связанное с ней сокращение промышленного производства; приток людей из сельской местности в города из-за аграрного перенаселения; переселение в город сельского населения из-за голода, вызванного неурожаем. Аграрный, неиндустриальный характер Чувашского края, наличие большого количества сезонной неквалифицированной рабочей силы определили специфику скрытой безработицы в Чувашии.

Трансформация социально-экономической жизни. Рассматривая данный период, В.И. Соколова делает вывод, что он был ознаменован глубокими социально-экономическими преобразованиями, охватившими политику, экономику, культуру в связи с осуществлением индустриализации и коллективизации [11].

Таким образом, анализ научных источников, посвященных различным аспектам радикальной трансформации традиционного общества Чувашии начала XX в. – 1930-х гг., позволил выделить основные исторические вехи, ставшие причиной данной трансформации, описать значимые социокультурные процессы, происходящие в рассматриваемый исторический период, проявляющиеся в миграционно-расселенческой и этнографической, социально-экономической, религиозной, трудовой и семейной сферах общества.

Литература

1. Волков Г.Н. Этнопедагогика чувашей. 2-е изд. М.: Пресс-сервис, 1997.
2. Ермолаева Е.А. Национально-государственное строительство и общественно-политическое развитие Чувашии в 20–30-е гг. XX века: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Саранск, 2008.

3. Захарова А.Н. Экономический менталитет в структуре российской полиментальности. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та. 2011. 336 с.
4. Захарова А.Н. Проблема экономической активности женщин Чувашии: социокультурный контекст // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И.Я. Яковлева. 2013. № 1-1(77). С. 49–54.
5. Захарова А.Н. Экономико-психологические аспекты этноменталитета населения Чувашии // Вестник Чувашского университета. 2013. № 1. С. 85–92.
6. Иванов В.П. Этническая география чувашского народа. Историческая динамика численности и региональные особенности расселения. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2005.
7. Никитина Э.В. Специфика менталитета чувашского народа: философский аспект исследования сущности этнического менталитета: дис. ... канд. филос. наук. М., 2003.
8. Никитина Э.В. Этноменталитет чувашей // Национальные менталитеты: их изучение в контексте глобализации и взаимодействия культур. URL: http://national-entailities.ru/diversity/nacionalnopsihologicheskie_osobennosti_etnosov_rossii/povolzhe/etnomentalitet_chuvashej (дата обращения: 21.12.2014).
9. Николаев Г.А. Богатство в системе социально-нравственных ценностей волжского крестьянства второй половины XIX – начала XX века // Чувашский гуманитарный вестник. 2009. № 4. С. 25–57.
10. Пушкарев Л.Н. Менталитет и политическая история России: переломные этапы // Менталитет и политическое развитие России. М.: Ин-т Российской истории, 1996.
11. Соколова В.И. Молодежь Чувашии в 1917–1941 годы: исторический опыт социально-политической организации: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Чебоксары, 2002. 20 с.
12. Терентьева О.Н. Ценностные ориентации личности: на материале устного народного творчества чувашей: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Чебоксары, 2007.
13. Харитонова С.Б. Гендерный фактор в экономике Чувашии первой половины XX века // Сборник научных трудов молодых ученых и специалистов. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2011. С. 162–166.
14. Харитонова С.Б. К вопросу о женской занятости и безработице в Чувашии в 1920-е годы // Вестник Чувашского университета. 2012. № 4. С. 67–72.
15. Харитонова С.Б. Исторические тенденции развития экономической активности женщин Чувашии // Сборник научных трудов молодых ученых и специалистов. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2011. С. 166–171.

ЗАХАРОВА АННА НИКОЛАЕВНА – кандидат психологических наук, доцент кафедры социальной и клинической психологии, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (zaharova_an@mail.ru).

ХАРИТОНОВА СВЕТЛАНА БРОНИСЛАВОВНА – кандидат исторических наук, доцент кафедры документоведения, информационных ресурсов и вспомогательных исторических дисциплин, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (ssbron@mail.ru).

A. ZAKHAROVA, S. KHARITONOVA
SOCIO-CULTURAL PROCESSES IN THE FACE
OF RADICAL TRANSFORMATION
OF TRADITIONAL SOCIETY IN CHUVASH
IN FIRST HALF OF XX CENTURY

Key words: *ethnomentality, transformation of society, sociocultural processes.*

Based on scientific papers's analysis the article considers transformation process of Chuvash traditional society in the first half of the twentieth century. Emphasis is put on the analysis of country's migration and ethnographic processes and the transformation of value-semantic sphere of the society. The article describes religious views of the population varying in the selected chronological period of early XXth century – 1930s. The authors study the problems of transformation of the historically common social organization's forms of the traditional Chuvash society. Portraying the socio-cultural processes of the century, the authors study the transformation of the population's labor behavior, especially focusing on employment and unemployment factors. Transformation aspects of region's socio-economic life are also considered. The authors explore changes in family relationships and in the system of children's upbringing in the Chuvash society and conclude that the role of women in the family has changed due to fundamental changes of society.

References

1. Volkov G.N. *Etnopedagogika chuvashei. 2-e izd.* [Pedagogy of the Chuvash. 2nd ed.]. Moscow, Press-servis Publ., 1997.
2. Ermolaeva E.A. *Natsional'no-gosudarstvennoe stroitel'stvo i obshchestvenno-politicheskoe razvitiye Chuvashii v 20–30-e gg. XX veka: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [Nation-building and political development in Chuvashia in the 20–30-ies of XX century. Abstract of PhD thesis]. Saransk, 2008.
3. Zakharova A.N. *Ekonomicheskii mentalitet v strukture rossiiskoi polimental'nosti* [Economic mentality in the structure of russian polymentality]. Cheboksary, Chuvash University Publ., 2011, 336 p.
4. Zakharova A.N. *Problema ekonomicheskoi aktivnosti zhenshchin Chuvashii: sotsiokul'turnyi kontekst* [Problem of economically active women in Chuvashia: sociocultural context]. *Vestnik Chuvashskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. I.Ya. Yakovleva*, 2013, no. 1-1(77), pp. 49–54.
5. Zakharova A.N. *Ekonomiko-psikhologicheskie aspekty etnomentaliteta naseleniya Chuvashii* [Economic and psychological aspects of ethnic mentality population of the Chuvash Republic]. *Vestnik Chuvashskogo universiteta*, 2013, no. 1, pp. 85–92.
6. Ivanov V.P. *Etnicheskaya geografiya chuvashskogo naroda. Istoricheskaya dinamika chislennosti i regional'nye osobennosti rasseleniya* [Ethnic geography of the Chuvash people. Historical population dynamics and regional features of settlement]. Cheboksary, Chuvash Publishing House, 2005.
7. Nikitina E.V. *Spetsifika mentaliteta chuvashskogo naroda: filosofskii aspekt issledovaniya sushchnosti etnicheskogo mentaliteta: dis. ... kand. filos. nauk* [The specific mentality of the Chuvash people: philosophical aspect of the study of the essence of the ethnic mentality. Doct. Diss.]. Moscow, 2003.
8. Nikitina E.V. *Etnomentalitet chuvashei* [Ethnomentalitie Chuvash]. In: *Natsional'nye mentalitety: ikh izuchenie v kontekste globalizatsii i vzaimodeistviya kul'tur* [National Mentalities in the Context of Globalisation and Cultural Interaction]. Available at: http://national-entities.ru/diversity/nacionalnopsihologicheskie_osobennosti_etnosov_rossii/povolzhe/etnomentalitet_chuvashej.
9. Nikolaev G.A. *Bogatstvo v sisteme sotsial'no-nravstvennykh tsennostei volzhskogo krest'yanstva vtoroi poloviny XIX – nachala XX veka* [The wealth in the system of socio-moral values of the Volga region peasantry of the second half of the 19th – the beginning of the 20th centuries]. *Chuvashskii gumanitarnyi vestnik* [The Chuvash Humanities Bulletin], 2009, no. 4, pp. 25–57.
10. Pushkarev L.N. *Mentalitet i politicheskaya istoriya Rossii: perelomnye etapy* [The mentality and the political history of Russia: the turning stages]. In: *Mentalitet i politicheskoe razvitiye Rossii* [Mentality and the Political Development of Russia]. Moscow, 1996, p. 6.
11. Sokolova V.I. *Molodezh' Chuvashii v 1917–1941 gody: istoricheskii opyt sotsial'no-politicheskoi organizatsii: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [The youth of Chuvashia in 1917–1941: the historical experience of socio-political organization. Abstract of PhD thesis]. Cheboksary, 2002, 20 p.
12. Terent'eva O.N. *Tsennostnye orientatsii lichnosti: na materiale ustnogo narodnogo tvorchestva chuvashei: avtoref. dis. ... kand. filos. nauk* [Value orientation of personality: on the material of folklore of the Chuvash people. Abstract of PhD thesis]. Cheboksary, 2007.
13. Kharitonova S.B. *Gendernyi faktor v ekonomike Chuvashii pervoi poloviny XX veka* [Gender Factor in the Economy of Chuvashia in the first half of XX century]. In: *Sbornik nauchnykh trudov molodykh uchenykh i spetsialistov* [Collected Scientific Works of Young Scientists and Experts]. Cheboksary, Chuvash University Publ., 2011, pp. 162–166.
14. Kharitonova S.B. *K voprosu o zhenskoi zanyatosti i bezrabotitse v Chuvashii v 1920-e gody* [On women's employment and unemployment in Chuvashia in 1920]. *Vestnik Chuvashskogo universiteta*, 2012, no. 4, pp. 67–72.
15. Kharitonova S.B. *Istoricheskie tendentsii razvitiya ekonomicheskoi aktivnosti zhenshchin Chuvashii* [Historical trends in the development of women's economic activity in the Chuvash Republic]. In: *Sbornik nauchnykh trudov molodykh uchenykh i spetsialistov* [Collected Scientific Works of Young Scientists and Experts]. Cheboksary, Chuvash University Publ., 2011, pp. 166–171.

ZAKHAROVA ANNA – Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, Social and Clinical Psychology Department, Chuvash State University, Cheboksary, Russia.

KHARITONOVA SVETLANA – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department for Records Management, Information Resources and Auxiliary Historical Disciplines, Chuvash State University, Cheboksary, Russia.

Ссылка на статью: Захарова А.Н., Харитоновна С.Б. Социокультурные процессы в условиях радикальной трансформации традиционного общества Чувашии в первой половине XX века // Вестник Чувашского университета. – 2015. – № 4. – С. 66–71.

УДК ТЗ(2Рос-8Каз)521-21
ББК 94(470.41) «1837/1841»: 614.84

А.В. ЗОТИКОВ

СИСТЕМА МЕР ПО ОБЕСПЕЧЕНИЮ ПОЖАРОБЕЗОПАСНОСТИ В КАЗЕННЫХ СЕЛЕНИЯХ КАЗАНСКОЙ ГУБЕРНИИ ВО ВТОРОЙ ТРЕТИ XIX ВЕКА*

Ключевые слова: Казанская губерния, казенные селения, реформа П.Д. Киселева, реформа государственной деревни 1837–1841 гг., пожарная безопасность.

В статье дан анализ результатов мероприятий по организации и реализации органами власти системы пожаротушения в государственной деревне по реформе П.Д. Киселева. Проведен сравнительный анализ эффективности предпринятых мер в чувашских, татарских, марийских, русских селениях Казанской губернии. В результате реформы изменился внешний облик чувашской деревни: усадьбы стали строить по системе уличных рядов, между казенными крестьянами распределили обязанности по предотвращению возгораний, обеспечено наличие орудий пожаротушения. Правительство интенсифицировало мероприятия по стимулированию жилой кирпичной застройки селений, выдаче материальных и денежных пособий для погорельцев. Производилась постройка кирпичных заводов. Изначально реализация указанных мер встретила сопротивление крестьян, чье хозяйство было основано на национальных традициях кучевой постройки деревень. В итоге местное население подчинилось вынесенным предписаниям, что обеспечило повышение пожарной безопасности в государственных деревнях Казанской губернии.

30 ноября 2010 г. правительством Российской Федерации была принята Концепция устойчивого развития сельских территорий Российской Федерации на период до 2020 г. Цель разработки данной программы сводится к определению основных проблем, направленных на эволюцию аграрных регионов и формирование неотложных мероприятий общественно-хозяйственного, юридического и административно-управленческого характера.

Наше обращение к историческому опыту решения некоторых вопросов, относящихся к хозяйственно-бытовой, культурной, духовной сферам жизни казенной деревни Казанской губернии, предпринимаемых со стороны государственных органов власти в разные исторические эпохи, позволяет быть более объективным в оценке происходивших в крестьянстве перемен в быту, культуре, хозяйственной жизни. Обозначенный в названии статьи сюжет нацелен нами на такое осмысление.

Пожароопасность в крестьянской жизни имела место постоянно и повсеместно. Последствия от разорительных пожаров оказывались для поселян самым тяжелым бедствием. Они могли быть причиной отлучки государственных крестьян из мест жительства для прошения милостыни [4. Ф. 383. Оп. 27. Д. 24. Л. 32]. В решении этой проблемы принимали участие как домохозяева, так и местные власти. Нами предпринят анализ мероприятий по борьбе с этой опасностью в крестьянском мире по реформе государственной деревни П.Д. Киселева.

Программа, намеченная Киселевым для реформирования казенной деревни, состояла из 7 пунктов: переложение оброка с душ на землю и промыслы, введение семейно-наследственного землепользования, наделение землей малоземельных, отвод и сохранение крестьянских лесов, улучшение сельского и волостного управления, прекращение неправильных поборов и притеснений, повышение доходов от оброчных статей.

* Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 15-11-21003.

Основные шаги реформы отражены в девяти самостоятельных законодательных проектах: учреждение Министерства государственных имуществ; учреждение палат госимуществ; учреждение окружного управления; учреждение волостного управления; учреждение сельского управления; создание сельского полицейского устава, сельского судебного устава, главных оснований хозяйственного устава, нормальных штатов.

Нормы крестьянского поведения и законные границы попечительской власти определял принятый 23 марта 1839 г. «Сельский полицейский устав» для государственных крестьян. Его положения были нацелены на обеспечение охраны общественного порядка и личной безопасности поселян, прежде всего с помощью такого традиционного института, как церковь. Не случайно, что первая глава устава называлась «Об обязанностях в отношении веры». Параграфы третьей главы «О сохранении правил нравственности» были призваны обеспечить моральный порядок в селениях. Главы вторая («О соблюдении общественного порядка и Высочайших учреждений»), четвертая («Об охране личной безопасности») и пятая («О безопасности во владении имуществом») заботились об охране общественного порядка и безопасности личной и имущественной, главы шестая («О врачебном устройстве») и седьмая («Об охране от пожаров») отражали меры против общественных бедствий.

В казенных селениях пожары чаще всего случались во время полевых работ, когда в домах оставались лишь старики и малолетние. В летнюю сухую погоду пожароопасность усугублялась тем, что местные деревянные строения ставились вплотную друг к другу, а крыши по большей части были покрыты соломой. Это определяло массовый характер возгорания многих хозяйств одновременно. При таком положении дел при быстром разрастании пожара, в то время как почти все взрослые были в полях на сельских работах, крестьяне, хотя и имели в своих домах орудия пожаротушения, не успевали ими воспользоваться.

Старые селения почти везде строились тесно, неправильно, а у нерусского населения имели отличный характер. Уличная структура татарских селений представляла собой множество извилистых улочек и тупиков. Передний фасад составляли заборы. Как отмечал казанский военный губернатор И.А. Баратынский, «народный восточный обычай всячески отчуждать женщин от внешней жизни» определял традицию не строить дома окнами на улицу» [З. Л. 43]. В глубине просторных дворов без всякого порядка были построены избы, амбары и сараи.

Чувашские деревни представляли совсем иную картину: если татары любили простор, то чувашские строения, напротив, теснились одно к другому. Встречались деревни вообще без видимых улиц. Их заменяли дворы, через которые можно было пройти всю деревню. У чувашей в отличие от татар имелось больше подворных строений: у самого бедного чуваша во дворе находились пять, шесть и более хозяйственных клетушек.

Марийцы проживали околотками: от 5 до 10 дворов, каждый из которых отделялся полями, принадлежавшими двору и заселялся несколькими семьями, находившимися в родстве. Со стороны местных управлений принимались меры к правильному устройству чувашских и марийских селений, но они оказывались малоэффективны по причине национального традиционализма и сопротивления требованиям русской администрации [З. Л. 44].

Согласно «Сельскому полицейскому уставу» кузницы, бани, сушильни предлагалось строить вблизи водоемов и отдельно от других хозяйственных построек. Если селения находились далеко от воды, то там обязательно должен был располагаться колодец, которым можно было бы воспользоваться во время пожара. Необходимым условием являлось содержание чана с водой и

при нем метлы или швабры около домов либо на чердаке. В северной полосе России, куда относилась и Казанская губерния, с самой ранней весны и по 15 сентября пастухам запрещалось разводиться в лесах огонь.

В уставе также прописывалось, как вести себя при пожаре. Если все-таки случался пожар в селении, то все совершеннолетние жители обязывались тотчас явиться на место пожара с огнегасительными орудиями.

При ревизии государственных имуществ в Казанской губернии в 1841 г. министр П.Д. Киселев отмечал, что предосторожность от пожаров не везде соблюдается. Домохозяева не поддерживали закрепленные за ними орудия в постоянной готовности, в летнее время кадки у домов не всегда оказывались наполненными водой. По результатам проверок предписывалось, чтобы надзор и порядок поддерживались вниманием окружных начальников и управляющим Палатой государственных имуществ Казанской губернии при осмотре ими волостей, а не являвшихся на пожар с орудиями тушения приказывалось наказывать штрафом в пользу церкви [4. Ф. 398. Оп. 5. Д. 4198. Л. 13; 2. С. 33]. На основании статей 208 и 210 «Сельского судебного устава» за несоблюдение установленных мер предосторожности от огня и за неявку на пожар с назначенным орудием поселяне подвергались штрафу по 50 коп. серебром [4. Ф. 398. Оп. 5. Д. 4198. Л. 95; 5. С. 133].

При этом, как отмечал П.Д. Киселев, в отличие от военного губернатора Баратынского, в округах, населенных чувашами, пожары «бывали весьма редко и притом ничтожны: ибо по отдельности устройства домов пламя не может распространяться» [4. Ф. 398. Оп. 5. Д. 4198. Л. 94об.] В селениях русских, и в особенности татарских, по причине неправильных и тесных построек, традиционно отличавших строения данных народов, пожары всегда оказывали губительное воздействие, несмотря на то, что при каждом несчастном случае на пожаре на помощь приходили селяне из близлежащих деревень. Указывалось, что «устройство селений и домов сообразно изданным планам и фасадам с оставлением, при надлежащей широте частых переулков и в приличных местах площадей, введение в избах печей с дымовыми трубами – есть путь к сокращению в селениях пожаров» [4. Ф. 389. Оп. 5. Д. 4198. Л. 94].

Со времени введения новой системы управления государственными крестьянами для устройства селений по изданным образцам был составлен 471 новый план, по чертежам разбито 155 селений, пересечено площадями 148 населенных пунктов, на основе регламентов обстроено 510 селений [4. Ф. 398. Оп. 5. Д. 4198. Л. 45–45об.].

На каждый крестьянский дом прибывалась дощечка, сообщавшая о том, кто, с каким огнегасительным орудием должен являться на пожар. Окружным управлениям со стороны Казанской палаты госимуществ были сделаны распоряжения о заведении в селениях пожарных труб [4. Ф. 383. Оп. 27. Д. 23. Л. 24]. Но в некоторых уездах эти распоряжения не принимались во внимание. Например, по Козьмодемьянскому, Ядринскому, Мамадышскому, Чистопольскому округам при деревнях и дорогах не поставили указательных столбов, дощечки на домах о пожарном снаряде не прибывались, пожарные предосторожности также оказались забыты [4. Ф. 381. Оп. 2. Д. 779. Л. 18–19].

В 1846 г. произошло 205 пожаров, что превышало показатели предыдущего года на 58 подобных случаев [4. Ф. 383. Оп. 27. Д. 23. Л. 127об.].

Как видно из таблицы, число пожаров в Ядринском, Тетюшском, Цивильском округах в 1846 г. выросло по сравнению с предыдущим годом, а в Козьмодемьянском и Чебоксарском округах – снизилось. Из этого можно сделать вывод, что меры, принимаемые Министерством государственных имуществ, являлись результативными и способствовали снижению пожаров в казенных селениях Казанской губернии.

Число пожаров в чувашских уездах Казанской губернии

Уезды	Год	Число пожаров	На сумму
Ядринский	1845	11	6 312 руб. 59 коп.
	1846	15	25 249 руб. 78 коп.
Козмодемьянский	1845	16	15 812 руб. 1,5 коп.
	1846	8	2 981 руб. 784 коп.
Тетюшский	1845	16	15 807 руб. 2 коп.
	1846	44	60 221 руб. 83 коп.
Цивильский	1845	7	10 513 руб. 17,5 коп.
	1846	11	15 327 руб. 43,25 коп.
Чебоксарский	1845	4	2 450 руб. 48, коп.
	1846	2	1 915 руб. 71,75 коп.

Но, несмотря на опасность пожаров, население не торопилось выполнять все наставления органов управления. Проводивший в 1848 г. ревизию управления госимуществ по Казанской губернии статский советник Тимофеев указывал на беспорядок и недостаток надзора в устройстве селений и домов, в особенности в Козмодемьянском и Мамадышском округах. Дома после пожара строились на прежних местах. В Мамадышском округе по Асан-Илгинской волости крестьяне жаловались, что места для постройки домов отводились им в том случае, если они заплатят волостному голове или старшине [4. Ф. 381. Оп. 2. Д. 779. Л. 18–19].

В отчете военного губернатора Казанской губернии за 1850 г. зафиксировано, что устройство селений по губернии мало соответствовало необходимым условиям порядка и безопасности от огня. Только на больших дорогах и при судоходных реках находились селения, расположенные по плану, с прямыми и широкими улицами. Считалось, что причина этого состояла в том, что жители этих мест были более других образованны и лучше понимали необходимость преобразований. Сельское управление строго следило за устройством селений по планам, и в случае постройки после пожаров и при перестройке ветхих домов не позволялось отступать от заданного проекта.

В целях предупреждения пожаров в казенных селениях и для улучшения постройки домов Министерством государственных имуществ было сделано соответствующее распоряжение. Первый департамент предписывал Казанской палате госимуществ, чтобы новые дома возводились на каменных фундаментах из булыжника или дикого камня, а если таковых нет, то из кирпича. Лес и дрова, необходимые на устройство кирпичного завода и обжига кирпича, выдавались из крестьянских лесных угодий. Дома строились из кирпича по способу Герарда. Суть данного способа в том, что каменные и кирпичные стены, требующие в российском климате из-за промерзания очень большой толщины, выходят очень дорогими, а именно: 90–100 руб. за кубическую сажень. Толщина стен может быть заполнена введением в них пустот, наполненных воздухом или иным проводником тепла (песком, золой, сухой торфяной землей). В итоге получают так называемые двухслойные стены (способ Герарда), которые чаще всего связываются кирпичами, поставленными торчком.

Но, как отмечал управляющий Казанской палатой госимуществ, крестьянские дома в Казанской губернии строились без каменного фундамента или каменного столба. Нехватка камня, недостаток кирпичных заводов, которые имелись только близ Казани, повышали ценность кирпича и делал кирпич недоступным крестьянину как по его цене, так и по доставке. В этом состояли главные причины слушания властей. В уездах, населенных чувашами и марийцами, избы были в основном курные, и все меры, принимаемые к их понуждению устроить печи, оставались нереализованными из-за «неимения где

приобрести кирпич по ценам для них сходными». Устройство домов на каменных фундаментах и столбах заложено в основу при выдаче пособия погоревшим крестьянам. Кирпич выдавался им по самой умеренной цене в счет вспомогательных денег. Вычтенную сумму за кирпич переводили на счет устройства и выделки употребленного кирпича. В каждом округе располагался один кирпичный завод, где применялся труд казенных крестьян [4. Ф. 383. Оп. 5. Д. 4192. Л. Зоб., 129, 345, 345об., 346]. Жители с. Шихазаново Егор Кириллов и Алексей Григорьев изъявили желание в строительстве кирпичного завода, но из-за отказа им Казанской палаты госимуществ в отпуске леса из ближайших обывательских угодий передумали [1. Л. 12–12об., 42об.].

Таким образом, система управления, созданная в результате реформ государственной деревни в 1837–1841 гг., включала в себя мероприятия, направленные на обеспечение пожаробезопасности в казенных селениях Казанской губернии. Многие меры вызвали неприятие их местным населением, поскольку противоречили устоявшимся национальным особенностям, связанным с традиционным размещением хозяйственных и жилых построек. Селяне часто игнорировали меры, исходящие от государства, проводившего в это же время агрессивную административную и религиозную политику по отношению к традиционным народам Среднего Поволжья. Однако, несмотря на манкирование, а иногда и сопротивление населения, мероприятия по улучшению пожарной системы постепенно становились общепринятой нормой.

Литература и источники

1. Государственный исторический архив Чувашской Республик. Ф. 51. Оп. 1. Д. 12.
2. Евдокимова А.Н. Духовная консистория, правление и благочинные священники в структуре управления русской православной церкви на территории Чувашского края в XIX веке // Вестник Чувашского университета. 2015. № 2. С. 31–38.
3. Национальный архив Республики Татарстан. Ф. 1. Оп. 2. Д. 739.
4. Российский государственный исторический архив. Ф. 381, 383, 398.
5. Ялтаев Д.А. Фискальные функции исполнительной полиции Казанской губернии в 60–70-х годах XIX века // Вестник Чувашского университета. 2011. № 4. С. 131–136.

ЗОТИКОВ АЛЕКСЕЙ ВАЛЕРЬЕВИЧ – ассистент кафедры отечественной истории имени А.В. Арсентьевой, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (zotikov1187@mail.ru).

A. ZOTIKOV

PROVIDING FIRE SAFETY IN STATE-OWNED SETTLEMENTS OF KAZAN PROVINCE IN SECOND THIRD OF XIX CENTURY

Key words: *Kazan province, state-owned settlements, P.D. Kiselev's reform, reform of state-owned villages in 1837–1841, fire safety.*

The article provides an analysis of the outcomes of the measures taken by the authorities to arrange and implement fire extinguishing in state-owned villages according to P.D. Kiselev's reform. The author has made a comparative analysis of the efficiency of the undertaken measures in the Chuvash, Tatar, Mari, Russian settlements of the Kazan province. Due to the reform, the outward look of a Chuvash village changed: farmsteads were now built to form rows of streets, the state peasants were charged with duties of preventing ignitions, the tools needed for fire extinguishing were provided for. The government intensified measures to encourage use of brick as building material for the settlements, as well as to provide material and financial aid for the fire victims. Brickyards were built. Initially, implementation of the indicated measures were resisted by the peasants, whose farms were based on the national tradition of building villages in clusters. In the end, the local population submitted to the pronounced instructions, which enhanced fire safety in the state-owned villages.

References

1. *Gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Chuvashskoi Respublik. Fond 51. Opis' 1. Dokument. 12* [State Historical Archives of the Chuvash Republic. Archive 51. Anagraph 1. Document 12].
2. *Evdokimova A.N. Dukhovnaya konsistoriya, pravlenie i blagochinnnye svyashchenniki v strukture upravleniya russkoi pravoslavnoi tserkvi na territorii Chuvashskogo kraya v XIX veke* [Ecclesiastical consistory, board and rural deans in the system of Russian orthodox church management in XIX century Chuvash region]. *Vestnik Chuvashskogo universiteta*, 2015, no. 2, pp. 31–38.
3. *Natsional'nyi arkhiv Respubliki Tatarstan. Fond 1. Opis' 2. Dokument 739* [The National Archives of the Tatar Republic. Archive 1. Anagraph 2. Document 739].
4. *Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv. Fondy 381. Fond 383. Fond 398* [Russian state historical Archives. Archive 381, 383, 398].
5. *Yaltaev D.A. Fiskal'nye funktsii ispolnitel'noi politsii Kazanskoj gubernii v 60–70-kh gg. XIX veka* [Fiscal functions of the police in Kazan state in Russia during 1860–1870s]. *Vestnik Chuvashskogo universiteta*, 2011, no. 4, pp. 131–136.

ZOTIKOV ALEKSEI – Assistant, Russian History Department, Chuvash State University, Cheboksary, Russia.

Ссылка на статью: Зотиков А.В. Система мер по обеспечению пожаробезопасности в казенных селениях Казанской губернии во второй трети XIX века // Вестник Чувашского университета. – 2015. – № 4. – С. 72–77.

УДК 376.5 (091) (470.344) «1930/1940»
ББК Ч 424.771 (2 Рос.Чув.)

Н.В. ИВАНОВ

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ДЕТСКИХ ДОМОВ В ЧУВАШСКОЙ АССР КОНЦА 30-х – НАЧАЛА 40-х ГОДОВ XX ВЕКА

Ключевые слова: детские дома, обучение, спорт, воспитанники, милиция, преступления, беспризорность и безнадзорность детей, государство, статистика, органы власти.

Статья посвящена общим проблемам деятельности детских домов на территории Чувашской АССР конца 30-х – начала 40-х гг. XX в., включая вопросы борьбы с детской беспризорностью и безнадзорностью в годы советской власти. Исследование построено на сочетании трех взаимосвязанных аспектов: исторического, структурного и функционального. Впервые на основе опубликованных и архивных документов рассматриваются основные формы деятельности детских домов в Чувашской АССР в этот период. Акцентируется внимание на методах работы с детьми в плане организации их учебы и досуга, в частности это обучение в школе, занятия разными ремеслами, в драматических и музыкальных кружках, а также в спортивных секциях. В историческом аспекте прослеживаются борьба советской милиции с преступностью, беспризорностью и безнадзорностью, факты негативных явлений со стороны администрации детских домов. Делается вывод о том, что особая социальная и правовая природа органов милиции не в полном объеме была направлена на решение вопросов, связанных с проблемой детской беспризорности и социального сиротства в годы советской власти, а партийные, комсомольские и профсоюзные организации не мобилизовывали внимание общественности на этой проблеме.

На рубеже XX–XXI вв. российское общество столкнулось с проблемами, которые во многом перекликаются с событиями военной и послевоенной эпохи. Предвоенные, военные и послевоенные годы стали серьезным испытанием для государства, в том числе и для детей, в частности в годы лихолетья была уничтожена привычная атмосфера семейной заботы и любви, необходимая для физического и психологического здоровья ребенка.

Региональные исследования социальной политики в отношении подрастающего поколения конца 1930-х – начала 1940-х гг. позволяют составить более целостное и объективное представление об основных направлениях работы с подрастающим поколением в детских домах как в Чувашии, так и в целом по стране.

В начале 1938 г. в четырех детских домах республики на государственном попечении находилось 672 воспитанника. При этом основная часть из них (374 человек) воспитывалась в Цивильском детском доме, который имел основательную материально-техническую и экономическую базу для воспитания детей, оставшихся без родителей. Детский дом имел собственную школу из 12 классных помещений. Кстати, другие детские дома республики собственных школ в этот период еще не имели, и их воспитанники, например Ибресинского детского дома и Марпосадской трудовой коммуны, посещали общие школы [8. С. 341].

В конце 30-х гг. XX в. в Чувашии предпринятые меры способствовали улучшению положения в детских домах: в них хорошо было организовано производственное обучение детей в столярных, швейных, кузнечных и других мастерских. К тому же к этому времени детским домам республики был окончательно определен их производственный профиль. Например, Цивильский детский дом был нацелен на столярный профиль, а Марпосадский – на слесарный и токарный. Не оставляли без внимания культурно-массовые и спортивные мероприятия – покупались различные музыкальные инструменты, спортивный инвентарь, строили спортивные площадки, регулярно проводили подвижные

игры, а в зимнее время заливали катки, где проводили спортивные состязания по различным видам спорта. Во всех детских домах функционировали драматические, физкультурные кружки и секции, инструментальные и духовые оркестры [1. С. 23].

Было уделено внимание и организации медицинской помощи посредством расширения сети лечебно-профилактических учреждений, обеспечения их кадрового состава, нормализации санитарно-гигиенических условий, проведения противоэпидемических работ, обеспечения детей-сирот питанием. С этой целью при каждом детском доме были введены должности врача и медицинской сестры. Воспитанники в случае болезни лечились в общих больницах, а воспитанники Цивильского детского дома – в своей амбулатории, рассчитанной на 15 человек [8. С. 342]. В детских домах особое внимание уделялось также продовольственному обеспечению детей. Так, благодаря принятым мерам в 1938 г. продовольственная база детских домов республики значительно укрепилась за счет имеющихся при них подсобных хозяйств. Так, например, в этот период в распоряжении детских домов находилось 181,5 га пахотной земли, 15 лошадей, 61 корова, свиньи, куры, пчелосемьи, кролики и др. [8. С. 342].

Однако следует отметить, что детские дома Чувашии в конце 1938 г. оказались переполненными, в связи с чем было принято решение открыть в Чебоксарах Заволжский детский дом, рассчитанный на 100 детей. Всего в этот период в детских домах республики воспитывалось 699 детей-сирот, в том числе в Цивильском – 380, Ядринском – 103, Ибресинском – 63, Марпосадском – 49 и Заволжском – 104 [6].

Среди 5 детских домов в республике в середине 1940-х г. хорошо зарекомендовал себя Ядринский детский дом, где в этот период воспитывалось 125 человек. Благодаря упорному и добросовестному труду всего коллектива общее развитие детей здесь находилось на высоком уровне, хорошо была поставлена подготовка школьников к учебе в школе. Дети своевременно и качественно обеспечивались всем необходимым, неплохие показатели имело и подсобное хозяйство детского дома, продукция которого шла на удовлетворение нужд детей [8. С. 344].

Однако такое положение дел наблюдалось не во всех детских домах Чувашии, в ряде из них происходили инциденты в виде краж, драк, побегов из них, которые чаще всего случались среди воспитанников Марпосадской трудовой коммуны, где воспитывались трудные подростки [1. С. 2]. Так, в 1940 г. среди воспитанников Марпосадского детского дома органами милиции было возбуждено 24 уголовных дела на 31 человека, из них к лишению свободы были привлечены 24 человека [5. С. 2]; в Комсомольском районе задержано за кражи 39, за озорство и хулиганство – 25, за спекуляцию – 2, за неосторожное обращение с огнем – 6, за игру в карты – 2, из них привлечено к уголовной ответственности 10 человек: неучащихся – 8, работающих – 2 человека [5. С. 2].

Многие положительные моменты в деятельности Ядринского детского дома были учтены при подведении итогов смотра среди детских учреждений в РСФСР в октябре 1940 г. По итогам смотра народный комиссариат просвещения РСФСР издал отдельный приказ, в котором отмечались лучшие 26 детских домов России, в числе которых оказался Ядринский дошкольный детский дом. Его директору И.А. Весновскому была объявлена благодарность и выдана денежная премия [7].

Несмотря на принимаемые меры, к этому времени как в стране в целом, так и в Чувашской АССР уровень детской беспризорности и безнадзорности с каждым годом увеличивался. В январе 1941 г. бюро Чувашского обкома ВКП(б) на своем заседании рассмотрело вопрос «О ликвидации детской бес-

призорности и безнадзорности», было отмечено, что постановление Совета Народных Комиссаров СССР и ЦК ВКП(б) от 31 мая 1935 г. о ликвидации детской беспризорности и безнадзорности в ЧАССР выполняется плохо. Органы народного образования и исполкомы районных Советов депутатов трудящихся не уделяют достаточного внимания этой работе.

Местные советские органы и рабоче-крестьянская милиция недостаточно активно вели борьбу с беспризорностью и безнадзорностью детей, а партийные, комсомольские и профсоюзные организации не привлекали общественность к решению этой проблемы, в результате чего в Чебоксарах, Канаше, Шумерле было значительное количество беспризорных, бродящих по вокзалам, станциям.

Согласно данным статистики, в 1940 г. в Чебоксарах задержано более 500 беспризорных и безнадзорных детей, многие из которых занимались мелкой кражей и хулиганством. Органы милиции слабо привлекали родителей к ответственности за хулиганство детей [2. С. 8]. Так, например, в Комсомольском районе в 1939 г. задержано 45 беспризорных, а в 1940 г. – 74, из них в 1939 г.: учащихся – 12, неучащихся – 17, неработающих – 6, дошкольного возраста – 10, а в 1940 г.: учащихся – 16, неучащихся – 43, работающих – 9, дошкольного возраста – 6 [5. С. 2].

В Ишлейском районе ЧАССР в 1939 г. зарегистрировано 13 случаев детской беспризорности несовершеннолетних [5. С. 5]. В 1940 г. задержано 11 беспризорных и 10 безнадзорных детей, из них к уголовной ответственности за совершение краж привлечены 8 человек [5. С. 6].

В Аликовском районе ЧАССР задержано 26 беспризорных и безнадзорных, из них: учащихся – 7, неучащихся – 17, дошкольного возраста – 2 человека, в 1940 г. задержано 14 человек, из них: учащихся – 11, дошкольного возраста – 3, а в 1941 г. – 21 человек, из них: учащихся – 16, дошкольного возраста – 5. В 1939 г. к уголовной ответственности привлечены – 2, в 1940 г. – 2 человека [5. С. 6].

В Вурнарском районе ЧАССР в 1939 г. зарегистрировано 2 факта беспризорности и безнадзорности, возбуждено 2 уголовных дела и осужден 1 человек. В 1940 г. задержано 8 беспризорных и 4 безнадзорных детей, а всего 12, из них: по 8 уголовным делам 12 человек осуждены [5. С. 8].

В 1939 г. было 26 случаев преступных проявлений со стороны несовершеннолетних. Так, например, кража меда из ульев у колхозника несовершеннолетними, а также кража муки путем взлома стены; топленого масла 9 кг, 2 буханки хлеба; денег и разных вещей и т.д.

По городу Чебоксары в 1940 г. задержано 34 беспризорных, из них: учащихся – 8, неучащихся – 23, дошкольного возраста – 3. В 1940 г. задержано: за кражи – 21 человек, по другим основаниям – 13, из них 11 человек привлечены к уголовной ответственности, по одному случаю – родители, по 21 – предупреждены [5. С. 14]. Всего в 1940 г. по г. Чебоксары зарегистрировано беспризорных – 359 и безнадзорных – 132, подкинутых – 8, заблудившихся – 27 детей. Из них: возвращено родителям или лицам, их заменяющим, – родственникам и опекунам – 78, направлены в приемники-распределители НКВД – 386, переданы в детские дома Наркомпроса – 8, переданы в детские учреждения Наркомздрава – 8 [5. С. 28].

В Марпосадском детском доме находилась группа преступников из числа несовершеннолетних, состоящая из 7 воспитанников детдома, которая с осени 1940 г. под угрозой убийства и избиений вовлекла на свою сторону остальных воспитанников, заставляя заниматься карманными кражами, а деньги преступники использовали на коллективную пьянку и картежные игры. Ру-

ководители группы (Мигунов, Елизаров, Исаев и Щеголев) всячески поощряли своих подельников деньгами и папиросами, а тех, кто не поддался их влиянию, изнасиловали (мужеложство). Активные участники группы, имевшие неоднократные задержания за кражи, 31 января 1941 г. были приговорены народным судом к 5-6 годам лишения свободы, а именно: С.В. Мигунов, А.В. Елизаров, Л.П. Исаев, Н.Е. Щеголев, Н.В. Елизаров, Р. Шакиров. Следствием было установлено, что в детском доме отсутствовала воспитательная работа. Педагоги избивали воспитанников, а именно: педагог Чернышова систематически избивала детей, за что в ноябре 1940 г. осуждена к 2 годам лишения свободы, а учительница Мельникова, кандидат в члены ВКП(б), приняла краденые деньги в сумме 50 руб. [3. С. 113–114].

Выполняя постановление Совета Народных Комиссаров СССР и ЦК ВКП(б) от 31 мая 1935 г. о ликвидации детской беспризорности и безнадзорности, в январе 1941 г. специальная комиссия организовала тщательную проверку деятельности детских домов республики, особое внимание было уделено работе Цивильского и Марпосадского детских домов. Результаты этой проверки были рассмотрены 5 февраля 1941 г. на бюро обкома ВКП(б). В частности, в ходе рассмотрения вопроса «О постановке учебно-воспитательной и хозяйственной работы в Цивильском, и Марпосадском детских домах» отмечено, что в них выявлены полная бесхозяйственность и безответственное отношение директоров и медицинского персонала к воспитанию детей. Детские дома к зиме не подготовлены, в общежитиях, классных помещениях и столовых холодно, ремонт не произведен. Одежда и обувь у большинства детей плохая. Вследствие бесхозяйственности, плохой организации питания, антисанитарных условий в Цивильском детском доме из 325 детей 225 болеют разными болезнями. К тому же детские дома не укомплектованы кадрами. В Марпосадском детском доме в сентябре 1940 г. сменились 4 учителя и 3 воспитателя. Некоторые воспитатели не повышают свою квалификацию [8. С. 345]. Все сказанное привело к негативным последствиям. По результатам проверки трех детских домов в г. Ядрин с общим числом до 240 детей школьного и дошкольного возраста установлено следующее: нет дисциплины среди обслуживающего персонала; антисанитария; массовая швивость; заболеваемость чесоткой (более 100 человек); бельё на детях старое и грязное и др., а также среди детей наблюдается высокая смертность; с января по февраль 1943 г. в этих детских домах умерло 15 человек [4. С. 90]. Проверке был подвергнут Порецкий детский дом и вынесено заключение, что существующий в с. Порецкое детский дом, эвакуированный из Карельской АССР, работает плохо, обслуживающий персонал обворовывает детей: вместо нормы 600 г хлеба в день воспитанники получают 400-500 г и т.д. Дети постоянно убегают [4. С. 91].

Таким образом, поставленные государством и обществом задачи, в частности сохранить жизнь и здоровье детей, находящихся в детских домах, обеспечить их обучение и воспитание и последующее трудоустройство, на период конца 1930-х – начала 1940-х гг. не выполнены или выполнены лишь частично. Цифры и данные, приведенные выше, негативно характеризуют положение дел и состояние работы в детских домах, что свидетельствует об отсутствии заботы о подрастающем поколении.

Литература и источники

1. Государственный исторический архив Чувашской Республики (далее – ГИА ЧР). Ф. 1. Оп. 19. Д. 313.
2. ГИА ЧР. Ф. 1. Оп. 23. Д. 68.
3. ГИА ЧР. Ф. 203. Оп. 11. Д. 28.

4. ГИА ЧР. Ф. 203. Оп. 13. Д. 16.

5. ГИА ЧР. Ф. 1458. Оп. 18. Д. 22.

6. Красная Чувашия. 1939. 8 апр.

7. Красная Чувашия. 1940. 25 окт.

8. Тимофеев В.Г. На страже правопорядка: становление, развитие и деятельность органов милиции Чувашии в предвоенные годы (1917–1941 гг.). Чебоксары: Изд-во Вурнарской типографии Министерства информации и печати ЧР, 1996. С. 448.

ИВАНОВ НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧ – кандидат исторических наук, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (Ivanov.N.V58@mail.ru).

N. IVANOV

**CHILDREN'S HOMES ACTIVITIES IN THE CHUVASH AUTONOMOUS REPUBLIC
IN LATE 1930s – EARLY 1940s**

Key words: orphanages, teaching, sports, children, police, crime, child homelessness and neglect, state, statistics, authorities.

The scientific article is devoted to the general problems of Chuvash ASSR orphanages in late 30s – early 40s of the XX century, including issues of combating child neglect and homelessness under the Soviet power. The study is based on the combination of three interrelated aspects: historical, structural and functional. Based on the published and archival documents, the author for the first time considers the major forms of activities of the Chuvash ASSR orphanages in the 1930s – 1940s. The article focuses on the methods of work with children in terms of organization of their study and leisure activities, i.e. studying at school, attending various crafts classes, drama, music and sports clubs. In terms of historical aspect, the paper reflects the Soviet militia's struggle against crime, child homelessness and neglect and facts of negative actions on the part of orphanages' administration. The author concludes that the main social and legal principles of the militia authorities did not work for solving the issues related to children's homelessness and social orphanage in the years of the Soviet power and that the party organizations, Komsomol and trade unions did not succeed in drawing the public attention to these issues.

References

1. Gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Chuvashskoi Respubliki. Fond 1. Opis' 19. Delo 313. [State Historical Archives of the Chuvash Republic. Archive 1. Anagraph 19. Document 313].
2. Gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Chuvashskoi Respubliki. Fond 1. Opis' 23. Delo 68. [State Historical Archives of the Chuvash Republic. Archive 1. Anagraph 23. Document 68].
3. Gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Chuvashskoi Respubliki. Fond 203. Opis' 11. Delo 28. [State Historical Archives of the Chuvash Republic. Archive 203. Anagraph 11. Document 28].
4. Gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Chuvashskoi Respubliki. Fond 203. Opis' 13. Delo 16. [State Historical Archives of the Chuvash Republic. Archive 203. Anagraph 13. Document 16].
5. Gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Chuvashskoi Respubliki. Fond 1458. Opis' 18. Delo 22. [State Historical Archives of the Chuvash Republic. Archive 1458. Anagraph 18. Document 22].
6. Krasnaya Chuvashiya [Newspaper «Red Chuvashia»], 1939, Apr. 8.
7. Krasnaya Chuvashiya [Newspaper «Red Chuvashia»], 1940, Oct. 25.
8. Timofeev V.G. Na strazhe pravoporyadka: stanovlenie, razvitie i deyatelnost' organov mi-litsii Chuvashii v predvoennye gody (1917–1941 gg.) [On Guard of Law and Order: Formation, Development and Operation of Militia Authorities of the Chuvash Republic in the Pre-War Period (1917–1941)]. Cheboksary, 1996, pp. 448.

IVANOV NIKOLAY – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Civil Law Disciplines Department, Chuvash State University, Cheboksary, Russia.

Ссылка на статью: Иванов Н.В. Деятельность детских домов в Чувашской АССР конца 30-х – начала 40-х годов XX века // Вестник Чувашского университета. – 2015. – № 4. – С. 78–82.

УДК 378.4(470.344)(09)
ББК Ч448.4(2)738.11(2Рос. Чув)ю14

Т.Н. ИВАНОВА, И.А. ЛИПАТОВА

**«КАК ЭТО НАЧИНАЛОСЬ»:
СОЗДАНИЕ ЧУВАШСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
ИМЕНИ И.Н. УЛЬЯНОВА В СВИДЕТЕЛЬСТВАХ СОВРЕМЕННОКОВ***

Ключевые слова: создание Чувашского государственного университета имени И.Н. Ульянова в воспоминаниях, С.М. Ислюков, И.П. Прокопьев, С.Ф. Сайкин, А.А. Федоров.

На основе анализа воспоминаний современников, документальных источников и газетных публикаций рассматриваются объективные и субъективные предпосылки создания Чувашского государственного университета имени И.Н. Ульянова. Выявлена роль М.С. Ислюкова, И.П. Прокопьева, С.Ф. Сайкина, А.А. Федорова и др. в открытии университета. Восстановлена хронология основных событий первых месяцев его существования.

Чувашский государственный университет имени И.Н. Ульянова (далее – ЧГУ) был создан в 1967 г., однако многие события его начальной истории не освещены в научных публикациях. Университетское делопроизводство предполагает отбор в архивы определенных видов текстов. В ЧГУ подлежат хранению в архиве университета, а затем передаче в Государственный исторический архив Чувашской Республики, в основном, документальные источники. Это приказы, инструкции, указания и переписка по деятельности университета с вышестоящими органами; приказы, инструкции, сметы и финансовые отчеты университета; планы, отчеты, протоколы деятельности основных подразделений и общественных организаций ЧГУ; личные дела сотрудников и студентов.

Документальные источники в силу своей специфики умалчивают о многих важных для реконструкции прошлого аспектах, позволяющих не только уточнить какие-то детали, не отраженные в документах, но и почувствовать дух ушедшей эпохи, настроения участников изучаемых событий. Поэтому существует насущная необходимость фиксации свидетельств современников. Часть активных деятелей сами пишут воспоминания по истории ЧГУ. Это работы В.А. Щедрина, И.П. Прокопьева [20, 21, 28 и др.]. Часть воспоминаний по инициативе журналистов опубликована в средствах массовой информации к юбилеям ЧГУ [1, 23 и др.]. Готовятся к публикации воспоминания И.А. Чучкалова, часть рукописи которых предоставлена нам автором¹. Однако необходимо создание комплекса воспоминаний не только активных, но и рядовых участников событий. Одной из первых попыток его создания можно считать статью И.А. Липатовой и А.И. Самоновой [17].

В настоящий момент в ряде российских вузов осуществляются с применением методики устной истории проекты создания архивов персональных текстов людей, имеющих опыт университетской жизни [5. С. 264]. Авторы данной статьи с помощью студентов А.И. Самоновой, Р.А. Шатровой, А.С. Никитиной, К.О. Щукиной и др. организовали в 2014–2015 гг. запись интервью ветеранов ЧГУ.

В ходе личной встречи с опрашиваемым ему задавались вопросы о создании Чувашского госуниверситета и наиболее запомнившихся событиях. В ходе беседы интервью зачастую переходило в свободный рассказ ветерана. Иногда в ходе интервью респондент был достаточно немногословен, но затем выступал с инициативой письменно изложить воспоминания о

* Публикация подготовлена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 14-11-21005 а/В).

¹ Чучкалов И.А. От ассистента до проректора // Рукопись. Архив авторов.

каком-то аспекте своей деятельности². Из опрошенных нами 18 человек 10 были в 1967 г. сотрудниками и преподавателями; 8 – студентами ЧГУ. Комплекс собранных интервью планируется опубликовать в отдельном издании. В данной статье использованы сведения нескольких информаторов, а также опубликованные в журналах и газетах воспоминания, позволяющие уточнить события 1967 г., связанные с открытием университета. Это дает возможность восстановить не только факты, но и эмоциональный фон данного события, имевшего особое значение для чувашского народа.

Мечта о создании чувашского университета зародилась еще в начале XX в., когда чувашский просветитель И.Я. Яковлев положил «на длинный период времени тысячу рублей с тем, чтобы на этот капитал нарастали проценты, а когда скопится крупная сумма, можно было бы создать чувашский университет» [29. С. 554].

Первая практическая попытка организовать чувашский университет принадлежит профессору Н.В. Никольскому, который осенью 1920 года, «установив связь с Ревкомом Чувашской автономной области, развертывает кипучую деятельность по открытию Чебоксарского университета», однако недостаток материально-технической базы и финансовых средств не позволил завершить начатое дело [8. С. 56].

Созданные в начале 1930-х гг. Чувашский педагогический институт и Чувашский сельскохозяйственный институт заложили основы зарождения чувашской интеллигенции. Однако только университет с его широкой специализацией и возможностью создания факультетов разного профиля мог удовлетворить потребности в национальных кадрах всех отраслей народного хозяйства.

Эвакуированные в республику во время Великой Отечественной войны предприятия дали толчок к индустриальному развитию региона, становлению электротехнической промышленности, однако ощущался острый дефицит инженерно-технических кадров. «На вводимые в эксплуатацию индустриальные предприятия приезжали выпускники вузов из других городов, что снизило представительство чувашей среди специалистов с 60 до 55%». Ежегодно потребность в специалистах с высшим образованием составляла 2 тыс. человек, но реально в республику их прибывало в два раза меньше [16. С. 129].

В середине 1950-х гг. в ряде автономных республик СССР были основаны университеты, что вновь пробудило стремление к созданию Чувашского университета. В 1958 г. руководство ЧАССР поставило вопрос об открытии Чувашского университета, но безрезультатно. В Москве понимали необходимость создания технических вузов в Чувашии, но считали, что здесь для открытия университета условий нет [21. С. 59]. В 1955 г. в Чебоксарах был создан учебно-консультационный пункт Всесоюзного заочного политехнического института, а в 1958 г. – филиал вечернего факультета Горьковского политехнического института, на базе которого в 1961 г. был открыт Волжский филиал Московского энергетического института. В 1962 г. был организован консультационный пункт Московского кооперативного института [16. С. 129]. Одновременно Чебоксары становятся научно-исследовательским центром: в январе 1961 г. начал работу Чувашский электротехнический научно-исследовательский институт (ныне ВНИИР), при Чувашском совнархозе было создано специальное конструкторское бюро (СКБ) по разработке электрических приборов и исполнительных механизмов [24. С. 113].

Волжский филиал МЭИ уже в первые годы своего существования по основным показателям опередил другие вузы Чувашии [24. С. 113]. И.П. Прокопьев

² *Беляев Е.Г.* Как создавалась кафедра всеобщей истории ЧГУ им. И.Н. Ульянова (субъективные заметки) // Рукопись. Архив авторов.

вспоминает: «Открытие филиала МЭИ имело огромное значение в деле подготовки высококвалифицированных инженерно-технических специалистов для быстро развивающейся промышленности республики, ибо до этого мы получали их из вузов Горького, Казани, Москвы, Ленинграда и других городов, которые после двух-трех лет работы уезжали. Поэтому республике крайне был необходим вуз, где готовили бы специалистов из местной молодежи. Одновременно данный филиал явился одной из баз создания университета» [21. С. 58–59].

Руководство ЧАССР в лице первого секретаря обкома КПСС С.М. Илюкова не оставляло надежд добиться открытия университета. Приближающийся 50-летний юбилей Октябрьской революции стал поводом для активизации этих усилий. В республике ощущался дефицит не только инженерных кадров, но и экономистов, медиков, химиков. Возник план создания на базе ВФ МЭИ университета нового типа – универсального, отражающего современную тенденцию развития различных наук путем их взаимопроникновения, что позволило бы по мере надобности открывать новые факультеты [22. С. 107].

По мнению В.А. Щедрина, «главное лицо в создании Чувашского государственного университета – это Илюков Семен Матвеевич, первый секретарь Чувашского обкома КПСС. Ему памятник надо поставить, поскольку он является отцом-основателем нашего университета»³. По свидетельству В.А. Щедрина, «дело с открытием университета вновь застопорилось после того, как специальная комиссия Министерства высшего образования СССР, рассмотрев материально-техническую базу и кадровый потенциал будущего вуза, доложила министру В.И. Елютину, что новый университет не располагает необходимым кадровым составом в части докторов наук и профессоров» [28. С. 7].

В.А. Щедрин считает, что на решении комиссии сказалась позиция проректора по Волжскому филиалу МЭИ А.А. Федорова. Блестящий организатор, настоящий борец, учитель в самом высоком понимании этого слова, А.А. Федоров считал Волжский филиал МЭИ своим детищем. Благодаря ему «за короткое время на пустыре у старого Чебоксарского ипподрома выросли девять учебно-лабораторных корпусов Волжского филиала, студенческий городок с тремя благоустроенными общежитиями и дом для профессорско-преподавательского состава, открылись столовые» [19. С. 272]. А.А. Федоров мечтал о создании на базе филиала самостоятельного энергетического института.

Однако именно хорошо оснащенный и процветающий филиал с его блестящими показателями мог стать основой многопрофильного университета. А.А. Федоров не принял предложения руководства республики стать ректором национального университета и, более того, стал строить планы о переводе филиала, в случае открытия университета, в другой город. Это породило интригу, в результате которой усилия руководства ЧАССР по открытию университета продолжались как бы за спиной у руководителя крупнейшего вуза ЧАССР. В.А. Щедрин в своем интервью говорит: «Университет открывался в страшной секретности»⁴.

В преддверии 50-летия Октябрьской революции С.М. Илюков обратился в ЦК КПСС с просьбой направить в Чебоксары новую комиссию. Он лично посетил министров высшего образования СССР и РСФСР В.И. Елютина и В.Н. Столетова, встретился с работниками отдела науки и вузов ЦК КПСС [23. С. 101]. В республику приехала новая комиссия под руководством инспектора ЦК КПСС Д.А. Иванова. В целом решение этой комиссии было положительным, но в ее выводах содержались требования укрепления прежде всего кадрового потен-

³ Интервью с Щедриным В.А., профессором ЧУ им. И.Н. Ульянова. 14 октября 2014 г. // Полевые исследования авторов.

⁴ Там же.

циала будущего университета и материально-технической базы. По свидетельству В.Д. Димитриева, тогда директора Чувашского научно-исследовательского института, ему было поручено подготовить статью «Представители Советской Чувашии в отечественной науке», в которой содержались бы сведения об ученых, происходивших из ЧАССР и чувашской диаспоры [9. С. 21]. Был предложен проект о создании нового университета на базе Волжского филиала МЭИ с присоединением историко-филологического факультета Чувашского пединститута. С.М. Ислюков выехал в Москву вместе с комиссией, которая дала в целом положительное заключение. «Он добился встречи по данному вопросу у Л.И. Брежнев, а также затем у Н.А. Косыгина, М.А. Суслова и Д.Б. Полянского» [28]. В.А. Щедрин пишет: «Огромная воля и дипломатический талант политического руководителя Чувашии убедили Политбюро ЦК КПСС, которое поручило Совету Министров СССР открыть в Чебоксарах университет» [28. С. 8]. При Совете Министров ЧАССР была создана группа по подбору кадров университета с участием заместителя председателя Совмина Н.Е. Егорова [22. С. 103].

Однако открытым оставался вопрос о кандидатуре на должность ректора университета. Сначала на пост ректора выдвинули профессора пединститута, член-корреспондента Академии педагогических наук СССР М.Я. Сироткина. Но он отказался, считая, что ему уже поздно браться за это новое для него дело [3]. Необходимо было в кратчайшие сроки подобрать достойную кандидатуру ректора. С этой целью по поручению С.М. Ислюкова секретарь обкома КПСС И.П. Прокопьев выехал в Казань. По рекомендации секретаря Татарского обкома КПСС по идеологии М.Ф. Валеева и первого секретаря обкома КПСС Ф.А. Табеева И.П. Прокопьев встретился с профессором КГУ, деканом механического факультета С.Ф. Сайкиным [22. С. 105].

Уроженец Чувашии (1914 г.), выпускник Чувашского рабфака (1931 г.), Сайкин еще в период обучения на физико-математическом факультете Казанского университета (1931–1937 гг.) занялся научной работой. В первые дни Великой Отечественной войны С.Ф. Сайкин ушел добровольцем на фронт. Еще будучи действующим офицером, он защитил в 1948 г. кандидатскую диссертацию и после демобилизации в 1951 г. стал старшим научным сотрудником НИИ математики и механики им. Н.Т. Чеботарева при Казанском государственном университете. В 1958 г. он стал деканом физико-математического факультета, а после его разделения в 1961 г. – деканом механического факультета КГУ. В 1965 г. Сайкин защищает докторскую диссертацию. Тогда же он был избран первым заместителем секретаря парткома Казанского университета, работая совместно с Ф.А. Табеевым. Именно Табеев рекомендовал С.Ф. Сайкина как умелого организатора и солидного ученого на пост ректора Чувашского университета [9. С. 14–15].

Однако сам С.Ф. Сайкин при первой встрече с И.П. Прокопьевым отказался от этого поста. «Как я могу уехать? Тут у меня тематика, семья. И возраст у меня и здоровье некрепкое. Я тогда нефтью занимался, что я буду делать в Чебоксарах?» – вспоминал он позже о своей первой реакции [23].

И.П. Прокопьев пишет об этой встрече: Семен Федорович «хорошо понимал, с чем ему придется столкнуться на посту ректора: строительство материально-технической базы, организация лабораторий и кабинетов, подбор кадров, открытие новых факультетов, все придется начинать сначала» [22. С. 105]. К тому же Сайкин опасался, что не оправдает доверия и тем самым подведет обком ТАССР и рекомендовавших его товарищей: «Пугают не трудности, боюсь другого – подвести обком. Ведь такая ответственность» [18. С. 10]. Сайкин предложил другую кандидатуру – доктора физико-математических наук, члена-корреспондента АН Киргизской ССР Якова Васильевича Быкова. Он был уроженцем д. Торханы Чувашии, в свое время учился в Казанском университете

вместе с Сайкиным [23]. Прокопьев вынужден был вернуться в Чебоксары ни с чем, но договорился о возможности новой встречи с Сайкиным.

Тем временем в Чебоксары приехал доктор химических наук, член-корреспондент Белорусской Академии наук, профессор И.И. Бардышев. В своих воспоминаниях И.П. Прокопьев называет его В.Н. Бардышевым [22. С. 103], однако это ошибка. Иван Илларионович Бардышев (1912–2001 гг.), уроженец с. Русские Норваши Чувашии, был известным ученым в области лесохимии. В 1967 г. он был заведующим лаборатории Института физико-органической химии АН БССР. Его фамилия была включена в список ученых-чувашей, составленный В.Д. Димитриевым [7. С. 182]. И.И. Бардышев, по словам И.П. Прокопьева, имел «желание возглавить университет» [22. С. 103]. Однако его кандидатура не была принята республиканскими руководителями. И.П. Прокопьев пишет: «Но какое-то внутреннее чутье нам подсказывало не торопиться с предложением, ибо здесь нельзя было допустить ошибку» [22. С. 103].

И.П. Прокопьев повторно выезжает в Казань для встречи с С.Ф. Сайкиным. Ему не удастся прельстить его материальными благами (квартира, зарплата), но удалось апеллировать к моральному долгу. И.П. Прокопьев убеждает Сайкина, что именно он является лучшей кандидатурой на пост ректора и его отказ может затруднить принятие решения об открытии университета, так как удобный момент будет пропущен, что отодвинет открытие университета на неопределенное время: «Вот 50-летие Октября очень удобный случай для открытия университета. В ЦК уже поставлен вопрос, но там выдвинуто условие: найдите на должность ректора профессора, тогда примем решение об открытии. Если вы не найдете, тогда придется отложить, и когда еще вернемся к этому» [12].

И.П. Прокопьев вспоминает о ходе беседы с Сайкиным: «Я начал в очень тактичной форме говорить о долге перед народом, республикой, которые помогли [Сайкину. – Авт.] получить образование, стать крупным ученым. А стремление молодежи к получению высшего образования сегодня не меньше чем в прошлом. Поэтому и руководство республики поставило цель – к 50-летию Советской власти открыть университет, и это во многом зависит от Вас, дорогой Семен Федорович» [22. С. 104].

Эта ответственность побудила С.Ф. Сайкина принять на себя нелегкие обязанности первого ректора нового университета. Он заручился поддержкой ректора КГУ М.Т. Нужина, который оказал большую помощь университету. Вместе с С.Ф. Сайкиным в Чебоксары приехал его близкий знакомый и земляк профессор КГУ С.А. Аbruков. Супруга Сайкина кандидат химических наук Мария Карловна пригласила в Чебоксары работавшую вместе с ней кандидата химических наук Ф.И. Иванову. Позже приехали из Казани В.Н. Николаев, А.Г. Терентьев, А.В. Мерлин и др.

17 августа 1967 г. вышло постановление Совета Министров СССР об открытии в Чебоксарах Чувашского университета. 26 августа 1967 г. Министерство высшего и среднего специального образования РСФСР назначило С.Ф. Сайкина исполняющим обязанности ректора [2. Л. 1]. Проректором по науке стал профессор С.А. Аbruков, проректором по учебной работе доцент ВФ МЭИ А.К. Аракелян.

По свидетельству В.А. Щедрина, который в 1967 г. был ответственным секретарем приемной комиссии ВФ МЭИ, «ректорат МЭИ, А.А. Федоров и все остальные работники филиала не были проинформированы о точной дате открытия ЧГУ» [28. С. 8]. Директор ВФ МЭИ А.А. Федоров, находившийся в отпуске, узнал об открытии университета буквально за два дня до того по телефону от и.о. директора Г.Ф. Быстрицкого. То есть все решения по университету готовились без особой огласки. «Информация об открытии ЧГУ и о фа-

милиях назначенных руководителей С.Ф. Сайкина и С.А. Аbruкова стала нам случайно известна от бывшего секретаря Кировского обкома КПСС Л.С. Гордона. – пишет В.А. Щедрин. – Правда, еще за две недели до этого в приемную комиссию обращались отдельные абитуриенты с вопросом, когда же начнется прием на экономические и медицинские специальности» [28. С. 9].

О том, что сведения об образовании Чувашского университета распространялись в городе неофициально, в виде слухов, свидетельствует В.А. Васильев, который в 1967 г. был студентом историко-филологического факультета ЧГПИ: «Я до сих пор помню, был такой яркий солнечный августовский день, стоим мы напротив входа в главный корпус в институт, беседуем о том, как лето прошло. Вдруг к нам подходит Иван Ильич Одюков, заместитель декана ИФФ, и говорит полушепотом: «А знаете, что вы уже студенты не педагогического, а государственного университета». Мы засмеялись дружно, думаем, какой еще университет, в помине даже не было, никто не был в курсе»⁵. Студенты обратились за разъяснениями к В.Я. Канюкову, который, по словам И.И. Одюкова, должен был стать деканом. Он ответил: «Ребята, еще ничего не известно. Приказа еще нет, бумаги готовятся, но постановление еще не подписано». В.А. Васильев утверждает: «Фактически еще 28, 29-го августа точно не было известно об организации университета, но на следующий день уже было объявлено о том, что открывается Чувашский государственный университет, и мы переводимся в этот университет»⁶.

Накануне 1 сентября 1967 г. состоялось общее собрание профессорско-преподавательского состава, обслуживающего персонала и служащих нового университета⁷. В работе собрания приняли участие первый секретарь Чувашского обкома КПСС С.М. Ислуков, председатель Совета Министров ЧАССР М.П. Зайцев, секретарь обкома КПСС И.П. Прокопьев. Последний представил коллективу ректора университета С.Ф. Сайкина и проректоров Аbruкова и Аракеляна. После выступления С.Ф. Сайкина слово взял проректор МЭИ профессор А.А. Федоров, который в своей речи заверил, что институт будет оказывать Чувашскому университету всемерную помощь [11].

Первая публикация об университете появилась в газете «Советская Чувашия» 1 сентября 1967 г. В статье С.Ф. Ислукова отмечалось значение открытия Чувашского университета для республики. В статье ставилась определенная планка для него: «Чувашский государственный университет – периферийный вуз, но он не имеет права быть провинциальным вузом. Критерий оценки для Чувашского государственного университета такой же, как и для Московского или Ленинградского – общесоюзный критерий» [15].

Первоначально, согласно приказу по министерству высшего и среднего специального образования РСФСР в состав ЧГУ входили пять факультетов: историко-филологический, экономический, медицинский, химический и электротехнический. Однако приказом по министерству высшего и среднего специального образования РСФСР от 23 сентября 1967 г. была утверждена более широкая структура, ученый Совет, а также штаты Чувашского государственного университета. Структура университета включала в себя ректорат с его центральным аппаратом, семь факультетов, 39 кафедр, более 120 лабораторий и кабинетов, несколько учебных мастерских, высоковольтный зал с пультом управления, анато-

⁵ Интервью с Васильевым В.А., профессором ЧГУ им. И.Н. Ульянова. 14 мая 2015 г. // Полевые исследования авторов.

⁶ Там же.

⁷ Интервью с Павловым Н.И., доцентом ЧГУ им. И.Н. Ульянова. 23 января 2015 г. // Полевые исследования авторов.

мический театр, этнографический музей, библиотеку, типографию, научно-исследовательский центр, научное студенческое общество, редакцию многотиражной газеты и культурно-бытовые учреждения. В ученый Совет университета по рассмотрению представлений к присвоению ученых званий, учебных, методических, конкурсных, хозяйственных и других вопросов входило 43 человека [4].

Электротехнический, электрификации промышленности и общетехнический факультеты (в 1968 г. преобразован в машиностроительный) были образованы на базе соответствующих факультетов ВФ МЭИ. Из Чувашского педагогического института в университет были переведены историческое отделение и отделение чувашской филологии историко-филологического факультета, а отделение русской филологии осталось в институте, став основой филологического факультета ЧГПИ. Поэтому в конце августа был объявлен дополнительный набор студентов на отделение русской филологии университета (которое в ходе приемной комиссии называлось факультетом русской филологии). Одновременно был объявлен набор студентов на вновь открываемые химический, медицинский, экономический факультеты. При этом особенно большим был конкурс на медицинский факультет⁸.

Химический факультет был основан для подготовки инженеров-химиков для крупнейшего химического предприятия СССР – Чебоксарского «Химпрома». Это предприятие построило и оснастило на свои средства в 1969 г. здание химического факультета (ныне корпус «О»). На факультет были приглашены на работу ведущие специалисты из Казани, Москвы, Ленинграда, Горького, Минска, Тольятти, в том числе первый декан факультета доцент А.Я. Плотников [25. С. 138].

Первым деканом экономического факультета, на котором сначала функционировало только дневное отделение по специальности «Планирование промышленности», был профессор В.Н. Якимов, затем П.А. Сидоров, чуть позже им стал Г.Н. Ахмеев [25. С. 138].

Более сложным было открытие медицинского факультета. С одной стороны, в Чувашии ощущалась острая нехватка врачей (16,8 на 10 тыс. населения, при нормативе 42-45) [19. С. 8]. Однако Министерство здравоохранения СССР было категорически против открытия медицинского факультета в ЧГУ, объясняя это тем, что в Чувашии нет докторов наук [1]. Поэтому особое значение имело согласие приехать из Горьковского медицинского института в Чебоксары доктора медицинских наук В.В. Амосовой. 16 сентября 1967 г. она была назначена на должность заведующего кафедрой нормальной и топографической анатомии с оперативной хирургией и исполняющей обязанности профессора [19. С. 10]. В.В. Амосова приехала первой, так как предмет анатомии начинал учебный план медиков. Она начала формировать кафедру на пустом месте, занимаясь и организацией ремонта, и изготовлением мебели. Затем приехавшим позднее профессорам она с гордостью показывала уже оборудованную кафедру. Д.С. Гордон вспоминала: «Все мы чувствовали, что ее первенство обусловлено не только учебным планом, но и собственным ее ощущением» [27. С. 8]. Поэтому закономерно, что в 1969 г. Амосова сменила первого декана медфака И.В. Смирнова на этом посту и возглавляла медфака до 1985 г.

Таким образом коллектив преподавателей университета формировался из числа представителей разных научных школ разных регионов страны. По этому поводу Ю.М. Миронов вспоминает о сложностях первого периода: «Когда собираются люди из разных вузов, появляются определенные проблемы. Коллективу необходимо было притереться друг к другу. В этом помогла тонкая работа ректората. Результатом чего стало формирование полноценного

⁸ Интервью с Сергеевым Т.С., профессором ЧГПУ им. И.Я. Яковлева. 22 декабря 2014 г. // Полевые исследования авторов.

коллектива из разнородных научных и педагогических деятелей»⁹. Сын С.Ф. Сайкина вспоминал: «В то время в коллективе была масса трений. Преподаватели Волжского филиала МЭИ не желали входить в состав ЧГУ. И самой сложной задачей оказалось сплотить состав работников. Но Семен Федорович блестяще с ней справился»¹⁰.

Практически все современники тех событий отмечают особую консолидирующую роль С.Ф. Сайкина. И.П. Прокопьев пишет: «Семен Федорович из многих научных школ смог создать свою школу, с огромной любовью растил кадры, под его руководством университет выпустил и воспитал многих замечательных ученых, которыми может гордиться республика» [13].

Доброжелательная, деловая обстановка, которую удалось создать С.Ф. Сайкину в университете, способствовала складыванию нормального общения профессорских семей. И.П. Прокопьев вспоминал, что многолетняя творческая дружба связывала семьи Сайкиных, Абрикузовых, Канюковых, Сироткиных, Дедушкиных, Марковых и Филипповых: «Мы жили по сути одной семьей, одними заботами и делами» [22. С. 59].

В первое время основные сложности были связаны с существованием оппозиционных настроений со стороны ряда сотрудников и студентов бывшего ВФ МЭИ. Некоторые преподаватели подали, вслед за А.А. Федоровым, заявление об уходе. Среди студентов образовалась группа активистов, резко выступавшая против перевода их в университет. Ю.М. Миронов поясняет, что на дневном отделении электротехнического факультета ВФ МЭИ была московская и чебоксарская группы. «Это означало, что часть студентов поступала в МЭИ в городе Москва и их отправляли учиться в Чебоксары на два года. – вспоминает он. – И когда произошло преобразование ВФ МЭИ в университет, то, конечно, возник определенный конфликт, потому как студенты, приехавшие из Москвы, не хотели получать диплом университета, который тогда только открылся и еще не был известен»¹¹.

В.А. Васильев вспоминает, что часть студентов бывшего ВФ МЭИ устроила сидячую забастовку на крыльце корпуса «Г»¹². С.Ф. Сайкин лично встречался со студентами и преподавателями бывшего ВФ МЭИ, и в результате был найден компромисс: студенты IV-V курсов по окончании учебы получили диплом Московского энергетического института, а студенты I-III курсов по окончании обучения получили дипломы Чувашского государственного университета. По решению ученого совета даже студенты младших курсов при желании могли получить диплом МЭИ, но для этого защищать дипломную работу они должны были в Москве [6. Л. 1].

Существовали определенные сложности и на историко-филологическом факультете. Так, Е.Г. Беляев считает, что при формировании кадрового потенциала кафедры всеобщей истории «не учли глубоких различий и особенностей университетского профессионального исторического образования по сравнению с профессиональным историческим образованием в педагогическом институте». Речь идет о чтении специальных курсов, руководстве специальными семинарами, руководстве выполнением студентами курсовых и дипломных сочинений, которых в учебном плане пединститута не было. Поэтому спустя год некоторые

⁹ Интервью с Мироновым Ю.М., профессором ЧГУ им. И.Н. Ульянова. 25 мая 2015 г. // Полевые исследования авторов.

¹⁰ Интервью с Сайкиным Анатолием Семеновичем, сыном Сайкина Семена Федоровича. 28 марта 2015 г. // Полевые исследования авторов.

¹¹ Интервью с Мироновым Ю.М.

¹² Интервью с Васильевым В.А., профессором ЧГУ им. И.Н. Ульянова. 14 мая 2015 г. // Полевые исследования авторов.

преподаватели ИФФ университета ушли на пенсию, другие вернулись на работу в пединститут, третьи перешли на кафедру истории КПСС университета¹³.

Бывшие студенты пединститута в большинстве были довольны переводом в университет. А.П. Данилова вспоминает: «Новая обстановка, новая атмосфера очень располагала. Мы были рады тому, что нас перевели в университет, очень гордились тем, что мы получили университетские дипломы, что у нас будет университетское образование»¹⁴. Как вспоминает В.А. Васильев, «атмосфера, по сравнению с пединститутом, была совершенно другая. Здесь царил некий дух университетской свободы»¹⁵. Однако существовали и определенные проблемы переходного времени. Учебная программа пединститута была рассчитана на 4 года и сильно отличалась от университетской программы и по срокам (5 лет обучения), и по содержанию. Часть студентов старших курсов были за то, чтобы обучаться по университетской программе (в основном девушки). Но, по воспоминаниям В.А. Васильева, «юноши не хотели лишней год учиться, потому что нам еще предстояла армия». В результате общего голосования среди студентов, вспоминает он, «мы решили обучаться по своей же 4-летней программе»¹⁶. Студенты ИФФ младших курсов учились уже по программе университета. А.П. Данилова свидетельствует: «Мы были первыми, кто по пятилетней программе стал обучаться, до нас все учились по четыре года». При этом она отмечает: «В первые годы образования университета у нас был очень хороший профессорско-преподавательский состав. Это были и крупные ученые, с одной стороны; с другой стороны, замечательные методисты, которые владели методикой проведения всех видов занятий, и от нас, студентов, требовали овладения этими методами»¹⁷.

Первые месяцы существования университета были наполнены важными событиями. В.А. Васильев вспоминает: «1 сентября 1967 года мне запомнился. Мы ощущали торжественность и праздничность, потому что вокруг царила такая атмосфера, город ликовал. Новость об открытии университета была великой и город был воодушевлен этим. Это напомнило мне дни, когда Андриан Григорьевич Николаев полетел в космос... Университет открылся в нашей республике! Праздник был везде, в троллейбусах было море цветов, ликования. Повсюду чувствовалось это»¹⁸.

Однако 1 сентября учебный процесс начался не на всех факультетах. У студентов историко-филологического факультета прошла торжественная лекция в актовом зале корпуса «Е», а затем для студентов исторического отделения и отделения чувашской филологии, а также у студентов бывшего ВФ МЭИ начались обычные занятия¹⁹. Первая лекция для первокурсников электротехнического факультета началась в 9.00 1 сентября в аудитории Г-301. Начал лекцию ректор С.Ф. Сайкин, затем перед студентами выступил секретарь обкома КПСС И.П. Прокопьев [14]. 1 сентября состоялось первое партийное собрание ЧГУ с повесткой дня « О задачах коммунистов в связи с организацией Чувашского госуниверситета» [20].

¹³ Беляев Е.Г. Как создавалась кафедра всеобщей истории ЧГУ им. И.Н. Ульянова (субъективные заметки) // Рукопись. Архив авторов.

¹⁴ Интервью с Даниловой А.П., выпускницей ЧГУ им. И.Н. Ульянова 1971 г. 20 января 2015 г. // Полевые исследования авторов.

¹⁵ Интервью с Васильевым В.А., профессором ЧГУ им. И.Н. Ульянова. 14 мая 2015 г. // Полевые исследования авторов.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Интервью с Даниловой А.П.

¹⁸ Интервью с Васильевым В.А.

¹⁹ Интервью с Даниловой А.П.

В эти же дни шла активная приемная кампания на медицинский, химический и экономический факультеты. Конкурс на 7 сентября на медицинский факультет составил 1100 заявлений на 50 мест, на химический и экономический факультеты – 9 абитуриентов на 1 место, на факультет русской филологии (который позже станет отделением ИФФ) – 16 человек на 1 место [27]. Официально занятия на этих факультетах начались только 1 октября 1967 г., но первые недели были как бы «разгонными».

Торжественные мероприятия, посвященные официальному открытию Чувашского государственного университета, прошли 18 октября 1967 г. Сначала состоялся многотысячный митинг на площади В.И. Ленина в Чебоксарах. Сохранились фотографии, позволяющие ощутить торжественность этого мероприятия и ликование собравшихся. Затем в музыкально-драматическом театре состоялось торжественное собрание, на котором выступили представители советских и партийных органов, а также преподаватели и студенты университета [10].

30 ноября 1967 г. вышло Постановление Совета Министров РСФСР «О присвоении Чувашскому государственному университету имени И.Н. Ульянова». По этому поводу 8 декабря 1967 г. в актовом зале корпуса «Г» университета состоялось торжественное собрание. Собрались представители руководства республики и города, ведущих предприятий и организаций. С речью по этому торжественному случаю выступил С.М. Ислуков. От имени студентов университета на собрании выступил студент ИФФ В.А. Васильев. Он вспоминает о необычайно торжественной атмосфере и той ответственности, которую он ощущал, выступая от имени всех студентов: «После этого собрания мы стали “ульяновцами”, и мы навсегда ими останемся»²⁰. Однако череда торжеств заканчивалась, впереди была первая сессия в ЧГУ.

Так закладывался фундамент ЧГУ, который ныне является крупнейшим вузом Чувашской Республики. В задачи статьи не входит рассказ о дальнейшей истории университета. Однако собранные нами интервью и воспоминания ветеранов являются ценными источниками, рассказывающими не только о начальной истории, но и о дальнейшем развитии университета. Это позволяет утверждать, что важное значение для открытия ЧГУ имели не только объективные, но субъективные предпосылки, выразившиеся в деятельности С.М. Ислукова, И.П. Прокопьева, А.А. Федорова, С.Ф. Сайкина и др.

Литература

1. Аракелян А.К. Так начинался университет // Ульяновец. 1992. 10 сентября.
2. Архив ЧГУ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 5770. Личное дело Сайкина Семена Федоровича. 157 л.
3. Беляева С., Короткова М. Учитывая огромное желание народа // Ульяновец. 1994. 29 апр.
4. В Министерстве высшего и среднего специального образования РСФСР // Советская Чувашия. 1967. № 231, 1 окт.
5. Гатина З.С., Гребенкина Д.М. Личные воспоминания о постсоветских университетах и архив профессорской идентичности // Диалог со временем. 2015. № 51. С. 261–286.
6. Государственный исторический архив Чувашской Республики. Ф. 2453. Оп. 1. Д. 27. Протоколы, стенограммы заседаний Ученого Совета и материалы к ним. 1967–1968 гг. 168 л.
7. Дмитриев В.Д. Бардышев Иван Илларионович // Чувашская энциклопедия. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2006. Т. 1. С. 182.
8. Дмитриев В.Д. Н.В. Никольский – ученый педагог, общественный деятель. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2002. 104 с.
9. Дмитриев В.Д. Сайкин С.Ф.: воин, ученый, педагог, общественный деятель. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 1994. 56 с.
10. Доброго пути, университет! Многотысячный митинг в Чебоксарах // Советская Чувашия. 1967. № 246, 19 окт.
11. Еще одно детище Октября. Беседа с ректором Чувашского государственного университета С.Ф. Сайкиным // Советская Чувашия. 1967. № 205, 1 сент.

²⁰ Интервью с Васильевым В.А., профессором ЧГУ им. И.Н. Ульянова. 14 мая 2015 г. // Полевые исследования авторов.

12. Желтов М. Лучшие идеи приходят до тридцати семи лет // Советская Чувашия. 1994. 17 сент.
13. Жил как совесть велит: торжественное чествование С.Ф. Сайкина... // Ульяновец. 1994. 22 сент.
14. Ижеев М. В добрый путь, университет // Советская Чувашия. 1967. № 206, 2 сент.
15. Ислуков С.М. Чувашский государственный университет // Советская Чувашия. 1967. № 205, 1 сент.
16. История Чувашии новейшего времени. Кн. II. 1945–2005. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2009. 398 с.
17. Липатова И.А., Самонова А.И. Открытие Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова в воспоминаниях студентов и преподавателей // Университетское образование в полиэтничных регионах Поволжья (к 50-летию Чувашского государственного университета имени И.Н. Ульянова). Чебоксары: ЦНС «Интерактив плюс», 2015. С. 460–464.
18. Лозвинов В. Университеты Семена Сайкина // Вестник высшей школы. 1977. № 3. С. 7–11.
19. Организаторы науки и образования: Очерки. Иллюстрированное издание. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2008. Т. 5. 350 с.
20. Первое партсоборание в Чувашском государственном университете // Советская Чувашия. 1967. № 207, 3 сент.
21. Прокопьев И.П. Во имя народа: сб. ст. и очерков. Чебоксары, 2001. 194 с.
22. Прокопьев И.П. По зову сердца: сб. ст. Чебоксары, 1998. 208 с.
23. Сайкин С.Ф. Начало... // Ульяновец. 1992. 29 окт.
24. Страницы истории высшей школы Чувашии. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 1992. 192 с.
25. Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова. 1967–1997 гг. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 1997. 324 с.
26. Чувашский государственный университет имени И.Н. Ульянова: 40 лет. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2007. 344 с.
27. Школьникова З. Перед экзаменами // Советская Чувашия. 1967. № 212, 9 сент.
28. Щедрин В.А. Как это всё начиналось... // Региональная энергетика и электроника: проблемы и решения: сб. науч. тр., посвящ. 45-летию Чуваш. гос. ун-та им. И.Н. Ульянова. Чебоксары, 2012. Вып. 8. С. 4–10.
29. Яковлев И.Я. Моя жизнь. Воспоминания. М.: Республика, 1997. 696 с.

ИВАНОВА ТАТЬЯНА НИКОЛАЕВНА – доктор исторических наук, заведующая кафедрой истории и культуры зарубежных стран, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (tivanovan@mail.ru).

ЛИПАТОВА ИРИНА АЛЕКСЕЕВНА – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и культуры зарубежных стран, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (lipirin@mail.ru).

T. IVANOVA, I. LIPATOVA

«HOW IT BEGAN»: ESTABLISHING I.N. ULYANOV CHUVASH STATE UNIVERSITY THROUGH THE EYES OF CONTEMPORARIES

Key words: *creation of the Chuvash State University named after I.N. Ulyanov, memoirs, S.M. Islyukov, I.P. Prokopiev, S.F. Saykin, A.A. Fedorov.*

Based on the analysis of contemporaries' memoirs, documentary sources and newspaper articles, the authors consider objective and subjective prerequisites for the establishment of the Chuvash State University named after I.N. Ulyanov. The authors define the role of M.S. Islyukov, I.P. Prokopiev, S.F. Saykin, A.A. Fedorov et al. in the opening of the university and restore the chronology of the main events of the first months of its existence.

References

1. Arakelyan A.K. *Tak nachinal'sya universitet* [his is how the University Started]. *Ulyanovets* [Ulyanovets], 1992, Sept. 10.
2. *Arkhiv ChGU. F. 1. Op. 3. D. 5770* [Chuvash State University Archives. Archive 1. Anagraph 3. Document 5770] *Lichnoe delo Saikina Semena Fedorovicha* [Personal File Saykin Semen Fedorovich.] 157 p.
3. Belyaeva S., Korotkova M. *Uchityvaya ogromnoe zhelanie naroda* [Given a strong desire of the people]. *Ulyanovets* [Ulyanovets], 1994, Apr. 29.
4. *V Ministerstve vysshego i srednego spetsial'nogo obrazovaniya RSFSR* [The Ministry of Higher and Secondary Special Education of the RSFSR]. *Sovetskaya Chuvashiya* [Soviet Chuvashia], 1967, no. 231, Oct. 1.
5. Gatina Z.S., Grebenkina D.M. *Lichnye vospominaniya o postsovet'skikh universitetakh i arkhiv professorskoi identichnosti* [Personal memories of the post-Soviet universities and professorial identity archives]. *Dialog so vremenem* [Dialogue with the time], 2015, no. 51, pp. 261–286.

6. Gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Chuvashskoi Respubliki. F. 2453. Op. 1. D. 27 [State Historical Archives. Archive 2453. Anagraf 1. Document 27.] *Protokoly, stenogrammy zasedanii Uchenogo Soveta i materialy k nim* [Minutes, transcripts of the meetings of the Academic Council and materials to them] 1967–1968. 168 p.
7. Dimitriev V.D. *Bardyshev Ivan Illarionovich* [Bardyshev Ivan Illarionovich]. In: *Chuvashskaya entsiklopediya* [Chuvash encyclopedia] Cheboksary, Chuvash Publishing House, 2006, vol. 1, 182 p.
8. Dimitriev V.D. *N.V. Nikol'skii – uchenyi pedagog, obshchestvennyi deyatel'* [N.V. Nikol'skii – scholar teacher, public figure]. Cheboksary, Chuvash University Publ., 2002, 104 p.
9. Dimitriev V.D. *Saikin S.F.: vojn, uchenyi, pedagog, obshchestvennyi deyatel'* [Saikin S.F.: warrior, scientist, educator, social activist.] Cheboksary, Chuvash University Publ., 1994, 56 p.
10. *Dobrogo puti, universitet! Mnogotysyachnyi miting v Cheboksarakh* [Bon Voyage, University! Meeting in Cheboksary]. *Sovetskaya Chuvashiya* [Soviet Chuvashia], 1967, no. 246, Oct. 19.
11. *Eshche odno detishche Oktyabrya. Beseda s rektorom Chuvashskogo gosudarstvennogo universiteta S.F. Saikinyim* [Another brainchild of October. Interview with S.F. Saikin, Rector of Chuvash State University]. *Sovetskaya Chuvashiya* [Soviet Chuvashia], 1967, no. 205, Sept. 1.
12. Zheltov M. *Luchshie idei prikhodyat do tridsati semi let* [Best ideas come before you are thirty-seven]. *Sovetskaya Chuvashiya* [Soviet Chuvashia], 1994, Sept. 17.
13. *Zhil kak sovest' velit: torzhestvovanie chestvovanie S.F. Saikina...* [He Lived by Conscience: grand celebration in honour of S.F. Saikin]. *Ul'yanovets* [Ulyanovets], 1994, Sept. 22.
14. Izheev M. *V dobryi put', universitet* [Bon Voyage, University]. *Sovetskaya Chuvashiya* [Soviet Chuvashia], 1967, no. 206, Sept. 2.
15. Islyukov S.M. *Chuvashskii gosudarstvennyi universitet* [Chuvash State University]. *Sovetskaya Chuvashiya* [Soviet Chuvashia], 1967, no. 205, Sept. 1.
16. *Istoriya Chuvashii noveishego vremeni. Kn. II. 1945–2005* [Modern History of Chuvashia. Book II]. Cheboksary, Chuvash Publishing House, 2009, 398 p.
17. Lipatova I.A., Samonova A.I. *Otkrytie Chuvashskogo gosudarstvennogo universiteta im. I.N. Ul'yanova v vospominaniyakh studentov i prepodavatelei* [Opening of I.N. Ulyanov Chuvash State University in memories of students and professors]. In: *Universitetskoe obrazovanie v polietnichnykh regionakh Povolzh'ya (k 50-letiyu Chuvashskogo gosudarstvennogo imeni I.N. Ul'yanova)* [University education in multiethnic areas of the Volga region (the 50th anniversary of I.N. Ulyanov Chuvash State University)] Cheboksary, 2015, pp. 460–464.
18. Logvinov V. *Universitety Semena Saikina* [Semen Saikin's Universities]. *Vestnik vysshei shkoly* [Higher School Bulletin], 1977, no. 3, pp. 7–11.
19. *Organizatory nauki i obrazovaniya: Ocherki. Illyustrirovannoe izdanie* [Organizers of Education and Science: Sketches. Illustrated ed.]. Cheboksary, Chuvash Publishing House, 2008, vol. 5, 350 p.
20. *Pervoe partsobranie v Chuvashskom gosudarstvennom universitete* [The first party meeting in the Chuvash State University]. *Sovetskaya Chuvashiya* [Soviet Chuvashia], 1967, no. 207, Sept. 3.
21. Prokop'ev I.P. *Vo imya naroda: sb. st. i ocherkov* [In the name of the people: collected articles and sketches]. Cheboksary, 2001, 194 p.
22. Prokop'ev I.P. *Po zovu serdtsa: Sbornik statei* [Call of the heart: collection articles]. Cheboksary, 1998, 208 p.
23. Saikin S.F. *Nachalo...* [Start...]. *Ul'yanovets* [Ulyanovets], 1992, Oct. 29.
24. *Stranitsy istorii vysshei shkoly Chuvashii* [Historical pages of Chuvashia's higher school]. Cheboksary, Chuvash University Publ., 1992, 192 p.
25. *Chuvashskii gosudarstvennyi universitet im. I.N. Ul'yanova. 1967–1997 gg.* [I.N. Ulyanov Chuvash State University. 1967–1997]. Cheboksary, Chuvash University Publ., 1997, 324 p.
26. *Chuvashskii gosudarstvennyi universitet imeni I.N. Ul'yanova: 40 let* [I.N. Ulyanov Chuvash State University: 40 years]. Cheboksary, Chuvash University Publ., 2007, 344 p.
27. Shkol'nikova Z. *Pered ekzamenami* [Before exams]. *Sovetskaya Chuvashiya* [Before Examinations], 1967, no. 212, Sept. 9.
28. Shchedrin V.A. *Kak eto vse nachinalos'...* [How it all Started]. In: *Regional'naya energetika i elektronika: problemy i resheniya: sb. nauch. tr.: posvyashch. 45-letiyu Chuvash. gos. un-ta im. I.N. Ul'yanova* [Regional energy and electronics: problems and solutions: collection of scientific papers: dedicated to 45th anniversary of I.N. Ulyanov Chuvash State University]. Cheboksary, 2012, vol. 8, pp. 4–10.
29. Yakovlev I.Ya. *Moya zhizn'. Vospominaniya* [My life. Memories]. Moscow, Republic Publ., 1997, 696 p.

IVANOVA TATYANA – Doctor of Historical Sciences, Professor, Department for History and Culture of Foreign Countries, Chuvash State University, Cheboksary, Russia.

LIPATOVA IRINA – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department for History and Culture of Foreign Countries, Chuvash State University, Cheboksary, Russia.

УДК 94 (571)
ББК 63.5 (2Рос)6

А.К. ИДИАТУЛЛОВ

РЕЛИГИОЗНОСТЬ КАЗАХОВ РОССИИ В НАЧАЛЕ XXI ВЕКА

Ключевые слова: религиозность, казахи, ислам, синкретизм.

На основе анализа данных интернет-опроса исследованы общие тенденции в религиозности казахов России. Автор приходит к выводу, что первичная религиозность респондентов находится на высоком уровне. Но большинство опрошенных казахов посещают мечеть довольно редко или по большим исламским праздникам. Автор считает, что идентификация с мусульманством у казахов основана в основном на обрядовой стороне ислама. Кроме того, предполагается влияние на религиозные представления казахов элементов православной и языческой культур.

Казахи – народ тюркской группы алтайской языковой семьи, верующие которого традиционно исповедуют ислам суннитского толка ханафитского мазхаба. По данным переписей 2002 и 2010 гг., их численность насчитывает 654 и 648 тыс. человек, соответственно, составляя 0,45% от населения страны. По этому показателю казахи занимают десятое место среди всех народов России и третье – среди тюркских народов, исповедующих ислам (после татар и башкир). Расселены российские казахи преимущественно вдоль границы нашей страны с Казахстаном.

Цель статьи – рассмотрение современных религиозных представлений казахов. В основу работы легли данные интернет-опроса и ряд этнографических и социологических исследований по религиозности как этого народа, так и других тюрков-мусульман. Достоверность материалов, полученных с помощью опроса, обеспечивается тем, что участие в анкетировании возможно с каждого компьютера только один раз. Всего в опросе приняло участие 100 казахов (37 мужчин и 61 женщина; 27 лиц в возрасте 15–18 лет, 64 человека в возрасте 19–25 лет, 9 респондентов в возрасте 26–40 лет). И хотя выборку нельзя считать репрезентативной, на наш взгляд, данные, полученные в ходе опроса, могут дать некоторое представление о современном состоянии религиозности казахов, особенно среди молодёжи. Дело в том, что вопросы анкеты учитывали не только религиозную самоидентификацию респондентов, но и были направлены на выявление степени вовлечённости опрошиваемых в исламскую, традиционную тюркскую, неоязыческую и православную культуры.

Анализ анкет показывает, что первичная религиозность опрошенных казахов находится на весьма высоком уровне. В частности, большинство респондентов относят себя к мусульманам и верующим (см. таблицу). Это вполне предсказуемые данные, так как распространение исламской идентичности вглубь и вширь – довольно характерное явление для мусульманских народов России и ряда соседних государств. Например, из казахов Монголии 83,3% назвали себя верующими, а 96% отнесли себя к мусульманам [1. С. 69]. Сходные цифры были получены и при изучении первичной религиозности татар Ульяновской области, среди которых к мусульманам отнесли себя более 94,3% респондентов [2, С. 15], а также студентов карачаевской национальности, среди которых к верующим отнесли 91,6% респондентов [3]. Кстати сказать, в новейшей историографии появился ряд исследований на тему «исламизации» казахов, которая во многом была осуществлена во времена Екатерины II [5, С. 148]. В этой связи оказывается весьма интересным тот факт, что позднее приобщение к исламу по сравнению со временем приобщения к нему тех же татар, почти никак не отразилось на первичной религи-

озности казахов. Иными словами, современная религиозная и конфессиональная самоидентификация казахов мало зависит от времени интеграции в исламскую культуру и является следствием общего для многих народов России религиозного ренессанса.

Религиозные убеждения, представления и обряды казахов

Религиозные убеждения, представления и обряды	Человек из 100 опрошенных
Верующие	63
Коллеблющиеся	25
Неверующие	4
Относят себя к мусульманам	89
Не относят себя ни к какой религии	5
Верят в существование человеческой души	91
Не верят в существование человеческой души	2
Празднуют Курбан-байрам и Ураза-байрам, так как считают эти праздники священными	44
Празднуют Курбан-байрам и Ураза-байрам, так как это принято в семье и народе	41
Относятся к Курбан-байраму и Ураза-байраму безразлично	7
Считают Иисуса Пророком	55
Считают Иисуса Богом	23
Считают Иисуса обычной исторической личностью	7
Посещают мечеть каждый день	0
Посещают мечеть каждую пятницу	9
Посещают мечеть 1 раз в месяц	14
Посещают мечеть на Курбан-байрам и Ураза-байрам	4
Посещают мечеть очень редко (1 раз за последние 2-3 года)	32
Были пару раз в мечети	16
Никогда не посещали мечеть	15
Обращались к магам, колдунам, экстрасенсам, так как считают, что многие из них обладают сверхъестественными способностями	6
Обращались к магам, колдунам, экстрасенсам, так как считают, что благодаря им сохраняются народные обычаи и традиции	1
Обращались к магам, колдунам, экстрасенсам ради интереса	20
Не обращались к магам, колдунам, экстрасенсам, так как магия – большой грех	27
Не обращались к магам, колдунам, экстрасенсам, так как они шарлатаны	24
Гадали на картах	17
Гадали по книге	6
Гадали по руке	6
Не гадали	58

Детальное рассмотрение ответов показывает, что столь высокий уровень религиозной и конфессиональной самоидентификации зачастую базируется на довольно хрупком фундаменте представлений о том, что значит быть мусульманином. По всей видимости, для опрошенных идентификация с мусульманством основана по большей части на обрядовой стороне ислама, соблюдении ряда ключевых предписаний, например праздновании самых главных праздников – Курбан-байрама и Ураза-байрама. Так, по тем или иным причинам принимают участие в этих праздниках 85% опрошенных (см. таблицу). Отчасти это закономерно, так как в суннитском исламе обрядовая сторона действительно имеет огромное значение. Тем не менее нельзя не отметить, что почти в половине случаев это делается скорее как дань традиции. То есть здесь мы имеем дело с весьма характерным для тюрков-мусульман России явлением: смешением этнического и религиозного сознания, когда, к примеру, мусульманские праздники воспринимаются народными, а народные осмысливаются в мусуль-

манском духе. По этой причине для установления степени вовлечённости респондентов в исламскую обрядность более показательными нам кажутся ответы респондентов на вопрос о частоте посещения мечетей. Большинство опрошенных казахов, как видно из таблицы, посещают мечеть довольно редко или по большим исламским праздникам. В этом смысле, религиозность казахов, как и многих других тюркских народов, носит во многом внешний, атрибутивный характер и редко (лишь 9 человек посещают мечеть каждую пятницу) наполняется более глубоким исламским содержанием.

По итогам опроса отмечено и некоторое влияние на религиозные представления казахов православной культуры. Так, часть респондентов считают Иисуса Богом (см. таблицу), хотя, как известно, в исламе он почитается в качестве одного из пророков. В ряду возможных объяснений данного феномена отметим следующие: 1) низкий уровень религиозной грамотности респондентов, особенно молодёжи; 2) бытовые и культурные контакты казахов с православным окружением. Не вдаваясь в глубокий анализ влияния иноконфессионального окружения на современную религиозность казахов, отметим, что результаты такого влияния достаточно убедительно описаны в этнографической литературе. Например, отмечено использование ими святой воды. «Они её заготавливают 19 января, на Крещение. Причём крайне редко эту воду святят в церкви, но воду из водопровода, из-под крана считают наделённой святостью, а потому целительной. Как правило, такую воду казахи используют для умывания младенцев и маленьких детей во время болезней (протирая дверные и оконные ручки, а затем этой водой умывая ребёнка. Вместе с этим читают и суры из Корана, обводя вокруг головы ребёнка какую-либо из его вещей: «И вот моментально ведь ребёнок успокаивается») [4. С. 93–94]. Думается, что в таком случае можно говорить о своеобразном религиозном синкретизме среди казахов России, когда элементы православия и ислама гармонично переплетаются между собой.

В заключение обозначим ещё один элемент современных религиозных представлений казахов. Речь идёт о магии. Истоки её в современном религиозном мировоззрении пока остаются неясными. Мы предполагаем её двойственную природу. С одной стороны, очевидно влияние традиционных тюркских представлений казахов, которые напрямую связаны с шаманизмом и тенгрианством. Отсюда – обращение к колдунам и магам как к людям со сверхъестественными способностями, благодаря которым сохраняются народные традиции и обычаи (см. таблицу). С другой стороны, нельзя категорически отвергнуть мнение о неоязыческой природе подобных воззрений. Мы склоняемся к тому, чтобы рассматривать ответы респондентов о гаданиях и обращениях к магам, колдунам и экстрасенсам как новое явление. В пользу такого предположения говорит, например, тот факт, что чаще гадание респондентами производилось на картах или по руке. Подобные гадательные практики, разумеется, сложно считать исконно казахскими или тюркскими.

Справедливости ради заметим, что такая сложная и во многом противоречивая картина вторичной религиозности казахов вовсе не означает их индифферентного отношения к религии. Конечно, нерелигиозные группы казахов имеют место быть: 15 респондентов никогда не были в мечети, 5 человек прямо не относят себя ни к одной религии. Однако 91 из 100 опрошенных нами казахов ответили, что верят в существование человеческой души. Их оказалось больше мусульман и верующих, что позволяет предположить, что для большинства казахов, независимо от их религиозной самоидентификации, духовные поиски остаются важной частью их ментальной жизни.

Подводя итог исследованию, ещё раз подчеркнём, что на фоне высокого уровня первичной религиозности казахи не всегда соблюдают все требования и обряды ислама, не владеют ключевыми религиозными знаниями. В то же время для религиозного сознания респондентов характерна синкретизация исламских, православных и неоязыческих представлений.

Литература

1. Ванчикова Ц.П., Цэцэндэмба С. Религиозная ситуация в Монголии: 1990–2009 гг. // Гуманитарный вектор. 2014. № 3 (39). С. 67–72.
2. Идиатуллоев А. К. Религиозный синкретизм татар-мишарей Ульяновской области: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Чебоксары, 2010. 23 с.
3. Идиатуллоев А. К. Религиозность карачаевских студентов // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 5. С. 718.
4. Ларина Е.И., Наумова Н.Б. Современное религиозное сознание российских казахов и ислам имамов // Этнографическое обозрение. 2008. № 1. С. 83–96.
5. Лысенко Ю.А. «Татарский вопрос» в конфессиональной политике Российской империи в Казахстане (конец XVIII – начало XX в.) // Известия Алтайского государственного университета. 2010. № 4–3. С. 146–152.

ИДИАТУЛЛОВ АЗАТ КОРБАНГАЛИЕВИЧ – кандидат исторических наук, доцент кафедры географии, Ульяновский государственный педагогический университет, Россия, Ульяновск (AzKoldiat@yandex.ru).

A. IDIATULLOV

RELIGIOSITY OF RUSSIA'S KAZAKHS IN EARLY XXI CENTURY

Key words: *religiosity, Kazakhs, Islam, syncretism.*

Based on the analysis of the Internet survey data, the author investigates general religiosity tendencies of Russian Kazakhs and concludes that the initial religiosity of the respondents is quite at a high level. However, the majority of the surveyed Kazakhs visited a mosque rather seldom or only on big Islamic holidays. The author considers that Kazakhs' identification with Islam is generally based on its ceremonial part. Besides, the elements of orthodox and pagan cultures are supposed to have influenced the religious views of Kazakhs.

References

1. Vanchikova Ts.P., Tsetsendamba S. *Religioznaya situatsiya v Mongolii: 1990–2009 gg.* [Religious Situation in Mongolia: 1990–2009]. *Gumanitarnyi vektor* [Humanitarian vector], 2014, no. 3 (39), pp. 67–72.
2. Idiatullov A.K. *Religiozniy sinkretizm tatar-misharei Ul'yanovskoi oblasti: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [Religious syncretism of Ulyanovsk region Tatar-Mishars. Abstract of PhD thesis]. Cheboksary, 2010, 23 p.
3. Idiatullov A.K. *Religioznost' karachaevskikh studentov* [Religiosity of Karachay students]. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya* [Contemporary problems of sciences and education]. 2014. no. 5. p. 718.
4. Larina E.I., Naumova N.B. *Sovremennoe religioznoe soznanie rossiiskikh kazakhov i islam imamov* [Contemporary Religious Consciousness of Russian Kazakhs and the Islam of Imams]. *Etnograficheskoe obozrenie* [Etnograficheskoe obozrenie], 2008, no. 1, pp. 83–96.
5. Lysenko Yu.A. «Tatarskii vopros» v konfessional'noi politike Rossiiskoi imperii v Kazakhstane (konets XVIII – nachalo XX v.) [«Tatar's problem» in the Confessional Policy of Russian Empire in Kazakhstan (the End of the XVIIIth – the Early XXth Centuries)]. *Izvestiya Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta* [News of Altai state university], 2010, no. 4–3, pp. 146–152.

IDIATULLOV AZAT – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Geography Department, Ulyanovsk State Pedagogical University, Ulyanovsk, Russia.

Ссылка на статью: Идиатуллоев А.К. Религиозность казахов России в начале XXI века // Вестник Чувашского университета. – 2015. – № 4. – С. 95–98.

УДК 314.335.2(09)(470)
ББК С73(2)6-4

Н.А. КАЗАКОВ, О.Н. ШИРОКОВ

«НЕГАТИВНАЯ» СТОРОНА РЕПРОДУКТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ: ОСНОВНЫЕ ПОКАЗАТЕЛИ ТЕКУЩЕЙ СТАТИСТИКИ ДЛЯ ПРОСТРАНСТВЕННО-ВРЕМЕННЫХ СРАВНЕНИЙ

Ключевые слова: «негативная» сторона репродуктивного поведения, пространственно-временные сравнения, текущая статистика, коэффициенты абортот, коэффициенты контрацепции, коэффициент действий по предотвращению рождений.

«Негативную» сторону репродуктивного поведения составляют действия, направленные на предотвращение зачатия, и действия по прерыванию беременности. Основными показателями, характеризующими данную сторону репродуктивного поведения, позволяющими проводить пространственно-временные сравнения, сведения о которых или для расчёта которых предоставляет текущая статистика, являются коэффициенты абортот, контрацепции и коэффициент действий по предотвращению рождений.

Цель исследования. Репродуктивное поведение – это система действий и отношений, опосредующих рождение или отказ от рождения ребёнка [2. С. 384]. Соответственно, в репродуктивном поведении выделяют две стороны: действия, направленные на рождение ребёнка, и действия, направленные на предотвращение рождения ребёнка. По аналогии с основными подпроцессами в естественном воспроизводстве населения [1. С. 192] первую систему действий можно считать «позитивной», а вторую – «негативной» стороной репродуктивного поведения населения. «Негативную» сторону репродуктивного поведения составят действия, направленные на предотвращение зачатия (это главным образом применение тех или иных методов контрацепции), и действия по прерыванию беременности (предотвращающие нежелательное рождение).

Методы и результаты исследования. Сведения о «негативной» стороне репродуктивного поведения могут быть получены в результате опроса населения [3. С. 5], а также из текущей медицинской статистики, базирующейся на непрерывном наблюдении за населением.

В отношении действий по прерыванию беременности текущая медицинская статистика предоставляет данные об абсолютном числе прерываний беременности (абортот) как среди населения в целом, так и в отдельных возрастных группах (особенно концентрирует внимание на группе женщин в возрасте до 20 лет). Информация даёт как об общем числе абортот, так и по отдельным их видам (самопроизвольным, медицинским (легальным), криминальным, неуточнённым (внебольничным), по медицинским и социальным показаниям)¹. При оценке репродуктивного поведения особо интересны данные, отражающие действия населения по предотвращению нежелательного рождения. К таковым можно с уверенностью отнести медицинские (легальные) и криминальные абортот. Сложнее характеризовать неуточнённые (внебольничные) абортот и абортот по социальным показаниям.

¹ Основные показатели здоровья матери и ребёнка, деятельность службы охраны детства и родовспоможения в Российской Федерации. М.: Министерство здравоохранения Российской Федерации; ФГБУ «Центральный научно-исследовательский институт организации и информатизации здравоохранения», 2011–2014.

Широко известны недостатки данных абсолютных показателей, в частности высокая степень зависимости от численности и структуры населения, которые делают их малопригодными для межвременных и тем более для межтерриториальных сравнений. Поэтому в медицинской статистике прибегают к расчёту относительных показателей. К таковым относятся коэффициенты аборт (прерываний беременности):

$$ab = \frac{Ab}{\overline{W}_{15-49}T} 1000 \text{‰}; \quad (1)$$

частные коэффициенты аборт (прерываний беременности):

$$ab^z = \frac{Ab^z}{\overline{W}_{15-49}T} 1000 \text{‰}; \quad (2)$$

возрастные коэффициенты аборт (прерываний беременности)*:

$$ab_{x/x+n} = \frac{Ab_{x/x+n}}{\overline{W}_{x/x+n}T} 1000 \text{‰}; \quad (3)$$

суммарный коэффициент аборт (прерываний беременности)*:

$$ab_{\text{сум}} = n \frac{\sum_{15}^{49} ab_{x/x+n}}{1000}, \quad (4)$$

где Ab – абсолютное число аборт за период T ; Ab^z – абсолютное число аборт вида «z» за период T ; $Ab_{x/x+n}$ – абсолютное число аборт у женщин возраста $x/x+n$ лет за период T ; \overline{W}_{15-49} – средняя численность женщин репродуктивного возраста; $\overline{W}_{x/x+n}$ – средняя численность женщин возраста $x/x+n$ лет; n – возрастной интервал, для которого рассчитаны возрастные коэффициенты аборт.

Расчёт коэффициента аборт и производных от него частных коэффициентов аборт позволяет снять ряд зависимостей, влияющих на абсолютные показатели, в том числе зависимость от численности и возрастно-половой структуры населения, но сохраняет зависимость от возрастной структуры женщин репродуктивного возраста. Способом устранить влияние различий в возрастной структуре женщин репродуктивного возраста при межвременных и межтерриториальных сравнениях является использование возрастных коэффициентов аборт и основанного на них суммарного коэффициента аборт.

Нельзя не отметить некоторую неточность в характеристике интенсивности прерываний беременности данных коэффициентов, так как они рассчитываются относительно всех женщин той или иной возрастной группы или всего репродуктивного возраста, тогда как прерывание беременности возможно лишь у беременных. Поэтому лучшими показателями для характеристики аборт будут коэффициенты аборт, рассчитанные в отношении беременных женщин. А при изучении репродуктивного поведения желательно учитывать лишь те аборт, которые отражают действия населения по предотвращению нежелательного рождения:

$$ab^{\text{п.н.р}} = \frac{Ab^{\text{п.н.р}}}{C_{15-49}} 1000 \text{‰}, \quad (5)$$

$$ab_{x/x+n}^{\text{п.н.р}} = \frac{Ab_{x/x+n}^{\text{п.н.р}}}{C_{x/x+n}} 1000 \text{‰}, \quad (6)$$

$$ab_{\text{сум}}^{\text{п.н.р}} = n \frac{\sum_{15}^{49} ab_{x/x+n}^{\text{п.н.р}}}{1000}, \quad (7)$$

где $ab^{\text{п.н.р}}$ – коэффициент аборт, предотвращающих нежелательное рождение, рассчитанный относительно беременных женщин; $ab_{x/x+n}^{\text{п.н.р}}$ – возрастной коэффициент аборт, предотвращающих нежелательное рождение, рассчитанный относительно беременных женщин возраста $x/x+n$ лет; $ab_{\text{сум}}^{\text{п.н.р}}$ – суммарный коэффициент аборт, предотвращающих нежелательное рождение, рассчитанный относительно беременных женщин; $Ab^{\text{п.н.р}}$ – абсолютное число аборт, предотвращающих нежелательное рождение; $Ab_{x/x+n}^{\text{п.н.р}}$ – абсолютное число аборт, предотвращающих нежелательное рождение у женщин возраста $x/x+n$ лет; C_{15-49} – численность беременных женщин репродуктивного возраста; $C_{x/x+n}$ – численность беременных женщин возраста $x/x+n$ лет.

Если сравнить изменения величин коэффициентов аборт в Российской Федерации, рассчитанных различными способами (табл. 1), то можно заметить, что значения всех коэффициентов убывают, но наиболее интенсивно убывает именно коэффициент аборт, предотвращающих нежелательное рождение, рассчитанный относительно беременных женщин (темп убыли 51,6%). То есть забеременевшие женщины в настоящее время в России стали добровольно отказываться от рождения ребёнка почти в два раза реже, чем они это делали в 2005 г.

Таблица 1

Изменение величин коэффициентов аборт в Российской Федерации

Коэффициент	Годы								T_p 2005–2013
	2005	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	
ab^*	38,2	33,5	32,2	30,7	28,2	26,9	25,6	24,5	64,1%
ab^{***}	32,6	27,9	26,9	23,2	22,7	21,1	18,8	17,1	52,5%
$ab_{\text{сум}}^{\text{п.н.р}}$ ***	432,6	374,3	360,3	327,6	301,1	282,9	243,2	223,1	51,6%

Примечание. * – аборт на 1000 женщин репродуктивного возраста. ** – аборт, предотвращающих нежелательное рождение на 1000 женщин репродуктивного возраста; *** – аборт, предотвращающих нежелательное рождение на 1000 беременных женщин.

Но, если сказать точнее, коэффициенты аборт, рассчитанные в отношении беременных женщин, неудобны при последующем обобщении или сопоставлении с другими показателями, характеризующими как «негативную», так и «позитивную» стороны репродуктивного поведения населения. Их трудно сравнить со специальными, возрастными или суммарными коэффициентами рождаемости, при расчёте которых учитываются все женщины той или иной возрастной группы или всего репродуктивного возраста. В медицинской статистике чаще используют такой показатель, как соотношение ($rabp$) аборт (Ab) с живорождёнными ($N^{\text{ж}}$) и мертворождёнными ($N^{\text{м}}$)²:

$$rabp = \frac{Ab}{N^{\text{ж}} + N^{\text{м}}} 100. \quad (8)$$

² Основные показатели здоровья матери и ребёнка, деятельность службы охраны детства и родовспоможения в Российской Федерации. М.: Министерство здравоохранения Российской Федерации; ФГБУ «Центральный научно-исследовательский институт организации и информатизации здравоохранения», 2011–2014.

Текущая медицинская статистика даёт нам информацию и о другой составляющей «негативной» стороны репродуктивного поведения населения – о действиях, направленных на предотвращение зачатия. Это система абсолютных и относительных показателей, и в первую очередь такие моментные абсолютные показатели, как число женщин, состоящих под наблюдением на конец года, имеющих внутриматочную спираль (ВМС), и число женщин, состоящих под наблюдением на конец года, использующих гормональную контрацепцию. На их основе рассчитываются коэффициент контрацепции (co) и частные коэффициенты контрацепции (co^z)*:

$$co = \frac{\sum W^z}{W_{15-49}} 1000 \%, \quad (9)$$

$$co^z = \frac{W^z}{W_{15-49}} 1000 \%, \quad (10)$$

где W^z – число женщин, состоящих под наблюдением на конец года, использующих тот или иной вид контрацепции (обычно ВМС или гормональную контрацепцию); W_{15-49} – численность женщин репродуктивного возраста на конец года.

Если в медицинской статистике действия по прерыванию беременности и предотвращению зачатия противопоставляются, последние относятся к категории «профилактика аборт», то при изучении репродуктивного поведения населения они могут быть объединены, так как стремятся к одной цели – предотвращению рождения ребёнка. Обобщающим показателем, характеризующим всю «негативную» сторону репродуктивного поведения населения, может выступить коэффициент действий по предотвращению рождений:

$$K_{д.п.р} = \frac{Ab^{п.н.р} + \sum \bar{W}^z}{\bar{W}_{15-49}} 1000 \%, \quad (11)$$

где $Ab^{п.н.р}$ – абсолютное число абортов, предотвращающих нежелательное рождение; \bar{W}^z – среднее число женщин, использующих тот или иной вид контрацепции; \bar{W}_{15-49} – средняя численность женщин репродуктивного возраста.

К сожалению, коэффициент действий по предотвращению рождений (как и коэффициент контрацепции), если он базируется только на текущей медицинской статистике, нельзя назвать точным. Сведения о женщинах, использующих средства контрацепции, явно неполны, исключая те виды, применение которых непременно требует врачебного участия. Гормональную контрацепцию очень часто используют, не обращаясь в соответствующие медицинские учреждения, использование же других способов контрацепции вообще проходит мимо текущей медицинской статистики. При исследовании действий, направленных на предотвращение зачатия, сложно обойтись без такого метода сбора информации, как опрос. И всё же коэффициент действий по предотвращению рождений, его динамика (выраженная в темпах роста, прироста, средних темпах роста, прироста) отражают временные изменения, территориальные различия в «негативной» части репродуктивного поведения населения, могут быть использованы для пространственно-временных сравнений и оценок, по итогам этих сравнений.

Изменения коэффициента действий по предотвращению рождений в Российской Федерации в период с 2005 г. по 2013 г. носят неустойчивый характер, и, несмотря на некоторое общее его уменьшение к 2013 г. (табл. 2), нельзя сказать, что интенсивность действий российских женщин, направленных на предотвращение рождения у них детей, имеет тенденцию к снижению.

Таблица 2

**Изменение величины коэффициента действий
по предотвращению рождений в Российской Федерации
(на 1000 женщин репродуктивного возраста)**

Коэффициент	Годы								T_p 2005–2013
	2005	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	
$K_{д.р.}$	263,4	264,7	266,4	263,4	276,1	263,5	273,9	261,7	99,4%

Выводы. Таким образом, основными показателями, характеризующими различные стороны «негативного репродуктивного поведения» и «негативное репродуктивное поведение» в целом, позволяющими проводить пространственно-временные сравнения, сведения о которых или для расчёта которых предоставляет текущая статистика, являются различные коэффициенты абортов, контрацепции и коэффициент действий по предотвращению рождений.

Литература

1. Медков В.М. Демография. Ростов н/Д.: Феникс, 2002. 448 с.
2. Народонаселение: энцикл. словарь. М.: БРЭ, 1994. 640 с.
3. Репродуктивное здоровье населения России: резюме отчёта. М.: Информационно-издательский центр «Статистика России», 2012. 58 с.

КАЗАКОВ НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ – кандидат географических наук, заведующий кафедрой экономической и социальной географии, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (kzkv75@mail.ru).

ШИРОКОВ ОЛЕГ НИКОЛАЕВИЧ – доктор исторических наук, декан историко-географического факультета, профессор кафедры истории и культуры зарубежных стран, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (425954@rambler.ru).

N. KAZAKOV, O. SHIROKOV

**«NEGATIVE» SIDE OF REPRODUCTIVE BEHAVIOR OF THE POPULATION:
MAJOR INDICATORS OF CURRENT STATISTICS
FOR SPATIAL-AND-TEMPORAL COMPARISON**

Key words: «Negative» side of the reproductive behavior, spatial-and-temporal comparison, current statistics, abortion coefficients, contraception coefficients, birth prevention coefficient, sustainable development, sustainability, social sustainability, ethno-religious conflicts, gender inequality, socio-economic stratification.

Abortion and actions aimed at preventing conception form the «negative» side of reproductive behavior. The main indicators that characterize this side of reproductive behavior and allow carrying out spatial and temporal comparisons, which provide for the calculation of the current statistics, are abortion, contraception, and births prevention coefficients.

References

1. Medkov V.M. *Demografiya* [Demography]. Rostov-on-Don, Feniks Publ., 2002, 448 p.
2. *Narodonaselenie: entsiklopedicheskii slovar'* [Population. Encyclopedic Dictionary]. Moscow, Bol'shaya rossiiskaya entsiklopediya Publ., 1994, 640 p.
3. *Reproduktivnoe zdorov'e naseleniya Rossii: rezyume otcheta* [Reproductive health. Summary report]. Moscow, 2012, 58 p.

KAZAKOV NIKOLAI – Candidate of Geographical Sciences, Head of Economic and Social Geography Department, Chuvash State University, Cheboksary, Russia.

SHIROKOV OLEG – Doctor of Historical Sciences, Dean of History and Geography Faculty, Professor, Department for History and Culture of Foreign Countries, Chuvash State University, Cheboksary, Russia.

Ссылка на статью: Казаков Н.А., Широков О.Н. «Негативная» сторона репродуктивного поведения населения: основные показатели текущей статистики для пространственно-временных сравнений // Вестник Чувашского университета. – 2015. – № 4. – С. 99–103.

УДК 338.43:061.1(09)(470.344)
ББК У32-65-03 (2Рос. Чув)

А.А. КОЗЛОВ

РАЗВИТИЕ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА ЧАССР СО СТРАНАМИ-ЧЛЕНАМИ СЭВ В ОБЛАСТИ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА В 1970–1980-е ГОДЫ

Ключевые слова: СЭВ, международное научно-техническое сотрудничество, сельское хозяйство, Чувашизмелпром, Чувашская государственная сельскохозяйственная опытная станция, ВНР, ЧССР, хмелеводство, растениеводство, защита эрозии почв.

Рассмотрены международные научно-технические связи ЧАССР со странами СЭВ в области сельского хозяйства в 1970–1980-е гг. на примере ПНО «Чувашизмелпром» и Чувашской сельскохозяйственной опытной станции и ряда сельскохозяйственных организаций. Исследование основано на принципе историзма, методе системного анализа, хронологическом и индуктивном методах. Дана оценка уровня и качества НТС в области сельского хозяйства. На основе анализа архивных и публицистических материалов автор приходит к выводу о большой значимости международного НТС в области сельского хозяйства для развития отрасли сторон-участниц, признает сложившееся сотрудничество глубоким и продуктивным. Выявленные результаты сотрудничества говорят о большой пользе и высокой результативности проведения совместных научных разработок в области сельского хозяйства.

Изучение истории развития международного научно-технического сотрудничества как СССР в целом, так и его региональных субъектов на данный момент обладает значительной актуальностью. В условиях нарастающего экономического и политического противостояния стран евроатлантического региона и России особый интерес представляет опыт социалистической интеграции в рамках СЭВ, особенно его региональный аспект. Сегодня подобный опыт может быть применен в рамках Евразийского Экономического Союза.

В данной статье рассматриваются международные научно-технические связи ЧАССР со странами СЭВ в области сельского хозяйства в 70-х – 80-х гг. XX в. на примере ПНО «Чувашизмелпром» и Чувашской сельскохозяйственной опытной станции и ряда производственных организаций. Именно данный период характеризуется установлением и развитием непосредственных, прямых научно-технических связей (НТС) между сотрудничающими организациями. Историография сельского хозяйства Чувашии представлена довольно большим числом трудов, раскрывающих сущность аграрной политики и её практическое воплощение. Отдельные аспекты проблемы освещены в трудах А.М. Шорникова, М.В. Зайцева, Л.И. Астапова, К.И. Груздева А.М. Леонтьева, В.И. Ильдеменова, М.Н. Ергачева [5. С. 3–8, 239–240], О.Н. Широкова [9]. Однако специальных исследований по развитию научно-технического сотрудничества Чувашии с социалистическими странами в области сельского хозяйства не было. В статье ставятся следующие задачи: изучение историографии проблемы, исторических источников, освещающих данную проблематику, изучение аспектов НТС ЧАССР со странами СЭВ в сфере сельского хозяйства на примере ПНО «Чувашизмелпром» и Чувашской сельскохозяйственной опытной станции и ряда производственных сельскохозяйственных организаций, анализ его уровня и качества. Исследование основано на принципе историзма, автор применяет метод системного анализа, хронологический и индуктивный методы.

Значительное место в постановке и решении основных теоретических и методологических проблем имеет труд «Очерки истории сельского хозяйства и крестьянства Чувашии» – в нем содержатся некоторые оценки международных

внешнеэкономических связей [5. С. 254]. Монография М.В. Зайцева «Ступени роста» [3] раскрывает вопросы развития сельского хозяйства республики в период девятой пятилетки. Немаловажное значение для исследования имеют Труды НИИ при СМ ЧАССР по экономике сельского хозяйства ЧАССР [10]. Особенно следует выделить исследования О.Н. Широкова, посвященные изучению развития сотрудничества ЧАССР со странами СЭВ в области сельского хозяйства [9].

В ходе исследования был изучен комплекс исторических источников. Первую группу составили архивные материалы фондов: ПНО «Чуваشمельпром» (ГИА ЧР) [2], Чувашского республиканского отделения Общества советско-венгерской дружбы (ГАСИ ЧР) [1]. Вторую группу составили публицистические источники: материалы газеты Советская Чувашия указанного периода. Здесь следует выделить сборник материалов «Чувашия и Хевеш – побратимы» [7], содержащий ценные сведения о чувашско-венгерских связях в 1970–1980-е гг.

Развитие сельского хозяйства ЧАССР проходило в общих условиях, применимых ко всей стране, однако при этом имело особенности: высокую плотность населения Чувашии и сравнительно высокую степень распаханности земли [6]. В то же время относительно остальных субъектов ВВЭР республика отставала по ряду показателей в уровне комплексной механизации хозяйства [5. С. 90–91]. В 1970-е гг. недостаточная механизация являлась одной из причин сравнительно низкой производительности труда в сельскохозяйственном производстве Чувашии. Именно тогда в республике начал осуществляться планомерный курс на повышение эффективности сельскохозяйственного производства колхозов и совхозов посредством комплексной механизации [9. С. 162].

Ведущей организацией по производству хмеля в ЧАССР был трест «Чуваشمельпром», созданный в 1969 г. [2. Д. 6. Л. 4]. В рамках мероприятий по механизации хмелеводства в 1970-е гг. ЧАССР поставляла в совхозы ЧАССР машины производства предприятий «Вздухотехника» и «Агрострой Простеев» [2. Д. 1а. Л. 53]: хмелеуборочные комбайны ЧХ-4Л, хмелесушилки ПХБ-750К, обрезчики главных корневищ ОРХ-1 и ОРХ-2 [2. Д. 325. Л. 6].

Начало осуществления поставок техники приходится на 1976 г. [2. Д. 164а. Л. 32–43]. Непосредственный монтаж и техническое обслуживание указанных машин на местах возлагались на специализированные отряды и звенья работников совхозов. Для осуществления руководства монтажом в колхозы и совхозы чехословацкими предприятиями-производителями оборудования были направлены специалисты [2. Д. 1а. Л. 18]. Также специалисты проверяли комплектность поставленного оборудования и оценивали качество выполняемых работ, проводили работы по гарантийному обслуживанию и ремонту установленного оборудования [2. Д. 302. Л. 19]. Таким образом, чехословацкой стороной осуществлялось полное техническое сопровождение монтажа, наладки и первых этапов эксплуатации оборудования.

Во время командировок специалисты сопровождалась до объекта монтажа и обратно сотрудниками объединения «Росхмель». Позже эта обязанность была возложена на представителей соответствующих региональных трестов и объединений [2. Д. 1а. Л. 21]. Оплата труда иностранных специалистов производилась по счетам «Сельхозтехники» и В/О «Союзтракторэкспорт» [2. Д. 1а. Л. 21]. Совхозы обеспечивали чехословацких специалистов всеми удобствами и транспортом за свой счет [2. Д. 494. Л. 20].

Всего за годы десятой пятилетки (1976–1980 гг.) хмелеводческим совхозам Чувашии было выделено 85 хмелеуборочных машин и 35 хмелесушилок чехословацкого производства, а также 260 обрезчиков главных корневищ [2. Д. 321. Л. 24]. Однако имеющегося оборудования всё равно не хватало для обеспечения

полной механизации уборки и переработки хмеля [2. Д. 164а. Л. 10]. В течение 1981–1983 гг. планировалось смонтировать и сдать в эксплуатацию в совхозах 37 хмелеуборочных машин ЧХ-4Л и 33 хмелесушилки ПХБ-750К [2. Д. 321. Л. 60].

Массовое внедрение новой импортной техники вызвало проблему подготовки кадров, обслуживающих оборудование. С целью повышения уровня квалификации специалистов «Чувашхмельпрома» представителями предприятий-производителей техники регулярно проводились образовательные мероприятия. Обучение проводилось в двух формах: в форме курсов и в форме семинаров-совещаний. Как правило, оно состояло из теоретической подготовки, практических занятий и экзаменов [2. Д. 302. Л. 62]. Для подготовки кадров при участии специалистов чехословацкого В/О «Мотоков» в Цивильске был открыт специальный учебно-консультативный центр [2. Д. 494. Л. 6].

Принятые меры по повышению квалификации персонала, поставки новых производственных мощностей и их повсеместное внедрение позволили механизировать ключевые, наиболее трудоемкие процессы хмелеводства, и тем самым значительно повысить производительность хмельников и показатели уборки урожая.

В 1970–1980-е гг. непосредственные НТС осуществляла Чувашская государственная сельскохозяйственная опытная станция с НИИ сельского хозяйства Северо-Восточной Венгрии «Комполт». В основе взаимодействия организаций лежали договоры о дружбе и сотрудничестве, заключаемые на каждую пятилетку, в которых указывался перечень тем совместных научно-исследовательских работ (НИР) [7. С. 124]. Важным фактором развития сотрудничества послужили схожие почвенные условия Хевешской области ВНР и ЧАССР [8].

На первом этапе сотрудничества был заложен стационарный опыт по защите почв от водной эрозии по методике венгерского НИИ и начато изучение концентриционного типа откорма молодняка крупного рогатого скота и содержания телят [1. Оп. 35. Д. 11. Л. 115]. В 1975 г. тематика заимствуемого опыта была пополнена технологией семеноводства люцерны и опытом по прогнозированию и программированию урожайности сельскохозяйственных культур [1. Оп. 40. Д. 175. Л. 20]. Кроме того, было начато испытание культуры вязаеля пестролистого – наиболее пригодной для залужения эродированных склонов почв Чувашии [7. С. 124]. В 1976 г. в рамках посещения института делегация опытной станции прослушала лекцию по прогнозированию урожая, ознакомилась с отчетами и планами исследовательских работ [1. Оп. 40. Д. 178. Л. 44]. Институт организовал для гостей практические занятия в лабораториях и на опытном поле [1. Оп. 40. Д. 178. Л. 51]. Указанные мероприятия способствовали разработке методики прогнозирования и программирования сельскохозяйственного урожая в ЧАССР.

В 1981–1985 гг. станцией и институтом разрабатывались проблемы селекционирования интенсивного сорта ячменя, скороспелого гороха, также проводилось экологическое испытание на зимостойкость новых сортов озимой пшеницы и люцерны [1. Оп. 43. Д. 117. Л. 27]. Совместно были выведены новые сорта ячменя, устойчивые к полеганию и заболеваниям с потенциальной урожайностью 50-60 центнеров. Также проводились работы по созданию новых сортов гороха с использованием лучших сортов института и сорта опытной станции (Чувашский и Неосыпающийся I) [1. Оп. 41. Д. 208. Л. 90]. Испытания на зимостойкость новые сорта озимой пшеницы и люцерны проходили на опытной станции [1. Оп. 41. Д. 208. Л. 90].

В 1978–1979 гг. при использовании трудов венгерских ученых опытной станцией была разработана методика прогнозирования урожая основных сельскохозяйственных культур для ЧАССР [1. Оп. 46. Д. 15. Л. 16].

В 1986–1990 гг. была продолжена совместная селекционная работа – по выведению сорта ячменя, сочетающего высокую продуктивность с устойчивой к полеганию соломиной [1. Оп. 60. Д. 302. Л. 56]. Даже в условиях суровой зимы 1987 г. отдельные номера нового сорта обеспечили урожай более 50 центнеров с гектара [4]. В 1988 г. опытная станция совместно с НИИ произвела районирование сорта озимого ячменя Комполти 4 и продолжила работы по селекции ярового ячменя [1. Оп. 69. Д. 642. Л. 33].

За 20-летие сотрудничества ученые добились значительных успехов: в ходе обмена научно-технической информацией был перенят обеими сторонами бесценный научный опыт. На основе трудов венгерских ученых специалисты опытной станции разработали методику прогнозирования урожая основных сельскохозяйственных культур ЧАССР [1. Оп. 62. Д. 126. Л. 39].

Помимо научных и производственно-научных организаций осуществляли прямое НТС с родственными организациями и производственные предприятия – производственное объединение «Сад», ряд колхозов, среди которых следует выделить в первую очередь колхоз «Гвардеец», совхоз «Чебоксарский».

В 1972 г. прямые связи были установлены между производственным объединением «Сад» и венгерским госхозом «Дьёндьёш Домозло». Обе организации были родственны по характеру своей деятельности: «Сад» специализировался в области садоводства, а госхоз – на садоводстве и виноградарстве [7. С. 115]. Вскоре после подписания соответствующего договора «Сад» перенял от госхоза конструкцию садов. В 1979 г. объединение внедрило использование унифицированных сортов плодовых деревьев с низкими кронами. Если ранее на одном гектаре производственного объединения размещалось 200–250 деревьев разных сортов, то после внедрения венгерской системы на гектар приходилось 400 деревьев 2–3 сортов. Деревья были посажены плотнее, широко применялся венгерский низкорослый зимний сорт «Джонтан» [7. С. 116]. Практиковался и обмен научно-технической документацией: венгерский госхоз передал объединению чертежи приспособлений к механизмам для междурядной и приствольной обработки садов и ягодников. Госхоз, в свою очередь, перенял передовой опыт чувашского объединения по организации подкормки и полива долголетних культурных пастбищ, закладки силоса [1. Оп. 46. Д. 15. Л. 16]. Сотрудничество в форме обмена опытом продолжалось и в последующие годы. В 1984 г. представители госхоза консультировали специалистов производственного объединения по вопросам внедрения новых способов обработки междурядьев ягодников и приствольных кругов яблонь [1. Оп. 57. Д. 119. Л. 166].

Также с госхозом «Дьёндьёш Домозло» осуществлял непосредственное сотрудничество совхоз «Чебоксарский». Так, в 1986 г. коллектив совхоза внедрил на производстве автоматизированную систему учета производства, труда и заработной платы. Кроме того, был заимствован опыт госхоза в использовании контейнеров при уборке овощей и фруктов [1. Оп. 60. Д. 302. Л. 56]. В 1987 г. госхоз «Дьёндьёш Домозло» передал совхозу несколько новых способов обработки междурядьев ягодников и приствольных кругов яблонь, а также биологические методы в борьбе с вредителями в овощеводстве. Венгерские аграрии, в свою очередь, переняли у рабочих совхоза опыт организации подкорма и полива долголетних культурных пастбищ, закладки силоса [1. Оп. 62. Д. 126. Л. 40].

Следует отметить, что колхоз «Гвардеец» сотрудничал с производственным кооперативом «Венгеро-советская дружба» села Поросло. В 1976 г. земледельцы села Поросло переняли у колхозников опыт возделывания лука и освоили выращивание сорта, используемого колхозом [7. С. 112]. Кроме того, по просьбе венгерских коллег колхоз отправил в кооператив семена люцерны

для сравнения их свойств со свойствами местных сортов этой травы. Колхоз, в свою очередь, заимствовал метод хранения сена с использованием установок активного вентилирования, отдельный способ уборки свеклы [7. С. 113]. В 1986 г. был изучен опыт кооператива по производству животноводческой продукции и механизации работ в области сельского хозяйства [1. Оп. 60. Д. 252. Л. 12].

Таким образом, результаты указанных примеров НТС учреждений и предприятий ЧАССР и стран-членов СЭВ в области сельского хозяйства можно признать успешными, а сами связи следует признать тесными, многогранными и продуктивными. В ходе сотрудничества с чехословацкими предприятиями-производителями хмелеуборочной техники были механизированы совхозы ПНО «Чувашхмельпром», существенно усовершенствованы приемы работы по возделыванию, уборке и переработке хмеля.

Следует признать плодотворными и результаты сотрудничества научных организаций: аккумулируя свои усилия, опыт и научные достижения, грамотно используя сочетание агроклиматических условий ЧАССР и Хевешской области ВНР, венгерские и чувашские учёные добились значительных успехов в области селекции новых сортов зерновых и бобовых культур, разработали мероприятия по защите почв от водной эрозии и пр. Осуществляя НТС, аграрии помогали зарубежным коллегам совершенствовать производство, обменивались ценными культурами и передовым опытом их возделывания и переработки. Научно-техническое сотрудничество научных и производственных сельскохозяйственных организаций ЧАССР и братских стран СЭВ способствовало выравниванию уровня развития отрасли на региональном уровне, помогло достичь наибольших успехов в развитии сельскохозяйственного производства при затрате меньших усилий на разработку и внедрение новых методов возделывания культур и техники для их обработки, а также позволило ускорить проведение научно-исследовательских работ, повысить их качество. Исходя из вышеизложенного, следует отметить эффективность международного научного и технического сотрудничества в области сельского хозяйства и даже его необходимость для интенсивного, качественного развития данной отрасли в дальнейшем.

Литература

1. Государственный архив современной истории Чувашской Республики. Ф. 1.
2. Государственный исторический архив Чувашской Республики. Ф. Р-2440. Оп. 1.
3. *Зайцев М.В.* Ступени роста. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1978. 159 с.
4. *Николаев И.* Совместная работа селекционеров // Советская Чувашия. 1998. 3 апр. С. 3.
5. Очерки истории сельского хозяйства и крестьянства Чувашии. Часть вторая. 1959–1985 гг. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1990. 254 с.
6. *Прокопьев И.П.* Народное хозяйство Чувашии: итоги и перспективы. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1990. С. 32.
7. Чувашия и Хевеш – побратимы. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1982. 200 с.
8. Чувашия и Хевеш: связи крепнут // Советская Чувашия. 1977. 24 авг. С. 3.
9. *Широков О.Н.* Развитие сотрудничества в области сельского хозяйства Чувашской АССР со странами СЭВ в 70-е – первой половине 80-х гг. // Аграрный строй Среднего Поволжья в этническом измерении: материалы VIII Межрегион. науч.-практ. конф. историков-аграрников Среднего Поволжья. М.: ИНИОН РАН РФ, 2005. С. 161–169.
10. Экономика сельского хозяйства Чувашской АССР // Труды НИИ при Совете Министров ЧАССР. Чебоксары, 1976. Вып. 61.

КОЗЛОВ АНДРЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ – аспирант кафедры истории и культуры зарубежных стран, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (ndrkozlov@rambler.ru).

A. KOZLOV

**THE DEVELOPMENT OF SCIENTIFIC AND TECHNICAL COOPERATION
OF THE CHUVASH AUTONOMOUS SOVIET SOCIALIST REPUBLIC AND CMEA COUNTRIES
IN THE FIELD OF AGRICULTURE IN 1970–1980s**

Key words: CMEA, international scientific and technical cooperation, agriculture, Chuvashkhhmelprom, Chuvash State Agricultural Experimental Station, Hungary, Czechoslovak Socialist Republic, hop growing, crop production, soil erosion prevention.

The article considers international scientific and technical relations (ISTR) of the Chuvash Autonomous Soviet Socialist Republic with countries of Council for Mutual Economic Assistance (CMEA) in the field of agriculture in 1970–1980s on the example of a scientific production association (SPA) «Chuvashkhhmelprom» and «Chuvash Agricultural Experimental Station». The research is based on historical method, method of system analysis, chronological and inductive methods. The standards and the quality of scientific and technical cooperation in the field of agriculture are also being assessed in the article. Based on archival and journalistic analysis, the author concludes that ISTR in the field of agriculture was of a great importance when it came to the development of this branch in participant parties, and also finds the results of this cooperation profound and productive. The results of cooperation also speak much of great benefits and high performance of such joint scientific research in the field of agriculture.

References

1. Gosudarstvennyi arkhiv sovremennoi istorii Chuvashskoi Respubliki. Fond 1 [State Archive of Contemporary History of the Chuvash Republic. Archive 1].
2. Gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Chuvashskoi Respubliki. Fond R-2440. Opis' 1 [State Historical Archives of the Chuvash Republic. Archive R-2440. Anagraph 1].
3. Zaitsev M.V. *Stupeni rosta* [Growth Stages]. Cheboksary, Chuvash Publishing House, 1978, 159 p.
4. Nikolaev I. *Sovmestnaya rabota selektsionerov* [Collaboration of plant breeders]. *Sovetskaya Chuvashiya* [Soviet Chuvashia], 1988, Apr. 3, p. 3.
5. *Ocherki istorii sel'skogo khozyaistva i krest'yanstva Chuvashii. Chast' vtoraya (1959–1985 gg.)*. [Historical sketches of agriculture and peasantry of Chuvashia. Part 2 (1959–1985)] Cheboksary, Chuvash Publishing House, 1990, 254 p.
6. Prokop'ev I.P. *Narodnoe khozyaistvo Chuvashii: itogi i perspektivy* [National Economy of Chuvashia: results and prospects]. Cheboksary, Chuvash Publishing House, 1990, p. 32.
7. *Chuvashiya i Khevesh – pobratimyye* [Chuvashiya and Heves – Twin Cities]. Cheboksary, Chuvash Publishing House, 1982, 200 p.
8. *Chuvashiya i Khevesh: svyazi krepnut* [Chuvashiya and Heves: Stronger Ties]. *Sovetskaya Chuvashiya* [Soviet Chuvashia], 1977, Aug. 24, p. 3.
9. Shirokov O.N. *Razvitie sotrudnichestva v oblasti sel'skogo khozyaistva Chuvashskoi ASSR so stranami SEV v 70-e – pervoi polovine 80-kh gg.* [Cooperation of Chuvash ASSR in agriculture with CMEA countries in 1970s – first half of 1980s]. *Agrarnyyi stroi Srednego Povolzh'ya v etnicheskom izmerenii: Materialy VIII Mezhtsebnogo nauchno-prakticheskoi konferentsii istorikov-agrarnikov Srednego Povolzh'ya* [Proc. of VIII Interregional Scientific and Practical Conference of Agricultural historians of the Middle Volga Region: Agrarian System of the Middle Volga in Ethnic Dimension]. Moscow, 2005, pp. 161–169.
10. *Ekonomika sel'skogo khozyaistva Chuvashskoi ASSR* [Agricultural Economy of Chuvash ASSR]. *Trudy NII pri Sovete Ministrov ChASSR. Vyp. 61* [Proc. of the Research Institute under the Council of Ministers of ChASSR. Issue 61] Cheboksary, 1976.

KOZLOV ANDREY – Post-Graduate Student, Department for History and Culture of Foreign Countries, Chuvash State University, Cheboksary, Russia.

Ссылка на статью: Козлов А.А. Развитие научно-технического сотрудничества ЧАССР со странами-членами СЭВ в области сельского хозяйства в 1970–1980-е годы // Вестник Чувашского университета. – 2015. – № 4. – С. 104–109.

УДК 394.2
ББК 63.5

Е.В. КОНДРАТЬЕВА

ОБЩИННЫЕ ЦЕЛИ ПОЛЕВЫХ МОЛЕНИЙ (чувашаи и удмурты)

Ключевые слова: сельская община, Учук, Гершыд, чувашаи, удмурты.

Статья посвящена изучению общинных целей полевых молений на примере чувашей и удмуртов. Работа предусматривает изучение источников и материалов по обрядам и традициям двух народов. Хотя чувашаи и удмурты не относятся к родственной этнической группе, они в Волжско-Камском регионе отличаются тем, что сумели сохранить наиболее традиционные (даже архаические) пласты как в общинном, так и в празднично-обрядовом комплексах. Выполняя функции социального регулятора, община часто решала актуальные вопросы повседневной жизни общинников. На сельских сходах принимались также решения о проведении тех или иных народных праздников и обрядов. Своей массовостью отличались полевые моления Учук и Гершыд, в которых принимала участие большая часть общинников. Сельская община являлась организатором и руководящим коллективом, контролировавшим ритуальный процесс полевого моления. Главная цель общины выражалась в продолжении и обновлении традиций в виде праздников и обрядов, община выдвигала из своей среды лидеров, способствовала кристаллизации народного стиля языка, а также публичной речи.

Община на протяжении всей истории человечества существует как один из принципиальных типов социальной организации, определяет структуру общества и порядок его жизнедеятельности. Сельская община характеризуется не только как социальный и хозяйственный институт, но и как религиозная общность, через которую происходит интеграция духовной жизни общества. По мнению С.А. Токарева, земледельческая религия – развитые аграрные культы, которые возникают только тогда, когда оформляется ее социальный носитель – сельская община [18. С. 367]. Непосредственное участие сельской общины в религиозной жизни населения деревни испокон веков спланивало, контролировало и дисциплинировало их поведение, ибо община была в ответе за благополучную жизнь общинников. Засуха, сильные ветры, град и другие экстраемальные ситуации, приводившие к неурожаю, различным бедствиям, особенно беспокоили земледельца и в целом сельскую общину. Это и было причиной созыва сельской общины схода (собрания) для решения данной проблемы, а именно – проведения полевого моления с целью обращения за помощью к верховным божествам. Несомненно, сам процесс обращения к божествам имел кроме ритуальной своей функции еще и функцию общения, коммуникации между семьями. Данная функция имела важнейшее значение, она придавала каждому человеку чувство общности с другими членами коллектива и тем самым необходимую эмоциональную и психологическую защиту.

Полевые моления являлись одним из самых значимых обрядов, который проводился многими народами Волго-Камья. В дни проведения этого всенародного праздника люди благодарили духов и божеств за выращенный урожай. Данному обряду позднее приписывали дополнительные свойства: его устраивали и в связи с неурожаем, и с целью избавления от болезней.

Сельская община для проведения полевых молений заранее созывала сельский сход. Сход общинников, в свою очередь, назначал место и время проведения моления, определял количество и вид жертвенных животных, после чего вычисляли необходимую для их покупки сумму денег, которая раскладывалась на членов общины. Следует подчеркнуть, что жертвенные животные покупались всегда молодые, в жертву не приносили дойных коров или рабочих

лошадей [19. С. 261]. Кроме того, сход назначал и предводителей обряда. По словам И.С. Васильева, «общество, прежде всего, выбирало кандидатов из более достойных людей, каковыми считались люди набожные, кроткого нрава, соблюдающие приличия в одеянии» [3. С. 199]. У удмуртов на сходе с помощью жеребьевки выбирались главные действующие лица моления. Аналогично было и у чувашей. Положение молельщиков (чувашского *кѣл кѣллекен* и удмуртского *вѣсясь*) было привилегированным: они освобождались от общественных повинностей, пользовались правом первоочередной общественной помощи в сельскохозяйственных работах, над ними запрещено было производить самосуды [1]. Главный молельщик обычно исполнял свои обязанности пожизненно или избирался на определенный срок, чаще – на 12 лет. Случалось, что главным молельщиком могли выбрать и малолетнего ребенка, тогда при нем назначался своеобразный регент [5. С. 104–105]. Существовал специальный обряд избрания главного молельщика [2. С. 128]. Для этого приглашали *туно* – главного хранителя древней веры [20. С. 126–127]. По его ворожбе-рекомендации выбирались места жертвоприношения, а также молельщики главных общественных молений. Следовательно, *туно* являлся устройтелем социально-обрядовой иерархии в обществе, он сохранял функции и хранителя информации, и наставника межпоколенной трансляции знаний [6. С. 131]. Участниками моления могли быть пожилые люди обоих полов. Согласно одним источникам, участником выступал один человек от дома, по другим – участниками являлись все жители.

Таким образом, вся организационная часть полевого моления находилась в руках сельской общины.

Регулируя поведение людей в определенных повторяющихся ситуациях, община осуществляла функцию социального контроля; передавая многовековой опыт поколений, выполняла функцию социальной памяти. Достаточно ярко это выражено, например, в молитве во время обрядов *Учук*: «Помилуй, боже! От прадедами установленного порядка мы не отступаем, нового своего ничего не прибавляем, а потому, в точности исполняя наш честный и правильный молен, всем черным людом, всей деревней-семьей, с поклонением главы покорной сею жертвою тебя поминаем» [8. С. 145].

Сохранение преемственности, верности традициям, заветам дедов и отцов у чувашей и удмуртов четко прослеживалось и в отношении к местам проведения общественных молений – лесам, полям и культовым зданиям¹. Место полевого моления окружалось хотя бы небольшой рощицей, оно свято почиталось, всей деревней его чистили и держали в опрятности, община строго следила за этим. По словам Г.Е. Верещагина, «во всех священных местах воспрещается срубить какое бы то ни было дерево под опасением жестокой кары обитающих в них духов или божеств. Даже русские, вращающиеся среди и около инородцев, не позволяют себе ни срубить деревцо, ни глумиться над священным местом инородцев» [4. С. 15]. К.С. Яковлев отмечал: «Если дерево за старостью упадет, то оно идет только на дрова при жертвоприношениях или на изгородь самих же рощ» [19. С. 261].

Специально написанных текстов молитв на молениях у удмуртов, как и у чувашей, не было, содержание их зависело почти целиком от способностей знахаря и молельщика, владеющих традициями и каноническими текстами, а также умением вносить импровизации.

¹ Полевой материал автора (Удмуртская Республика. 2014 г. Сообщение Дмитриева Василия Петровича, 1928 г. р., д. Непременная Лудзя Завьяловского района).

Проведение полевого моления у исследуемых народов было связано с поклонением главным божествам земледелия. По определению С.А. Токарева, «земледельческая религия – это обычно культ божеств, так или иначе связанных с земледелием: культ покровителя плодородия, божеств грозы и дождя, земли и духов растительности» [18. С. 387]. У удмуртов это выражалось в почитании верховного божества *Инмара*, божества погоды *Куазя*, божества грома и грозы *Гудыри мумы*, божества небесной воды *Инву*, божества земли *Му-Кылдысина*, божества реки *Ву-мурта*, покровителя рода и семьи *Воршуда*, умерших предков. Главным божеством, покровительствовавшим земледелию, был *Му-Кылдысин*. Ко второй половине XIX в. наблюдалось уже слияние его с верховным божеством *Инмаром* и даже замена его, вытеснение последним. Чуваши, в свою очередь, поклонялись верховному божеству *Турă*, *Турă амăшĕ* – Матери Турă, *Пӳлӗхсĕ* – Подателю и Вестнику, *Пухамгару* – покровителю скота и начальнику волков, *Хёрлĕ сёр* – божеству, оплодотворяющему землю, *Сёр йыш* – Семейству земли, *Сёр ашшĕ* – Отцу божества *Сёр*, *Сёр амăшĕ* – Матери божества *Сёр*, *Сёр-шыв кĕтен* – Хранителю земли и воды. Этим божествам одновременно приносили жертву при полевым молении как чуваши, так и удмурты.

Чувашский традиционный праздник *Учук* и удмуртский *Гершыд* относились к полевым традициям. *Гершыд* относился к обряду благодарения верховным божествам за благополучное завершение сева, а также с просьбой нового лучшего урожая, благоденствия и счастья. Цель *Учук* – благодарение за выращенный урожай и просьба о лучшем урожае в будущем году, о благополучной зимовке скота и дальнейшем приплоде, пожелание всем здоровья и достатка. Таким образом, цель полевых молений была одна – умиловить божеств. Время проведения большого *Учук* – месяц *сурла* «месяц серпа», т.е. месяц уборки хлеба (август) [17. С. 73–74]. Некоторые источники определяют проведение *Учук* после *симĕк* перед месяцем *сёртме* (июнь) [15]. Важно отметить, что *Гершыд* под влиянием православия в отдельных локальных традициях слился с Троицей [6. С. 50].

Согласно архивным описаниям, на полевых молениях собиралось большое количество людей [11; 13]. Важно отметить, что сельская община устанавливала специальные правила и ставила запреты. Так, удмуртским женщинам на жертвоприношениях предписывалось быть в чистой одежде, с головными уборами, им не разрешалось колоть животных и заниматься стряпней по варке. Мужчины на жертвоприношениях, особенно молельщики, должны были носить белые понитки и лапти, опоясаться ремнями, быть в шапках и иметь в руках свежие ветки деревьев.

Например, удмурты д. Варклет-Бодья Агрызского района Республики Татарстан в первый день *Гершыда* молились в *локчи куале* малой или семейной *куале* (культовой постройке) и просили *Воршуда* и умерших предков об урожае. Необходимо подчеркнуть, если в семейной *куале* (или *куа*) все члены семьи проводили благодарственное моление *Воршуду* за урожай, то в *быдӗым куале* (родовая *куа*) молились всей деревней [16. С. 19].

Чуваши в назначенный день почти всем селением выходили в поле справлять моление *Учук*, которое совершалось ежегодно на одном и том же месте, непременно у воды [7. С. 135]. На этих местах можно было увидеть и водяные мельницы, при постройке которых также совершались жертвоприношения [10. С. 57].

В этот день женщины пекли для *Учук* лепешки. Старейшины дают указание детям и парням собирать продукты для совместной еды (крупы, соль, масло и т.д.), а сами на народные деньги покупают жертвенных животных. Они же ведут народ на мольбище [12, 14].

Непосредственные действия начинались в полдень. Жители деревни шли на святилище, за исключением женщин, маленьких детей, глубоких стариков и старух, а также тех, кто по болезни не мог передвигаться. Туда же приводили жертвенного быка (или барана). Затем варили полбенную кашу. После того, как каша была готова, все собирались и молились, обращаясь лицом к востоку, совершали общее жертвоприношение. По окончании молитвы все вместе ели кашу.

Для общего моления удмурты собирались на лугу, но до этого они проводили ритуал моления у поля озимой ржи, там молились семьями (это происходило во второй день *Гершыда*). Молитву читал глава семьи. В третий день приносили в жертву барана, гусей, варили кашу. Все это посвящалось *Инмару*. Кости жертвенного животного сжигались на ритуальном костре, туда же выливали и часть жертвенной крови – полагали, что дух жертвы должен вместе с дымом вознестись на небеса, во владения небесного божества *Инмара*. На пятый день молились *Му-Кылчину*. При жертвоприношении *Му-Кылчину* кости жертвенного животного (черного быка) завертывали в его шкуру, причем кости старались расположить в таком порядке, чтобы они составили цельный скелет. Затем все это зарывали в землю рядом с ритуальным костром. На шестой день происходил *Йыбырттон* – общее поклонение, завершающий, самый значительный в ритуальном цикле *Гершыд*, обряд, когда приносили в жертву барана или овцу. *Вёсясь* «молельщик» произносил *куриськоны* «заклинания». Жертвенную пищу раскладывали для каждой семьи в особые деревянные миски с вырезанной на донце тамгой. Остатки пищи выливали в костер. После этого совершается *люгезь вёсян*, т.е. освящение даров, пожертвований.

Вёсясь держал в руках полотенце с пожертвованными деньгами и читал молитву, затем уже обращался к присутствующим со словами: «Пожертвованные Вами деньги сотнями-тысячами пусть вернуться», а участники моления отвечали: «Молитва твоя да услышана будет» [5. С. 191].

После этого моление считалось завершённым, но из каждой семьи оставался один представитель (обычно это был хозяин дома *хуса/кузё*) для того, чтобы унести домой оставшийся хлеб и пресные лепешки. В завершении этого обряда *вёсясь* со своими помощниками и присутствующими совершал *пидсаса йыбырттон* «коленипреклонение»: на месте кострищ, где проходил *Гершыд*, разжигали вновь костры по числу дней моления и молились. Аналогично было и у чувашей. Оставшиеся после моления старики сжигали кости жертвы. Поэтому вокруг жертвенника можно было увидеть черепа и шкуры – остатки жертвенного пира. На этом основные действия *Учук/Гершыд* завершались.

Итак, рассмотрев полевые моленья *Учук* и *Гершыд*, мы обнаружили аналогичные цели и задачи их проведения. Согласно архивным источникам, имеются незначительные отличия по времени их проведения.

Несмотря на угасание некоторых ритуалов, старики остаются верными дедовским традициям. Ныне общественные моленья *Учук* и *Гершыд* еще бытуют. Иными словами, старики продолжают оставаться наиболее консервативной частью населения.

На жертвоприношения у чувашей, по данным на 70-е гг. XIX в., ежегодно тратилось не менее 30–50 руб. с каждого селения, если же деревня большая, то не менее 100 руб. [9. С. 28]. Таким образом, затраты на проведение полевого моления были достаточно большими. Однако сельская община и участники моления глубоко верили, что умилоствление верховных божеств *Туря* и *Инмара* позволит им поддерживать благосостояние каждой семьи, каждого рода и всей общины в целом.

Литература

1. Архив Музея антропологии и этнографии РАН. Ф. К-1; 1. № 392. Л. 33.
2. *Богачевский П.М.* Очерки религиозных представлений вотяков // Этнографическое обозрение. 1890. № 1. С. 116–163.
3. *Васильев И.С.* Обзорение языческих обрядов, суеверий и верований вотяков Казанской и Вятской губерний // ИОАИЭ. Казань. 1906. Т. XXII, вып. 3. С. 185–219.
4. *Верещагин Г.Е.* Остатки язычества у вотяков. Вятка: Губерн. тип., 1896. 63 с.
5. *Владыкин В.Е.* Религиозно-мифологическая картина мира удмуртов. Ижевск: Удмуртия, 1994. 384 с.
6. *Владыкина Т.Г., Глухова Г.А.* Ар-год-берган: Обряды и праздники удмуртского календаря. Ижевск: Удмурт. ун-т, 2011. 320 с.
7. *Денисов П.В.* Религиозные верования чуваш: историко-этнографические очерки. Чебоксары: Чувашгосиздат, 1959. 408 с.
8. *Иванов А.И.* Чувашский праздник «синзя» и полевое моление о дожде и урожае «Учук» // ИОАИЭ. 1898. Т. 14, вып. 2. С. 141–147.
9. *Магнитский В.К.* Материалы к объяснению старой чувашской веры. Казань: Тип. Импер. ун-та, 1881. 268 с.
10. *Медведев В.В.* Мельницы в традиционной жизни чувашей // Вестник Чувашского университета. 2014. № 4. С. 56–58.
11. Научный архив Чувашского государственного института гуманитарных наук (далее – НА ЧГИГН). Отд. I. Ед. хр. 6. Л. 589–590.
12. НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 21. Л. 9.
13. НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 26. Л. 221.
14. НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 33. Л. 960.
15. НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 152. Л. 183.
16. *Поздеев Г.А., Тронина Г.И.* Очерки истории религии удмуртов. Глазов: ГГПИ, 1997. 96 с.
17. *Салмин А.К.* Система религии чувашей. СПб.: Наука, 2007. 654 с.
18. *Токарев С.А.* Ранние формы религии и их развитие. М.: Политиздат, 1990. 622 с.
19. *Яковлев К.С.* Верования и религиозные обряды вотяков Бирского и Осинского уездов // Вестник Оренбургского учебного округа. 1915. № 6,7. С. 258–265.
20. *Buch M.* Die Wotjaken, eine ethnologische Studie. Helsingfors: Druckerei der Finnischen Litteratur-Gesellschaft, 1882. 188 s.

КОНДРАТЬЕВА ЕКАТЕРИНА ВАЛЕРЬЕВНА – аспирантка, Музей антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамера) РАН, Россия, Санкт-Петербург (kateruk1991@mail.ru).

E. KONDRATYEVA

COMMUNAL GOALS OF FIELD PRAYING
(on the example of the Chuvash and the Udmurts)

Key words: village community, Uchuk, Gershyd, Chuvash, Udmurts.

On the example of the Chuvash and the Udmurts, this article studies the communal purpose of field prayings. The work contains the research based on rite materials and sources of these two nations. Despite the fact that the Udmurts and the Chuvash do not belong to one ethnic group, they are distinguished from other nations of the Volga-Kama region in that they've managed to retain most of their traditions (even archaic) concerning both the community life and festivals and ceremonies. Functioning as a social governor, the community often solved current issues of its members' religious life. The issues concerning arrangement of various folk holidays and rites were also discussed at the village meetings. Field prayings of Uchuk and Gershyd were especially remarkable due to a great number of the community members joining the prayers. Village communities functioned not only as organizers but also as a regulatory body that oversaw all the ritual processes of field prayings. The main purpose of the community was renewal and continuation of their traditions through festivals and rites. The community also selected their leaders and contributed to the crystallization of the national language style and public speech.

References

1. *Arkhiv Muzeya antropologii i etnografii RAN. Fond. K-1; 1. no. 392. List. 33* [Archives of the Museum of Anthropology and ethnography of Russian Academy of Sciences. Archives K-1; 1. no. 392. P. 33].
2. *Bogaevskii P.M. Ocherki religioznykh predstavlenii votyakov* [Sketches of Religious Beliefs of the Votyaks]. *Etnograficheskoe obozrenie* [Ethnographic review], 1890, no. 1, pp. 116–163.

3. Vasil'ev I.S. *Obozrenie yazycheskikh obryadov, sueverii i verovanii votyakov Kazanskoj i Vyatskoj gubernii* [Review of pagan rites, superstitions and beliefs of the Votyaks of the Kazan and Vyatka provinces]. *Izvestiya obshchestva arkheologii istorii i etnografii* [News of Archaeological, Historical, and Ethnographical Society], 1906, vol. 22, iss. 3, pp. 185–219.
4. Vereshchagin G.E. *Ostatki yazychestva u votyakov* [Traces of Paganism in the Votyaks]. Vyatka, 1896, 63 p.
5. Vlad'kin V.E. *Religiozno-mifologicheskaya kartina mira udmurtov* [Religious and mythological worldview of the Udmurts]. Izhevsk, Udmurtiya Publ., 1994, 384 p.
6. Vlad'ykina T.G., Glukhova G.A. *Ar-god-bergan: Obryady i prazdniki udmurtskogo kalendarya* [Rites and Holidays on the Udmurts Calendar]. Izhevsk, Udmurt State University Publ., 2011, 320 p.
7. Denisov P.V. *Religioznye verovaniya chuvash: istoriko-etnografi-cheskie ocherki* [Religious Beliefs of the Chuvash: historical and ethnographical sketches]. Cheboksary, Chuvashgosizdat Publ., 1959, 408 p.
8. Ivanov A.I. *Chuvashskii prazdnik «sinzya» i polevoe molenie o dozhde i urozhae «Uchuk»* [Chuvash holiday «Sinzya» and «Uchuk» field prayer for rain and harvest]. *Izvestiya obshchestva arkheologii istorii i etnografii* [News of Archaeological, Historical, and Ethnographical Society], 1898, vol. 14, iss. 2, pp. 141–147.
9. Magnitskii V.K. *Materialy k ob"yasneniyu staroi chuvashskoi very* [Materials explaining the old Chuvash belief]. Kazan, 1881, 268 p.
10. Medvedev V.V. *Mel'nitsy v traditsionnoi zhizni chuvashei* [Mills in Traditional Life of Chuvash People]. *Vestnik Chuvashskogo universiteta*, 2014, no 4. pp. 56–58.
11. *Nauchnyi arkhiv Chuvashskogo gosudarstvennogo instituta gumanitarnykh nauk. Otdel I. Edinitsa khraneniya. 6. List. 589–590* [Scientific Archives of the Chuvash State Institute of Humanities. Archive I. Storing Unite 6. P. 589–590].
12. *Nauchnyi arkhiv Chuvashskogo gosudarstvennogo instituta gumanitarnykh nauk. Otdel I. Edinitsa khraneniya. 21. List. 9* [Scientific Archives of the Chuvash State Institute of Humanities. Archive I. Storing Unite 21. P. 9].
13. *Nauchnyi arkhiv Chuvashskogo gosudarstvennogo instituta gumanitarnykh nauk. Otdel I. Edinitsa khraneniya. 26. List. 221* [Scientific Archives of the Chuvash State Institute of Humanities. Archive I. Storing Unite 26. P. 221].
14. *Nauchnyi arkhiv Chuvashskogo gosudarstvennogo instituta gumanitarnykh nauk. Otdel I. Edinitsa khraneniya. 33. List. 960* [Scientific Archives of the Chuvash State Institute of Humanities. Archive I. Storing Unite 33. P. 960].
15. *Nauchnyi arkhiv Chuvashskogo gosudarstvennogo instituta gumanitarnykh nauk. Otdel I. Edinitsa khraneniya. 152. List. 183* [Scientific Archives of the Chuvash State Institute of Humanities. Archive I. Storing Unite 152. P. 183].
16. Pozdeev G.A., Tronina G.I. *Ocherki istorii religii udmurtov* [Historical Sketches of the Udmurts' Religion]. Glazov, GGPI Publ., 1997, 96 p.
17. Salmin A.K. *Sistema religii chuvashei* [System of the Chuvash Folk Religion]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2007, 654 p.
18. Tokarev S.A. *Rannie formy religii i ikh razvitie* [Early forms of religion and their development]. Moscow, Politizdat Publ., 1990, 622 p.
19. Yakovlev K.S. *Verovaniya i religioznye obryady votyakov Birskego i Osinskogo uezdov* [Beliefs and religious practices of the Votyaks in Birk and Osinsk districts]. *Vestnik Orenburgskogo uchebnogo okruga* [Bulletin of the Orenburg educational district], 1915, no. 6, 7, pp. 258–265.
20. Buch Max. *Die Wotjäken, eine ethnologische Studie* [The Votiaks, an ethnological study.] Helsingfors, Druckerei der Finnischen Litteratur-Gesellschaft, 1882. 188 p.

KONDRATYEVA EKATERINA – Post-Graduate Student, Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) of Russian Academy of Sciences, Russia, St.-Petersburg.

Ссылка на статью: Кондратьева Е.В. Общинные цели полевых молений (чуваши и удмурты) // Вестник Чувашиского университета. – 2015. – № 4. – С. 110–115.

УДК 332.122(470)"1920/1939"
ББК У046.1-03(2)61

В.Б. ЛАСТОЧКИНА

ОРГАНИЗАЦИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЙОНИРОВАНИЯ В СОВЕТСКОЙ РОССИИ В 1920–1930-е ГОДЫ

Ключевые слова: экономическое районирование, план ГОЭЛРО, Совет Народных Комиссаров, Декрет СНК, Госплан, административно-политическое деление, индустриализация страны.

События начала XX в., такие, как распад Российской империи в результате Февральской буржуазно-демократической революции, установление социализма после пролетарской революции 1917 г., привели экономику молодого советского государства в упадок, это стало одной из основных причин экономического районирования. В данной статье рассматриваются предпосылки экономического районирования, разработка плана Государственной комиссии по электрификации России (ГОЭЛРО) и Госплана, которые проводились под руководством В.И. Ленина и Г.М. Кржижановского, освещается также вопрос необходимости реформирования административно-управленческой системы, индустриализации страны и всемерного развертывания коллективизации сельского хозяйства.

Разделение Российского государства на экономические районы по праву привлекает внимание специалистов и общественности. Обсуждение вопросов, связанных с районированием страны, нередко сопровождалось острой полемикой. В начале XX в. для России наступили тяжелые времена, это был период как социально-экономических, так и политических потрясений. Уничтожение самодержавия, распад Российской империи в результате Февральской буржуазно-демократической революции, установление социализма после пролетарской революции 1917 г. привели к кардинальным изменениям в государстве и обществе [8. С. 31]. Накапливаясь как снежный ком, все эти и другие связанные с ними события способствовали тому, что хозяйственный комплекс советской России пришел в упадок. Основной причиной экономического районирования в начале 1920-х гг. являлась необходимость не только восстановления экономики страны в целом, но и втягивания в индустриальное развитие различных ее регионов с последующей их унификацией.

Первое конкретное обращение к районированию для решения жизненно важных государственных задач имело место в плане Государственной комиссии по электрификации России (ГОЭЛРО), утвержденном Советом Народных Комиссаров в марте 1920 г. Сам план советская власть окончательно одобрила принятием декрета СНК от 21 декабря 1921 г. [3. С. 113]. Работа выполнялась сравнительно небольшим коллективом ученых, инженеров и экономистов, который возглавлял Г.М. Кржижановский, при непосредственном участии В.И. Ленина. Комиссия проводила исследования, для чего она сформировала группы специалистов по различным видам промышленности, сельскому хозяйству, транспорту и отдельным районам. В плане ГОЭЛРО были проработаны главным образом проблемы, относящиеся к европейской части страны, и это сказалось на сетке районов, рассматривавшихся как взаимодействующие хозяйственные единицы, связь между которыми планировалось поддерживать при помощи межрайонной инфраструктуры.

Преемником комиссии ГОЭЛРО по вопросам районирования стал Госплан. Положение о Государственной общеплановой комиссии было подписано Председателем СНК В.И. Лениным 22 февраля 1921 г. «По своей идее, – писал тогда Г.М. Кржижановский, – Госплан обязан сосредоточить в распоряжении Совета Труда и Оборона (СТО) отборные силы представителей науки и техники и партийных работников» [6. С. 158]. Непосредственную деятельность по

районированию осуществляли Г.М. Кржижановский и И.Г. Александров, начавшие заниматься данным вопросом в ГОЭЛРО.

В соответствии с положением о Госплане, в нем, наряду с отраслевыми подразделениями, также создавались районные группы специалистов, осуществлявшие территориальное планирование. Позже, в 1924 г. было образовано Постоянное бюро съездов по изучению производительных сил, которое организовывало экономические совещания и конференции по конкретным районам. С 1924 г. в Госплане действовали следующие районные секции: 1) Северо-Западная; 2) Северо-Восточная; 3) Западная; 4) Центрально-Промышленная; 5) Вятско-Ветлужская; 6) Уральская; 7) Центально-Черноземная; 8) Средне-Волжская; 9) Нижне-Волжская; 10) Южная Горнопромышленная; 11) Юго-Западная; 12) Кавказская; 13) Туркестанская; 14) Киргизская (Казахстанская); 15) Западно-Сибирская; 16) Дальневосточная [13]. По плану 1924 г. в Вятско-Ветлужскую область вошли Нижегородская и Вятская губернии, Марийская и Вотская АО. Средне-Волжскую область составляли Татарская АССР и Чувашская АО, а также Самарский, Бугурусланский, Бузулукский, Пугачевский, Алатырский, Сызранский, Низенский, Пензенский и Саранский округа [9. С. 305]. Однако не все автономии согласились с решением Госплана. Так, например, по убеждению руководителей Чувашской автономии, отнесение ЧАО к Средне-Волжскому району с центром в г. Самара не оправдывалось условиями, ввиду чего АО приняла участие в формировании создававшегося Татарской АССР Волго-Камского района с центром в г. Казань [12. С. 116].

Первое широкое обсуждение вопросов экономического районирования состоялось в октябре 1921 г. на созванном по решению СНК в Москве VIII Всероссийском электротехническом съезде, где был заслушан доклад И.Г. Александрова (Госплан). На заседании СТО 5 ноября 1921 г. В.И. Ленин одобрил замысел нового экономического разделения и дал указания, как проводить эту работу. По воспоминаниям Г.М. Кржижановского и других участников, при этом имелось в виду: во-первых, предварительная пропаганда экономических вопросов районирования через съезды по изучению производительных сил и политико-административных вопросов – путем созыва конференций для обсуждения состава территорий, границ и центров будущих районов; во-вторых, изучение вопросов административно-политического деления и системы советского управления, для чего была образована комиссия по районированию под председательством М.И. Калинина и М.Ф. Владимирского [6. С. 158].

Проект экономического деления был подготовлен Госпланом, работавшим в контакте с Административной комиссией ВЦИК, Комиссией по районированию при Народном комиссариате земледелия и Центральным статистическим управлением. Президиум ВЦИК одобрил проект и тезисы, выработанные комиссией при ВЦИК по вопросу об экономическом районировании России, предусматривавшие основные его принципы и реформы административно-управленческой системы, а также предварительную схему разделения страны на 21 район.

На XI съезде РКП(б) (март-апрель 1922 г.) В.И. Ленин высоко оценил труд Государственного планового комитета, указав: «У нас теперь деление России на областные районы произведено по научным основаниям, при учете хозяйственных условий, климатических, бытовых, условия получения топлива, местной промышленности и т.д.» [7. С. 45]. В апреле 1923 г. предложения Госплана и Комиссии ВЦИК по районированию получили принципиальное одобрение XII съезда РКП(б), но было признано необходимым провести опыт предварительно в двух районах – промышленном и сельскохозяйственном. Для этого избрали территорию Урала и Северного Кавказа.

Мирное советское строительство после ликвидации последствий интервенции и Гражданской войны шло быстрыми темпами, но недостаточными для ос-

новательного восстановления экономики страны, на что указал XIV съезд партии (декабрь 1925 г.) [6. С. 158]. Большевики стремились превратить СССР в мощную индустриальную державу, не зависевшую от капиталистического мирового хозяйства. Для этого необходимы были создание новых отраслей тяжелой индустрии, которых не существовало в стране ранее, резкое увеличение производства топлива и металла, построение новых заводов, налаживание выпуска промышленных и сельскохозяйственных машин, обеспечение нужд обороны. Уже в 1927 г. стало реальным строительство Туркестано-Сибирской железной дороги. Сталинградского (ныне Волгоградского) тракторного, Московского автомобильного заводов, Днепровской гидроэлектростанции и других крупных объектов.

Поворот от восстановления старого к строительству нового хозяйства привел к необходимости четкого планирования и управления материально-технической базой государства. Требовалось экономически обоснованно организовать районы и создать пункты строительства новых предприятий, проектировать их не изолированно друг от друга.

Все идеи районирования подвергались широкому обсуждению. В частности, XV съезд партии, давший установку на продолжение индустриализации страны и всемерное развертывание коллективизации сельского хозяйства, принял по докладу Госплана постановление о завершении экономического районирования к 1 октября 1929 г. как условия составления и осуществления первого пятилетнего плана развития народного хозяйства СССР [6. С. 342].

В составлении первого пятилетнего плана активно участвовали представители республик и экономических районов, что обеспечило единое мнение об оценке разделения труда, тщательное освещение основных межрайонных и районных проблем хозяйственного строительства и правильное сочетание интересов всего Советского Союза с потребностями входивших в его состав республик и областей.

Первый вариант плана пятилетки был представлен на обсуждение Первому съезду Госплана в марте 1926 г., а в марте 1929 г. состоялся уже Пятый съезд Госплана, после чего проект был рассмотрен на XVI партийной конференции (апрель 1929 г.) [6. С. 365]. В соответствии с полученными на конференции указаниями пятилетний план в течение лета 1929 г. уточнялся, а раздел районирования разрабатывался совместно с представителями республиканских и областных плановых комиссий. На межрайонных обсуждениях заслушивали представителей различных отраслей, а затем принимали комплексные решения. На этой районной, не отраслевой, основе определялись важнейшие стройки пятилетки, например, Урало-Кузбасс, крупные объекты Донбасса и др. Экономическое районирование позволило подвергнуть план в целом по СССР дополнительному анализу, более детально оценить намеченные сдвиги в размещении производительных сил и уточнить объемы намеченного производства и транспортного строительства в территориальном аспекте.

Таким образом, реформа разделения страны на районы была в основном завершена к 1930 г. Она получила высокую оценку на проходившем в том же году XVI съезде ВКП(б). В резолюции съезда сказано: «Проведение до конца экономического районирования страны значительно ускоряет индустриализацию ранее отсталых районов, окраин и национальных республик, создает там новые промышленные и пролетарские центры и облегчает более правильное целесообразное распределение промышленности и сельского хозяйства на всей территории СССР» [11. С. 350].

Установки XVI съезда ВКП(б) определяли направления в развитии хозяйства экономических районов: 1) сдвиг производительных сил, в первую очередь, промышленности, на восток, к богатейшим запасам сырья и энергии; 2) меж-

районное разделение труда и четкая специализация районов на производстве определенных продуктов; 3) необходимость внутреннего районирования по всей низовой системе, связанной с сельскохозяйственным производством.

В результате процесса экономического районирования как средства перестройки народного хозяйства открывалась практическая возможность продвинуться дальше в создании материально-технической базы экономических районов, народного хозяйства страны в целом. Следует отметить, что плановый подход к развитию системы территориального планирования доказал свою эффективность на пройденном СССР историческом отрезке прошлого и нуждается в серьезном переосмыслении в условиях текущего кардинального перестроения российской экономики.

Литература

1. Алампиев П.М. Экономическое районирование СССР. М.: Экономическая литература, 1963. 248 с.
2. Вампилова Л.Б. Районирование России: историко-географический подход // Псковский регионалогический журнал. 2012. № 3. С. 26–36.
3. Иванова Е.А. Разработка программы районирования в годы Гражданской войны (1918–1921) как этап административно-территориального реформирования РСФСР // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Сер. История. Политология. Экономика. Информатика. 2008. № 2, т. 6. С. 113–116.
4. Казарин В.Н. Теоретические и практические аспекты административных и территориальных преобразований в Восточной Сибири в 20–30-е годы XX века // Известия Иркутской государственной экономической академии. 2005. № 3-4. С. 103.
5. Костенников В.М. Развитие экономических районов в СССР. М.: Просвещение, 1977. 250 с.
6. Кржижановский Г.М. Избранное. М.: Госполитиздат, 1957. 570 с.
7. Ленин В.И. Полное собрание сочинений: в 55 т. М.: Госполитиздат, 1970. Т. 45. 729 с.
8. Минеева Е.К. Наркомнац и становление Марийской, Мордовской, Чувашской автономных республик: исторический опыт и уроки. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2007. 299 с.
9. Минеева Е.К. Становление Марийской, Мордовской и Чувашской АССР как национально-территориальных автономий (1920–1930-е гг.). Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2009. 595 с.
10. Олифир Д.И. Региональное развитие в условиях директивной экономики // Экономикс. 2014. № 3. С. 21–30.
11. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Часть II. 1925–1953: сб. док. 7-е изд. М.: Госполитиздат, 1953. 1204 с.
12. Минеева Е.К. Автономии Среднего Поволжья в системе экономического районирования советской России (20–30-е годы XX века) // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2008. № 1(20). С. 116.
13. Резолюция совещания Госплана СССР с представителями мест о районировании СССР. 1924 [Электронный ресурс] // Государственное архивное управление Псковской области: портал государственных органов Псковской области. URL: <http://www.archive.pskov.ru/node/1321> (дата обращения: 30.01.2015).

ЛАСТОЧКИНА ВАЛЕНТИНА БОРИСОВНА – аспирантка кафедры отечественной истории имени А.В. Арсентьевой, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (Valechka0@mail.ru).

V. LASTOCHKINA

ECONOMIC REGIONALIZATION IN THE SOVIET RUSSIA IN 1920–1930s

Key words: *economic regionalization, GOELRO plan, Soviet of People's Commissars, SPC decree, State Planning Committee, administrative and political (territorial) division, industrialization of the country.*

The events of the beginning of the 20th century like disintegration of the Russian Empire in the result of the February bourgeois-democratic revolution, the establishment of socialism after proletarian revolution of 1917 brought economy of the young Soviet state into decline, which became one of the main reasons for regionalization process. The article considers prerequisites of economic division into districts, development of the GOELRO plan and the State Planning Committee which were put through under the leadership of V.I. Lenin and G.M. Krzhizhanovsky, as well as covers the issue of expedience of reforming administrative and management personnel, industrialization of the country and expansion of agricultural collectivization.

References

1. Alampiev P.M. *Ekonomicheskoe raionirovanie SSSR* [Economic regionalization of the USSR]. Moscow, Economic literature Publ., 1963, 248 p.
2. Vampilova L.B. *Raionirovanie Rossii: istoriko-geograficheskii podkhod*. [Regionalization of Russia: historical and geographical approach]. *Pskovskii regionologicheskii zhurnal* [Pskov regionological magazine], 2012, no. 3, pp. 26–36.
3. Ivanova E.A. *Razrabotka programmy raionirovaniya v gody Grazhdanskoi voiny (1918–1921) kak etap administrativno-territorial'nogo reformirovaniya RSFSR* [Development of a regionalization plan during the Civil War (1918–1921) as a stage of administrative-and-territorial reforming of the RSFSR]. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Istoriya. Politologiya. Ekonomika. Informatika* [Scientific News of Belgorod State University. Series: History. Political science. Economy. Informatics], 2008, no. 2, vol. 6, pp. 113–116.
4. Kazarin V.N. *Teoreticheskie i prakticheskie aspekty administrativnykh i territorial'nykh preobrazovaniy v Vostochnoi Sibiri v 20–30-e gody XX veka* [Theoretical and practical aspects of administrative and territorial reformations in Eastern Siberia in 20–30s of the 20th century]. *Izvestiya Irkutskoi gosudarstvennoi ekonomicheskoi akademii* [News of Irkutsk Economic Academy], 2005, no. 3-4, p. 103.
5. Kostennikov V.M. *Razvitie ekonomicheskikh raionov v SSSR* [Development of the economic regions in the USSR]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1977, p. 250.
6. Krzhizhanovskii G.M. *Izbrannoe* [Selected Works]. Moscow, 1957, p. 570.
7. Lenin V.I. *Polnoe sobranie sochinenii: v 55 t.* [The complete works. 55 vols.]. Moscow, Political literature publ., 1970, vol. 45, p. 729.
8. Mineeva E.K. *Narkomnats i stanovlenie Mariiskoi, Mordovskoi, Chuvashskoi avtonomnykh respublik: istoricheskii opyt i uroki* [People's Commissariat on National Affairs and formation of the Mari, Mordovian, and Chuvash autonomous republics: historical experience and lessons]. Cheboksary, Chuvash State University Publ., 2007, p. 299.
9. Mineeva E.K. *Stanovlenie Mariiskoi, Mordovskoi i Chuvashskoi ASSR kak natsional'no-territorial'nykh avtonomii (1920 – 1930-e gg.)* [Formation of the Mari, Mordovian, and Chuvash autonomous social republics as national-and-territorial autonomies in 1920–30]. Cheboksary, Chuvash State University Publ., 2009, p. 595.
10. Olifir D.I. *Regional'noe razvitie v usloviyakh direktivnoi ekonomiki* [Regional development in the period of command economy]. *Economics*, 2014, no. 3, pp. 21–30.
11. *Kommunisticheskaya partiya Sovetskogo Soyuza v rezolyutsiyakh i resheniyakh s"ezdov, konferentsii i plenumov TsK. Chast' II. 1925–1953: sb. dok. 7-e izd.* [Communist party of the Soviet Union in resolutions and decisions of Congresses, conferences, and plenums of the Central Committee. Part II. 1925–1953. Collection of documents. 7th ed.]. Moscow, 1953, p. 1204.
12. Mineeva E.K. *Avtonomii Srednego Povolzh'ya v sisteme ekonomicheskogo raionirovaniya sovetsskoi Rossii (20–30-e gody XX veka)* [Autonomies of the Volga region in the system of economic regionalization of the Soviet Russia in 20–30-ies of the 20th century]. *Vestnik Saratovskogo gosudarstvennogo sotsial'no-ekonomicheskogo universiteta* [Bulletin of Saratov State Socio-Economic University], 2008, no. 1(20), p. 116.
13. *Rezolyutsiya soveshchaniya Gosplana SSSR s predstavitel'yami mest o raionirovanii SSSR. 1924. Gosudarstvennoe arkhivnoe upravlenie Pskovskoi oblasti* [Resolution of the USSR State Planning Committee's meeting with local representatives on the issue of regionalization of the USSR]. Available as: <http://www.archive.pskov.ru/node/1321> (Accessed 30 January 2015).

LASTOCHKINA VALENTINA – Post-Graduate Student, Russian History Department named after A.V. Arsent'yeva, Chuvash State University, Cheboksary, Russia.

Ссылка на статью: Ласточкина В.Б. Организация экономического районирования в Советской России в 1920–1930-е годы // Вестник Чувашского университета. – 2015. – № 4. – С. 116–120.

УДК 271.2-5
ББК Э372.24-5

И.А. ЛЕБЕДЕВ

ГЕНЕЗИС ПРИНЦИПА «ЕДИНСТВО ВО МНОЖЕСТВЕ» В СВЯЩЕННОМ ПРЕДАНИИ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ

Ключевые слова: соборность, христианство, православная церковь, Священное Предание, община, традиция, канонические нормы, богослужебная жизнь, «согласие отцов», таинства церкви.

Статья посвящена осмыслению историко-философского формирования важнейшего принципа внутреннего устройства Русской православной церкви – «единства во множестве» – в контексте становления Священного Предания православной церкви. Показана онтологичность данного принципа для Православия. Показана важность верности православной церкви Священному Преданию. Приведены примеры становления соборного принципа жизни церкви в различных аспектах православной традиции: в Священном Писании, в своде канонических правил, в литургическом творчестве и таинствах, в благочестивых обычаях, иконописи и др. Обозначено, как данный принцип формировался и культивировался в исторические эпохи в различных аспектах Предания, как в контексте Священного Предания он формировал и сегодня формирует в среде православного общества взаимопонимание, братскую любовь и другие добродетели, положительно влияющие на общество в целом.

Священное Предание православной церкви, согласно Пространному Катехизису, есть «то, когда истинно верующие и чтущие Бога словом и примером передают один другому, и предки потомкам, учение веры, закон Божий, таинства и священные обряды» [27. С. 9]. Понятие происходит от греческого слова «paradosis», что буквально означает процесс передачи, оставления в наследство чего-либо. Именно таким образом, согласно православному воззрению, происходит исторически перманентный процесс сохранения и распространения в социуме, во-первых, божественного Откровения, во-вторых, плодов синергии Бога и человека, иными словами, Священного Предания. Предание обеспечивает устройению церковной жизни, в широком смысле этого слова, онтологически важную консервативность взглядов, позволяя, хоть и не всегда безболезненно, переживать догматические, исторические и иные потрясения, позволяя идентифицировать, являются *или* нет исторически вновь возникающие те или иные религиозные аспекты новой частью Предания (здесь и далее курсив наш. – И.Л.). Иными словами, Священное Предание способствует сохранению чистоты вероучения в истории, сформировавшегося и формирующегося с той лишь миссией, чтобы «все уверовали, что Иисус есть Христос, Сын Божий, и, веруя, имели жизнь во имя Его» (Иоанна, 20, 31).

Уже в начале церковной истории отношение к Преданию не было идентичным элементарному преклонению перед авторитетной незыблемой стариной. Это было благоговением перед живым и действенным. В этом смысле согласимся с В.Н. Лосским, который в статье «Спор о Софии», полемизируя с С.Н. Булгаковым о православном понимании Предания, проводит мысль о том, что наиболее сбалансированный взгляд на церковное предание кроется в Халкидонском оросе, раскрывающем единство двух начал – «божественной неизменной полноты и человеческой изменяемой неполноты» [см. 16. С. 19–20].

Для более ясного понимания параллели Лосского приведем еще одно определение Предания, которое незадолго до Халкидонского собора сформулировал святой Древней Церкви – Викентий Леринский (ум. до 450 г.). В своем труде с весьма характерным для нашего исследования надписанием Викентий, с одной стороны, категорично замечает, что Священное Предание есть то, «что

тебе *вверено*, а не то, что тобой изобретено, то что ты *принял*, а не то, что ты выдумал, дело не ума, но учения, не частного обладания, но *всенародной* передачи, дело, *до тебя дошедшее*, а не тобою открытое, в отношении к которому ты должен быть не изобретателем, но *стражем*, не учредителем, но *последователем*, не вождем, но *ведомым*» [5. С. 74–75]. Это, если пользоваться терминологией Лосского, есть проявление «божественной неизменной полноты».

С другой стороны, преподобный сравнивает Предание с телом человека, говоря, что «хотя *рост*, *сложение* и *наружность* одного и того же человека *изменяются*, однако *естество* у него, несмотря на это, одно и то же, *личность* одна и та же». Поэтому проповеднику нужно, «если что в старину предначертано и основано, то *искусно довершать* и *отделявать*» [5. С. 77], выражая «новым наименованием не *новый* смысл Веры» [5. С. 78]; стараться говорить с паствой на языке времени с простой целью: чтобы «вследствие твоего *более ясного изложения*, яснее разумели то, чему прежде верили не так ясно», чтобы «потомство с сознанием *славословило* то, что прежде читала древность *несознательно*» [5. С. 76]. В терминологии Лосского это есть выражение «человеческой изменяемой неполноты».

Так, в рассуждениях Викентия Леринского мы видим выражение золотой середины в вопросе отношения к церковному Преданию: при сохранении главного корректировать для той или иной аудитории способы изложения истины. А это есть выражение единства во множестве.

Оценивая диалектику Викентия Леринского, согласимся с одним из ярких богословов прошлого столетия, епископом Кассианом (Безобразовым), который писал, что это «старое определение» Предания Викентия Леринского «сохраняет свою силу и в наше время» [10. С. 469].

Суть всех приведенных выше высказываний заключается в том, чтобы показать принцип восточно-христианского отношения к Преданию как живому организму, артикулированно реагирующему на внешние и внутренние процессы, а не как к простому сочинительству доктринальных текстов.

Мы, разумеется, не будем рассматривать весь спектр вопросов, касающихся Священного Предания православной Церкви, так как это выходит за рамки нашего исследования. Обозначим лишь главное. Кроме Священного Писания Предание выразилось в следующих сферах религиозной жизни, как-то: в документах Вселенских и Поместных соборов, жизнеописаниях святых и трудах святых отцов, канонических постановлениях, литургическом творчестве, храмовом зодчестве в иконографии и благочестивых обычаях.

Итак, данную часть нашего исследования, в которой речь пойдет о становлении соборного сознания церкви в рамках Священного Предания, необходимо начать со времени раннего христианства. В ту эпоху возникающие христианские общины по причине невозможности быстрой коммуникации были весьма разрозненными. У первых общин были, хоть и единые по смыслу, различные по форме традиции, например, крещальные формулы и вероисповедальные символы. Иначе говоря, было «множество», стремящееся к «единству». Об этом хорошо пишет епископ Кассиан, говоря, что «каждая их этих общин жила своей жизнью», но их единство культивировалось «существованием общехристианского иерархического центра в Иерусалимской Церкви» и «служением апостола Павла, других апостолов и странствующих миссионеров» [см. 10. С. 241–252]. Важнейшей вехой в укреплении единства христианских общин стал апостольский собор 51 года, унифицировавший некоторые разночтения и издавший общие для всех вероопределения [см. 13. С. 35].

Далее возникает тот переходный период, когда апостольская проповедь иссякает, а ей на смену приходят проповедь и жизнь учеников апостолов, так

называемых мужей апостольских, и их преемников на вверенном поприще. Это интересное время церковной истории, когда бразды правления церковью во всех отношениях переходят в руки уже не «самовидцев» Христа (см. Лк. 1:2; 2 Пет. 1:16). В тот период еще более остро встает вопрос о сохранении и передаче *единой* для всех неподдельной веры, правильного осознания миссии церкви на земле стремящимися к единству христианскими общинами в условиях, что характерно, еще не сформировавшегося окончательно канона священных текстов, что случилось лишь во второй половине IV столетия.

Христианство послеапостольского времени переживало время своего дальнейшего становления в обществе, и, чтобы закрепиться в нем, оно должно было донести людям свою систему ценностей и ориентиров. Конечно же, в первую очередь, нужно было в среде самой церкви придать своей системе ценностей некую стройность, форму, чтобы адекватно отвечать на вызовы времени, в лице, прежде всего, иудейской и языческой ментальностей. В дальнейшем, после так называемого Миланского эдикта 313 года, когда христианство наряду с язычеством получило статус одной из государственных религий, новые угрозы целостности возникают изнутри: это лжеучения, которые провоцируют дальнейшее, еще более научное развитие доктринального обоснования христианства. Мы увидим, что путь верификации христианской доктрины был достаточно длительным.

В этом и был генезис принципа «единство во множестве», когда в итоге исторически эти связи между замкнутыми общинами переросли до статуса «все-ленской церкви» с едиными канонами, таинствами, богослужением, Писанием и так далее, способной исполнять свою миссию в любых исторических реалиях. Теперь более подробно рассмотрим реализацию в истории разбираемого нами принципа «единство во множестве» в различных аспектах Предания.

Одним из первых крупнейших свершений на пути торжества соборности христианской Церкви Доникийской эпохи было открытие Оригеном, на базе Александрийского огласительного училища, первой богословской школы в Александрии, откуда образованные христиане распространялись по всей Римской империи. По мысли известного автора многих трудов по истории церкви, профессора Московской духовной академии А.П. Лебедева, Александрийская школа была «истинной *alma mater*» в древнем христианском образовании: «Здесь возжегся светоч христианской богословской науки. Тут внедряли в умы юношей те святые идеи, из которых со временем, как из зерна, должно было вырасти все лучшее в христианской культуре до сего дня» [12. С. 34]. Создание и развитие богословских школ привели в итоге к появлению систематического религиозного образования и, соответственно, к возможности открывать, интерпретировать обществу онтологические идеи христианства, среди которых, естественно, идея соборности. Здесь мы согласимся с известным современным патрологом, доктором церковной истории А.И. Сидоровым, который отмечает, что и непосредственно экзегетические труды самого Оригена, разумеется, написанные в период «православности» его воззрений, внесли «вклад в соборное сознание Церкви» [20. С. 361].

Тема соборности неразрывно связана с учением о Святой Троице, которое, в свою очередь, имеет своим началом, согласно православной догматике, божественное Откровение [15. С. 132–138]. И теперь, во времена становления христианства как доктрины, триадология, безусловно, явилась одним их приоритетных направлений обоснования христианства вообще. Догмат о Святой Троице, который является наиболее точным выражением соборного сознания православной церкви, отстаивался последней категорически. В ка-

честве подтверждения данного высказывания мы можем указать на засвидетельствованные в истории весьма продолжительные тринитарные и христологические споры, которые происходили с IV в. вплоть до IX в. на семи Вселенских и различных Поместных соборах.

В данной работе мы не будем подробно рассматривать все вышеуказанные богословские споры, так как этот вопрос выходит за рамки нашего исследования. Для нас важны, во-первых, *результат* последних – окончательное *формулирование* христианской доктрины, во-вторых, сам *механизм* выявления богословски согласованного с традицией церкви решения по спорным догматическим утверждениям – *соборание* верующих. Видный иерарх современной Русской православной церкви – митрополит Илларион (Алфеев), объясняя значение соборов пишет: «Вселенские Соборы были моментами торжества церковной истины. Определения Вселенских Соборов начинались формулой «Изволися Духу Святому и нам...», указывающей на совместное творчество (синергию) Святого Духа и людей в выработке догматических формулировок, и догматы Вселенских Соборов в Православной Церкви всегда признавались как богодухновенные и не подлежащие пересмотру» [8. С. 57]. Еще отметим, что кроме защиты вероучения очевидна экклесиологическая цель соборов – преодоление случившегося раздора, восстановление церковного единения и мира. Непогрешимость Вселенских соборов основывается на непогрешимости церкви.

Важно также понимать, что созыв соборов и выработка доступного человеческому сознанию понятийного аппарата и смыслового контекста при толковании божественного Откровения не были и не являются самоцелью христианства. Согласно восточно-христианской экклесиологии, Русская Православная церковь не жила и не живет «от собора до собора», но во все исторические эпохи использовала этот инструмент для самозащиты от ересей и расколов и, что взаимосвязано, для позиционирования себя в обществе, которому она, по завещанию своего основателя – Христа, должна была нести евангельскую проповедь. Этот механизм, как мы видим, не стал апорией, анахронизмом, явив собой, более того, некий архетип поведения в стрессовой для церкви ситуации, пришедшей извне или изнутри самого церковного сознания.

Важнейшим, на наш взгляд, деянием Вселенских соборов было составление Никео-Цареградского Символа веры – краткого и точного изложения христианского вероучения. Как мы отчасти отмечали выше, до момента его составления в местных Иерусалимской, Антиохийской, Римской и других церквях были свои символы, хоть и единых по духу и содержанию, все же различных редакций. Составление *единообразного* для всех Поместных церквей исповедания веры стало, с одной стороны, некой редуцией Откровения в смысле упрощения его усвоения, с другой – большим шагом на пути к единению всех христиан вселенской церкви и исключению всякой девиантности в сфере богословствования. Важно упомянуть то, что Церковь поспешила законодательно утвердить составленный Символ в статусе основного критерия оценки ценностей личности, как уже находящейся внутри неё, так и приходящей к ней. Так, Церковь утвердила главнейший принцип самосохранения в обществе, действующий и сегодня и имеющий действовать во все времена её существования. Так, обширное 7-е правило Эфесского собора 451 года в более сокращенном изложении авторитетного канониста XII в. Алексия Аристина звучит так: «Епископ, проповедующий другую веру, кроме Никейской, лишается епископства, а мирянин – изгоняется из церкви» [18. С. 131].

В дальнейшем в церковной практике этот принцип самосохранения церкви стал применяться, в том числе, в качестве условия совершения таинств и

обрядов. К примеру, первый вопрос, который задает священник пришедшему к таинству покаяния, – правильно ли он верует, а затем уже, если последовал положительный ответ в форме прочтения Никео-Цареградского Символа, совершается исповедание грехов [24. С. 78–82].

В контексте рассмотрения Никео-Цареградского Символа веры в рамках нашего исследования нас особо интересует его девятый член, который гласит: «Верую во единую, святую, *соборную* и апостольскую Церковь». Указанная в тексте Символа характеристика Церкви «соборная» – это есть перевод просветителями славянства Кирилла и Мефодия оригинального слова «кафоличный». Этот термин означает «всемирный», представляя нам посыл к осознанию вселенскости общества, основанного Христом. Однако перевод Кирилла и Мефодия «кафоличности» «соборностью» не случаен и глубоко показателен. Следует отметить, что большинство толкователей, как в древней Церкви, так и современных, толкуя эти строки Символа, почему-то разъясняют лишь значение слова «кафоличный», не придавая значения глубинному, на наш взгляд, ставшему церковно-национальным термину «соборный». Тем более положительно отметим следующее высказывание. «Церковь Христова есть соборная, – пишет автор Закона Божия протоиерей Серафим Слободской, – Соборность есть единодушие всех истинно верующих, православных христиан, скрепленное *любовно* Христовой и Благодатью Духа Святого. Соборная Церковь не ограничена ни пространством, ни временем, ни народом, и она заключает в себе всех истинно верующих всей вселенной. Потому она еще называется вселенскою» [22. С. 547]. В этом высказывании мы видим установку не только на «единство», как основу жизни церкви, но и на «множество», так как мы видим указание на «всех истинно верующих», а, очевидно, «все» члены церкви, несмотря на *разность* ментальности, призваны хранить единство церкви, её «единство во множестве».

Далее отметим, одним из главных преимуществ развивающегося в первые столетия христианства по отношению к язычеству было как раз это стремление к единству рационально-иррационального свойства, проще говоря, синергии человека с Богом. Призыв к этому единству, согласно восточно-христианской доктрине, был от Бога, как мы могли убедиться при разборе вопроса о становлении соборного сознания в ветхозаветные и новозаветные времена [см. 14. С. 95–108; 13. С. 30–37], а его реализация во многом зависела от человека, обладающего свободной волей. Причем это единство имело объективные перспективы стать твердым основанием как для строительства, к примеру, крепкой семьи, так и для строительства целого государства. И в этом тоже была польза, прежде всего, бытовая, социально ориентированная, а вместе с ней и духовно-нравственная. По утверждению историка христианской Церкви Е.И. Смирнова, император Константин Великий, издавший в 313 г. Миланский манифест, разрешавший любому подданному языческой Римской империи принять христианство, в отличие от своих предшественников видел в последнем «не падение империи, а обновление жизни новыми началами», знал, «каким братством соединены между собою христиане, какими верными подданными они могут быть и какой прочный оплот могут составить для государства» [23. С. 70–71].

Язычество же с его восхвалениями плотского начала в человеке уже не способно было дать этой основы для единения общества обширной Римской империи. Многие историки пишут о том, что язычество уже в I–II вв. переживало «упадок сил», но это стало, на наш взгляд, следствием онтологической сущности политеизма. Хватаясь за возникающие одно за другим неопифагорей-

ство и неоплатонизм как за попытку вдохнуть жизнь в умирающую языческую цивилизацию, Римская империя демонстрировала собственное бессилие в деле самосохранения, и ей ничего не оставалось, кроме как попытаться объединить народ империи на почве ненависти к христианству. Примеров этого история знает достаточно. Поэтому согласимся с А.П. Лебедевым, который пишет: «К какому единству могла прийти мысль, когда неоплатонизмом воззрение на Верховное Существо было заимствовано у иудея Филона, воззрение на всеобщую Душу, положенную в основе мира, заимствовалось у стоиков, мнение о животной душе в человеке – у Платона, идеи о красоте и гармонии мира – у Аристотеля? Разноречие и многообразие элементов всегда должны были проглядывать, как бы тщательно не старались их связать в единое целое» [12. С. 9]. Таким образом, такая парадигма религиозно-государственной деятельности Римской империи была априори бесперспективна, и её замещение стало лишь естественным ходом истории.

В тесной связи с формулированием христианской доктрины начал свое формирование уже другой аспект Предания – каноническое право церкви, которое имело своей целью подтолкнуть верующего к исполнению заповедей, а вместе с тем, и к осознанию необходимости авторитета соборного разума церкви в жизни каждого христианина. Авторитетный сербский богослов, святой православной Церкви, архимандрит Иустин (Попович) писал по этому поводу: «Святые каноны свято побуждают членов церкви применять в каждодневной жизни святыя догматы – солнцезрачные небесные истины, присутствующие в земном мире посредством Богочеловеческого Тела Церкви Христовой» [9. С. 517]. Приведем еще мнение одного из известных богословов рубежа XIX–XX вв. – протопресвитера Николая Афанасьева, мнение несколько полярное высказанному выше архимандритом Иустином. Афанасьев пишет, что право, которое «в течение истории проникало в церковную жизнь, стало в ней постепенно организующим принципом», оно «консолидировало церковное устройство и управление» [2. С. 426–427].

Но, по мнению богослова, «синтеза благодати и права» не получилось, так как «он всегда приводил не к ущербу права, а к ущербу благодати» и, более того, этот синтез «покупается дорогою ценою разрыва единого тела Церкви», так как само по себе право «появилось в результате охлаждения любви между людьми» [2. С. 430–432, 439]. С последними высказываниями Афанасьева трудно согласится именно с точки зрения нашего исследования, так как дальше в своих рассуждениях богослов переходит на сложную тему взаимоотношения церкви и государства, личности и государства, проводя хотя и интересное, но достаточно субъективное понимание проблемы. По нашему мнению, возникновение церковного права хотя и было, безусловно, следствием некоторого охлаждения объединяющей братской любви в церкви, в первую очередь, это было следствием евангельского компенсаторного влияния благодати на проявление греховного начала в человеке, следствием которого, в свою очередь, явилось «охлаждение в любви». Об этом универсальном для Ветхого и Нового заветов принципе сохранения баланса между грехом и благодатью говорил еще апостол Павел в послании к римлянам: «Когда умножился грех, стала преизобиловать благодать» (Римлянам, 5, 20). Таким же компенсаторным влиянием благодати были и другие аспекты Предания, как-то: таинства, богослужебные тексты, храмы и, наконец, само Священное Писание. Так как невозможно себе представить единство индивидуальностей, не имеющих идентичного, в главном, понимания богослужения, таинств, устройства и предназначения храма и, разумеется, норм и правил

существования, начало фиксации которых было положено самим Христом и апостолами в Писании. По логике протопресвитера можно дойти до протестантствующей модели церкви, где превалирует деспотия личного.

Итак, каноническое право как часть Предания стало формироваться еще в доникейский период, и до эпохи Вселенских соборов в его состав вошли восемьдесят пять апостольских правил, и правила троих святых Древней церкви: Дионисия Александрийского (4 правила), Григория Неокесарийского (12 правил) и Петра Александрийского (14 правил). Еще правила двух Поместных соборов: Анкирского (314 г., 25 правил) и Неокесарийского (между 315 и 319 г., 15 правил). Таким образом, видим, что вопросы единства веры были актуальны в церкви, начиная с послеапостольского времени. Всего же в состав православного канонического свода входят, кроме перечисленных выше, правила шести Вселенских соборов, еще восьми Поместных соборов и правила еще десяти святых отцов церкви.

Исследуя становление канонического свода, можем сделать вывод, что кроме того, что уже сформированные канонические нормы детерминировали поведение конкретно-исторического общества христиан, и сама окончательная рецепция той или иной канонической нормы проходила в строгом соответствии критериям «единства во множестве». То есть те или иные правила, объективная потребность в которых так или иначе возникала, становились общеобязательными, лишь пройдя процедуру признания обществом верующих, главой и *представителем* которых на соборах был епископ. Об этом, в частности, пишет современный православный канонист протоиерей Владислав Цыпин, говоря, что включение правил Поместных соборов и правил отцов Церкви в состав канонического свода «основано на авторитете признавших их Вселенских соборов» [26. С. 30]. Здесь мы видим активный перманентный процесс формирования важнейшей структуры самоидентификации христовой церкви, проходивший вне отрыва от её соборного самосознания и препятствовавший растворению базовых критериев христианства в историческом релятивизме. Сразу следует оговориться, что в рамках нашего исследования мы не стремимся продемонстрировать максимальное количество правил канонического свода, являющихся миру соборный разум церкви, так как это выходит за рамки нашей темы. Рассмотрим лишь некоторые примеры последних на примере правил, регламентирующих комплекс внутрицерковных отношений, который мы обозначим как «клир-миряне», который для христиан всех поколений был заключен в составе рассматриваемого нами канонического свода.

Вопрос о правильных, с точки зрения соборности, взаимоотношениях клира и мирян поставили еще святые Древней церкви: Киприан Карфагенский, Климент Римский, Игнатий Антиохийский, Ириней Лионский и другие, которые согласно учили, что единство церкви Христовой зиждется, прежде всего, на единстве епископа и общины. К примеру, Климент Римский в своем первом послании к коринфянам, призывая их объединиться вокруг своих епископов, так как они «суть избранные Божии», сетует, что они «несправедливо лишили служения» клириков, поставленных апостолами и их преемниками «с согласия всей Церкви» [см. 11. С. 116–171]. Игнатий Антиохийский в послании к ефесянам призывает аудиторию «единодушно повиноваться епископству и пресвитерству», чтобы стать «освященными во всем» и, таким образом, приобрести главное – «невозмутимое *единение* между собою, чтобы всегда быть и в союзе с Богом» [19. С. 107]. А в послании к магнезийцам пишет, что те, кто не повинуются своему «видимому епископу», обманывают «Невидимого – Бога Отца, Епископа *всех*». Поэтому, пишет Игнатий, «уважайте и любите друг друга во Иисусе Христе», «пребывая в единении с епископом и

председателями», и «повинуйтесь епископу и друг другу, как Иисус Христос повиновался по плоти Отцу и апостолы Христу, Отцу и Духу, дабы единение было вместе телесное и духовное» [19. С. 108–115].

Святитель Афанасий Великий в письме к Драконтию, напротив, напоминает епископу его обязанности относительно его паствы. Уговаривая Драконтия, несмотря на все испытания, вернуться на свою кафедру, он пишет, что Господь «знает, кому поручает Церкви Свои», а епископам, в свою очередь, «подобает служить не времени, а Господу», поэтому «позаботься, – говорит Афанасий, – о Церкви, чтоб через тебя не потерпели вреда многие из малых». Заслуживает также внимания трактат «О церковной иерархии», входящий в состав Ареопагитского корпуса, сборника богословских произведений V века, приписываемого Дионисию Ареопагиту. В этом трактате также содержится обоснование соборности и устройства её внутри Церкви через иерархичность, утвержденную в Боге. Христос, как «сущность и богоначальнейшая сила всякого священноначалия, освящения и обожения» дает Церкви «священнолепную силу божественного священства», через которое, в свою очередь, «сближает многочисленные различия», существующие между членами церковной общины, когда каждый при наличии «богочужденной связи иерархической делается по мере сил причастником истинной и действительной красоты и мудрости, и доброты», т.е. Иисус Христос таким путем и устройством церковным «каждого по мере [его. – И.Л.] сил уподобляет собственному Свету» [19. С. 25–26]. Так, подводит итог автор древнего текста, «всякая иерархия сосредоточивается в своем богопросвещенном иерархе», так как «таков священный закон Богоначалия, чтобы вторые возводимы были к божественнейшему свету через первых» [19. С. 71–72]. Важным нюансом этих умозаключений автора является мысль, что верующие просвещаются «по мере сил». Эта мысль повторена неоднократно, в том числе и в несколько ином контексте, где сказано, что священноначалие должно «открывать следующим за ними независтно и соразмерно с силами их открытые себе божественные созерцания» [19. С. 72]. Как мы видим, в этом произведении ясно прослеживаются основные принципы соборности не только в взаимоотношения клира и мирян, но и в вопросе сохранения «единства множеством», когда каждый член единой общины сохраняет свои личностные качества и возможности.

Хоть преподобный Симеон Новый Богослов и говорит о «рукоположении от людей» [21], однако видно, что христианская соборность осознается древними авторами не как равенство прав всех вообще членов церкви, но есть некая детерминация ответственности и деятельности, которая это единство церковное обуславливает. Единство церкви видится в единстве веры. В этой связи положительно оценим мысль философа и богослова, протоиерей Сергия Булгакова, который рассуждает так: «Церковные писатели: святой Игнатий Богоносец, святой Ириней, святой Киприан убеждают верующих соединиться около своего епископа, причем учение епископа является нормой церковной истины и критерием церковного Предания. Право выражать церковное учение принадлежит епископу не как стоящему над общиной, но в общине, как её глава. Иными словами, он не законодательствует и не повелевает над церковью, но является её благодатным представителем» [3. С. 78–79]. Как видим, епископы, как преемники и ставленники апостолов, действуют в единении с паствой и выступают как её представители, а смысл этого вероучительного руководства в том, что иерархия охраняет уже принятое церковью Предание, учение и по мере необходимости анализирует и утверждает новое.

Пастыри и миряне – члены Церкви как тела Христова. Миряне, по мысли, проводимой каноническим правом, являются не просто «пасомыми», но, как

народ Божий¹, играют весомую роль в деле устроения церковной жизни. Шестое правило II Вселенского собора прямо выделяет верующих из состава живущих на земле людей, возводя их в особый «разряд мирян» [18. С. 100–101]. Для соответствия своему чину последние призваны осуществлять возложенные на них обязательства, главное из которых – нести миру Евангелие (см. Матфея 5, 16). Это обязательство требует от исполнителей особого религиозно-нравственного совершенства, о котором по объективным причинам им напоминают канонические нормы. Но кроме регламентации своей *личностно-духовной* жизни миряне призваны еще, как мы уже отметили, к *общественному* служению в церкви. Приведем примеры.

Согласно православному учению, очевидна, во-первых, роль молящихся за богослужением, которое построено так, что священнодействия в нем не ограничиваются лишь алтарём, но построены в форме взаимодействия между клиром и молящимися, например, певчими на клиросе, которые своими ответами на возгласы священства отвечают от лица всех молящихся. Во-вторых, «народ Божий» принимает и утверждает или, напротив, отвергает дела или учение иерархии, согласно седьмому Правилу Феофила Александрийского. Эта норма соборного сознания внутрицерковной жизни актуальна во все эпохи жизни христиан, являясь её онтологической характеристикой. В этом нас убеждает святой Василий Великий в своем 230-м послании, об этом писали и восточные Патриархи в своем догматическом послании от 6 мая 1848 г., где говорится, что «хранитель благочестия», а, следовательно, самого православия «есть самое тело Церкви, т.е. самый *народ*, который всегда желает сохранить веру свою неизменно и *согласною* с верою отцев» [7. С. 233]. Соборный характер своего послания восточные иерархи позиционируют со всей очевидностью: «Сие Апостольское увещание и убеждение мы посылаем ко всему православному *обществу верующих*, где бы они ни находились: к священникам и иеромонахам, иеродиаконам и монахам; одним словом, ко всему причту и боголюбивому народу; к начальникам и подчиненным, богатым и бедным, родителям и детям, учителям и ученикам, образованным и необразованным, господам и рабам, – дабы все, укрепляясь и укрепляя *советами* друг друга, возмогли стать противу кознем диавольским» [7. С. 236–237].

Именно по причине вышесказанного миряне принимали активное, деятельное участие в избрании своих пастырей, придавая действительность акту поставления в священную степень, которое «осуществляется в храме, в алтаре, в собрании молящегося народа, который призван свидетельствовать о рукополагаемом при самом его поставлении» [26. С. 280]. Весьма показательно по этому поводу мнение видного православного иерарха и богослова XX в., митрополита Антония (Блума), который однажды после иерейской хиротонии обратился к верующим в храме с такими словами: «Помните, сегодня вы были *не только* зрители Таинства, но совершители его, как Церковь Христова» [1. С. 120].

Конечно, хоть в процессе данного мероприятия в Древней церкви «решающим был голос епископа», избрание кандидата в клир «проводилось общим голосованием клира и народа», хотя впоследствии «в Византии при избрании епископов мирян стал представлять император» [26. С. 277]. Говоря языком права, епископ не узурпировал власть паствы для своей воли, а действительности на том или ином соборе. Участвуя в избрании иерарха на свою кафедру, народ тем са-

¹ См. 1 послание апостола Петра, 2, 9-10: «Но вы – род избранный, царственное священство, народ святой, люди, взятые в удел, дабы возвещать совершенства Призвавшего вас из тьмы в чудный Свой свет; некогда не народ, а ныне народ Божий...».

мым автоматически делегировал своему святителю свои права представителей соборной церкви, и он потенциально имел право представить их на соборе, если таковой случался: «Епископы являлись на соборе представителями своей Поместной Церкви и выражали не собственные мнения, а свидетельствовали о вере своей Церкви», – пишет канонист Цыпин [26. С. 362].

Так, мы видим, что механизмы соборности, основанные на православном Предании, действуют без aberrаций даже в столь сложном, казалось бы, вопросе, как взаимоотношение клира и мирян. Каждый христианин, хоть клирик, хоть мирянин, исполняет свою компетенцию в жизни церкви, что вполне согласуется с новозаветной риторикой, а именно: все верующие – члены одного Тела Церкви (см. 1 послание к Коринфянам, 12,24-13,8).

На вышеобозначенных иерархических принципах соборности реализуются также взаимоотношения клира. Так, 34-е апостольское правило предписывает «епископам всякого народа знать первого из них», но и «первый епископ ничего да не совершает без рассуждения всех». 39-е апостольское правило призывает пресвитеров и диаконов ничего не совершать «без воли епископа», а согласно 58-му правилу апостолов епископ или пресвитер, «не радящий о причте и людях, да будет отлучен».

Следующим пунктом в контексте «каноническое право – соборное сознание церкви» является вопрос о взаимоотношениях Поместных церквей.

Архимандрит Георгий II (Капсанис), известный богослов и церковный деятель конца XX – начала XXI вв., пишет примечательные для нас слова: «Соборный образ жизни Церкви выражается не только в созыве соборов, но и во всяком факте общения, в первую очередь, между епископами как главами местных Церквей, указывая тем на общение между возглавляемыми Церквями. Церковь на всех уровнях живет как собор» [6. С. 167]. Поместные церкви *равноправны*. История их образования ясно свидетельствует, что догматических преимуществ какой-либо церкви не существует, а все имеющиеся в диптихах распределения по местам говорят лишь об исторических и политических критериях их возвышения². Справедливости ради отметим, что иногда оставление правильных экклесиологических критериев приводило к ослаблению принципа соборного управления. Основательно подобное положение утвердилось в итоге в Западной церкви во главе с Римом, хотя иногда происходило и происходит на Востоке.

В один ряд с вышеобозначенными примерами в едином алгоритме актуализации соборности выступает другой – принцип «согласия отцов» («consensus patrum»). Смысл в том, что пастыри и учителя Церкви, являясь представителями своих общин, должны были выверить церковное учение между собой с тем, чтобы представить его своей пастве. Этот принцип всегда был присущ среде церковной, но как богословский термин был сформулирован в V в. уже упомянутым нами выше ученым богословом Викентием Леринским, который писал, что должно *только* то «почитать несомненным, верным и непререкаемым», что отцы церкви, «живя, уча и пребывая в вере и в кафолическом общении свято, мудро, постоянно», «все или большинство их единомышленников принимали, содержали, передавали открыто, часто, непоколебимо, как будто по какому предварительному согласию между собою». Напротив, если даже «святой ли или ученый, исповедник ли и мученик» мыслит «несогласно со всеми или даже противореча всем», такое мнение считать «величайшей опасно-

² См.: II Вселенский собор, 3-е правило; IV Вселенский собор, 28-е правило.

стью», «дабы кто не вообразил, будто он дерзновенно может презирать святое и кафолическое согласие блаженных отцов» [5. С. 94–95].

Здесь мы видим некую антиномию общей веры отцов и теологуменов, частных богословских мнений, которые периодически возникали и возникают в историко-богословском процессе. Принципиальным было согласие в главных богословских вопросах, тогда как допускались некоторые расхождения в частности. Объясняя сформулированный Викентием Леринским принцип, патролог А.И. Сидоров пишет важную для нас мысль: «Принцип «согласия отцов», во-первых, естественно допускает «партитуру» *частного* голоса в созвучном *едином* хоре соборного сознания отцов Церкви; а во-вторых, не исключает иногда вместе с тем случайную и спорадическую дисгармонию отдельных «хористов». Но «отдельные и случайные диссонансы нисколько не нарушают соборного созвучия святоотеческого хора, поскольку великим Регентом его является Бог, *единый* в трех Лицах, нераздельно и неслиянно сочетающий в Себе, *при единстве* сущности, три Ипостаси» [20. С. 353–355].

Важно понимать и то, что принцип «согласия отцов» носит характер не только конкретно-временной, когда собираются, совещаются и выносят решения современники, но и вневременный – отцы последующих веков должны соотносить свое мнение с верой своих предшественников. И это не какая-то унитарная и когерентная богословская система, но живой процесс постепенной имплементации неизменных богооткровенных догматов, продиктованный исторической необходимостью.

Соборный разум церкви актуализировался в церковном Предании и через развитие богослужения, таинств и обрядов церкви. В рамках настоящей статьи мы не будем проводить пространный анализ богослужебных особенностей православия, так как на эту тему уже существует достаточное количество достойных специфических исследований [подробнее см. 4 и 27]. Ограничимся лишь некоторыми характерными. Во-первых, неоспорим тот факт, что богослужение различных Поместных церквей идентично в главном, но может различаться в частности, продиктованных национально-культурными реалиями существования. Это очевидный показатель «единства во множестве». Во-вторых, весьма показательным является сам перевод с греческого языка названия главного богослужебного действия: литургия (от греч. λειτουργία) – «*общее* дело». Так, преподобный Максим Исповедник, к примеру, пишет о моменте начала основной части литургии – «литургии верных»: «Закрытием царских врат, входом Святых Таин, священным лобзанием и провозглашением Символа веры показывается тождество единомыслия, единодушия и любви, в котором все буду находиться между собой и с Богом» [17. С. 180].

По поводу таинств церкви показательным мнением митрополита Антония (Блума), который пишет: «*Нет* треб церковных, которые были бы частными: разве кто-нибудь в семье может быть в горе – и другие её члены не были бы в горе? Или кто-либо в радости – и эта радость не охватила бы всех? Так должно быть всегда: и с крестинами, и со свадьбами, и с другими Таинствами, и со всяким молением церковным. Вся Церковь участвует в них...» [1. С. 123].

Еще, например, при совершении обряда освящения жилища, который, по сути, является *частным* священнодействием, в ектении среди прочего читаем: «Еще молимся за *всю* братию и за *вся* христианы» [24. С. 541]. Это тоже проявление соборного разума молящихся, которые молясь об освящении своего дома, молятся обо всех «братиях».

Итак, в результате вышеизложенного мы можем сделать вывод, что наряду со своевременным развитием в Священном Писании Ветхого и Нового Заветов активное становление соборного сознания православия исторически

раскрывалось и развивалось в дальнейшем в категориях живого Предания церкви, во всех его аспектах, способствовал главному, озвученному еще самим Христом – превратив замкнутые общины во вселенскую церковь для всех. Внутрицерковная взаимная обусловленность, с одной стороны, живого и развивающегося Предания, с другой – фактора соборного сознания тоже очевидна. Этот перманентный процесс актуализации взаимообусловленности данных компонентов, который хоть иногда и допускает «случайную и спорадическую дисгармонию отдельных «хористов», тем не менее есть феномен синергии божественного и человеческого начал церкви есть основной универсальный принцип самосохранения церкви во всех конкретно-исторических субъективных и объективных реалиях.

Литература

1. Антоний (Блум), митрополит. Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Проповеди. Клин: Христианская жизнь, 2010. 416 с.
2. Афанасьев Н., протопресвитер. Церковь Духа Святаго. Киев: Центр православной книги, 2005. 480 с.
3. Булгаков С.Н. Православие. Очерки учения Православной Церкви. Минск: Изд-во Белорусского Экзархата, 2011. 560 с.
4. Василий (Годикакис), архимандрит. Входное: Элементы литургического опыта таинства единства в Православной Церкви: авториз. пер. с греч. Богородице-Сергиева Пустынь, 2007. 208 с.
5. Викентий Леринский, преподобный. Памятные записки Перегринна о древности и всеобщности католической веры против непотребных новизн всех еретиков // Викентий Леринский. О Священном Предании Церкви. СПб., 2000. 540 с.
6. Георгий (Капсанис), архимандрит. Пастырское служение по священным канонам / пер. с греч. Антона Данилина. М.: Изд. дом Святая Гора, 2006. 304 с.
7. Догматические послания православных иерархов XVII–XIX веков о Православной вере. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1995. 272 с.
8. Илларион (Алфеев), митрополит. Православие: в 2 т. 3-е изд. М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2010. Т. 1. 864 с.
9. Иустин (Полович), архимандрит. Догматика Православной Церкви // Собрание творений преподобного Иустина (Поповича): в 3 т. М.: Паломник, 2006. Т. 3. 609 с.
10. Кассиан (Безобразов), епископ. Христос и первое христианское поколение. 4-е изд., испр. и доп. М.: Православный Свято-Тихоновский гуманитарный ун-т; Русский путь, 2006. 576 с.
11. Климент Римский, епископ. Первое послание к Коринфянам. Писания мужей апостольских / предисл. Р. Светлова. СПб.: Амфора, 2007. 474 с.
12. Лебедев А.П. Христианский мир и эллино-римская цивилизация: Исследования по истории Древней Церкви. СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2005. 352 с.
13. Лебедев И.А. Историко-философское формирование принципа соборности в контексте Нового завета // Вестник Чувашского университета. 2014. № 3. С. 30–36.
14. Лебедев И., иерей. Генезис принципа «единства во множественности» в священном Писании Ветхого завета // Отечественные духовные традиции и православие: XXIII Рождественские православно-философские чтения. Н. Новгород: Нижегородский гос. пед. ун-т, 2014. 394 с.
15. Лебедев И., иерей. Онтологический статус соборности и её значение для общества // Духовно-нравственное состояние общества и православие: XXII Рождественские православно-философские чтения. Н. Новгород: Нижегородский гос. пед. ун-т, 2013. 397 с.
16. Лосский В.Н. Спор о Софии. Статьи разных лет. М.: Изд. Свято-Владимирского Братства, 1996. 98 с.
17. Максим Исповедник, преподобный. Мистагогия // Творения преподобного Максима Исповедника. Кн. 1: Богословские и аскетические трактаты. 2-е изд. / пер., вступ. ст. и коммент. А.И. Сидорова. М.: Мартис, 1993. 353 с.
18. Правила святых Вселенских Соборов с толкованиями. М.: Сибирская благовонница, 2011. 737 с.
19. Православное учение о церковной иерархии: Антология святоотеческих текстов / сост. прот. А. Задорнов. М.: Изд. Московской Патриархии Русской Православной Церкви, 2012. 272 с.
20. Сидоров А.И. Святоотеческое наследие и церковные древности. Т. 1: Святые отцы в истории Православной Церкви (работы общего характера). М.: Сибирская благовонница, 2011. 432 с.
21. Симеон Новый Богослов, преподобный. Послание об исповеди / пер. игумена Иллариона (Алфеева): [Электронный ресурс]. URL: <http://hilarion.ru/2010/02/23/605> (дата обращения: 07.05.2015).
22. Слободской Серафим, протоиерей. Закон Божий для семьи и школы. 4-е изд. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1994. 726 с.

23. Смирнов Е.И. История христианской Церкви: репринт. М.: Храм святых бессребренников и чудотворцев Космы и Дамиана на Маросейке, 2007. 739 с.

24. Требник. М.: Издательский Совет Русской Православной Церкви, 2006. 608 с.

25. Филарет (Дроздов), митрополит. Православный Катехизис. СПб.: Православная Русь, 1995. 136 с.

26. Цыпин Владислав, протоиерей. Каноническое право. 2-е изд. М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2012. 864 с.

27. Шмеман Александр, протоиерей. Богослужение и Предание. Богословские размышления / под ред. Томаса Фиша; пер. Ю.С. Терентьева. М.: Паломник, 2005. 224 с.

ЛЕБЕДЕВ ИЛЬЯ АНДРЕЕВИЧ – аспирант кафедры философии и теологии, Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина, Россия, Нижний Новгород (i-lebedev86@mail.ru).

I. LEBEDEV

GENESIS OF THE «UNITY IN VARIETY» PRINCIPLE IN THE HOLY TRADITION OF THE ORTHODOX CHURCH

Key words: conciliarism, Christianity, Orthodox Church, Holy Tradition, community, tradition, canonical norms, liturgical life, «consent of the fathers», sacraments of the Church.

The article is devoted to the understanding of historical and philosophical formation of the major principle of internal structure of the Russian Orthodox Church – the «unity in variety» – in the context of formation of the Orthodox Church's Holy Tradition. The author exposes ontological meaning of this principle for Orthodoxy and the importance of the Orthodox Church's fidelity to the Holy Tradition. The article provides examples of establishing the conciliar life principle of the Church in various aspects of the Orthodox Tradition: in the sacred Scriptures, in the set of canonical rules, in the liturgical activity and the sacraments, pious customs, iconography, etc. There was established how this principle was formed and cultivated throughout the historical periods in various aspects of the Tradition. It was also shown how in the context of the Holy Tradition the principle promoted and is still promoting today in the Orthodox community parishioners mutual understanding, brotherly love and other virtues, which have a positive impact on society.

References

1. Antonii (Blum), mitropolit. *Vo imya Ottsa i Syna i Svyatago Dukha* [In the name of the Father, and of the Son, and of the Holy spirit]. *Propovedi* [Sermons]. Klin, Khristianskaya zhizn' Publ., 2010, 416 p.

2. Afanas'ev N., protopresviter. *Tserkov' Dukha Svyatago* [The Church Of The Holy Spirit]. Kiev, 2005, 480 p.

3. Bulgakov S.N. *Pravoslaviye* [Orthodoxy]. In: *Ocherki ucheniya Pravoslavnoi Tserkvi* [Sketches of the Orthodox Church Doctrine]. Minsk, 2011, 560 p.

4. Vasilii (Godikakis), arhimandrit. *Vkhodnoe: Elementy liturgicheskogo opyta tainstva edinstva v Pravoslavnoi Tserkvi: avtoriz. per. s grech.* [Input: Elements of a liturgical experience of the sacrament of unity in the Orthodox Church: authorised translation from the Greek]. Virgin-St. Sergius Hermitage, 2007, 208 p.

5. Vikentii Lerinskii, prepodobnyi. *Pamyatnye zapiski Peregrina o drevnosti i vseobshchnosti kafo-licheskoi very protiv nepotrebnikh novizn vsekheretikov. Vikentii Lerinskii. O Svyashchennom Predanii Tserkvi* [Peregrin's Aide-Memoires on the antiquity and universality of the Catholic faith against the profane novelties of all heretics. Vincent Lerins. About the Holy Tradition of the Church]. St. Petersburg, 2000, 540 p.

6. Georgii (Kapsanis), arhimandrit. *Pastyrskoe sluzhenie po svyashchennym kanonom* [Pastoral ministration to the Holy canons. Translated from the Greek Anton Danilin]. Moscow, 2006, 304 p.

7. *Dogmaticheskie poslaniya pravoslavnykh ierarkhov XVII–XIX vekov o Pravoslavnoi vere* [Dogmatic messages of Orthodox hierarchs of XVII–XIX centuries on Orthodox faith]. Holy Trinity-St. Sergius Lavra, 1995, 272 p.

8. Illarion (Alfeev), mitropolit. *Pravoslaviye: v 2 t. 3-e izd.* [Orthodoxy. 2 vols. 3rd ed. Vol. 1]. Moscow, 2010, 864 p.

9. Iustin (Popovich), arhimandrit. *Dogmatika Pravoslavnoi Tserkvi. Sobranie tvoreniy prepodobnogo Iustina (Popovicha): v 3 t.* [Dogmatics of the Orthodox Church. Collected works by St. Justin (Popovich). 3 vols. Vol. 3]. Moscow, Pilgrim Publ., 2006, 609 p.

10. Kassian (Bezobrazov), episkop. *Khristos i pervoe khristianskoe pokolenie. 4-e izd., ispr. i dop.* [Jesus Christ and the first Christian generation. 4th ed.]. Moscow, 2006, 576 p.
11. Kliment Rimskii, episkop. *Pervoe poslanie k Korintfyanam. Pisaniya muzhei apostol'skikh* [The first Epistle to the Corinthians. The Writings of the Apostolic Fathers]. St. Petersburg, Ampfora Publ., 2007, 474 p.
12. Lebedev A.P. *Khristianskii mir i ellino-rimskaya tsivilizatsiya: Issledovaniya po istorii Drevnei Tserkvi* [The Christian world and Hellen-Roman Civilization: Research on Ancient Church History]. St. Petersburg, 2005, 352 p.
13. Lebedev I.A. *Istoriko-filosofskoe formirovanie printsipa sobornosti v kontekste Novogo zaveta.* [Historical and philosophical formation of sobornost principle in the context of New Testament]. *Vestnik Chuvashskogo universiteta*, 2014, no. 3, pp. 30–36.
14. Lebedev I., ierei. *Genezis printsipa «edinstva vo mnozhestvennosti» v svyashchennom Pisanii Vetkhogo zaveta. Otechestvennye dukhovnye traditsii i pravoslavie: XXIII Rozhdestvenskie pravoslavno-filosofskie chteniya* [The Genesis of the principle of «unity in variety» in the Scriptures of the Old Testament. Spiritual traditions and Orthodoxy: XXIII Christmas Orthodox-philosophical readings]. Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod State Pedagogical University Publ., 2014, 394 p.
15. Lebedev I., ierei. *Ontologicheskii status sobornosti i ee znachenie dlya obshchestva. Dukhovno-nravstvennoe sostoyanie obshchestva i pravoslavie: XXII Rozhdestvenskie pravoslavno-filosofskie chteniya* [The ontological status of sobornost and its importance for society. The spiritual and moral state of society and Orthodoxy: the XXII Christmas Orthodox-philosophical readings]. Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod State Pedagogical University Publ., 2013, 397 p.
16. Losskii V.N. *Spor o Sofii. Stat'i raznykh let* [A dispute about Sophia. Articles of different years]. Moscow, 1996, 98 p.
17. Maksim Ispovednik, prepodobnyi. *Mistagogiya. Tvoreniya prepodobnogo Maksima Ispovednika. Kn. 1: Bogoslovskie i asketicheskie traktaty. 2-e izd.* [Mystagogia. Works by St. Maximus the Confessor. Book 1: Theological and ascetic treatises. 2nd ed.]. Moscow, Martis Publ., 1993, 353 p.
18. *Pravila svyatykh Vselenskikh Soborov s tolkovaniyami* [The Rules of the Holy Catholic Councils with Interpretation]. Moscow, 2011, 737 p.
19. *Pravoslavnoe uchenie o tserkovnoi ierarkhii: Antologiya svyatootecheskikh tekstov. Sost. prof. A. Zadornov* [Orthodox Doctrine on Church hierarchy: an anthology of patristic texts. Ed. Archpriest A. Zadornov]. Moscow, 2012, 272 p.
20. Sidorov A.I. *Svyatootecheskoe nasledie i tserkovnye drevnosti. T. 1: Svyatyte ottsy v istorii Pravoslavnoi Tserkvi (raboty obshchego kharaktera)* [The Patristic Heritage and the Church Antiquities. Vol. 1: The Holy Fathers in the History of Orthodox Church (literature of the general character)]. Moscow, 2011, 432 p.
21. Simeon Novyi Bogoslov, prepodobnyi. *Poslanie ob ispovedi. Per. igumena Illariona (Alfeeva)*: [The Epistle about confession. Translated by hegumen Hilarion (Alfeyev)]. Available at: <http://hilarion.ru/2010/02/23/605> (Accessed 7 May 2015).
22. Slobodskoi Serafim, protoierei. *Zakon Bozhii dlya sem'i i shkoly. 4-e izd.* [God's law for family and school. 4th ed.] The Holy Trinity-St. Sergius Lavra, 1994, 726 p.
23. Smirnov E.I. *Istoriya khristianskoi Tserkvi: reprint* [History of the Christian Church. Reprint ed.]. Moscow, 2007, 739 p.
24. *Trebnik* [Breviary]. Moscow, 2006, 608 p.
25. Filaret (Drozdov), mitropolit. *Pravoslavnyi Katekhizis* [Orthodox Catechism]. St. Petersburg, 1995, 136 p.
26. Tsypin Vladislav, protoierei. *Kanonicheskoe pravo. 2-e izd.* [Canonical law. 2nd ed.]. Moscow, 2012, 864 p.
27. Shmeman Aleksandr, protoierei. *Bogosluzhenie i Predanie. Bogoslovskie razmyshleniya* [Liturgy and Tradition. Theological Reflection]. Moscow, Pilgrim Publ., 2005, 224 p.

LEBEDEV ILYA – Post-Graduate Student of Philosophy and Theology Department, Nizhniy Novgorod State Pedagogical University of Kozma Minin, Nizhniy Novgorod, Russia.

Ссылка на статью: Лебедев И.А. Генезис принципа «единство во множестве» в Священном Предании Православной церкви // Вестник Чувашского университета. – 2015. – № 4. – С. 121–134.

УДК 390 (=471.344)

ББК ТЗ (2РЗ)

В.В. МЕДВЕДЕВ

ГУМНО В ТРАДИЦИОННОЙ ЖИЗНИ ЧУВАШЕЙ

Ключевые слова: чувашаи, гумно, пространство, традиционная культура.

Земельные наделы чувашей, как и у других народов, занятых сельскохозяйственными работами, обязательно включали в себя гумно. Цель статьи заключена в анализе и описании гумна у чувашей. Преимущественно использована методология сравнительно-исторического исследования, базирующаяся на совокупности общенаучных, общесторонних и специально-исторических методов. Новизна отражена созданием единой картины о традиционном гумне у чувашей. Систематизированные знания содействуют всестороннему исследованию этнографии и истории чувашей. Выводы статьи подтверждают статус этого участка в жизнедеятельности чувашей и роль гумна при устройстве овина для сушки снопов, позднее – риги, а также мякинницы, в которой хранили инвентарь, а иногда молотили хлеб.

Гумно подразумевало собой не только земельный участок, но и молотильный ток, ровную площадку [13. С. 60]. Чувашский язык располагает несколькими вариантами лексики для обозначения объекта. Основные из них – *авён карти* и *анкарти*. Буквально означают «овинная ограда» и «ограда загона». Другое название – *йётем* (диалектное произношение *итем*) [5. С. 19, 80]. Поскольку под гумном подразумевали не только земельный участок, но и постройку, в которую свозили и молотили снопы, использовали сочетание *мён кёлет* «большая клеть».

Относительно терминов *авён карти*, *анкарти* имеются две точки зрения. По мнению В.Г. Егорова, основу дало русское слово *овин* → *авин* → *авён* [5. С. 19]. К нему присоединилось слово *карта* «изгородь, ограда». А.К. Салмин связывает происхождение слова *анкарти* с *ана* «загон» и *карта* «изгородь, ограда», основывая предположение на идее ограждения и защиты культурного пространства от вредоносных явлений [11. С. 542].

Для охраны гумна (не только от потусторонних сил, но и в практических целях) предназначался забор, а в сторону улицы или поля сооружали ворота [2. С. 250–251]. Посредине тока устанавливали столб, служивший основной несущей конструкции [3. С. 153].

Гумно и огород занимали примерно 1/4 часть чувашской усадьбы, остальная площадь была под хозяйственными постройками и чистой половиной двора. В зависимости от расположения и структуры поселения гумно находилось на одной из сторон усадьбы или все гумна отдельного населенного пункта располагались в стороне вдоль деревни [8. С. 45]. Сказывалось влияние ландшафта, устройство подворий и учитывалось удобство для транспортировки.

Помимо места для обработки зерна гумно использовали при складировании необмолоченных снопов, что иллюстрирует следующий отрывок: «Излишки хлеба чувашаи раньше хранили на гумне в копнах. Оставлять пустым гумно, по мнению чувашина, нельзя, – оно будет скучать, а последствия этого могут быть не совсем благоприятными для хозяина. Поэтому каждый чувашин старается оставить на гумне до следующего урожая хоть маленькую копешку, а если этого нельзя сделать, то оставляет необмолоченный сноп на высоком месте» [4. С. 73].

Сноп на вершине овина, по словам В.А. Сбоева, был отличительным признаком поселения чувашей, «смело заключайте отсюда, что это селение чувашское, а не татарское, и не русское» [12. С. 46–47]. Обмолоченное зерно чувашаи свозили на ветряные и водяные мельницы [9. С. 56–58].

В коллекциях Росийского этнографического музея находится фигура *Йёрёха*, божества, помогавшего в лечении глазных болезней. Называли его *Ангарды* от слова *анкарти* «гумно», так как божество обитало на гумне. Это

глиняная антропоморфная фигурка, раскрашенная позолотой [1]. Пространство гумна занимало божество «8-го разряда» *Итем перекечэ* [3. С. 153]. О спорынье *Идэмь перегечь*, приносящей удачу, успех в делах и прибыль, писал В.К. Магнитский [7. С. 89].

Чуваши просили помощи и в своих молитвах: «Когда привезем (хлеб) на гумно, дай спорынью (т.е. изобилие) на гумне» [2. С. 251]. Подобные обращения имели разные локальные варианты, но смысл был один [10. Л. 600]. На праздник *шийлык* (= *шиллык*) кряшены Бакалинской волости Белебеевского кантона БАССР собирались на гумне [3. С. 84]. Событие посвящали севу, росту, уборке урожая. Чуваши с той же целью проводили *шилэк пӓтти* [11. С. 124–125].

Таким образом, гумно как часть усадьбы и одновременно самостоятельная постройка было тесно связано с сельскохозяйственными занятиями чувашей. Территория предназначалась для хранения привезенных с поля снопов и их молотбы. В зависимости от структуры поселения гумно размещали рядом с огородом и двором или на окраине деревни. Заботясь о собственном благополучии и стабильном урожае, в молитвах упоминали гумно и сложенный здесь хлеб. Для этого же оставляли необмолоченный сноп, посвященный потусторонним силам, обитавшим на гумне.

Литература

1. Архив Российского этнографического музея. Коллекция 967. № 1 а, в, с.
2. Ашмарин Н.И. Словарь чувашского языка. Чебоксары: Руссика, 1994. Т. 1–2. 584 с.
3. Ашмарин Н.И. Словарь чувашского языка. Чебоксары: Руссика, 1994. Т. 3. 368 с.
4. Евсеев М.Е. Отдел приволжских инородцев (чуваши, черемисы, мордва, вотяки) // Выставка культуры народов Востока: путеводитель по выставке. Казань, 1920. С. 70–94.
5. Егоров В.Г. Этимологический словарь чувашского языка. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1964. 356 с.
6. Коваль И. Обряды крещеных татар (именуемых кряшен) // Краеведческий сборник. Уфа, 1930. № 3–4. С. 81–84.
7. Магнитский В.К. Материалы к объяснению старой чувашской веры: Собраны в некоторых местностях Казанской губернии. Казань: Тип. Императорского ун-та, 1881. 266 с.
8. Матвеев Г.Б. Материальная культура чувашей / ЧГИГН. Чебоксары, 1994. 198 с.
9. Медведев В.В. Мельницы в традиционной жизни чувашей // Вестник Чувашского университета. 2014. № 4. С. 56–58.
10. Научный архив Чувашского государственного института гуманитарных наук. Отд. I. Ед. хр. 6 – Ашмарин Н.И. Этнография, фольклор. 1841–1903 гг. 652 л.
11. Салмин А.К. Система религии чувашей. СПб.: Наука, 2007. 654 с.
12. Сбоев В.А. Исследования об инородцах Казанской губернии. Казань: Издание книгопродавца Дубровина, 1856. 188 с.
13. Wichmann Yrjö. Die tschuwassischen Lehnwörter in den permischen Sprachen. Helsingfors, 1903. 171 S.

МЕДВЕДЕВ ВЛАДИСЛАВ ВАЛЕНТИНОВИЧ – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Лаборатории археологических и этнографических исследований, Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова, Россия, Магнитогорск (vlad.etno@mail.ru).

V. MEDVEDEV

THRESHING-FLOOR IN TRADITIONAL LIFE OF CHUVASH PEOPLE

Key words: *Chuvash, threshing-floor, space, traditional culture.*

A threshing-floor was an indispensable element of the land allotments of the Chuvash, like those of the other peoples engaged in agricultural work. The purpose of the article lies in the analysis and description of the threshing-floors of the Chuvash. The authors mostly used the methodology of comparative historical research, based on the complex of general scientific, general and specific historical methods. The novelty of the research is in establishing of a unified picture of the traditional threshing-floor of the Chuvash. Systematized knowledge promote a comprehensive study of ethnography and history of the Chuvash. The results of the research confirm the status of this piece of land in the life of the Chuvash and the role of the threshing-floor in making a barn for drying sheaves of crops, and later – a rick-yard, as well as a chaff shed which was also used for storing inventory, and sometimes for threshing grain crops.

References

1. *Arkhiv Rossiiskogo etnograficheskogo muzeya. Kolleksiya 967. № 1 a, b, c* [Archives of Russian Ethnographic Museum. Collection 967. № 1 a, b, c].
2. Ashmarin N.I. *Slovar' chuvashskogo yazyka* [Dictionary of Chuvash language]. Cheboksary, Russika Publ., 1994, vol. 1–2, 584 p.
3. Ashmarin N.I. *Slovar' chuvashskogo yazyka* [Dictionary Chuvash language]. Cheboksary, Russika Publ., 1994, vol. 3, 368 p.
4. Evsev'ev M.E. *Otdel privolzhskikh inorodtsev (chuvashi, cheremisy, mordva, votyaki)* [Volga Department of foreigners (Chuvash, Cheremis, Mordvinians, Votyaks)]. In: *Vystavka kul'tury narodov Vostoka: putevoditel' po vystavke* [Exhibition of East peoples' culture: an exhibition guide]. Kazan, 1920, pp. 70–94.
5. Egorov V.G. *Etimologicheskii slovar' chuvashskogo yazyka* [Etymological dictionary Chuvash language]. Cheboksary, Chuvash Publishing House, 1964, 356 p.
6. Koval' I. *Obryady kreshchenykh tatar (imenuemykh kryashen)* [Baptized Tatars (referred Kryashens)]. *Kraevedcheskii sbornik* [Collected Articles on Local History]. Ufa, 1930, no. 3–4, pp. 81–84.
7. Magnitskii V.K. *Materialy k ob'yasneniyu staroi chuvashskoi very: Sobrany v nekotorykh mestnostyakh Kazanskoj gubernii* [Materials explaining the old Chuvash belief: collected in some areas of the Kazan province]. Kazan, 1881, 266 p.
8. Matveev G.B. *Material'naya kul'tura chivashei* [Material culture of the Chuvash]. Cheboksary, 1994, 198 p.
9. Medvedev V.V. *Mel'nitsy v traditsionnoi zhizni chivashei* [Mills in traditional life of the Chuvashes]. *Vestnik Chuvashskogo universiteta*, 2014, no. 4, pp. 56–58.
10. *Nauchnyi arkhiv Chuvashskogo gosudarstvennogo instituta gumanitarnykh nauk. Otd. I. Ed. khr. 6 – Ashmarin N.I. Etnografiya, fol'klor. 1841–1903 gg. 652 I.* [Scientific Archives of the Chuvash State Institute of Humanities. Archive I. Storing Unit 6. 652 p.].
11. Salmin A.K. *Sistema religii chivashei* [System of Chuvash religion]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2007, 654 p.
12. Sboev V.A. *Issledovaniya ob inorodtsakh Kazanskoj gubernii* [Study of non-Russians of Kazan province]. Kazan, 1856, 188 p.
13. Wichmann Y. *Die tschuwassischen Lehnwörter in den permischen Sprachen*. Helsingfors, 1903. 171 p.

MEDVEDEV VLADISLAV – Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher, Archaeological and Ethnographic Research Laboratory, G.I. Nosov Magnitogorsk State Technical University, Magnitogorsk, Russia.

Ссылка на статью: Медведев В.В. Гумно в традиционной жизни чувашей // Вестник Чувашского университета. – 2015. – № 4. – С. 135–137.

УДК 947.084.2 (470.41-25) «1918»
ББК ТЗ(2)612-414.8

Е.К. МИНЕЕВА, С.В. СТАРИКОВ

САМАРСКИЕ И КАЗАНСКИЕ ЛЕВЫЕ СОЦИАЛИСТЫ В ПЕРИОД ЗАКЛЮЧЕНИЯ БРЕСТСКОГО МИРА (февраль – март 1918 года)

Ключевые слова: Брестский мир, большевики, левые эсеры, эсеры-максималисты, социал-демократы интернационалисты, советский левый блок, революция.

В статье рассматривается позиция самарских и казанских левых социалистов (большевиков, левых эсеров, эсеров-максималистов, левых меньшевиков) по отношению к Брестскому миру с Германией в феврале-марте 1918 г., анализируются единые подходы и противоречия в советском правящем блоке по данному вопросу. Отмечается, что большевики и левые социалисты разделяли единую позицию непринятия германских условий мира и требовали от центра решительных действий по развёртыванию революционной войны против Германии, предлагали провести Всероссийский съезд Советов в Казани и объявить её начало. Анализируются итоги опроса волостных сельских сходок Казанской губернии по вопросу о войне и разные мнения среди левых сил в связи с целесообразностью революционных военных действий. Делается вывод о том, что большевистско-левосоциалистический блок получил новое подтверждение в дни заключения Брестского мира, когда на местах имела место единая линия левых советских партий по вопросу о войне и мире.

Вопрос о заключении мира с Германией на местах обсуждался не менее остро и бурно, чем в столицах. При этом все левые партии отрицательно отнеслись к Брестскому миру на предложенных германским правительством условиях. В Самаре в повестку дня заседания губисполкома этот вопрос был поставлен 25 февраля, но обсуждения не получилось. Дело в том, что большевики предложили отложить этот вопрос до следующего заседания, полагая, что, во-первых, состоявшееся накануне собрание большевиков из-за своей малочисленности не могло отразить мнение 4-тысячного отряда самарских большевиков, во-вторых, ввиду сложности вопроса, фракция не смогла прийти к общему мнению [4. Д. 4. Л. 109об.]. Фракция эсеров-максималистов предлагала немедленно обсудить вопрос о войне и мире, чтобы «дать ответ Петрограду сегодня же ночью» [4. Д. 4. Л. 109об.]. В итоге было решено перенести обсуждение вопроса на 26 февраля.

На следующий день к заседанию губисполкома позиция большевиков в какой-то мере определилась. Оказалось, что к единому мнению им так и не удалось прийти. Большевики Самары во главе с В.В. Куйбышевым разделяли точку зрения «левых коммунистов» во главе с Н.И. Бухариным – мир не подписывать, дело вести к революционной войне с германским империализмом. Эту позицию отстаивали Н.П. Теплов, Е.С. Коган, П.А. Вавилов и другие. Ленинскую точку зрения – мир во что бы то ни стало – разделяли большевики А.Х. Митрофанов, С.И. Дерябина, Ф.И. Венцек, С.Я. Тиунов, М.П. Герасимов и др. Фракция РСДРП(б) в губисполкоме во главе с В.В. Куйбышевым в конечном итоге и определила характер резолюции, принятой 26 февраля большинством голосов членов губисполкома. В ней говорилось, что «шайка германских империалистов» силой оружия пытается задушить мировую революцию, потушить ее очаг – Октябрьскую революцию. Объявляя социалистическое отечество в опасности, Самарский губисполком «зовет всех трудящихся к оружию, к великой священной войне» [4. Д. 4. Л. 111]. Для разработки практических мер была образована специальная комиссия из представителей губисполкома (А.П. Любецкий), железнодорожного союза (П.А. Вавилов) [4. Д. 4. Л. 111]. Решение губисполкома отрази-

ло подход тех политических сил в стране, которые считали Брестский мир ударом в спину революции и предательством идеалов мировой революции.

Дело не ограничилось только обсуждением вопроса в губисполкоме. Каждая партия считала своим долгом выступить со специальным заявлением. Самарские максималисты уже 25 февраля имели четкую и однозначную позицию, а на следующий день она нашла свое выражение в специальной резолюции. Обсудив сообщение ВЦИК о согласии подписать мир, они категорически протестовали против этой политики, объяснив «позорное решение» отчаянием, унынием, «преступной нерешительностью и потерей веры в близкое торжество трудовой революции». Максималисты считали, что губисполком в этих условиях должен призвать все «трудовые силы Советской республики» к решительной и беспощадной борьбе с империалистами всех стран, провести полную конфискацию всех капиталов и имуществ буржуазии для защиты «трудовой революции», осуществить всеобщее вооружение трудящихся для беспощадной борьбы с врагами вплоть до «беспощадного политического террора» [4. Д. 4. Л. 110об.; 13]. В оценке Брестского мира максималисты исходили из того, что он был навязан правящей партией трудовому народу. «Трудовая республика» писала, что мирная передышка, о которой говорят большевики, невозможна, ибо они постарались уничтожить все «орудия работы» и все «средства обороны», демобилизовали «самым бесшабашным образом армию, распустили флот, чтобы сдать его без единого выстрела германским разбойникам» [16].

Самарские левые эсеры сразу же квалифицировали мирный договор как «неприемлемый от первого до последнего слова». На экстренном заседании исполкома Самарского уездного Совета крестьянских депутатов 25 февраля 1918 г. под председательством В.В. Дубянского они единогласно постановили: «Российская Советская Республика, защищая провозглашенные идеалы, может только умереть с оружием в руках, но не отказаться от них» [4. Д. 6а. Л. 20]. 6 марта местная организация с.-д. интернационалистов на общем собрании заявила о необходимости ведения священной войны [1]. Почти в каждом случае самарские левые социалисты апеллировали к голосу народа в обосновании своей позиции. Но, как свидетельствуют документы, в том числе о Брестском мире, они явно выдавали желаемое за действительное. Разброс мнений волостных крестьянских собраний был настолько велик, что ни в коей мере не мог вместиться в дышащие призывами строчки самарских резолюций. В то время как самарский уисполком отверг мир и призывал с оружием в руках умирать за идеалы, Воскресенский волостной Совет Самарского уезда, принимая во внимание чрезвычайно тяжелое положение России и полную невозможность ведения войны, «с болью в сердце» вынужден принять предложенные Германией условия, «возлагая ответственность за судьбу Родины на правительство, заключающее договор о мире» [4. Д. 119. Л. 80]. Напротив, Ставропольский горисполком Самарской губернии большинством голосов решил «дать отпор хищникам германского империализма и позорного мира не заключать» [4. Д. 131. Л. 8].

Имели место и разногласия в блоке советских партий, особенно на уездном уровне. Так, в марте 1918 г. в Бугурусланском Совете возникли серьезные противоречия. Большевики настаивали на мире, требовали передышки, левые эсеры призывали к революционной войне. Уездный съезд Советов долго обсуждал этот вопрос и, по свидетельству Л.Д. Сокольского, не пришел к единодушному решению [12. С. 242]. Но резолюция по текущему моменту, принятая 17 марта 1918 г., свидетельствует о том, что съезд «единодушно отвергает подписанный с немецкой буржуазией мирный договор и требует всенародного

о нем голосования» [4. Д. 127. Л. 21]. Вся резолюция выражена в левозсеровском духе. «Уставший и разоренный четырехлетней грабительской бойней ты, русский крестьянин, – говорилось в ней, – найдешь еще в себе силу и бодрость, чтобы нанести сокрушающий удар внешней и внутренней буржуазии» [4. Д. 127. Л. 21].

Дело не ограничилось только резолюциями протеста. 1 марта 1918 г. Самарский губисполком утвердил «практические мероприятия в связи со священной войной». С докладом по этому вопросу выступил большевик М.Р. Галактионов. Речь шла о формировании революционной армии. Уездным Советам поручалось организовать вербовочные пункты, а население должно было жертвовать хлеб Красной Армии. Самарская губерния объявлялась на военном положении. Финансовому бюро предлагалось в 3-дневный срок представить план конфискации частных капиталов и золотых вещей [4. Д. 4. Л. 114об.]. Эйфория пожара мировой революции овладела умами самарских большевиков, и они готовы были по-максималистски ударить по «внутренней контре», в которой революционные власти усматривали «естественного союзника Вильгельма». Специальная комиссия под руководством М.П. Герасимова и Д.В. Шейнмана заседала ежедневно. Декрет об объявлении «священной войны» сплотил большевиков и левых социалистов в одном порыве. 2 марта губисполком принял решение о роспуске по домам учащихся средних учебных заведений, школы фельдшеров в связи с началом «священной войны» [4. Д. 4. Л. 116, 119]. По городу расклеивались воззвания штаба коммунаров с призывом ко всем бороться с германским империализмом, включая женщин и учащихся [14]. Как писала газета «Волжское слово», в Самаре были устроены две манифестации: первая – рабочими мельниц, вторая – максималистами, к которым присоединились анархисты. По Дворянской улице двигался грузовик, с которого разбрасывали воззвания к «священной войне». В манифестации участвовало около 60-70 вооруженных коммунаров [2]. В театре «Триумф» левые эсеры устроили митинг-концерт [2].

После подписания Брестского мира 3 марта 1918 г. этот вопрос продолжал оставаться в центре внимания. Самарские большевики стали все больше склоняться к поддержке позиции Ленина, решениям ЦК партии. Правда, высвобождение от эйфории революционной войны заняло длительное время. Так, на губерньском съезде земельных комитетов 7 марта 1918 г. А.Х. Митрофанов защищал ленинскую точку зрения, но получил отпор подавляющей части съезда. Из четырех резолюций, предложенных максималистами, «левыми коммунистами», меньшевиками и правыми эсерами, отклонявших германские условия мира, была принята резолюция максималистов. Основными положениями ее являлись: власть трудовому народу, управление на коллегиальных началах, мир – позорный, необходима «священная война». За эту резолюцию был подан 71 голос, резолюция сторонников Бухарина собрала 54 голоса, меньшевистская – 1 голос, а эсеровская не получила ни одного голоса [11. С. 66]. VII съезд РКП(б) и его решения упрочили позиции А.Х. Митрофанова и его сторонников.

Приближался IV Чрезвычайный съезд Советов. Самарский губисполком послал на него В.А. Кузьмина и левого эсера К.Г. Казакова, вручив им мандат голосовать против «похабного» мира. В.В. Куйбышев, присутствовавший на съезде, от имени левой оппозиции огласил резолюцию «левых коммунистов». Надежды на съезд Советов не оправдались. При голосовании за ратификацию договора левые воздержались [9. С. 76]. В.А. Кузьмин, возвратившись в Самару, жестоко критиковал позицию «покорных» правых большевиков и их вождя. На митинге максималистов в конце марта прибывшие М.В. Селиванов и

Н.И. Ривкин заявили о том, что IV Съезд Советов положил конец революции. «На съезде были покорные овечки, и, когда Ленин издевался и глумился над массой, масса аплодировала ему, – цитировало “Волжское слово”. – Русский человек верит. Виноваты во всем мы сами, передавшие власть Крыленко, Дыбенко, Петру, Ивану. Нет власти Советов, а есть власть Лениных, Троцких...» [3].

На VI губернском съезде Советов 20 марта 1918 г. была принята резолюция большевиков и части левых эсеров о поддержке действий центральной власти в связи с тяжелым положением Советской республики. Следовательно, мирный договор был в принципе одобрен. За эту резолюцию голосовал 131 делегат, против 18, воздержался 1. Резолюция максималистов не прошла, получив всего 17 голосов [11. С. 69]. Выступая на съезде, А.Я. Дорогойченко заявил, что «максималисты идут всегда с трудовым народом, но сейчас они не решаются призывать его к войне (“священной войне”. – *Авт.*), так как большевики потушили в нем энтузиазм» [15. С. 53–54]. От своей позиции максималисты не отступили. Самарские большевики на III губернском съезде РКП(б) последовали в вопросе о мире за А.Х. Митрофановым; В.В. Куйбышев отстаивал позицию «левых коммунистов» и не был поддержан.

События, связанные с подготовкой и подписанием мирного договора, вызвали в Казани, как и в других центрах Поволжья, бурю эмоций, скоропалительных решений. Позиции эсеров здесь в сельскохозяйственном регионе страны занимали серьезное положение. Отечественные исследователи справедливо отмечают, что Поволжье являлось центром эсеровского влияния [21. С. 158]. Казанские социалисты не приняли условий мира, их позиции были схожими при наличии некоторых своеобразных подходов к оценке текущего момента. Пока шли переговоры левые эсеры бдительно следили за их ходом. Левозэсеровские газеты Казани постоянно откликались на ход дебатов в Брест-Литовске, оценив первоначальный отказ советской делегации от подписания аннексионистского договора и приказ о полной демобилизации как объявление войны мировому империализму. «Мы, революционные социалисты, – писал в передовице К.Ю. Шнуровский, – верим, что революция убьет войну. Мы верим, что скоро мир загорится пламенем великого пожара социальной революции. Вне этой веры для нас нет жизни» [5]. Левые эсеры были убеждены, что «наша социалистическая революция» должна слиться с международной революцией, а принятие германских условий мира «ставит крест» на революции в Германии. Героическое сопротивление революционной России, по их мнению, поднимет международный пролетариат. «Пусть германские полки идут в глубь России, – резюмировала их позицию газета “Трудовой путь”. – Тем скорее их охватит огонь революции» [17].

Большевики Казани примкнули к той части своей партии, которая высказывалась решительно против Брестского мира и выступала за революционную войну против германского империализма. При этом большевики заявляли, что и внутренняя гражданская война ими будет усилена. Левые эсеры в принципе с этим соглашались. С.-д. интернационалисты без сомнений и колебаний отвергли «похабный мир», ставший тяжким ударом по трудящимся всех стран» [17]. В то же время они стояли за прекращение внутренней войны, за объединенную власть всей демократии [17]. В Казани состоялось объединенное заседание партийных комитетов большевиков, левых эсеров, с.-д. интернационалистов. Об этом сообщил К.Я. Грасис на экстренном собрании Казанского Совета 26 февраля 1918 г. «У нас, в Казани, – сказал он об условиях мира, – отрицательный взгляд поддержан всеми против одного. Мы все согласны с решением ЦК партии левых эсеров» [19. Ф. 30. Оп. 3. Д. 231. Л. 35]. Судя по его выступлению, левые эсеры дали идеальную оценку «похабного мира», и казан-

ские левые социалисты заняли эту единственно верную позицию. «Я уверен, – выступал К.Я. Грасис, – что наша армия под красными знаменами пройдет ураганным огнем вплоть до Берлина!» [19. Д. 231. Л. 38]. Голос казанских левых сил прозвучал в телеграмме на имя ВЦИК и СНК, принятой на заседании партийных комитетов: «Предложить ЦИК прекратить мирные переговоры с правительством Германской империи, принять все меры к организации революционной обороны; постановление ЦИК о согласии с германскими условиями мира пересмотреть и немедленно отменить. Казанские революционные социалистические партии будут бороться до последней капли крови против международной контрреволюции. В этом направлении казанская демократия отдаст все свои силы на поддержку ЦИК и СНК. Необходимо созвать Всероссийский съезд Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Предлагаем съезд созвать в Казани» [17].

3 марта 1918 г. мир был подписан. Казанские левые эсеры на страницах газеты «За землю и волю» не высказывали особых резких суждений в отношении случившегося, хотя продолжали считать, что «Россия раздавлена и осмеяна», что спасение по-прежнему в революционной войне. Казанский комитет РКП(б) 15 марта 1918 г. принял специальное постановление о вступлении всех членов партии в ряды Красной армии или Красной гвардии «ввиду того, что нашему социалистическому отечеству грозит смертельная опасность со стороны германских империалистических захватчиков и международной контрреволюции» [18. С. 260].

В течение всего марта 1918 г. вопрос о «несчастном мире» оставался в поле активного внимания. Обсуждался он и на открывшемся 20 марта IV Казанском губернском крестьянском съезде. К.Ю. Шнуровский в своем докладе при открытии съезда сказал, что «теперь русская революция переживает трагические часы. Борьба достигла величайшего напряжения и перед нами вопрос: быть или не быть русской революции» [6]. Докладчик, безусловно, сгущал краски, не зная настроений делегатов съезда. Когда же вопрос о мире начали обсуждать, выяснилось, что и делегаты не знают мнения своих волостей, несмотря на то, что некоторые уездные крестьянские съезды уже в начале марта вынесли свой вердикт о войне и мире. Например, Спасский уездный крестьянский съезд 5-6 марта 1918 г. послал телеграмму в Петроград, в Смольный о недопустимости подписания аннексионистского мира и предложил мобилизовать силы, в том числе Красную армию, которая «уничтожит немецкие шайки разбойников и буржуазию всего мира, сделавшую соглашательство уничтожить русскую и всемирную революцию» [19. Д. 251. Л. 1]. IV съезд оказался в затруднительном положении и решил послать на места своих представителей, созвать волостные собрания и, таким образом, составить общую картину. В командировку выехали делегаты, а также члены губернского Совета крестьянских депутатов. Предварительно специально созданная комиссия составила вопросник, включавший в себя возможные варианты ответов. Работа была проделана немалая. В результате опроса ответы были получены из 158 волостей. Мнения подразделили на десять категорий. Получились следующие результаты: 1) мир считать приемлемым – 37 волостей; 2) считающие мир неприемлемым, продолжать войну – 32 волости; 3) определенно высказавшиеся в защиту революции, но признающие мир как неизбежное зло – 31 волость; 4) признающие мир при условии, если Германия не будет вмешиваться во внутренние дела России – 12 волостей; 5) воздерживающиеся волости – 7; 6) предоставляющие решить вопрос по большинству голосов крестьянскому съезду – 22 волости; 7) требующие передать решение вопроса о мире международной конференции – 1 волость; 8) оставляющие вопрос открытым – 2 во-

лости; 9) требующие полный текст мирного договора – 5 волостей; 10) предъявляющие различные требования: созвать Учредительное собрание, заключить перемирие на неопределенное время и т.п. – 9 волостей [18. С. 303–304]. За каждой сводкой стояли конкретные решения, высказывания, надежды, негодование. Палитра мнений, судя по сохранившимся текстам приговоров, была очень яркой, неоднозначной. В большинстве из них отвергались грабительские условия мира, но ввиду усталости и невозможности воевать присутствовало фактическое желание прекратить войну и добиться мира. Следует учесть, что многие резолюции принимались под влиянием солдат-фронтовиков, уставших от «проклятой» войны. Кузнечихинский волостной сход Спасского уезда принял решение от заключения «похабного мира с германскими империалистами воздержаться, так как он даст нам не свободу и землю, а царя и нагайку» [20. Д. 55. Л. 212об.]. Давали о себе знать политические разногласия между левыми эсерами и большевиками, нараставшие после 3 марта 1918 г. Многие зависело от политических пристрастий командированных в волости. Ряд наказов оказался составлен в левозэсеровском духе. Крестьянский съезд Трех-Озерской волости Спасского уезда 20 марта 1918 г. высказался в поддержку партии левых эсеров, не признающих «позорного мира и стремящихся к разложению немецкой армии», поддержав в то же время «правильность действий народных комиссаров» [20. Д. 54. Л. 76]. Жедяевский волостной съезд того же уезда в числе 1172 человек выступил против принятия «германского мира» и поддержал платформу левых эсеров [20. Д. 82. Л. 105]. Алым-Касинское волостное собрание Чебоксарского уезда 30 марта 1918 г. после доклада делегата съезда Золоткова и обширных прений единогласно присоединилось к резолюции левых эсеров о том, что мирные условия неприемлемы, необходимо встать на защиту русской революции, поддержав восстание против «“насильников” добровольческими партизанскими отрядами» [20. Д. 82, Л. 33–33об.]. Крестьяне Балтасинской волости Казанского уезда готовы были, как отмечалось на волостном сходе, в случае «восстановления немецкими разбойниками старых постылых господско-помещичьих порядков в России, поддержать восстание против них добровольческими партизанскими отрядами, но только в районе своей волости» [20. Д. 82, Л. 72]. Интересная ситуация возникла на Алексеевском волостном собрании Лаишевского уезда 19 марта 1918 г. Приехавший на сход левый эсер А.И. Назарычев познакомил крестьян с условиями мира. Но резолюции были предложены две: левозэсеровская и большевистская. После прений собрание 87 голосами против 23 приняло резолюцию большевиков, предложенную И.Ф. Фалиным. В ней отмечалось, что условия мира тяжелы, но мы должны в данный момент принять их, ибо не в состоянии воевать, устали нравственно и физически. А.И. Назарычев отказался везти эту резолюцию в Казань, и тогда собравшиеся поручили это сделать И.Ф. Фалину [18. С. 262].

Левые эсеры считали ошибкой большевиков подписание мира. По мнению А.Л. Колегаева, Брестский мир дал вовсе не мир, а войну и никакой передышки, на которую рассчитывали большевики, не получилось [8]. Но, несмотря на противоречия в подходах к миру, блок правящих партий в Казани выдержал испытание и сохранился. Более того, как писал Л.Р. Милх, даже выход левых эсеров из СНК в Москве не повлиял на «казанские отношения» [10. С. 16]. Позиция левых эсеров Казани была выражена в передовице газеты «За землю и волю» 24 марта 1918 г. «Наша партия считает преступлением борьбу внутри трудовой демократии. Наша партия продолжает классовую войну с буржуазией, но она боится войны внутри трудовой демократии, ибо это погубило бы дело революции и Интернационала. В вопросах прове-

дения и осуществления завоеваний Октябрьской революции разногласий между трудовой демократией быть не может... Мы поведем идейную борьбу с партией большевиков из-за вопроса о мирном договоре, но если и на путях осуществления социальной революции мы встретим их противодействия, то, конечно, внутренняя война неизбежна...» [7].

Таким образом, в период Бреста большевистско-левосоциалистический блок получил новое подтверждение. В отличие от центра на региональном уровне в конце февраля – начале марта 1918 г. фактически определилась единая линия советского партийного блока в отношении мира и оценки сложившейся ситуации.

Литература

1. Волжское слово (Самара). 1918. 9 марта.
2. Волжское слово (Самара). 1918. 14 марта.
3. Волжское слово (Самара). 1918. 27 марта.
4. Государственный архив Самарской области. Ф. 81. Оп. 1.
5. За землю и волю (Казань). 1918. 15 февраля.
6. За землю и волю (Казань). 1918. 22 марта.
7. За землю и волю (Казань). 1918. 24 марта.
8. За землю и волю (Казань). 1918. 25 мая.
9. Засов А.Ф. Большевики Поволжья в борьбе с мелкобуржуазными партиями в период упорочения Советской власти. Куйбышев, 1967.
10. Милх Л. Партийная и советская Казань до чехов // Борьба за Казань. Казань, 1924.
11. Попов Ф.Г. 1918 год в Самарской губернии. Куйбышев, 1972.
12. Сокольский Л.Д. Борьба за победу власти Советов в Бугуруслане // Октябрь в Самаре. Куйбышев, 1957.
13. Солдат, рабочий и крестьянин (Самара). 1918. 1 марта.
14. Телеграф (Самара). 1918. 7 марта.
15. Троцкий В.В. Революция 1917–1918 г. в Самарской губернии. Хроника событий Т. 2. 1918 г. Самара, 1929.
16. Трудовая республика (Самара). 1918. 9 апреля.
17. Трудовой путь (Казань). 1918. 28 февраля.
18. Упрочение Советской власти в Татарии. Казань, 1964.
19. Центральный государственный архив историко-политической документации Республики Татарстан. Ф. 36, Оп. 1.
20. Центральный государственный архив Республики Татарстан. Ф. 983. Оп. 1.
21. Шайпак Л.А., Минеева Е.К., Маньков А.В. Жандармские документы о симбирских социалистах-революционерах (период революции 1905–1907 гг.) // Право и образование. 2015. № 7.

МИНЕЕВА ЕЛЕНА КОНСТАНТИНОВНА – доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (mineevaek21@mail.ru).

СТАРИКОВ СЕРГЕЙ ВАЛЕНТИНОВИЧ – доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории, Марийский государственный университет, Россия, Йошкар-Ола (sv.starikov@yandex.ru).

E. MINEEVA, S. STARIKOV

SAMARA AND KAZAN LEFT SOCIALISTS IN THE PERIOD OF CONCLUDING THE BREST PEACE TREATY (February – March 1918)

Key words: Brest-Litovsk Peace Treaty, Bolsheviks, left social revolutionists (SR), SR-maximalists, social democrats internationalists, left Soviet bloc, revolution.

The article is devoted to the position of Samara and Kazan left socialists (the Bolsheviks, Left SRs, SR-maximalists, left Mensheviks) in relation to the Brest peace treaty with Germany in February and March 1918. The authors analyze common approaches and contradictions in the Soviet government on this issue. It is noted that the Bolsheviks and the Left Socialists shared their common position towards rejection of Germany's terms of peace and demanded from the Central Committee decisive actions on starting a revolutionary war against Germany, suggesting holding an All-Russian Congress in Kazan where they would

declare about the beginning of the war. The authors analyze the findings of the survey of the rural district meetings in Kazan Province on the issue of the war, as well as different opinions of the leftists on the expedience of revolutionary military actions. The conclusion was made that the Block of Bolsheviks and Left Socialists was supported once again at the time of concluding the Brest peace treaty, when the left Soviet parties implemented a common policy on the issue of peace and war.

References

1. *Volzhskoe slovo* [Volga word] (Samara), 1918, March 9.
2. *Volzhskoe slovo* [Volga word] (Samara), 1918, March 14.
3. *Volzhskoe slovo* [Volga word] (Samara), 1918, March 27.
4. *Gosudarstvennyi arkhiv Samarskoi oblasti*. F. 81 Op. 1 [State Archives of the Samara Region. Archive 81. Anagraph 1].
5. *Za zemlyu i volyu* [For land and freedom] (Kazan), 1918, Feb. 15.
6. *Za zemlyu i volyu* [For land and freedom] (Kazan), 1918, March 22.
7. *Za zemlyu i volyu* [For land and freedom] (Kazan), 1918, March 24.
8. *Za zemlyu i volyu* [For land and freedom] (Kazan), 1918, March 25.
9. Zasov A.F. *Bol'sheviki Povolzh'ya v bor'be s melkoburzhuznymi partijami v period uprocheniya Sovetskoi vlasti* [The Bolsheviks of the Volga region in the fight against petty-bourgeois parties in the period of consolidation of the Soviet power]. Kuibyshev, 1967, 76 p.
10. Milkh L. *Partinaya i sovetskaya Kazan' do chekhov* [Party and Soviet Kazan to Czechs]. *Bor'ba za Kazan'* [The struggle for Kazan]. Kazan, 1924, 16 p.
11. Popov F.G. *1918 god v Samarskoi gubernii* [The Year 1918 in Samara province]. Kuibyshev, 1972, p. 66–69.
12. Sokol'skii L.D. *Bor'ba za pobedu vlasti Sovetov v Buguruslane* [The struggle for the victory of the Soviet power in Buguruslan]. *Oktyabr' v Samare* [October in Samara]. Kuibyshev, 1957, 242 p.
13. *Soldat, rabochii i krest'yanin* [Soldier, Worker, and Peasant]. 1918 March 1.
14. *Telegraf* [Telegraph] (Samara), 1918, March 7.
15. Trotskii V.V. *Revolyutsiya 1917–1918 g. v Samarskoi gubernii. Khronika sobytii T. 2. 1918* [The revolution of 1917–1918, in the province of Samara. Chronicle. Vol. 2: 1918]. Samara, 1929, p. 53–54.
16. *Trudovaya respublika* [Labor Republic] (Samara), 1918, Apr. 9.
17. *Trudovoi put'* [Labor Path] (Kazan), 1918, Feb. 28.
18. *Uprochenie Sovetskoi vlasti v Tatarii* [Consolidation of Soviet Power in Tatarstan]. Kazan, 1964.
19. *Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv istoriko-politicheskoi dokumentatsii Respubliki Tatarstan*. F. 36. Op. 1 [Central State Archives of historical and political documents of the Republic of Tatarstan. Archive 36. Anagraph 1].
20. *Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Tatarstan*. F. 983 Op. 1 [Central State Archives of the Republic of Tatarstan. Archive 983. Anagraph 1].
21. Shaipak L.A., Mineeva E.K., Man'kov A.V. *Zhandarmskie dokumenty o simbirskikh sotsialistakh-revolyutsionerakh (period revolyutsii 1905–1907 gg.)* [Gendarme documents on Simbirsk Socialist-Revolution (the period of the revolution of 1905–1907)]. *Pravo i obrazovanie* [Law and Education], 2015, no. 7, 158 p.

MINEEVA ELENA – Doctor of Historical Sciences, Professor, Russian History Department, Chuvash State University, Cheboksary, Russia.

STARIKOV SERGEY – Doctor of Historical Sciences, Professor, Russian History Department, Mari State University, Yoshkar-Ola, Russia.

Ссылка на статью: Минеева Е.К., Стариков С.В. Самарские и казанские левые социалисты в период заключения Брестского мира (февраль – март 1918 года) // Вестник Чувашского университета. – 2015. – № 4. – С. 138–145.

УДК 378.4:001.83(09)(470.344)"199/20"
ББК Ч214(2)731г(2Рос.Чув.)64

С.Ю. МИХАЙЛОВА, И.П. ДАНИЛОВ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ И ХОЗЯЙСТВЕННОЙ СИСТЕМ ЧУВАШИИ НА РУБЕЖЕ XX–XXI ВЕКОВ*

Ключевые слова: Чувашский государственный университет, хозяйственная система региона, интегрированная система сертификации и лицензирования.

В статье отражены результаты исторического анализа одного из направлений взаимодействия Чувашского государственного университета имени И.Н. Ульянова и хозяйственной системы Чувашской Республики в период рыночных экономических реформ. Показаны предпосылки создания на базе высшего учебного заведения некоммерческого партнерства «Ассоциация инженерной экспертизы и сертификации», рассмотрены вопросы его организации и практической деятельности по лицензированию и сертификации в таких сферах экономики региона, как энергетика, жилищно-коммунальное хозяйство, строительство, промышленность, уделено внимание разработке и проблемам реализации концепции интегрированной системы сертификации и лицензирования в Чувашии.

На нынешнем этапе развития нашей страны в качестве ответа на глобальные вызовы современности признается построение инновационной экономики в России. Оно неизбежно сопровождается осознанием новой роли высших учебных заведений в организации регионального развития: «Университет стал рассматриваться как центр регионального развития, обеспечивающий в организационном отношении интеграцию усилий бизнеса, академического сообщества и государства, а в содержательном – интеграцию образовательной, научно-исследовательской и инновационной деятельности в рамках учебного процесса. Таким образом, уже на уровне государственного аппарата актуализирована необходимость формирования кооперации между наукой, образованием и производством» [2. С. 48]. Понятно, что сама по себе кооперация не является инновацией как таковой, она имеет исторические корни, изучение которых позволит обоснованно судить о стратегии развития.

В 1990-е гг. Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова (далее по тексту – ЧувГУ) принимал активное участие в разработке и реализации комплексных программ социально-экономического развития Чувашской Республики. Университетские ученые пришли к выводу, что объективная оценка достигнутого уровня и повышение конкурентоспособности региональной экономики должны основываться на использовании механизмов государственного лицензирования отдельных видов деятельности и обязательной сертификации производственных объектов, средств производства, продукции производственно-технического назначения, товаров народного потребления, работ (процессов) и услуг.

Вместе с тем в данной сфере существовали серьезные проблемы. Фактически перестала действовать прежняя система сертификации, при которой отраслевые министерства несли ответственность за актуализацию фонда нормативных документов, регламентировавших требования к техническому уровню и безопасности продукции. Прекратили существование или остались

* Публикация подготовлена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 14-11-21005а/В).

за пределами России многие базовые центры по стандартизации и технические комитеты, функционировавшие на основе отраслевых НИИ и КБ. Из-за отсутствия финансирования медленными темпами шло обновление государственных стандартов бывшего СССР, перевод их в нормативные документы суверенной Российской Федерации. В то же время был принят ряд законодательных и нормативных актов по введению лицензирования отдельных видов и обязательной сертификации производственных объектов, средств производства, продукции производственно-технического назначения, товаров народного потребления, работ (процессов) и услуг на соответствие требованиям безопасности жизни, здоровья, имущества граждан и окружающей среды, а также энерго- и ресурсосбережения. Различными федеральными органами управления были созданы специализированные системы лицензирования, обязательной и добровольной сертификации.

В этих сложных условиях в ЧувГУ была развернута работа по созданию интегрированной системы лицензирования и сертификации в Чувашской Республике. 11 марта 1996 г. состоялось учредительное собрание некоммерческого партнёрства «Ассоциация инженерной экспертизы и сертификации» (далее по тексту – НП «АСИНЭКС»). В результате были приняты решения об учреждении НП «АСИНЭКС», утверждении его устава, избрании исполнительным директором И.П. Данилова, техническим директором – Э.Р. Гольцмана¹.

По замыслу своих учредителей (ЧувГУ и АО «Чувашэнерго») новая структура была призвана объединить на добровольной основе научно-технический потенциал организаций, предприятий, ученых и специалистов Чувашской Республики и за ее пределами для проведения объективных независимых экспертиз, оценок и испытаний при лицензировании отдельных видов деятельности, а также при сертификации продукции и услуг, предусмотренных действовавшим законодательством.

Устав НП «АСИНЭКС» определил в качестве цели реализацию общих интересов членов партнёрства в области подготовки и повышения квалификации специалистов, повышения безопасности и эффективности электро- и теплоустановок, а также максимальное использование имевшегося научно-технического потенциала для решения народнохозяйственных задач региона. При этом основными задачами и предметами деятельности являлись аналитические, экспертные, учебно-методические, внедренческие работы в области стандартизации, сертификации, метрологии; повышение технического уровня и качества производившейся в регионе продукции, в том числе: внедрение и развитие систем сертификации электро- и теплоустановок; внедрение и развитие систем качества на предприятиях региона, организация работ и внедрения научных программ в области ресурсо- и энергосбережения; участие в рабочих органах российской и международных систем стандартизации и сертификации; экспертиза проектов и испытания продукции; участие в учебном процессе по подготовке и повышению квалификации специалистов на базе ЧувГУ; разработка методик и проведение сертификации постоянных рабочих мест; разработка предложений по реализации политики повышения энергоэффективности².

¹ Личный архив Данилова И.П. Протокол № 1 учредительного собрания Некоммерческого партнёрства «Ассоциация инженерной экспертизы и сертификации» (АСИНЭКС) от 11.03.1996 г.

² Личный архив Данилова И.П. Устав Некоммерческого партнёрства «Ассоциация инженерной экспертизы и сертификации». Утвержден решением учредительного собрания. Протокол № 1 от 11.03.1996 г.

Основные сферы деятельности НП «АСИНЭКС» – энергетика, ЖКХ, строительство, промышленность. Им соответствовали отдельные структурные (научно-производственные) подразделения организации, в том числе специализированный экспертный центр лицензирования в энергетике, специализированный орган по проведению энергетических обследований предприятий и организаций, научно-методическая независимая лаборатория по качеству электрической энергии, научно-методический центр по сертификации электроустановок зданий, научно-методический центр по сертификации узлов учета теплоты и расхода теплоносителя, научно-методический центр по сертификации объектов строительства на соответствие требованиям энергоэффективности, орган по сертификации производственных объектов на соответствие требованиям охраны труда. При исполнительной дирекции НП «АСИНЭКС» функционировал координационный совет региональной интегрированной системы сертификации и лицензирования с «целью гарантировать беспристрастность и равные возможности участия всех заинтересованных сторон в региональной интегрированной системе сертификации и лицензирования»³. Он выполнял такие функции, как формирование политики, определяющей деятельность НП «АСИНЭКС», региональной интегрированной системы сертификации и лицензирования; контроль за проведением этой политики; организация взаимодействия участников региональной интегрированной системы сертификации и лицензирования.

В 1997 г. конкурсная комиссия Минтопэнерго России аккредитовала НП «АСИНЭКС» при Федеральном центре лицензирования Главгосэнергонадзора России на право проведения экспертиз и выдачи экспертных заключений о возможности учреждений, предприятий и организаций, независимо от организационно-правовой формы и ведомственной принадлежности, а также физических лиц заниматься следующими видами деятельности: производством, передачей и распределением электрической энергии и тепловой энергии; монтажом, наладкой и ремонтом энергообъектов, электроэнергетического, теплоэнергетического оборудования (кроме котлоагрегатов и котельных установок, подконтрольных Федеральному горному и промышленному надзору России) и энергоустановок потребителей.

Ведущие ученые и специалисты технического института ЧувГУ и ВНИИ релестроения осуществляли экспертную оценку предприятий и организаций Чувашской Республики (АО «Чувашэнерго» (Чебоксарская ГЭС, Чебоксарская ТЭЦ-2, Новочебоксарская ТЭЦ-3), муниципальные предприятия «Алатырские городские электрические сети», «Чебоксарские городские электрические сети», «Новочебоксарские городские электрические сети» и «Новочебоксарские городские тепловые сети», НПО «Бреслер», ЗАО «Чувашгражданстрой» и др.), лицензируемых на право осуществления деятельности в энергетике, разрабатывали научно-методические и нормативно-технические документы, организационно-экономические мероприятия, в том числе подготовили «Временный порядок лицензирования в энергетике и аналогичных видов деятельности в строительстве, при эксплуатации инженерных систем городов и населенных пунктов в Чувашской Республике», «Временную инструкцию по прием-

³ Личный архив Данилова И.П. Отчет о научно-исследовательской работе, проводимой по заданию Министерства образования Российской Федерации за период с 01.01.98 по 31.12.02 г. (заключительный). Тема: Исследование теоретических и методологических основ обеспечения конкурентоспособности продукции энергетики.

ке в эксплуатацию узлов коммерческой тепловой энергии и теплоносителя в Чувашской Республике».

На базе ЧувГУ и НП «АСИНЭКС» было организовано восемь всероссийских семинаров «Сертификация и лицензирование в энергетике» с участием представителей Госстандарта России и Главгосэнергонадзора России. В ходе их проведения специалисты-энергетики из 30 регионов – субъектов Российской Федерации – повысили свою квалификацию. Итоги работы были отражены в 30 сборниках документов и материалов. В частности, ряд рекомендаций II Всероссийского семинара «Сертификация и лицензирование» (1997 г.) был посвящен вопросам взаимосвязи высших учебных заведений и отраслей народного хозяйства:

«1. Одобрить опыт Чувашского госуниверситета, АО «Чувашэнерго», Министерства труда и занятости Чувашской Республики по объединению усилий научных организаций, производственных фирм и органов государственного управления по становлению и развитию в регионе систем сертификации электроустановок зданий и производственных объектов, лицензирования деятельности в энергетике, по созданию методических основ интегрированной системы сертификации и лицензирования.

2. Считать целесообразным распространение опыта создания некоммерческих организаций на базе объединенного потенциала производственных фирм, научных учреждений и высших учебных заведений регионов для решения задач лицензирования и сертификации в целях защиты жизненно важных интересов личности, общества и государства» [1. С. 69].

В начале XXI в. сотрудники НП «АСИНЭКС» провели энергоаудит ОАО «Чебоксарский завод промышленных тракторов», ОАО «Химпром», ОАО «Контур», предприятия «Канашский вагоноремонтный завод» МПС РФ, ООО НП «ЭКРА» и ряда других предприятий.

НП «АСИНЭКС» было аккредитовано в качестве органа по сертификации электроустановок жилых и общественных зданий. На его базе ученые и специалисты ЧувГУ и ВНИИ релестроения по поручению соответствующего технического комитета по стандартизации при Госстандарте России участвовали в разработке стандартов серии «Электроустановки зданий». Они представили проекты следующих государственных стандартов России: ГОСТ Р (МЭК 364-5-53-94) «Электроустановки зданий. Глава 53. Коммутационная аппаратура и аппаратура управления»; ГОСТ Р (МЭК 1200-53-94) «Электроустановки зданий. Глава 53. Выбор и монтаж коммутационной аппаратуры и аппаратуры управления»; ГОСТ Р (МЭК 1995-92) «Контакты электромеханические для бытовых и подобных целей».

В рамках НП «АСИНЭКС» были созданы комплексы программных и технических средств для автоматизации процессов сертификации электроустановок зданий, среди них – автоматизированное рабочее место эксперта по сертификации, проведены испытания опытного образца, разработанного в ЧувГУ микропроцессорного прибора, предназначенного для измерения параметров электрической сети и аппаратов (устройств) защитного отключения при проведении приемочных (сертификационных) испытаний электроустановок жилых и общественных зданий.

В 1997 г. в структуре НП «АСИНЭКС» был образован Чувашский республиканский базовый экспертный центр лицензирования в строительстве, в который вошли ученые строительного факультета ЧувГУ и ведущие специалисты строительной отрасли Чувашской Республики. Они провели экспертизу

возможности осуществлять деятельность в области строительства структурных подразделений ЗАО «Чувашгражданстрой», ОАО «Алатырский завод низкотемпературных холодильников», ОАО «Дорожник», ОАО «Стройдеталь» и многих других организаций.

НП «АСИНЭКС» являлся рабочим органом сертификации производственных объектов на соответствие требованиям по охране труда при Министерстве труда и занятости Чувашской Республики. В 1996 г. в структуре некоммерческого партнерства был образован орган по сертификации производственных объектов на соответствие требованиям охраны труда.

Он проводил работы по подготовке решений о выдаче соответствующих сертификатов в ОАО «Чувашэнерго», ПРП «Чувашэнергоремонт», ОАО «Химпром», ОАО «Канашский автовокзал», ГУП «Подземметаллзащита» и других предприятиях и организациях.

Опыт практической деятельности НП «АСИНЭКС» был обобщен в ряде программных документов. В частности, были разработаны «Программа мероприятий по созданию интегрированной системы лицензирования и сертификации в Чувашской Республике», «Программа мероприятий по обеспечению международных норм электробезопасности в электроустановках зданий и повышению конкурентоспособности предприятий строительства, электротехники и приборостроения в Чувашской Республике». Они были направлены в Кабинет министров Чувашской Республики в установленном порядке.

Таким образом, в сложных социально-экономических условиях рубежа XX–XXI вв. ЧувГУ совместно с НП «АСИНЭКС» выступали в качестве регионального научно-технического центра и фактически выполняли функции бывших отраслевых НИИ, осуществлявших научно-техническое обеспечение предприятий и организаций Чувашии в ведущих отраслях народного хозяйства.

Литература и источники

1. Данилов И.П. Опыт сертификации и лицензирования в энергетике Чувашской Республики // Стандарты и качество. 1997. № 2. С. 67–69.
2. Смольникова Е.В. Университеты как драйверы инновационного развития // Электронный экономический вестник Татарстана. 2013. № 3-4. С. 46–51.

МИХАЙЛОВА СВЕТЛАНА ЮРЬЕВНА – доктор исторических наук, профессор кафедры документоведения, информационных ресурсов и вспомогательных исторических дисциплин, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (svemikh1@rambler.ru).

ДАНИЛОВ ИВАН ПЕТРОВИЧ – доктор экономических наук, профессор кафедры региональной экономики и предпринимательства, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (dip41@yandex.ru).

S. MIKHAYLOVA, I. DANILOV

HISTORICAL EXPERIENCE OF COOPERATION BETWEEN UNIVERSITY AND ECONOMIC SYSTEMS OF CHUVASHIA AT THE TURN OF XX–XXI CENTURIES

Key words: *Chuvash State University, regional economic system, integrated system of certification and licensing.*

The article reflects the results of the historical analysis of one of the trends of cooperation between the I.N. Ulyanov Chuvash State University and the economic system of the Chuvash Republic during market economy reforms. The authors reveal the prerequisites for establishing a non-commercial partnership «Association of engineering expert evaluation and certification» based on a higher educational institution, as well as consider the issues of its organization and practical activities in licensing and certification in such areas of the regional economy as energy, housing and communal services, civil construction and industry. Special attention is drawn to the development and implementation of the idea of establishing an integrated system of certification and licensing in Chuvashia.

References

1. Danilov I.P. *Opyt sertifikatsii i litsenzirovaniya v energetike Chuvashskoi Respubliki* [Experience of Certification and Licensing in Power Engineering of the Chuvash Republic]. *Standarty i kachestvo* [Standards and Quality], 1997, no. 2. pp. 67–69.
2. Smol'nikova E.V. *Universitety kak draivery innovatsionnogo razvitiya* [Universities as the innovation development drivers]. *Elektronnyi ekonomicheskii vestnik Tatarstana* [Electronic Economic Newsletter of the Republic of Tatarstan], 2013, no. 3–4, pp. 46–51.

MIKHAYLOVA SVETLANA – Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Document Science, Information Resources and Auxiliary Historical Disciplines, Chuvash State University, Cheboksary, Russia.

DANILOV IVAN – Doctor of Economics Sciences, Professor, Regional Economics and Business Department, Chuvash State University, Cheboksary, Russia.

Ссылка на статью: Михайлова С.Ю., Данилов И.П. Исторический опыт взаимодействия университетской и хозяйственной систем Чувашии на рубеже XX–XXI веков // Вестник Чувашского университета. – 2015. – № 4. – С. 146–151.

УДК 94+39+81:39
ББК 63.3(0)+63.5+81.40/79

А.К. САЛМИН

БУЛГАРСКИЙ ЯЗЫК В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИИ ЧУВАШЕЙ

Ключевые слова: болгары, савиры, сувары, чувашаи, язык, история, этнография.

В статье анализируются первоисточники и опубликованная литература с целью установления исторического облика болгарского языка. При этом проводятся сравнения болгарского языка с языком савиров/суваров и чувашей. Хотя болгары и говорили на языке чувашского типа, их язык существенно отличался и от языка савиров/суваров, и от языка чувашей.

Следование устоявшейся болгарской теории в разработке вопроса происхождения чувашей, в конце концов, вернет нас к тупиковой проблеме деления болгарского наследия между татарами и чувашами. Это – во-первых. Во-вторых, совершенно неразработанным оставался вопрос о суварском наследии в истории чувашей. А это, как полагает автор, – единственный и верный путь в освещении истории предков чувашей. Просто до сих пор в чувашеведении преобладала тенденция увлечения тюркскими корнями чувашского народа. Так, М.Г. Худяков не без основания полагал, что чувашей никак нельзя считать ни создателями, ни носителями болгарской культуры. А сама болгарская теория происхождения чувашей опирается на односторонний и плохо истолкованный лингвистический материал [20. С. 136]. Впрочем, ставя цель показать автохтонность поволжских татар, некоторые исследователи впадают в изучение ананьинской культуры. Конечно, прямых связей татар с этой археологической культурой нет. Да и нельзя так ставить вопрос. Просто невозможно в ту доисторическую эпоху серьезно говорить о каком-либо конкретном этносе, а порой – и об антропологическом однообразии. Нет также оснований идентифицировать всех жителей Волжской Булгарии X–XIII в. с предками чувашей.

С.А. Токарев в теоретической статье о проблеме этногенеза чувашей и болгар, в частности, писал: «Трудно было бы что-либо возразить против достаточно убедительно доказанной исторической связи между древними булгарами и современными чувашами» [17. С. 13]. Но, рассуждает далее С.А. Токарев, даже самая прямая историческая связь еще не есть тождество – об этом не всегда помнят. Необходимо дать себе отчет в том, что даже убедительное сближение современного народа с древними предками мало помогает понять его происхождение. Это скорее объяснение известного искомого через неизвестное. Поэтому даже доказанная связь, например, нынешних чувашей с древними булгарами не дает ответа на вопрос об их происхождении. Можно ли считать «булгарскую теорию» решением проблемы этногенеза чувашского народа? Скорее, наоборот, эта теория может служить ответом на вопрос о том, кто такие были болгары. Нельзя безоговорочно сближать современный народ с древним племенем.

Говоря о закономерности соответствия звуков *z/r*, *š/l* в тюркских и чувашском языках, Андраш Рона-Таш обращает внимание на важный нюанс. В случае тюркского *baš* «голова» и *köz* «глаз», – пишет он, – в чувашском языке следует ожидать *r* и *l*, но на самом деле имеем *ruš* и *kuš*. Объясняется это тем, что эти слова не попали под влияние процессов *z > r*, *š > l*, они хранят более древний фонетический облик до совпадения *z* и *r*, *š* и *l*. Выходит, замена *z* и *r*, *š* и *l* не являлась фонетическим законом без исключения, она была только сильной тенденцией на той территории, где позже формировались болгарские языки [26. Р. 209–228]. Ср. также западно-древнетюрк. *балч* «голова» [29. Р. 1104–1114]. А это означает, что современный чувашский язык сохранил геноинные следы болгарского и савир-

ского языков дотюркского периода. Конечный звук *p* в этнониме болгар, естественно, говорит об исходной принадлежности к *p*-язычным племенам.

Н.Я. Мерперт родственным савирам племенам – болгарам – посвятил ряд работ. Он специально подчеркивал, что болгары составляли племенное объединение, независимое и от аваров, и от тюрков. «Кубрат успешно продолжал и завершил начатое Органой дело освобождения болгар из-под власти Западно-тюркского каганата» [11. С. 17]. О независимости Великой Булгарии (особенно в последние годы царствования Кубрата) от аваров и тюрков писали и другие исследователи. Кстати, имя Кубрат следует перевести как «собирать, скапливать». Именно в этом значении оно зафиксировано в V–VIII вв. на памятнике тюркского перевода ираноязычного сочинения из СЗ Китая «Покаянная молитва манихейцев» и на памятнике в честь Кюль-Тегина из Монголии. На этих документах имеются две формы слова – *qubrat* и *quvrat* [13. С. 462, 475]. Обе формы отражены в византийских источниках. В состав болгарского объединения в разное время входили такие нетюркские племена, как аланы, кутригуры, оногуры, хазары, савиры. Все это явно говорит в пользу того, что савиры, как и болгары, не входили в тюркоязычную конфедерацию [30]. И вообще мнение об изначальной тюркоязычности болгар «покоится на крайне зыбкой почве» [16. С. 333]. Основные огурские племена – огуры, сарагуры и оногуры в Приазовье и на Западном Кавказе редко действовали совместно. Именно в этом регионе из нескольких огуру-огузских племен возникло племенное объединение болгар. В этой связи следует указать на одну работу Берната Мункачи [25. P. 131–135; 5. С. 30]. В ней он, основываясь на болгарских заимствованиях в венгерском языке, заключал, что на Кавказе болгарские племена говорили на разных диалектах. Естественно, следовало бы говорить не о диалектах болгарского языка, а о заимствовании мадьярами из языков своих соседей и родственных племен – гуннов, хазар, сувар и болгар.

Как утверждает Питер Голден, многие народы Евразии были знакомы с рунической письменностью. Например, кимаки, болгары, хазары, печенеги, ийгуры [4. С. 311].

Д.А. Хвольсон не без основания вступал в полемику с Масуди, который утверждал, что по состоянию на начало X в. болгары представляли собой тюркское племя. Я не хочу оспаривать известие Масуди, но показания арабов большей частью не имеют под собой основания, ведь они не умели различать финские племена от тюркских, писал востоковед. Он также предлагал разобраться с именем болгарского царя *Алмуша*. При этом считал правильным произношение *Алмус* или *Алмос*. Так же звали отца Арпада. Поэтому следует сначала выяснить – финское (вернее – угорское) или тюркское имя *Алмус* [19. С. 81, 91].

Факты говорят о том, что в Волжской Булгарии бытовали два близких основных языка, которые можно рассматривать как диалекты. Однако это именно два отдельных языка со своими историями. Конечно, речь идет о болгарском и суварском языках. На различия в этих языках исследователи всегда обращали внимание. Так, А.П. Ковалевский для примера брал название реки *Джаушыз* и *Джаушыр* – они отражают два различных произношения названия одной и той же реки двумя местными племенами. Другой пример, который привел А.П. Ковалевский, это также название реки на юге Волжской Булгарии – *Кундурча* и *Кундузча*. Чуваша эту реку называют *Хәнтәрча* (*хәнтәр* «бобер» + тюркский словообразовательный аффикс *-ча*, указывающий на местность, т.е. «река, изобильная бобрами»). Игнорирование этих различий в двух близких языках порождает и поддерживает недоумения и разночтения вот уже второе столетие. Конечно, в болгарском и суварском языках были и другие различия. Например, в языке предков чувашей суваров не было звонких согласных. Н.И. Ашмарин, С.Е. Малов и другие языковеды обращали внимание на это

свойство чувашского языка и считали, что отсутствие звонких согласных есть признак его древности. По этому поводу А.П. Ковалевский заключал: «Таким образом, древний чувашский диалект все же отличался от болгарского своими глухими согласными и нет основания полагать, что это была древнетюркская особенность» [9. С. 17]. Все исторические факты говорят о том, что суварский язык на Средней Волге формировался отдельно от языка соседних болгар. Это положение автора подтверждают и другие исследователи болгар. По мнению А. Мухамадиева, язык суваров сложился «обособленно от других гунно-болгарских племен» [12. С. 36].

«Язык болгар схож с языком хазар», – утверждал арабский источник [1. С. 85]. Действительно, по состоянию на X в. население Средней и Нижней Волги, в основном, жители Булгарии (во всяком случае, жители Южной Булгарии) и Хазарии говорили на понятных друг другу языках. Следы этих языков, полагал В.В. Бартольд, по всей вероятности, сохранились теперь только у чувашей [2. С. 204]. Конечно, речь идет о суварско-чувашской языковой преемственности. По мнению А. Рона-Таша, волжские болгары в начале X в. еще говорили на языке чувашского типа. Их язык отражен и в эпитафиях, найденных на территории Волжской Булгарии, датирующихся 1281–1350 гг. Возможно, полагает А. Рона-Таш, этот язык не является предком современного чувашского языка, однако к нему очень близок [27; 5. С. 156]. Отсюда следует, что следы прежнего болгарского языка следует искать в языке чувашей. Примером бытования чисто чувашских слов у болгар является название местности *Хеллече*. Это – наиболее оживленное место в Волжской Булгарии рядом с Волгой. Место знаменито как торговая площадь, куда прибывали русы, тюркские племена, арабы и, видимо, северные соседи. Здесь же сам Алмуш и его окружение проводили большую часть года. Слово *Хеллече* образовано от суваро-чувашского *хёл(ле)* + тюркский словообразовательный аффикс *-че*. В целом означает «зимовье». Эта местность между реками Волга, Утка и Ниясна с учетом наличия здесь озер Чистое, Курышевское и Атманское называется «Три озера».

О наличии болгарского элемента в чувашском языке и культуре, а равно и чувашских элементов в языке болгар/болгар, говорит отчасти и то, что некоторые старославянские слова болгарских изводов и уцелевшие от древнего времени единичные слова у современных дунайских болгар являются совершенно одинаковыми по значению с соответствующими чувашскими словами. Например: старосл. *бълъгъ* «знак», чуваш. *палăк*, у современных болгар – *белюк*; чуваш. *тёкёр*, болг. *тикъръ*; чуваш. *сум* «счет», болгар. *самъчи* «казначей»; чуваш. *осă*, болгар. *осохъ* «польза»; чуваш. *кап* «форма», болгар. *капъ* «идол»; *чавка* в обоих языках означает «галка»; чуваш. *кётес*, болгар. *кътъ* «угол» и т.д. [6. С. 83].

И. Бенцинг полагал: если отнесение языка дунайских болгар к числу тюркских языков может вызвать сомнение, то язык волжских болгар, вне всякого сомнения, тюркский. При этом он в качестве источников ссылался на лексикографа XI в. М. Кашгарского и на волжско-болгарские надгробные надписи XIII–XIV вв. Конечно, следует принять во внимание замечание М. Кашгарского, который считал болгар турками, а их язык сближал с печенежским. И. Бенцинг свой тезис подкреплял примерами из хазарского языка, считая, что язык хазар и болгар – одно и то же. Бируни утверждал, что болгарский язык представляет собой смесь (а mixture) тюркского и хазарского языков [24. Р. 51]. Однако число хазарско-болгарских параллелей скудно: город *Саркел*, река *Атил*, антропоним *Булан* [3. С. 18–19]. В то же время, все три примера – чисто чувашские слова: *сар кил* «желтый (белый) дом», *Атъл* «Волга», *пăлан* «олень». Несомненно, эти слова были активной лексикой савиров/суваров. Поэтому аргументация тюркоязычности болгар через хазар не вполне корректно. Уместнее говорить о

влиянии языка огузского типа на болгар. К тому же И. Бенцинг почему-то делит болгар и болгар, считая первых тюрками, а вторых – нет. Ведь они на Северном Кавказе до разделения и ухода на Дунай и Волгу были единым народом. Хотя для более позднего времени его высказывание вполне справедливо. Весьма кстати напомнить, что профессор Пражского университета К.И. Иречек несколько не сомневался в том, что дунайские болгары из уральских финнов превратились в Забалканских славян. В частности, он писал: «Кровь финских болгар, которая текла преимущественно в жилах дворянских родов, в собственно болгарской стране – между Дунаем и Балканами, кажется, с давних пор улетучилась... Староболгарский финский язык не имел влияния на славянский» [8. С. 168, 169].

Язык волжских болгар не сохранился. Причина – в неприменении его в дипломатии, образовании, богослужении и искусстве, справедливо писал С.Р. Малютин. «Болгарский язык потому прекратил свое существование, что его общественные функции были ограничены. Вытеснение его в Среднем Поволжье, в среде мусульман, языком кыпчакского типа, применимым во всех сферах жизни, произошло совершенно естественно» [10. С. 60].

Татарские лингвисты считают брошюру Н.И. Ашмарина «Болгары и чувашаи» страдающей односторонностью. Так, Л.З. Залая говорил, что Н.И. Ашмарин построил свои выводы, исходя лишь из нескольких чувашизмов на надгробиях, при этом он совершенно игнорировал те языковые материалы в текстах этих эпитафий, которые имеют непосредственную связь даже с современным языком татар Поволжья. «Проф. Ашмарин хорошо знал, что на этих надписях рядом с чувашской формой “Джиат джур джал” (700 г.) имеется, даже в большем количестве, форма “Ете юз утуз ете” (737 год) и т.д. – чисто татарская форма, но, несмотря на это, в своих выводах он пришел к заключению, что прямыми потомками болгар являются чувашаи» [7. С. 157]. Сюда же следует отнести надпись на золотом ковше, поступившем в Кунсткамеру в XVIII в. Здесь имеется фрагмент *алти йур ун ити*, т.е. 617, где вместо ожидаемого болгаро-татарского *йуз* имеем суваро-чувашское *йур* «сто» [12. С. 46]. При этом лингвисты признают, что татарский язык (тем более, современный) не является целиком и полностью продолжением болгарского языка. Как и любой язык, татарский язык в своей истории пережил очень большие изменения. Тем не менее, он является продолжением болгарского языка. Потомками болгар считал «настоящих татар» (т.е. казанских) и А.Ф. Риттих [15. С. 28, 54]. Большое количество надписей были выгравированы на эпитафиях XIII–XV столетий в Волго-Камском регионе с арабскими текстами, включающими тюркские фразы. В литературе их называют волжско-болгарскими надписями. Однако часть надписей выполнено языком чувашского типа, а остальные отражают диалект тюркского языка. Надписей чувашского типа с тюркскими элементами не было до середины XIV столетия, тогда как другие надписи продолжали бытовать.

Уже к XI–XII вв. заимствованные волжско-болгарские элементы имели место в русском языке. Так, слово *товар* происходит от волжско-болгарского **tavar*. Оно также присутствует в венгерском языке в форме *tár* «контейнер», а также в составе некоторых слов, например, *kincstár* «дом сокровищ». От этого слова сформировалось слово *товарищ*, первоначальная форма которой присутствует в венгерском языке как *társ* «компаньон, товарищ». Другим русским словом является *хозяин* от корня *hozja*, которое бытовало независимо в старорусском языке. Персидское *хwaja* было опосредовано через волжских болгар (ср. чуваш. *хуҫа*). Согласно некоторым источникам, известный район Москвы Арбат первоначально был торговым местом волжских болгар (позже – татар). Название вернулось обратно к волжским болгарам в форме арабского слова *rabaṭ* «пригород, квартал» (ср. название столицы Марокко Рабат) [28].

В XIII–XIV вв. происходит мощное кыпчакское влияние на племена Волжской Булгарии, проникают многочисленные слова монгольского, арабского и персидского происхождения. Общеизвестно также, что татарский язык образовался на булгаро-тюркском субстрате. К середине XIII в., когда образовалась Золотая Орда, булгары начали испытывать влияние «тюрко-татар» и в конце концов восприняли их язык.

Большая часть кыпчакского населения появилась в Волжско-Камском регионе вместе с монголами и после них. Тем не менее мы не можем исключить, что некоторые группы монголов могли входить в контакты с булгарами в более ранние времена. Современные татарский и башкирский языки включают определенное число слов, имеющих волжско-булгарское происхождение. Например, татарское и башкирское слово *izge* имеет значение «святой, святейший». Слово присутствует также в казахском и в некоторых тюркских языках в значениях «хороший, сакральный». Эта форма восходит к волжско-булгарскому **ezgi* < *ezgü*. Слово является волжско-булгарской формой старотюркского *edgü* «хороший». Оно было скопировано в венгерский язык, где приобрело значение «святой». Многие слова часто получают вторую жизнь. Чувашское слово *шăрпă* «рыбья кость» является копией татарского слова *širpi*, которое само было заимствовано из языка волжских булгар (*širpi*). К черемисам слово *šărpă* могло придти или от татар, или от чувашей [28].

Известно, что в г. Булгар чеканились монеты монгольских ханов. Из надписей на этих монетах видно, что население Волжской Булгарии сохранило свой домонгольский язык, остатком которого является теперь язык чувашей. Но этот булгарский язык подвергался постепенному и мощному влиянию тюрко-кыпчакского. Преобразованный язык постепенно и твердо сделался государственным. А в городах, основанных при монголах на Средней Волге (например, в Казани), татарско-кыпчакский язык стал изначальным [2. С. 136]. По мнению С. Хаттори, булгары приняли тюрко-татарский язык на основе своей собственной системы гласных, которая сохранилась как субстратное явление, а позднее преобразовалась в систему гласных современных татарского и башкирского языков [18. С. 93]. Аналогично высказался Г. Берецки [23. Р. 207–236; 5. С. 101]. Притом в первое время сильнее оказалось булгаро-тюркское влияние на татарский язык, позже – татарское влияние на чувашский.

Огромные потери в генетическом, демографическом и языковом планах понесли булгары из-за черной чумы в 1340–1350 гг. Не удержалась тогда и Золотая Орда. Именно в рамках этого десятилетия обозначается внезапный конец в практике написания надгробных надписей на волжско-булгарском языке. После этих событий булгарский язык не сохранился, ибо он не был родным разговорным языком, по крайней мере, у той лингвистической общности, которая возводила бы надгробия. Так не стало священного языка религиозных и ритуальных обычаев булгар. Его место прочно занял стандартный тюркский язык [21. С. 18–19; 22. С. 169–175].

Отсюда можно заключить, что среди волжских булгар были племена, говорившие на языке чувашского типа, которые позже были ассимилированы кыпчаками, проникшими на эту территорию в XIII столетии [31]. Видимо, в этом есть доля исторической правды. Выходит, «наследниками булгарской культуры являются казанские татары, в кыпчакском языке которых от булгарского осталось в лучшем случае пара десятков заимствований» [14]. Тогда становится очевидным тезис об идентификации булгар как исторических предков поволжских татар, а не чувашей.

Сравнительное изучение истории и культуры булгар и казанских татар приводит исследователей к выводу об их генетической связи. Главная роль в формировании поволжских татар как этноса выражена культурными традициями

булгар, которые нашли продолжение и развитие в культуре казанских татар. Именно племена Волжской Булгарии, преимущественно и в первую очередь булгары, составили основную массу татарской народности. Именно народные массы, а не племенную верхушку, связанную с Золотой Ордой, следует иметь в виду, когда говорим об истории поволжских татар. Хочется еще раз подчеркнуть, что следует разделять два понятия – «булгары» и «сувары» – и не писать их через дефис: «булгаро-сувары» или «булгары-сувары». Следует говорить о суварах только в конкретном значении: «сувары, живущие в Булгарии». Булгары и сувары – понятия разделимые и вполне самостоятельные, какими бы близкими родственниками по отношению друг к другу они ни были. Исследователи, когда не могут идентифицировать предков чувашей, прибегают к «хитрости» и пишут «булгары-сувары». Как бы «страхуют» себя и на всякий случай указывают на оба племени в качестве предков. Мол, пусть читатель выбирает по «вкусу». Но все это не имеет никакого отношения к научному исследованию. Притом исследователи истории государства Волжская Булгария четко квалифицируют булгар как кочевых скотоводов, а сувар – как искусных земледельцев.

Литература

1. *Ал-Истахри*. Книга путей и стран: пер. Т.М. Калининой // Древняя Русь в свете зарубежных источников. Хрестоматия. Т. III. Восточные источники. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2009. С. 81–86.
2. *Бартольд В.В.* Сочинения. М.: Наука, 1968. Т. V. 757 с.
3. *Бенцинг И.* Языки гуннов, дунайских и волжских болгар // Зарубежная тюркология. М.: Наука, 1986. Вып. I. С. 11–28.
4. *Голден П.Б.* Религия кыпчаков средневековой Евразии // Степи Евразии в эпоху средневековья. Донецк: ДНУ, 2008. Т. 6. С. 309–340.
5. *Дмитриева Ю., Адягаши К.* Hungaro-Tschuvaschica: Аннотированный библиографический указатель исследований венгерских ученых XIX–XX вв. / ЧГИГН. Чебоксары, 239 с.
6. *Егоров В.Г.* Этногенез чувашей по данным языка // Современная этнография. 1950. № 3. С. 79–92.
7. *Заляй Л.З.* К вопросу о происхождении татар Поволжья (По материалам языка). Ответы на вопросы // Происхождение казанских татар. Казань: Татгосиздат, 1948. С. 81–89, 156–158.
8. *Иречек К.И.* История Болгар. Одесса: Тип. Л. Нитче, 1878. X, 799 с.
9. *Ковалевский А.П.* Книга Ахмеда Ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921–922 гг.: ст., пер. и коммент. Харьков: Харьков. ун-т, 1956. 347 с.
10. *Малютин С.Р.* Проблемы этногенеза и этнической истории чувашей. Вып. 1. Хуннская эпоха / ЧГИГН. Чебоксары, 1996. 78 с.
11. *Мерперт Н.Я.* К вопросу о древнейших болгарских племенах. Казань: Гос. музей ТАССР, 1957. 37 с.
12. *Мухамадиев А.* Новый взгляд на историю гуннов, хазар, Великой Булгарии и Золотой Орды. Казань: Тат. кн. изд-во, 2011. 159 с.
13. *Наделяев В.М., Насилов Д.М., Тенишев Э.Р., Щербак А.М.* Древнетюркский словарь. Л.: Наука, 1969. XXXVIII, 676 с.
14. *Напольских В.В.* Пермско-угорские взаимоотношения по данным языка и проблема границ угорского участия в этнической истории Предуралья [Электронный ресурс]. URL: http://www.molgen.org/molgenfiles/NapolskichNapolskich_Perm_Ugrian_VAU.pdf.
15. *Риттих А.Ф.* Материалы для этнографии России. XIV: Казанская губерния. Ч. I. Казань: Тип. Имп. Казан. ун-та, 1870. X, II, 111 с.
16. *Семёнов И.Г.* Основные этапы миграций огурских племен в Юго-Восточную Европу // Тюркологический сборник: 2011–2012. М.: Наука, 2013. С. 333–351.
17. *Токарев С.А.* К постановке проблем этногенеза // Современная этнография. 1949. № 3. С. 12–36.
18. *Хаттори С.* О формировании татарского и чувашского языков // Вопросы языкознания. 1980. № 3. С. 86–94.
19. *Хвольсон Д.А.*, пер., введ., коммент. Ибн-Дада. Известия о хозарах, бургасах, болгарях, мадьярах, славянах и руссах Абу-Али Ахмеда бен Омар Ибн-Дада, неизвестного доселе арабского писателя X века, по рукописи Британского музея. СПб.: Тип. Имп. ун-та, 1869. XIII, 199 с.
20. *Худяков М.Г.* К вопросу о происхождении чуваш // Известия Общества обследования и изучения Азербайджана. 1927. № 4. С. 135–146.
21. *Шамильбаев Ю.* Направления в исследовании Золотой Орды // Источниковедение истории Улуса Джучи (Золотой Орды): От Калки до Астрахани. 1223–1556. Казань: ИИ АН РТ, 2001. С. 15–29.

22. Шамильоглу Ю. Конец языка волжских болгар // Шпулер Бертольд. «Золотая Орда»: традиции изучения и современность. Казань: Фэн, 2007. С. 169–175.
23. *Bereczki G. A Volga-Káma vidék areális kapcsolatai // Areális nyelvészeti tanulmányok.* Budapest: Tankönyvkiado, 1983. O. 207–236.
24. *Biruni Abu Rayhan Muhammad ibn Ahmad.* The Chronology of Ancient Nations: An English Version of the Arabic Text of the Athar-ul-Bakiya of Albiruni or "Vestiges of the Past". Transl. C. Edward Sachau. L., By William H. Allen & Co, 1879, XIV, 464 p.
25. *Munkácsi B. A dió szó // Keleti Szemle.* XX. Budapest, 1927. O. 131–135.
26. *Róna-Tas A.* Some Problems of Ancient Turkic // Acta Orientalia Havniae, 1970. № 32. P. 209–228.
27. *Róna-Tas A.* A honfoglaló magyar nép. Budapest: Balassi, 1996. 412 o.
28. *Róna-Tas A.* Nutshell Chuvash. URL: <http://www2.lingfil.uu.se/afto/turkiskasprak/IP2007/NUT-SHELLCHUVASH.pdf.pdf>.
29. *Róna-Tas A., Berta Á., Károly L.* West Old Turkic: Turkic Loanwords in Hungarian. Wiesbaden: Harrassowitz, 2011. XX, 1494 p.
30. *Salmin A.* Savirs – Bulgars – Chuvash. Ed. Peter Golden. Saarbrücken, Lambert Academic Publ., 2014. 147 p.
31. *Zimonyi I.* History of the Turkic speaking peoples in Europe before the Ottomans. URL: <http://www2.lingfil.uu.se/afto/turkiskasprak/IP2007/ZimonyiIP.pdf>.

САЛМИН АНТОН КИРИЛЛОВИЧ – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Музея антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамера) РАН, Россия, Санкт-Петербург (antsalmin@mail.ru).

A. SALMIN

BULGAR LANGUAGE IN THE CONTEXT OF THE HISTORY OF THE CHUVASH

Key words: Bulgars, Savirs, Suvars, Chuvashes, language, history, ethnography.

The author analyzes the primary sources and published literature in order to establish the historical aspect of the Bulgar language. This involves the comparison of the Savirs/Suvars and Chuvash languages. Although the Bulgars spoke the language of a Chuvash type, their language differed from the Savirs/Suvars, and Chuvash languages.

References

1. Al-Istakhri. *Kniga putei i stran* [Book of roads and countries]. In: *Drevnyaya Rus' v svete zarubezhnykh istochnikov. Khrestomatiya. T. III: Vostochnyye istochniki* [Ancient Rus' in the light of foreign sources. Reader. Vol. III: Eastern sources]. Moscow, 2009, pp. 81–86.
2. Bartol'd V.V. *Sochineniya* [Compositions]. Moscow, Nauka Publ., 1968, vol. V, 757 p.
3. Bentsing I. *Yazyki gunnov, dunaiskikh i volzhskikh bolgar* [Languages of the Huns, Danube and Volga Bulgarians]. In: *Zarubezhnaya tyurkologiya* [Turkic studies abroad]. Moscow, Nauka Publ., 1986, vol. I, pp. 11–28.
4. Golden P.B. *Religiya kypchakov srednevekovoi Yevrazii* [Religion of the Kypchaks in medieval Eurasia]. In: *Stepi Yevrazii v epokhu srednevekov'ya* [Eurasian steppes in the middle ages]. Donetsk, 2008, vol. 6, pp. 309–340.
5. Dmitriyeva Y., Adyagashy K. *Hungaro-Tschvaschica: Annotirovannyi bibliograficheskii ukazatel' issledovaniy vengherskikh uchenykh XIX–XX vv.* [Annotated bibliography of Research by Hungarian scholars in the 19th–20th centuries]. Cheboksary, 2001, 239 p.
6. Yegorov V.G. *Etnogenez chuvashei po dannym yazyka* [Ethnogenesis of the Chuvash concerning the language]. *Sovetskaya etnografiya* [Soviet Ethnography], 1950, no. 3, pp. 79–92.
7. Zalyai L.Z. *K voprosu o proiskhozhdenii tatar Povolzh'ya (Po materialam yazyka). Otvety na voprosy* [To the question about the origin of the Tatars of the Volga region (language). Responses to questions]. In: *Proiskhozhdeniye kazanskikh tatar* [The origin of the Kazan Tatars]. Kazan, Tatgosizdat Publ., 1948, pp. 81–158.
8. Irechek K.I. *Istoriya Bolgar* [History of the Bulgarians]. Odessa, 1878, X, 799 p.
9. Kovalevskii A.P. *Kniga Akhmeda Ibn-Fadlana o yego puteshestvii na Volgu v 921–922 gg.* [Ahmed Ibn Fadlan's Book on his journey to the Volga region in 921–922]. Kharkov, 1956. 347 p.
10. Malyutin S.R. *Problemy etnogeneza i etnicheskoj istorii chuvashei. Vyp. 1: Khunnskaya epokha* [The problem of ethnogenesis and ethnic history of the Chuvash. Iss. 1: Hunnish era]. Cheboksary, 1996, 78 p.
11. Merpert N.Ya. *K voprosu o drevneishykh bolgarskikh plemenakh* [To the question of the oldest Bulgarian tribes]. Kazan, 1957, 37 p.
12. Mukhamadiyev Azgar. *Novyi vzglyad na istoriyu gunnov, khazar, Velikoi Bulgarii i Zolotoi Ordyy* [A new look at the history of the Huns, Khazars, Great Bulgaria and the Golden Horde]. Kazan, Tatar Publishing House, 2011, 159 p.

13. Nadelyayev V.M., Nasilov D.M., Tenishev E.R., Shcherbak A.M., ed. *Drevnetyurkskii slovar'* [Old Turkic dictionary]. Leningrad, Nauka Publ., 1969, XXXVIII, 676 p.
14. Napol'skikh V.V. *Permsko-ugorskiye vzaimootnosheniya po dannym yazyka i problema granits ugorskogo uchastiya v etnicheskoj istorii Predural'ya* [Permian-Ugric relationship based on the language and the problem of demarcating Ugrian participation in the ethnic history of Pre-Ural area]. Available at: http://www.molgen.org/molgenfiles/NapolskikhNapolskikh_Perm_Ugrian_VAU.pdf.
15. Rittikh A.F. *Materialy dlya etnografii Rossii. XIV: Kazanskaya guberniya* [Materials for the Ethnography of Russia. XIV: Kazan province]. Kazan, 1870, X, II, 111 p.
16. Semyonov I.G. *Osnovnyye etapy migratsii ogurskikh plemen v Yugo-Vostochnuyu Yevropu* [The main stages of migrations of Ogur tribes to South-Eastern Europe]. In: *Tyurkologicheskii sbornik: 2011–2012* [Collection on tiurcology: 2011–2012]. Moscow, Nauka Publ., 2013, pp. 333–351.
17. Tokarev S.A. *K postanovke problem etnogheneza* [To raising the issues of ethnogenesis]. *Sovetskaya etnografiya* [Soviet Ethnography], 1949, no. 3, pp. 12–36.
18. Khatatori S. *O formirovanii tatarskogo i chuvashskogo yazykov* [On the formation of the Tatar and Chuvash languages]. *Voprosy yazykoznaniiya* [Questions of Linguistics], 1980, no. 3, pp. 86–94.
19. *Ibn-Dasta. Izvestiya o khazarakh, burtasakh, bolgarakh, mad'yarakh, slavyanakh i russakh* [Ibn-Dasta. News about Hozars, Burtases, Mad'ars, Bulgars, Slavs and Russes]. St. Petersburg, 1869, XIII, 199 p.
20. Khudyakov M.G. *K voprosu o proiskhozhdenii chuvash* [To the issue of about the origin of the Chuvash]. *Izvestiya Obshchestva obsledovaniya i izucheniya Azerbaidzhana* [Proc. of the Society on the survey and study of Azerbaijan], 1927, no. 4, pp. 135–146.
21. Shamiloglu Yu. *Napravleniya v issledovanii Zolotoi Ordy* [Directions in the study of the Golden Horde]. *Istchnikovedeniye istorii Ulusa Dzhuchi (Zolotoi Ordy): Ot Kalki do Astrakhani. 1223–1556* [Source studies of the history of the Ulus of Jochi (Golden Horde): From Kalka to Astrakhan. 1223–1556]. Kazan, 2002, pp. 15–29.
22. Shamil'oglu Yu. *Konets yazyka volzhskikh bulgar* [The death of the language of the Volga Bulgars]. *Shpuler Bertol'd. "Zolotaya Orda": traditsii izucheniya i sovremennost'* [Spuhler Berthold. «Golden Horde»: studying traditions and modern times]. Kazan, Fen Publ., 2007, pp. 169–175.
23. Bereczki G. *A Volga-Kama videk arealis kapcsolatai* [Volga-Kama rural areal connections]. In: *Arealis nyelvészeti tanulmányok* [Areal linguistic studies]. Budapest, Tankönyvkiado Publ., 1983, pp. 207–236.
24. Biruni Abu Rayhan Muhammad ibn Ahmad. *The Chronology of Ancient Nations: An English Version of the Arabic Text of the Athar-ul-Bakiya of Albiruni or "Vestiges of the Past"*. Transl. C. Edward Sachau. L., By William H. Allen & Co, 1879, XIV, 464 p.
25. Munkacsy B. *A dio szo* [The walnut word]. *Keleti Szemle* [Eastern Approach]. XX. Budapest, 1927, pp. 131–135.
26. Rona-Tas A. *Some Problems of Ancient Turkic*. *Acta Orientalia Havniae*, 1970, no. 32, pp. 209–228.
27. Rona-Tas A. *A honfoglaló magyar nép* [The conquering Hungarian people]. Budapest, Balassi Publ., 1996, 412 p.
28. Rona-Tas A. *Nutshell Chuvash*. URL: <http://www2.lingfil.uu.se/afto/turkiskasprak/IP2007NUT-SHELLCHUVASH.pdf.pdf>.
29. Rona-Tas A., Berta A., Karoly L. *West Old Turkic: Turkic Loanwords in Hungarian*. Wiesbaden, Harrassowitz, 2011, XX, 1494 p.
30. Salmin A. *Savirs – Bulgars – Chuvash*. Ed. Peter Golden. Saarbrücken, Lambert Academic Publ., 2014. 147 p.
31. Zimonyi I. *History of the Turkic speaking peoples in Europe before the Ottomans*. URL: <http://www2.lingfil.uu.se/afto/turkiskasprak/IP2007/ZimonyiIP.pdf>.

SALMIN ANTON – Doctor of Historical Sciences, Leading Researcher, Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) of Russian Academy of Sciences, St.-Petersburg, Russia.

Ссылка на статью: Салмин А.К. Булгарский язык в контексте истории чувашей // Вестник Чувашского университета. – 2015. – № 4. – С. 152–159.

УДК 316.343.722-053.81(091)(470)
ББК ТЗ(2)633-282.1

А.Л. СМИРНОВА

**МОЛОДОЙ РАБОЧИЙ РОССИИ:
СОЗИДАТЕЛЬ И ПОТРЕБИТЕЛЬ КУЛЬТУРНЫХ ЦЕННОСТЕЙ
(1970–1980-е годы)**

Ключевые слова: рабочая молодежь, производственная тема, духовные ценности, эстетическое образование, эстетическое отношение к труду, культурно-художественное творчество, «писательский десант».

Изучение социокультурного облика рабочей молодежи России 1970–1980-х гг. является общественно значимым и актуальным, поскольку способствует определению базисных социокультурных характеристик и выработке исторической оценки ее творческого и человеческого потенциала. Цель статьи – показать молодых рабочих как потребителей и непосредственных творцов культурно-духовных ценностей. На основе анализа данных социологических исследований 1970–1980-х гг. раскрыты социокультурные аспекты развития рабочей молодежи России. Рассмотрены формы приобщения молодых трудящихся к духовным ценностям общества и степень их участия в творческом процессе. В рассматриваемый период стремление к культуре, широкий круг интеллектуальных запросов становились неотъемлемой чертой молодого рабочего. Из потребителя духовных ценностей он превращался в их создателя. В этом смысле культура выступала в качестве сильного средства всестороннего развития личности, приобщения к разнообразным видам творческой деятельности. Однако данные ряда обследований уже в начале 1970-х гг. зафиксировали тенденцию к стабилизации и даже сокращению численности участников в том или ином виде самодеятельного художественного творчества. В целом отмечается тенденция снижения уровня восприятия произведений искусства, активности в выборе духовных ценностей.

В советском обществе большая роль в формировании нового человека отводилась искусству. В постановлениях ЦК КПСС «О литературно-художественной критике» (1972 г.), «О мерах по дальнейшему развитию самодеятельного художественного творчества» (1978 г.) и др. подчеркивалось, что в центре внимания деятелей искусства должны стоять важнейшие проблемы современности, социальные изменения в жизни рабочего класса, колхозного крестьянства, интеллигенции. Первой среди них была названа «производственная тема».

Принципиальное значение поворота искусства к теме производства состояло в том, что труд выступал во многих художественных произведениях показателем нравственной зрелости человека. Первопроходцами производственной темы стали пьесы Г. Бокарева «Сталевары» (1972 г.), И. Дворецкого «Человек со стороны» (1972 г.), Е. Каплинской «Инженер» (1970 г.), А. Салынского «Мария» (1969 г.). Современный рабочий класс, новаторы, передовики производства оказались в центре таких произведений литературы, как «Изотопы для Алтунина» М. Колесникова, «Трасса» В. Поволяева, «Иначе нельзя» Ф. Шадрина и др. На конкурсе произведений о рабочем классе, проводимом ВЦСПС и Союзом писателей СССР, получили награды романы «Территория» О. Куваева (1977 г.), «Лихобор» В. Собко (1975 г.), «Твердая порода» Ш. Бикчурина (1976 г.). В этих произведениях остро полемично были поставлены проблемы изменения взаимодействия человека и его дела в эпоху научно-технической революции.

В 1960–1980-е гг. вышло в свет немало книг, в которых о времени и о себе писали рабочие (Ермилов В.В. Счастье трудных дорог. М., 1972; Антонов С.А. Свет не в окне. М., 1977; Викторов А.В. Когда мы счастливы. М., 1979, и др.). Их успех был связан с тем, что читатель чувствовал причастность рабочих-авторов ко всему, о чем шло повествование. На этом фоне актуальным

оставались вопросы приобщения рабочей молодежи к духовным ценностям, творческому отношению к труду.

Цель данной статьи – показать молодых рабочих как потребителей и непосредственных творцов культурно-духовных ценностей (вопросы научно-технического творчества рабочей молодежи ранее поднимались в научной литературе [7]).

Социологическое обследование 1972 г. показало, что росла численность рабочей молодежи, для которой посещение зрелищ, требующих наиболее высокой образовательной и эстетической подготовки (театра, концерта, музея, выставки), было составной частью ее культурной жизни. Удельный вес молодых рабочих, побывавших на выставках и в музеях, достиг 55,2% к общему числу обследованных [13. С. 234].

Как видно из табл. 1, молодые рабочие Чувашии в первой половине 1980-х гг. были большими «театралами», чем их сверстники из других обследованных регионов, равно как среди них было больше тех, кого привлекали музеи. Аналогичные результаты были получены другими исследователями.

Таблица 1

Распределение молодых рабочих в зависимости от региона и посещения учреждений культуры (1983–1985 гг.), % [10. С. 256–257]

Наименование признака	Вариант признака	Российская Федерация						Всего по РСФСР
		регионы		республики Поволжья				
		Горький	Тольятти	Марийская	Мордовская	Чувашская	Татарская	
В театре	не был	65,5	81,7	75,5	65,5	50,8	83,8	64,0
	1 раз	19,8	7,7	12,9	18,3	19,9	12,6	19,4
	2 раза	10,3	4,1	7,6	8,1	17,6	1,5	10,0
	3 раза и больше	4,4	6,4	3,9	8,1	11,6	2,0	6,6
На концерте	не был	42,1	57,6	58,3	62,5	52,7	79,8	55,5
	1 раз	26,6	23,3	21,7	17,7	19,8	14,6	22,8
	2 раза и больше	31,3	19,1	20,0	19,8	27,5	5,6	21,7
В кино	не был	16,4	31,4	24,7	28,1	22,3	62,8	20,9
	менее 5 раз	45,3	41,3	36,6	32,6	9,5	16,4	31,5
	от 5 до 10 раз	21,6	20,0	25,4	21,1	40,7	10,3	27,7
	более 10 раз	16,7	7,4	13,3	18,3	27,5	10,4	19,8
В музеях	не был	80,1	86,2	81,4	88,3	62,4	67,7	75,6
	1 раз	13,9	7,6	10,0	8,3	19,3	22,8	13,9
	2 раза	6,1	6,3	8,6	3,4	18,3	9,5	10,5

Широкая сеть кинотеатров столицы Чувашии, лучшее транспортное сообщение предопределяли большой удельный вес этой формы досуга. Только 10,7% чебоксарцев бывали в кинотеатрах раз в год или же вообще не ходили туда, среди жителей малых городов таковых было 27,1%, среди новочебоксарцев – 31,6% (это было связано с имеющимся в городе химиков и гидростроителей единственным кинотеатром). Аналогичная картина наблюдалась и с театрами: если среди жителей столицы республики и его спутника только каждый пятый и четвертый, соответственно, их не посещали, то среди жителей малых городов таковых было 57,2%. Гораздо реже последняя группа горожан бывала в музеях, на концертах, принимала участие в массовых клубных мероприятиях (вечерах отдыха, танцев, на дискотеках) [5. С. 29].

Одной из эффективных форм связей творческой интеллигенции с рабочим классом являлись договоры о содружестве, благодаря которым происходили обогащение искусства знанием жизни, приобщение трудящихся к ценностям культуры. В 1971 г. художники РСФСР выступили с инициативой по организации постоянно действующих творческих групп на промышленных предприятиях и новостройках. Их инициативу подхватили и другие творческие союзы.

В годы IX пятилетки состоялось более 7600 выездов мастеров искусств на предприятия и стройки [9. С. 71]. За 1974–1977 гг. на ударные стройки было направлено свыше 1,5 тыс. профессиональных и самодеятельных коллективов, а также агитколлективов с поездами «Комсомольская правда» и «Молодая гвардия» [1. С. 91]. Творческими отчетами этих контактов явились выставки: «Слава труду!», «Молодая гвардия Страны Советов», «Мы строим БАМ» и др. Личное общение деятелей искусства с рабочим коллективом помогало глубже проникать в духовный мир советского рабочего.

Десятилетиями осуществлялись творческие контакты завода «Красный пролетарий» и МХАТа им. Горького, Московского завода автоматических линий и специальных станков и театра им. В. Маяковского. Малый театр в 1975 г. совместно с рабочими завода «Серп и Молот» отметил полувековой юбилей заводского театрального коллектива, над которым Малый театр шефствовал все эти годы. Договор о содружестве был заключен между Московским союзом художников и заводом «Калибр», Московской организацией композиторов и коллективом Второго часового завода (МОАО «Слава»).

Союзы писателей, художников и композиторов Чувашской АССР заключили договоры о творческом содружестве с коллективом Чебоксарского завода промышленных тракторов. В результате этих творческих контактов появились новые книги, пьесы, картины и музыкальные произведения. Писатели Н. Дедушкин, Н. Терентьев, А. Талвир, М. Юхма и другие часто выступали перед строителями и работниками завода. Только в 1976 г. на стройке и в цехах было организовано 64 выступления. Правлением Союза художников были организованы творческие бригады, которые работали непосредственно на стройке, создавая «изолетопись» завода. Коллектив Русского драматического театра в 1973 г. заключил договор о творческом содружестве с коллективом ЧЗПТ. В состав художественного совета театра были включены два представителя завода. На каждую новую премьеру театр приглашал рабочих завода [2. Л. 40, 41].

Тесные творческие связи с заводами и стройками установил писательский союз РСФСР. Вошел в обиход термин «писательский десант». Молодые литераторы, корреспонденты и юнкоры выезжали на строительство Чебоксарского завода промышленных тракторов, на реконструкцию Челябинского тракторного завода [14. С. 68–69]. В Иркутской молодежной газете начинали свой творческий путь в литературу Валентин Распутин и Александр Вампилов [14. С. 72–73]. Творческим отчетом молодых литераторов явился выпуск в 1976 г. в издательстве «Молодая гвардия» книги «Великие версты», в которую вошли художественные произведения, написанные под впечатлением встречи со строителями БАМа [1. С. 91].

За формулой «Союз искусства и труда» в 1970–1980-е гг. стоял новый характер отношений. С одной стороны, опытные мастера литературы и искусства избирались почетными членами бригад коммунистического труда, руководили литературными объединениями, любительскими студиями изобразительного искусства, народными театрами, коллективами художественной самодеятельности, с другой – все более активным становилось участие трудящихся в создании эстетических ценностей.

Обследования социального развития молодежи, проведенные в конце 1970-х – начале 1980-х гг. позволили выделить следующие основные критерии культурно-эстетического развития молодежи: мера эстетического отношения к труду, степень активного общения и уровень эстетического образования.

Данные этого обследования показали, что 41,4%, т.е. почти каждый второй, считал свой труд творческим, при этом 29,7% из них, или почти треть обследованных, утверждали, что в становлении творческого характера труда основную роль сыграло их эстетическое развитие. Для 13,4% опрошенных искусство являлось средством развлечения, для 43,6% – средством активного проведения досуга и только для 2,4% – искусство ничего не значило [8. С. 56, 57].

Массовое развитие художественного творчества в СССР становилось одной из характерных черт образа жизни. Оно стало эффективной формой эстетического, нравственного воспитания. Число кружков художественной самодеятельности увеличилось с 343 тыс. в 1965 г. до 727 тыс. в 1980 г., в них участников, соответственно, – с 5,0 млн до 12,6 млн. В 1980 г. самостоятельным творчеством было охвачено 20 млн человек. Среди них 70% молодежи. Ежегодно давались 3 млн концертов, на которых присутствовали 600 млн зрителей [3. С. 37]. На всесоюзных выставках самодеятельного художественного творчества в 1978 г. свыше 2 тыс. самодеятельных авторов были отмечены наградами [1. С. 92].

К 1985 г. культурные запросы жителей Чувашии обеспечивались 1064 клубными учреждениями, 742 массовыми библиотеками, 6 парками культуры и отдыха. На базе этих культурно-просветительных учреждений действовали 7265 коллективов и кружков самодеятельного художественного творчества, в которых занимались почти 150 тыс. человек; 74 самодеятельных коллектива республики были удостоены звания народного [11. С. 60].

Связь человека с культурой поднималась на новую ступень. Из потребителя духовных ценностей он превращался в их создателя. В этом смысле культура выступала в качестве сильного средства всестороннего развития личности, приобщения к разнообразным видам творческой деятельности.

Однако данные ряда обследований уже в начале 1970-х гг. зафиксировали тенденцию к стабилизации и даже сокращению численности участников в том или ином виде самодеятельного художественного творчества [4. С. 357]. В целом по стране на промышленных предприятиях лишь немногим больше 7% молодых рабочих участвовали в работе художественной самодеятельности [13. С. 47]. К началу 1980-х гг. их доля, как видно из табл. 2, сократилась почти вдвое, составив 4,3%. Справедливости ради следует отметить, что сокращение удельного веса молодых рабочих в кружках художественной самодеятельности не оказало решающего влияния на изменение удельного веса занимающихся во всех видах кружков (11,7% в 1972 г. [13. С. 47] и 11,3% в 1983 г. – табл. 2).

Таблица 2

**Распределение рабочей молодежи республик Поволжья
в зависимости от занятий в кружках (1983–1985 гг.), % [10. С. 256]**

Кружки	Республики Поволжья				Сумма по стране
	Марийская	Мордовская	Чувашская	Татарская	
Художественной самодеятельности	4,3	6,0	4,6	10,3	4,3
Технические	2,0	1,3	4,0	1,5	1,5
Военно-спортивные и ДОСААФ	4,7	3,0	4,2	2,5	2,5
Прочие	0,8	1,7	6,4	1,3	3,0
Не занимаюсь	88,3	87,9	80,8	84,3	88,7
Сумма по региону	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

В республиках Поволжья наблюдалась общероссийская тенденция, однако ее проявление имело свои особенности. Как видно из табл. 2, наиболее высокий удельный вес молодых рабочих, занимавшихся в коллективах художественной самодеятельности, был зафиксирован на предприятиях Татарии (10,3%), в то время как в Чувашии в кружках художественной самодеятельности занималось 4,6% обследованных рабочих, что практически совпадало с результатом страны. Зато интенсивность занятости во всех видах кружковой работы в этой республике была существенно выше, чем в России в целом и в других республиках в частности.

В 1971–1985 гг. наметилось зафиксированное социологами перераспределение каналов, по которым осуществлялось удовлетворение культурных потребностей молодых рабочих. Превращение телевидения в средство массовой информации повлияло на сокращение времени, выделяемое на другие виды культуры. Об этом свидетельствовали данные социологических исследований, согласно которым работавшие горожане проводили перед домашним экраном в среднем 7–10 ч в неделю. Это больше, чем время, выделяемое ими газетам, книгам, кино, театру, вместе взятым [12. С. 212]. Тем самым как бы происходил процесс «одомашнивания» потребления культурных ценностей, что снижало уровень восприятия произведений искусства, активность в выборе духовных ценностей, вело в конечном счете к аморфности культурных потребностей.

Данные, полученные Г.И. Саганенко, также свидетельствовали о проявившихся в 1970-е гг. растущем предпочтении семейно-бытовых и других активных досуговых занятий при сокращении числа занятий, связанных с работой и общественной деятельностью, а также о выравнивании интересов молодых мужчин и женщин в сфере досуга. Если в 1962 г. мужчины в среднем выбирали на 2,5 вида культурных потребностей больше, чем женщины, то спустя 15 лет – лишь на 0,5. Но в возрастной группе старше 30 лет – внепроизводственных интересов у мужчин было больше, чем у женщин [15. С. 59].

Таким образом, в рассматриваемый период расширялся масштаб требований к духовной сфере. Стремление к культуре, широкий круг интеллектуальных запросов становились неотъемлемой чертой молодого рабочего. Общая культура молодого рабочего превращалась в обязательное условие его успешной деятельности наряду со специальными знаниями и высокой профессиональной подготовкой. Отношение к потреблению формировалось под воздействием социальной политики советского государства. Через средства массовой информации и под воздействием отраслей культуры, искусства у молодых рабочих вырабатывались навыки полноценного (с нравственно-эстетической точки зрения) использования свободного времени.

Литература и источники

1. ВЛКСМ от съезда к съезду: XVII–XVIII. М.: Мол. гвардия, 1978. 128 с.
2. Государственный архив современной истории Чувашской Республики. Ф. 2735/1851. Оп. 1. Д. 501«б».
3. Демичев П. Актуальные задачи культурного строительства на селе // Коммунист. 1979. № 5. С. 30–44.
4. Духовный мир советского рабочего. Опыт конкретно-социологического исследования / под ред. М.Т. Иовчука, Л.Н. Когана. М.: Мысль, 1972. 439 с.
5. Краснов П.С. Структура свободного времени городского населения Чувашской АССР // Социально-экономические проблемы образа жизни советских людей / ЧНИИ. Чебоксары, 1990. С. 23–42.
6. Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС. 14–15 июня 1983. М.: Политиздат, 1983. 129 с.

7. Михайлова С.Ю. Проблемы и тенденции развития технического творчества молодых рабочих республик Волго-Вятского региона в 1955–1985 гг. // Вестник Чувашского университета. 2005. № 3. С. 49–58.
8. Молодежь и социальный прогресс / отв. ред. Н.С. Слепцов. М.: ВКШ, 1981. 251 с.
9. Работа правления Союза художников СССР. 1973–1977 / Пятый съезд художников СССР; ред. Е. Буторина. М.: Сов. художник, 1977. 203 с.
10. Смирнова А.Л. Культурное развитие рабочей молодежи России в 1971–1985 гг. (на материалах Чувашской АССР): дис. ... канд. ист. наук. Чебоксары, 2010. 260 с.
11. Советская Чувашия. 1981–1985. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1986. 80 с.
12. Социальное развитие рабочего класса СССР. Социальное развитие рабочего класса СССР: рост численности, квалификация, благосостояния рабочих в развитии социалистическом обществе. Историко-социологические очерки / под ред. Э.В. Клопова. М.: Наука, 1977. 287 с.
13. Социальный облик рабочей молодежи: по материалам социол. обслед. 1936 и 1972 гг. / И.Л. Корнаковский, В.Е. Полетаев и др. М.: Мысль, 1980. 301 с.
14. XVII съезд ВЛКСМ. Стенограф. отчет: 2 т. М.: Мол. гвардия, 1975. Т. 2. 416 с.
15. Ядов В.А. Отношение к труду: концептуальная модель и реальные тенденции // Социологические исследования. 1983. № 3. С. 50–62.

СМИРНОВА АЛИНА ЛЕОНИДОВНА – кандидат исторических наук, доцент кафедры документоведения, информационных ресурсов и вспомогательных исторических дисциплин, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (alinasmirnova@list.ru).

A. SMIRNOVA

YOUNG WORKER OF RUSSIA: CREATORS AND CONSUMERS OF CULTURAL VALUES (IN THE 1970s–1980s)

Key words: *young workers, industrial theme, spiritual values, esthetic education, esthetic attitude to work, cultural and artistic creative work, «writer's landing».*

The study of social-cultural image of the working youth of Russia in 1970–1980s is socially important and relevant, since it contributes to the definition of basic socio-cultural characteristics and historical assesment of their creative and human potential. The goal is to show young workers as consumers and creators of cultural and spiritual values. Based on the analysis of the data of the sociological research of 1970s – 1980s the author revealed the sociocultural aspects of the development of Russia's working youth. The article considers the forms of attaching young workers to the spiritual values of the society, as well as the extent of their participation in the creative process. Purcuit of culture, a wide range of intellectual demands were regarded as an integral feature of a young worker of the period under review. Once consumers of spiritual values, they became their creators. In this sense, culture strongly contributed to the comprehensive development of a personality and their attaching to the diverse forms of creative work. However, the data of several surveys conducted in early 1970s have documented a trend towards stabilization and even decline in the number of participants in some forms of Amateur art. Overall, there is a tendency for a decline in the level of art perception and in the zeal for choosing spiritual values.

References

1. VLKSM ot s"ezda k s"ezdu: XVII–XVIII [Leninist Communist Youth League from Congress to Congress: XVII–XVIII]. Moscow, Molodaya gvardiya Publ., 1978, 128 p.
2. Gosudarstvennyi arkhiv sovremennoi istorii Chuvashskoi Respubliki. Fond 2735/1851. Opis' 1. Dokument 501«b» [State Archives of Contemporary History of the Chuvash Republic. Archive 2735/1851. Anagraph 1. Dokument 501«b»].
3. Demichev P. Aktual'nye zadachi kul'turnogo stroitel'stva na sele [Urgent Tasks of Cultural Development in Rural Areas]. *Kommunist* [Communist], 1979, no. 5, p. 30–44.
4. Iovchuk M.T., Kogan L.N., ed. *Dukhovnyi mir sovetskogo rabochego. Opyt konkretno-sotsiologicheskogo issledovaniya* [A Spiritual World of a Soviet worker. Experience of an Exact Sociological Research]. Moscow, Mysl' Publ., 1972, 439 p.
5. Krasnov P.S. *Struktura svobodnogo vremeni gorodskogo naseleniya Chuvashskoi ASSR* [Structure of Leisure Time of Urban Population of the Chuvash Autonomous Republic]. *Sotsial'no-ekonomicheskie problemy obraza zhizni sovetskikh lyudei* [Socio-economic problems of the lifestyle of Soviet people]. Cheboksary, 1990, pp. 23–42.

6. *Materialy Plenuma Tsentral'nogo Komiteta KPSS. 14–15 iyunya 1983* [Materials of the Plenum of the Central Committee of the CPSU. 14–15 June 1983]. Moscow, Politizdat Publ., 1983, 129 p.

7. Mikhailova S.Yu. Problemy i tendentsii razvitiya tekhnicheskogo tvorchestva molodykh rabochikh respublik Volgo-Vyatskogo regiona v 1955–1985 gg. [P Problems and tendencies in development of technical creativity of young workers in republics of the Volga-Vyatka region during 1955–1985]. *Vestnik Chuvashskogo universiteta*, 2005, no. 3, pp. 49–58.

8. *Molodezh' i sotsial'nyi progress* [Youth and social progress]. Moscow, Vysshaya komso-mol'skaya Shkola Publ., 1981, 251 p.

9. Butorina E., ed. *Rabota pravleniya Soyuza khudozhnikov SSSR. 1973–1977, Pyaty s"ezd khudozhnikov SSSR* [The work of the Union of artists of the USSR. 1973–1977, Fifth Congress of artists of the USSR]. Moscow, Sovetskii Khudozhnik Publ., 1978, 168 p.

10. Smirnova A.L. *Kul'turnoe razvitie rabochei molodezhi Rossii v 1971–1985 gg. (na materialakh Chuvashskoi ASSR): dis. ... kand. ist. nauk* [Cultural development of Young Workers in Russia in 1971–1985 (on materials of the Chuvash Autonomous Soviet Socialist Republic). Doct. Diss.]. Cheboksary, 2010. 260 p.

11. *Sovietskaya Chuvashiya. 1981–1985* [Soviet Chuvashia. 1981–1985]. Cheboksary, Chuvash Publ. House, 1986. 80 p.

12. Klopov E.V., ed. *Sotsial'noe razvitie rabochego klassa SSSR. Sotsial'noe razvitie rabochego klassa SSSR: rost chislennosti, kvalifikatsii, blagosostoyaniya rabochikh v razvitom sotsialisticheskom obshchestve. Istoriko-sotsiologicheskie ocherki* [Social development of the Soviet working class. Social development of the working class of the USSR: the growth of the number, qualification, well-being of workers in a developed socialist society. Historical and sociological sketches]. Moscow, Nauka Publ., 1977, 287 p.

13. Kornakovskii I.L., Poletaev V.E. et al. *Sotsial'nyi oblik rabochei molodezhi: po materialam sotsiol. obsled. 1936 i 1972 gody* [Social face of young workers: on materials of sociological surveys of 1936 and 1972]. Moscow, Mysl' Publ., 1980, 301 p.

14. *XVII s"ezd VLKSM. Stenograf. otchet: v 2 t.* [XVII Congress of the Young Communist League. Verbatim records. 2 vols.]. Moscow, Molodaya gvardiya Publ., 1975, vol. 2, 400 p.

15. Yadov V.A. *Otnoshenie k trudu: kontseptual'naya model' i real'nye tendentsii* [Attitude to work: conceptual model and real trends]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological researches], 1983, no. 3, pp. 50–62.

SMIRNOVA ALINA – Candidate of Historical Sciences, Assistant Professor, Department for Document Science, Information Resources and Auxiliary Historical Disciplines, Chuvash State University, Cheboksary, Russia.

Ссылка на статью: Смирнова А.Л. Молодой рабочий России: создатель и потребитель культурных ценностей (1970–1980-е годы) // Вестник Чувашского университета. – 2015. – № 4. – С. 160–166.

УДК 338.22(091)(470)"192"
ББК ТЗ(2)613-2

И.В. ТУРИЦЫН, М.А. ХОЛОДНЫЙ

СОБСТВЕННОСТЬ И ЭФФЕКТИВНОСТЬ: АГРАРНЫЕ АЛЬТЕРНАТИВЫ ЭПОХИ НЭПА

Ключевые слова: новая экономическая политика, аграрная политика, государственная поддержка, крестьянское хозяйство, собственность, земельное общество, кооперирование, коллективизация, агротехника.

В статье исследуется проблема эволюции отношений собственности на землю, рассматриваются факторы, предопределившие отказ большевиков от новой экономической политики. Показано, что косность общины нередко прямо блокировала творческие инициативы передовых крестьян, а неуклонное дробление крестьянских дворов снижало товарность аграрного сектора экономики страны. Выход из ситуации власти видели в радикальном отрицании прежних институтов и форм. При этом судьба «кулака» должна была стать примером для всей массы крестьянства, «инстинкт собственника» в котором предполагалось уничтожить во имя повышения эффективности аграрной сферы. В этом авторам видится главная теоретическая ошибка инициаторов кампании коллективизации.

Гигантский эксперимент, начатый большевиками в 1917 г. и имевший целью создание нового бесклассового общества, основанного на тотальном обобществлении, как известно, уже вскоре был окарикатурен в политике военного коммунизма, поставившей страну на грань катастрофы. Выход из нее начался в 1921 г. на путях частичной реанимации рыночных отношений. В крестьянской стране это означало неизбежные уступки основному товаропроизводителю – крестьянину, его «частному интересу».

Основным итогом революции в деревне стало перераспределение земель на основе формальной «социализации». Объявив землю единым государственным «фондом», государство, в целом, почти не вмешивалось в текущую деятельность общины как владельца земли и регулятора земельных отношений. В условиях всеобщего обнищания и массового голода главной задачей для власти стало увеличение сельскохозяйственного производства. А для этого в первую очередь требовалось: «Обеспечить правильное и устойчивое, приспособленное к хозяйственным условиям, пользование землей» [11]. Этот вывод постановления ВЦИК от 30 октября 1922 г. «О введении в действие Земельного кодекса, принятого на 4 сессии IX созыва» предопределил легализацию традиционных институтов деревни.

Земельный кодекс [10], связанные с ним подзаконные акты, последующие законы, принимавшиеся в его развитие и дополнение, имели своей главной задачей элементарную защиту производителя – собственника в целях обеспечения более устойчивого развития сельского хозяйства. Но отчасти идя «на поводу» у общины, большевики стремились не допустить фактического возрождения столыпинской политики создания «сильного» хозяина. К примеру, Земельный кодекс твердо устанавливал, что земельные наделы, усадьба и имущество двора принадлежат не «домохозяину», а всем его членам, независимо от пола и возраста. А уже это влекло за собой глубокие изменения в порядке хозяйствования, наследования и т.д.

На страже данных норм, ввиду их особого значения, были призваны стоять специально созданные волостные, уездные и губернские земельные комиссии – особые земельные суды, регулировавшие земельные отношения. Однако в довольно непродолжительном времени выяснилось: «Эту работу земельных судов в деревне на каждом шагу тормозят старые собственнические привычки и

распорядки, до сих пор сохранившиеся в крестьянском хозяйстве» [1. С. 22]. Несмотря на все большевистские эксперименты и инновации, крестьянская аграрная традиция оказалась чрезвычайно устойчивой. Поэтому на практике вместе, а нередко и вместо них, с советскими земельными законами жизнь крестьян регулировали деревенские обычаи. Как признавали современники: «На основе частной земельной собственности испокон веков укрепились в деревне распорядки и обычаи – “это мое, а это твое”. – Я на полосе хозяин, хочу засею, хочу загорожу»... – “Земля моя” – и хотя земельный кодекс под страхом уголовной ответственности запрещает продажу, покупку, завещание, залог и дарение земли – ее часто и дарят, и продают, и меняют на яблони, и завещают, и вырывают поставленные на ней после землейстройства столбы». Сплошь и рядом, вопреки закону «ретивый хозяин считает все своей собственностью и при дележе одному дает больше, а другого сына или невестку и совсем обделит, а то и вовсе выгонит за «непочтение»». В принципе, схожим образом – традицией, жила и община: «Бывает, что общество само же нарушает свои постановления. Скажем, передают обществу леса местного значения и оно постановляет беречь их, охранять от порубок, а на другой же день все наперегонки едут рубить лес без плана и порядка, лишь бы побольше захватить» [1. С. 22].

Отмечая устойчивость традиционных земельных отношений как на уровне общины, так и отдельного крестьянского двора, мы принципиально возражаем против их идеализации. На наш взгляд, по мере восстановления разрушенного хозяйства становились все более очевидными их серьезные негативные черты – в первую очередь невозможность сколько-нибудь быстрого преодоления технической отсталости и низкой эффективности традиционного крестьянского хозяйства, еще более усугублявшихся именно в связи с несовершенством отношений собственности.

Как показывала практика, община все более превращалась в тормоз прогресса в аграрной сфере. Рожденные психологией уравнительности практически ежегодные переделы земли, чересполосица и т.д. задавали общий усредненный производственный стандарт, далекий от современных требований. Сплошь и рядом ввиду грядущих переделов, в отличие от усадебных наделов, крестьяне не удобряли, не благоустраивали пахотные земли. В силу этого земля истощалась, урожаи оставались крайне низкими, передовые агротехнические приемы не внедрялись и т.д.

Эффективность крестьянского хозяйства находилась на крайне низком уровне. И вина общины в этом была весьма существенной. Как показывали данные многочисленных обследований, община нередко буквально навязывала своим членам алгоритм аграрных работ. Причем «В ряде случаев земельное общество выступает как активно противодействующая агрикультурным начинаниям организация, устанавливая принудительный для всех трехпольный севооборот, обязывая всех членов об-ва одновременно приступать к работам, запрещая ранний пар и вспашку под зябь, устанавливая обязательный для всех выпас скота по пашне и жнивью и т.д. (Пойская вол., Лукояновского уезда, Нижегородской губ.; Кромск. вол., Орловск. у. и губ.)». Нормы общинной жизни на деле означали: «“Равняйся по общине”, проводи работу так, чтобы она «подходила под общие рамки» (Воловск. район, Тульск. губ.) – вот те требования общины, с которыми должен считаться каждый ее член в стремлении улучшить свое хозяйство» [3. С. 98]. Лиц, не учитывавших такие требования, ожидала не просто общественная обструкция, но и, нередко, прямая расправа. К примеру, по данным того же анкетного обследования, «земельных отношений в современной деревне и тех изменений, какие произошли за время революции» (124 анкеты), проведенного в 1927 г. Коммунистической Академией: «в дер. Шахово кр-на, выехавшего весною в поле вспахать пар, прогнали

и заявили: «если ты будешь пахать пар, то скотину твою выгоним из стада», и «даже угрожают побоями» (Кромск. вол, Орловск. у. и губ.)» [3. С. 98].

Косность общины нередко прямо блокировала творческие инициативы «культурных» крестьян – «опытников», «передовиков». В частности, она заметно препятствовала переходу к правильному землеустройству, севообороту, мешала развитию травосеяния, применению искусственных удобрений и т.д. Однако на фоне явного противодействия общины тем передовым методам ведения хозяйства, которые так или иначе пробивали себе дорогу, еще более негативные последствия для аграрного развития генерировало развитие отдельного крестьянского двора.

Парадоксально, но сохранению крестьянской традиции при этом немало способствовало само государство, заинтересованное в сохранении двора как эффективной производственной единицы. Нами уже отмечалось ранее, что «с учетом того значительного вреда, который был связан с дроблением хозяйств, и крестьяне, и власти стремились сохранить целостность двора как хозяйственной единицы» [14. С. 651]. Однако, несмотря на все усилия, в частности, на установленные Земельным кодексом нормы «недробимости» хозяйств, они оказались неспособны изменить общее направление развития деревни – крестьянские хозяйства постоянно делились, неуклонно мельчая и теряя товарность.

Поиск средств предотвращения такого развития села оказался весьма актуальным. Причем в основном он сводился к предложениям более жестко регулировать дробление хозяйств. К примеру, А. Алексеев призывал в ленинградском крестьянском журнале: «По-моему, в Земельном Кодексе необходимо установить, кроме добровольных, еще и твердые законные нормы недробимости хозяйств не только хуторских и отрубных, но и состоящих в земельных обществах. Эти нормы будут, конечно, различны в разных губерниях и районах, но задачу свою – охранить крестьянские хозяйства от измельчания и разорения – эту задачу они выполнят. Ведь, установлены же нормы имущества и семян, которые не могут быть взяты при описи имущества хозяйства по налогу и т.д. А, ведь, они также установлены для того, чтобы не лишить хозяйство необходимых условий для его существования и развития» [2. С. 6].

Пока современники дискутировали, дробление продолжалось, увеличивая число малоземельных, нетоварных хозяйств. С другой стороны, в деревне постепенно начало расти и число «кулацких» хозяйств, в том числе, принадлежавших советскому активу, коммунистам. Возник парадокс: государство требовало роста аграрного производства, перехода к современной агротехнике, но его союзником и опорой в деревне объявлялось беднейшее и среднее крестьянство. При этом в «узкохозяйственном» плане было все более ясно, что беднота не способна обеспечить потребностей развития. Поэтому, хотя партийные пропагандисты усиленно доказывали, что бедность вполне преодолима и, более того, именно это является целью партии, на деле к 10-летию юбилею Октября власть фактически признала, что «вкладывать» в бедные хозяйства экономически бессмысленно.

Косвенно это получило отражение, в частности, в отказе от активно практиковавшейся в течение всего восстановительного периода семенной помощи деревне. Среди мер помощи разоренному войной крестьянству эта мера была одной из наиболее важных и ощутимых. Достаточно отметить, что за 1922–1926 гг. Наркомзем ссудил крестьянскому населению семенную помощь в объеме около 106 млн пудов семян [5]. Натуральная семссудная помощь шла при этом по двум направлениям: на восстановление погибших от неурожаев площадей посева и расширение посевных площадей.

Такая бесконечная помощь деревне явно обременяла государство. Поэтому постановлением от 26 ноября 1926 г. Экономическое Совещание РСФСР закрепило курс на ликвидацию семсуды. Весной 1927 г. Наркомзем информировал о проведении последней ее выдачи. Причем выделялась она только тем районам, где наблюдалась массовая гибель яровых посевов. Утвержденный Госпланом РСФСР план для НКЗема предполагал выделение всего 1520 тыс. пудов ссуды для Уральской области, Крымской республики и области Коми. Остальные могли получать помощь лишь из местных крестьянских фондов, дотационных фондов губисполкомов и «по линии кредитования сельхозбанком» [6].

Предполагалось, что операции Наркомзема РСФСР по оказанию натуральной семенной помощи «рядовыми семенами» постепенно уступят место заготовке сортовых семян. Обосновывая это решение, партийные пропагандисты объясняли, что «государственная семсудная помощь крестьянскому населению в тех формах, в каких она существовала до настоящего времени, подлежит ликвидации», поскольку: «Перед государством в настоящий момент стоит чрезвычайно важная задача – поднять товарность зерновой продукции деревни. В дальнейшем укрепление сельского хозяйства должно идти по линии снабжения крестьянского населения высококачественными сортовыми семенами. Это мероприятие значительно увеличит и улучшит урожай крестьянских хозяйств и одновременно приведет к восстановлению нашего вывоза». На деле же это решение в гораздо большей степени отразило стремление государства возложить данную заботу на плечи самих крестьян. Как отмечалось тем же автором: «главное внимание должно быть обращено на создание местных крестьянских неприкосновенных семфондов. Несмотря на то, что с момента издания декрета о семенных фондах прошло 4 года, результаты по созданию семенных фондов еще очень невелики. Наличность неприкосновенных крестьянских семенных запасов к настоящему времени исчисляется по РСФСР в 6 255 тыс. пудов при 22 214 дес. общественных запашек. Это количество в сравнении с семенной потребностью крестьянства нужно считать ничтожным» [7. С. 12].

В целом, единоличная и общинная деревня была обязана все более активно повышать товарность, опираясь лишь на собственные силы. Решить эту задачу на добровольной основе было не просто крайне затруднительно – невозможно. В этих условиях выход власти увидели в форсированном кооперировании крестьян, позволявшем преодолеть как агрокультурную «ограниченность» общины, так и низкую товарность дробящегося крестьянского двора. Заметим, что это было уже не то добровольное кооперирование, которое пропагандировалось еще недавно – в условиях курса «Лицом к деревне!» [12. С. 114]. Для энтузиастов середины 1920-х гг., полагавших, что «лозунг землеустройства, «приближение хлебороба к земле» – население начинает проводить в жизнь», а «вновь образующиеся выселки быстро начинают чувствовать необходимость объединения в товарищество, чтобы совместными силами бороться за укрепление и улучшение своего хозяйства», едва ли не главная проблема виделась в нехватке тракторов. Появятся они в необходимом количестве – «ни одного выселка не останется некооперированного» [8. С. 22].

Спустя всего пару лет ситуация принципиально изменилась. На самом раннем этапе масштабной кампании обобществления власти еще пытались эксплуатировать традиционные чувства хозяина, собственника, подчеркивая, что: «Кооперация экономит каждую частицу крестьянского труда в сельском хозяйстве, экономит расходование каждой трудовой копейки в хозяйстве, помогает быстрейшему изживанию некультурности в деревне, сохраняет труд крестьянина от кулацко-торгашеской кабалы. Кооперация же помогает деревне покрываться сетью маслобойных, паточных, дегтярных, скипидарных и

др. заводов, которые не только организуют и поднимают доходность сельского хозяйства, но также постепенно занимают свободные рабочие руки деревни и ослабляют безработицу в городах» [9. С. 2].

Вместе с тем уже тогда отмечалось, что кооператив – не простая «торговая лавочка»: «Торгашеской наживы кооперация себе целью не ставит. Кооперация в условиях советской власти старается помочь бедняку и середняку выйти из нужды путем такой организации труда и хозяйства, при которой устраняется влияние частного капитала и посредника в деле товарообмена между городом и деревней [9. С. 2]. Как следствие, если прежде «культурное значение» передовых частных хозяйств государство приветствовало, то с 1927 г. единоличные хозяйства (особенно коммунистов) «фактически ставятся вне закона» [13. С. 49].

От этой новой, трансформированной программы актуализации «бедняка» лишь шаг оставался до прямой войны с хозяйственной самостоятельностью крестьян, достигшей своего апогея в борьбе с «кулаком». К концу 1928 г. на войну с кулаком был проведен уже тотальный «призыв». Дезертиров здесь быть не могло. В частности, партийные пропагандисты настаивали: «работа деревенского учителя мало смыкается с фронтом борьбы против кулака в деревне. Еще последний недостаток характеризует работу среди медработников, агрономического персонала и, в особенности, совторгслужащих. Это объясняется не столько их перегруженностью служебными обязанностями, сколько часто встречающейся отчужденностью их от основной массы деревенского населения, в особенности – от бедноты и батрачества» [4. С. 13].

Не отрицая наличия кулака в откровенно бедной российской деревне, следует признать, что дело было уже не в нем. Судьба «кулака» должна была стать примером для всей массы крестьянства, «инстинкт собственника» в котором предполагалось уничтожить во имя повышения эффективности аграрной сферы. И в этом нам видится главная теоретическая ошибка инициаторов кампании коллективизации.

Литература

1. Алексеев А. За земельную революционную законность // Красная деревня. 1927. № 2, 9 янв.
2. Алексеев А. Частые разделы – причина маломощности многих крестьянских дворов (В порядке обсуждения) // Красная деревня. 1927. № 13, 27 марта.
3. Амфитеатров Г.Н. Земельное общество и сельсовет // Революция права. 1928. № 2.
4. Больше внимания к перевыборам Советов // Культурная революция. 1928. № 3, 20 дек.
5. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. А-259. Оп. 11а. Д. 4. Л. 73.
6. ГАРФ. Ф. А-262. Оп. 4. Д. 41. Л. 123, 181.
7. Женьер Я. Крестьянские неприкосновенные семенные фонды // Деревенский коммунист. 1927. № 3(51), 10 февр.
8. Наш округ // Красный пахарь. Майкоп. 1925. № 1-2, янв.-февр.
9. Осипов А. Кооперация организует крестьянское хозяйство // Красная деревня. 1927. № 4, 23 янв.
10. Собрание кодексов РСФСР. 4-е изд. М.: Юрид. изд-во НКЮ РСФСР, 1928.
11. Собрание Указаний. 1922. № 68. Ст. 901.
12. Турицын И.В. Кадровая политика РКП(б) и периодическая печать (1921–1925 гг.). Армавир: Издат. центр АГПИ, 1998.
13. Турицын И.В., Холодный М.А. Эволюция крестьянского хозяйства и корректировка задач культурной революции в 1926–1928 гг. // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2015. № 4.
14. Холодный М.А. Советское землеустройство и право собственности в деревне в условиях нэпа // Современная научная мысль. 2014. № 5.

ТУРИЦЫН ИГОРЬ ВИКТОРОВИЧ – доктор исторических наук, профессор, президент НИИ истории, экономики и права, Россия, Москва (i.turitsyn@mail.ru).

ХОЛОДНЫЙ МАКСИМ АЛЕКСАНДРОВИЧ – кандидат исторических наук, научный сотрудник НИИ истории, экономики и права, Россия, Москва (info@helri.com).

I. TURITSYN, M. HOLODNY

PROPERTY AND EFFICIENCY: NEP AGRARIAN ALTERNATIVES

Key words: *new economic policy, agricultural policy, government support, farm, property, landowners' society, cooperation, collectivization, agricultural machinery.*

The article considers the issue of the evolution of land ownership relations, as well as factors underlying the rejection of the new economic policy by the Bolsheviks. It is shown that the inertness of the community often blocked the creative initiatives of the advanced peasants directly, while a steady fragmentation of peasants' households reduced marketability of the agricultural sector of the country. The authorities regarded the radical denial of the former institutions and forms as the way out of that situation. At the same time the fates of the kulaks were supposed to kill the «owner's instinct» in the entire mass of the peasantry, which would enhance the efficiency of the agrarian sector. This seems to have been the key theoretical mistake of the initiators of the collectivization campaign.

References

1. Alekseev A. *Za zemel'nyuyu revolyutsionnyuyu zakonnost'* [For Revolutionary Land Law]. *Krasnaya derevnya* [Red Village], 1927, no. 2, Jan. 9.
2. Alekseev A. *Chastye razdely – prichina malomoshchnosti mnogikh krest'yanskikh dvorov (V poryadke obsuzhdeniya)* [Frequent divisions – the reason for little efficiency of many peasants households (in order of discussion)]. *Krasnaya derevnya* [Red Village], 1927, no. 13, Mar. 27.
3. Amfiteatov G.N. *Zemel'noe obshchestvo i sel'sovet* [A Landowners Society and a Village Council]. *Revolutsiya prava* [Law Revolution], 1928, no. 2.
4. *Bol'she vnimaniya k perevyboram Sovetov* [More attention to the elections to the Soviets]. *Kul'turnaya revolyutsiya* [Cultural Revolution], 1928, no. 3, Dec. 20.
5. *Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii. F. A-259. Op. 11a. D. 4. L. 73* [State Archives of the Russian Federation. Archive A-259. Anagraph 11a. 4. Document 4].
6. *Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii. F. A-262. Op. 4. D. 41. L. 123, 181* [State Archives of the Russian Federation. Archive A-262. Anagraph 4. Document 41].
7. Zhen'er Ya. *Krest'yanskije neprikosnovennye semennye fondy* [Untouchable peasant seed funds]. *Derevenskii kommunist* [Country Communist], 1927, no. 3(51), Feb. 10.
8. *Nash okrug* [Our district]. *Krasnyi pakhar'. Maikop* [Red Plowman. Maikop], 1925, no. 1-2, Jan.-Feb.
9. Osipov A. *Kooperatsiya organizuet krest'yanskoe khozyaistvo* [Cooperation Organizes a Peasant Household]. *Krasnaya derevnya* [Red Village], 1927, no. 4, Jan. 23.
10. *Sobranie kodeksov RSFSR. 4-e izd.* [Assembly Codes of the RSFSR. 4th ed.]. Moscow, 1928.
11. *Sobranie Uzakonenii* [Assembly Legalized], 1922, no. 68, Article 901.
12. Turitsyn I.V. *Kadrovaya politika RKP(b) i periodicheskaya pechat' (1921–1925 gg.)* [Personnel policy of the RCP (b) and periodicals (1921–1925.)]. Armavir, 1998.
13. Turitsyn I.V., Kholodnyi M.A. *Evolutsiya krest'yanskogo khozyaistva i korrektyrovka zadach kul'turnoi revolyutsii v 1926–1928 gg.* [The Evolution of a Peasant Household and the Adjustment of the Cultural Revolution Goals in 1926–1928]. *Kaspiiskii region: politika, ekonomika, kul'tura* [The Caspian region: politics, economy, culture], 2015, no. 4.
14. Kholodnyi M.A. *Sovetskoe zemleustroistvo i pravo sobstvennosti v derevne v usloviyakh nepa* [Soviet land management and ownership in the village under the NEP]. *Sovremennaya nauchnaya mysl'* [Modern Scientific Thought], 2014, no. 5.

TURITSYN IGOR – Doctor of Historical Sciences, Professor, President of History, Economics and Law Research Institute (HELRI), Moscow, Russia.

HOLODNY MAKSIM – Candidate of Historical Sciences, Scientific Researcher, History, Economics and Law Research Institute (HELRI), Moscow, Russia.

Ссылка на статью: Турицын И.В., Холодный М.А. Собственность и эффективность: аграрные альтернативы эпохи нэпа // Вестник Чувашского университета. – 2015. – № 4. – С. 167–172.

УДК 654.197
ББК 76.032 63.59

М.Х. ФАТЫХОВА, Т.А. СПИРЧАГОВА

РАЗВИТИЕ НАЦИОНАЛЬНОГО ВЕЩАНИЯ КАК МОЩНЫЙ ФАКТОР СОХРАНЕНИЯ КУЛЬТУРНОЙ САМОБЫТНОСТИ В РЕГИОНАХ РОССИИ

Ключевые слова: регион, национальное вещание, культура, самобытность, традиции народа, телевизионная передача.

Средства массовой информации играют большую роль в формировании духовно-нравственных ценностей современного многонационального российского общества. Роль регионального телевидения важна также в решении проблем интеграции и взаимодействия народов. Национальный, этнокультурный сегмент на современном этапе развития телевизионной журналистики требует выработки его концептуальных основ и определения приоритетов. В данной статье авторы делают экскурс в историю деятельности регионального телевидения на примере государственной телерадиокомпании «Татарстан», определяют место и роль татарстанского телевидения в истории отечественного телевидения в 1990-е гг.

Региональное телевидение является одним из лучших способов сохранения культурных ценностей каждого из народов. «В настоящее время телевидение представляет собой одно из самых массовых средств распространения культурной, воспитательной информации» [2. С. 5]. Теперь становится очевидным то, что формирование культурного пространства общероссийской национальной медиасистемы с интегрированной в нее медиасистемой региона и становление информационного культурного пространства национально-этнической региональной медиасистемы как этнонациональной медиасистемы региона, ориентированной на самобытность и традиционно-национальный уклад, являются главными задачами [4. С. 100]. Приоритетом в решении таких задач в регионах является национальное вещание филиалов ВГТРК «Россия». Как отметил на церемонии награждения лауреатов Всероссийского фестиваля национального вещания «Голос Евразии» руководитель Регионального департамента ВГТРК Р. Сабитов: «Мы живем в уникальной стране, и наша миссия – сохранять язык, традиции и самобытность народов, ее населяющих. Ежедневно мы вещаем на 54 языках. Это огромный массив информации, который скрепляет нашу культуру в целом» [3].

«На наш взгляд, именно региональная культура в перспективе может стать основанием единения страны и будет играть значительную роль в решении проблем современного общества» [5].

Несколько раз в день по всей России открываются региональные «окна» – выпуски местных новостей и программы национального вещания. Больше трети телекомпаний ВГТРК вещают на национальных языках. Самыми популярными во всех этих телекомпаниях являются программы, которые на других каналах и представить сложно. Это часовые неспешные, обстоятельные фильмы об обрядах, национальных блюдах, традициях... Ведь главное здесь – не оперативность, а внимание к сохранению обычаев и языков, на которых больше нигде в мире не говорят. Например, ГТРК «Дагестан» – единственная в России телерадиокомпания, которая по вторникам и четвергам вещает по утрам на 14 конституционных языках народов Дагестана. «Различные языки и вместе с ними национальные культуры логично сравнивать с лесной поляной, состоящей из множества разнообразных цветов, обдуваемых вместе красочный ковер. С потерей этих цветов будет пропадать и

красота ковра. Так же и с языками: с потерей каждого из многочисленных языков обществу, культуре народов будет нанесен непоправимый урон» [7].

Исходя из вышеизложенного исследование специфики вещания национальных каналов является актуальным. В качестве эмпирической базы для анализа мы выбрали 5 редакций национального вещания филиалов ВГТРК Россия по Приволжскому федеральному округу: ГТРК «Башкортостан», ГТРК «Марий Эл», ГТРК «Удмуртия», ГТРК «Татарстан», ГТРК «Чувашия». Названия передач, выходящих в эфир по местным каналам, представлены в табл. 1.

Таблица 1

**Передачи на национальных языках
в региональных филиалах ВГТРК Россия**

Филиалы ВГТРК Россия	Название и язык передач	Хронометраж, мин
ГТРК «Башкортостан»	«Ауаз» («Эхо»), башкирский	54
	«Күнел нуры» («Благо дарю»), башкирский	24
	«Ихлас күнелдән» («От всей души»), башкирский	60
ГТРК «Марий Эл»	«Вести Марий Эл», марийский	15
	«Пошкудем» («Соседи»), «Кырык сирем» («Горномарийский берег»), марийский	12–51
	«Шонанпыл» («Радуга»), марийский	8–13
	«Туган тел» («Родной язык»), татарский	13–33
ГТРК «Удмуртия»	«Мылысь-кыдысь» («От всей души»), удмуртский	44–54
	«Аслым Ачим Кузе» («Сам себе хозяин»), удмуртский	19–27
	«Калыклэн данзэ» («Гордость народа»), удмуртский	17–30
	«Хæерле кич!» («Добрый вечер!»), татарский	17–27
ГТРК «Татарстан»	«Рухи хэзинә» («Духовное наследие»), «Алтын куллар» («Золотые руки»), татарский	15–25
	«Ижат» («Творчество»), «Халык жәүһәрләре» («Жемчужины народа»), татарский	20–45
	«Бәхетем минем» («Счастье мое»), «Замандаш» («Современник»), татарский	15–35
ГТРК «Чувашия»	«Вести Чувашия», чувашский	3–20
	«Алран кайми» («Сельская жизнь»), чувашский	15
	«Ирхи тӗпел» («Утренняя гостиняя»), чувашский	40
	«Шевле» («Солнечный зайчик»), чувашский	10–12
	«Унер тӗнчи» («Мир искусства»), чувашский	20
	«Юратнӑран» («С любовью»), чувашский	55
	«Телеюрӑ» («Телевизионная песня»), чувашский	25–60

«Визитные карточки», т.е. информационные выпуски новостей на национальном языке, имеются в ГТРК «Чувашия» и ГТРК «Марий Эл» (табл. 2).

В основном передачи национального вещания готовятся в жанрах художественной публицистики. Авторы стараются показать духовную жизнь человека через творчество.

Изучив контент выбранных каналов, можно утверждать, что самым популярным жанром является портретный очерк (табл. 3).

Таблица 2

Информационные выпуски новостей

Название	День и время выхода в эфир
«Вести Чувашия»	6.07–6.10 и 6.35–6.41 – со вторника по пятницу
	8.10–8.20 – в субботу
	11.35–11.55 – с понедельника по четверг
	17.10–17.30 – с понедельника по пятницу
«Вести Марий Эл»	11.35–11.50 и 17.10–17.25 – с понедельника по четверг
	11.35–11.50 – в пятницу

Таблица 3

Портретные очерки и периодичность их выхода в эфир

Филиалы ВГТРК Россия	Название портретных очерков, язык вещания	Периодичность выхода в эфир
ГТРК «Башкортостан»	«Кунел нуры» («Благо дарю»), башкирский	1 раз в месяц.
ГТРК «Марий Эл»	«Пошкудем» («Соседи»), марийский	2 раз в неделю
	«Кырык сирем» («Горномарийский берег»), марийский	2 раза в месяц
ГТРК «Удмуртия»	«Аслым Ачим Кузе» («Сам себе хозяин»), удмуртский	2 раза в месяц
	«Калыклэн данэз» («Гордость народа»), удмуртский	2 раза в месяц
ГТРК «Татарстан»	«Бэхетем минем» («Счастье моё»), «Замандаш»	1 раз в месяц
	(«Соседи»), татарский	
ГТРК «Чувашия»	«Үнер тәнчи» («Мир искусства»), чувашский	2 раза в месяц
	«Ирхи тѐпел» («Утренняя гостиная»), чувашский	1 раз в неделю

В передачах национального телевидения личность рассматривается не только через призму общества и политики, экономики и социальных проблем, не только в качестве общественного явления, а раскрывается как живой образ в конкретной, правдивой жизненной обстановке. Именно таким получился герой видеоочерка А. Ивановой «Дар от Бога» (ГТРК «Марий Эл»). Этот фильм получил специальный приз правительства республики Хакасия на Всероссийском фестивале национального вещания «Голос Евразии». Этот конкурс лишней раз подчеркивает важность и необходимость сохранения и развития национальной культуры и дает стимул для профессионального роста авторам, создателям тематических циклов. На этом же фестивале фильм М. Карягиной (ГТРК «Чувашия») «Сто лет спустя. Терентий Дверенин» удостоился гран-при. Главный герой фильма – почти столетний кукольник из чувашской деревни. После того, как о Терентии Дверенине узнала вся Чувашия, умельцу была присуждена государственная премия.

Показ программ на языке титульной нации, безусловно, выполняет ряд важнейших функций: знакомство с культурой, традициями, воспитание толерантности, главным образом, у подрастающего поколения. В этом и заключается специфика регионального национального вещания.

Особенно важным направлением в отечественном телевидении является привлечение детской аудитории. Проблемы омолаживания телевизионной аудитории интересуют не только российских ученых, но и европейских исследователей. Одним из приоритетных направлений решения этой проблемы, по мнению Пей Цай, Минь-Джей Чан, является приобщение молодой аудитории к этнической культуре и самобытности коренных народов через СМИ [8]. В исследуемых филиалах ВГТРК «Россия» лишь две редакции национального вещания – ГТРК «Марий Эл», ГТРК «Чувашия» – выделяют время для детских передач. Дети, которые ведут передачу «Шонанпыл» «Радуга» на марийском языке, «Шевле» «Солнечный зайчик» на чувашском языке, с малых лет приобщаются к национальной культуре, искусству, тем самым призывают и сверстников любить и уважать свой родной язык, народные традиции.

«Самый верный и оптимальный способ сохранения и использования языков – это реальное многоязычие, то есть знание родного языка наряду с языком своего государства, а также знание международных языков, толерантное отношение к народам, живущим в регионе, стране» [1]. В сетке местного вещания филиалов ГТРК «Марий Эл» и ГТРК «Удмуртия» создали возможность подготовки передач на татарском языке. «Сохранение различий в культурах разных народов является благоприятным условием для их дальнейшего развития и будет способствовать межнациональным контактам» [б. С. 9].

С точки зрения профессионализма передачи «Хэерле кич!» («Добрый вечер!»), «Туган тел» («Родной язык») не являются образцами журналистского мастерства. Но для целевой аудитории, проживающей далеко от исторической родины, – это единственная возможность получать местную информацию на родном языке.

По результатам исследования можно утверждать, что циклы передач на национальных языках регионального телевидения отражают всю палитру национального наследия, пропагандируя духовно-нравственные ценности и традиции региональной культуры, решают важную на сегодняшний день задачу стабилизации и гармонизации отношений в обществе и его культурно-духовного формирования. В условиях процесса глобализации духовная, нравственная составляющая в жизни общества приобретает ключевое значение.

Литература

1. Валеев Р.С. Роль электронных СМИ и сети Интернет в этнокультурном развитии народов России [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kazanfed.ru/publications/kazanfederalist/n14-15/8> (дата обращения: 29.03.2015).
2. Данилов А.А. Расширение культурно-воспитательной функции регионального телевидения: исторический опыт советского государства (на материалах Марийской, Мордовской и Чувашской АССР) // Вестник Чувашского университета. 2014. № 1. С. 5–9.
3. Данилова Г. На фестивале «Голос Евразии» [Электронный ресурс] // Рос. газета: сайт. URL: <http://www.rg.ru/2013/08/31/reg-pfo/evrazija.html> (дата обращения: 10.03.2015).
4. Дорошук Е.С. Исторический аспект развития образования будущих журналистов в регионе // История регионального телевидения в контексте вызовов нового времени: сб. науч. ст. и материалов межрегион. науч.-практ. конф. (Казань, 17 апреля 2012 г.) / под. ред. В.З. Гарифуллина, Е.С. Дорошук. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2012. С. 94–103.
5. Дряхлова Л.Д. Национальное телевидение в условиях региональной полилингвистики (на примере Республики Мордовия) [Электронный ресурс]. URL: <http://cheloveknauka.com/natsionalnoe-televidenie-v-usloviyah-regionalnoy-polilingvistiki> (дата обращения: 14.03.2015).
6. Квилинкова Е.Н., Сакович В.А. Национальные культуры в условиях глобализации // Известия национальной академии наук Беларуси. Сер. Гуманитарных наук. 2011. Т. 2. С. 9–14.
7. Юсупов Р.А. Сохранение родного языка – долг каждого [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mtss.ru/pages/conf210208ur.htm> (дата обращения: 21.03.2015).
8. Pei Tsai, Ming Jay Chang. The rejuvenating strategies of aptn (aboriginal peoples television network) in Canada. Media & Mass Communication, 2014, vol. 3, pp. 16–29. Available at: <http://www.scientific-publications.net/get/1000005/1408969383988765.pdf> (Accessed 15 March 2015).

ФАТЫХОВА МУРШИДА ХАНАФИЕВНА – кандидат филологических наук, ассистент кафедры телевидения и телепроизводства, Казанский (Приволжский) федеральный университет, Россия, Казань (hanafi@yandex.ru).

СПИРЧАГОВА ТАТЬЯНА АНАТОЛЬЕВНА – кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики электронных средств массовой информации, Казанский (Приволжский) федеральный университет, Россия, Казань (tatianasp@nm.ru).

M. FATYKHOVA, T. SPIRCHAGOVA

THE DEVELOPMENT OF NATIONAL BROADCASTING AS A POWERFUL FACTOR IN THE PRESERVATION OF CULTURAL IDENTITY IN RUSSIAN REGIONS

Key words: egion, national broadcasting, culture, identity, folk traditions, TV program.

Media plays one of the important roles in formation of spiritual and moral values of the modern multinational Russian society. The impact of regional television on solving the problems of ethnical integration and interaction is prominent. At the current stage of TV journalism, the national, ethnical, segment requires the development of its conceptual frameworks and priorities. In this article, the author makes a historical review of regional television activities on the example of the Tatarstan State Television, defining its place and role in the history of Russian National television in 1990s.

References

1. Valeev R.S. *Rol' elektronnykh SMI i seti Internet v etnokul'turnom razvitii narodov Rossii* [The role of electronic media and the Internet in the ethnic and cultural development of the peoples of Russia]. Available at: <http://www.kazanfed.ru/publications/kazanfederalist/n14-15/8> (Accessed 29 March 2015).
2. Danilov A.A. *Rasshirenie kul'turno-vospitateľnoi funktsii regional'nogo televideniya: istoricheskiy opyt sovetskogo gosudarstva (na materialakh Mariiskoi, Mordovskoi i Chuvashskoi ASSR)* [Expansion of cultural and educational function of regional Television: historical experience of the soviet state (on materials of Mari, Mordovian and Chuvash Republics)]. *Vestnik Chuvashskogo universiteta*, 2014, no. 1, pp. 5–9.
3. Danilova G. *Na festivale «Golos Evrazii»* [At the «Voice of Eurasia» festival]. Available at: <http://www.rg.ru/2013/08/31/reg-pfo/evrazija.html> (Accessed 10 March 2015).
4. Doroshchuk E.S. *Istoricheskiy aspekt razvitiya obrazovaniya budushchikh zhurnalistov v regione* [The historical aspect of the development of future journalists' education in the region]. In: Garifullin V.Z., Doroshchuk E.S., ed. *Istoriya regional'nogo televideniya v kontekste vyzovov novogo vremeni: sb. nauch. st. i materialov mezhregion. nauch.-prakt. konf. (Kazan, 17 aprelya 2012 g.)* [Proc. of konf. «The history of regional television in the context of challenges of new time challenges», Kazan, 17 April 2012]. Kazan, Kazan University Publ., 2012, pp. 94–103.
5. Dryahlova L.D. *Natsional'noe televidenie v usloviyakh regional'noi polilingvistiki (na primere Respubliki Mordoviya)* [National Television in Conditions of Regional Multilingualism (based on the Republic of Mordovia)]. Available at: <http://cheloveknauka.com/natsionalnoe-televidenie-v-usloviyah-regionalnoy-polilingvistiki> (Accessed 14 March 2015).
6. Kvilinkova E.N., Sakovich V.A. *Natsional'nye kul'tury v usloviyakh globalizatsii* [National culture in a globalizing world.]. *Izvestiya natsional'noi akademii nauk Belarusi. Ser. Gumanitarnykh nauk* [Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus. Humanities Series], 2011, vol. 2, pp. 9–14.
7. Yusupov R.A. *Sokhranenie rodnogo yazyka – dolg kazhdogo* [Preservation of native language is everyone's duty]. Available at: <http://www.mtss.ru/pages/conf210208ur.htm> (Accessed 21 March 2015).
8. *Pei Tsai, Ming Jay Chang*. The rejuvenating strategies of aptn (aboriginal peoples television network) in Canada. *Media & Mass Communication*, 2014, vol. 3, pp. 16–29. Available at: <http://www.scientific-publications.net/get/1000005/1408969383988765.pdf> (Accessed 15 March 2015).

FATYKHOVA MURSHIDA – Candidate of Philological Sciences, Assistant Lecturer, Department for Television Broadcasting and Production, Kazan (Volga) Federal University, Kazan, Russia.

SPIRCHAGOVA TATIANA – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Department for Theory and Practice of Electronic Mass Media, Kazan (Volga) Federal University, Kazan, Russia.

Ссылка на статью: Фатыхова М.Х., Спирчагова Т.А. Развитие национального вещания как мощный фактор сохранения культурной самобытности в регионах России // Вестник Чувашского университета. – 2015. – № 4. – С. 173–177.

УДК 811.111'367/37

ББК 123.34

Л.А. ХАРИТОНОВ, Л.А. ЕФИМОВ

**РАЗВИТИЕ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ ЧУВАШСКОЙ АССР
В 1945–1960-е ГОДЫ**

Ключевые слова: электрификация, электроэнергетика, строительство гидроэлектростанций и теплоэлектростанций, развитие экономики, кадры энергетиков.

Рассмотрены вопросы развития энергетической системы Чувашии в 1945–1960-е гг. Проблему послевоенного восстановления промышленности региона должны были решить строительство новых и модернизация существующих объектов энергетического хозяйства (гидроэлектростанций, теплоэлектростанций и линий электропередач). Бурное развитие энергетики Чувашии предопределило создание районного энергетического управления «Чувашэнерго». Все эти изменения способствовали созданию образовательной площадки по подготовке энергетических кадров на территории самой Чувашской АССР. Последствием преобразований в энергетике Чувашии стало завершение электрификации в республике, что способствовало улучшению экономических показателей и социально-культурного уровня жизни населения республики.

Энергетика является одной из ведущих отраслей экономики Российской Федерации. От её стабильности зависит будущее страны. В единой энергетической системе РФ важную роль играет и энергетика Чувашии – молодая отрасль экономики автономной республики, которая получила широкое развитие после Великой Отечественной войны.

Проблема становления и развития энергетической системы Чувашии нашла определенное отражение как в союзной, так и в региональной историографии. Так, Г.П. Петров в книге, увидевшей свет в 1960-е гг., затрагивает историю становления новой отрасли – энергетики Советской Чувашии, развития промышленности и сельского хозяйства. Особую ценность в изучении данной проблемы представляют юбилейные издания (1997 г., 2007 г.) о деятельности «Чувашэнерго», в которых составители описывают основные этапы развития энергетической системы Чувашии, приводят сведения о современном состоянии энергетики. Изучение материалов региональной периодической печати (газеты «Современная Чувашия», «Хыпар», «Советская Чувашия», «Энергетик Чувашии», «Блокнот агитатора» и др.), а также архивных фондов Государственного исторического архива Чувашской Республики (Чувашского монтажного управления треста «Верхневолгоэлектромонтаж», Заволжского торфопредприятия и др.) позволяет сделать вывод о том, что на сегодняшний день нет работ, комплексно освещающих становление и развитие энергетической системы Чувашии после войны [1–8, 12, 14].

Отметим, что переход от военной экономики к мирной жизни начался сразу же после разгрома гитлеровской Германии. Большие задачи были поставлены перед энергетической промышленностью Чувашии с 1946 г. Она должна была обеспечить электроэнергией быстроразвивающуюся промышленность и культурно-бытовые нужды городского и сельского населения республики. Предусматривалось провести реконструкцию существующих энергетических установок, расширение ряда электростанций, использование гидроэнергетических ресурсов, введение ряда новых мощностей.

Причиной, серьезно тормозившей выполнение запланированных мероприятий предприятиями республики, послужило отставание развития энергетической базы от потребностей промышленности. Поэтому вопросы строительства новых энергетических мощностей Чувашии были на первом месте.

Еще в марте 1945 г. правительством Чувашской АССР и бюро обкома КПСС в соответствии с Постановлением Совета Народных Комиссаров (СНК)

СССР от 8 февраля 1945 г. было принято постановление «О развитии сельской электрификации в Чувашской АССР» [13. С. 46].

За 1946–1950 гг. планировалось построить не менее 111 сельских электростанций, в том числе 108 ГЭС и 3 ТЭС. Общая мощность их должна была составлять 4280 кВт. К концу 1950 г. намечалось электрифицировать 18 районных центров, 26 машинно-тракторных станций (МТС) и 450 колхозов [6. Д. 75. Л. 23].

Удобными для строительства так называемых «колхозных» (малых) ГЭС считались реки: Большой и Малый Цивиль, Сорма, Выла, Унга, Рыкша, Шатьма и др. Исходя из местных ресурсов в республике развернулось строительство дизельных, гидро- и теплоэлектростанций.

Самым крупным объектом энергостроительства с 1946 г. стала Заволжская тепловая электростанция (ТЭС). Она должна была стать основным источником энергоснабжения предприятий города Чебоксары. Первую очередь ее строительства планировалось завершить в середине апреля 1946 г., но фактически завершена в 1948 г. Был сдан в эксплуатацию турбогенератор мощностью в 3200 кВт. Также продолжалось строительство транспортных электростанций. Так, в 1948 г. вступила в строй Алатырская электростанция мощностью 115 кВт [4. Д. 13. Л. 185].

После войны в строй действующих вошли новые электростанции при промышленных предприятиях республики. В 1947–1948 гг. ежегодно сдавалось в эксплуатацию по 6 электростанций, в основном на малых реках Чувашии. Строили свои электростанции небольшой мощности предприятия лесной и деревообрабатывающей промышленности. Наиболее крупной была электростанция при Алатырском лесозаводе, мощность которой достигала 260 кВт [13. С. 47].

Многие предприятия республики предлагали помощь колхозам при строительстве гидро- и теплоэлектростанций в сельской местности. Так, Канашский вагоноремонтный завод (ВРЗ) обязался построить ГЭС на реке Цивиль, электрифицировать Яльчикскую МТС, изготовить 5 турбин для гидроэлектростанций. Такие же предложения последовали и от судостроителей Марпосадской верфи, шумерлинских мебельщиков, домостроителей Козловки и от коллектива Чебоксарского электроаппаратного завода.

Следующей особенностью при построении энергетической системы Чувашии являлась массовая работа по электрификации сельского хозяйства. Для реализации данной задачи было решено использовать существующие мельничные плотины, т.е. сочетать гидроэлектростанции с водяными мельницами. Подготовка технической документации на изготовление оборудования, проведение разведывательных работ на реках республики и проектирование электростанций были возложены на контору «Чувшсельэлектро».

Первые сельские гидроэлектростанции после войны появились в 1946 г.: была введена Абакасинская ГЭС мощностью 15 кВт, в июле того же года была пущена Ишлейская ГЭС мощностью 15 кВт. В августе того же года вводятся в эксплуатацию 3 ГЭС по 30 кВт: Большая Аккозинская на р. Аниш, Кресшниковская на р. Кубня, Кугеевская на р. Аниш, а также Булатовская ГЭС на р. М. Цивиль мощностью 25 кВт [12. С. 5]. Всего за 1946 г. построено и введено в эксплуатацию 23 электростанции общей мощностью 302 кВт, из них 2 – дизельные, по 30 кВт каждая. Проводилась работа и по развитию энергетической инфраструктуры. В сельской местности было проложено 20 км высоковольтных и 52 км низковольтных линий электропередач, электрифицировано 20 колхозов, 3 МТС [12. С. 5].

1948 год явился годом переломным в энергетической отрасли республики: резко возросли объемы работ по электрификации. Если в 1947 г. строительно-монтажных работ в республике было выполнено на 2095 тыс. руб., то

в 1948 г. контора «Чувашсельэлектро» выполнила их на 3552 тыс. руб. (рост составил 173, 2%). В эти годы было введено в эксплуатацию 17 ГЭС, 6 ТЭС общей мощностью 880 кВт [12. С. 5].

Но в то же время отставала работа по строительству колхозных ГЭС. 27 мая 1949 г. Главсельэлектро Министерство сельского хозяйства (МСХ) СССР рассмотрело отчет работы Чувашской конторы «Чувашсельэлектро» по выполнению плана 1948 г. и подвергло резкой критике невыполнение задач Совета Министров республики за 1948 г.: электрификации колхозов, установки электромоторов, строительства и оборудования радиоузлов, ввода в эксплуатацию ГЭС. Хотя энергопредприятие и наращивало объемы работ по выполнению плановых показателей, работа «Чувашсельэлектро» за 1948 г. была признана неудовлетворительной. Директора конторы Г.А. Савельева обязали принять исчерпывающие меры по устранению недостатков в работе.

В 1949 г. вводятся 10 малых ГЭС и ТЭС общей мощностью 375 кВт. В этот год в республике пользовались электрической энергией 130 колхозов, 12 МТС и 10 районных центров [3. Д. 5. Л. 38]. Были электрифицированы многие села и некоторые районные центры.

В период с 1946 г. по 1950 г. были достигнуты значительные успехи в наращивании мощностей энергохозяйства республики. В 1950 г. построено и введено в эксплуатацию 13 ГЭС и 16 ТЭС общей мощностью 823 кВт, электрифицировано 4 МТС (Алатырская, Аликовская, Первомайская и Янтиковская), Марпосадский лесной техникум, Чуварлейский туберкулезный диспансер, станции Тюрлема и Урмары [12. С. 5]. Выработка электроэнергии также способствовала развитию кинофикации в республике. Введены в эксплуатацию 30 киноустановок при районных домах культуры.

Рост промышленности ставил серьезные проблемы перед энергетиками республики. При составлении перспективного плана развития энергетики учитывались растущие потребности всех отраслей народного хозяйства: на каждый год планирующие органы республики составляли электробаланс. Планировались и строились новые колхозные и межколхозные гидро- и тепловые электростанции. Но, в отличие от предвоенных лет, в 1950-х гг. колхозами возводились капитальные плотины из камня и бетона с использованием современной строительной техники. Нередко колхозы объединялись и строили более крупные межколхозные электростанции. Такая форма кооперации значительно сокращала сроки строительства и сдачи их в эксплуатацию.

В 1951 г. всего было построено и введено 8 ГЭС и 32 ТЭС общей мощностью 716 кВт, электрифицировано 4 МТС (Красноармейская, Шихазанская, Марпосадская, Сурмайданская), 7 инкубаторных станций (Алатырская, Козловская, Сундырская, Цивильская, Шумерлинская, Ядринская). Подано электричество в Марпосадский техникум, Вурнарскую заготовительную контору и 2 радиоузла (Шихазаны и Чурачики) [2. Д. 4. Л. 61].

Продолжалась также электрификация сельских населенных пунктов. Так, например на р. Сорма в 1950-е гг. были построены Елышская и Шиушская ГЭС Аликовского района. Обе гидроэлектростанции работали с применением мельничной плотины у близрасположенных деревень. В 1953 г. ведена в эксплуатацию Елышская ГЭС. Инициатором строительства был председатель колхоза им. Ворошилова, уроженец д. Н. Елыши А.М. Максимов [10. С. 147]. Основные строительные-монтажные работы вел подрядчик «Сельэлектрострой» при Министерстве сельского хозяйства ЧАССР в течение двух лет. Народ проявлял большой интерес при строительстве ГЭС, что повлияло на скорейшее завершение строительных работ. Электроэнергией пользовались домохозяйства деревень Н. Елыши, В. Елыши и Антоновка. Сама станция проработала около 15 лет, до проведения в колхоз промышленного тока.

В начале 1950-х гг. построена другая гидроэлектростанция у д. Биуши Аликовского района (на р. Сорма) с участием коллектива трудящихся колхоза «Победа» [9. С. 525]. До прихода промышленного тока были поставлены на электропривод конные молотилки и ручные веялки-сортировки, кузница, приобретенны и пущены в эксплуатацию пилорама и др. Электроэнергией пользовались жители деревень Биуши, Ниуши и Кагаси. ГЭС действовала до 1970 г., когда была разрушена во время весеннего половодья.

На начало 1952 г. основная часть сельского населения пользовалась электроэнергией, но с учетом того, что первоначальные мощности ГЭС и ТЭС составляли от 15 до 24 кВт, в большинстве случаев существовавшие электростанции не удовлетворяли нужды потребителей. В 1952–1954 гг. шло расширение существующих и продолжалось строительство новых электростанций для еще не электрифицированных населенных пунктов. За 3 года введено в эксплуатацию 8 ГЭС и 8 ТЭС общей мощностью 876 кВт, расширены построенные 9 электростанций на общую мощность 236 кВт [4. Д. 126. Л. 87].

В 1954 г. республиканским органам предоставлялось право выдавать кредиты колхозам через сельхозбанки для ввода электростанций и электрификации сел. Этими льготами воспользовались и кооперативы Чувашии, которые были заинтересованы в подключении объектов к электрической сети и строительству ГЭС. В 1955 г. принято решение о строительстве линий электропередач (ЛЭП) 6–10 кВт за счет средств госбюджета в количестве 260 км. Впервые запланировано строительство ЛЭП 35 кВ и 2 подстанций по 1680 кВт на территории Чувашии [11. С. 132]. Со строительством этих линий начинается второй этап электрификации сельского хозяйства Чувашии. Так, в Аликовском районе подключены к электростанции местного завода 2 колхоза, к Ишлейской электростанции – 8 колхозов, к Чебоксарским электростанциям (дизельная и Заволжская ТЭС) – 31 колхоз, к Шумерлинской ТЭЦ завода «Большевик» – 5 колхозов, [6. Д. 126. 141].

По отчетным данным за 1955 г. в республике уже пользовались электроэнергией 178 колхозов, 29 МТС, 3 учебных заведения, 9 инкубаторских станций, 5 домов отдыха. За год выработано 1700 тыс. кВт, из них использовано на производственные нужды колхозов 520 тыс. кВт, что было крайне мало [6. Д. 126. 143].

На начало 1956 г. общее количество электростанций увеличилось более чем в 2 раза, а промышленных электростанций почти в 3 раз. Электрификация способствовала росту производительности труда как в сельском хозяйстве, так и в промышленности.

Дальнейшему развитию электроэнергетики республики способствовало образование в 1957 г. энергетического управления Чувашского совнархоза, которое впоследствии было преобразовано в районное энергетическое управление «Чувашэнерго». Оно планировало развитие энергетики и строительство магистральных линий электропередач и районных подстанций. В 1962 г. для организации эксплуатации и сетевого строительства на территории Чувашской АССР было создано предприятие «Чувашэлектросеть». В республике продолжалось дальнейшее сетевое строительство, и как итог – к 1967 г. во все населенные пункты Чувашской АССР прибыл промышленный ток.

Все эти структурные изменения в энергетической системе Чувашской АССР способствовали созданию своеобразной «кузницы» по подготовке кадров-энергетиков: в 1961 г. в г. Чебоксары открылись Научно-исследовательский институт релестроения (будущий ВНИИР) и Волжский филиал Московского энергетического института (ВФ МЭИ) [15. с. 15]. В молодой институт поступали выпускники не только из Чувашии, но и из других городов Поволжья на новые электротехнические специальности. Первый выпуск инженеров-электриков и электромехаников Волжского филиала МЭИ состоялся уже в 1963 г. Это были в основном руководители производств и подразделений Чувашской энергосистемы.

В те годы появляются первые студенческие энергостроительные отряды ВФ МЭИ благодаря активным ассистентам кафедры электрических станций и электрооборудования В.И. Лошкареву, Ю.И. Злобину, П.И. Осипенко. В июне 1964 г. студенты института уже проходили производственную практику в сельских районах (Урмарский, Вурнарский и др.) Чувашии и участвовали в электрификации села [15. С. 20].

В 1960-е гг. в Чувашии велось строительство крупных энергетических объектов. Так, в 1963 г. начались подготовительные работы по сооружению Чебоксарской ГЭС – последней станции Волжского каскада. В 1965 г. на территории будущей Чебоксарской ТЭЦ-2 в составе ТЭЦ-1 был сдан в эксплуатацию водогрейный котел мощностью 50 Гкал/ч для теплоснабжения города, введен в строй первый турбоагрегат на Новочебоксарской ТЭЦ-3 [12. С. 5]. По мере ввода новых мощностей шел демонтаж дизельных и мелких гидравлических станций.

Таким образом, в послевоенные войны в Чувашии энергетическая проблема стала одной из острейших. Имеющиеся электростанции в основном были маломощными, находились в подчинении различных ведомств и отдельных предприятий. Это сдерживало их дальнейшее развитие и использование всей производственной мощности.

По итогам проведенной целенаправленной работы и дальнейшей электрификации сельского хозяйства, сооружению колхозных и межколхозных гидро- и электростанций в Чувашии складывается новая отрасль – энергетическая. Если в 1945 г. в Чувашии было электрифицировано 7 колхозов и 8 МТС, в 1955 г. – 178 колхозов и 29 МТС, то в начале 1960-х гг. в республике начинается массовая электрификация сел и городов. Главная заслуга в этом принадлежит энергетикам и работникам «Сельэлектро», которые внесли большой вклад в проектирование и разведывательные работы, а также группы «Чуваш-проекта» и Горьковского филиала «Энергосельпроекта». Массовая подготовка кадров-энергетиков средней и высшей квалификации в самой республике способствовала успешному решению народнохозяйственных задач.

Литература

1. Государственный исторический архив (ГИА) ЧР. Ф. 89. Оп. 1. Д. 142.
2. ГИА ЧР. Ф. 197. Оп. 47. Д. 4.
3. ГИА ЧР. Ф. 197. Оп. 47. Д. 5.
4. ГИА ЧР. Ф. 1532. Оп. 8. Д. 13, 23, 50.
5. ГИА ЧР. Ф. 1803. Оп. 1. Д. 71.
6. ГИА ЧР. Ф. 1903. Оп. 1. Д. 75, 82, 92, 120, 126.
7. ГИА ЧР. Ф. 1912. Оп. 1. Д. 37.
8. ГИА ЧР. Ф. 2309. Оп. Д. 67.
9. *Ефимов Л.А.* Шишская колхозная ГЭС // Аликковская энциклопедия. Чебоксары: Новое Время, 2012. Кн. 2. С. 525.
10. *Никифоров В.Я., Ефимов Л.А.* Елышская колхозная ГЭС // Аликковская энциклопедия. Чебоксары: Новое Время, 2012. Кн. 2. С. 147–148.
11. *Петров Г.П.* Энергетика Советской Чувашии. Чебоксары: Чуваш. гос. изд-во, 1971. 166 с.
12. *Рыжов В.С.* Претворение плана ГОЭРЛО в сельской местности // Энергетик Чувашии. 2000. № 3. С. 5.
13. *Рыжов В.С.* Чувашэнерго – прошлое, настоящее, будущее: Исторические очерки, воспоминания. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1997. 398 с.
14. *Степанов Г.* Проблемы энергетики села // Сов. Чувашия. 1981. 7 авг.
15. *Щедрин В.А.* Страницы из полувековой истории кафедры электроснабжения промышленных предприятий им. А.А. Федорова // Региональная энергетика и электротехника: проблемы и решения: сб. науч. тр. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2010. Вып. 6. С. 15–32.

ХАРИТОНОВ ЛЕОНИД АНАТОЛЬЕВИЧ – аспирант кафедры отечественной и всеобщей истории, Чувашский государственный педагогический университет, Чебоксары (haritonovleonida@gmail.com).

ЕФИМОВ ЛЕВ АРХИПОВИЧ – доктор исторических наук профессор кафедры отечественной и всеобщей истории, Чувашский государственный педагогический университет, Чебоксары.

L. KHARITONOV, L. EFIMOV

DEVELOPMENT OF CHUVASHIA'S ELECTRIC POWER SYSTEM IN 1945–1960

Key words: electrification, power industry, construction of hydroelectric and thermal power plants, development of economy, power engineering personnel.

This article considers the issues concerning the development of Chuvashia's electric power system in 1945–1960. The revival of the post-war economy was meant to be achieved through building new power facilities and restoring the existing ones, which included hydroelectric and thermal power plants and power lines. Rapid development of Chuvashia's power system predetermined the establishment of «Chuvashenergo», a regional power system administration enterprise. All these changes contributed to starting an educational program for training power engineering personnel on the territory of the Chuvash Autonomous Republic. The reforms in the power system of Chuvashia resulted in ultimate electrification of the republic, which improved the economic and socio-cultural life of the population.

References

1. Gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Chuvashskoi Respubliki. Fond 89. Opis 1. Document 142 [State Historical Archives of the Chuvash Republic. Archive 89. Anagraph 1. Document 142].
2. Gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Chuvashskoi Respubliki. Fond 197. Opis 47. Document 4 [State Historical Archives of the Chuvash Republic. Archive 197. Anagraph 47. Document 4].
3. Gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Chuvashskoi Respubliki. Fond 197. Opis 47. Document 5 [State Historical Archives of the Chuvash Republic. Archive 197. Anagraph 47. Document 5].
4. Gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Chuvashskoi Respubliki. Fond 1532. Opis 8. Documents 13, 23, 50 [State Historical Archives of the Chuvash Republic. Archive 1532. Anagraph 8. Documents 13, 23, 50].
5. Gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Chuvashskoi Respubliki. Fond 1803. Opis 1. Document 71 [State Historical Archives of the Chuvash Republic. Archive 1803. Anagraph 1. Document 71].
6. Gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Chuvashskoi Respubliki. Fond 1903. Opis 1. Documents 75, 82, 92, 120, 126 [State Historical Archives of the Chuvash Republic. Archive 1903. Anagraph 1. Document 75, 82, 92, 120, 126].
7. Gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Chuvashskoi Respubliki. Fond 1912. Opis 1. Document 37 [State Historical Archives of the Chuvash Republic. Archive 1912. Anagraph 1. Document 37].
8. Gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Chuvashskoi Respubliki. Fond 2309. Opis 1. Document 67 [State Historical Archives of the Chuvash Republic. Archive 2309. Anagraph 1. Document 67].
9. Efimov L.A. *Shiushskaya kolkhoznaya GES* [Shiushskaya Collective Farm Hydroelectric Power Plant]. *Alikovskaya entsiklopediya* [Alikovo Encyclopedia]. Cheboksary, New Time Publ., 2012, Book 2, p. 525.
10. Nikiforov V.Y., Efimov L.A. *Elyshskaya kolkhoznaya GES* [Elyshskaya collective farm Hydroelectric]. *Alikovskaya entsiklopediya* [Alikovo Encyclopedia]. Cheboksary, New Time Publ., 2012, Book 2, pp. 147–148.
11. Petrov G.P. *Energetika Sovetskoj Chuvashii* [Soviet Chuvashia's Electric Power System]. Cheboksary Chuvashgosizdat Publ., 1971, 166 p.
12. Ryzhov V.S. *Pretvorenje plana GOERLO v sel'skoi mestnosti* [GOERLO Plan Implementation in the Countryside]. *Energetik Chuvashii* [Power Engineer of Chuvashii], 2000, no. 3, p. 5.
13. Ryzhov V.S. *Chuvashenergo – proshloe, nastoyashchee, budushchee: Istoricheskie ocherki, vospominaniya* [Chuvashenergo – Past, Present, Future: Historical Sketches, Memoirs]. Cheboksary, Chuvash Publishing House, 1997, 398 p.
14. Stepanov G. *Problemy energetiki sela* [The Issues of Power Supply in the Countryside]. *Sovetskaya Chuvashiya* [Soviet Chuvashia], 1981, Aug. 7.
15. Shchedrin V.A. *Stranitsy iz poluvekovoi istorii kafedry elektrosnabzheniya promyshlennykh predpriyatii im. A.A. Fedorova* [Pages from a half-century history of A.A. Fedorov industrial enterprises power supply department]. *Regional'naya energetika i elektrotehnika: problemy i resheniya: sb. nauch. tr* [Regional power and electrical engineering: problems and solutions: Collected papers]. Cheboksary, Chuvash State Univesity Publ., 2010, Iss. 6, pp. 15–32.

HARITONOV LEONID – Post-Graduate Student, Russian and World History Department, Chuvash State Pedagogical University, Cheboksary, Russia.

EFIMOV LEV – Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Russian and World History, Chuvash State Pedagogical University, Cheboksary, Russia.

УДК 351(091)(470)
ББК ТЗ(2) 0 – 33

М.Ю. ХАРИТОНОВ, О.В. ВАСИЛЕНКО

ИНФОРМАЦИОННО-АНАЛИТИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРОЦЕССА ПРИНЯТИЯ РЕШЕНИЙ В ИСТОРИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

Ключевые слова: история государственного управления, государственное управление, управление, процесс принятия решений, информационно-аналитическое обеспечение, информация, периодизация информационно-аналитического обеспечения процесса принятия решений в истории государственного управления.

В статье рассматривается проблема информационно-аналитического обеспечения процесса принятия решений в истории государственного управления. Дана периодизация информационно-аналитического обеспечения процесса принятия решений в истории государственного управления. На примере отечественной истории рассматриваются особенности, субъекты и механизмы информационно-аналитического обеспечения процесса принятия решений в истории государственного управления.

«Качества настоящего лидера заключаются не в том, чтобы единолично руководить всем, дозвлет над всеми, а в умении слушать коллег и доверять им, воспринимать их предложения и, что называется, делегировать часть своих полномочий – конечно, при постоянном внимательном контроле за тем, что делается, как делается, и за результатами работы. Эти качества приобретают сегодня особую ценность» – это цитата из выступления Президента РФ В.В. Путина во время семинара-совещания руководителей регионов 29 января 2015 г. наглядно отражает актуальность заявленной в заглавии темы [1]. На всем протяжении истории руководителям, или лицам, принимающим решения (ЛПР), различного уровня приходится принимать те или иные управленческие решения. Результатом таких решений в государственном управлении должны являться эффективные процессы в управляемых сферах деятельности. Ценность и своевременность управленческого решения в огромной степени зависят от способности руководителя в нужный момент произвести обработку информации, т.е. осуществить ее сбор, анализ и использование. Для ЛПР, которому предстоит сделать выбор, информация, представленная консультантом (аналитиком, советником, центром обработки), зачастую воспринимается как наиболее достоверная и объективная. А вся история мировой управленческой практики показывает, что управленческое консультирование в условиях информатизации общества повышает качество принимаемых решений. Сложность рассмотрения данного вопроса заключается еще и в том, что отличительной особенностью органов государственной власти от других структур, например коммерческих, является невозможность «буквального» применения имеющихся теоретических моделей управления к политическим и социально-экономическим событиям. Поэтому ЛПР в государственном управлении нуждается в более тщательном информационно-аналитическом обеспечении.

Методологические проблемы управления, начиная со второй половины XX в., занимают центральное место в социальном управлении. Актуализация подобного рода как теоретических, так и практических исследований, целью которых является оптимизация механизмов государственного управления, определяется важностью, которую играют последствия принятых решений в социуме. Эти решения важны как с позиции государства, так и с позиции общества.

Теоретические исследования указанного выше вопроса относятся к междисциплинарным исследованиям, так как затрагивают широкий спектр таких наук, как история, менеджмент, философия, политология и др. Поскольку вышеназванная тема не изучена, необходимо начать ее с рассмотрения всего массива литературы, как-то связанного с этой проблематикой. При этом в

управленческой литературе сложилась позиция, что «... одним из основных изучаемых управленческих процессов является выработка и принятие управленческого решения» [5. С. 37], следуя данному выводу, авторы придерживаются системного подхода в рассмотрении указанной выше темы.

Самая большая группа исследовательских подходов представлена обзорными учебными материалами по управлению, менеджменту и истории управленческой мысли. Нельзя не отметить систематическое изложение курса «Разработка управленческого решения» Б.Г. Литвака [5], в котором автор соединяет опыт западного менеджмента и российскую практику управления; пособие А.А. Дегтярева о теоретико-методологических основах принятия политических решений [2]; учебник Р.А. Фатхутдинова о качестве управленческих решений, методах обеспечения их сопоставимости, роли экономических законов и научных подходов в повышении эффективности решений, технологиях их разработки и реализации, методах анализа, прогнозирования и экономического обоснования [11]; работа Н.Б. Филинова рассматривает методы, математический и информационный инструментарий, процедуры, индивидуальные и групповые технологии разработки и принятия управленческих решений [12]; А.Э. Саак и В.Н. Тюшняков рассматривают сущность, содержание и типологию управленческих решений в системе государственного и муниципального управления [9]; основные закономерности развития российской государственности и функционирование государственных органов и учреждений с момента появления на Руси государства и до наших дней рассмотрены в пособиях В.И. Куликова [4] и В.И. Маршева [7].

Другая группа работ представляет собой научные статьи и монографии, посвященные отдельным вопросам управления. Обзор социального управления в русле социальных наук и культурно-исторического подхода представлен в монографии Г.В. Щёкина [14]. Собственно по исторической теме опубликованы статьи, описывающие различные фигуры советников в истории управления: это работы Г.И. Марченко [6], О.Ю. Климова [3] и др.

К отдельной группе исследуемой литературы необходимо отнести источники по истории государственного управления в России [13].

Исходя из вышеизложенного обзора литературы, мы думаем, что настала необходимость в изучении информационно-аналитического обеспечения в процессе принятия решений в истории государственного управления.

В литературе, посвященной управлению, и ранее рассматривался вопрос об информационно-аналитическом обеспечении. Особую роль здесь играет понятие «информация», под которой чаще всего понимается совокупность сведений и сигналов о процессах и явлениях, протекающих во внешнем окружении и самом организме человека. Управленческая информация – это совокупность сведений о состоянии и процессах, протекающих внутри и во вне организации. На наш взгляд, понятие «информационно-аналитическое обеспечение» объемнее раскрывает вопрос о том, как формировалось и менялось представление о профессиональных качествах экспертов, через которых шел информационный поток первым лицам государства. Под информационно-аналитическим обеспечением будем иметь в виду сбор, обработку и использование информации, необходимой ЛПР для принятия управленческого решения. На сегодняшний день можно говорить о нескольких трактовках вышеназванного понятия. В контексте данной статьи мы будем иметь в виду обеспечение объективной информацией ЛПР. Консультант (советник или совещательный орган) передает не просто собранные исходные данные, а уже обработанную, агрегированную информацию, которая должна служить основой для принятия управленческих решений. Достижение этой цели складывается из решения ряда частных задач, таких как сбор первичной информации, собственно переработка, предоставление органу управления в переработанном виде, анализ, обеспечение прямых и обратных связей в ее цир-

куляции и т.д. Таким образом, одним из основных условий принятия эффективного решения является обладание ЛПР необходимой информацией.

Д.А. Новиков пишет, «чем большей информацией об управляемом объекте и окружающей среде обладает управляющий орган, тем, в большинстве случаев, выше эффективность управления» [8. С. 15]. Несмотря на то, что консультирование имеет древние корни и практически все правители древности имели советников, только в ходе промышленной революции зарождается профессиональная деятельность по консультированию. По мнению Г.В. Щекина, «... управленческие революции соответствуют основным историческим вехам смены культур и социальных сословий: власть жрецов постепенно вытесняется господством военной и гражданской аристократии, на смену которой пришли предприимчивые буржуа, а последних на исторической арене сменили наемные работники или “пролетарии управления”, после чего социально-управленческий цикл начался снова, но на новом, качественно ином уровне» [14. С. 180]. Трансформация окружения ЛПР в лице родственников, жрецов, магов постепенно привела к абсолютно новой социальной группе, профессионально обучающейся различным направлениям менеджмента. Анализ исторического материала позволяет говорить о крайне медленном развитии профессионального информационно-аналитического обеспечения, что было связано как с технологиями, так и с медленным преобразованием общества.

Предварительный обзор исторических исследований позволяет нам прийти к следующему: становление информационно-аналитического обеспечения процесса принятия решений в истории государственного управления в России условно можно представить в виде трех этапов. В основу периодизации, предложенной авторами, положена стандартная классификация по подходу к принятию решения в менеджменте.

На первом этапе – интуитивном – (X–XV вв.), в период зарождения государственности, информационно-аналитическое обеспечение в большей степени выглядит в виде информационной поддержки интуитивных решений ЛПР. Особенности данного этапа являются слабость центральной власти и остатки родового самоуправления. Для этого периода характерно занятие лидерских позиций или по праву рождения, как это было с князем Игорем (912–945 гг.), или захват власти (Святополк I Ярополкович Окаянный 1015., 1017–1019 гг.), или избрание вечем (Новгородская республика 1136–1478 гг.). Поскольку речи не шло о профессиональных экспертах, то эти роли обычно выполняли родственники и ближайшее окружение первых лиц князя (бояре). Распоряжения носили приказной характер, в чем определяющую роль выполняла дружина. Государственные функции выполняют одни и те же люди. Сбор, анализ, обработка информации осуществлялся узким кругом приближенных лиц, чьи профессиональные качества заменялись на личные. Итог таких решений зачастую зависел от умения ЛПР отличать ложную информацию от объективной.

На втором этапе – традиционном – (конец XV–XVII вв.) ЛПР начинают делать выбор, основанный на суждениях, подкрепленных знаниями. В этот период укрепление власти происходит за счет формирования государственных органов власти, подчинения сословий. В зависимости от того, на что или на кого делал ставку руководитель, были как эффективные результаты, так и провалы в управлении.

На третьем этапе – рациональном (XVIII – начало XX вв.), в связи с нарождающимся капитализмом можно говорить о рационализации в процессе принятия решений. Связано это было с деятельностью Петра I, который приближал к себе людей, обладающими профессиональными знаниями. История нового времени изобилует примерами фаворитов, сподвижников, реформа-

торов, у которых было различное происхождение, образование, но главное, что отличает их – это оценка их потенциала, выполнение ими профессиональных функций (А. Меншиков, Г. Потемкин, М. Сперанский).

Таким образом, предварительный обзор исторических исследований подводит к мысли, что любые исторические примеры можно рассматривать как реальные сценарии: информационно-аналитического обеспечения – процесс принятия решений – результат. Резюмируя вышесказанное, необходимо отметить, что дальнейшее изучение информационно-аналитического обеспечения процесса принятия решений в истории государственного управления может стать важнейшим направлением обоснования механизма принятия решений в социальном управлении на современном этапе.

Литература и источники

1. Выступление президента РФ В.В.Путина на семинаре-совещании с главами субъектов Федерации, председателями законодательных собраний, мэрами крупных городов. 29 января 2015 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/47540> (дата обращения: 02.11.2015).
2. Деятарев А.А. Принятие политических решений. М.: КДУ, 2004. 416 с.
3. Климов О.Ю. Интеллектуальная элита: советники и консультанты эллинистических царей // Исследования и публикации по истории античного мира / под ред. Э.Д. Фролова. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2011. Вып. 10. 160 с.
4. Куликов В.И. История государственного управления в России. М.: Академия, 2003. 368 с.
5. Литвак Б.Г. Разработка управленческого решения. М.: Дело, 2002. 392 с.
6. Марченко Г.И. Квинт Цицерон как политический консультант // Общественные науки и современность. 2010. № 4. С. 82–91.
7. Маршев В.И. История управленческой мысли. М.: МАКС Пресс, 2010. 648 с.
8. Новиков Д.А. Механизмы функционирования многоуровневых организационных систем. М.: Фонд «Проблемы управления», 1999. 161 с.
9. Саак А.Э., Тюшняков В.Н. Разработка управленческого решения. СПб.: Питер, 2007. 272 с.
10. Смирнов Э.А. Управленческие решения. М.: РИОР, 2010. 362 с.
11. Фатхутдинов Р.А. Управленческие решения. 6-е изд., перераб. и доп. М.: ИНФРА-М, 2009. 344 с.
12. Филинов Н.Б. Разработка и принятие управленческих решений. М.: ИНФРА-М, 2009. 308 с.
13. Хрестоматия: Документы по истории государственного управления в России. М.: Этносоциум, 2014. 494 с.
14. Щёкин Г.В. Теория социального управления. Киев: МАУП, 1996. 408 с.

ХАРИТОНОВ МИХАИЛ ЮРЬЕВИЧ – кандидат исторических наук, доцент кафедры документоведения, информационных ресурсов и вспомогательных исторических дисциплин, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (muha21@rambler.ru).

ВАСИЛЕНКО ОКСАНА ВИТАЛЬЕВНА – кандидат философских наук, доцент кафедры документоведения, информационных ресурсов и вспомогательных исторических дисциплин, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (vasilenkoksana@rambler.ru).

M. KHARITONOV, O. VASILENKO

PROVIDING INFORMATIONAL AND ANALYTICAL SUPPORT FOR DECISION-MAKING PROCESS IN HISTORY OF PUBLIC ADMINISTRATION

Key words: *history of public administration, public administration, management, decision-making process, informational and analytical support, information, periodization of informational and analytical support for decision-making process in history of public administration.*

The article is devoted to the problem of informational and analytical support for the decision-making process in the history of public administration. The authors provide a periodization of informational and analytical support for the decision-making process in the history of public administration. On the example of national history, the authors consider the peculiarities, subjects and mechanisms of informational and analytical support for the decision-making process in the history of public administration.

References

1. *Vystuplenie prezidenta RF V.V.Putina na seminare-soveshchanii s glavami sub"ektov Federatsii, predsedatelyami zakonodatel'nykh sobranii, merami krupnykh gorodov. 29 yanvarya 2015 g.* [A Speech by RF President V. Putin at the meeting with Heads of the Federation Subjects, Speakers of Legislative Assemblies, and Big City Mayors]. Available as: URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/47540> (Accessed: 2 November 2015).
2. Degtyarev A.A. *Prinyatie politicheskikh reshenii* [Adoption of political decisions]. Moscow, 2004, 416 p.
3. Klimov O.Yu. *Intellektual'naya elita: sovetniki i konsul'tanty ellinisticheskikh tsarei* [Intellectual elite: advisers and consultants of the Hellenistic tsars]. In: Frolov E.D., ed. *Issledovaniya i publikatsii po istorii antichnogo mira* [Research and publications on Ancient World History]. St. Petersburg, 2011, iss. 10, 160 p.
4. Kulikov V.I. *Istoriya gosudarstvennogo upravleniya v Rossii* [History of Russian Public Administration]. Moscow, Akademiya Publ., 2003, 368 p.
5. Litvak B.G. *Razrabotka upravlencheskogo resheniya* [Development of the administrative decision]. Moscow, Delo Publ., 2002, 392 p.
6. Marchenko G.I. *Kvint Tsitseron kak politicheskii konsul'tant* [Quintus Tullius Cicero as political consultant]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'* [Social sciences and present], 2010, no. 4, pp. 82–91.
7. Marshev V.I. *Istoriya upravlencheskoi mysli* [History of administrative thought]. Moscow, MAKS Press Publ., 2010, 648 p.
8. Novikov D.A. *Mekhanizmy funktsionirovaniya mnogourovnevnykh organizatsionnykh sistem* [Multilevel organizational systems Mechanics]. Moscow, 1999, 161 p.
9. Saak A.E., Tyushnyakov V.N. *Razrabotka upravlencheskogo resheniya* [Working out an Administrative Decision]. St. Petersburg, Piter Publ., 2007, 272 p.
10. Smirnov E.A. *Upravlencheskie resheniya: [Administrative decisions]*. Moscow, RIOR Publ., 2010, 362 p.
11. Fatkhutdinov R.A. *Upravlencheskie resheniya* [Administrative decisions]. Moscow: INFRA-M Publ., 2009, 344 p.
12. Filinov N.B. *Razrabotka i prinyatie upravlencheskikh reshenii* [Preparing and Making Administrative Decisions]. Moscow, INFRA-M Publ., 2009, 308 p.
13. *Khrestomatiya: Dokumenty po istorii gosudarstvennogo upravleniya v Rossii* [Anthology: Documents on History of Russian Public Administration]. Moscow, 2014, 494 p.
14. Shchekin G.V. *Teoriya sotsial'nogo upravleniya* [Theory of social management]. Kiev, MAUP Publ., 1996, 408 p.

KHARITONOV MIKHAIL – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Head of Department for Document Science, Information Resources and Auxiliary Historical Disciplines, Chuvash State university, Cheboksary, Russia.

VASILENKO OKSANA – Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor of Department for Document Science, Information Resources and Auxiliary Historical Disciplines, Chuvash State University, Cheboksary, Russia.

Ссылка на статью: Харитонов М.Ю., Василенко О.В. Информационно-аналитическое обеспечение процесса принятия решений в истории государственного управления // Вестник Чувашского университета. – 2015. – № 4. – С. 184–188.

УДК 338.22(091)(470)"192"
ББК ТЗ(2)613-2

М.А. ХОЛОДНЫЙ

СПЕЦИФИКА ОТНОШЕНИЙ СОБСТВЕННОСТИ В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРНОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1917–1920-х ГОДОВ

Ключевые слова: Советская Россия, нэп, новая экономическая политика, культурная революция, отношения собственности, крестьянство, кулачество.

В статье исследуется эволюция массовых представлений о собственности под влиянием большевистской политики огосударствления. Показано, что в ситуации масштабного огосударствления экономической жизни главным мерилем успеха человека все более становилась не собственность, а власть. И уже на ее основе выстраивались притязания на реальное использование общественного богатства. При этом в сознание массы населения власть активно внедряла модернизированные идеи греховности собственности. Свое наиболее последовательное отражение данный курс, осуществлявшийся в рамках культурной революции, стал для власти по-настоящему приоритетным лишь с переходом к осуществлению программы коллективизации крестьянства.

Обращаясь к социокультурным доминантам поведения людей, объясняющим особенности модернизационных процессов, инициированных революционными событиями 1917 г. и продолженных в эпоху нэпа, следует признать, что к числу наиболее важных в их массиве следует отнести изменения общественного восприятия отношений собственности. Для большевиков, исходивших из того, что социализм означает не только новую социально-экономическую, но и культурную формацию, а потому стремившихся создать «нового человека», принципиальное значение имела не только трансформация самих отношений собственности, но и создание в массовом общественном сознании новой системы связанных с ними ценностей. Новые жизненные приоритеты людей, в основе которых лежали бы представления о ликвидации частной и развитии общественных форм собственности, должны были перевернуть мир.

Подчеркнем, эти изменения мыслились как всеобъемлющие. Идеи обобществления изначально увязывались с проповедью коллективизма, становились основой не только политического, но и цивилизационного переворота. Здесь мы имеем одну из основных политических аксиом большевизма, многократно повторенных его адептами.

К примеру, в самый разгар гражданской войны в редакционной статье «Наша задача» журнал воронежских просветителей объявлял: «Старый, ныне повергнутый в прах, мир заботился главным образом о развитии личности, приспособлявая для этого всю свою культуру. В его цели не входило приобщение народных масс к духовной жизни страны, как коллектива...». И лишь теперь, в Советской России: «Диктатура пролетариата в корне изменила положение вещей. На первый план ею выдвинуто ближайшее участие народа в создании новых форм жизни, ближайшее участие народа в собственном духовном раскрепощении» [12. С. 2].

Духовно раскрепощая человека, революция с неизбежностью отрицала один из главных инструментов его «закрепощения» – собственность. Поэтому с первых дней революции обнаружилась, а в годы гражданской войны окрепла и традиция крайне негативного восприятия частной собственности, и практика систематического ее изъятия. Незащищенными сразу оказались практически все. Само слово «собственник» превратилось в своеобразное ругательство, стало синонимом слов «эксплуататор», «контрреволюционер» и т.д.

Отмеченные общественные практики быстро обрели вид своего рода культурного стандарта. Так, к примеру, в том же журнале при обсуждении,

казалось бы, нейтральных проблем ликвидации неграмотности, параллельно выносился непереносимый приговор собственности и собственникам. Да и как иначе?! «При самом упорном противодействии со стороны собственников и их явных и тайных сторонников установил рабочий свою пролетарскую диктатуру – констатировал автор. И поскольку «темнота и невежество еще застилают его глаза...», мешают видеть перспективы развития, требовалось срочно поднимать «самосознание» масс» [13. С. 1].

Однако даже в ситуации фактического отрицания собственности она продолжала существовать, объективно определяя суть происходивших процессов и, в принципе, оставаясь основой повседневной жизни. Изменились лишь некоторые базовые приоритеты. Прежде всего, основой нового режима были объявлены различные формы обобществления (социализация, национализация, контрибуция и т.д.). Эти приоритеты сохранились даже после перехода к новой экономической политике, в рамках которой, несмотря на частичную легализацию собственности частной и личной, государственная собственность была признана наиважнейшей. Принципы ее защиты были закреплены законодательно. Причем особое значение, уже в условиях нэпа, имело «введение явочным порядком понятия “экономическая контрреволюция” весной 1923 г., внесенного затем на сессии ВЦИК (пост. 10.07.23 г.) в УК с изменением ст.ст. 57 и 68» [14. С. 162].

Естественно, что в условиях глобального революционного кризиса, когда заниматься традиционным просветительством было в общем-то некогда, основная ставка властями делалась на мощное эмоциональное воздействие. При этом трансформация привычных архетипов, связанных с дискредитацией прежнего понимания собственности, изначально обеспечивалась массовостью. Как следствие, «народ широкой волной хлынул на улицу» [9. С. 15]. По общему замыслу: «Народ должен на улицах и площадях воочию видеть разницу между прошлым и настоящим» [9. С. 18].

Безусловно, в этом мощном преобразующем движении было немало ценного. Само внимание к массе, народу являлось чрезвычайно ценным, мобилизующим его потенциал (в том числе, культурный). Благодаря этому были пробуждены ранее дремавшие творческие силы, появилось много интересного в различных областях материальной и, особенно, духовной культуры. К примеру, как отмечалось в одном из региональных изданий: «В Историческом музее в Москве открылась выставка крестьянского искусства. Это огромный, неожиданный для многих праздник» [4. С. 17].

Однако то, что «новое» не означало только позитив (особенно в базовых основах общественного устройства), убедительно доказали именно перемены в отношениях собственности. В ситуации масштабного огосударствления экономической жизни вскоре выяснилось, что главным мерилом успеха человека в новом социуме становилась не собственность, а власть. И уже на ее основе выстраивались притязания на реальное использование общественного богатства.

В итоге, и на практике, и в массовом сознании власть все более рассматривалась как основной источник собственности (пусть и в более ограниченных масштабах). Крупные партийные и советские чиновники и, особенно, члены их семей, родственники, зачастую были также не менее видными нэпманами. Образно говоря: «Внешне это выражалось в том, что на смену человеку в каракуле и в шубе пришел человек в кожаной куртке, на смену тонкому верхнему слою, впитавшему в себя буржуазную культуру, пришли зачастую некультурные, необразованные массы из подвалов и чердаков. «Мир хижинам – война дворцам», – было написано на наших знаменах. Гражданская война, потребовавшая от пролетариата величайшего напряжения и героических жертв, опустошила и без того крайне низкую материальную базу. Про-

стой и строгий стиль военного коммунизма вычерчивался на примитивной культурно-материальной установке» [3. С. 21]. Данный примитивизм «культурно-материальных установок» большевистского режима, на наш взгляд, с несущественной коррекцией был лишь закреплен в эпоху нэпа.

Поскольку в основу новой идейной конструкции были положены весьма сомнительные установки, требовалось преодолеть «отсталость» собственников, прежде всего крестьян. Известно, что основным инструментом здесь стало политическое просвещение, в свою очередь требовавшее ликвидации элементарной безграмотности. Постановление ВЦИК и СНК РСФСР «О ликвидации неграмотности» от 14 августа 1923 г. даже установило конкретные сроки выполнения этой задачи – к 10-летию Октября [5. С. 125]. Программа была рассчитана на 4 года. А так как за это время только в деревне требовалось обучить 13,4 млн человек, по всей стране стали создаваться так называемые «ликпункты». Важную роль в рамках программы получило также развертывание сетей «домов крестьянина», «изб-читален». Большое значение имело учреждение осенью 1923 г. общества «Долой неграмотность» с последующим созданием в 1924–1925 гг. его региональных отделений.

Нужно признать, что благодаря принятым мерам некоторое ускорение в деле ликвидации неграмотности было обеспечено. Однако поскольку на деле и в указанной сфере доминировал остаточный принцип финансирования, работа шла трудно, еще более осложняясь очевидной пассивностью немалой части населения. Для ее преодоления в середине 1920-х гг. власти довольно активно применяли различные меры принуждения – доставку на учебу силами милиции, штрафы для уклонистов и даже принудительные работы. Тем не менее к октябрьскому юбилею 1927 г. задача не была выполнена.

В этих условиях новый толчок кампании дали масштабные программы индустриализации и, особенно, коллективизации. Передовая декабрьского номера журнала «Революция и культура» – «XV съезд ВКП(б) и вопросы культурного строительства» – четко объясняла политическое значение ликвидации безграмотности на новом этапе развития: «Если в качестве основной задачи в деревне в настоящий период ставится «задача объединения и преобразования мелких индивидуальных крестьянских хозяйств в крупные коллективы (резолюция XV съезда по докладу т. Молотова), если намечается необходимость и возможность проникновения с.-хоз. и кустарно-промышленной кооперации из области операций по сбыту и снабжению в область производства, то совершенно ясно, что успешное развитие в этом направлении немыслимо без одновременного широчайшего культурного подъема деревни. Стена деревенской темноты и косности, которую расшатала и местами повалила Октябрьская революция, должна быть сокрушена до основания; обломки старого должны быть убраны в сторону...» [11. С. 7].

Полагаем, что это была настоящая сверхзадача. Ведь повседневная жизнь, текущая практика учили куда убедительнее, нежели школа или курсы ликбеза. В частности, на фоне господства цензуры это ярко показывают сатирические и юмористические журналы, «имевшие наибольшие тиражи» в СССР. Как коммунистические, так и альтернативные издания при этом нередко предлагали читателю «материалы, находившиеся на грани идейного криминала» [14. С. 135].

Как ни парадоксально, но действительность нэпа убедительно подтверждала, что едва ли не основной источник формирования собственности в это время являлся откровенный криминал. «Безхозная» госсобственность стала объектом масштабного разграбления, примеров которого печать приводила во множестве.

К примеру, повествуя о специфике «восстановительного» периода, популярный крестьянский сатирический журнал «Лапоть» сообщал: «Слыхал, у нас кирпичный завод восстановлен? ... На этом заводе кто ни наживается: и председельсовета, и пред. комитета взаимопомощи, и спец Гусаков, от кого завод был отобран, словом, кому не лень...» [8. С. 6]. Фиксируя такие типичные для российской деревни и породившие массу анекдотов явления, как растрата и бегство председателей кооперативов, комментарий к помещенной на обложке журнала карикатуре «На охоте» не менее красочен: «Стреляй, а то заяц убежит. – Не убежит! Это, братец мой, не председатель нашего кооператива, не скроется! Собаки найдут!» [7].

Ломка базовых архетипов «собственности» на бытовом уровне хорошо отразилась в сфере семейно-брачных отношений, в частности, в процедуре заключения брака. Здесь в 1920-е гг. мы видим существование зачастую противоположных, но однозначно разрушительных тенденций.

С одной стороны, в условиях всеобщей бедности, традиционно обостренное внимание крестьяне проявляли к имущественному положению кандидатов. Нередко это порождало различного рода мошенничества. К примеру, один из фельетонов красочно описывал шок «богатой» невесты от никудышнего хозяйства мужа-бедняка, вскоре сменившийся неподдельным изумлением последнего от скудости 3-х сундуков приданного «добра» и ее аргумента: «Чай ты на мне не из-за приданого женился?» [2. С. 4–5]. С другой стороны, наблюдатели точно подметили определенную девальвацию традиционных понятий «выгоды» от женитьбы. Так, описывая, видимо, вполне конкретный случай (дер. Немирово Московской губернии), фельетонист изобразил историю сватовства сына весьма зажиточных крестьян: «Дом у Михей Кондратьича по деревне первеющий – три лошади езжалых, пятеро коров дойных, – по такому дому в наших краях не скоро невесту сыщешь». Однако «чаепитие» и последующие «смотрины» родителями потенциальной невесты столь «завидного» хозяйства весьма неожиданно окончились отказом. – Хозяйство оказалось чересчур большим: «Нашей Маришке и вшей вычесать неколи будет. Не отдадим дочку на мученье!» [10. С. 15].

О значительном изменении, эрозии традиционных представлений крестьян, связанных с отношениями собственности, ярко свидетельствовали и радикальные перемены в сфере половых отношений. Если прежде в деревне следили как бы девушка не принесла «в подоле», то теперь – как бы не обзавелся «алиментами» парень. В итоге, как показывает помещенный в журнале комментарий к картинке «Польза от посиделок», советская деревня в короткий срок обрела новый тип социального и полового поведения: «– Пойдем с нами на посиделки, Анюта. – Чего я там потеряла? Я и так с двоих алименты получаю – на мой век хватит» [6. С. 4].

Но, конечно, главным в новых условиях оставалась борьба с «собственником» – эксплуататором. В частности, как показывают исследования, после некоторого смягчения курса в 1925 г., уже с рубежа 1926–1927 гг. она вновь приобрела доминирующее значение в освещении прессой кампаний перевыборов в Советы. В сражении с кулацким засильем «главным лозунгом ее публикаций стал призыв к разгрому кулачества, рвущегося к административным постам».

Так актуализация вопроса о власти вновь бумерангом ударила по собственникам. И если в деревне в прицеле печати оказался кулак, а в городе – нэпман, то в принципиальном плане «главным врагом» близящегося коммунизма было объявлено «мещанство». Именно оно стало объектом универсальной долговременной кампании большевистского государства по дискредитации самой идеи обладания собственностью. Любое стремление к обладанию материальными благами, сам стиль жизни, в которой им уделялось повышенное внимание, опре-

делялся как стяжательство, как мещанство. Как емко определял известный комсомольский вожак: «Что такое мещанство? Это идеология мелкого товарного производителя, отражающая противоречие между частно-собственническими, кустарно-ремесленными условиями его производства и общественным характером его труда. Мелкий буржуа знает свое предприятие, где он затрачивает свой труд при помощи своих средств производства. Здесь в четырех стенах его мастерской или лавочки «все понятно, все известно, все проверено». Аршин и фунтовая гиря помогают ему внести порядок и закономерность в окружающий его мирок вещей. Но за стенами предприятия начинается хаос и неизвестность – общество противостоит ему, как слепая стихия рынка» [3. С. 23].

Более того, в условиях, когда ВКП(б) взяла курс на индустриализацию, а затем и коллективизацию, угроза «собственнику» со стороны «общества» оказалась многократно сильнее «стихии рынка». При этом глобальные социально-экономические проекты вновь были тесно увязаны с задачами культурной революции. Не случайно, взявший курс на коллективизацию XV съезд правящей партии одновременно вновь остро поставил вопрос о решении ранее проваленной задачи ликвидации безграмотности, особенно применимо к бедняцкой и середняцкой массе. Собственно, именно с этого времени курс на осуществление культурной революции стал для власти по-настоящему приоритетным.

Литература

1. Государственный архив Российской Федерации. Ф. А-2312. Оп. 7. Д. 794. Л. 60.
2. Карпов Н.А. Приданое // Лапоть. 1926. № 2(50).
3. Костров Т. Культура и мещанство // Революция и культура. 1927. № 1, 15 нояб.; № 3-4.
4. Культура. Саратов. 1922. № 1, янв.
5. Культурное строительство в РСФСР. 1917–1927. М.: Советская Россия, 1984. Т. 1.
6. Лапоть. 1926. № 1(49).
7. Лапоть. 1926. № 2(50).
8. Милль-Полярный К. Качество // Лапоть. 1926. № 1(49).
9. Народные празднества // Революция и просвещение. 1919. № 2.
10. Немиров А. Сватовство // Лапоть. 1926. № 9(33).
11. Революция и культура. 1927. № 3-4.
12. Революция и просвещение. 1919. № 1, 28 апр.
13. Смирнов А. Задачи внешкольного образования // Революция и просвещение. 1919. № 2.
14. Турицын И.В. Власть и пресса в Советской России: проблема взаимоотношений и взаимовлияния в 20-е годы. М., 1998.
15. Турицын И.В. Кадровая политика РКП(б) и периодическая печать (1921–1925 гг.). Армавир: Издат. центр АГПИ, 1998.

ХОЛОДНЫЙ МАКСИМ АЛЕКСАНДРОВИЧ – кандидат исторических наук, научный сотрудник НИИ истории, экономики и права, Россия, Москва (info@helri.com).

M. HOLODNY

PECULIARITIES OF PROPERTY RELATIONS IN THE CONTEXT OF CULTURAL REVOLUTION OF 1917–1920s

Key words: *Soviet Russia, NEP, New Economic Policy, Cultural Revolution, property relations, peasantry, kulaks.*

The article examines the evolution of mass views on property under the influence of Bolsheviks' nationalization policy. The author shows that in conditions of large-scale nationalization of economic life a person's main criterion of success was having power rather than property. And having that determined the claims for the actual use of social wealth. At the same time the authorities were brainwashing the people into perceiving any property as something sinful. This policy, being carried out within the Cultural Revolution framework, became the authorities' main priority only with the adoption of the peasantry collectivization program.

References

1. Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii. F. A-2312. Op. 7. D. 794. L. 60 [State Archives of the Russian Federation. Archive A-2312. Anagraph 7. Document 794].
2. Karpov N.A. *Pridanoe* [Dowry]. *Lapot'* [Bast Shoe], 1926, no. 2(50).
3. Kostrov T. *Kul'tura i meshchanstvo* [Culture and philistinism]. *Revolyutsiya i kul'tura* [Revolution and Culture], 1927, no. 1, Nov. 15; no. 3-4.
4. *Kul'tura. Saratov* [Culture. Saratov], 1922, no. 1, Jan.
5. *Kul'turnoe stroitel'stvo v RSFSR. 1917–1927* [Cultural Development in the Russian Federation. 1917–1927]. Moscow, 1984, vol. 1.
6. *Lapot'* [Bast Shoe], 1926, no. 1(49).
7. *Lapot'* [Bast Shoe], 1926, no. 2(50).
8. Mill'-Polyarnyi K. *Kachestvo* [Quality]. *Lapot'* [Bast Shoe], 1926, no. 1(49).
9. *Narodnye prazhdenstva* [Folk Festivities]. *Revolyutsiya i prosveshchenie* [Revolution and Enlightenment], 1919, no. 2.
10. Nemirov A. *Svatovstvo* [Matchmaking]. *Lapot'* [Bast Shoe], 1926, no. 9(33).
11. *Revolyutsiya i kul'tura* [Revolution and Culture], 1927, no. 3-4.
12. *Revolyutsiya i prosveshchenie* [Revolution and Enlightenment], 1919, no. 1, Apr. 28.
13. Smirnov A. *Zadachi vneshkol'nogo obrazovaniya* [The Goals of out-of-school education]. *Revolyutsiya i prosveshchenie* [Revolution and Enlightenment], 1919, no. 2.
14. Turitsyn I.V. *Vlast' i pressa v Sovetskoi Rossii: problema vzaimootnoshenii i vzaimovliyaniya v 20-e gody* [The Power and the Press in Soviet Russia: the Problem of the Relationship and Interaction in 1920s]. Moscow, 1998.
15. Turitsyn I.V. *Kadrovaya politika RKP(b) i periodicheskaya pechat' (1921–1925 gg.)* [Personnel policy of the RCP (b) and periodicals (1921–1925.)]. Armavir, 1998.

HOLODNY MAKSIM – Candidate of Historical Sciences, Scientific Researcher, History, Economics and Law Research Institute (HELRI), Moscow, Russia.

Ссылка на статью: Холодный М.А. Специфика отношений собственности в контексте культурной революции 1917–1920-х годов // Вестник Чувашского университета. – 2015. – № 4. – С. 189–194.

УДК 94(470.41)''1900/1917'':338.439.02-027.45
ББК ТЗ(2Рос-8К23)531-232

Д.А. ЯЛТАЕВ

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В КАЗАНСКОЙ ГУБЕРНИИ НА ОСНОВЕ РЕФОРМЫ 1900 ГОДА*

Ключевые слова: хлебные запасы, продовольственный капитал, Казанская губерния, уездный съезд, волость.

В статье проанализированы причины и положения реформы 1900 г. по введению в действие Правил по обеспечению продовольственных потребностей сельских обывателей. Определены направления реформы: разделение хлебных магазинов и продовольственных капиталов, передача контроля от земских органов местного самоуправления к государственным учреждениям. Изучены особенности проведения реформы в уездах Казанской губернии. Сделаны выводы о том, что местные власти положительно относились к монетизации системы обеспечения населения зерном в случае неурожая. Исключения составляли волости, где уже до реформы были построены качественные зернохранилища. Губернская власть воспринимала изученную реформу в качестве одной из наиболее приоритетных задач своей деятельности.

В России вследствие ее сложного климата постоянной проблемой остается вопрос об обеспечении населения доступным продовольствием. По прогнозам специалистов аграрного сектора, в условиях санкций и инфляции расходы населения на еду могут достичь 30-40% от общего дохода среднестатистической семьи. Сегодня все чаще поднимается вопрос о продовольственной безопасности России. К примеру, в 2014 г. было объявлено о выделении 20 млрд руб. из государственного бюджета на поддержание программ по импортозамещению в данной сфере.

В царской России с учетом состояния технологий того времени неурожайные годы случались крайне часто. На территории Чувашии даже в соседних волостях в один и тот же год урожаи могли крайне различаться. Поэтому власти периодически обращали внимание на проблемы народного продовольствия. Во всех отчетах полиции, земских начальников и податных инспекторов вопросы сбора урожая, состояния продовольственных запасов ставились на первое место. Ежегодно губернаторы отчитывались перед императором о результативности деятельности губернских, уездных и земских органов по обеспечению продовольственной безопасности, делали свои предложения по улучшению эффективности сельского хозяйства на территории губернии.

Проекты создания хлебных запасов предлагались еще со времен Петра I, когда в момент неурожая 1722 г. он хотел создать их в нескольких центральных городах. В дальнейшем власти стали создавать зерновые хранилища. Система «хлебных магазинов» второй половины XIX в. утверждалась «Положением о запасах для пособия в продовольствии» от 5 июля 1834 г. [5], а также «Положением об обеспечении продовольствия государственных крестьян» от 16 марта 1842 г. [6] В ходе великих реформ 60-х гг. XIX в. заведование вопросами продовольственного обеспечения было передано созданным земствам. Помимо общих законов, указанная проблема регулировалась «Временными правилами для земских учреждений по делам о земских повинностях, народном продовольствии и общественном призрении» от 1 января 1864 г. [1]. Однако опыт показал, что, во-первых, это привело к чрезвычайному многообразию

* Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 15-11-21003.

способов и мер, которыми обеспечивалась продовольственная стабильность, во-вторых, создавало неудобства как для государства, не имеющего средств к централизованному распределению ресурсов, так и для самих земств. К тому же на части территорий власть и население считали более удобным создавать не зерновые, а денежные запасы, которые можно использовать для закупки продовольствия и семян в неурожайные годы.

В итоге 12 июня 1900 г. Николай II утвердил «Правила по обеспечению продовольственных потребностей сельских обывателей» [8]. Они распространялись только на 46 губерний, поскольку разрабатывавшая их ранее комиссия под руководством В.К. Плеве высказывалась за разнообразие мер, применяемых в разных областях, исходя из их экономических и исторических особенностей. В центральных губерниях России и, в частности, в Казанской губернии данный закон был реализован очень оперативно. Уже 21 августа 1900 г. состоялись уездные и губернское продовольственные совещания, на которых обсуждались детали предстоящих преобразований [4. С. 38].

24-26 февраля 1901 г. при Казанском губернском присутствии состоялось совещание земских начальников и податных инспекторов Казанской губернии, на котором коллегиально обсуждались проблемы реализации реформы. Вопросы, поднимавшиеся на нем, связывались также с обсуждением способов применения на местах установленных законом от 23 июня 1899 г. правил о взимании окладных сборов с надельных крестьянских земель. Важность данного совещания легко понять из того факта, что предыдущая подобная коллегия собиралась за десять лет до этого, во время голода 1891–1892 гг. [4. С. 5]. Внушительен состав участников: губернатор П.А. Полторацкий, все губернское начальство, 53 участковых земских начальника, 5 податных инспекторов.

Согласно новому закону документация, связанная с обеспечением продовольственных запасов, передавалась от губернских земских управ и комиссий народного продовольствия в губернские крестьянские учреждения, а от уездных земских управ и уездных предводителей дворянства – в уездные крестьянские учреждения, соответственно. С этого момента средства для обеспечения сельским жителям помощи в продовольствии и обсеменении полей составляли: 1) общественные хлебные запасы, складировавшиеся в запасных магазинах; 2) денежные продовольственные капиталы (соответственно, частные, общественные, губернские, а также общие по империи) [8. Ст. 2].

Каждое сельское общество обязывалось составлять приговор об избрании способа обеспечения общественных потребностей: засыпкой зерна в магазины (сбор на образование общественных запасов); уплатой денежного продовольственного сбора; частью зерном, частью деньгами.

При этом обратный переход от одного способа к другому допускался лишь с особого разрешения.

С самого начала реформы представители уездной государственной власти Козьмодемьянского уезда высказали пожелание о сохранении во всем уезде существовавшей до того системы обеспечения продовольствия посредством засыпки хлеба в магазины, объясняя это тем, что в данном уезде имелись хорошо устроенные, обширные и дорогостоящие здания магазинов [4. С. 8].

Каждая волость составляла продовольственный участок, в котором в качестве попечителя обязанности заведования возлагались на волостного старшину либо местного приходского священника, или на «заслуживающих доверия» местных жителей. Общий надзор осуществлял министр внутренних дел. Надзор на местах возлагался на: генерал-губернаторов либо губернато-

ров, а также на губернские присутствия, уездные съезды и состоящих в их составе земских начальников, волостных и сельских выборных лиц, попечителей продовольственных участков. Операции с запасами денег и продовольствия были достаточно затруднены, носили централизованный характер. Так, глава МВД мог запрашивать через Комитет министров высочайшего соизволения на «позаимствование» в пределах губернии общественных продовольственных капиталов ненуждающихся сельских обществ, а также хлеба из запасных магазинов местностей, не пострадавших от неурожая, для его передвижения в местности той же или другой губернии, население которых нуждалось в помощи на продовольствие и обсеменение полей [8. Ст. 6-9].

Основным органом по организации действий с зерновыми и денежными запасами являлся уездный съезд, созданный вместе с введением института земских участковых начальников. Съезды заменили существовавшие до того момента уездные по крестьянским делам присутствия. В отличие от предыдущих учреждений они получили в свое распоряжение судебную власть съездов мировых судей. К компетенции уездных съездов относилось:

- заведование общественными, частными и специальными продовольственными капиталами (таких в Казанской губернии не было), счетоводство и отчетность по ним, а также приобретение хлеба за счет данных капиталов;
- разделение волостей на продовольственные участки;
- наблюдение за исправностью запасных магазинов и своевременным их пополнением, а также утверждение предложений земских начальников об освежении запасов;
- утверждение списков населения, подлежащего продовольственным сборам хлебом и деньгами;
- установление размера ежегодного сбора на составление общественных хлебных запасов, а также общественных и частных продовольственных капиталов.

На земских начальников при содействии волостных и сельских начальств возлагались следующие обязанности:

- надзор за исправным состоянием волостных и участковых сельских магазинов и находящихся в них запасов;
- определение правильности составления списков лиц, подлежащих продовольственным сборам и, помимо этого, нуждающихся в выдаче пособий форме семян или продовольствия;
- принятие и формирование первоначальных расчетов о конкретных размерах необходимой населению определенного участка помощи.

Волостные правления осуществляли счетоводство и отчетность по взиманию продовольственных сборов и выдаче ссуд крестьянам.

Согласно закону 1900 г. хлебные продовольственные запасы должны были содержаться по каждому сельскому обществу отдельно (либо по нескольким крупным селениям, входящим в одно общество). Вместо отдельных магазинов в каждом сельском обществе допускалось устройство одного магазина для нескольких обществ или для всей волости, на постройку которого можно было получить ссуду из губернского продовольственного капитала (по разрешению губернского присутствия).

Хлебные запасы формировались по числу душ обоих полов и всех возрастов. Размер определялся в каждой губернии самостоятельно, но не более четырех пудов на одного человека.

На основании представлений уездных съездов губернские присутствия определяли род хлеба для ссыпки в запасные магазины. К примеру, земские

начальники Свияжского и Чебоксарского уездов указывали на возможность и желательность в их уездах замены овса пшеницей ввиду того, что здесь яровая пшеница засеивалась в больших размерах и сохранение пшеницы в магазинах не встречало трудностей. [4. С. 8] Хотя, с другой стороны, обязательные натуральные запасы касались только продовольственной ржи. Определили, что семенной яровой хлеб быстро портится и утрачивает всхожесть – считали, что его запастись нежелательно [4. С. 39].

Списки лиц, подлежащих сбору на образование хлебных запасов, составляли сельские старосты с обозначением числа людей в каждом дворе. Эти списки проверялись волостным старшиной, а затем земским начальником и представлялись в уездный съезд. Сбор взимался ежегодно в пределах полупуда хлеба с каждого крестьянина-плательщика в течение 12 лет, до того момента, пока полный объем хлеба не поступит в магазин. Министр внутренних дел по соглашению с министром финансов в благоприятных в экономическом отношении областях мог сокращать срок формирования запасов до 8 лет. Для составления положенной суммы продовольственного капитала в денежном эквиваленте ежегодно взимался денежный сбор в размере одной двенадцатой доли.

Сборы взимались немедленно после окончания жатвы и посева озимых хлебов. Раскладка определялась «Положением о порядке взимания окладных сборов с наделных земель сельских обществ» от 23 июня 1899 г. [7]. При недостатке урожая в отдельные годы земский начальник мог внести на решение уездного съезда представление об отсрочке платежа.

В случае выхода члена общины из нее он лишался права на получение какой-либо части хлеба, засыпанного в магазин.

Обращение хлебных запасов в денежные капиталы допускалось по договорам сельских обществ при условии, что деньги вносились по определяемой губернским присутствием усредненной справочной цене на хлеб за предшествовавшие десять лет [8. Ст. 38]. В южных губерниях цены на зерно регулировались портовыми ценами с надбавкой за перевозку [4. С. 38].

Согласно правилам об установлении местностей с обязательными натуральными хлебными запасами следовало к ним относить территории с преобладанием натурального хозяйства, где скорая доставка хлеба затруднительна. По решению уездных и губернских продовольственных совещаний 21 августа 1900 г. обязательные хлебные запасы формировались на нижеперечисленных территориях:

Чебоксарский уезд: Помьяльская и Помарская волости 5-го земского участка;

Козмодемьянский: Ардинская и Тойдаковская волости 1-го земского участка;

Тетюшский: Ново-Шимкусская, Больше-Тоябинская и Алькеевская 6-го земского участка; Средне-Балтаевская, Чирки-Кильдуразовская и Больше-Фроловская 5-го земского участка; Старо-Барышевская, Шамбулхчинская и Ильинско-Шонгутская 4-го земского участка; Больше-Кляринская, Никифоровская и Больше-Шемьянская 2-го земского участка;

Казанский уезд: Студено-Ключинская 4-го земского участка; Кармышская 6-го земского участка; Мамсинская и Балатасинская 7-го земского участка;

Лаишевский уезд: Больше-Кибяк-Козинская, Ключищенская, Казыльская волости 4-го земского участка; Аркатовкая, Пановская и Селенгушская 3-го земского участка;

Царевококшайский уезд: Петриковская, Ронгинская, Себе-Усадская волости 2-го земского участка;

Мамадышский уезд: Кабык-Куперская 2-го земского участка; Абдинская 4-го земского участка; Старо-Юмьинская, Петропавловская 5-го земского участка; Ядыгерская, Ново-Чурилинская 6-го земского участка; Букмышевская, Сатышевская, Елышевская 7-го земского участка [4. С. 37–39].

На губернском совещании 24-26 февраля 1901 г. решили оставить натуральные запасы только в тех местностях, где само население об этом заявит в виде приговоров сельских обществ, а в остальных – предпочесть денежные капиталы. Главная причина последнего – «много хлопот и затрат с хлебными магазинами» [4. С. 39–40].

Формирование и поддержание запасных магазинов в исправности являлись обязательной для всех членов сельских обществ повинностью, которую отбывали на основе приговоров этих обществ. Интересен тот факт, что еще со времен Н.Х. Бунге в России заявлялось об отказе от практики взимания повинностей, но законодательно продовольственная безопасность обеспечивалась в начале XX в. именно в форме очередной повинности, что в итоге вызывало протест крестьян.

Для заведования запасными магазинами разрешалось избирать из среды крестьян смотрителей, утверждаемых земскими начальниками. Последними же не реже одного раза в год проводилась их ревизия. Разъезды требовали денежного обеспечения. В Вятской, Пермской и некоторых уездах Уфимской губерний для этого были увеличены канцелярские и разъездные средства земских начальников [4. С. 47].

Хлебные запасы периодически обновлялись, опять-таки, по представлениям земских начальников. Частные продовольственные капиталы формировались на основе списков, составлявшихся волостными правлениями и утверждавшихся уездными съездами.

В отношении денежных сборов, уездные съезды получили право обращать как общественные, так и частные продовольственные капиталы в государственные процентные бумаги или гарантированные правительством облигации. Другой вариант – вносили в государственные кредитные установления на текущий счет или срочные вклады. Ценные бумаги и документы о вкладах направлялись для хранения в казначейства. Управление губернскими продовольственными капиталами осуществляли губернские присутствия. Общие по империи – находились в ведении земского отдела Министерства внутренних дел.

Обращение к накопленным средствам и их использование (получение ссуд) были возможны при следующих условиях:

- 1) недостатке пропитания и запасов для посева в случае неурожая;
- 2) отсутствии имущества, которое можно было продать (без ущерба для хозяйства) для получения необходимых средств.
- 3) отсутствии заработков либо лиц в семье, которые могли бы работать.

Ссуды выдавались в размере одного пуда зерна в месяц на взрослого человека и полупуда на детей до пяти лет. Для этого составлялись приговоры сельских обществ, где давалась оценка имущественного положения нуждающихся. Проверка осуществлялась волостными старшинами и земскими начальниками. Решение о выдаче принимались уездными съездами. При этом земские начальники в чрезвычайных случаях могли сами распорядиться о выдаче ссуд, а уже затем поставить в известность съезд. Если размер раздач превышал половину хлебных запасов или денежных капиталов, то требовалось разрешение губернского присутствия. Министерство внутренних дел вмешивалось при необходимости выдачи ссуд из запасов чужого уезда. Хотя

это действие вызывало протест крестьян, которые были убеждены, что каждый внесенный в хлебозапасный магазин пуд хлеба принадлежит лично внесшему. Ответственные чиновники старались избегать перемещений запасов, особенно из одной губернии в другую [4. С. 40].

Результаты денежных и зерновых сборов были довольно внушительными и признавались властями вполне удовлетворительными. На время с 1 июля по 1 января 1910 г. было назначено к взысканию продовольственных долгов 1 444 650 руб. 50 коп. По 1 декабря 1909 г. взыскано в имперский и губернский капиталы 1 208 049 руб. 93 коп., в общественный – 82 905 руб. 40 коп., всего – 1 290 955 руб. 33 коп. В эти же сроки назначили взыскать хлеб в местные запасы: озимого – 822 102 пуда 38 фунтов, ярового – 269 419 пудов 30 фунтов. По 1 декабря взыскали озимого – 359 239 пудов 30 фунтов, и ярового хлеба – 105 908 пудов 35 фунтов [3. Л. 265об.].

Реформа 1900 г. задумывалась в качестве начала составления продовольственного устава Российской империи, который вследствие бурного развития событий начала XX в. так до конца и не состоялся. Вопросы обеспечения продовольственной безопасности из ведения местного самоуправления перевели в сферу ответственности государственных органов должностных лиц, назначавшихся государством. Это повысило степень организации мероприятий по заготовке зерна в общественные и государственные хранилища. Создавалась возможность замены зерновых запасов на денежные. Это не встретило положительного отклика во всех местностях. Хотя некоторые волости переходили к новой схеме, поскольку она упрощала схему продовольственного страхования. Крестьяне воспринимали реформу в качестве очередного налогового бремени и негативно относились к использованию своих хлебных магазинов для погашения потребностей других регионов, что мешало формированию полноценной общегосударственной модели гарантирования продовольственной безопасности в целом по стране.

Литература и источники

1. Временные правила для земских учреждений по делам о земских повинностях, народном продовольствии и общественном призрении от 1 января 1864 г. // Полное собрание законов Российской империи (далее – ПСЗ). Собр. 2. Т. 39. Отд. 1. 40458.
2. Евдокимова А.Н. Духовная консистория, правление и благочинные священники в структуре управления русской православной церкви на территории Чувашского края в XIX веке // Вестник Чувашского университета. 2015. № 2. С. 31–38.
3. Журнал Казанского губернского присутствия. Протокол заседания 29 декабря 1909 г. // Национальный архив Республики Татарстан. Ф. 99. Оп. 1. Д. 103.
4. Заключения совещания земских начальников и податных инспекторов Казанской губернии, состоявшееся 24–26 февраля 1901 г. при Казанском губернском присутствии. Казань: Лито-типиграфия. И.Н. Харитонова, 1901. 76 с.
5. Положение о запасах для пособия в продовольствии от 5 июля 1834 г. // ПСЗ. Собр. 2. Т. 9. Отд. 1. 7253.
6. Положение о обеспечении продовольствия государственных крестьян от 16 марта 1842 г. // ПСЗ. Собр. 2. Т. 17. Отд. 1. 15386.
7. Положение о порядке взимания окладных сборов с надельных земель сельских обществ от 23 июня 1899 г. // ПСЗ. Собр. 3. Т. 19. Отд. 1. 17286.
8. Правила по обеспечению продовольственных потребностей сельских обывателей от 12 июня 1900 г. // ПСЗ. Собр. 3. Т. 20. Отд. 1. 18855.

ЯЛТАЕВ ДМИТРИЙ АНАТОЛЬЕВИЧ – кандидат исторических наук, заведующий кафедрой отечественной истории имени А.В. Арсентьевой, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (dmru@mail.ru).

D. YALTAEV

PROVIDING FOOD SECURITY IN KAZAN PROVINCE BASED ON 1900 REFORM

Key words: grain stocks, food capital, Kazan province, district congress, volost.

The article analyses the causes and the regulations of the 1900 reform on implementing the Procedures of ensuring food needs of rural inhabitants. There have been defined the goals of the reform: differentiation between food shops and food capital, delegation of control powers from territorial local governments to public institutions. The author also studied the peculiarities of implementing the reform in districts of the Kazan province. It was concluded that the local authorities showed positive attitude to monetization of the system of providing the population with grain in case of a crop failure. However, there were volosts that did not welcome this process as they had already built qualitative granaries before the reform. The provincial authority perceived the regarded reform as a primary goal of their activity.

References

1. *Vremennye pravila dlya zemskikh uchrezhdenii po delam o zemskikh povinnostyakh, narodnom prodovol'stvii i obshchestvennom prizrenii ot 1 yanvarya 1864 g.* [Provisional rules for territorial institutions on territorial duties, national food supplies and public charities of January 1, 1864]. *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobr. 2. Otd. 1. T. 39. 40458* [The Complete collection of laws of the Russian Empire. Collection 2. Thom 39. Vol. 1. 40458].
2. *Evdokimova A.N. Dukhovnaya konsistoriya, pravlenie i blagochinnye svyashchenniki v strukture upravleniya russkoi pravoslavnoi tserkvi na territorii Chuvashskogo kraja v XIX veke* [Ecclesiastical consistory, board and rural deans in the system of Russian orthodox church management in Chuvash region in XIX century]. *Vestnik Chuvashskogo universiteta*, 2015, no. 2, pp. 31–38.
3. *Zhurnal Kazanskogo gubernskogo prisutsviya. Protokol zasedaniya 29 dekabrya 1909 g.* [Magazine of the Kazan provincial office. Minutes of the session of December 29, 1909]. *Natsionalnyi arkhiv Respubliki Tatarstan. Ф. 99. Оп. 1. Д. 103* [National Archives of the Republic of Tatarstan. Archive 99. Anagraph 1. Document 103].
4. *Zaklyucheniya soveshchaniya zemskikh nachalnikov i podatnykh inspektorov Kazanskoi gubernii, sostoyavsheesya 24-26 fevralya 1901 g. pri Kazanskom gubernskom prisutstvii* [Resolutions of the meeting of territorial chiefs and tax inspectors of the Kazan province, held on February 24-26, 1901 at the Kazan provincial office]. Kazan, 1901, 76 p.
5. *Polozhenie o zapasakh dlya posobiya v prodovol'stvii ot 5 iyulya 1834 g.* [Regulation on stocks for food subsidies of July 5, 1834]. *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobr. 2. T. 9. Otd. 1. 7253* [The Complete collection of laws of the Russian Empire. Collection 2. Vol. 9. P. 1. 7253].
6. *Polozhenie o obespechenii prodovol'stviya gosudarstvennykh krest'yan ot 16 marta 1842 g.* [Regulation on providing food for the state peasants of March 16, 1842]. *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobr. 2. T. 17. Otd. 1. 15386* [The Complete collection of laws of the Russian Empire. Collection 2. Vol. 17. P. 1. 15386].
7. *Polozhenie o poryadke vzimaniya okladnykh sborov s nadel'nykh zemel selskikh obshchestv ot 23 iyunya 1899 g.* [Regulation on order of levying direct taxes on land allotments of rural societies of June 23, 1899]. *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobr. 3. T. 19. Otd. 1. 17286* [The Complete collection of laws of the Russian Empire. Collection 3. Vol. 19. P. 1. 17286].
9. *Pravila po obespecheniyu prodovol'stvennykh potrebnoстей selskikh obyvatelei ot 12 iyunya 1900 g.* [Rules on ensuring food needs for rural inhabitants of June 12, 1900]. *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobr. 3. T. 20. Otd. 1. 18855* [The Complete collection of laws of the Russian Empire. Collection 3. Vol. 20. P. 1. 18855].

YALTAEV DMITRY – Candidate of Historical Sciences, Head of Russian History Department, Chuvash State University, Cheboksary, Russia.

Ссылка на статью: Ялтаев Д.А. Обеспечение продовольственной безопасности в Казанской губернии на основе реформы 1900 года // Вестник Чувашского университета. – 2015. – № 4. – С. 195–201.

УДК 378.014.25:061.23(5Кит)
ББК Ч448.4(5Кит)ж:(2Рос)+Ч448.4(2Рос)ж:(5Кит)

ШИ ХУНШЭН

ЦЕНТР ПО ИЗУЧЕНИЮ РОССИИ КАК ФОРМА МЕЖВУЗОВСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА КИТАЯ И РОССИИ: ИСТОКИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Ключевые слова: китайско-российское сотрудничество, вузы, Центр по изучению России, Аньхойский университет, Чувашский государственный университет.

Представлен опыт Аньхойского университета (Китай) по организации Центра по изучению России как эффективной формы межвузовского сотрудничества Китая и России. Описаны исторические предпосылки его возникновения, исторические этапы его трансформации. Охарактеризованы шесть основных направлений его современной деятельности. Подчёркнута важность ответных инициатив со стороны российских вузов.

Современный период исторического развития человечества характеризуется множеством разнонаправленных тенденций. Сегодня в мире существуют негативные тенденции, когда на смену сотрудничеству между странами приходят конфликты и противоречия. В такой ситуации стремление Китая к развитию сотрудничества со всеми странами становится весьма значимым.

Одним из существенных условий сохранения устойчивого развития в мире является построение стабильных отношений между государствами. На сегодняшний день у Китая с Россией установлены отношения стратегического партнерства [12].

Одной из международных площадок конструктивного взаимодействия Китая и России является БРИКС – организация, объединяющая пять крупных экономик мира – Бразилию, Россию, Индию, Китай и Южно-Африканскую Республику и координирующая важные вопросы экономического и политического развития [10, 11].

Многоуровневые отношения взаимовыгодного сотрудничества с Россией также развиваются у Китая в рамках ШОС – Шанхайской организации сотрудничества – международной организации, которая была создана в 2001 г. руководителями пяти стран – Китая, России, Казахстана, Таджикистана, Киргизии и Узбекистана. Ныне к ней также присоединились Индия и Пакистан. Как указывает Министерство иностранных дел Российской Федерации, развитие гуманитарных связей является важной составляющей работы ШОС. В частности, сформирован механизм совещаний министров образования государств-членов ШОС, создана постоянно действующая экспертная группа, организованы Школы молодых ученых стран ШОС, регулярно проводятся «Недели образования государств-членов ШОС», форумы ректоров ведущих университетов [3].

Двустороннее межвузовское сотрудничество между Китаем и Россией развивается, в том числе, и на основе межправительственных и межведомственных соглашений, заключённых между Россией и Китаем в области образования¹. Китайские и российские вузы все активнее начинают реализацию многообразных программ сотрудничества [2, 4].

¹ Соглашение между Министерством образования и науки Российской Федерации и Министерством образования Китайской Народной Республики о сотрудничестве в области образования (Пекин, 9 ноября 2006 г.) // Международные соглашения о сотрудничестве в сфере образования / сост.: Департамент международного сотрудничества в образовании и науке Минобрнауки России. М., 2009. С. 328–333; Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Китайской Народной Республики об изучении русского языка в Китайской Народной Республике и китайского языка в Российской Федерации (Пекин, 3 ноября 2005 г.) // Международные соглашения о сотрудничестве в сфере образования / сост.: Департамент международного сотрудничества в образовании и науке Минобрнауки России. М., 2009. С. 257–260.

Для эффективного развития сотрудничества обеим сторонам необходимо хорошо знать друг друга, поэтому необходимо изучать язык и культуру обеих сторон. Если в России широкий массовый интерес к китайскому языку и его изучению находится еще в стадии роста [5, 7], то изучение русского языка в Китае имеет уже давнюю традицию. Сегодня русский язык преподаётся в 138 вузах Китая, ежегодно выпускаются более 20 тысяч бакалавров-русистов. Но даже такое количество выпускников все же не может удовлетворить потребности Китая в квалифицированных специалистах в этой сфере. Ведь суть данного дефицита заключается не в количестве, а в качестве. Знающих русский язык на китайском рынке не так мало, а справляющихся с задачей все ещё мало [8].

В Китае понимают, что рынок очень четко регулирует направления современного образования [6]. В мае 2014 г. в Аньхойском университете в г. Хэфэй возобновилась работа Института по изучению России, которая также имеет давнюю историю.

В 1950-х гг. в Китае активно изучали русский язык, а в период 1960–1980-е гг. русский язык постепенно вытеснялся английским языком и становился редким изучаемым иностранным языком. Для решения проблемы дефицита русистов в 1979 г. в Аньхойском университете на факультете иностранных языков создан Научно-исследовательский институт по изучению СССР. 6 декабря 1992 г. Институт по изучению СССР был переименован в Институт по изучению России. Вскоре Институт отделился от факультета иностранных языков в качестве отдельного структурного подразделения и стал целенаправленно заниматься научными исследованиями. В 2002 г. из-за недостатка финансирования Институт перестал функционировать.

В период своего существования Институт по изучению СССР (потом России) более двадцати лет занимался переводами и исследованием вопросов о СССР (потом России). Сотрудники Института периодически участвовали в различных научных конференциях, издавали научный журнал «Изучение вопросов о СССР» (который позже был переименован в «Изучение России»), в котором публиковались статьи специалистов из всего Китая.

С целью удовлетворения общественных потребностей, координации междисциплинарных исследований и расширения сотрудничества с иностранными партнерами 2 июля 2014 г. в соответствии с приказом Аньхойского университета Институт был переименован в Центр по изучению России Аньхойского университета, в деятельности которого выделены следующие шесть ключевых направлений.

1. *Научные исследования.* С учетом общественных потребностей Центр определяет темы и занимается научными исследованиями. Центр также финансирует научные исследования, связанные с изучением вопросов о России через системы грантов. Результатами могут быть статьи, монографии, учебники, словари и научные отчеты. В данный момент Центр совместно с кафедрой русской истории Самарского государственного университета занимается исследованием темы «Древний и современный чайный путь». Этот проект целенаправленно способствует развитию сотрудничества между провинцией Аньхой и регионами Поволжья, раскрывая историческую связь и современные возможности сотрудничества. В настоящее время в Центре ведется еще одна научная работа: составление двуязычного (китайский и русский языки) лингвокультурологического словаря. Преподаватели русского языка Аньхойского университета, Чувашского государственного университета и Пермского государственного университета совместно работают над этим словарем.

2. *Подготовка специалистов.* Центр призван открывать курсы русского языка для желающих. По мере развития Центр получает возможность подготовки магистрантов и докторантов по русистике. В данный момент специали-

стами Центра ведется преподавание русского языка как факультативного предмета в школе № 1 г. Хэфэй, которая является единственной в городе школой, в которой изучается русский язык. Ежегодно более ста учеников этой школы выбирают для изучения русский язык и благодаря этому познают богатство и красоту русской культуры.

3. *Услуги.* Центр активно использует собственные ресурсы и предлагает всем заинтересованным предприятиям, организациям, ведомствам и физическим лицам: перевод, консультирование, чтение лекций, проведение культурно-просветительных мероприятий и т.д.

Центр постоянно выполняет данные работы, благодаря которым он уже приобрел определенную известность в многих сферах в г. Хэфэй. 15 декабря 2014 г. в Центре успешно прошла выставка фотографий, сделанных премьер-министром России Д.А. Медведевым. Генеральный консул А.Н. Смородин и консул А.Ю. Лысов Генерального консульства РФ в Шанхае прибыли в Центр для открытия выставки. Данное мероприятие способствовало широкому распространению русской культуры и усилило значение Центра в городе и Аньхойском регионе.

Центр также стремится к совместному с российскими организациями проведению культурных мероприятий, в том числе телемоста о культуре народов Российской Федерации. На сайте Центра можно ознакомиться с предоставленными делегацией Чувашского государственного университета материалами о культуре, традициях и обычаях чувашского народа, посетить видеогалерею чувашских художников.

4. *Создание библиотеки, базы данных и двуязычного сайта.* Без богатого книжного фонда и базы данных продолжительного развития Центра не получится. Великая и глубокая русская литература требует накопления всесторонних и достоверных материалов о ней. Кроме того, для эффективного выполнения стратегического сотрудничества между Китаем и Россией Центр должен основательно собирать данные и информацию о России.

Стратегическое партнерство дает хорошую предпосылку – долгосрочное улучшение и расширение сфер сотрудничества между Китаем и Россией. Центр сейчас составляет электронный каталог всех печатных изданий, после чего будет открыта библиотека для различных категорий читателей. Выписаны более 10 китайских журналов, публикующих статьи о России. Планируется выписывать российские журналы.

Двуязычный сайт Центра своевременно распространяет информацию об итогах и результатах сотрудничества между Китаем и Россией, знакомит с интересными моментами китайской и русской культуры, играет роль моста между Янцзы и Волгой. Центр принимает материалы обо всех сторонах современной России не только от китайских, но и от российских авторов.

5. *Выпуск двуязычного научного журнала «Изучение русской культуры».* Центр начал функционировать уже в новых условиях и с новыми задачами. Чтобы успешно выполнять функцию «мозгового центра» для правительственных органов и играть роль информационного центра для всех организаций, чтобы иметь свой статус среди китайских научных периодических изданий, Центр выбрал перспективный путь выпуска научного двуязычного журнала «Изучение русской культуры». Понятие «культура» рассматривается здесь в самом широком смысле этого слова.

В Китае в области русистики журнал «Изучение русской культуры» является первым двуязычным научным журналом. При поддержке руководителей и ученых Аньхойского университета, а также китайских и российских авторов первый номер журнала скоро выйдет в свет. В журнале публикуются статьи китайских и российских ученых в области филологических, культурологиче-

ских, страноведческих исследований, касающихся изучения специфики русского языка и культуры; цель журнала – информирование читателей о России, ее культуре, духовных ценностях.

В научно-аналитическом журнале «Изучение русской культуры» предусмотрены следующие рубрики: I. Россия: история, культура, политика (вопросы страноведения и современной геополитики; история – культура – традиция; художественная литература как отражение культурно-исторического развития); II. Актуальные проблемы изучения русского языка (лингвистические заметки; язык и ментальность; функционально-коммуникативный аспект современного русского языка; язык масс-медиа; текст: проблемы анализа и интерпретации; методика преподавания русского языка как иностранного; проблемы изучения русского языка в Китае).

6. *Проведение совместных научных мероприятий.* В 2015 г. Центром совместно с Чувашским госуниверситетом в г. Чебоксары проведены две научные конференции. Первое мероприятие в формате видеоконференции прошло на тему «Российско-китайское сотрудничество в образовании: региональный опыт и перспективы». На ней состоялся обстоятельный обмен мнениями о перспективах развития сотрудничества между чувашским и китайским вузами, публикациях ученых и преподавателей в журналах вузов-партнеров, проведении совместных конференций, изучении языков.

На второй международной научно-практической конференции «Россия – Китай: борьба за независимость в годы Второй мировой войны» обсуждались вопросы стратегического партнерства в борьбе против фашизма и японского милитаризма, противодействия фальсификации итогов Второй мировой войны в современном мире, сохранения исторической памяти о великой победе среди народов России и Китая.

Необходимо подчеркнуть, что при активном развитии сотрудничества Центра с российскими вузами подобные структуры создаются и в России. Так, в Чувашском государственном университете в г. Чебоксары в 2015 г. для решения задач развития российско-китайского сотрудничества в области образования создан собственный Центр изучения Китая. То есть данная форма межвузовского сотрудничества является улицей с «двусторонним движением». Это не может не способствовать росту интереса российских студентов к изучению не только европейских языков, но и китайского [9], что становится чрезвычайно важным в условиях роста требований, предъявляемых к современному выпускнику вуза [1].

Таким образом, с учетом того, что активно развивающееся китайско-российское сотрудничество в области образования имеет богатый предшествующий исторический опыт, а также всемерную поддержку на высоком политическом уровне, оно имеет хорошие перспективы. Среди множества существующих форм взаимовыгодного взаимодействия между вузами двух стран деятельность центров по изучению культуры является во многом предпочтительной, поскольку позволяет эффективно сочетать научно-исследовательскую, образовательную, культурную, издательскую, информационно-просветительскую деятельность как отдельных лиц, так организаций и ведомств.

Литература

1. Александров А.Ю. Вузы России перед вызовами современности // Вопросы повышения эффективности профессионального образования в современных условиях: материалы VI Международ. учеб.-метод. конф. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2014. С. 15–19.

2. Александров А.Ю., Николаев Е.Л. Международные учебно-методические конференции как инновационная форма совершенствования образовательной деятельности вуза // Высшая школа России перед вызовами современности: перспективы развития: материалы VII Международ. учеб.-метод. конф. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2015. С. 6–14.

3. Гуманитарное сотрудничество в рамках ШОС (Справочный материал) [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел Российской Федерации: офиц. сайт. URL: http://www.mid.ru/sanhajjskaa-organizacia-sotrudnicestva-sos-/-/asset_publisher/0vP3hQoCPRg5/content/id/939176 (дата обращения: 02.09.2015).

4. Николаев Е.Л. О развитии международного сотрудничества Чувашского госуниверситета с китайскими вузами // Вопросы повышения эффективности профессионального образования в современных условиях: материалы VI Междунар. учеб.-метод. конф. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2014. С. 161–165.

5. Ху Цин Сун. Китайский язык в Чувашском госуниверситете // Актуальные проблемы формирования компетентно ориентированной образовательной среды: материалы III Междунар. учеб.-метод. конф. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2012. С. 260–262.

6. Ху Цинсун. Об истории развития профессионального образования в Китае // Вопросы повышения эффективности профессионального образования в современных условиях: материалы VI Междунар. учеб.-метод. конф. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2014. С. 169–165.

7. Чэнь Мэйджиао. Об опыте преподавания китайского языка как иностранного // Организационно-методическое обеспечение образовательного процесса в современных условиях: материалы V Междунар. учеб.-метод. конф. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2013. С. 207–209.

8. Ши Хуншэн. О направлениях развития «Центра по изучению России» Аньхойского университета // Высшая школа России перед вызовами современности: перспективы развития: материалы VII Междунар. учеб.-метод. конф. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2015. С. 41–45.

9. Aleksandrov A.Yu., Zakharova A.N., Nikolaev E.L. New Challenges in Engineering Education: Personal Advancement for Better Marketability of Future Professionals. Proc. of 2015 Int. Conf. on Interactive Collaborative Learning (ICL). 20-24 September 2015, Florence, Italy, pp. 452–454, doi: 10.1109/ICL.2015.7318072.

10. Stuenkel O. The Financial Crisis, Contested Legitimacy, and the Genesis of Intra-BRICS Cooperation. *Global Governance: A Review of Multilateralism and International Organizations*, 2013, Oct.-Dec., vol. 19, no. 4, pp. 611–630.

11. Wang Yuhua, Zhao Ping. Characteristics and Problems of «BRICS» Cooperation Mechanism and China's Countermeasures. *Contemporary Economic & Management*, 2011, vol. 11. Available at: http://en.cnki.com.cn/Article_en/CJFDTOTAL-DJGL201111006.htm.

12. Wilkins T.S. Russo-Chinese Strategic Partnership: A New Form of Security Cooperation? *Contemporary Security Policy*, 2008, vol. 29(2), pp. 358–383, doi: 10.1080/13523260802284365.

ШИ ХУНШЭН – доцент, директор Центра по изучению России, Аньхойский университет, Китай, Хэфэй (shishanshanc21@126.com).

SHI HONGSHENG

THE CENTER FOR STUDYING RUSSIA AS A FORM OF INTERUNIVERSITY COOPERATION BETWEEN CHINA AND RUSSIA: ORIGINS AND THE PRESENT

Key words: *Chinese-Russian cooperation, higher education institutions, the Centre for Studying Russia, Anhui University, Chuvash State University.*

There is presented the experience of Anhui University (China) in organization of the Center for Studying Russia as an effective form of interuniversity cooperation between China and Russia. There is described the historical background of its origin, historical stages of its transformation. Six main directions of its current activity are characterized. The importance of reciprocal initiatives from Russian universities is underlined.

References

1. Aleksandrov A.Yu. *Vuzy Rossii pered vyzovami sovremennosti* [Higher education institutions of Russia before the calls of contemporaneity]. *Voprosy povysheniya effektivnosti professional'nogo obrazovaniya v sovremennykh usloviyakh: materialy VI Mezhdunar. учеб.-metod. konf.* [Proc. of VI Int. Conf. «Issues of improving the efficiency of professional education under present-day conditions»]. Cheboksary, 2014, pp. 15–19.

2. Aleksandrov A.Yu., Nikolaev E.L. *Mezhdunarodnye учебno-metodicheskie konferentsii kak innovatsionnaya forma sovershenstvovaniya obrazovatel'noi deyatel'nosti vuza* [International educational and methodical conferences as an innovative form of perfection of educational activity of institution of higher education]. *Vysshaya shkola Rossii pered vyzovami sovremennosti: perspektivy razvitiya: materialy VII Mezhdunar. учеб.-metod. konf.i* [Proc. of VI Int. Conf. «Higher school of Russia before the calls of contemporaneity: prospects of development»]. Cheboksary, 2015, pp. 6–14.

3. Gumanitarnoe sotrudnichestvo v ramkakh ShOS (Spravochnyi material). Available as: http://www.mid.ru/sanhajskaa-organizacia-sotrudnicestva-sos-/-/asset_publisher/0vP3hQoCPRg5/content/id/939176 (Accessed 2 Sept. 2014).

4. Nikolaev E.L. *O razvitii mezhdunarodnogo sotrudnichestva Chuvashskogo gosuniversiteta s kitaiskimi vuzami* [About development of international cooperation of Chuvash State University with Chinese universities]. *Voprosy povysheniya effektivnosti professional'nogo obrazovaniya v sovremennykh usloviyakh: materialy VI Mezhdunar. ucheb.-metod. konf.i* [Proc. of VI Int. Conf. «Issues of improving the efficiency of professional education under present-day conditions»]. Cheboksary, 2014, pp. 161-165.

5. Hu Qingsong. *Kitaiskii yazyk v Chuvashskom gosuniversitete* [The Chinese language in the Chuvash State University]. *Aktual'nye problemy formirovaniya kompetentnostno orientirovannoi obrazovatel'noi sredy: materialy III Mezhdunar. ucheb.-metod. konf.* [Proc. of III Int. Conf. «Actual problems of formation of the competence-oriented educational environment»]. Cheboksary, 2012, pp. 260–262.

6. Hu Qingsong. *Ob istorii razvitiya professional'nogo obrazovaniya v Kitae* [About history of development of professional education in China]. *Voprosy povysheniya effektivnosti professional'nogo obrazovaniya v sovremennykh usloviyakh: materialy VI Mezhdunar. ucheb.-metod. konf.* [Proc. of VI Int. Conf. «Issues of improving the efficiency of professional education under present-day conditions»]. Cheboksary, 2014, pp. 169–165.

7. Chen Meijiao. *Ob opyte prepodavaniya kitaiskogo yazyka kak inostrannogo* [About experience of teaching of Chinese as foreign language]. *Organizatsionno-metodicheskoe obespechenie obrazovatel'nogo protsessa v sovremennykh usloviyakh: materialy V Mezhdunar.i ucheb.-metod. konf.* [Proc. of V Int. Conf. «Organizational and methodical providing of educational process is in modern terms»]. Cheboksary, 2013, pp. 207–209.

8. Shi Hongsheng. *O napravleniyakh razvitiya «Tsentra po izucheniyu Rossii» An'khoiskogo universiteta* [About directions of development of «Center on the study of Russia» Anhui University]. *Vysshaya shkola Rossii pered vyzovami sovremennosti: perspektivy razvitiya: materialy VII Mezhdunar. ucheb.-metod. konf.* [Proc. of VII Int. Conf. «Higher school of Russia before the calls of contemporaneity: prospects of development»]. Cheboksary, 2015, pp. 41–45.

11. Aleksandrov A.Yu., Zakharova A.N., Nikolaev E.L. New Challenges in Engineering Education: Personal Advancement for Better Marketability of Future Professionals. In: Proc. of 2015 Int. Conf. on Interactive Collaborative Learning (ICL). 20-24 September 2015, Florence, Italy, pp. 452–454, doi: 10.1109/ICL.2015.7318072.

12. Stuenkel O. The Financial Crisis, Contested Legitimacy, and the Genesis of Intra-BRICS Cooperation. *Global Governance: A Review of Multilateralism and International Organizations*, 2013, Oct.-Dec., vol. 19, no. 4, pp. 611–630.

13. Wang Yuhua, Zhao Ping. Characteristics and Problems of «BRICS» Cooperation Mechanism and China's Countermeasures. *Contemporary Economic & Management*, 2011, vol. 11. Available at: http://en.cnki.com.cn/Article_en/CJFDTOTAL-DJGL201111006.htm.

14. Wilkins T.S. Russo-Chinese Strategic Partnership: A New Form of Security Cooperation? *Contemporary Security Policy*, 2008, vol. 29(2), pp. 358–383, doi: 10.1080/13523260802284365.

SHI HONGSHENG – Associate Professor, Director of the Center for Studying Russia, Anhui University, China, Hefei.

Ссылка на статью: Ши Хуншэн. Центр по изучению России как форма межвузовского сотрудничества Китая и России: истоки и современность // Вестник Чувашского университета. – 2016. – № 2. – С. 202–207.

УДК [811.512.111+811.161.1]37

ББК Ш12=635.1*008.3=411.2

А.Г. АБРАМОВА

**ГРАММАТИЧЕСКИЕ ПАРАМЕТРЫ
ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАРАДИГМ**

Ключевые слова: грамматические параметры, фразеологизм, фразема, соматизм, фразеологические парадигмы.

Рассмотрены грамматические параметры фразеологических парадигм в русском и чувашском языках. Фразеологизмы – явление подвижное, в истории языка они претерпевают структурные изменения. Этим явлением обуславливается такая особенность фразеологических единиц, как их валентные свойства. На примере фразеологизмов в составе фразеологизмов продемонстрировано, как фразеологизмы могут варьироваться и образовывать синонимические ряды. Вопрос о том, какие факультативные элементы может вобрать в себя фразеологизм, какие видоизменения он претерпевает при том или ином наборе вариантов, как синонимия влияет на фразему, следует увязать с такими коррелятами, как изменяемость/неизменяемость, сжатие/расширение, вариант/инвариант и т.д. Содержание фразеологических единиц – сложная структура, включающая в себя комплекс взаимосвязанных составных элементов. Центром структурно-семантической организации внутренней формы фразеологических единиц является тот или иной соматизм-концепт. Этот же соматизм координирует движение грамматических параметров фразеологических единиц самых различных парадигм.

Фразеология как лингвистическая дисциплина завоевала в настоящее время достаточно прочные позиции. В этой области выделились такие самостоятельные разделы, как фразеобразование, диалектная, сравнительно-сопоставительная, историческая фразеология и т.п. По всем этим и другим разделам ныне ведутся интенсивные исследования на материале различных языков. Поворотным пунктом в деле изучения фразеологии различных языков явились известные работы академика В.В. Виноградова, посвящённые русской фразеологии [2. С. 45–69; 3. С. 21–28]. Огромное влияние трудов этого учёного почти на все исследования в области фразеологии объясняется тем, что эти работы заполнили ту брешь, которая образовалась ввиду недостаточного изучения семантики устойчивых сочетаний слов. Предпосылки теории фразеологии всё же некоторыми своими гранями были заложены ещё в трудах А.А. Потебни, А.А. Шахматова и Ф.Ф. Фортунатова.

Интересные соображения в области лексической и фразеологической семантики были высказаны уже академиком Ф.Ф. Фортунатовым, который впервые обратил внимание на соотношение общего значения так называемых слитных слов и слитных речений со значением тех слов свободного употребления, на базе которых сформировались соответствующие языковые единицы. В языке, по мнению Ф.Ф. Фортунатова, могут существовать устойчивые словосочетания типа *железная дорога*, которые по значению однородны слитным словам, ибо семантически не разлагаются на самостоятельные лексемы без изменения значения [5. С. 63–64]. Вслед за этим появились работы А.А. Потебни, посвящённые рассмотрению устойчивых сочетаний слов [9. С. 58–74]. Оба исследователя обращают внимание на то, что устойчивые обороты надо оценивать как неизменяемые со стороны грамматической структуры, со стороны того, что у них не может быть словоизменительных формантов. Важно также учесть и то, что грамматическая устойчивость тесно связана с семантикой оборотов.

Академик А.А. Шахматов в «Синтаксисе русского языка» пишет о разложимых и неразложимых сочетаниях слов. «Под разложением словосочетания, – отмечает он, – разумею определение взаимных отношений, входящих в его состав элементов, определение господствующего и зависимых от него элементов. Между тем подобное разложение для некоторых словосочетаний оказывается невозможным. Так, например, сочетание *два мальчика* с точки зрения современных синтаксических отношений оказывается неразложимым» [15. С. 82]. Безусловно, термины фразеологический, фразема тогда были ещё не в ходу, и поэтому вполне понятно, что А.А. Шахматов оперирует термином словосочетание. Но дело в том, что в сочетаниях слов он видит определённую степень устойчивости и неразложимости элементов целого. В неразложимых словосочетаниях связь компонентов, по его мнению, может быть объяснена только с исторической точки зрения, но она непонятна, не мотивирована с точки зрения системы современных языковых отношений.

Всё это показывает, что в таких сочетаниях слов для русского лингвиста важно уяснить взаимоотношения таких коррелятов, как разложимость/неразложимость, мотивированность/немотивированность, синхронность/диахронность, лексическое/грамматическое и т.д. Это очень существенно и важно. А.А. Шахматову было понятно, что в процессе образования неразрывных и неразложимых словосочетаний играет большую роль тесное взаимодействие лексических и грамматических форм. Разумеется, проблема типов фразеологических единиц, сближающихся со словом, у него остаётся на втором плане. Но это понятно, ибо исследователь обращается к словосочетаниям, а не к словам. Не удивительно поэтому, что ряд современных фразеологов стоит именно на точке зрения А.А. Шахматова и фактически расценивает фраземы как сочетания слов с определённой степенью их неразложимости, устойчивости, слитности, раздельно-оформленности и т.д. [14. С. 56–67; 6. С. 29–48; 8. С. 37–56]. Сказанное до сих пор позволяет утверждать, что работы Н.М. Шанского, М.М. Копыленко, А.И. Молоткова фактически наметили пути изучения грамматической и трансформационной (изменяемость/неизменяемость) природы фразеологических единиц. Ясно также, что учёт того, как изменяются фраземы в ходе практического их употребления, помогает установить границы фраземы, выявить особенности сжатия и расширения их компонентного состава, решить проблемы синонимии и вариантности фразеологических оборотов и т.д.

Конечно, интенсификация исследований в этом направлении во многом объясняется концепцией В.В. Виноградова, именно она и позволила выявить некоторые плодотворные стороны положений учёных 20–40-х гг. XX в. И всё же изучение фразеологии языка в эти годы и чуть позднее стимулировалось в основе своей задачами лексикографической интерпретации и обработки устойчивых оборотов речи, с одной стороны, и учебно-методическими целями, с другой стороны. Собственно фразеологическая теория, как уже было сказано, стала складываться через осознание концептуальных положений академика В.В. Виноградова. Именно отсюда и берёт начало заинтересованное знакомство языковедов с особенностями сходства и различий между фразеологическими оборотами и словосочетаниями, между фразеологизмом и словом.

Это было, конечно, шагом вперёд: уяснялась собственно релевантная природа слов, сочетаний слов и фразеологических единиц, уточнялись особенности классификации фразеологизмов, вырабатывались принципы описания фразеологизмов как структурных единиц языка и речи. Именно это обстоятельство и позволило подойти к тем открытиям, которые были сделаны в 1960–1970-е гг.: 1) в это время интенсивно ищутся методы исследования фразеологии

[1. С. 71–72; 7. С. 38–43; 10. С. 42–43]; 2) особое внимание уделяется вопросам фразеобразования [4. С. 21–30], 3) изучается семантика фразеологизмов [11. С. 138–157]; 4) уясняются особенности сочетаемости слов-компонентов [6. С. 25–28] и т.д. Однако мы считаем, что труды великих русских лингвистов не ограничиваются только названными методологическими особенностями.

Думается, чрезвычайно важно осмыслить тот факт, что фразеологические парадигмы нельзя изучать вне учёта фактора тесной взаимосвязи грамматических и трансформационных параметров. Действительно, вопрос о том, какие факультативные элементы может вобрать в себя фразеологизм, какие видоизменения он претерпевает при том или ином наборе вариантов, как влияет на фразу синонимия, нельзя решить, отходя от коррелятов изменимость/неизменяемость, сжатие/расширение, вариант/инвариант и т.д. Вот, к примеру, единица *пуҫа чик* «сунуть голову»; она может вобрать в себя (в одном из значений) самые различные факультативные вставки: *пуҫа аҫта кайса чикес* – в значении «куда деться, оказаться в критическом положении»; *пуҫа ма пырса чикес* в значении «зачем соваться» и т.д. В этом смысле, очевидно, следует рассматривать русские обороты *голова забубенная* – *головушка забубенная*; *оторвать с руками* – *оторвать с руками-ногами* и т.д. В чувашском языке выражение значения жестокости встречается намного чаще, чем в русском: *куҫа-пуҫа чиксе шӑтар* «выколоть глаза» (букв. глаза – голове); *алӑ-урана ҫыхса ларт* «связать по рукам» (букв. рукам и ногам); *пит-куҫ ҫунса тухать* «лицо покрывается краской» (букв. лицо – глаза); *вар-хырӑма тытса кул* «надорвать живот от смеха» (букв. живот – чрево) и т.д. Примеры свидетельствуют, что границы фразеологизмов могут трансформироваться, единица то сжимается, то расширяется.

Из проанализированных примеров ясно, что поставленные проблемы интенсивно можно изучать при сопоставительном и типологическом анализе фразеологического состава разных языков. Сопоставление материала чувашского и русского языков может стать большим подспорьем в деле выявления тех сторон языковой картины мира, которое при решении вопросов только одного языка бывает трудно уловить. Следует отметить, что база для такого подхода в тюркологии давно уже подготовлена, она была и предметом квалифицированного обсуждения.

Выводы, полученные в ходе таких исследований, наталкивают на мысль, что следует рассматривать фраземы в совершенно другой плоскости, а именно: 1) расценивать фразеологический фонд языка как ценнейший источник сведений о культуре народа; 2) осмысливать фразеологический состав со стороны различных концептов – *дом, человек, голова, сердце, дерево*, понять его как культурный код нации. Именно в таком аспекте и плодотворно изучение соматической фразеологии, фразем, компонентами которых являются названия частей тела и организма человека.

Не останавливаясь детально на каждом из высказанных положений, попробуем в тезисной форме очертить некоторые стороны этой проблемы. Компонент-фразаема, по нашему мнению, намного шире, чем слово, являющееся элементом словосочетания. Так, слова *куҫ, пуҫ, ура, алӑ* и другие представляют собой не только продукт коннотативного переосмысления значения слова, они представляют собой целый миф, архетип, всенациональный образ культуры и т.д. Вот почему, например, компонент *пуҫ* в чувашской фразеологии даёт понятие о способности думать (не думать); указывает на ум (безумие); даёт положительную пейоративно-отрицательную характеристику человеку. *Пуҫ* может сочетаться с такими компонентами, которые став фра-

зеологизмом, не имеют своего эмпирического прототипа: *тунката пуç* «пень-голова», *тёлёк пуç* «полусонная голова», *тёмра пуç* «голова-домра». Помимо этого данная компонента органично взаимозаменяется совершенно неоднозначными с эмпирической стороны формантами: *тём пуç* – *тёрна пуçё*; *тёмана пуçё* – *тёмана-йёранё*; *сэхман калёп*, где *тёрна* «журавль», *тём* «глина», *сэхман* «кафтан». Особенно значимо это в сочетаниях с соматизмами. В силу частого употребления их значение легко закрепляется в тех или иных грамматически неразложимых образованиях. Взять хотя бы фраземы с фразеолоксой *ура* «нога»: *йыт урипе ут* (букв.: ходить собачьими ногами) – ломать ноги; *ураган үкер* – свалить с ног; *алё-ураçёр юл* (букв.: остаться без рук, без ног) – измотаться, измучиться; *уссёр ура Карачём* (букв.: Герасим – бесполезные ноги) – о бесполезном деле и т.д. Все эти примеры являются показателем того, что слово *ура*, становясь фразеолоксой в течение столетий, обретало новые смыслы, понятные только в составе фразеологических единиц. Поэтому грамматические параметры их фразеологических парадигм получают также многозначный статус. Значение многих слов только и существует в совокупности пути, пройденного словом, существует как совокупность пути, со всеми изгибами и блужданиями. Они (слова) предстают перед нами теперь как нечто исторически разворачивающееся, ибо здесь важен не результат, а именно развёртывание концепта, живая его парадигма. Поэтому носитель языка понимает, что эту закрытость следует устранить, и слово-концепт предстанет как разворачивающееся. Вот почему грамматические параметры такого сложного, смешанного образования в корне отличны от взаимоотношений элементов словосочетания. Вот почему важно уделить особое внимание дихотомии разложимости/неразложимости, мотивированности/немотивированности, закрытости/открытости и т.д.

«Сочетаемость по отношению к фразеологии будет иметь значение в описании системы структурных связей фразеологизмов в контексте, – пишет З.Г. Ураксин, – в выявлении семантико-грамматических условий реализации значений единиц» [12. С. 114]. Расхождение денотативных значений слов встречаем, например, во фразеологизме *йёс пыр* «привереда» (букв.: медная глотка). Вполне понятно, что такое переосмысление слова и превращение его во фразеолексу произошло не за одно десятилетие: тут действуют законы не лексико-синтаксические, а образно-фразеологические. Вот почему компонент фразеологизма в силу его насыщенной экспрессивности создаёт культурно-исторический аспект переосмысления семантики. *Пыр* как концепт не может не объединять в себе значения целой серии фразем. *Пыр* в ряду примеров со значением «привереда» даёт не только ироническое, но и другое осмысление объекта: *сёрлэ пыр* «глотка, что отруби», *типё пыр* «сухое горло»; совсем другое явление *пыр* в значении «жадность»: *антёхнэ пыр* «жадная глотка».

Как показывают исследования М.Ф. Чернова, *пыр* как компонент фразеолексы может быть заменен компонентом *карланкэ* [13. С. 112]. Это, естественно, тоже накладывает определённую печать как на грамматику, так и на трансформационную сущность фразеологического предложения. В силу всего сказанного о фактороустойчивости становится возможным обсудить более в аспекте сравнения-сопоставления фразеологизмов со словосочетаниями. Между тем фраземы необходимо изучать как фраземы, со своей методологией, со своей природой анализа. Трансформационные параметры их грамматических парадигм невозможно рассматривать без учёта широкого культурно-исторического контекста.

Всё это настоятельно подводит исследователя к тому, чтобы фразеологизмы изучать как явление очень подвижное, к осознанию их трансформационных параметров. Исследователь башкирской фразеологии З.Г. Ураксин пишет: «Оставаясь в основе своей устойчивости комплексами слов, в динамике языка, они претерпевают определённые структурные изменения, квалифицируемые как трансформационные свойства фразеологизмов» [12. С. 106]. В качестве таких свойств учёный отмечает следующие явления: вариативность во фразеологии, фразеологическую деривацию, окружение (морфологическое или лексико-семантическое) фразеологической единицы и т.д.

Такой подход продуктивен, он позволяет перекинуть мост к такой особенности фразем, как сочетаемостно-валентная природа фразеологических оборотов, синонимия во фразеологии способствует тому, чтобы уяснить своеобразие сочетаемости компонента (фразеолексы) фраземы с другим компонентом как глубоко специфическое качество. Понятие неразложимости и грамматической стабильности целой фразеологической единицы в этом случае становится возможным подвергнуть некоторому сомнению. Ибо во главу угла начинает выходить фактор особой, фразеологической сочетаемости. Именно это будет склонять исследователя к необходимости изучения таких особенностей, как окружение фразем, осознанное через уточнение параметров вариантов и синонимии.

Интересно в этом свете проследить за тем, какую фразеосочетаемость продуцируют концепты «голова» и «нога» в русском языке. В значении «неразумный, глупый, недалёкий» употребляются в русском языке такие фразеологические единицы: голова еловая, голова садовая, голова соломой набита (в чувашском языке «солома» замещается «мякиной» – *арпа пуç*), шальная голова, без царя в голове, каша в голове и т.д. Это примеры, которые очень трудно (а то и невозможно) калькировать на чувашский язык. И напротив, чувашские *сăхман пуç* (букв.: кафтан-голова), *шăн пуç* (букв.: мёрзлая голова) были бы чужими для носителя русской речи. Всё это зависит, безусловно, от того, что историко-культурные реалии каждого языка складываются по-своему.

Точно такую же картину можно увидеть в вокабулярной сетке концепта «нога». Чувашам непривычны такие обороты, как *спать без задних ног*, как *собаке пятая нога*, *в ногах правды нет*, *колбс на глиняных ногах* и т.д. Всё это не исключает, естественно, и типологически общие явления. Такие обороты, как *с ног на голову*, *едва на ногах стоит*, *валиться с ног* свойственны обоим языкам. Причём грамматическая структура таких речений однозначно сходна. Примечательно также, что чувашские компоненты *ура* «нога» и *пуç* «голова» склонны выступать в парных образованиях: *алă-ура*, *куç-пуç*; русские же фразеологизмы между тем менее к этому привержены: *куса-пуца чарса пăрах* (букв.: широко раскрыть глаза от удивления); *вилё алă-ура* (букв.: мёртвые руки-ноги); *алăсăр-урасăр лек* (букв.: как без рук и ног); *куçран-пуçран вут сирпёнет* (букв.: искры из глаза-головы сыплются) и т.д. Но, так или иначе, оба эти компонента потому и являются фразеосемантическими концептами, что способны указать на совокупность пройденного пути.

Как показал анализ связуемостной и трансформационной природы фразеолексы *пуç* «голова», она может «провоцировать» самые разнообразные вариации и синонимии. *Пуç* «голова» – *тăрна* «журавль»; *тăмана* «сова»; *сăхман* «кафтан»; *анра* «ошалелый»; *арпа* «мякина»; *шăтăк* «дыра, дырявый» и т.д. Компонент *пуç* может быть замещен словами *йăран* «грядка», *лёлке* «макушка», *калăп* «колодка».

С тем же явлением встречаемся и в русском языке: *голова* – еловая, садовая, дырявая, мякнинная, пустая... Это относится, разумеется, не только к компоненту *пуг*, причудливые сюжеты происходят и с другими элементами. Возьмем хотя бы фразему *сăхман калăпĕ* (букв.: колодка кафтана, олух). В чувашском языке встречаются и такие обороты – *ал халăпĕ, калăпсăр сăмах* (букв.: слова без колодки; не к месту, не к делу сказанное), *калăпсăр янах* (букв.: подбородок без колодки; невоздержанный в речи), и даже лексическое – *калăпсăрлан* (букв.: выбиваться из колодки, выбиваться из колен) и т.д. Удивительно поэтому встретить единицы другого ряда: *янахсăр* «невоздержанный в речи»: *янахĕ вĕçерĕннĕ* «стал говорить без умолку».

Литература

1. Амосова Н.Н. Основы английской фразеологии. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1963. 208 с.
2. Виноградов В.В. Избранные труды: Лексикология и лексикография. М.: Наука, 1977. 312 с.
3. Виноградов В.В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. 3-е изд., испр. М.: Высш. шк., 1986. 639 с.
4. Гаерин С.Г. Фразеология современного русского языка. Пермь: Перм. гос. пед. ин-т, 1974. 255 с.
5. Жуков В.П. Русская фразеология. М.: Высш. шк., 1986. 309 с.
6. Копыленко М.М., Полова З.Д. Очерки по общей фразеологии. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1989. 190 с.
7. Кунин А.В. Курс фразеологии современного английского языка. 2-е изд., перераб. М.: Высш. шк.; Дубна: Изд. центр «Феникс», 1996. 381 с.
8. Молотков А.И. Основы фразеологии русского языка. Л.: Наука, 1977. 284 с.
9. Потебня А.А. Собрание трудов. Мысль и язык. М.: Лабиринт, 1999. 269 с.
10. Тагиев М.Т. Глагольная фразеология современного русского языка. Баку: Маариф, 1966. 251 с.
11. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и культурологический аспекты. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. 284 с.
12. Ураксин З.Г. Фразеология башкирского языка. М.: Наука, 1975. 192 с.
13. Чернов М.Ф. Фразеология современного чувашского языка. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1985. 176 с.
14. Шанский Н.М. Фразеология современного русского языка. 3-е изд. испр. и доп. М.: Высш. шк., 1985. 160 с.
15. Шахматов А.А. Синтаксис русского языка. 2-е изд. Л.: Учпедгиз, 1941. 620 с.

АБРАМОВА АНЖЕЛИКА ГЕННАДЬЕВНА – кандидат филологических наук, доцент кафедры романо-германской филологии и переводоведения, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (foreign-languages-department@mail.ru).

A. ABRAMOVA

GRAMMATICAL PARAMETERS OF PHRASEOLOGICAL PARADIGMS

Key words: *grammatical parameters, phraseological unit, phraseme, somatism, phraseological paradigms.*

The author considers grammatical parameters of phraseological paradigms in the Russian and Chuvash languages. Phraseological units are a mobile phenomenon and undergo structural changes throughout the history of the language. This phenomenon determines such a peculiarity of phraseological units as their valence properties. Components in the structure of phraseological units show how phraseological units can vary and form synonymic sets. The question about what optional elements a phraseological unit can incorporate in its structure, what modifications it undergoes with this or that set of variants, how synonymy influences the phraseme, should be linked with such correlates as variability/invariability, compression/expansion, variant/invariant, etc. The content of a phraseological unit is a complex structure that includes a set of interconnected components. In the centre of the structural-and-semantic structure of the internal form of a phraseological unit lies a certain somatism-concept, which coordinates the change of grammatical parameters of phraseological units of a wide variety of paradigms.

References

1. Amosova N.N. *Osnovy angliyskoy frazeologii* [Fundamentals of English Phraseology]. Leningrad, Leningrad University Publ., 1963, 208 p.
2. Vinogradov V.V. *Izbrannye trudy: leksikologiya i leksikografiya* [Selected Works: Lexicology and Lexicography]. Moscow, Nauka Publ., 1977, 312 p.
3. Vinogradov V.V. *Russkiy yazyk. Grammaticheskoe uchenie o slove. 3-e izd., ispr.* [The Russian Language. Grammatical doctrine about of word. 3rd ed.] Moscow, Vysshaya Shkola Publ., 1986, 639 p.
4. Gavrin S.G. *Frazeologiya sovremennogo russkogo yazyka* [Phraseology of Modern Russian Language]. Perm, 1974, 255 p.
5. Zhukov V.P. *Russkaya frazeologiya* [Russian Phraseology]. Moscow, Vysshaya Shkola Publ., 1986, 309 p.
6. Kopylenko M.M., Popova Z.D. *Ocherki po obshchey frazeologii* [Studies on General Phraseology]. Voronezh, Voronezh University Publ., 1989, 190 p.
7. Kunin A.V. *Kurs frazeologii sovremennogo angliyskogo yazyka. 2-e izd. pererab.* [A Course of Modern English Phraseology. 2nd ed.]. Moscow, Vysshaya Shkola Publ., Dubna, Feniks Publ., 1996, 381 p.
8. Molotkov A.I. *Osnovy frazeologii russkogo yazyka* [Fundamentals of Russian Phraseology]. Leningrad, Nauka Publ., 1977, 284 p.
9. Potebnya A.A. *Sobraniye trudov. Mysl' i yazyk* [Collected Works. Thought and Language]. Moscow, Labirint Publ., 1999, 269 p.
10. Tagiev M.T. *Glagol'naya frazeologiya sovremennogo russkogo yazyka* [Verbal Phraseology of Modern Russian Language]. Baku, Maarif Publ., 1966, 251 p.
11. Teliya V.N. *Russkaya frazeologiya. Semanticheskii, pragmaticheskii i kulturologicheskii aspekty* [Russian Phraseology. Semantic, Pragmatic and Culturological Aspects]. Moscow, 1996, 284 p.
12. Uraksin Z.G. *Frazeologiya bashkirskogo yazyka* [Phraseology of Bashkir Language]. Moscow, Nauka Publ., 1975, 192 p.
13. Chernov M.F. *Frazeologiya sovremennogo chuvashskogo yazyka* [Phraseology of Modern Chuvash Language]. Cheboksary, Chuvash Publishing House, 1985, 176 p.
14. Shanskiy N.M. *Frazeologiya sovremennogo russkogo yazyka. 3-e izd. ispr. i dop.* [Phraseology of Modern Russian Language. 3rd ed.]. Moscow, Vysshaya Shkola, 1985, 160 p.
15. Shakhmatov A.A. *Sintaksis russkogo yazyka. 2-e izd.* [Syntax of the Russian Language. 2nd ed.]. Leningrad, Uchpedgiz Publ., 1941, 620 p.

ABRAMOVA ANZHELIKA – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Department for Romano-Germanic Philology and Translatology, Chuvash State University, Cheboksary, Russia.

Ссылка на статью: Абрамова А.Г. Грамматические параметры фразеологических парадигм // Вестник Чувашского университета. – 2015. – № 4. – С. 208–214.

УДК 811.11-112

ББК 81.432.1–324+67.408

А.Г. АНИСИМОВА, Е.С. КАПШУТАРЬ

ОСОБЕННОСТИ СТАНОВЛЕНИЯ АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ УГОЛОВНОГО ПРАВА: ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Ключевые слова: англоязычная терминология уголовного права, терминологизация, детерминологизация, становление терминологии, язык для специальных целей.

Данная статья посвящена одному из важнейших вопросов современной англистики – изучению терминологий. В статье рассматриваются особенности становления англоязычной (английской и американской) терминологии уголовного права. Приводится обзор различных процессов в области лексики, имевших место в наиболее значимые периоды становления терминологии уголовного права. Рассматриваемые в статье лексико-семантические процессы систематизированы и выделены в определенные группы. Данная классификация находит свое подтверждение в многочисленных примерах терминов из юридических словарей и документов, а также подкрепляется цитатами из трудов авторитетных зарубежных исследователей в области уголовного права, истории Великобритании и США, а также из исследований в области сравнительного правоведения. В частности, анализируются все стадии процесса терминологизации, а также рассматривается явление детерминологизации, связанное в данной терминосистеме с декриминализацией явлений.

Терминологические исследования в настоящее время становятся все более актуальными как в России, так и за рубежом. Будучи важнейшим средством вербализации специального знания в разных областях – науке и технике, производстве и образовании, искусстве и бизнесе – язык для специальных целей жизненно необходим для профессиональной коммуникации. Статус и дефиниция языка для специальных целей до сих пор однозначно не определены: его считают либо функциональным стилем общелитературного языка, либо подсистемой национального языка [5]. Тем не менее положение о том, что основу любого языка для специальных целей составляют термины, не вызывает споров. Термины возникают и функционируют не в языке в целом, а внутри языков для специальных целей, т.е. тематически очерченных и определенных сущностей, необходимых для общения в ходе профессиональной деятельности.

Прежде чем обратиться непосредственно к особенностям терминологии уголовного права, необходимо сделать ряд вводных замечаний относительно всей терминологической системы права. Терминология уголовного права в любом языке является одной из старейших. Причины данного явления вполне очевидны – для обеспечения правопорядка и функционирования любого государства необходимы законы, а если речь идет о совершаемых преступлениях, то неизбежно появляется понятие уголовного или наказательного права.

Термины *уголовное право* и *карательное (наказательное) право* имеют ряд существенных отличий. В настоящее время уголовной (Criminal Law) называется отрасль права, которая определяет нормы поведения в разных сферах жизни, а также наказания за нарушение этих норм. Реализация наказания будет являться правом наказательным (Penal Law). В древнем английском праве разница была несколько другого рода: «всякое уголовное право является карательным по своей природе, т.е. оно достигает своих целей посредством наказания, но не всякое карательное право является уголовным. В английском законодательстве до сих пор существуют многие иски карательного характера, причисляемые к искам гражданским, например, так называемые иски *qui tam*, в которых частное лицо отыскивает вознаграждение кара-

тельного характера за нарушение какой-либо обязанности, по закону возложенной на другого» [6. С. 9].

Уже на раннем этапе своего развития юридическая лексика столкнулась с рядом существенных терминологических и собственно юридических препятствий. Одной из таких трудностей являлась попытка разграничить понятия *преступление* и *грех* (*crime, sin*). Так, например, *disloyalty* (измена королю, государственная измена) считалась не только преступлением перед королем или государством, но и преступлением перед Богом. Объяснением этому служит тот факт, что король считался избранным Богом и посему вред, нанесенный королю, был нанесен и вышестоящему.

Свидетельствами тесного переплетения закона и религии в Англии являются также термины, используемые для обозначения нарушений перед церковью (*violations to clergy*), и ряд терминов, обозначающих религиозные преступления, о которых речь пойдет чуть ниже. Касательно термина *violations to clergy* существует еще один заслуживающий внимания термин, связанный с упомянутой социальной группой, – *benefit of clergy* (*неподсудность духовенства*), который «представляет собой полисемантический термин, отличающийся семантической историко-территориальной вариантностью, т.к. он использовался в схожих, но отличающихся значениях в разное время в Англии и некоторых американских колониях» [4. С. 264].

Говоря об английской терминологии уголовного права, необходимо очертить хронологические рамки. Целесообразным видится начать рассмотрение терминов с V в. по XIII в., поскольку XIII столетие было отмечено созданием Magna Carta (Великой Хартии Вольностей) в 1215 г. Великая Хартия оказала большое влияние как на систему (соответственно, и терминологию) английского права, так и на становление и развитие американской правовой системы [10].

В целом, не существует единой хронологии становления и формирования английской правовой системы. Крупнейший исследователь сравнительного правоведения Р. Давид выделяет следующие периоды: до нормандского завоевания (с V в. до 1066 г.); период становления общего права (с 1066 до 1485 г.); подъем общего права (с 1485 до 1832 г.); с 1832 г. до настоящего времени [3. С. 14].

Следует отметить, что в становлении англоязычной терминологии уголовного права большую роль сыграли латинские и французские заимствования, однако именно исконная лексика явилась основой для зарождения юридической терминологии. В этот период терминология пополнилась такими терминами, как *guilt* (вина), *manslaughter* (лишение жизни), *murder* (убийство), *right* (право), *sheriff* (шериф), *steal* (красть), *swear* (давать показания под присягой), *theft* (воровство, хищение), *thief* (вор), *witness* (свидетель, свидетельствовать).

При сравнении и сопоставлении терминов раннего периода с терминами, которые составляют терминологию уголовного права сегодня, стоит выделить несколько групп терминов в зависимости от их «терминологической» судьбы.

Первую группу составляют термины, которые перестали быть терминами уголовного права. Чаще всего причиной этому становится декриминализация действия, иначе говоря, потеря состава преступления. Именно к этой группе будут относиться многочисленные лексические единицы, обозначавшие религиозные преступления: *overeating* (переедание), *overdrinking* (чрезмерное употребление спиртного), *greed* (жадность), *apostasy* (вероотступничество), *heresy* (ересь), *abjuration* (отречение), *blasphemy* (богохульство). Из нерелигиозных нарушений стоит отметить *breach of oath* (нарушение клятвы), *false weights and wrong measurements* (обвешивание – в торговле), *grasping* (захват

собственности), *adultery* (измена) и другие *violations to marriage* (преступления перед браком), а также *witchcraft* (колдовство) и связанный с ним термин *witch hunt* (охота на ведьм), который также был известен в определенный период и в США и «является примером американизма, термина, обозначающего историческую правовую реалию Североамериканских колоний и вошедшего в общелитературный язык в результате детерминологизации и идиоматизации значения (терминологизм)» [4. С. 264]. Следует также отметить, что наряду с процессом декриминализации идет процесс детерминологизации, т.е. переход термина в слово общего языка.

Во вторую группу целесообразно отнести те термины, которые изменили план содержания или план выражения. Так, *breach of loyalty* (предательство) стало *treason* (государственная измена) или *espionage* (шпионаж). Разница между этими понятиями состоит в том, что для совершения шпионажа (*espionage*) необходимо сведения получить, а затем распространить или передать. Человек, совершивший государственную измену (*treason*), этими сведениями обладал изначально. Термин *plotting* (сговор) стал словом общего языка, а вместо него употребляется термин *conspiracy*. Термин *mayhem* (потасовка, членовредительство) стал обозначать большой перечень *crimes against public order* (преступления против правопорядка).

Термины, которые сохранили свое первоначальное значение и остались неизменными, следует выделить в особую группу. К ним относятся следующие термины: *treason* (термин существовал наряду с *breach of loyalty*), *contumacy* (неповиновение суду), *bribery* (взятничество), *fraud* (мошенничество), *false witness* (лжесвидетельство), *murder* (умышленное убийство), *manslaughter* (непредумышленное убийство, убийство по неосторожности), *stealing* (кража), *spoliation* (грабеж, мародерство).

Как и другие системы терминов гуманитарных областей знания, терминология уголовного права состоит, в основном, из консубстанциональных терминов, которые были заимствованы из общелитературного языка и подверглись терминологизации в той или иной степени. Проблемой терминологизации в разное время занимались такие ученые, как Д.С. Лотте, А.А. Реформатский, О.С. Ахманова, В.П. Даниленко, Т.Л. Канделаки, В.М. Лейчик, Б.Н. Головин, А.В. Суперанская, Р.Я. Кобрин, С.Д. Шелов, А.С. Герд, В.А. Татаринев, М.Н. Володина, С.В. Гринев-Гриневич, Л.А. Капанадзе, С.П. Хижняк и др.

На первой стадии процесса терминологизации термины уже входят в перечни терминологических словарей, но имеют общие семантические черты со словами общего языка: *crime, punishment, breach, conduct, pardon*.

Вторая стадия процесса терминологизации характеризуется приобретением термином более узкого значения в профессиональной сфере: *fine, determination, liability, abuse, witness*. Для иллюстрации этого целесообразным видится привести определения из терминологического словаря [11] и словаря общего языка [12]:

Fine (n) – *sum of money imposed upon a defendant as a penalty for an act of wrong-doing*. В словаре общего языка *fine* определяется посредством более понятных неспециалисту лексических единиц: *a sum of money exacted as a penalty by a court of law or other authority*.

Determination в терминологическом словаре определено как *a decision by a court or other adjudicative body*, в словаре общего языка – *the quality of being determined; firmness of purpose*.

Liability – *an obligation to do or refrain from doing something; a duty that must eventually be performed*. В словаре общего языка – *the state of being legally responsible for something*.

Abuse (n) – mental, physical, and/or emotional mistreatment. Словарь общелитературного языка определяет значение *abuse* как: *the improper use of something.*

Witness (n) – one who gives evidence in a cause before a court and who attests or swears to facts or gives or bears testimony under oath.

В общем языке: *a person who sees an event, typically a crime or accident, take place.*

Третья стадия терминологизации связана с потерей семантической связи со словами общего языка: *aid and abet, excessive bail, negligence, trafficking.* Именно на этой стадии термин приобретает узкоспециальное значение, что также можно проследить из определений терминов. В терминологическом словаре *aid and abet – to actively, knowingly, intentionally, or purposefully facilitate or assist another individual in the commission of a crime.* В словаре же общего языка *aid* и *abet* даются отдельно: *aid – help, typically of a practical nature; abet – encourage or assist (someone) to do something wrong, in particular to commit a crime.*

Excessive bail – an amount of bail, which is set at a higher figure than is reasonably calculated, to fulfil the purpose of assuring that the accused will stand a trial and submit to sentence if found guilty. В словаре общего языка такого термина не приводится, но дается определение *bail – the temporary release of an accused person awaiting trial, sometimes on condition that a sum of money is lodged to guarantee their appearance in court.*

Negligence – failure to exercise that degree of care which a person of ordinary prudence (reasonable man) would exercise under the same circumstances. Определение в словаре общего языка: *failure to take proper care over something.*

Trafficking – illegally transporting or trading goods or people. В словаре общего языка данный термин отсутствует, но присутствует слово *traffic (n) – the transportation of goods or passengers.*

Наряду с процессом терминологизации, как уже отмечалось выше для терминосистем характерен и другой процесс, а именно процесс детерминологизации, т.е. процесс, когда термин выходит за рамки своего терминологического поля, а его терминологическое значение полностью совпадает со значением его в общелитературном языке. Когда тот или иной термин становится частью устойчивых выражений, идиом, пословиц или поговорок, можно сказать, что процесс детерминологизации завершен. Многочисленные примеры можно найти как в русском языке: *от сумы и от тюрьмы не зарекайся, не бойся суда, а бойся судьбы, закон что дышло – куда повернешь, так и вышло*, так и в английском: *Hell and Chancery are always open; a wise lawyer never goes to a law himself, men are never wise but returning from the law; no fee, no law; little money, little law; the glorious uncertainty of law; the law's delay; the more laws the more offenders.*

Одно из объяснений причин столь широкого распространения таких высказываний дается в книге английского исследователя: «...like the English culture, the English law may be regarded as the fusion of two great cultural forces – the Germanic 'folk-laws', expressed in the early dooms of Ethelberht and in the laws of Alfred and Canute; and the Roman law, as interpreted by the Norman conquerers, and set forth in the twelfth and thirteenth centuries by Glanvill and Bracton... It is interesting to see how many of its basic principles find expression in the common proverbial wisdom of the folk. These proverbs correspond, on a popular level, to the Latin legal maxims of the learned, which represent the concentrated experience of generation of lawyers. Proverbs preserve for us, in most picturesque form, many of the folk attitudes accumulated through the centuries» [7. С. 727].

Формирование и становление американской правовой системы происходили в следующие периоды: с появления первых колоний до 1787 г.; с 1787 г. по 1848 г. до появления первых кодексов в разных штатах; со второй половины XIX в. до настоящего времени [1].

В американской терминологии уголовного права, которая во многом основывается на системе права Великобритании, с течением времени также произошли существенные изменения лексико-семантического плана.

Для иллюстрации этих явлений незаменимыми источниками являются словари терминов юриспруденции разных веков. Так, например, для американской терминологии уголовного права XIX в. таким словарем считается словарь J. Bouvier (Бувьё) – *Law Dictionary Adapted to the Constitution and Laws of the United States of America* (1856 г.). Выбор именно этого периода в американской истории не случаен: после гражданской войны 1861–1865 годов значимые изменения в государственном устройстве отразились в законодательстве и, соответственно, терминологических словарях. При изучении современного состояния терминологии ценным источником является *Barron's Law Dictionary* by Steven H. Gifis (Sixth Edition, 2010).

Среди лексико-семантических явлений встречаются такие, как изменение плана содержания термина, потеря одного из значений, использование слова общего языка вместо термина, выход термина из употребления, а также переход термина из одной части речи в другую и изменение плана выражения.

Словарь Бувьё представляет собой достаточно удобный для использования инвентарий слов. В отличие от него автор современного словаря Steven H. Gifis еще в предисловии к словарю говорит о том, что словарь предназначен для студентов-юристов: «The law school graduate taking a bar examination is counselled to make noises like a lawyer» [9. С. 4].

Основополагающий термин *crime* в словаре Бувьё определяется следующим образом: *an offence against a public law*. Автор также добавляет: «This word, in its most general signification, comprehends all offences; but in its limited sense, it is confined to felony». Автор выделяет термин *felony*, приводя далее еще 15 видов других преступлений. В словаре же 2010 г. этот же термин определяется как *any act which the sovereign has deemed contrary to the public good; a wrong which the government has determined is injurious to the public and, hence, prosecutable in a criminal proceeding*. Также присутствует выделение *felonies* и *misdemeanors* и 6 типов других преступлений, например, *organized crime* – термин, который не существовал в 1856 г.

Другой термин, *defence*, имеет два значения в словаре XIX в.:

1. *Torts*. A forcible resistance of an attack by force.

2. *Pleading, practice*. The denial of the truth or validity of the complaint, and does not signify a justification.

В современном словаре приводится только одно из значений, которое объясняется при помощи схожих с определением 1856 г. терминов, однако вместо термина *complaint* употребляется термин *plaintiff: a denial, answer, or plea opposing the truth or validity of the plaintiff's case*. Термин также поменял план выражения и стал *defense*.

Термин *imputation* определялся ранее как *judgment by which we declare that an agent is the cause of his free action, or of the result of it, whether good or ill*. В словаре Barron's приводится другая часть речи – глагол *to impute* – *to assign vicariously to a person or other entity the legal responsibility for the act or another*. Определение 1856 г. опирается на термин *judgement*, в то время как современное определение содержит большее количество терминов той же терминологии.

Термин *attorney* в словаре Бувье определяется следующим образом: *one who acts for another by virtue of an appointment by the latter*. В статье также упоминается термин *attorney general* и дается видовая классификация *attorneys: in fact u at law*. Эта же классификация лежит в основе определение 2010 г.: *may refer to an attorney in fact and at law. An attorney in fact is one who is an agent or representative of another given authority to act in that person's place and name. The general reference to an attorney is usually intended to designate an attorney at law*. Определение *attorney general* дается в той же словарной статье.

Термин *elopement*, синоним термина *adultery*, определен у Бувье как *the departure of a married woman from her husband, and dwelling with an adulterer*. Понятие, выраженное данным термином, декриминализовалось и отсутствует в словаре 2010 г. Однако следует отметить, что в ряде штатов США это до сих пор считается преступлением (Иллинойс, Миннесота, Мичиган), кроме того, данное деяние считается преступлением в среде военнослужащих.

Как видно из примеров, среди лексико-семантических явлений, имевших место при становлении системы терминов уголовного права, встречаются такие, как изменение плана содержания термина (*attorney*), потеря одного из значений (*defense*), использование слов общего языка вместо термина, выход из употребления (*imputation, elopement*). В области морфологии наблюдается переход из одной части речи в другую и изменение плана выражения (*imputation-impute*).

В заключение хотелось бы еще раз подчеркнуть, что для освоения языка специальности необходимо знать и уметь правильно употреблять те лексические единицы, которые называют специальные понятия, т.е. термины. Помимо системного подхода [2] к изучению отраслевой терминологии, позволяющего оптимизировать процесс обучения и рассматривать терминологию как целостную терминологическую систему, которая служит своеобразной языковой основой системы специальных понятий, отражающих, в свою очередь, системность научного знания, существует и другой, аналитический подход.

Следует подчеркнуть тот факт, что в культуре обоих рассматриваемых стран существует исторически сложившаяся система понятий, относящихся к области права. Эта система образуется и пополняется под влиянием социально-культурных изменений в жизни общества и государственного устройства. Одной из общих экстралингвистических причин в данном случае является декриминализация, вызывающая детерминологизацию и дальнейший выход термина из употребления.

Что касается появления терминов, важнейшим способом образования терминов в англоязычной терминологии уголовного права являются разные степени процесса терминологизации. Противоположный процесс, детерминологизация, впрочем, не менее интересен и важен для исследователя, поскольку на примере детерминологизированных терминов, входящих в пословицы, поговорки и устойчивые выражения, возможно обнаружить сходства картин мира в разных языках. Интерес к терминологии права объясняется тем, что право и закон имеют самое непосредственное отношение к каждому человеку, при этом нормы права и статьи закона выражаются средствами языка, следовательно, любой человек может столкнуться с юридическими терминами.

Что касается оптимизации преподавания ЯСЦ, следует отметить, что обучение юридическому английскому языку только тогда будет продуктивным, когда учащиеся в полной мере овладеют метаязыком своей специальности, в основе которого лежит целостная система понятий права, находящая свое отражение в системе терминов. Приходится констатировать, что наряду

со всеобщим признанием значимости терминов для процесса обучения, в процессе преподавания зачастую не уделяется должного внимания вопросам анализа состава этой лексической категории. С нашей точки зрения, ответом на вопрос об оптимизации преподавания языка для специальных целей является соединение теоретических результатов лингвистических исследований с практикой преподавания.

Литература

1. Агабалиева И.Э. Формирование американской правовой системы // Актуальные вопросы юридических наук: материалы междунар. науч. конф. Челябинск: Два комсомольца, 2012. С. 102–105.
2. Анисимова А.Г., Архипова М.А. Англоязычные юридические термины: оптимизация процесса обучения // Вестник МГИМО-Университета. 2014. № 4(37). С. 294–299.
3. Давид Р. Основные правовые системы современности. М.: Междунар. отношения, 2009. 456 с.
4. Иконникова В.А. Возникновение и развитие культурного компонента в англоязычной юридической терминологии (на материале терминосистем Англии, Шотландии и США): дис. ... д-ра филол. наук. М., 2014. 496 с.
5. Пономаренко Е.В. Системный подход как методологическая основа изучения речевой деятельности // Вестник Самарского государственного университета. Гуманитарная серия. 2006. № 1(41). С. 134–138.
6. Черри Р. Развитие карательной власти в древних общинах. М.: Либроком, 2012. 110 с.
7. Bond D.F. The Law and Lawyers in English Proverbs. *American Bar Association Journal*, 1935, vol. 21, no. 11, pp. 724–727.
8. Bouvier J. A Law Dictionary Adapted to the Constitution and Laws of the United States of America. Philadelphia, 1856, vol. 1, 724 p. [reprint 2011].
9. Steven H. Gifis. Barron's Law Dictionary. Sixth Edition. N.Y., 2010, 608 p.
10. Harold D. Hazeltine. The Influence of Magna Carta on American Constitutional Development. *Columbia Law Review*, 1917, vol. 17, no 1, pp. 184–197.
11. A Dictionary of Law. Oxford University Press, 2009, 624 p.
12. <http://www.oxforddictionaries.com>.

АНИСИМОВА АЛЕКСАНДРА ГРИГОРЬЕВНА – доктор филологических наук, профессор кафедры английского языкознания, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Россия, Москва (anissimova@list.ru).

КАПШУТАРЬ ЕЛЕНА СЕРГЕЕВНА – аспирантка кафедры английского языкознания, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Россия, Москва (elena.kapshutar@gmail.com).

A. ANISIMOVA, E. KAPSHUTAR

PECULIARITIES OF THE DEVELOPMENT OF ENGLISH CRIMINAL LAW TERMINOLOGY: LEXICAL AND SEMANTIC ASPECTS

Key words: *English Criminal Law terminology, terminologization, determinologization, terminology development, Language for Specific Purposes (LSP).*

The article deals with one of the most important issues of Modern English studies and, namely, with learning and teaching terms of specific fields. The authors study the development of the English (British and American) system of Criminal Law terms; give a review of various lexical-semantic processes that took place during the most important periods of the development of this terminological system. The lexical processes are systematized and classified. This classification is instantiated by examples borrowed from terminological dictionaries and legal documents, and by quotations from the authoritative works of foreign scholars specializing in Criminal Law, Comparative Law, History of the USA and UK. The authors analyse in particular all stages of the terminologization process and consider the phenomenon of determinologization of the given sphere due to decriminalization of offences.

References

1. Agabaliyeva I.E. *Formirovaniye amerikanskoy pravovoy sistemy: Aktual'nye voprosy yuridicheskikh nauk: materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii* [Formation of American Legal System: Topical Issues of Legal Sciences: Proceedings of the International Scholarly Conference]. Tchelyabinsk, Dva kom-somol'tsa Publ., 2012, pp. 102–105.
2. Anisimova A.G., Arkhipova M.A. *Angloyazychnye yuridicheskie terminy: optimizatsiya protses-sa obucheniya* [English Law Terms: Optimization of the LSP Teaching Process]. *Vestnik MGI-MO-Universiteta* [MGIMO-University Bulletin], 2014, no. 4(37), pp. 294–299.

3. David R. *Osnovnye pravovye sistemy sovremennosti* [Major Contemporary Legal Systems]. Moscow, 2009, 456 p.
4. Ikonnikova V.A. *Vozniknovenie i razvitie kul'turnogo komponenta v anglojazychnoj juridicheskoj terminologii (na materiale terminosistem Anglii, Shotlandii i SShA): dis. ... d-ra filol. nauk* [Formation and Development of the Cultural Component of English Law Terminology (Based on Case Study of England, Scotland and USA). Doct. Diss.]. Moscow, 2014, 496 p.
5. Ponomarenko E.V. *Sistemnyj podhod kak metodologicheskaja osnova izuchenija rechevoj dejatel'nosti* [Systemic approach as a Methodological Basis for Speech Activity Studies]. *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnaja serija* [Bulletin of Samara State University. Humanities series], 2006, no. 1(41), pp. 134–138.
6. Cherry R. *Razvitie karatel'noi vlasti v drevnikh obshchinakh* [Lectures on the Growth of Criminal Law in Ancient Communities]. Moscow, Librokom Publ., 2012, 110 p.
7. Bond D.F. The Law and Lawyers in English Proverbs. *American Bar Association Journal*, 1935, vol. 21, no. 11, pp. 724–727.
8. Bouvier J. *A Law Dictionary Adapted to the Constitution and Laws of the United States of America*. Philadelphia, 1856, vol. 1, 724 p. [reprint 2011].
9. Steven H. *Giffs*. *Barron's Law Dictionary*. Sixth Edition. N.Y., 2010, 608 p.
10. Harold D. *Hazeltine*. The Influence of Magna Carta on American Constitutional Development. *Columbia Law Review*, 1917, vol. 17, no 1, pp. 184–197.
11. *A Dictionary of Law*. Oxford University Press, 2009, 624 p.
12. <http://www.oxforddictionaries.com>.

ANISIMOVA ALEKSANDRA – Doctor of Philological Sciences, Professor of the English linguistics Department, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.

KAPSHUTAR ELENA – Post-Graduate Student, English Linguistics Department, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.

Ссылка на статью: Анисимова А.Г., Капшутарь Е.С. Особенности становления англоязычной терминологии уголовного права: лексико-семантический аспект // Вестник Чувашского университета. – 2015. – № 4. – С. 215–222.

УДК 811.161.1(07)
ББК Ш12=411.2р30

И.Н. АНИСИМОВА, О.А. ПЕТРОВА

**О ВАЖНОСТИ КРАЕВЕДЧЕСКИХ ЗНАНИЙ
ПРИ ОБУЧЕНИИ РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ
(из опыта использования элементарного
лингвокраеведческого материала в преподавании русского языка
слушателям подготовительного отделения
Чувашского государственного университета)**

Ключевые слова: лингвокраеведение, региональная культура, Чувашская Республика, Чувашский государственный университет, Чебоксары.

Вопросы использования лингвокраеведения в преподавании РКИ вызывают большой интерес русистов всего мира. Краеведческие сведения могут способствовать расширению и конкретизации знаний в области страноведения, регионоведения, повышать уровень коммуникативной компетенции студентов в общении с жителями города, где они учатся, способствовать адаптации, помогать ориентироваться в новой местности и оказывать воспитательное воздействие на студентов-иностранцев. В статье описываются методы и приемы работы с текстами, содержащими региональный компонент и представляющими интерес для студентов-иностранцев, обучающихся в Чувашском государственном университете имени И.Н. Ульянова. Авторы приводят примеры учебных материалов, включающих информацию о городе Чебоксары, о вузе обучения, а также демонстрируют этапы работы с данными текстами, обосновывают необходимость выработки лингвокраеведческих навыков и умений на их основе.

В настоящее время как в России, так и за рубежом в методике преподавания русского языка как иностранного уделяется значительное внимание лингвокультурологическому аспекту. В связи с этим большой интерес вызывают вопросы использования краеведческих знаний на уроках русского языка как иностранного (РКИ).

Внимание к местному страноведению объясняется тем, что иностранные студенты, приехавшие в Россию, познают культуру изучаемого языка и страны через восприятие информации о том регионе, в котором обучаются.

Широкие глобализационные процессы, характеризующие современную экономическую ситуацию в мире, способствуют развитию политических и культурных связей не только между странами, но и между регионами. Это еще одна причина, по которой краеведческие знания становятся особенно актуальными в преподавании РКИ.

Краеведческие знания – важный элемент общенациональной культуры и культуры страны, помогающий их постижению, с одной стороны, и способствующий дальнейшему развитию – с другой. В процессе изучения русского языка каждый студент в большей или меньшей степени встречается с местными региональными материалами, которые вызывают его интерес и создают дополнительные мотивации в учебе. Такие материалы помогают во всестороннем овладении русским языком и в последующей деятельности.

Хорошо известна продуктивность использования лингвострановедческого материала в процессе обучения [1, 2]. Лингвокраеведение как часть лингвострановедения имеет те же цели и задачи, но применительно к отдельному региону, с учетом местного, локального компонента. Лингвокраеведение в практике РКИ понимается как ознакомление иностранных учащихся с особенностями природы, населения, а также с традициями, историей и культурой какой-то отдельной части страны, населенного пункта в процессе изучения русского языка с целью формирования коммуникативных умений и лингвокраеведческой компетенции обучаемых [5]. Необходимо отметить, что бога-

тый опыт применения регионально-культурного материала в преподавании РКИ в России уже имеется у петербургских русистов.

Введение регионального компонента предполагается уже на начальном этапе изучения русского языка, на подготовительном отделении, поскольку формирование лингвострановедческой компетенции – одна из задач обучения общению. Т.Н. Доминова рассматривает лингвокраеведческую компетенцию как один из элементов коммуникативной компетенции, представляя её совокупностью регионально-культурных фоновых знаний и лингвокраеведческих навыков и умений. Под регионально-культурными фоновыми знаниями понимается система знаний о локальной культуре, извлеченных из языковых единиц, обладающих регионально-культурной коннотацией и усвоенных иностранными учащимися в процессе и благодаря изучению русского языка в языковой среде. Лингвокраеведческие навыки и умения определяются как способность применять полученные знания в речевой деятельности в различных ситуациях межкультурного общения, т.е. использовать языковые единицы с регионально-культурным фоном в соответствии с их парадигматическими, синтагматическими и ассоциативными связями, адекватно воспринимать, понимать, интерпретировать высказывания, содержащие анализируемые лексические единицы, употреблять их согласно нормам и правилам русского языка, что в результате приводит к успешной коммуникации в рамках социокультурного пространства региона [4. С. 44–46].

Содержащие краеведческую информацию тексты, которые предлагаются слушателям подготовительного отделения Чувашского государственного университета в процессе обучения русскому языку, должны подготовить их к жизни в регионе и городе обучения – в городе Чебоксары – столице Чувашской Республики, помочь им освоиться на новом месте, уменьшить естественный стресс от пребывания в чужой стране, в чужом городе. Т.Г. Никитина отмечает: «На начальном этапе обучения в регионе успешное формирование лингвокраеведческой компетенции позволяет оптимизировать процесс социокультурной адаптации учащихся, ускорить их интеграцию в образовательное пространство вуза и коммуникативное пространство региона. На этом этапе лингвокраеведческая работа ведется, прежде всего, на лексическом материале» [6. С. 499–500].

Среди обязательных текстов, предлагающихся для прочтения слушателям подготовительного отделения Чувашского государственного университета при изучении русского языка как иностранного, значатся два лингвокраеведческих – «Чувашский государственный университет» и «Чебоксары». Их предъявление обусловлено современными коммуникативными задачами методики преподавания РКИ, направленными на естественное общение, а также ориентирует иностранца в новой для него социокультурной реальности и стимулирует интерес к культуре, образу жизни народов, населяющих Чувашскую Республику. Выбор текстов объясняется коммуникативной целесообразностью их содержания: первый несёт информацию о городе, где проводится обучение, а второй – о вузе обучения.

Чтению текстов по традиции предшествует предтекстовая работа, само чтение сопровождается притекстовым комментированием, завершающим этапом на занятии становятся ответы на вопросы, после чего даётся задание на дом, связанное с воспроизведением текста или его фрагмента. Объём и уровень сложности материала варьируются в зависимости от особенностей группы. Аудиторная работа сопровождается экскурсиями в музей города и вуза.

Традиционно текст о Чувашском государственном университете вписывается в изучение одной из первых грамматических тем «Предложного падежа» на завершающем ее этапе. Он содержит элементарные грамматические конструкции, интернациональную лексику, числительные, призван дать учащимся жизненно необходимый минимум информации о вузе, в котором они

находятся. Основные конструкции текста: *университет был основан; вы можете учиться на ...факультете, в университете преподают доктора и кандидаты наук; студенты не только учатся, но и отдыхают.* Система заданий к этому тексту призвана отработать навыки чтения и произношения русскоязычных названий научных направлений, а также локальных реалий одного из ведущих чувашских вузов (Дворец культуры, наименования факультетов, корпусов, мест их нахождения и пр.).

На примере Чувашской Республики у иностранцев формируется наглядное представление о России как о многонациональном государстве, понимание того, что здесь живут не только русские. Студенты получают возможность реально наблюдать языковую ситуацию доброжелательного межкультурного взаимодействия. Преподаватель разъясняет положение русского языка в регионе наряду с существованием чувашского языка. Конечно, подобное объяснение лучше представить на завершающем этапе начального обучения языку.

Занятие по теме «Чебоксары» предлагается проводить в интерактивной форме с попыткой создать иллюзию автобусной экскурсии по городу посредством размещения непосредственно в аудитории фотографий и открыток, на которых запечатлены достопримечательности города. Аудиовизуальный ряд электронной презентации занятия, представленной с помощью проектора, также содержит уже знакомые и еще неизвестные учащимся чебоксарские виды, эмблемы города, традиции чувашской вышивки и музыкальные мотивы, ставшие символами чувашской культуры. Слушатели подфака усваивают названия улиц, объектов культурного значения: памятников, музеев, театров, кинотеатров, а также имена людей, участвовавших в их создании, знакомятся с наименованиями, значением и краткой историей крупных промышленных, медицинских и торговых центров, местной кондитерской фабрики.

В самом начале занятия предлагается прослушать видеозапись интервью, взятого у туристов на набережной Чебоксар, при этом положительный эмоциональный настрой понятных фраз призван настроить обучаемых на нужный лад.

Работе с текстом предшествуют фонетические упражнения, направленные на отработку шипящих и свистящих звуков ([ч'], [ш], [с]), которых много в названиях местных реалий: *Чувашская Республика, Чапаев, Чебоксары, Сеспель, Введенский собор* и др. Далее при выполнении грамматических и коммуникативных заданий происходит знакомство с основной информацией темы, снимаются лексические и грамматические трудности текста. Примеры упражнений: *Прочитайте начало предложений и закончите их: 1) Город находится на ... (берег реки); 2) Профессор Святослав Николаевич Фёдоров руководил... (чебоксарский филиал) МНТК «Микрохирургия глаза»; 3) Чувашия гордится... (свои чемпионы) и т.п. Задайте вопросы к предложениям: 1) Городу Чебоксары 545 лет; 2) По-чувашски этот город называется Шупашкар; 3) Памятник герою Гражданской войны Василию Ивановичу Чапаеву находится в центре и т.п. Примите участие в диалоге:*

– *Вы живёте в Чебоксарах уже полгода, скажите, где здесь можно отдохнуть, погулять?*

– ...

– *Где это находится?*

– ...

– *А как доехать (дойти) до...?*

– ...

Собственно чтение текста «Чебоксары» предваряется беседой по заранее подготовленному преподавателем вопроснику, позволяющему активизировать уже имеющиеся знания о городе: *Что вы знаете о Чебоксарах? Где*

находится город Чебоксары? Какая река здесь протекает? Люди каких национальностей живут здесь? На каком языке говорят русские? Чуваши? Какие виды транспорта есть в Чебоксарах? И т.п. (по ходу беседы демонстрируются слайды, на которых запечатлены географические объекты, люди в традиционных русских и чувашских костюмах, фотографии улиц города). Ответы дополняются преподавателем новыми лингвокраеведческими сведениями, знание которых необходимо для успешной коммуникации в условиях социокультурного пространства такого региона, как Чувашская Республика, а именно ее столицы – города Чебоксары.

Все эти виды работ призваны облегчить чтение текста, которое обучаемые осуществляют самостоятельно под руководством преподавателя. Поскольку текст содержит большое количество названий объектов, как уже узнаваемых студентами, так и совершенно новых, то предварительно, на этапе предтекстовой работы, снять абсолютно все трудности (внутритекстовые) не представляется возможным. Поэтому чтение текста облегчается с помощью комментариев преподавателем. Комментарии направлены как на снятие трудностей, связанных с пониманием слов и выражений, выходящих за пределы лексического запаса учащихся (лингвистические комментарии), так и на изъяснение внеязыковых явлений – слов и выражений с национально-культурной семантикой: названий учреждений, персоналий, административного деления и др. (лингвострановедческие комментарии).

После изучающего чтения текста предлагается выполнить тестовые задания различного рода, проверяющие понимание прочитанного.

Завершить занятия по теме «Чебоксары» мы советуем эмоционально: продемонстрировать фотографии уже знакомых обучаемым архитектурных объектов и видов города так, как будто в данный момент наблюдаем из окна экскурсионного автобуса, попросить их назвать, указать местоположение, охарактеризовать.

Благодаря проведению данных лингвокраеведческих занятий учащиеся получают возможность продемонстрировать свои знания на примере самостоятельно подготовленных связных рассказов по этим двум темам, что они с успехом и делают как на уроке, так и на экзамене.

Опыт внедрения элементарного материала лингвокраеведения в преподавании русского языка слушателям подготовительного отделения Чувашского государственного университета показывает, что регионально-культурная составляющая способна повысить эффективность процесса обучения РКИ в языковой среде.

Литература

1. *Верещагин Е.М.* Лингвострановедческая теория слова. М.: Русский язык, 1980. 320 с.
2. *Верещагин Е.М., Костомаров В.Г.* Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. М.: Русский язык, 1990. 246 с.
3. *Доминова Т.Н.* Теоретические основы создания лингвокраеведческого словаря для иностранных учащихся // Мир науки, культуры, образования. 2012. № 4(35). С. 155–157.
4. *Доминова Т.Н.* Формирование лингвострановедческой компетенции на материале историко-культурного пространства Санкт-Петербурга у иностранных студентов в процессе предвузовской подготовки: дис. ... канд. пед. наук. СПб., 2013. 265 с.
5. *Некипелова Г.О.* Лингвокраеведение в преподавании русского языка как иностранного: дис. ... канд. пед. наук. СПб, 2001. 237 с.
6. *Никитина Т.Г.* Фразеологизмы как средство формирования лингвокраеведческой компетенции иноязычных студентов // Устойчивые фразы в парадигмах науки: материалы Междунар. науч. конф., посвящённой 100-летию со дня рождения Владимира Леонидовича Архангельского / Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого. Тула, 2015. С. 498–501.

АНИСИМОВА ИРИНА НИКОЛАЕВНА – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка как иностранного, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (anirin82@mail.ru).

ПЕТРОВА ОЛЬГА АЛЕКСАНДРОВНА – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка как иностранного, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (zadumka@mail.ru).

I. ANISIMOVA, O. PETROVA

ON IMPORTANCE OF LOCAL LORE IN TEACHING RUSSIAN
AS FOREIGN LANGUAGE

(based on case study of using elementary local-lore-oriented linguistic materials
In teaching russian to foreign students of Chuvash State University Preparatory Department)

Key words: local-lore-oriented linguistics, regional culture, Chuvash Republic, Chuvash State University, Cheboksary.

The questions of using local-lore-oriented linguistics in teaching Russian as a foreign language arouse a great interest on the part of specialists in Russian philology all over the world. Local lore can assist foreign students in expanding and specifying their knowledge in such scientific spheres as regional geography and regional studies, and increase the level of their communicative competence in communicating with local residents, promote their adaptation, help orient themselves in a new area and provide an educational effect. The article describes methods and techniques of working with the texts that contain a regional component and may be interesting for the foreign students of the I.N.Ulyanov Chuvash State University. The authors provide examples of educational materials, including information about the city of Cheboksary and the University, demonstrating the stages of work with these texts. They also give reasons for the need of developing linguistic skills through local lore based on such texts.

References

1. Vereshchagin E.M. *Lingvostranovedcheskaya teoriya slova* [Theory of Word in Terms of Culture-Oriented Linguistics]. Moscow, Russkii yazyk Publ., 1980, 320 p.
2. Vereshchagin E.M., Kostomarov V.G. *Yazyk i kul'tura: Lingvostranovedenie v prepodavanii russkogo yazyka kak inostrannogo* [Language and Culture: Culture-Oriented Linguistics in Teaching Russian as Foreign Language]. Moscow, Russkii yazyk Publ., 1990, 246 p.
3. Dominova. T.N. *Teoreticheskie osnovy sozdaniya lingvokraevedcheskogo slovarya dlya inostrannykh uchashchikhsya* [Theoretical Basis for Writing a Dictionary of Local-Lore-Oriented Words for Foreign Students]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya* [World of Science, Culture and Education], 2012, no. 4(35), pp. 155–157.
4. Dominova T.N. *Formirovanie lingvostranovedcheskoi kompetentsii na materiale istoriko-kul'turnogo prostranstva Sankt-Peterburga u inostrannykh studentov v protsesse predvuzovskoi podgotovki: dis. ... kand. ped. nauk* [Developing Culture-Oriented Linguistic Competence in Foreign Students in the Course of Pre-University Training Based on Case Study of Historical and Cultural Space of St. Petersburg. Doct. Diss.]. St. Petersburg, 2013, 265 p.
5. Nekipelova G.O. *Lingvokraevedenie v prepodavanii russkogo yazyka kak inostrannogo: dis. ... kand. ped. nauk* [Linguistic study of local lore in teaching Russian as a foreign language. Doct. Diss.]. St. Petersburg, 2001, 237 p.
6. Nikitina T.G. *Frazeologizmy kak sredstvo formirovaniya lingvokraevedcheskoi kompetentsii inoyazychnykh studentov* [Idioms as a Means of Forming Local-Lore-Oriented Linguistic Competence of Foreign-Language Students]. *Ustoichivye frazy v paradigmakh nauki: materialy Mezhdunar. nauch. konf., posvyashchennoi 100-letiyu so dnya rozhdeniya Vladimira Leonidovicha Arkhangel'skogo* [Proc. of Sci. Conf. « Fixed Phrases in Science Paradigms »]. Tula, 2015, pp. 498–501.

АНИСИМОВА ИРИНА – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Russian as a Foreign Language Department, Chuvash State University, Cheboksary, Russia.

ПЕТРОВА ОЛЬГА – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Russian as a Foreign Language Department, Chuvash State University, Cheboksary, Russia.

Ссылка на статью: Анисимова И.Н., Петрова О.А. О важности краеведческих знаний при обучении русскому языку как иностранному (из опыта использования элементарного лингвокраеведческого материала в преподавании русского языка слушателям подготовительного отделения Чувашского государственного университета) // Вестник Чувашского университета. – 2015. – № 4. – С. 223–227.

УДК 811.161.1'36(07)
ББК Ш12=411.2*2р30(2)

С.И. БАХТИНА, Т.Н. ПАВЛОВА

ОБУЧЕНИЕ ГРАММАТИЧЕСКИМ ЯВЛЕНИЯМ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО В УСЛОВИЯХ НАЧАЛЬНОГО БИЛИНГВИЗМА (грамматическая категория рода)

Ключевые слова: методика преподавания русского языка как иностранного, категория рода, билингвизм, языковая интерференция.

Статья посвящена исследованию одной из трудных тем в системе преподавания русского языка иностранным учащимся. Объясняются грамматические особенности категории рода в русском языке. Целью исследования является выявление трудностей, возникающих при обучении данной теме в условиях раннего билингвизма, а также раскрытие причин языковой интерференции в речи билингвов. В данном исследовании использован сравнительный метод. В итоге было подтверждено, что важной задачей в процессе обучения является акцентирование внимания учащихся на универсальных и специфических грамматических явлениях, свойственных русскому и родному языкам. Как показало исследование, грамматическая категория рода может быть усвоена при использовании речевых образцов и объемного комплекса закрепляющих упражнений. Проанализированы стадии обучения данной теме, что обеспечивает актуальность и научную новизну работы. Исследование вносит определенный вклад в развитие методики преподавания русского языка как иностранного. Установлено, что данная методика преподавания может быть использована в полилингвистической среде в работе с обучающимися различных возрастов.

Овладение иностранным языком как средством общения – очень сложный процесс, но именно он способствует эффективной адаптации личности к иной социальной среде. Обучение иностранца грамматическим явлениям неродного языка в условиях начального билингвизма, т.е. когда студент находится на элементарном уровне владения вторым языком, строится на понимании того факта, что грамматика является необходимой базой для полноценного использования русского языка как в научной деятельности, так и в повседневной жизни. Традиционно в методике преподавания русского языка как иностранного (РКИ) выделяется пассивная (рецептивная) и активная (продуктивная) грамматика. Первая предполагает описание грамматического материала от системы стандартных форм к их значениям. Например, сначала изучается парадигма падежей, а потом объясняются их значения и функции. Лингвист Л.В. Щерба утверждал, что пассивная грамматика описывает функции элементов того или иного языка, исходя из их внешней стороны. Данная грамматика рассчитана на восприятие и понимание строевых элементов языка, поэтому обслуживает такие виды речевой деятельности, как чтение и аудирование. Активная грамматика при описании явлений языка идет от смысла к форме, т.е. объясняет значение через форму. В силу этого активная грамматика призвана обслуживать продуктивные виды речевой деятельности, к которым относятся говорение и письмо [6. С. 91].

В современной практике преподавания русского языка как неродного уместно сочетать эти методы. Каждое явление языка необходимо изучать в системе, а не обособленно, ведь знание только грамматических форм недостаточно для осуществления успешной коммуникации. Поэтому грамматику желательно вводить посредством ситуативно-тематической организации учебного процесса. Речевая практика дает возможность сформулировать и высказать мысль, донести конкретную информацию, идею; грамматика в данном случае является лишь инструментом, при помощи которого и достигается эта цель. Без знания грамматических нюансов неродного языка практически

невозможно овладеть речевой компетенцией. Студенты-инофоны в идеале должны научиться строить речь по правилам грамматики. Наличие грамматических ошибок в речи высказывающегося неизбежно. Но это не означает, что преподаватель ежесекундно должен поправлять студента – говорящий на первых этапах обучения имеет право ошибаться.

Организация грамматического материала при обучении имеет существенное значение. Перед педагогом стоит сверхсложная задача: сформулировать систему правил, доступных для понимания определенной категорией студентов. Методика русского языка как иностранного, опираясь на государственный образовательный стандарт, предполагает, что у студента-иностранца в конечном итоге должно быть сформировано представление о трех видах языковой компетенции: речевой (умение воспринимать и уместно употреблять определенные речевые образцы), языковой (умение правильно строить речь по грамматическим моделям, знание и понимание грамматических явлений) и коммуникативной (умение общаться при попадании в различные ситуации) [3]. Многие исследователи считают, что грамматика – это основа всего процесса обучения.

Иностранному учащийся встречается с грамматикой уже на начальном этапе. Конструкции типа «Меня зовут...», «Мне...лет», «Это мой брат», «У меня нет тетради», «Мне нравится химия» наиболее часто употребляемые, потому что иностранный студент в самом начале обучения русскому языку либо доносит определенную информацию, либо объясняет причину того или иного поступка. Коммуникативно оправданным является заучивание данных форм без грамматического объяснения падежной парадигмы. Происходит обучение неродному языку на моделях; студенты, опираясь на речевые образцы и не заучивая правил, начинают говорить на русском языке. Более того, со временем они без труда по данным моделям будут осмысленно создавать предложения с использованием известных им слов. Здесь логично говорить о некоем триединстве: язык – речь – коммуникация.

Русский язык, принадлежащий к группе флективных языков, имеет сложную падежную систему, видо-временные формы глагола, разветвленную синтаксическую структуру; именно поэтому грамматическим строем языка сложно овладеть без изучения правил. Если грамматику родного языка можно освоить без опоры на модели, то грамматический строй неродного языка нельзя постичь только лишь через практику в речи, так как на это уйдет довольно много времени. Знание правил сокращает путь к практическому усвоению иностранного языка. Сложность обучения грамматике русского языка заключается в том, что речевая деятельность учащихся ограничена рамками урока и учебной аудитории, вне которых студенты, как правило, продолжают общаться на своем родном языке. Это не обеспечивает оптимальных условий для автоматизации языковых и речевых навыков и, в частности, серьезным образом сказывается на формировании грамматических навыков [2. С. 46]. Оптимальной является ситуация, когда студент попадает в чуждую для него языковую среду (например, в группе собраны учащиеся – носители разных языков), потому что погружение в нее послужит стимулом к скорейшему изучению языка-посредника, в данном случае русского.

Одной из наиболее сложных тем в русском языке для иностранных студентов и слушателей курсов является категория рода. Распределение по родам в различных языках может не совпадать или данная категория может отсутствовать в родном языке. Без понимания этой темы невозможно дальнейшее эффективное изучение грамматики. Грамматическая категория рода в русском языке имеет неоднозначное толкование. Род – это та грамматическая категория, общее значение которой установить очень трудно. А.А. По-

тебня отмечал, что род является одним из общих человекообразных понятий [5. С. 452]. По мнению А.М. Пешковского, родовые категории символизируют реальные половые различия [4. С. 95]. Под термином «род» некоторые исследователи понимают словоклассифицирующую грамматическую категорию русских предметных слов. Род присущ всем существительным русского языка и является для них независимой категорией с позиции синтаксиса, поэтому многими авторами рассматривается как одна из главных грамматических категорий существительного. Существительное не может изменяться по родам, оно заключает в себе изначально родовое значение.

Для русского языка характерна относительно устойчивая корреляция между родом существительного и его формальным показателем. На первых порах не следует вводить такие термины, как «окончание», «суффикс», «основа слова», иностранного студента можно научить определять род существительных по конечной букве (конечному звуку): нулевое окончание – мужской род, флексия -а/я присуща женскому роду, -о/е – среднему. Грамматические таблицы и картинки, которые преподаватель должен использовать на занятии, призваны иллюстрировать данный материал и помогать его понять, так как в работу включается зрительный канал восприятия. На данном этапе обучения уточняем также, что необходимо запомнить следующую информацию:

- существительные на мягкий согласный могут относиться как к мужскому, так и к женскому роду (день, кровать, тетрадь, соль);
- существительные на -ж, -ш, -ч, -щ могут относиться к мужскому или женскому роду (борщ, ночь, карандаш, тушь).

Позднее, когда обучение русскому языку перейдет на следующий уровень, можно ввести производные образования типа зайчишка, домишко или братишка, встречающиеся в русских сказках и рассказах. У учащихся должно при этом сформироваться сознание того, что эти наименования принадлежат к тому же роду, что и слова, от которых образованы: зайчишка – заяц, домишко – дом, братишка – брат. Затем будет считаться оправданным введение в качестве исключений некоторых из десяти существительных на -мя (чаще других встречающихся в произведениях или обыденной речи): племя, семья, бремя, пламя, имя, время.

Общеизвестно, что категория рода в русском языке неразрывно связана с категорией одушевленности – неодушевленности. Преподавателю желателен с самого начала обучения учитывать эту связь. Слова типа «страна, город, класс, письмо, окно» – неодушевленные существительные. Но все они относятся к определенному роду. Что касается соотношения «пол – род», то в этом случае объяснить родовую дифференциацию проще: названия лиц мужского пола в русском языке относятся к мужскому роду (отец, сын, папа), женского пола – к женскому роду (сестра, тетя). В качестве примера можно взять слова «мальчик, девочка» и объяснить, что они обозначают живых людей. Практика показывает, что сложности в определении рода подобных слов возникают крайне редко, потому что соотношение мужского рода с лицами мужского пола, а женского – с лицами женского пола характерно для многих языков. Иногда, правда, требуется уточнение, что слова учитель, преподаватель, врач, ректор, доцент и другие без указания на лицо традиционно относятся к мужскому роду. Из контекста, как правило, бывает понятен их реальный род. Например, врач пришел / врач Севастьянова пришла; ректор выступил / ректор Самойлова выступила.

В текстах или упражнениях студенты нередко встречают соотносительные родовые формы одушевленных существительных: учитель-учительница, студент-студентка, писатель-писательница, артист-артистка, чемпион-чемпионка и

другие. Зачастую определение рода данных слов не вызывает трудностей: на него указывают формальные показатели. В последующем учащиеся с легкостью будут ориентироваться в родовых отношениях однокоренных слов. Следует обратить внимание на супплетивные родовые пары: мужчина – женщина, баран – овца, конь – лошадь, бабушка – дедушка, дядя – тетя, брат – сестра.

Трудности возникают в англоязычной аудитории при определении рода неодушевленных существительных, так как студенты все существительные, обозначающие неодушевленные предметы, относят к среднему роду по аналогии с родным языком. Франкоговорящие студенты, наоборот, игнорируют средний род (во французском языке категория среднего рода отсутствует) и считают все существительные принадлежащими или к мужскому роду, или к женскому. Такое несоответствие в различных языках приводит к путанице. Слова стол, суп, авангард, например, во французском языке женского рода, и учащимся сложно переосмыслить их лексическое и грамматическое наполнение. При изучении категории рода целесообразно вместе с именами существительными давать соответствующие местоимения: он мой – стол, класс, студент; она моя – студентка, доска, ручка; оно мое – окно, письмо, сообщение. По мнению В.Н. Вагнер, параллельно с изучением категории рода существительных необходимо давать не только формы притяжательных местоимений в именительном падеже, но и числительное один, одна, одно, так как при употреблении в сочетании с ними существительных выявляется необходимость знания грамматического рода последних [1. С. 90]. Вообще, с нашей точки зрения, в учебном процессе необходимо в большем количестве использовать упражнения, формирующие навык соотношения местоимения и существительного.

Иногда возникают трудности в определении рода, казалось бы, известных иностранным студентам слов. Речь идет об интернационализмах. Лексика может быть знакома студентам, но род конкретной лексической единицы в исконном языке может не совпадать с родом в языке-реципиенте. Во французском языке слова на -грамме (рус. программа, телеграмма) мужского рода, в русском – женского. Англофоны, выучив правило, что существительные на твердый согласный относятся к мужскому роду, по аналогии с английскими эквивалентами опускают конечный гласный, руководствуясь грамматическим родом родного языка: мой форм, один минут. Преподавателю рекомендуется постоянно акцентировать внимание на этой проблеме и исправлять ошибки. Языковая интерференция свойственна билингуам, поскольку они попадают в генетически неродственное языковое окружение.

Таким образом, грамматика является тем фундаментом, на котором базируется лексика и формируется речевое высказывание в устной или письменной форме. При изучении грамматики русского языка необходимо акцентировать внимание учащихся на универсальных и различных явлениях, свойственных как их родному, так и русскому языкам. Преподаватель должен добиться в конечном итоге таких результатов, когда учащиеся начнут осознанно использовать речевые формы и сознательно выбирать подходящие грамматические модели. Грамматическая категория рода должна быть усвоена осмысленно, так как она тесно связана с другими темами, например, с системой склонения имен существительных в единственном числе.

Литература

1. Вагнер В.Н. Методика преподавания русского языка англоговорящим и франкоговорящим на основе межъязыкового сопоставительного анализа: Фонетика. Графика. Словообразование. Структуры предложений, порядок слов. Части речи. М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 2001. 384 с.
2. Донская Т.К. Очерки по методике русского языка. СПб.: Сударыня, 1999. 160 с.

3. Нахабина М.М., Соболева Н.И., Стародуб В.В. Государственный стандарт по русскому языку как иностранному. Базовый уровень. М.-СПб.: Златоуст, 2001. 132 с.
4. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. М.: Учпедгиз, 1956. 511 с.
5. Потебня А.А. Из записок о русской грамматике. М.: Просвещение, 1968. Т. 3. 550 с.
6. Щерба Л.В. Преподавание иностранных языков в средней школе. Общие вопросы методики. М.: Высш. шк., 1974. 112 с.

БАХТИНА СВЕТЛАНА ИВАНОВНА – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка как иностранного, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (svetlanabakhtina@yandex.ru).

ПАВЛОВА ТАТЬЯНА НИКОЛАЕВНА – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка как иностранного, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (antat12@mail.ru).

S. BAKHTINA, T. PAVLOVA

**EDUCATION GRAMMATICAL PHENOMENA RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE
IN THE INITIAL BILINGUALISM
(grammatical category of gender)**

Key words: *methods of teaching Russian as a foreign language, category of gender, bilingualism, linguistic interference.*

The article is devoted to the study of one of the difficult issues of teaching the Russian language to foreign students. The authors explain the grammatical features of the Russian language category of gender. The purpose of the article is to describe the difficulties arising in teaching this phenomenon at the stage of early bilingualism, as well as to reveal the causes of linguistic interference in a bilingual's speech. The research makes use of the comparative method. It was proved that it is important while teaching foreign students to focus their attention at universal and specific grammatical phenomena of the Russian and their native languages. The grammatical category of gender can be mastered by students through using speech patterns and doing a large number of exercises. The authors have analysed the stages of teaching the given phenomenon, which speaks of relevance and scientific novelty of the work. The analysis makes a certain contribution to the methodology of teaching Russian as a foreign language. This method can be used in a polylingual environment for teaching students of different ages.

References

1. Vagner V.N. *Metodika prepodavaniya russkogo yazyka anglogovoryashchim i frankogovoryashchim na osnove mezh'yazykovogo sopostavitel'nogo analiza: Fonetika. Grafika. Slovoobrazovanie. Struktury predlozhenii, porjadok slov. Chasti rechi* [Methods of Teaching Russian to English and French Speakers Based on Interlanguage Contrastive Analysis: Phonetics. Script. Wordbuilding. Sentence Structure, Word Order. Parts of Speech]. Moscow, VLADOS Publ., 2001, 384 p.
2. Donskaya T.K. *Ocherki po metodike russkogo yazyka* [Essays on the Russian language methodology]. St. Petersburg: Sudarynya Publ., 1999, 160 p.
3. Nakhabina M.M., Soboleva N.I., Starodub V.V. *Gosudarstvennyi standart po russkomu yazyku kak inostrannomu. Bazovyi uroven'* [State Standard of Russian as a foreign language. Basic level]. Moscow, St. Petersburg, Zlatoust, Publ., 2001, 132 p.
4. Peshkovskii A.M. *Russkii sintaksis v nauchnom osveshchenii* [Russian syntax in a scientific light]. Moscow, Uchpedgiz Publ., 1956, 511 p.
5. Potebnya A.A. *Iz zapisok o russkoi grammatike* [From the notes on Russian grammar]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1968, vol. 3, 550 p.
6. Shcherba L.V. *Prepodavanie inostrannykh yazykov v srednei shkole. Obshchie voprosy metodiki* [Teaching Foreign Languages in Secondary School. General Issues of Methodology]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1974, 112 p.

BAKHTINA SVETLANA – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of Russian as a Foreign Language Department, Chuvash State University, Cheboksary, Russia.

PAVLOVA TATIANA – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of Russian as a Foreign Language Department, Chuvash State University, Cheboksary, Russia.

Ссылка на статью: Бахтина С.И., Павлова Т.Н. Обучение грамматическим явлениям русского языка как иностранного в условиях начального билингвизма (грамматическая категория рода) // Вестник Чувашского университета. – 2015. – № 4. – С. 228–232.

УДК 811.111'42+811.161.1'42

ББК Ш12=432.1*004.1+Ш12=411.2*004.1

М.В. ЕМЕЛЬЯНОВА, В.А. ФИЛОНЕНКО

ОСОБЕННОСТИ ВЫРАЖЕНИЯ РЕЧЕВОГО АКТА СОВЕТА В РАЗНОСТРУКТУРНЫХ ЯЗЫКАХ

Ключевые слова: речевой акт совета, специализированные формы выражения совета, неспециализированные формы выражения совета, эксплицитность, имплицитность, иллюкутивная сила высказывания.

В статье рассмотрены формы выражения речевого акта совета в английском и русском языках в зависимости от коммуникативной стратегии говорящего. Для эксплицитного выражения семантики побуждения используются специализированные формы (императивные предложения, высказывания с перформативными глаголами), побудительная функция которых первична, для имплицитного выражения – неспециализированные формы (вопросительные и повествовательные предложения), для которых функция побуждения является вторичной. На примерах из английской и русской художественной литературы описаны способы модификации иллюкутивной силы речевого акта совета в сторону её увеличения или ослабления, а также возможности её функционирования синкретично с иллюкутивными силами других речевых актов.

Речевой акт с прагматическим значением совета принадлежит к некатегоричным директивным речевым актам, с помощью которых говорящий побуждает собеседника к выполнению действия, полностью отвечающего интересам адресата и являющегося целесообразным и полезным для него. При этом выбор говорящим грамматической формы высказывания зависит от его речевой стратегии: с целью прямого, эксплицитного выражения семантики побуждения он использует одни речевые средства, с целью непрямого, имплицитного волеизъявления – другие. При этом для достижения своей цели – повлиять на партнёра по коммуникации – говорящий может изменять силу выражения коммуникативной интенции, что вызывает модификацию прагматического значения в сторону усиления либо ослабления категоричности волеизъявления [19].

Основной специализированной формой выражения речевого акта совета как в английском языке, так и в русском языке является:

1) императивное предложение (утвердительное, отрицательное) со сказуемым во 2-м лице единственного и множественного числа: *It would be excellent and charming, and I shall gladly arrange the little dressing room for you if you like it. Say nothing to Madame, but when she sleeps go you and sit alone a while to think good thoughts, and pray the dear God preserve your sister* [20]; *Кокарду, говорю, сыми! Кресты скинь! Заарестуют тебя за такое подобное* [14]; *С плохими товарищами не знайся*, – сказал дядя Володя [17]; *Полохните по ним из мортирки*, – посоветовал Григорий, не отнимая от глаз цейсовского бинокля [14];

Морфологические формы сказуемого однозначно обозначают направленность речевого акта совета, тем не менее указание на адресата побуждения может быть уточнено с помощью обращений: *Умойся, Ваня*, – посоветовал он Атарцикову, – *гору с плеч скинешь...* [14], а также с помощью местоимений *ты/вы*: *Даргомыжский совсем от рук отбился. Холоден, сентябрём глядит, избегает меня... Что я ему сделал? За что он на меня сердится? – А ты объяснись с ним*, – посоветовал г. Б. [12]; *А вы великое сердце имейте да поменьше бойтесь* [5]. Возможны случаи одновременного использования местоимений *ты/вы* и обращения: *Петро сообщил эту новость Григорию и – не успел ещё тот в ворота въехать – посоветовал: Ты, браток, поворачивай оглобли...* [14].

В английском языке введение в высказывание таких обращений, как *dear, my dear, my dear fellow, my boy, my love*, выполняет функцию смягчения кате-

горичности императива: *Exert yourself, dear Marianne, – she cried, – if you would not kill yourself and all who love you. Think of your mother; think of her misery while you suffer: for her self you must exert yourself* [24]; *I've heard him talk in the queerest way; he once said to me: **My dear fellow**, never let your poor wife know what you're thinking of!* [29]; *Whether you live like a gentleman or not, **my boy**, be sure you die like one!* [29]; ***My love**, – I replied, – do not think it necessary to apologize to me on that account* [22].

Для интенсивности передачи речевого акта совета императивные формы используются в комбинации с положительным компаративом *better* / *лучше*, заключающим в себе идею предпочтения, преимущества предизируемого действия [13]: ***Better go home and see your parents and confess*** [28]; *Парень усиленно моргает глазами, тупо смотрит на улыбающуюся публику и начинает тереть рукавом глаза. – Ты не плачь! – советует публика. – Ты **лучше** попроси! Такой здоровый болван, а ревьешь!* [11];

2) императивные формы 1-го лица множественного числа: ***Let's have a glim'**, – said Sikes, – or we shall go breaking our necks, or treading on the dog. Look after your legs if you do!* [26]; *Коли нету нужды поспешать, **давай заночуем**. Кони морёные, нехай передохнут* [14]; *Ну? – спросил весело Егор. – Что закручинилась, зоренька ясная? **Давай-ка споем лучше!*** [16].

Следует отметить, что включение самого говорящего в состав исполнителей предизируемого действия смягчает негативный эффект прямого побуждения, реализует его вежливые стратегии. Императивные формы 1-го лица множественного числа переводят императивное побуждение на язык предложения, стирая грань между адресантом и адресатом [13];

3) формы 3-го лица единственного и множественного числа, реализующие опосредованное побуждение 3-го лица через присутствующего адресата: *She has been talking nonsense the whole evening; but **let her have quiet, and proper attendance**, and she'll rally* [25]; *No matter whether she heard or not, **let her take care of herself*** [20]; *Я выгоню из Германии всех его родных, Виртембергских, Баденских, Веймарских... да, я выгоню их. **Пусть он готовит для них убежище в России!*** [8];

4) безглагольные императивные (эллиптические) предложения, в которых предикатив выводится из контекста: *No, no, you must not part with the queen. You have bought her too dearly, and your brother does not offer half her value. **No, no, sir, hands off, hands off*** [23]; *Но ты смотри, смотри, – послышался суровый голос Воланда с коня, – **без членовредительских штук!*** [2];

5) высказывания с перформативными глаголами *advise* / *советую*, которые четко и однозначно характеризуют тип речевого акта: *I should think two long walks this morning would have been enough! It's cold and dull out, and **I advise you to stay warm and dry by the fire, as I do**, – said Meg with a shiver* [20]; *Как мать, **советую вам**, прошу и умоляю вас – не слушайте никого, кроме вашего сердца! Живите так, как оно вам подскажет. Люди ничего не знают, ничего не могут сказать верного... не слушайте их!* [4].

Для достижения успешной реализации побудительного высказывания говорящий часто формирует речевой акт из двух частей: одна из них является собственно побудительной, директивной частью, а вторая – обоснованием необходимости выполнения этого директива. Главный речевой акт – это директив, который играет решающую роль в формировании иллокутивной силы высказывания, а вспомогательный, имеющий косвенную побудительную иллокутивную функцию, выступает аргументом для главного, увеличивая тем самым шансы на успех соответствующего директива [19]: *Then let me advise you to take up your little burdens again, for though they seem heavy sometimes, they are good for us, and lighten as we learn to carry them. Work is wholesome,*

and there is plenty for everyone. It keeps us from ennui and mischief, is good for health and spirits, and gives us a sense of power and independence better than money or fashion [20]; *Выходи за Миколу, – посоветовал Сеня, – каждый день будешь со смеху умирать* [15].

К неспециализированным формам выражения речевого акта совета в английском и русском языке относятся:

1) вопросительные предложения. Они содержат вопросительное слово, часто модальный компонент и указание на каузируемое действие: *But, my dear papa, you are no friend to matrimony; and therefore why should you be so anxious to pay your respects to a bride? It ought to be no recommendation to you. It is encouraging people to marry if you make so much of them* [21]; *А почему бы и нет? Погода ясная, посадочная полоса широченная – хоть вдоль садись, хоть поперёк, да и вообще, когда всякий квадрат земли в памяти, почему бы по холмам да кустам не пошариться?* [1];

2) повествовательные высказывания:

а) с модальными компонентами: *Swithin put his thumbs within the armholes of his waistcoat, and replied: Ann's getting very shaky; she ought to have a doctor!* [29]; – *Читать нужно, учиться нужно, – убедительно советовала Люба, расхаживая по комнате* [4];

б) высказывания, содержащие формы сослагательного наклонения, которые выражают некатегоричное указание на возможность и целесообразность действия адресата: *You could do anything, Jo, if you weren't so damned careful of yourself!* [29]; – *Знаете, Владимир Платоныч, вы бы помирились с вашей женой. Простили бы её хоть ради сына!.. Мальчишечка-то небось всё понимает* [10];

в) высказывания, содержащие компоненты субъективной модальности. В английском языке это модальные конкретизаторы *probably / perhaps / maybe / I think / I suppose*, в русском языке – *может / я думаю / мне кажется / по-моему*, которые подчёркивают субъективность говорящего и снижают степень его категоричности [9]: *Thank you, sir, thank you; I am going this moment myself; and I think the sooner you go the better. I will fetch your greatcoat and open the garden door for you* [21]; *Я слышал про такого рода дела и знаю, что Государь очень строг в этих случаях. Я думаю, надо бы не доводить до Его Величества. По-моему, лучше бы прямо просить корпусного командира... Но вообще я думаю...* [8]; *Может, подождет бы пока уезжать, – посоветовал Фомкин. – Узнать бы, как будет?* [18];

г) повествования-оценки: *It is very essential, Miss Stoner, – said he, – that you should absolutely follow my advice in every respect* [27]; *Вы напрасно обратились ко мне, я не специалист по пернатым. Вам лучше всего было бы обратиться к Емельяну Ивановичу Португалову, в / университете. Я лично знаю весьма мало* [3].

Вследствие транспозиции одного типа речевого акта в другой осуществляется прагматическое варьирование конструкции, т.е. реализация такой функции высказывания, которая не является для него первичной с точки зрения формально-синтаксической организации. Способность речевых единиц к прагматическому варьированию выражается в их возможности реализовать несколько иллокутивных сил. В семантической структуре таких высказываний соединяется прагматическое значение, первичное с точки зрения его организации и зафиксированное в его формально-синтаксической структуре, и вторичное, что позволяет считать такое высказывание синкретичным.

Можно выделить несколько типов прагматических значений, которые реализуются с помощью синкретичных высказываний. Это, в основном, соединение

– предупреждения и совета: *Change of air and care will keep you well, I dare say, or if it does not entirely, you will have the fever more lightly. I advise you to be off as soon as you can, for scarlet fever is no joke, miss* [20]; Да, господа, мне говорили, что в Москве распушен слух, будто я шулер, поэтому советую вам быть со мной осторожнее [8];

– угрозы и совета: *...I've something to say to you, and I must free my mind at once. Tell me, do you mean to marry this Cook? If you do, not one penny of my money ever goes to you. Remember that, and be a sensible girl, – said the old lady impressively* [20]; Иди-ка ты, милый человек, своим путем, – сжимая запущенные пальцы в кулак, сдержанно-злобно посоветовал Алексей безрукий и заморгал чаще [14];

– предложения и совета: *Returning suddenly to her admonitory tone, she said, dropping her voice: If you must have a 'vent', Teddy, go and devote yourself to one of the 'pretty, modest girls' whom you do respect, and not waste your time with the silly ones* [20]; Увидел среди них Шухов знакомого одного, вятчича, и посоветовал: Вы бы, слышь, землерубы, над каждой ямкой теплянку развели. Она б и оттаяла, земля-та [7].

Каждый вид совета имеет свои дифференцированные признаки, однако их объединяет общее пропозиционное содержание директивных речевых актов. Границы между данными видами не четкие, а довольно размытые, что позволяет считать решающим фактором для определения того или иного вида контекст высказывания. Выбор различных видов побудительных высказываний также зависит от отношений между участниками речевого акта. Неравенство, основанное на авторитете, знаниях, опыте одного из коммуникантов, определяет уровень рекомендательного характера высказывания [6].

Таким образом, в английском и русском языках функционируют одни и те же структурные типы советов, особенности наблюдаются в использовании средств усиления и смягчения побуждения.

Литература

1. Бородин Л.И. Выйти в небо [Электронный ресурс]. URL: http://lib.ru/PROZA/BORODIN_L/g_nebo.txt (дата обращения: 03.10.2015).
2. Булгаков М.А. Мастер и Маргарита [Электронный ресурс]. URL: <http://www.litmir.co/br/?b=256> (дата обращения: 15.09.2015).
3. Булгаков М.А. Роковые яйца [Электронный ресурс]. URL: <http://fictionbook.in/mihail-bulgakov-rokovie-yausa.html?page=11> (дата обращения: 17.09.2015).
4. Горький Максим. Фома Гордеев [Электронный ресурс]. URL: http://az.lib.ru/g/gorxkij_m/text_0001.shtml (дата обращения: 17.09.2015).
5. Достоевский Ф.М. Преступление и наказание [Электронный ресурс]. URL: http://az.lib.ru/d/dostoevskij_f_m/text_0060.shtml (дата обращения: 19.09.2015).
6. Емельянова М.В. Сложные директивные речевые акты в разноструктурных языках (На материале русского, английского и чувашского языков): дис. ... канд. филол. наук. Чебоксары, 2004. 168 с.
7. Солженицын А.И. Один день Ивана Денисовича [Электронный ресурс]. URL: <http://www.lib.ru/PROZA/SOLZHENICYN/ivandenisych.txt> (дата обращения: 02.10.2015).
8. Толстой Л.Н. Война и мир [Электронный ресурс]. URL: http://az.lib.ru/t/tolstoj_lew_nikolaewich/text_0050.shtml (дата обращения: 17.09.2015).
9. Филоненко В.А. Модели выражения совета и их статистические признаки в английском и русском языках // Лингвистика, лингводидактика, переводоведение: актуальные вопросы и перспективы исследования: сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф. (20 ноября 2014 г.). Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2014. Вып. 1. 262 с.
10. Чехов А.П. Душечка [Электронный ресурс]. URL: <http://fictionbook.in/anton-chehov-dushchka.html?page=3> (дата обращения: 04.10.2015).
11. Чехов А.П. В вагоне [Электронный ресурс]. URL: <http://lib.ru/LITRA/CHEHOW/vagon.txt> (дата обращения: 14.10.2015).
12. Чехов А.П. Кое-что об А.С. Даргомыжском [Электронный ресурс]. URL: <http://feb-web.ru/feb/chekhov/texts/sp0/sp3/sp3-440-.htm> (дата обращения: 12.10.2015).
13. Шеловских Т.И. Речевой акт совета: функцион.-прагмат. анализ, на материале фр. и рус. яз.: дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 1995. 217 с.

14. Шолохов М.А. Тихий Дон [Электронный ресурс]. URL: <http://www.lib.ru/PROZA/SHOLOHOW/tihijdon12.txt> (дата обращения: 17.10.2015).
15. Шукшин В.М. Брат мой [Электронный ресурс]. URL: http://www.lib.ru/SHUKSHIN/brat_moj.txt (дата обращения: 22.10.2015).
16. Шукшин В.М. Калина красная [Электронный ресурс]. URL: http://www.lib.ru/SHUKSHIN/kalina_krasnaya.txt (дата обращения: 08.10.2015).
17. Шукшин В.М. Позови меня в даль светлую [Электронный ресурс]. URL: http://www.lib.ru/SHUKSHIN/pozovi_menya_v_dal_svetluyu.txt (дата обращения: 28.09.2015).
18. Шукшин В.М. Там вдали [Электронный ресурс]. URL: http://www.lib.ru/SHUKSHIN/tam_vdali.txt (дата обращения: 18.09.2015).
19. Бондарева Н.О. Структурно-семантичні і комунікативно-прагматичні особливості висловлювань із концептом «порада»: автореф. дис. ... канд. філол. наук. Київ, 2005. 19 с.
20. Alcott L.M. Little Women [Электронный ресурс]. URL: https://ebooks.adelaide.edu.au/a/alcott/louisa_may/little_women/complete.html (дата обращения: 19.10.2015).
21. Austen J. Emma [Электронный ресурс]. URL: <https://ebooks.adelaide.edu.au/a/austen/jane/a93e/complete.html> (дата обращения: 22.10.2015).
22. Austen J. Lady Susan [Электронный ресурс]. URL: <https://ebooks.adelaide.edu.au/a/austen/jane/a93l/complete.html> (дата обращения: 17.10.2015).
23. Austen J. Mansfield Park [Электронный ресурс]. URL: <https://ebooks.adelaide.edu.au/a/austen/jane/a93m/complete.html> (дата обращения: 23.10.2015).
24. Austen J. Sense and sensibility [Электронный ресурс]. URL: <https://ebooks.adelaide.edu.au/a/austen/jane/a93s/complete.html> (дата обращения: 18.09.2015).
25. Bronte E. Wuthering Heights [Электронный ресурс]. URL: <https://ebooks.adelaide.edu.au/b/bronte/emily/b869w/complete.html> (дата обращения: 25.10.2015).
26. Dickens Ch. Oliver Twist [Электронный ресурс]. URL: <https://ebooks.adelaide.edu.au/d/dickens/charles/d54ot/complete.html> (дата обращения: 27.10.2015).
27. Doyle A.C. The Adventures of Sherlock Holmes [Электронный ресурс]. URL: https://ebooks.adelaide.edu.au/doyle/arthur_conan/d75ad/complete.html (дата обращения: 01.11.2015).
28. Dreiser T. An American Tragedy [Электронный ресурс]. URL: <https://ebooks.adelaide.edu.au/d/dreiser/theodore/american/complete.html> (дата обращения: 16.10.2015).
29. Galsworthy J. The man of property [Электронный ресурс]. URL: <https://ebooks.adelaide.edu.au/g/galsworthy/john/man/complete.html> (дата обращения: 24.09.2015).

ЕМЕЛЬЯНОВА МАРГАРИТА ВАЛЕНТИНОВНА – кандидат филологических наук, доцент, декан факультета иностранных языков, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (marg_emel@yahoo.com).

ФИЛОНЕНКО ВЕРА АЛЕКСАНДРОВНА – старший преподаватель кафедры романо-германской филологии и перевода, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (filvee@mail.ru).

M. EMELIANOVA, V. FILONENKO

PECULIARITIES OF EXPRESSING SPEECH ACTS OF ADVICE IN STRUCTURALLY DIFFERENT LANGUAGES

Key words: *speech act of advice, specific forms of expressing advice, non-specific forms of expressing advice, explicitness, implicitness, illocutionary force of utterance.*

The present article considers forms of expressing speech acts of advice in English and Russian languages depending on a speaker's communicative strategy. To express advice explicitly, both English and Russian languages use specific forms, such as imperative sentences and utterances comprising performative verbs, with their imperative function being primary. For implicit expression of advice, non-specific forms are used, mainly interrogative and declarative sentences, the imperative function of which is secondary. Based on the examples borrowed from English and Russian fiction, the authors describe methods of modifying an illocutionary force of speech acts of advice towards its amplifying or weakening, as well as the possibilities of its functioning syncretically with illocutionary forces of other prescriptive speech acts.

References

1. Borodin L.I. Vyiti v nebo [Go to the sky]. Available at: http://lib.ru/PROZA/BORODIN_L/r_nebo.txt (Accessed 3 October 2015).
2. Bulgakov M.A. *Master i Margarita* [Master and Margaret] Available at: <http://www.litmir.co/br/?b=256> (Accessed 15 September 2015).
3. Bulgakov M.A. *Rokovye Yaitsa* [The Fateful Eggs]. Available at: <http://fictionbook.in/mihail-bulgakov-rokovie-yayca.html?page=11> (Accessed 17 September 2015).

4. Gorky Maksim. *Foma Gordeyev* [Foma Gordeyev]. Available at: http://az.lib.ru/g/gorkxij_m/text_0001.shtml (Accessed 17 September 2015).
5. Dostoevsky F.M. *Prestupleniye i nakazaniye* [Crime and Punishment]. Available at: http://az.lib.ru/d/dostoevskij_f_m/text_0060.shtml (Accessed 19.09.2015).
6. Emelianova M.V. *Slozhnye direktivnye rechevye akty v raznostrukturnykh yazykah (Na materiale russkogo, anglijskogo i chuvashskogo yazykov): dis. ... kand. filol. nauk* [Complex directive speech acts in structurally different languages. Cand. Diss.]. Cheboksary, 2004. 168 p.
7. Solzhenitsyn A.I. *Odin den Ivana Denisovicha* [One day of Ivan Denisovich]. Available at: <http://www.lib.ru/PROZA/SOLZHENICYN/ivandenisych.txt> (Accessed 2 October 2015).
8. Tolstoy L.N. *Voina i mir* [War and Peace]. Available at: http://az.lib.ru/t/tolstoj_lew_nikolae-wich/text_0050.shtml (Accessed 17 September 2015).
9. Filonenko V.A. *Modeli vyrazheniya soveta i ih statisticheskiye priznaki v anglijskom i russkom yazykah* [Models of expressing advice and their statistical characteristics in English and Russian]. *Lingvistika, lingvodidaktika, perevodovedeniye: aktualnye voprosy i perspektivy issledovaniya: sb. Materialov Mezhdunar. nauch.-prakt. konf.* [Proc. of Int. Conf. «Linguistics, Linguodidactics, Translatology: Actual Issues and Prospects for Research»]. Cheboksary, Chuvash University Publ., 2014, pp. 71–75.
10. Chekhov A.P. *Dushechka* [The Darling]. Available at: <http://fictionbook.in/anton-chehov-dushechka.html?page=3> (Accessed 4 October 2015).
11. Chekhov A.P. *V vagon* [In the carriage]. Available at: <http://lib.ru/LITRA/CHEHOW/vagon.txt> (Accessed 14 October 2015).
12. Chekhov A.P. *Koe-cto ob A.S. Dargomyzhskom* [Something about A.S. Dargomyzhsky]. Available at: <http://feb-web.ru/feb/chekhov/texts/sp0/sp3/sp3-440-.htm> (Accessed 12 October 2015).
13. Shelovskih T.I. *Rechevoj akt soveta: funktsion.-pragmat. analiz. na materiale fr. i rus. yaz. dis. ... kand. filol. nauk* [Speech act of advice: functional and pragmatic analysis on the basis of French and Russian languages. Cand. Diss.]. Voronezh, 1995. 217 p.
14. Sholokhov M.A. *Tihiy Don* [And Quiet Flows the Don]. Available at: <http://www.lib.ru/PROZA/SHOLOHOW/tihijdon12.txt> (Accessed 17 October 2015).
15. Shukshin V.M. *Brat Moy* [My Brother]. Available at: http://www.lib.ru/SHUKSHIN/brat_moj.txt (Accessed 22 October 2015).
16. Shukshin V.M. *Kalina krasnaya* [Red snowball tree]. Available at: http://www.lib.ru/SHUKSHIN/kalina_krasnaya.txt (Accessed 8 October 2015).
17. Shukshin V.M. *Pozovi menya v dal svetluyu* [Call me to the light expanse]. Available at: http://www.lib.ru/SHUKSHIN/pozovi_menya_v_dal_svetluyu.txt (Accessed 28 September 2015).
18. Shukshin V.M. *Tam vdali* [There, in the distance]. Available at: http://www.lib.ru/SHUKSHIN/tam_vdali.txt (Accessed 18 September 2015).
19. Bondareva N.O. *Strukturno-semantichni i komunikativno-pragmatichni osoblyvosti vyslovljyvan iz konceprom «Porada»* [Structural-Semantic, Communicative and Pragmatic Peculiarities of Utterances Comprising the Concept of Advice. Abstract of PhD Thesis]. Kyiv, 2005, 19 p.
20. Alcott L.M. *Little Women*. Available at: https://ebooks.adelaide.edu.au/a/alcott/louisa_may/little_women/complete.html (Accessed 19 October 2015).
21. Austen J. *Emma*. Available at: <https://ebooks.adelaide.edu.au/a/austen/jane/a93e/complete.html> (Accessed 22 October 2015).
22. Austen J. *Lady Susan*. Available at: <https://ebooks.adelaide.edu.au/a/austen/jane/a93l/complete.html> (Accessed 17 October 2015).
23. Austen J. *Mansfield Park*. Available at: <https://ebooks.adelaide.edu.au/a/austen/jane/a93m/complete.html> (Accessed 23 October 2015).
24. Austen J. *Sense and sensibility*. Available at: <https://ebooks.adelaide.edu.au/a/austen/jane/a93s/complete.html> (Accessed 18 October 2015).
25. Bronte E. *Wuthering Heights*. Available at: <https://ebooks.adelaide.edu.au/b/bronte/emily/b869w/complete.html> (Accessed 25 October 2015).
26. *Dickens Ch. Oliver Twist*. Available at: <https://ebooks.adelaide.edu.au/d/dickens/charles/d54ot/complete.html> (Accessed 27 October 2015).
27. *Doyle A.C. The Adventures of Sherlock Holmes*. Available at: https://ebooks.adelaide.edu.au/doyle/arthur_conan/d75ad/complete.html (Accessed 1 November 2015).
28. *Dreiser T. An American Tragedy*. Available at: <https://ebooks.adelaide.edu.au/d/dreiser/theodore/american/complete.html> (Accessed 16 October 2015).
29. *Galsworthy J. The man of property*. Available at: <https://ebooks.adelaide.edu.au/g/galsworthy/john/man/complete.html> (Accessed 24 September 2015).

EMELIANOVA MARGARITA – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Dean of Foreign Languages Faculty, Chuvash State University, Cheboksary, Russia.

FILONENKO VERA – Associate Professor, Department for Roman and Germanic Philology and Translatology, Chuvash State University, Cheboksary, Russia.

УДК 811. 161. 1' 282.2 (470. 344)
ББК Ш12=411. 2* 671 (2 Рос. Чув)

Т.Н. ЕРИНА

ЧЕБОКСАРСКИЙ РЕГИОЛЕКТ РУССКОГО ЯЗЫКА: лингвистические наблюдения

Ключевые слова: русский язык, чувашский язык, региональное варьирование русского языка, бытовая разговорная речь, язык города, языковые контакты.

Русская разговорная речь жителей столицы Чувашии впервые становится объектом научного исследования. Чебоксарский региолект русского языка имеет сложную структуру. Его своеобразие создается, с одной стороны, естественным региональным варьированием русского языка, с другой – чувашским влиянием. В статье рассматриваются некоторые лексические и грамматические особенности русской разговорной речи жителей столицы Чувашии г. Чебоксары. Таким образом, русская речь жителей г. Чебоксары может быть интересным объектом самостоятельного исследования, которое будет иметь практическое значение, так как внесет определенный вклад в изучение проблем живого устного русского языка современного города, а также взаимовлияния и взаимного обогащения контактирующих языков, их непрерывного культурного общения.

Филологи-русисты Чувашской Республики изучают не только общие лингвистические проблемы, но и местный материал. Объектом их исследований являются в первую очередь диалектологические и ономастические особенности языка, среди последних, в частности, топонимы [4, 5]. Не остались без внимания и вопросы двуязычия [6, 7], чувашско-русской контактологии [8].

В последние десятилетия усиливается интерес ученых к живым, непосредственно наблюдаемым формам языка, характеризующим языковую жизнь современного города. Так, в отечественном языкознании появились работы, посвященные изучению проблем культуры речи отдельного города. О.Б. Сиротина, например, описала языковой облик г. Саратов [10]. Профессор кафедры русского языка Санкт-Петербургского университета В.В. Колесов исследовал язык г. Санкт-Петербург – Петербург – Петроград – Ленинград [2, 3], Н.А. Прокуроровская – языковой материал г. Ижевск [9]. Между тем русская речь жителей столицы Чувашии г. Чебоксары до сих пор не подвергалась специальному изучению. Следует подчеркнуть, что в условиях национального региона устойчивое своеобразие русского языка обуславливается, с одной стороны, региональным варьированием русского языка этнических русских, проживающих в Чувашии со времен ее присоединения к Московскому государству, с другой – влиянием чувашского языка на русский. При этом г. Чебоксары может рассматриваться как единый объект, характеризующийся фонетической, лексико-фразеологической и грамматической спецификой. В данной статье приводятся только некоторые лингвистические наблюдения над чебоксарским вариантом русского языка. Материалом исследования послужила в основном устная разговорная речь пассажиров городского транспорта.

Так, яркой специфической речевой особенностью жителей г. Чебоксары является просьба об остановке маршрутного такси «*Оставьте на следующей*» или «*Оставьте на ... (называется остановка)*» вместо литературного «*Остановите*». «*Оставьте*» так прижилось, что вслед за взрослыми разных возрастов его бойко повторяют школьники. Как правило, жители других регионов, приехавшие на учебу (студенты) или работу в г. Чебоксары, эту особенность замечают и отмечают. Однако не все пассажиры маршрутных такси следуют «моде». Некоторые свободно обходятся без так популярного ныне

«Оставьте». Приведем типичные (по степени убывания) варианты обращения пассажиров к водителю маршрутного такси:

<i>Мужчины</i> (разного возраста)	<i>Женщины</i> (разного возраста)
« Будь добр , на следующей»	« Будьте добры , на следующей»
«На следующей, останови »	« Пожалуйста , остановите на следующей»
« Остановишь на следующей?»	«На остановке, будьте добры »
« Командир (шеф) , на следующей останови »	
«Можно сделать следующую остановку?»	«На следующей остановимся?»

Как видно, женщины вежливо, учтиво, мягко и ненавязчиво выражают свою просьбу (*будьте добры, пожалуйста*). Мужчины, наоборот, требовательны (*останови, остановишь*).

Широко распространены номинации маршрутов троллейбуса и автобуса с суффиксом *-к*. Чебоксарцы говорят *двойка, тройка, четверка, пятерка* (маршруты троллейбуса и автобуса), *шестерка, семерка, восьмерка* (маршруты троллейбуса), но *первый* (маршрут троллейбуса). Предпочитают употреблять стяжение *маршрутка*.

В каждом городе наряду с официально принятыми наименованиями административно-территориальных делений есть «свои», специфичные названия (топонимы). В речи жителей г. Чебоксары употребляются следующие: *новоюжка* (Новоюжный жилой район): пассажир, молодой мужчина, едет в маршрутном такси. Звонит телефон. Он отвечает: «Еду в маршрутке в *новоюжку*»; *юго-запад* (Юго-Западный жилой район): из разговора девушек в маршрутном такси: «Моя подруга живет на *юго-западе*»; *поселок* (Чапаевский поселок): пассажир в маршрутном такси: «Я уже *на поселке*»; *Богданка* (остановка общественного транспорта на улице Богдана Хмельницкого и микрорайон города): водитель маршрутного такси: «*Богданка* выходят?»; *Новый* (город-спутник Новочебоксарск): пассажир междугороднего маршрутного такси водителю: «Два (билета) до *Нового*»; *агрегатка* (жилой микрорайон около агрегатного завода); *Шанхай* (густо заселенная часть города, где люди живут в ветхих, самостоятельно построенных деревянных домах) и образованное от него существительное *шанхайцы* (жители густо заселенной части города – Шанхая). Заметим, что некоторые из таких наименований употребляются не только в разговорной речи, но встречаются и в местных СМИ, например в газете «Справедливая Россия–Чувашия» № 11 июнь 2015 на с. 6 напечатана статья «*“Шанхайцы” все же пожаловались президенту*», где читаем: «Конфликт между жителями Мясокомбинатского проезда (*Шанхая*) Чебоксар и властями города и республики продолжается... Городские власти на месте *“Шанхая”* запланировали воздвигнуть новый микрорайон. Всех жителей просят освободить площадку, ссылаясь на то, что в свое время они построили свои жилища незаконно».

Среди грамматических особенностей можно отметить употребление пассажирами маршрутных такси предлога *на* при названии остановки: «Оставьте меня *на “Победе”*» (остановка «Кинотеатр «Победа»), «*На клинике*, пожалуйста» (остановка «Клиника “Северная”»); «Оставьте *на “Ромашке”*» (остановка «Магазин “Ромашка”»); «Остановите *на ЧГУ*» (остановка «Чувашский государственный университет»).

Чебоксарцы называют своих родных братьев и сестер, независимо от возраста (старший, младший), *братишка, сестренка*. Это характерно в основном для выходцев из сельской местности.

Как отмечалось выше, чебоксарский региолект имеет сложную структуру. Очевидно, что в одной статье невозможно дать его полную характеристику.

Таким образом, изучение речи малых городов, расположенных на территории национальных республик, предоставляет лингвистам интересный материал. Кроме того, исследование речи городов с двуязычным населением позволит выявить своеобразие функционирования русского языка в нерусской среде. В связи с этим представляется, что русская речь жителей г. Чебоксары может быть интересным объектом самостоятельного исследования, которое будет иметь практическое значение, так как внесет определенный вклад в изучение проблем живого устного русского языка современного города, а также взаимовлияния и взаимного обогащения контактирующих языков, их непрерывного культурного общения. 17 октября 2013 г. в Чувашском государственном институте культуры и искусств состоялась Региональная конференция «Город в зеркале своего языка». В рамках этой конференции прошла презентация проекта «Чебоксарский региолект русского языка: опыт изучения», в котором изложена программа исследования чебоксарского варианта русского языка [1. С. 12–14].

Нельзя не согласиться с мнением известного ученого доктора филологических наук В.В. Колесова: «Изучение языка города важно во многих отношениях... Не зная речи города, трудно оценить конкретный вклад каждой социальной группы в развитие современного языка, современной культуры и через них – всей совокупности социальных установлений вообще» [4. С. 4].

Литература

1. Ерина Т.Н., Фомин Э.В. Изучение чебоксарского региолекта русского языка: презентация проекта // Вестник Чувашского государственного института культуры и искусств. 2014. № 9. С. 12–14.
2. Колесов В.В. Культура речи – культура поведения. Л.: Лениздат, 1988. 271 с.
3. Колесов В.В. Язык города. М.: Высш. шк., 1991. 192 с.
4. Корнилов Г.Е. Историко-этимологические исследования топонимии Чувашского Поволжья и смежных регионов // Известия НАНИ ЧР. 2001. № 1. С. 144–174.
5. Корнилов Г.Е. Топонимия республик Поволжья (Башкортостан, Коми, Марий Эл, Мордовия, Татарстан, Удмуртия, Чувашия) – XVI: А-Анлаутные географические названия // Вестник Чувашского университета. 2007. № 1. С. 229–233.
6. Михайлов М.М. Двуязычие: проблемы, поиски... Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1989. 160 с.
7. Михайлов М.М. Двуязычие в современном мире. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 1988. 70 с.
8. Мышкин З.Ф. Заимствование сравнений и метафор из чувашского языка в русском художественном тексте // Межъязыковые взаимодействия в Волго-Камье: межвуз. науч. сб. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 1988. С. 37–43.
9. Прокуроровская Н.А. Город в зеркале своего языка. Ижевск: Изд-во Удм. ун-та, 1996. 244 с.
10. Сиротинина О.Б. Языковой облик г. Саратова // Разновидности городской устной речи: сб. науч. тр. / отв. ред. Д.Н. Шмелев, Е.А. Земская. М.: Наука, 1988. С. 247–253.

ЕРИНА ТАМАРА НИКОЛАЕВНА – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (tnerina@rambler.ru).

T. ERINA

CHEBOKSARY REGIOLECT OF THE RUSSIAN LANGUAGE: LINGUISTIC OBSERVATIONS

Key words: Russian language, Chuvash language, regional variation of the Russian language, everyday spoken language, city language, language contacts.

It is for the first time that the Russian spoken language of the residents of the capital of Chuvashia becomes an object of scientific study. Cheboksary regiolect of the Russian language has a complex structure. Its originality is based on the natural regional variation of the Russian language, on the one hand, and the influence of the Chuvash language, on the

other. The article considers some lexical and grammatical features of the Russian spoken language of the residents of Cheboksary, the capital of Chuvashia. The authors regard the Russian spoken language of Cheboksary residents as a prospective object of independent research, which is of significant practical value, as it can make a certain contribution to studying the living Russian spoken language of a modern city, as well as the interaction and mutual enrichment of the contacting languages.

References

1. Erina T.N., Fomin E.V. *Izuchenie cheboksarskogo regiolekta russkogo yazyka: prezentatsiya proekta* [Study of Cheboksary Regiolect of the Russian Language: presentation of the project]. *Vestnik Chuvashskogo gosudarstvennogo instituta kultury i iskusstv* [Bulletin of the Chuvash State Institute of Culture and Arts], 2014, no. 9, pp. 12–14.
2. Kolesov V.V. *Kul'tura rechi – kul'tura povedeniya* [Standards of Speech – Standards of Behavior]. Leningrad, Lenizdat Publ., 1988, 271 p.
3. Kolesov V.V. *Yazyk goroda* [City language]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1991, 192 p.
4. Kornilov G.E. *Istoriko-etimologicheskie issledovaniya toponimii Chuvashskogo Povolzh'ya i smezhnykh regionov* [Historical and Etymological Studies of the Toponymy of the Chuvash Volga and Adjacent Regions]. *Izvestiya NANI ChR* [News of the National Academy of Sciences and Arts of the Chuvash Republic], 2001, no. 1, pp. 144–174.
5. Kornilov G.E. *Toponimiya respublik Povolzh'ya (Bashkortostan, Komi, Marii El, Mordoviya, Tatarstan, Udmurtiya, Chuvashiya) – XVI: A-Anlautnye geograficheskie nazvaniya. Vestnik ChuvGU. Gumanitarnye nauki* [Toponymy of the Volga republics (Bashkortostan, Komi, Mari El, Mordovia, Tatarstan, Udmurtia, Chuvashia) – XVI: A- Toponyms]. *Vestnik Chuvashskogo universiteta*, 2007, no. 1, pp. 229–233.
6. Mikhailov M.M. *Dvuyazychie: problemy, poiski...* [Bilingualism: Problems, Research...]. Cheboksary, 1989.
7. Mikhailov M.M. *Dvuyazychie v sovremennom mire* [Bilingualism in Modern World]. Cheboksary, 1993. 70 p.
8. Myshkin Z.F. *Zaimstvovanie sravnenii i metafor iz chuvashskogo yazyka v russkom khudozhestvennom tekste. Mezhyazykovye vzaimodeistviya v Volgo-Kam'e* [Similes and Metaphors Borrowed from Chuvash Language in Russian Literary Text. Language Interactions in the Volga-Kama region]. Cheboksary, 1988, pp. 37–43.
9. Prokurovskaya N.A. *Gorod v zerkale svoego yazyka*. [The city in the mirror of its language]. Izhevsk, 1996, 244 p.
10. Sirotnina O.B. *Yazykovo oblik g.Saratova* [The Language Aspect of Saratov]. In: Shmelev D.N., Zemskaya E.A., eds. *Raznovidnosti gorodskoi ustnoi rechi: sb. nauch. tr.* [Varieties of the city spoken language. Collected papers, issue 6]. Moscow, Nauka Publ., 1988, pp. 247–253.

ERINA TAMARA – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Russian Language and Literature Department, Chuvash State University, Cheboksary, Russia.

Ссылка на статью: Ерина Т.Н. Чебоксарский региолект русского языка: лингвистические наблюдения // Вестник Чувашского университета. – 2015. – № 4. – С. 239–242.

УДК 811.111(07)
ББК Ш12=432.1р30

О.Я. КАРПЕЕВА, О.В. СВЕКЛОВА

ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКИЕ АНАЛОГИИ ПРИ ОБУЧЕНИИ АНГЛИЙСКОМУ ЯЗЫКУ

Ключевые слова: базовые модели языка, языковая интерференция, ошибка, слово, аналогии, трудности, семантическая связь, синонимы.

В статье рассмотрены некоторые виды лексических и грамматических ошибок, связанные с аналогиями в разных языках, приведены примеры таких ошибок в словообразовании, употреблении артиклей и префиксов. Дан анализ типичных ошибок и причины их возникновения, предлагаются возможные способы их устранения.

При обучении иностранному языку в высшей школе очень важно вырабатывать у студентов навыки правильной устной и письменной речи, отсюда возникает необходимость предупреждения и исправления лексических и грамматических ошибок. Конечно, их полное отсутствие, как показывает практика, невозможно. И носитель языка может допускать ошибки, но он никогда не ошибется при употреблении базовых моделей языка. Поэтому преподавателю следует уделять самое большое внимание при обучении точному употреблению студентом базовых языковых моделей.

Когда изучается иностранный язык, главным принципом является его сравнение с родным языком. Вот тут и следует учитывать отрицательное влияние языковой интерференции.

Можно выделить вид интерференции, когда студент использует принцип аналогии: он строит модели на иностранном языке по принципу моделей родного языка или уже изученные модели иностранного языка при изучении новых приводят к интерференции, что, в свою очередь, становится причиной постоянных ошибок. Такие ошибки возможны при изучении практически всех разделов иностранного языка: грамматики, семантики, словообразования, фонетики. В этой статье мы рассмотрим самые частые ошибки, допускаемые студентами при изучении иностранного языка. Большинство из них возникает из-за неверных аналогий между родным и иностранным языками.

Т.И. Арбекова дает классификацию самых частых ошибок:

1. Количество и номенклатура частей речи в русском и английском языках не совпадают.

2. Одноименные части речи при совпадении основных характеристик имеют ряд несходных словообразовательных, морфологических и синтаксических особенностей. Последнее ведет к расхождению также в синтаксическом строе предложения.

3. Грамматическая характеристика лексически сходных слов может быть различной.

4. Способы словообразования и, как результат их действия, структурные типы слов не являются одинаковыми.

5. Многозначные слова, совпадающие в одном или двух значениях, обычно не совпадают в остальных.

6. Слова, идентичные по своему словарному (т.е. обобщенному) значению, почти всегда различаются значениями контекстными, вступая в семантико-синтаксические связи с несовпадающими наборами слов.

7. Стилистическая характеристика номинативно-тождественных слов может быть различной.

8. Объем и характер словообразовательных гнезд в русском и английском языках, как правило, не одинаковы. Значения, передаваемые в одном языке родственными словами, в другом закрепляются за разнокоренными лексическими единицами.

9. Сближающиеся по форме слова могут не совпадать по значению.

10. Слова и словосочетания, имеющие одинаковое предметное значение, могут не совпадать по этимологии, мотивировке и современному ассоциативному значению [2. С. 165].

Рассмотрим некоторые из них. Изучая морфологию английского языка, трудности возникают при употреблении тех частей речи, которых не существует в русском языке, в первую очередь – артикля. На начальном обучении частой ошибкой является отсутствие в речи определенного и неопределенного артиклей, например «*She is _ doctor*», «*There is _ dog*». Таким образом, на следующих этапах обучения из-за недостаточно сформированных знаний об артиклях происходит их неправильное употребление. По мнению Г. А. Вейхмана, недооценка людьми, изучающими английский язык, важности правильного употребления артиклей ведет к изменению смысла содержания высказывания. Например:

*You cannot see **people** in this room.* – *Вы не можете видеть людей в этой комнате (Их здесь не бывает).*

*You cannot see **the people** in this room.* – *Вы не можете видеть людей, находящихся в этой комнате.*

Начинать знакомство с артиклями английского языка следовало бы с их этимологии. Например, с того, что неопределенный артикль произошел от числительного «один» и может сопровождать только исчисляемые существительные в единственном числе, и он никогда не будет стоять рядом с существительным во множественном числе, а определенный артикль берет свое начало от указательных местоимений «*this*» и «*that*», и его применение не ограничивается числом существительного.

Большие трудности вызывает употребление частей речи в результате ложной аналогии. Самые типичные ошибки студентов в данном случае совершаются под влиянием русского языка: «*she frightened*» вместо «*she was frightened*» – она испугалась. Похожую ошибку можно заметить в таких предложениях как «*He wasn't agree with me*» (*He didn't agree with me*), по типу русского предложения «Он не был согласен со мной». Здесь нужно указать студентам на то, что слово «*frightened*» – не глагол, а причастие совершенного вида, в то время как «*agree*» – как раз является глаголом, образующим отрицательную форму в прошедшего времени (Past Indefinite) с помощью вспомогательного глагола «*did*».

Рассмотрим некоторые ошибки в словообразовании, в частности неверное употребление префиксов. К примеру, изучая префиксы, которые придают слову противоположное значение (*il-, ir-, un-, im-, in-*), наиболее часто используемым у студентов оказался префикс *un-*, из-за чего появляются «новые» слова типа *unconviniet, unregular, unpossible* вместо правильных прилагательных *inconvenient, irregular, impossible*. Данные примеры ошибочного употребления префиксов возникают, скорее всего, из-за того, что в русском языке самое большое количество подобных прилагательных мы образуем при помощи префикса *не-*: *некрасивый, неестественный, неудобный* и т.п. Так английский префикс *un-* ассоциируется у русскоговорящих студентов с русской приставкой *не-*. Необходимо исправлять такие ошибки, объясняя каждый конкретный случай и

обуславливая правила образования и применения префиксов. Следует, например, сказать, что *im-* следует употреблять перед губно-губными согласными [m] и [p]: *impossible, immovable, immoral, immobile*; префикс *ir-* – ставится перед прилагательными, начинающимися с согласной *r*: *irreverent, irreparable, irrefutable* и т.п. Если же эти правила неприменимы к конкретному случаю (*unpleasant, unreliable*), следует предоставить студентам список прилагательных, которые чаще всего употребляются с данными префиксами.

Еще один тип похожих ошибок относится к неверному использованию предлогов. Правильное употребление предлогов невозможно при помощи буквального перевода «под кальку» с русского языка, в результате чего студенты сплошь и рядом используют конструкции типа «*on the South*» (вместо *to* или *in*), «*to prepare to*» (вместо *for*), «*to look on*» (вместо *at*), «*to get rid from*» (вместо *of*) и т.п. Самые распространенные ошибки, касающиеся предлогов, это ошибки в использовании предлогов после переходных и непереходных глаголов, что в английском и русском языках очень часто не совпадает: *to play chess – играть в шахматы, to need smb. – нуждаться в ком-то, to impress smb. – производить впечатление на кого-то; хвалиться чем-л. – to boast of smth, гордиться чем-то – to be proud of smth*. Таким образом, студенты копируют предлоги или их отсутствие в русском языке и переносят его в английский: «*to answer on the question*», «*to refuse from smth*» вместо правильных выражений «*to answer the question*», «*to refuse smth*», или не употребляют их там, где они необходимы – «*to write smb*», «*to prove smb.*» вместо «*to write to smb*», «*to prove to smb*». Чтобы избежать подобных ошибок, студентам следует заучивать список глаголов, за которыми следует прямое дополнение, и глаголов, после которых обязателен определенный предлог, так как никаких ассоциаций и параллелей между русским языком и английским в данном конкретном случае провести невозможно.

Все знают, что смысл одного и того же слова в английском языке может передаваться совсем другими словами в русском. Прямой перенос слова из одного языка в другой (*слово – словарное значение*) встречается достаточно редко. Так, например, существительному *state* в английском языке соответствуют русские слова *государство, штат, состояние, строение, положение, ранг, затруднение, волнение, великолепие*. На практике, работая с подобной лексикой, студенты делают огромное количество ошибок, зачастую веселя своих сокурсников и преподавателей. Вот один из примеров перевода студентами предложения «*He was the Deputy of the State Duma*»: «Он был главой штата Дюма» – вместо «Он был депутатом Государственной Думы».

С самых первых шагов обучения, следует обращать много внимания на дифференциацию слов, у которых в русском языке всего один эквивалент. Например: *смотреть* – *to look, to watch, to gaze, to stare*; *делать* – *to make, to do*; *счастливый* – *happy, fortunate, lucky*; *ответить* – *to answer, to reply*; *принимать* – *to take, to get, to receive, to accept*; *любить* – *to love, to like, to be fond of* и т. п. Начиная с третьего курса, следует советовать студентам использовать англо-английские толковые словари, где значения слов и выражений раскрыты наиболее полно и есть множество примеров употребления их в контексте.

Некоторые сложности связаны с тем, что существуют русские и английские слова, похожие своей формой, но не совпадающие по значению, либо совпадающие частично. Отдельные сложности вызывают английские и русские слова, схожие по форме, но разные или частично совпадающие по зна-

чению. Они могут отличаться семантической связью: *decade* и *декада*; быть частичными синонимами: *medicine* (1. медицина; 2. лекарство) и *медицина*; являться ложными синонимами: *routine* и *рутина* [1, с. 11]; иметь похожее звучание, но разный смысл: *magazine* (журнал) и *магазин*.

Если систематически изучать ошибки, допускаемые студентами, преподаватель сможет определить, каковы типичные трудности в изучении иностранного языка и подобрать правильные и интересные методы работы над ними. Все это благоприятно отразится на знаниях студентов и их интересе к изучаемому предмету.

Литература

1. Арбекова Т.И. Лексикология английского языка. М.: Высш. шк., 1977. 240 с.
2. Арбекова Т.И. Английский без ошибок. М.: Высш. шк., 1990. 222 с.
3. Вейхман Г.А. Английский без грамматических ошибок. М.: Высш. шк., 2005. 191 с.
4. Мюллер В.К. Англо-русский словарь. М.: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1963. 1192 с.

КАРПЕЕВА ОЛЬГА ЯНОВНА – старший преподаватель кафедры иностранных языков № 1, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (s1lverfox@rambler.ru).

СВЕКЛОВА ОКСАНА ВИТАЛИЕВНА – старший преподаватель кафедры иностранных № 1, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (sveklova.ok@yandex.ru).

O. KARPEEVA, O. SVEKLOVA LEXICAL AND GRAMMATICAL ANALOGIES IN TEACHING ENGLISH LANGUAGE

Key words: *language basic models, linguistic interference, error, word, analogies, difficulties, semantic relationship, synonyms.*

The article provides a description of some types of lexical and grammatical errors associated with analogies in different languages and the examples of such errors in word formation and use of articles. The authors analyse typical errors and their origins and offer methods that can help eliminate such errors.

References

1. Arbekova T.I. *Leksikologiya angliiskogo yazyka* [English Lexicology]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1977, 240 p.
2. Arbekova T.I. *Angliiskii bez oshibok* [Correct English for Everyday Use]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1977, 222 p.
3. Veikhman G.A. *Angliiskii bez grammaticheskikh oshibok* [English without Grammar Mistakes]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1977, 191 p.
4. Myuller V.K. *Anglo-russkii slovar'* [English-Russian dictionary]. Moscow, 1963, 1192 p.

KARPEEVA OLGA – Associate Professor, Foreign Languages Department № 1, Chuvash State University, Cheboksary, Russia.

SVEKLOVA OKSANA – Associate Professor, Foreign Languages Department № 1, Chuvash State University, Cheboksary, Russia.

Ссылка на статью: Карпеева О.Я., Свеклова О.В. Лексико-грамматические аналогии при обучении английскому языку // Вестник Чувашского университета. – 2015. – № 4. – С. 243–246.

УДК 81'373.21
ББК 81.2-3

Г.Е. КОРНИЛОВ

**ЭТНОТОПОНИМИЯ РЕСПУБЛИК ПОВОЛЖЬЯ
(БАШКОРТОСТАН, КОМИ, МАРИЙ ЭЛ, МОРДОВИЯ,
ТАТАРСТАН, УДМУРТИЯ, ЧУВАШИЯ) – XXXVII:
А-АНЛАУТНЫЕ ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ НАЗВАНИЯ***

Ключевые слова: компаративистика, этимология, контактология, ономотология, топонимика.

Статья продолжает инвентаризацию и интерпретацию А-анлаутных топонимов и апеллятивов в языках Поволжья, в частности, уточняется этимология агроонима 'Аказык лук пасу' на территории Марий Эл, предложенная ранее О.П. Воронцовой и И.С. Галкиным, а также рассматривается возможность объяснения топонима 'Акай' в качестве антропонимного или восходящего к тюркской атрибутивной синтагме 'Ақ ай' «Белый приток». Ставится под сомнение допустимость восхождения 'Акай' к термину родства со значением «Сестра».

0.0.2.6.6. **АКАЗЫК ЛУК ПАСУ** – поле в быв. Кужмар. с-те Звенигов. р-на Марий Эл. Агрооним впервые выявлен и объяснен О.П. Воронцовой и И.С. Галкиным: имя собственное *Аказык*, «ср. *Аказ*, *Аказа*, *Аказин* из осет. *аххаз* «милость» (Черных, 1995: 47), *лук* «угол, излучина», *пасу* «поле, поляна», т.е. «Поле Аказа у излучины» [4. С. 24].

Предложенный авторами русский перевод попадает в разряд топонимов-ориентиров, однако следует отметить несколько смущающих моментов: 1. Остается без комментария последний слог *-ык* в составе *Аказык*; 2. Осетинское слово звучит *ахъаз* (к нему, видимо, восходит регистрируемая у татар и чувашей фамилия *Ахазов*) и значит «милость», «помощь, содействие, поддержка», согласно 3-му дополненному изданию «Осетинско-русского словаря» [13. С. 64], и *ахъаз* «помощь, поддержка, содействие», согласно 2-му, испр. и доп. изданию «Русско-осетинского словаря», составленного В.И. Абаевым [14] (значение «милость» не указано. – Г.К.); 3. О.П. Воронцова и И.С. Галкин не смогли привести аналоги перехода осет. *-хъ-* в мар. *-к-* (нам известны лишь обратные переходы); 4. Воронцовско-галкинский перевод «Поле Аказа у излучины», видимо, должен выглядеть по-марийски – *Аказ лук пасу*, а не *Аказык лук пасу*.

Указанные обвинения полностью снимаются в случае членения *Ак-азык* и сравнения *Ак-*: *~азык* с тюрк. *ақ* «белый, ~ая, ~ое», по М. Рясяну, из **ақ* (долгий *ā-* в туркменском) [23. S. 12b], по Э.В. Севортыану, «белый – во всех источниках», «чистый – прямо и переносно», «прекрасный, чудесный, роскошный, великолепный – в хакасском» [15. С. 116–117], а *-азык*: *Ак~* с собственным именем *Азык*, известным как антропоним и как этноним, ср. название киргизского племени *азык* [1. С. 39], производящий корень которого считается гомогенным с этнонимом *аз* орхоно-енисейских памятников и алтайскими *-ас* в составе генонимов *торт ас*, *байлак ас* [5. С. 283], или «чувашское языческое имя» *Азыкь*, помеченное В.К. Магницким как «тат[арское]» [11. С. 256, № 162].

В связи со сказанным предлагаем перевод *Аказык лук пасу* «Ақ Азыка угловое поле». В этом названии оказываются тюркскими по происхождению и *Аказык-*, и *-пасу*, ср. чув. *лус(ă)*, *пос(ă)*, *посу / посу* [2. Вып. X. С. 5] (с глухим анлаутом), соответствующие башк. *басу*, тат. *басу* «поле, нива» (со звонким анлаутом) [6. С. 167; 23. S. 64b; 19. С. 450–451].

* Исследование выполнено при финансовом содействии Министерства образования и науки РФ (грант ГО 2-1.6-123).

0.0.2.6.7. **АКАЙ** – приток р. Арда, впадающей слева в р. Волгу в «Маробласти», совр. *Марий Эл* [20. С. 11].

А.Н. Куклин [10. С. 72–73] допускал, что названия притоков р. Арда – в написании М.Н. Янтемира *Покшэл*, в авторском – *Покшел* и *Акай*, «возможно, противопоставлены по семантическим признакам, которые указывают на величину водных объектов... В глаз., мал. диалектах удмуртского языка ... *ака*, ... варианты *аки*, *ако*, выступает со значениями «старшая сестра», «тетя» (Munkácsi 1990: 2). Не исключено, что в топонимии оно функционирует в переносном значении «старшая река» или «большой приток»... (Абсолютно непонятно, почему А.Н. Куклин замалчивает общеизвестные: чув. *ака*, мар. *ака* (лугов.), *ака* (горн.) «старшая сестра; младшая тетя по матери»; удм., мокша-морд. *ака* «старшая сестра», особенно – этимологически тождественные: чув. *-акай*: *аслă*~ «старшая», *вăталăх*~ «средняя», *кёсён*~ «младшая» [2. Вып. I. С. 84–85], отразившееся в мар. *акай* (лугов.), *акай* (горн.) «обращение брата и сестры к своей старшей сестре или к младшей тетке по матери» [6. С. 23; 23. С. 38а, b; 19. Т. I, С. 31]. – Г.К.)

Далее А.Н. Куклин продолжает: «В основе гидронима *Покшел* лежит, видимо, удм. *покчи* «младший(-ая)» ... ср. глаз. *році* «маленькая» (в сравнении с большим) (Munkácsi 1990: 569). Исходя из этого, можно сказать, что в топонимии ... *покчи* выступает в переносном значении «младший приток», «младшая речка» или «малый приток», т.е. малая река (небольшая) по сравнению с рекой *Акай*...» (Опять остается непонятным, почему А.Н. Куклин потамоном *Покшел* возводит к удм. *покчи*, *році* при наличии этимологически тождественной производной марийской основы *покшел* (лугов.), *покшал* (горн.) «середина; средний, средняя, среднее» на базе **поки-*, ср. *покшал варня* (горн.), *покшел варня* (лугов.) «средний палец», *покшек(е)* «в/на середину», *покшелан* «по середине, посреди», *покшец* (горн.), *покшеч(ын)* (лугов.) «из середины», ср. оз. *Покша* и р. *Покша* в Среднем и Нижнем левобережном Поочье [17. С. 128, 224]. – Г.К.), но эрз. *поки* «большой», *покша* «пакля».

Игнорируя известные в Кордильерах названия горы *Акай* и водопада *Акай*:-: ~*ванг*, можно было бы указать на семантические параллели, а именно, на русские названия рек *Сестра*, в первую очередь, р. *Сестра* в Ленинградской обл., впадающая ныне в оз. *Разлив* и далее в Финский залив (до 1940 г. по ней проходила граница между СССР и Финляндией; в БСЭ [3. Т. 23. С. 317в] ошибочно указано в качестве финского варианта *Рая йоки*, название самостоятельной реки с собственным притоком *Иля-йоки* в бассейне р. *Шуя* / *Суойоки*, впадающей сначала в *Логмозеро*, а затем в оз. *Онежское*); другая значительная река по имени *Сестра* – лев. приток р. *Дубна*, впадающей в *Волгу* на территории Московской обл.

В словаре В.А. Никонова перечислены 6 названий рек *Сестра*: «1) приток *Дубны* в бассейне верхней *Волги*; 2) приток *Ламы* в том же бассейне; 3) р. в бассейне *Десны*; 4) приток *Волхова*; 5) р. на Карельском перешейке, впадает в Финский залив; 6) приток *Б. Иргица* в нижнем Заволжье...» [12. С. 379], что совпадает с данными М. Фасмера: «*Сестра* – распространенное речное название: в бассейне *Десны*, ... Черниг. губ.; приток *Волги*, в ... Тверск. губ.; приток *Ламы*, в ... Волоколамск. у.; приток *Волхова*, в ... Новоладожск. у. и Петер. губ.; река к сев.-зап. от Ленинграда, впадающая в Фин. залив; приток *Б. Иргица*, в ... Самарск. губ. Этимологически тождественно слову *сестра́*, первонач. «сестра по отношению к главной реке». Ср. также названия рек *Брат*, *Сестреница* и др.» [18. Т. III. С. 612–613].

О.Н. Трубачев в дополнении к соответствующей статье словаря М. Фасмера заметил, что «Якобсон ... поддерживает точку зрения Кипарского о происхождении (назв. *Сестра*. – Г.К.) из фин. *Siestarjoki*: *siestar* «смородина»; ср. ударение гидронима *Сестра* – приток реки *Москвы*, а также русск. названия вроде *Смородина*...» [18. Т. III. С. 613].

В подтверждение последнего мнения можно указать на наличие реальной речки *Смородина* в Воскресенском р-не Нижегородской обл. (бассейн *Ветлуги*, лев. притока *Волги*), но есть косвенные свидетельства и в пользу мнения М. Фасмера, например, наличие двух рек по имени *Брат*: 1) главный приток реки *Сестры* на Карельском перешейке (Выборгское направление, см. выше) и 2) река *Брат* в Иультинск. р-не Чукотск. авт. округа (конечно, результат русского освоения территории).

Упомянутая М. Фасмером р. *Сестреница*, скорее всего, это известная в Читин. р-не Забайкальск. края, где географические карты регистрируют два левых притока у р. *Ингода*, впадающей в р. *Шилка* (бассейн *Амура*): *Большая Сестреница* и *Малая Сестреница* (сомнительно считать переносом карельского или верхневолжского потамонима *Сестра*).

Возможность смещения кальки финского потамонима *Siestarjoki* (откуда названия прихода *Сиестарйоки*, завода *Сестрорецк* и общины для немцев в 1721 г. *Сутербэк*) с собственно русскими именованиями рек – *Сестра*, кажется, косвенно подтверждает название *Сестра* притока р. *Большой Иргиз* в Самарск. и Саратов. обл., где трудно предположить финское влияние. И хотя основа *sies-tar-* (фин. диалектн.), *sester*, *sõstar* (эстон.), *seestara* (ижор.) и т.д. признается «прибалтийско-финской или прибалтийско-финско-мордовской» [21. L. 495b], возводить название притока *Б. Иргиза* к эрзя *шукшторов*, *чукшторов* (диалектн.), или мокша *шукштору* «смородина» фонетически затруднительно.

Таким образом, при всей заманчивости возведения потамонима *Акай* к термину родства *ака(й)* наше семантическое обоснование его путем сравнения с русскими названиями рек *Сестра*, *Сестреница* остается сомнительным, поскольку последние сами могут быть народноэтимологическими осмыслениями первоначальных прибалтийско-финских названий (с последующим переносом на новые территории).

И.С. Галкин назван одним из двух рецензентов книги А.Н. Куклина, пассаж из которой нами выше рассмотрен и прокомментирован, т.е. ему были хорошо известны взгляды автора. Тем не менее, в фундаментальном труде О.П. Воронцовой и И.С. Галкина «Топонимика Республики Марий Эл (историко-этимологический анализ)» [4. С. 26–27] эти взгляды остались даже не упомянутыми. Здесь потамоним *Акай* объявлен «отантропонимным гидронимом: **Акай** – собственное имя, ср. *Акай* (Черных, 1995: 47) ... восходит к тат. **акай**. По Ф.И. Гордееву, **Ака** – гидроним + *-ай* – уменьшительно-ласкательный суффикс ... Однако ... есть только вокативный суффикс *-ай* (возражение неосновательно, поскольку вокативный *-ай / -ей* может нести уменьшительно-ласкательное значение. – Г.К.). Если **Ака** – гидроним, то *-й* – гидроформант, ср. р. **Буй** и др. (из «др.» лучше всего подходит для данного случая потамоним *Кугай* в Воскресенск. р-не Нижегород. обл., бсн *Ветлуги*. – Г.К.). В таком случае, **Акай** – гидроним финно-угорского происхождения, который можно сравнивать с гидронимом *Ока*».

В пользу мнения И.С. Галкина и О.П. Воронцовой свидетельствуют рассмотренные нами ранее: комоним *Акаев юрт*, антропоним *Акай Кусюмов*, лимоним *Акай-куль* (на территории Башкортостана), комонимы *Большая Акаевка*, *Малая Акаевка* (на территории Мордовии), см. предыдущую публикацию 0.0.2.6.5. **АКАЕВ ЮРТ** [9. С. 165].

Из числа менее вероятных объяснений потамонима *Акай* можно указать на допустимость его членения *Ак-ай*, при котором 1-я часть *ак* оказывается этимологически тождественной башк.-тат. *ақ* «белый, белая, белое» (ср. тат. *Ақ Идел*, башк. *Ақ Изел*, рус. *Белая* – лев. приток *Камы* в Башкортостане), а 2-я часть *-ай* может рассматриваться как этноним *ай*, обнаруживаемый, согласно Э.Ф. Ишбердину, в названии р. *Ай* (лев. приток р. *Уфы*, на ней г. *Златоуст*) [7. С. 255–258], или *ай / уй* «долина, низменность» (вычленялось ав-

торами «Словаря топонимов Башкирской АССР» в составе потамонима *Саргай / Харгай* – назв. прав. притока р. *Раузяк* в Ишимбаев. р-не, где *Сарг- / Харг-* ср. с древнебашк. *һарығ / Сарығ* «желтая» [16. С. 165а]), или **ай* – производящая основа тюркских параллелей *айыр* «приток», букв. «ответвление».

(Продолжение следует)

Литература

1. *Абрамзон С.М.* Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи. Л.: Наука, 1971.
2. *Ашмарин Н.И.* Словарь чувашского языка. Чăваш сăмахёсен кенеки. Казань; Чебоксары: Чувашгосиздат, 1928–1950. Вып. I–XVIII.
3. Большая советская энциклопедия. 3-е изд. М.: Сов. энцикл., 1976. Т. 23.
4. *Воронцова О.П., Галкин И.С.* Топонимика Республики Марий Эл: Историко-этимологический анализ. Йошкар-Ола: Изд-во Мар. полиграфкомбината, 2002. 424 с.
5. *Гарипова Ф.Г.* Татарская гидронимия: вопросы этногенеза татарского народа по данным гидронимии. Казань: ИЯЛИ АН РТ, 1998. 571 с.
6. *Егоров В.Г.* Этимологический словарь чувашского языка. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1964. 355 с.
7. *Ишбердин Э.Ф.* Этнонимы в топонимии Башкирии // Ономастика Поволжья. Уфа, 1973. Вып. 3.
8. *Корнилов Г.Е.* Топонимия республик Поволжья (Башкортостан, Коми, Марий Эл, Мордовия, Татарстан, Удмуртия, Чувашия) – XI: А-анлаутные географические названия // Вестник Чувашского университета. 2006. № 4. С. 438–448.
9. *Корнилов Г.Е.* Этнотопонимия республик Поволжья (Башкортостан, Коми, Марий Эл, Мордовия, Татарстан, Удмуртия, Чувашия) – XXXVI: А-анлаутные географические названия // Вестник Чувашского университета. 2015. № 2. С. 165–173.
10. *Куклин А.Н.* Топонимия Волго-Камского региона (историко-этимологический анализ). Йошкар-Ола: МГПИ им. Н.К. Крупской, 1998. 204 с.
11. *Магницкий В.К.* Чувашская языческая имена. Казань: Тип. Императорского ун-та, 1905. 101 с.
12. *Никонов В.А.* Краткий топонимический словарь. М.: Мысль, 1966. 509 с.
13. Осетинско-русский словарь. 3-е изд., доп. Орджоникидзе: Ир, 1970.
14. Русско-осетинский словарь / сост. В.И. Абаев. 2-е изд., испр. и доп. М.: Сов. энцикл., 1970.
15. *Севортян Э.В.* Этимологический словарь тюркских языков (Общетюркские и межтюркские основы на гласные). М.: Наука, 1974. 767 с.
16. Словарь топонимов Башкирской АССР. Уфа: Башк. кн. изд-во, 1980. 199 с.
17. *Столицкая Г.П.* Гидронимия бассейна Оки (Список рек и озер). М.: Наука, 1976. 404 с.
18. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка: в 4 т. / пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева. 2-е изд., стер. М.: Прогресс, 1987. Т. III (Муза-Сят). 832 с.
19. *Федотов М.Р.* Этимологический словарь чувашского языка: в 2 т. / ЧГИГН. Чебоксары, 1996. Т. I–II.
20. *Янтемур М.Н.* Описание Маробласти. Козьмодемьянский кантон (С приложением списка населенных пунктов кантона). Краснококшайск, 1927. Вып. 4. 86 с.
21. *Eesti etimologia sõnaraamat. Peatoimetaja Iris Metsmägi.* Tallinn: Eesti Keele Sihtasutus, 2012. 792 l.
22. *Munkácsi B.* A votjak nyelv szótára. Lexicon linguae Votiacorum (Wörterbuch des Votjakischen) (1890-, bzw. 1896) (Reprint). Pécs, 1990. 837 old.
23. *Räsänen M.* Versuch eines etymologischen Wörterbuchs der Türk Sprachen. Helsinki: Suomalais-ugrilainen seura, 1969 [Lexica societatis Fenno-Ugricae XVII. 1.]. 533 S.

КОРНИЛОВ ГЕННАДИЙ ЕМЕЛЬЯНОВИЧ – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка и литературы, Чувашский государственный университет, Чебоксары, Россия (gennkorn@rambler.ru).

G. KORNILOV

ETHNIC TOPONYMS OF VOLGA REGION REPUBLICS (BASHKIR, KOMI, MARI, MORDVA, TATAR, UDMURT, CHUVASH REPUBLICS) – XXXVII: A-NAMES OF PLACES

Key words: comparative linguistics, etymology, contactology, onomatology, toponymy.

The article continues the inventory and interpretation of A-toponyms and appellatives in the languages of the Volga region. This article, in particular, specifies the etymology of a Mari El agroonym 'Akazyk luk pasu' (Аказык лук пасу) previously suggested by O.P. Vorontsova and I.S. Galkin. The author also speaks of possible interpretation of the potamonym 'Akai'

(Акай) as an anthroponym or a potomonym assending to the Turkic attributive syntagm 'Ak ai' (Ақ ай) which means «White Tributary», and casts doubts on the possibility of interpreting 'Akai' as assending to a kinship term meaning «Sister».

References

1. Abramzon S.M. *Kirgizy i ikh etnogeneticheskie i istoriko-kul'turnye svyazi* [The Kyrgyz and their ethno-genetic and historical and cultural links]. Leningrad, Nauka Publ., 1971.
2. Ashmarin N.I. *Slovar' chuvashskogo yazyka* [Chuvash Language Dictionary]. Kazan, Cheboksary, Chuvashgosizdat Publ., 1928–1950, vol. I–XVIII.
3. *Bol'shaya sovetskaya entsiklopediya* [Great Soviet Encyclopedia]. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya Publ., 1976, vol. 23.
4. Vorontsova O.P., Galkin I.S. *Toponimika Respubliki Mariy El: Istoriko-etimologicheskii analiz* [Toponymy of Mari El Republic: Historical and Etymological Analysis]. Yoshkar-Ola, Mari Polygraph Publ., 2002, 424 p.
5. Garipova F.G. *Tatarskaya gidronimiya: voprosy etnogeneza tatarskogo naroda po dannym gidronimii* [Tatar Hydronymy: Issues of Ethnogenesis of Tatar People Based on the Hydronymy Data]. Kazan, 1998, 571 p.
6. Egorov V.G. *Etimologicheskii slovar' chuvashskogo yazyka* [Etymological Dictionary of Chuvash Language]. Cheboksary, Chuvash Publishing House, 1964, 355 p.
7. Ishberdin E.F. *Etnonimy v toponimii Bashkirii* [Ethnonyms in Toponymy of Bashkiria]. *Onomastika Povolzh'ya* [Onomastics of the Volga region]. Ufa, 1973, vol. 3.
8. Kornilov G.E. *Toponimiya respublik Povolzh'ya (Bashkortostan, Komi, Mariy El, Mordoviya, Tatarstan, Udmurtiya, Chuvashiya) – XI: A-anlautnye geograficheskie nazvaniya* [Toponymy of the Volga Region Republics (Bashkortostan, Komi, Mari El, Mordovia, Tatarstan, Udmurtia, Chuvashia) – VI: A-Toponyms]. *Vestnik Chuvashskogo universiteta*, 2004, no. 4, pp. 438–448.
9. Kornilov G.E. *Etnotoponimiya respublik Povolzh'ya (Bashkortostan, Komi, Mariy El, Mordoviya, Tatarstan, Udmurtiya, Chuvashiya) – XXXVI: A-anlautnye geograficheskie nazvaniya* [Ethnic Toponyms of Volga Region Republics (Bashkir, Komi, Mari, Mordva, Tatar, Udmurt, Chuvash republics) – XXXVI: A-Toponyms]. *Vestnik Chuvashskogo universiteta*, 2015, no. 2, pp. 165–173.
10. Kuklin A.N. *Toponimiya Volgo-Kamskogo regiona (istoriko-etimologicheskii analiz)* [Toponymy of the Volga-Kama Region (Historical and Etymological analysis)]. Yoshkar-Ola, 1998, 204 p.
11. Magnitskiy V.K. *Chuvashskiya yazycheskiya imena* [Chuvash Pagan Names]. Kazan, 1905, 101 p.
12. Nikonov V.A. *Kratkiy toponimicheskii slovar'* [Short Toponymical Dictionary]. Moscow, Mysl' Publ., 1966, 509 p.
13. *Osetinsko-russkiy slovar'* [Ossetian-Russian dictionary]. Ordzhonikidze, Ir Publ., 1970.
14. Abaev V.I. *Russko-osetinskiy slovar'* [Russian-Ossetian Dictionary]. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya Publ., 1970.
15. Sevortyan E.V. *Etimologicheskii slovar' tyurkskikh yazykov (Obshchetyurkskie i mezhtyurkskie osnovy na glasnye)* [Etymological Dictionary of Turkic languages (Common Turkic and Inter-Turkic Vowel-Stems)]. Moscow, Nauka Publ., 1974, 767 p.
16. *Slovar' toponimov Bashkirskoy ASSR* [Toponymical Dictionary of Bashkir ASSR]. Ufa, Bashkir Publishing House, 1980, 199 p.
17. Smolitskaya G.P. *Gidronimiya basseyna Oki (Spisok rek i ozer)* [Hydronymy of the Oka Basin (List of Rivers and Lakes)]. Moscow, Nauka Publ., 1976, 404 p.
18. Fasmer M. *Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka: v 4 t.* [Etymological Dictionary of Russian Language. 4 vols.]. Moscow, Progress Publ., 1987, vol. III (Muza-Syat), 832 p.
19. Fedotov M.R. *Etimologicheskii slovar' chuvashskogo yazyka: v 2 t.* [Etymological Dictionary of Chuvash Language. 2 vols.]. Cheboksary, 1996, vol. I–II.
20. Yantemir M.N. *Opisanie Maroblasti. Koz'modem'yanskiy kanton (S prilozhe-niem spiska nase-lennykh punktov kantona)* [Description of Mari Region. Kozmodemyansk Canton (With a list of the canton localities)]. Krasnokokshaysk, 1927, vol. 4, 86 p.
21. *Eesti etimologia sõnaraamat*. Peatoimetaja Iris Metsmägi. Tallinn, Eesti Keele Sihtasutus, 2012, 792 l.
22. *Munkácsi B. A votjak nyelv szótára*. Lexicon linguae Votiacorum (Wörterbuch des Votjakschen) (1890-, bzw. 1896) (Reprint). Pécs, 1990. 837 old.
23. Räsänen M. Versuch eines etymologischen Wörterbuchs der Türkischen Sprachen. Helsinki: Suomalais-ugrilainen seura. 1969 [Lexica societatis Fenno-Ugricae XVII. 1.]. 533 S.

KORNILOV GENNADIY – Doctor of Philological Sciences, Professor, Head of Russian Language and Literature Department, Chuvash State University, Cheboksary, Russia.

Ссылка на статью: Корнилов Г.Е. Этнотопонимия республик Поволжья (Башкортостан, Коми, Марий Эл, Мордовия, Татарстан, Удмуртия, Чувашия) – XXXVII: А-анлаутные географические названия // Вестник Чувашского университета. – 2015. – № 4. – С. 247–251.

УДК 811.512.111'367.332.7

ББК Ш12=635.1*221

Т.В. МЕШКОВА, Г.Ф. ГУБАНОВА, А.Р. ГУБАНОВ

**ИНТЕНСИВНОСТЬ КАК ПРИЗНАК ПРЕДИКАТОВ
ИНТЕНСИОНАЛЬНОГО СОСТОЯНИЯ ЖЕЛАНИЯ**

Ключевые слова: универсальная языковая категория, категория интенсивности, интенциональное состояние желания, семантическая структура, инфинитив, чувашский язык, предикат.

Исследована специфика категории интенсивности в семантической структуре предикатов интенционального состояния в разноструктурных языках. Рассмотрены градуальные характеристики ситуации состояния желания в русском и чувашском языках, так как категориальная ситуация желательности может быть представлена градуированно с позиций интенсивности. Выявлены и описаны структурные модели предикатов интенционального состояния.

Смысловое содержание категории интенсивности, как универсальной языковой категории, соотносится с понятийными категориями качества, количества, меры и степени. Актуальность изучения категории интенсивности связана с тем, что она имеет формальное выражение во многих языках мира, а также тесно взаимосвязана с такими компонентами, как эмоциональность и оценочность, как категория, антропоцентричная по своей природе. Вопросам лингвистической интенсификации посвящены работы отечественных и зарубежных языковедов [1–6], в которых категория интенсивности относится к категориям, выражающим моменты универсального мыслительного содержания, определяемого реалиями внеязыковой действительности и их отражением в сознании людей. И в силу особенностей смыслового содержания она является сквозной категорией: «берет свое начало в области восприятия мира ..., проходит через сферу общения, отлагается в лексической, словообразовательной и синтаксической семантике и завершается в словесном творчестве» [1. С. 304].

Анализ рассматриваемой нами категории в русле теории функциональной грамматики предполагает доминирующую роль анализа языкового материала в направлении от смысла к его выражению, от функций к средствам их реализации. Это связано со стремлением в грамматическом описании отразить позицию говорящего, важнейшую сторону его мыслительно-речевой деятельности – движение от смысла, который он хочет выразить, к реализации этого намерения в конкретном высказывании [2. С. 6; 3].

Желание, как известно, является одним из важнейших интенциональных состояний личности, предвещающих ее поведение и деятельность, и лежит в основе любого акта общения [4]. Тем самым категориальная ситуация желательности может быть представлена градуированно с позиций интенсивности. В зависимости от аспектов изучения способов выражения значения желательности анализ интенсеммы можно проводить на уровне структурной схемы, на уровне модели и на уровне лексического наполнения, т.е. содержания конкретного высказывания. В русском языке наиболее употребительные в речи единицы, обозначающие желания – это лексеммы «хотеть» – «желать», которые являются более «архетипными», нейтральными, т.е. адекватно передающими «желание» как внутреннее интенциональное состояние говорящего, поскольку определяющим здесь является именно способность к употреблению в качестве семантического множителя. Ср.: Я с охотой исполнил его *желание* (Пушкин). В испуге выбежала она в сени; но, опомнившись немного, *хотела* было помочь ему; напрасно! дверь захлопнулась за нею так крепко, что не под силу было отпереть (Гоголь). В чувашском языке данным предикатам соответствует форма на *-шӑн/-шӗн*.

Высокую шкалу градации в русском языке создают глагольные компоненты *не терпится*, *жаждет* и др.: Лука Савич, мол, охотник большой, *не терпится* ему... (Гончаров); Я *жаждал* доказать, что был достоин ее доверенности, и с нетерпением стал ожидать решительной минуты (Пушкин). В чувашском эквиваленте присутствует форма на *-масӑр/-месӑр*, интенсивный признак маркируется в первом примере глаголом, указывающим на невозможность совершения действия: а во втором – аналитической формой, содержащей инфинитив на *-ма/-ме*, и глаголом в той форме, что и форма предыдущего глагола, в третьем – основным средством выражения интенсивного признака является форма на *-масӑр/-месӑр*, когда в предыдущих примерах этот компонент является немаркированным данным значением: Я видел, что Ярмоле *не терпится* скорее пойти в лес, но он скрывает это страстное желание охотника под напускным равнодушием (Куприн). – Ярмола́н *тӱсеймесӑр* вӑрманӑ каяс килет, анчах вӑл ҫак сунарҫӑ туйӑмне палӑртмасть; Всем *не терпелось* узнать, здоров ли государь, выдали ли оружие (Юхма). – Пурин те *чӑтаймасӑр пӗлес килнӗ*, сывӑ-и патша.

В чувашском языке основными структурными схемами предикатов оптативных предложений, осложненных интенсивным признаком, являются следующие аналитические формы: а) причастие на *-шӑн (-шӗн)* + вербальные компоненты *тапалан*, *чакалан*, *тӑрмаш*, *сун*, *хыпалан*, *пӑшӑрхан*. Как я *желал* тогда с волнами коснуться милых ног устами (Пушкин). – Епле ҫав урана ҫав туххӑм хумпа эп чуптӑвасшӑн *сунтӑм!*; Тогда же Ильинична решила поговорить с Аксиньей и твердо заявить ей, чтобы она оставила Мишатку в покое и не снискивала его расположения ни подарками, ни рассказыванием сказок. «Свела со света Наталью, а зараз *норовит*, проклятая, к детям *подобраться*, чтобы через них потом Гришку *опутать*» (Шолохов). – Вара Ильинична Аксиньяпа ҫирӗппӗнех калаҫса пӑхма шутларӗ. «Наталья ӑна пулах ҫут тӗнчерен уйрӑлчӗ, халӗ вара, пӑтсӑр, ачасем ҫумне *сыпӑҫасшӑн*, вӗсен урлӑ Гришӑна *ҫавӑрса илесшӗн*». Существенное различие между двумя эквивалентными формами заключается в том, что в эквиваленте, выраженном синтетической формой на *-шӑн (-шӗн)*, значительно ниже интенсивный признак, чем в аналитической; б) инфинитив на *-ма/-ме* + вербальный компонент *васка*, *тӑрӑш* и др.: Кто желает идти с нами – отходи влево! (Шолохов) – Кам пирӗнпе *кайма шутлат* – сулахаялла пӑрӑнӑр!; Татьяна вслушаться желает в беседы, в общий разговор (Пушкин). – Итлет Татьяна, *ӑнланмашкӑн* ҫын сӑмахне вӑл *тӑрӑшат*.

Необходимо заметить, что рассматриваемый признак в некоторых ситуациях присутствует и в оптативных конструкциях, где номинализированный предикат выражен следующими формулами: 1) вербальным компонентом *болел*, *страдал*, *горел*, *жгло* и др. + N, который входит в состав установок, где субъектом является одушевленное лицо (а), или же в роли подлежащего выступает пропозитивное имя психического (интенционального) состояния (б): а) Он *горел желанием* услышать что-нибудь о графине и собирался ехать в адмиралтейство, надеясь там застать Корсакова, но дверь отворилась и явился сам Корсаков (Пушкин); Собственно людей и принуждать было нечего – каждый сам *горел желанием* быстрее завершить весенние работы (Агаков); Он *горит желанием* познакомиться с вами (Артемьев); б) Девушке стало до боли жалко старика, ее охватило *желание помочь* ему (Горький); На какой-то миг Павла охватило *желание идти* вместе с ними и, как когда-то в юности, валить лес, вдыхая запах хвои и смолы (Емельянов); 2) адъективным компонентом + N: Он коротко всхлипнул, вспомняв своего сынишку и жену, и от этого воспоминания родилось *нетерпеливое желание* уйти от них (Шолохов). – Вӑл хӑйӗн пӗчӗк ывӑлӗпе арамне аса илсе кӗскен нӗшӗклесе ячӗ, вара чӑтӑмсӑр тарӑн шухӑш ҫуралчӗ; Ночью, сидя на дворе на поленнице дров, я почувствовал *настойчи-*

вое *желание* рассказать кому-нибудь о бабушке, о том, какая она была сердечная, умная, мать всем людям (Горький). – Каҫхине кил хушшинче вутӑ купи ҫинче ларнӑ чух эпӗ хамӑн асанне ҫинчен, вӑл епле ыра чӗреллӗ, пур ҫынсемшӗн та амӑшӗ пек пулни ҫинчен каласа парас килнине туйрӑм; Сережка почувствовал *неодолимое желание* снова очутиться в садике (Фадеев). – Сережка чӗринче каллех пӗчӗк сада ҫав тери кайса курас кӑмӑл ҫуралчӗ. В чувашском языке в этом отношении аналогичная ситуация.

В сопоставляемых языках очень высокая степень интенсивности маркируется компонентами-интенсификаторами, выражающими ту или иную высокую степень интенсивности. По своему значению и структуре они разнообразны и могут быть представлены следующими группами: 1) адвербиальные: ассоциативные (а) и неассоциативные (б) – первые интенсификаторы отличаются от вторых тем, что они помогают выражать интенсивный признак при определенных условиях: а) *мучительно, нестерпимо, болезненно, ужасно, страшно, смертельно, остро, до разреза, досыта, непреодолимо* и некоторые другие, например: Мне вдруг *нестерпимо* захотелось нарушить это томительное молчание каким-нибудь подобием человеческого голоса (Куприн). – Манӑн ҫак йӑлӑхтарса ҫитернӗ чӗмсӗрлӗхе сасартӑк мӗнле те пулин этем сасси евӗрскерпе чӑтмалла мар татас килсе кайрӗ; Ей *смертельно* хотелось узнать про это (Тургенев). – Унӑн вилесле ҫакӑн ҫинчен пӗлес килнӗ; Мне *непреодолимо* хотелось с ним поспорить (Шолохов). – Манӑн тӗсейми ҫав ҫынпа вӑрҫӑнас килчӗ; Ему *ужасно* хотелось пить (Тургенев). – Унӑн хӑрушла ёҫес килнӗ. Чувашские эквиваленты по своей структуре различны, в двух примерах эквиваленты выражены двухкомпонентной структурой, в составе которых присутствуют постпозитивные отрицательные частицы, в первом примере – *ҫук*, а во втором – *мар*, кроме того, первыми компонентами, соответственно, являются инфинитивы на *-ма/-ме* и *-малла/-мелле*; б) *так, как, сильно, поскорее*: А отцу Алексею *очень* хотелось с тобой познакомиться (Тургенев) – Алексейӗн *пит* санпа паллашасси килнӗ; *Так* хочется поговорить, а не с кем (Чехов) – *ҫав тери* калаҫас килет, анчах никампа калаҫма *ҫук*; 2) субстантивные словоформы и словосочетания *до боли, от души, изо всех сил, со всей силой*: Хочется спать *до боли души* (Сеспель). – *Чун ыратиччен* ҫывӑрас килет; *От души* хочется сказать вам, что вы глубоко ошибаетесь, разбирая себя (Сеспель). – *Чун-чӗререн* сире ҫавӑн ҫинчен калас килет. В чувашском языке, как видно из примеров, эквивалентами выступают аналогичные интенсификаторы.

В сопоставляемых языках, таким образом, выражение желания тесно связано с его градуальными характеристиками. Структурные модели предикатов интенционального состояния не являются однородными, и поэтому выявление и описание механизмов их взаимодействия в перспективе позволяют исследовать структурно-семантические, функциональные и прагматические особенности единиц категории оптативности на более глубоком уровне.

Литература

1. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. М.: Наука, 1988. 388 с.
2. Бондарко А.В. Основы функциональной грамматики. СПб: Изд-во СПбГУ, 2001. 260 с.
3. Ермакова Г.А., Губанов А.Р. Особенности функционирования союза *ибо* в стихотворении Г.Н. Айги «День – мир» // Вестник Чувашского университета 2011. № 1. С. 218–221.
4. Литвинова М.М. Способы выражения интенсивности признака: На материале ранних сатирических произведений Михаила Булгакова: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2002. 23 с.
5. Макеева Е.Ю. Место концепта *желание* в языковой картине мира и средства его репрезентации в английском языке // Актуальные проблемы лингвистического образования: теоретические и методологические аспекты: межвуз. сб. Самара: Самар. гуманитар. акад., 2005. С. 179–182.

6. Орозова А.К. Система средств выражения оптативности в произведениях Л.Н. Толстого: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тамбов, 2010. 23 с.

7. Dictionary of Russian and English Lexical Intensifiers. Moscow: Russky Yazyk Publ., 2002. 204 p. (D. of R.E.L.Y.).

МЕШКОВА ТАТЬЯНА НИКОЛАЕВНА – соискатель ученой степени кандидата филологических наук кафедры русского языка как иностранного, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (alexgubm@gmail.com).

ГУБАНОВА ГАЛИНА ФЕДОРОВНА – кандидат филологических наук, доцент кафедры управления и экономики здравоохранения, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (rggalina@gmail.com).

ГУБАНОВ АЛЕКСЕЙ РАФАИЛОВИЧ – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка как иностранного, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (alexgubm@gmail.com).

T. MESHKOVA, G. GUBANOVA, A. GUBANOV

INTENSITY AS DESIRE INTENSIONALITY PREDICATE MARKER

Key words: *universal language category, category of intensity, intensionality of desire, semantic structure, infinitive, Chuvash language, predicate.*

We studied the specifics of the category of intensity in the semantic structure of intentional predicates of state in structurally different languages and gradual characteristics of the state of desire in the Russian and Chuvash languages, as a categorial situation of desirability can be represented from the viewpoint of graded intensity. We have also identified and described the structural models of intensional predicates of state.

References

1. Arutyunova N.D. *Tipy yazykovykh znachenii: Otsenka. Sobytie. Fakt* [Types of Linguistic Meanings: Assessment. Event. Fact]. Moscow, Nauka Publ., 1988, 388 p.

2. Bondarko A.V. *Osnovy funktsional'noi grammatiki* [Fundamentals of Functional Grammar]. St. Petersburg, 2001, 260 p.

3. Ermakova G.A., Gubanov A.R. *Osobennosti funktsionirovaniya soyuza ibo v stikhotvorenii G.N. Aigi «Den' – mir»* [Functioning Peculiarities of the Conjunction 'ibo' (or) in G.N. Aygi's poem «Day – World»]. *Vestnik Chuvashskogo universiteta*, 2011, no. 1, pp. 218–221.

4. Litvinova M.M. *Sposoby vyrazheniya intensivnosti priznaka: Na materiale rannikh satiricheskikh proizvedenii Mikhaila Bulgakova: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Ways of Expressing an Attribute's Intensity: Based on Early Satirical Works of Mikhail Bulgakov. Abstract of PhD thesis]. Moscow, 2002, 23 p.

5. Makeeva E.Yu. *Mesto kontsepta zhelanie v yazykovoii kartine mira i sredstva ego reprezentatsii v angliiskom yazyke* [The Place of 'Desire' Concept in Linguistic Picture of the World and English Means of its Representation]. *Aktual'nye problemy lingvisticheskogo obrazovaniya: teoreticheskie i metodologicheskie aspekty: mezhvuz. sb.* [Actual problems of language education: theoretical and methodological aspects: Collected papers]. Samara, 2005, pp. 179–182.

6. Orozoza A.K. *Sistema sredstv vyrazheniya optativnosti v proizvedeniyakh L.N. Tolstogo: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [System of Means of Expressing Optativeness in Works by L. Tolstoy. Abstract of PhD thesis]. Tambov, 2010, 23 p.

7. *Dictionary of Russian and English Lexical Intensifiers*. Moscow, Russky Yazyk Publ., 2002, 204 p. (D. of R.E.L.Y.).

MESHKOVA TATIANA – Aspirant Candidate of Philological Sciences, Chuvash State University, Cheboksary, Russia.

GUBANOVA GALINA – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Chuvash State University, Cheboksary, Russia.

GUBANOV ALEKSEY – Doctor of Philological Sciences, Professor, Russian as a Foreign Language Department, Chuvash State University, Cheboksary, Russia.

Ссылка на статью: Мешкова Т.В., Губанова Г.Ф., Губанов А.Р. Интенсивность как признак предикатов интенционального состояния желания // Вестник Чувашского университета. – 2015. – № 4. – С. 252–255.

УДК 811.111'42

ББК Ш12=432.1*000.2

З.И. МИТРОФАНОВА

**О ВЗАИМОДЕЙСТВИИ ПРЕСУППОЗИЦИОННО-АССЕРТИВНЫХ
И ТЕМА-РЕМАТИЧЕСКИХ КОМПОНЕНТОВ
В СОЗДАНИИ СМЫСЛОВОЙ СТРУКТУРЫ ВЫСКАЗЫВАНИЯ
(на материале английского языка)**

Ключевые слова: смысловая структура высказывания, прагматические и семантические пресуппозиции, речевые акты, ассерция, пропозиция, тематический и рематический компоненты, импликатура.

Целью статьи является изучение взаимодействия пресуппозиционно-ассертивных и тема-рематических компонентов в высказывании, представленном сложноподчиненным предложением с придаточным дополнительным, и его роли в создании смысловой структуры высказывания. Исследование проводилось в русле функционально-коммуникативной лингвистики с использованием описательно-аналитического лингвистического метода. Сложное предложение, функционирующее в речи (здесь, сложноподчиненное предложение с придаточным дополнительным), обнаруживает сложную смысловую структуру, реализующуюся в различных высказываниях с разной коммуникативно-информационной структурой в составе различных речевых актов (в данном случае, ассерции). Как показывают результаты исследования, членение высказывания на пресуппозиционно-ассертивные и тема-рематические компоненты, связанное с различным выражением истинности пропозиции придаточного предложения, их взаимодействие между собой и с контекстом существенным образом определяют смысловую структуру сложного предложения-высказывания и способны привести к созданию полифонии смыслов в тексте.

В статье рассматривается вопрос о взаимодействии пресуппозиционно-ассертивных и тема-рематических компонентов, который имеет существенное значение для понимания сущности коммуникативно-смысловой организации высказывания, представленного сложноподчиненным предложением с придаточным дополнительным.

Заявленная тема представляется весьма актуальной ввиду того, что не получила достаточно полного отражения как в отечественных, так и в зарубежных лингвистических исследованиях.

В лингвистической литературе различают такие основные типы пресуппозиций, как семантические (экзистенциальные, логические), прагматические, общие – частные [2. С. 337–369], фактивные [4. С. 91–122]. Из них с тематической функцией в большей степени связана прагматическая пресуппозиция, соотносимая К. Аймером с речевыми актами и элементами речевого акта, а также с элементами экстралингвистической ситуации [8. С. 131].

Прагматическая пресуппозиция и соотносимый с ней тематический компонент могут представлять в высказывании «данное» в узком его понимании как предмета сообщения, его исходного пункта, общих фоновых знаний коммуникантов, как нечто известное, относительно которого сообщается нечто «новое», а также могут представлять «данное», рассматриваемое У. Чейфом как «неотмеченная» информация, т.е. знание, которое по предположению говорящего находится в сознании слушающего в момент произнесения высказывания и определяемое благодаря лингвистическому и экстралингвистическому контексту. Новая, «отмеченная» информация – это знание, которое по предположению говорящего он вносит своим высказыванием в сознание слушающего [7. С. 306–317].

Прагматическая пресуппозиция и тематический компонент, представляющие общие фоновые знания коммуникантов, в ряде случаев могут быть опущены [3. С. 223]. Подобный перифраз сходен с переводом внешней речи во внутреннюю с сохранением психологического сказуемого и относящихся к нему слов и используется для определения рематического компонента высказывания.

Что касается семантических пресуппозиций (экзистенциальных и логических), содержание которых входит в грамматическую структуру типа предложения или же представляет собой функцию грамматической структуры предложения, является лингвистической формой в отличие от прагматической, представленной невербально, то они определяются в терминах истинности и логического следствия [12. С. 91–125] Предложение *P* является пресуппозицией предложения *S* в том и только в том случае, если оно следует как из предложения *S*, так и из отрицания *S*, что выражается в формулах: $S \supset P$; $\neg S \supset P$. Семантические пресуппозиции могут выступать как в тематической, так и в рематической функции.

Ассерция (*Urteil*) рассматривается как переход суждения (*Gedanke*), представляющего смысл предложения, к его истинностному значению (*Wahrheitswert*) – истина или ложь, к его денотату (*Bedeutung*) [6. С. 181–210]. Считают, что предложение истинно, если оно отражает существующее положение дел, отмечая также при этом зависимость условий истинности не только отдельных высказываний, но и предложений в естественных языках от прагматического аспекта, контекста и ряда других факторов.

С прагматическим аспектом предложения-высказывания связано рассмотрение ассерции как речевого, иллокутивного акта со всеми присущими ему особенностями: конвенциональности, успешности-неуспешности [9. С. 1–167]. Одни лингвисты рассматривают высказывания без экспликации и с экспликацией иллокутивного акта с помощью перформативного глагола – *p u I assert that p* (*Я утверждаю, что p*); *He hasn't done it* (*Он не сделал этого*) и *I assert that he hasn't done it* (*Я утверждаю, что он не сделал этого*) как равные с точки зрения их истинностного значения [10. С. 1–306]. Другие, делающие разграничение не только между потенциальной иллокутивной силой, выраженной на локутивном уровне, и действительной иллокутивной силой высказывания, но и между пропозициональным содержанием локутивного акта и пропозициональным содержанием самого иллокутивного акта как такового, говорят о различии истинностного значения пропозиций, выраженных на локутивном и иллокутивном уровнях в эксплицитных перформативах: высказывание – *I state that the earth is flat* (*Я утверждаю, что Земля – плоская*) – истинно на локутивном уровне (*my stating that p – мое утверждение, что p*) и ложно на иллокутивном уровне (*the earth being flat – Земля – плоская*) [13. С. 205–221].

Разграничение иллокутивного акта и пропозиции, пропозиционального содержания иллокутивного акта, сделанное Дж. Серлем, приводит к пониманию ассерции как отношения между деятелем и производимым им действием, когда говорящий предсказывает будущий акт говорящему [5. С. 170–181], к пониманию ассерции как частного вида предикации. Если тема-рематические отношения рассматривать как отношения предикативные, то оказывается, что они, наполняясь разным содержанием, проявляются в различных взаимосвязанных аспектах предложения-высказывания. В суждении, не представляющем собой утверждения, рема соотносится с предикатом, сообщая нечто новое, некий признак, относительно субъекта-темы; подобные фразы можно охарактеризовать как «*говорю, но не утверждаю*», рассчитанные на произвольное восприятие и понимание адресатом и способные заключать в себе различные смысловые оттенки. В ассертивном высказывании рема чаще соотносится с ассертивным, утверждаемым компонентом. В аспекте иллокутивного акта рематический фокус может охватывать сам речевой акт и его пропозицию или может смещаться в ту или иную сторону; в зависимости от конституации в реме может оказаться деятель, предсказуемый иллокутивному акту и его пропозиции.

Вопрос о соотношении пресуппозиционных и ассертивных частей в сложном предложении связывают с проблемой «проекции пресуппозиции», которая заключается в объяснении того, каким образом пресуппозиция частей предло-

жения становится пресуппозицией целого предложения и каким образом пресуппозиция и ассерция сложного предложения соотносятся с пресуппозицией и ассерцией составляющих их компонентов. Из всех контекстов конситуации, порождающей пресуппозицию, выделенных Л. Карттуненом: 1) класса «дыр» – holes, пропускающих пресуппозиции, 2) класса «затычек» – plugs, блокирующих пресуппозицию, 3) класса «фильтров» – filters, способных вести себя как «дыры» и как «затычки» [11. С. 1–48], нефактивные глаголы связывают с утверждением истинности пропозиции при них, а фактивные – с пресуппозицией истинности данной пропозиции [1. С. 1–395].

Членение высказывания на пресуппозицию и утверждение близко, но не тождественно тема-рематическому членению.

Далеко не всегда однозначное соотношение между пресуппозиционно-ассертивной и тема-рематической частями в высказываниях, представленных сложными предложениями, их разнообразное взаимодействие могут служить языковыми средствами для достижения определенного стилистического и прагматического эффекта, создавая в тексте своеобразную полифонию смыслов, отражающих разные миры, точки зрения, настроения и т.д., как, например, в приведенном ниже отрывке.

I had only one pair of pants, my uncle's, and they were very patched, very sewed, and not the style. My uncle had worn these pants five years before he had turned them over to me, and then I began putting them on every morning and taking them off every night.

It was an honor to wear my uncle's pants. I would have been the last person in the world to accept that it wasn't. (1) [T] / [R] ↓knew (t) *that it was an honor*, and I accepted the honor, along with the pants, and I wore the pants, and I wore the honor, and the pants didn't fit. They were too big around the waist and too narrow at the cuff... Naturally I was very unhappy... *At the same time* (2) [T] / [R] ↑knew **that my uncle had honored me, of all his nephews, by handing down his pants to me**, and I felt honored, and to a certain extent clothed. My uncle's pants, I sometimes reasoned unhappily, were certainly better than no pants at all...I wore my uncle's pants for many months, and these were the unhappiest months of my life. (Rk) **Because corduroy pants (t) were the style** [14. С. 1-432].

Данный отрывок построен по принципу контрастной рекурсии, состоящей из нескольких уровней, в число которых входят и выделенные сложноподчиненные предложения-высказывания 1 и 2.

В рассматриваемых сложноподчиненных предложениях-высказываниях с придаточным дополнительным можно выделить несколько смысловых пластов, обусловленных разными точками зрения говорящего относительно пропозиции придаточного дополнительного. Согласно первой точке зрения – автора-мальчика, отражающей мир его бедной семьи, пропозиция придаточного дополнительного в первом сложноподчиненном предложении-высказывании имеет значение «истина», представляет прагматическую и семантическую пресуппозицию и выступает в тематической функции. Ремой является предикат *knew*, имеющий фактивное значение: говорящий утверждает не только свое знание факта, отраженного в придаточном дополнительном, но и адекватное осознание его в данной ситуации, а благодаря этому – и свое отношение к содержанию придаточного предложения; он принимает создавшееся положение вещей; предикат *knew* приобретает в контексте и смысловой оттенок «понимания». Своим утверждением говорящий выносит также оценку и самому себе *I wasn't the last person (to suggest that it wasn't an honor to wear my uncle's pants)*. Тематичность презумптивного придаточного предложения позволяет трансформацию следующего вида: отделение придаточного дополнительного от главного – *It was an honor. I knew (that)*.

Коммуникативная организация высказывания, представленного вторым сложноподчиненным предложением-высказыванием, соответствует формуле *I knew that p* и позволяет его двоякое прочтение, т.е. содержание придаточного предложения может иметь, а может и не иметь истинностного значения. Пропозиция придаточного предложения в мире говорящего и его семьи представляет собой семантическую пресуппозицию, имеющую значение «истина», но выступает в рематической функции наряду с фактивным предикатом *knew*, составляя с ним макрорему высказывания. Интонация повышается на предикате *knew* и понижается на рематическом ядре *honored*, как бы подтверждая истинность пропозиции придаточного предложения, что соответствует стремлению мальчика еще раз убедить себя в том, что «дядя действительно оказал честь мальчику, подарив ему по наследству свои залатанные брюки». Это подчеркивается парцелляцией рематического ядра *of all his nephews*; герундиальная группа представляя семантическую пресуппозицию и тематический компонент, входит в общую макрорему высказывания. Утверждаемым в целом является содержание знания, которое должно было бы вызвать у автора-мальчика положительные эмоции «*I was (to be) happy*», контрастирующие с предшествующим контекстом, описывающим его истинное состояние «*Naturally I was very unhappy*», что способствует раскрытию внутреннего противоречивого состояния мальчика. С другой стороны, денотатом придаточного предложения является не его истинностное значение, а выраженное в нем суждение, а смыслом придаточного является не само это суждение, а смысл слов – суждение, что... . Точка зрения мальчика выражена не вполне ясно, она может изменяться под влиянием обстоятельств внешнего мира, определяющих уже иную его оценку существующей ситуации. Последующий контекст представляет речевую пресуппозицию, раскрывающей в рассматриваемом высказывании наличие двух противоположных смысловых пластов, создавая в нем своеобразный синкретизм противоречивых оценок. Содержание парцеллированного придаточного причины в конце отрывка «**Because (rk) corduroy pants (t)were the style**» указывает в контрастном рематическом ядре на причину противоречивых состояний и оценок автора-мальчика и является одним из оснований для выделения нескольких смысловых пластов в рассмотренных высказываниях.

При применении теста на отрицание в первом предложении отрицанию подвергается ассертивный рематический предикат *knew* – *I did ↓not know that it was an honor* – утверждается незнание факта, приведенного в придаточном дополнителе; пресуппозиция сохраняется. Во втором сложноподчиненном предложении отрицанию подвергается «наличие знания определенного содержания», которое может иметь и не иметь значение «истина» – *I did not ↑know that my uncle had honored me by handing down his pants to me*.

Рассмотренные высказывания 1) и 2) как речевые акты имеют одну и ту же иллокутивную силу «утверждения», но разные импликатуры, т.е. разное содержание речевого акта утверждения.

В рассмотренных сложноподчиненных предложениях-высказываниях обнаруживается еще один смысловой пласт, обусловленный оценкой автора-взрослого, исходящего из точки зрения окружающего мира, отличного от мира мальчика и его семьи: истинностное значение придаточного предложения «ложь».

В рассмотренных выше высказываниях предикат *knew* в главном предложении ведет себя как своего рода «краситель» благодаря совмещению разных миров в одном высказывании, т.е. как глагол, относящийся, по определению Т. Шиббе, к миропорождающим предикатам, общее свойство которых заключается в том, чтобы не блокировать пресуппозиции как затычки и не пропускать их как дыры, а видоизменять, вводя в поле зрения говорящего носителя пресуппозиции и его модельный мир, отличный от реального [15. С. 145–148]. Этот смысловой оттенок в большей степени проявляется во втором сложноподчи-

ненном предложении-высказывании – I knew that my uncle had honored me of all his nephews, by handing down his pants to me. Предикат *knew* выступает, с одной стороны, как «фактивный», с другой – как «полуфактивный», а в третьем случае – как нефактивный (затычка). Он может представлять ассертивный компонент, собственно рему всего сложноподчиненного предложения-высказывания с придаточным дополнительным в тематической функции, и может входит в состав макроремы высказывания наряду с придаточным дополнительным.

Полифония противоречивых смыслов, мнений и состояний, обусловленная в рассмотренном отрывке многоуровневой контрастной рекурсией благодаря своеобразному взаимодействию пресуппозиционно-ассертивных и тематических компонентов в высказываниях, представленных сложноподчиненными предложениями с придаточным дополнительным, а также благодаря их взаимодействию с контекстом создает одновременно эффект комизма, драматизма и даже трагизма описываемой ситуации и может вызвать самые разнообразные эмоции и чувства у читателя.

Анализ языкового материала показал, что нет однозначного соответствия между пресуппозиционно-ассертивными и тема-рематическими компонентами высказывания, представленного сложноподчиненным предложением с придаточным дополнительным. Взаимодействие пресуппозиционно-ассертивных и тема-рематических компонентов является одним из факторов, раскрывающих сложную смысловую структуру сложного предложения-высказывания, делает его емким, способствуя созданию таких изобразительных стилистических языковых средств, как контрастная рекурсия и полифония текста, расширяющих поле зрения автора (пишущего) и читающего.

Результаты исследования могут быть применены при чтении лекций и проведении семинарских занятий по функциональной и коммуникативной лингвистике, интерпретации текста.

Литература

1. Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл. М.: Наука, 1976. 395 с.
2. Кифер Ф. О пресуппозициях // Новое в зарубежной лингвистике: сб. науч. тр. М.: Изд-во ПРОГРЕСС, 1978. Вып. VIII. С. 337–369.
3. Митрофанова З.И. Пресуппозиции и их перевод // Лингвистика. Лингводидактика. Переводведение. Актуальные вопросы и перспективы исследования: сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2014. Вып. 1. С. 223.
4. Падучева Е.В. Понятие презумпции в лингвистической семантике // Семиотика и информатика. 1977. Вып. 8. С. 91–122.
5. Серль Дж. Классификация иллокутивных актов // Новое в зарубежной лингвистике: сб. науч. тр. М.: Изд-во ПРОГРЕСС, 1986. Вып. 17. С. 170–181.
6. Фреге Г. Смысл и денотат // Семиотика и информатика. 1977. Вып. 8. С. 181–210.
7. Чейф У. Данное, контрастивность, определенность, подлежащее, топики и точка зрения // Новое в зарубежной лингвистике: сб. науч. тр. М.: Изд-во ПРОГРЕСС, 1982. Вып. 11. С. 306–313.
8. Aijmer K. Some aspects of Psychological Predicates in English. Stockholm, University of Stockholm. Almquistand Wiksell, 1972. P. 131.
9. Austin J. How to do things with words. Oxford, The Clarendon Press, 1962, 167 p.
10. Austin J. Philosophical Papers. Oxford, Oxford University, 1979, 306 p.
11. Karttunen L., Peters S. Conventional Implicature. *Syntax and Semantics. Presupposition*, 1979, vol. 11, pp. 1–48.
12. Katz J. A Solution to the Projection Problem for Presupposition. *Syntax and Semantics. Presupposition*, 1979, vol. 11, pp. 91–125.
13. Recanati F. Some Remarks on Explicit Performative, Indirect Speech Act, Locutionary Meaning and Truth-Value. In: *Speech Act Theory*, 1980, pp. 205–221.
14. Saroyan W. Selected Short Stories. Moscow, Progress Publ., 1982, 432 p.
15. Schiebe T. On Presupposition in Complex Sentences. *Syntax and Semantics. Presupposition*, 1979, vol. 11, pp. 145–148.

МИТРОФАНОВА ЗИНАИДА ИВАНОВНА – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков № 1, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (mirt910@yandex.ru).

Z. MITROFANOVA

PRESUPPOSITIONAL AND ASSERTIVE COMPONENTS, THEME AND RHEME
IN CREATING THE SEMANTIC STRUCTURE OF AN UTTERANCE
(on the material of the English language)

Key words: semantic structure of an utterance, pragmatic presupposition, semantic presupposition, speech acts, assertion, proposition, theme and rheme components, implicature.

The goal of the present investigation is to study the interaction of presuppositional and assertive components with the theme and the rheme of an utterance presented by a complex sentence with a subordinate object clause, and its influence on the semantic structure of a complex sentence. The study is performed in line with the functional and communicative linguistics by using the method of linguistic description. A composite sentence functioning in speech (here, a complex sentence with a subordinate object clause) has a complex semantic structure which is realized in utterances of different communicative structures within different speech acts (here, assertion). The findings of the research presented in this paper show that division of an utterance into presupposition and assertion on the one hand, theme and rheme on the other hand, is connected with a different truth meaning of the proposition of a subordinate clause, and the interaction of these components with each other and the context may determine the semantic structure of a complex sentence functioning in speech, and create a kind of polyphony of meanings in the text.

References

1. Arutyunova N.D. *Predlozhenie i ego smysl* [The Sentence and its Meaning]. Moscow, Nauka Publ., 1976, 395 p.
2. Kifer F.O. *presuppozicijah* [About presuppositions]. *Novoe v zarubezhnoj lingvistike: sb. nauch. tr. Vyp. VIII* [Innovations in Foreign Linguistics: Collected papers, issue VIII]. Moscow, PROGRESS Publ., 1978, pp. 337–369.
3. Mitrofanova Z.I. *Presuppozicii i ix perevod* [Presuppositions and their Translation]. *Lingvistika. Lingvodidaktika. Perevodovedenie: sb. materialov Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. Vyp. 1* [Proc. of Int. Sci. Conf., Issue 1 «Linguistics. Linguodidactics. Translatology»: Actual Issues and Prospects for Research]. Cheboksary, Chuvash State University Publ., 2014, pp. 223–224.
4. Paducheva E.V. *Ponyatie prezumpcii v lingvisticheskoj semantike* [The Concept of Presumption in Linguistic Semantics]. *Semiotika i informatika: sb. nauch. tr. Vyp. 8* [Semiotics and informatics: Collected papers, issue 8]. Moscow, 1977, pp. 91–122.
5. Serl Dzh. *Klassifikaciya illokutivnyh aktov* [The classification of illocutionary acts]. *Novoe v zarubezhnoj lingvistike: sb. nauch. tr. Vyp. XVII* [Innovations in Foreign Linguistics: Collected papers, issue XVII]. Moscow, Progress Publ., 1986, pp. 170–181.
6. Frege G. *Smysl i denotat* [Meaning and Denotation]. *Semiotika i informatika: sb. nauch. tr. Vyp. 8* [Semiotics and informatics: Collected papers, issue 8]. 1977, pp. 181–210.
7. Cheif U. *Dannoe, kontrastivnost', opredelennost', pod Reality, Contrastivity, Certainty, Subject, Topics and Point of View* The given, contrastivity, certainty, subject, topics and point of view]. *Novoe v zarubezhnoj lingvistike: sb. nauch. tr. Vyp. XI* [Innovations in Foreign Linguistics: Collected papers, issue 11]. Moscow, Progress Publ., 1982, pp. 306–313.
8. Aijmer K. *Some aspects of Psychological Predicates in English*. Stockholm, University of Stockholm. Almqvistand Wiksell, 1972. P. 131.
9. Austin J. *How to do Things with words*. Oxford, The Clarendon Press, 1962, 167 p.
10. Austin J. *Philosophical Papers*. Oxford, Oxford University, 1979, 306 p.
11. Karttunen L., Peters S. *Conventional Implicature*. *Syntax and Semantics. Presupposition*, 1979, vol. 11, pp. 1–48.
12. Katz J. *A Solution to the Projection Problem for Presupposition*. *Syntax and Semantics. Presupposition*, 1979, vol. 11, pp. 91–125.
13. Recanati F. *Some Remarks on Explicit Performative, Indirect Speech Act, Locutionary Meaning and Truth-Value*. In: *Speech Act Theory*, 1980, pp. 205–221.
14. Saroyan W. *Selected Short Stories*. Moscow, Progress Publ., 1982, 432 p.
15. Schiebe T. *On Presupposition in Complex Sentences*. *Syntax and Semantics. Presupposition*, 1979, vol. 11, pp. 145–148.

MITROFANOVA ZINAIDA – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Foreign Languages Department № 1, Chuvash State University, Cheboksary, Russia.

Ссылка на статью: Митрофанова З.И. О взаимодействии пресуппозиционно-ассертивных и тема-рематических компонентов в создании смысловой структуры высказывания (на материале английского языка) // Вестник Чувашского университета. – 2015. – № 4. – С. 256–261.

УДК 811.111'367/37

ББК 123.34

Т.Н. РОМАНОВА, Н.А. ФЁДОРОВА

**ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ГОДОНИМИКОНА
(на материале названий улиц г. Чебоксары и г. Алатырь)**

Ключевые слова: собственные имена, ономастическое пространство, микротопонимика, годоним, годонимикон, переименование.

Цель проводимого исследования – лингвокультурологический анализ изучения годонимикона г. Чебоксары и г. Алатырь. Описаны и систематизированы все основные топонимические модели годонимов двух старинных городов как в структурно-семантическом, так и в словообразовательном аспектах; исследованы не только старые названия улиц, сформированные в соответствии с физико-географическими особенностями местности и самих называемых объектов, но и новые, а также новейшие названия, образованные с ориентацией на определенные социально-политические реалии советского и постсоветского периодов; выявлены сходные и отличительные черты в номинации годонимов данных населенных пунктов.

В качестве основного метода при сборе и систематизации материала использовался описательный (дескриптивный) метод, а в качестве вспомогательных – статистический метод и метод описания по лексико-семантическим группам.

Научная новизна исследования определяется введением в научный оборот нового ономастического материала. Впервые осуществляется комплексное описание в лингвокультурологическом аспекте годонимикона г. Чебоксары и г. Алатырь.

Практическая значимость работы заключается в том, что выводы, сделанные на основании анализа представленного фактического материала, могут быть использованы при изучении развития не только регионального, но и общерусского ономастикона. Результаты исследования могут найти применение при разработке спецкурсов по ономастике, топонимике, лексикологии, лингвокультурологии, в работе школьного ономастического кружка, работе комиссий по присвоению наименований улицам, а также в лексикографической практике.

В качестве дальнейшей перспективы исследования в данной области видится проведение лингвокультурологического анализа годонимов всех городов и районных центров Чувашской Республики, выявление основных тенденций в развитии современных процессов в годонимии.

Изучение историко-культурных и лингвокультурных традиций – одно из актуальнейших направлений в современной ономастологии. Для лингвокультурологических исследований большую ценность представляют названия улиц – годонимы, в которых находят отражение особенности, обусловленные историей формирования, роста и развития городов, а также этнокультурные контакты.

Исследователи отмечают, что названия внутригородских объектов «составляют сложную систему, связанную с многочисленными переосмыслениями одних и тех же имен в связи с включением их в разные системы» [5. С. 187]. Системное изучение годонимов как разновидности микротопонимов затруднено, с одной стороны, тем, что названия улиц, существуя в рамках лексической системы и развиваясь по общим языковым законам, в то же время, будучи обусловленными социальными, экономическими и историческими условиями, испытывают сильное влияние внеязыковых, экстралингвистических, факторов. С другой стороны, в годонимах, в отличие от других топонимов, семантическая структура часто бывает прозрачна, что объясняется частыми переименованиями внутригородских объектов, названия которых не успевают устаревать.

Чебоксары и Алатырь – насчитывающие многовековую историю города, в названиях улиц которых нашли отражение все этапы становления годонимикона. В исследованиях, посвященных изучению годонимов, функционирующих на территории Чувашской Республики, отмечается их сложная системно-структурная организация, отличающаяся, с одной стороны, «динамичностью и гибкостью», а с другой – «устойчивостью» и наличием типовых моделей [1. С. 235].

Древнейшие названия выполняли функцию ориентиров или отражали какой-либо признак называемого объекта. Одним из основных «имяобразующих» факторов было топографическое положение и природно-географические особенности: *Набережная Кайбулки, ул. Лягушкинская, Ярилина гора, Подъярский переулок* (Чебоксары); *ул. Посадская, пл. Ярмарочная* (Алатырь). Старые названия улиц отражали занятия жителей, указывая на ремесленную и профессиональную ориентированность населения: *ул. Винокурнская, Кожевненное ущелье, ул. Кузнечная, ул. Почтовская, пер. Тулупинский* (Чебоксары); *ул. Казачья, Большая и Малая Стрелецкая улицы* (Алатырь).

В дореволюционный период для названий улиц характерен агонимический принцип номинации (по названиям монастырей, церквей и кладбищ). Это не случайно: люди, построив дома, начинали возводить церкви. Так были образованы названия *ул. Архангельская, пер. Благовещенский, ул. Введенская, ул. Воскресенская, пер. Покровский, ул. Соборная, пл. Старое кладбище, ул. Успенская* (Чебоксары); *ул. Заведенская, ул. Крестовоздвиженская, ул. Монастырская, ул. Рождественская, ул. Троицкая* (Алатырь).

Наш материал показал, что названия улиц в указанный период были преимущественно описательными, впоследствии уступив место топонимам, образованным в соответствии с антропонимическим принципом именования, когда названия улиц указывали на фамилии, имена, прозвища домовладельцев, землевладельцев, владельцев предприятия и т.п.: *Мараткановская, Маркеловский переулок, Рогожина, Толчихина, Петелкин переулок* (Чебоксары). Меморативные названия сохранили свою продуктивность и в современном топонимиконе.

Главной особенностью топонимов советского периода стал переход от названий ориентирующего типа к демонстративно-меморативным, не содержащим информации об улице как объекте. Уходят в прошлое названия, «находившиеся в связи с господством привилегированных и эксплуататорских классов», «церковные имена», а также «имена, находившиеся в связи с русификаторской политикой дореволюционного времени в нерусских областях», уступая место именованиям, отражающим «основные черты содержания современной эпохи, диктатуры рабочего класса, социалистического строительства, новой техники» [4. С. 111–112].

Исследователи отмечают наметившиеся тенденции к переименованию, подчёркивая, что «основой для топонимического новояза послужил набор десятка имен, включая псевдонимы профессиональных революционеров-марксистов, возглавлявших государственный переворот и перенявших власть. В стране произошла топонимическая катастрофа, трагические последствия которой – тотальное уничтожение исторических названий» [3. С. 35]. Новые названия улиц, соотносящиеся прежде всего с политическими реалиями эпохи, демонстрировали новые ценности (*ул. 15 лет Комсомола, ул. Ленинского Комсомола, наб. Пионерская, ул. 40 лет Октября, пр. 9-ой Пятилетки, наб. Советская, пер. Совхозный* в г. Чебоксары; *ул. III Интернационала, ул. Коммунаров, ул. Комсомола* в г. Алатырь) или увековечивали имена вождей и героев революции, позднее – героев войны (*ул. Крупской, ул. К. Цеткин, ул. Лазо* в г. Чебоксары; *ул. Дзержинского, ул. Жданова, ул. Калинина* в г. Алатырь; в обоих городах зафиксированы *улицы Ленина, Маркса, Пролетарская, Советская*).

В соответствии с веяниями нового времени в г. Чебоксары в начале 20-х годов улица *Благовещенская* становится *ул. Карла Маркса*, улица *Староблаговещенская* – сначала *ул. Троцкого*, затем *Ленинградской*; *Крестовоздвиженская* переименована в *ул. Зиновьева*, затем – в *ул. Кадыкова*; *ул. Рождественская* – в *ул. Зиновьева*, позднее – в *Союзную*; улица *Соборную* после революции переименовали в *Большую Советскую*, затем в *Чувашскую*, сейчас это *улица Константина Иванова*. Соответственно в г. Алатырь улица

Поперешная Монастырская, отмеченная на плане города 1804 г., стала *ул. Александровской*, при советской власти в разное время именовалась *ул. Октябрьского переворота*, *Октября*, *Октябрьской*, последнее название – *ул. Горшенина* – получила в честь уроженца города. Преобразования претерпели названия и других алатырских улиц: *ул. Ворошилова* была переименована в *ул. Некрасова*, *ул. Микояна* – в *ул. Сталинградскую*, *ул. Шверника* – в *ул. Льва Толстого*, *ул. Кагановича* – в *ул. им. Крылова*, *ул. Молотова* – в *ул. Чайковского*. Поскольку списки достойных увековечивания постоянно пересматривались, это неизбежно приводило к изменениям в годонимиконе.

При советской власти сложился определённый годонимический стандарт, в соответствии с которым физико-географический принцип организации внутригородских объектов был вытеснен антропонимическим. Современные названия улиц образованы в честь известных деятелей русской культуры, науки и просвещения (*ул. Гоголя*, *ул. Менделеева*), деятелей чувашской культуры, науки и просвещения (*ул. К. Иванова*, *ул. Академика Крылова*), участников военных действий (*ул. Б. Хмельницкого*, *ул. Кутузова*), политических, государственных и общественных деятелей (*ул. Тельмана*, *ул. Димитрова*), космонавтов (*ул. Гагарина*), выдающихся врачей (*ул. Пирогова*), спортсменов (*ул. А. Игнатьева*) и др.

Менее продуктивными, но столь же многочисленными являются «природоориентирующие» годонимы, указывающие на какие-либо объекты социального назначения либо природные объекты (*пер. Базарный*, *ул. Комбинатская* в г. Чебоксары; *ул. Почтовая*, *пер. Фабричный* в г. Алатырь); называющие даты определённых событий и годовщин (*пл. Победы* в г. Чебоксары; *ул. Первомайская* в г. Алатырь); восходящие к наименованиям людей по профессии и роду занятий (*пр-д Машиностроителей*, *пер. Металлистов* в г. Чебоксары; *ул. Молодёжная*, *ул. Энтузиастов* в г. Алатырь); указывающие на внешний облик улиц (*ул. Чистая*, *ул. Раздольная* в г. Чебоксары; *ул. Зелёная* в г. Алатырь) и др.

Для годонимикона Чувашской Республики постсоветского периода характерно увеличение числа наименований по календарным и знаменательным датам (*ул. 8 Марта*, *ул. 500-летия Чебоксар* в г. Чебоксары; *ул. 40 лет Победы* в г. Алатырь), а также названий, основой которых служат наименования других объектов. Одновременно происходит сокращение годонимов, восходящих к основам, характеризующим особенности ландшафта и географического положения (*ул. Левая Набережная р. Сугутки*, *ул. Заовражная* в г. Чебоксары; *пер. Левобережный*, *ул. Сурский овраг*, *ул. Сурский косогор* в г. Алатырь) или указывающим на направление к соседним населённым пунктам (*ул. Сурский тракт*, *Явлейский тракт* в г. Алатырь). Показательным является переименование улиц: *Большой Московский тракт* → *ул. Чувашская* (Чебоксары); *Ардатовский тракт* → *ул. Ардатовская* (Алатырь). Этот факт отмечают многие исследователи: «Переоценка культурно-исторических ценностей влияет на изменение названий улиц и в первую очередь – на утрату ими топонимичности, на сближение их с названиями предприятий, учреждений, обществ и т.п.» [6. С. 130].

Для современного годонимикона характерно использование названий с ярко выраженной положительной окраской. Это объяснимо: при наименовании объекта всё больше наблюдается стремление перейти от описания к характеристике, поэтому «возникает необходимость использования в названии слов, имеющих чёткую положительную окраску» [2. С. 55]. Стремление положительно охарактеризовать объект можно заметить, изучив те предложения, которые во время проведения конкурсов были представлены жителями Чебоксар: *бульвар Влюблённых*, *Голубых горизонтов*, *Золотой осени*, *Золотых гор*, *Красных зорь*, *Мечты наших надежд*, *Оптимистов*, *Радости*, *Светлая долина*, *Цветочный*, *Чудес* и др. Наряду с названиями типа *Сол-*

нечный при наименовании и переименовании часто используются названия, содержащие указание на ту или иную профессию, социальный статус: ул. *Строителей*, пл. *Студентов*, пл. *Речников*, б-р *Президентский* и др.

Внутригородские имена собственные, возникшие в разные периоды истории развития, являются важной составляющей общенационального языкового и культурно-исторического пространства. Названия улиц, проспектов, переулков и т.п. представляют целостную систему в структурно-семантическом и функциональном плане, возникшую в результате длительного исторического развития и сохранившую свои основные черты до наших дней.

Выводы. Анализ топонимии г. Чебоксары и г. Алатырь выявил сходство принципов номинации, что обусловлено одинаковыми экономическими, социальными и историко-культурными процессами и сходными физико-географическими особенностями данных населённых пунктов. Для современной топонимии характерны бережное отношение к названиям улиц как к культурному фонду, тщательная их фиксация и рациональное отношение к системе наименований.

Литература

1. Егорова Л.В. Структурные типы топонимов Чувашской Республики // Вестник Чувашского университета. 2012. № 4. С. 231–235.
2. Иванова Т.А. К вопросу о переименовании и наименовании населённых пунктов // Русская топонимия и географическая терминология. Вып. 12. Свердловск, 1977. С. 19–60.
3. Нерознак В.П. Движение за возрождение исторических названий (первые результаты и возможные перспективы) // Исторические названия – памятники культуры: сб. мат. Второй Все-союз. науч.-практ. конф. М.: Сов. фонд культуры, 1991. Вып. 1. С. 30–39.
4. Селищев А.М. Труды по русскому языку. Т. 1. Язык и общество. М.: Языки славянской культуры, 2003. 632 с.
5. Суперанская А.В. Общая теория имени собственного. М.: ЛКИ, 2007. 370 с.
6. Суперанская А.В. Структура имени собственного (фонология и морфология). М.: Наука, 1990. 208 с.

РОМАНОВА ТАТЬЯНА НИКОЛАЕВНА – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (romanovatn1@mail.ru).

ФЁДОРОВА НАДЕЖДА АЛЕКСАНДРОВНА – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (fna488@rambler.ru).

T. ROMANOVA, N. FEDOROVA

LINGUISTIC AND CULTUROLOGICAL ASPECTS OF ODONYMY (based on names of Cheboksary and Alatyр streets)

Key words: proper names, onomastic space, microtoponymics, odonym, odonymy, renaming.

The purpose of the study is a linguistic-and-culturological analysis of the research into the odonymy of the cities of Cheboksary and Alatyр. The authors have described and systematized all the major toponymic models of odonyms of these ancient cities both in the structural-semantic and derivational aspects, studied not only the old names of the streets, which reflected physical-and-geographical characteristics of the localities and the named objects themselves, but also new and lately emersed names, which were formed under the influence of specific socio-political realities of the Soviet and post-Soviet periods. There were also found out common and distinctive features of odonyms of the regarded cities.

The descriptive method was the main method of collecting and collating the material, which was supplemented by the statistical method and the method of description by lexical and semantic groups.

Scientific novelty of the research lies in the introduction of a new onomastic material. Besides, it is the first time that the odonymy of Cheboksary and Alatyр has been comprehensively described in a linguistic and culturological aspects.

The practical significance of the work is that the findings of the research based on the analysis of the presented factual material can be used when studying the development of not only the regional but also general Russian onomasticon, as well as in the development of courses on onomastics, toponymy, lexicology, linguoculturology, in the work of a school onomastic club and by the commissions on naming streets, as well as in lexicographical practice.

As for the prospects of the given research, the authors plan to make a linguistic-and-culturological analysis of odonymy of all cities and towns of the Chuvash Republic and to define major tendencies in the development of modern.

References

1. Egorova L.V. *Strukturnye tipy godonimov Chuvashskoi Respubliki* [Structural Types of Chuvash Republic Odonyms]. *Vestnik Chuvashskogo universiteta*, 2012, no. 4, pp. 231–235.
2. Ivanova T.A. *K voprosu o pereimenovanii i naimenovanii naselednykh punktov* [On the Issue of Naming and Renaming Inhabited Localities]. *Russkaya toponimiya i geograficheskaya terminologiya*. Vyp. 12 [Russian toponymy and geographic terminology, issue 12]. Sverdlovsk, 1977, pp. 19–60.
3. Neroznak V.P. *Dvizhenie za vozrozhdenie istoricheskikh nazvaniy (pervye rezul'taty i vozmozhnye perspektivy)* [Movement for Returning Historical Names (First Results and Possible Prospects)]. *Istoricheskie nazvaniya – pamyatniki kultury: sb. materialov Vtoroi Vsesoyuznoi nauchno-prakticheskoi konferentsii*. Vyp. 1. [Proc. of 2nd Sci. Conf. «Historical Names – Cultural Monuments»]. Moscow, Soviet fund of culture Publ., 1991, pp. 30–39.
4. Selishchev A.M. *Trudy po russkomu yazyku. T. 1. Yazyk i obshchestvo* [Works on Russian Language. Vol. 1: Language and society]. Moscow, Languages Slavic Culture Publ., 2003, 632 p.
5. Superanskaya A.V. *Obshchaya teoriya imeni sobstvennogo* [General Theory of Proper Names]. Moscow, LKI Publ., 2007, 370 p.
6. Superanskaya A.V. *Struktura imeni sobstvennogo (fonologiya i morfologiya)* [The Structure of Proper Names (Phonology and Morphology)]. Moscow, Nauka Publ., 1990, 208 p.

ROMANOVA TATIANA – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of Russian Language and Literature Department, Chuvash State University, Cheboksary, Russia.

FEDOROVA NADEZHDA – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of Russian Language and Literature Department, Chuvash State University, Cheboksary, Russia.

Ссылка на статью: Романова Т.Н., Фёдорова Н.А. Лингвокультурологический аспект годонимикона (на материале названий улиц г. Чебоксары и г. Алатырь) // Вестник Чувашского университета. – 2015. – № 4. – С. 262–266.

УДК 811.512.111'373.2

ББК Ш12=635.1*316

И.П. СЕМЁНОВА

ПАРНЫЕ СЛОВА В СОСТАВЕ ЧУВАШСКИХ ЗООНИМОВ

Ключевые слова: зооним, парные слова, собирательное существительное, корреляция, чувашский язык, тюркские языки.

Рассмотрены парные слова в составе чувашских зоонимов, выявлены основные семантические типы парных слов. Приведены соответствия парных слов и их компонентов в тюркских языках. Как показало исследование, в структуре зоонимов представлены парные слова, образованные на основе ассоциативных, синонимических отношений. В составе зоонимов встречаются компоненты с затемненной семантикой. Парные слова, называющие животных, в языке приобретают собирательное значение и обозначают животных определенного класса, вида. Большинство компонентов парных слов представлены общетюркскими словами.

Парные слова – это «такие сложные лексические единицы, компоненты которых являются парными как в фонетическом (ритмико-интонационном) и морфологическом, так и в лексико-семантическом отношении» [12. С. 61]. Отличительной особенностью подобных конструкций является наличие двух (в редких случаях – трех) компонентов, которые находятся в тесной семантической связи. Парные слова как вид словообразования в тюркских языках рассматривались в работах Э.В. Севортяна [21], В.А. Гордлевского [3], В.Г. Егорова [8], С.Н. Муратова [12], Н.К. Дмитриева [6]. Н.И. Ашмарин впервые обратил внимание на данные конструкции в чувашском языке и определил их как «слова с приговорками, т.е. такие, у которых вторая часть составляет как бы звукоподражание или дополнение первой» [1. С. 114]. Словообразовательные модели, структурные особенности, компоненты структуры и виды связи между компонентами парных слов в чувашском языке рассмотрены в работе И.П. Павлова [16]. Структурно-семантические особенности и типы парных слов подробно проанализированы в монографии Г.Н. Семеновой [22], в совместной статье Г.Н. Семеновой, А.М. Ивановой [24].

Особый интерес к парным словам в составе чувашских зоонимов связан с тем, что данными конструкциями представлены собирательные наименования животных. Большинство зоонимов – парные слова, состоят из нескольких компонентов – имен существительных, называющих отдельных животных, связанных ассоциативными корреляциями. В языке данные наименования приобретают собирательное значение: называют животных определенного класса, вида (и т.д.) в целом. К примеру, *сёлен-калта* «пресмыкающиеся, гады» [28. С. 409] было образовано из слов *сёлен* «змея», *калта* «ящерица». *Сёлен-калта* является собирательным существительным и называет животных класса пресмыкающиеся. *Сёлен-калта вәрманта, вётлӧх сүмӧнчи килкартинче, урамра тӧл пулать* (Хыпар). Собирательное существительное *сёлен-шӑван* является «общим назв. пресмыкающихся» [2. Вып. XIII. С. 63], компонент *шӑван* – по происхождению причастие настоящего времени действительного залога на *-ан(-ен)* (ср.: *сыран, автан* и т.д.), параллельное причастиям на *-(а)кан/-(е)кен*. Зооним *сёрӧн-шӑван* обозначает «ползающий по земле, пресмыкающийся» [2. Вып. XIII. С. 91], компонент *сёрӧн* называет поверхность, по которой животные передвигаются: *сёр* «земля» + *-ӧн* (суффикс наречия, возможно падежного происхождения), в данном примере выражающий место и способ действия. Форма *шӑван* в чувашском языке употребляется только в составе устойчивых сочетаний, ср.: *шӑван кайӑк* «поползень» (птица, которая ловко передвигается по стволам и ветвям деревьев) [17. С. 146].

У значительной части зоонимов можно отметить «принцип превосходства понятия, выраженного первым компонентом» [19. С. 104]. И.П. Павлов отмечает, что в семантике производного слова первый компонент занимает доминирующее положение, а «второй компонент в большинстве случаев играет лишь второстепенную роль» [16. С. 58–59]. Мы полагаем, что в современном чувашском языке особая смыслообразующая роль первого компонента связана с тем, что в некоторых наименованиях животных второй компонент является архаизмом и значение его неизвестно. Эта составная часть зоонимов не несет смысловой нагрузки, выражает лишь собирательное значение: *путек-пуран* «ягнята, козлята в собирательном смысле», где «*пуран* из русск. *баран*» [26. Т. I. С. 399]; *путек-пӑран*, *путек-паран* «ягнята вообще», *путек-пыран* [2. Вып. X. С. 95]. М.Р. Федотов приводит соответствия *пуран/пӑран* «каз., башк. бӑрӑн (< рус. *баран*) ягненок» [26. Т. I. С. 399]. Часть *-пуран* в качестве самостоятельного слова не употребляется, имеет соответствия в «тат. *бәрән* ягненок, барашек; башк. *бәрән: бәрән кәзә (нарыйк)* коза или овца с момента прекращения сосания до второго окота» [26. Т. I. С. 446]. В отдельных случаях компоненты парных слов, употребляющиеся в языке как самостоятельные слова, могут приобретать другое значение: Слово *пӑран* в чувашском языке употреблялось в значении «ягненок». В указанном значении данное слово теперь не употребляется. Теперешнее его значение больше: «ягненок-выкидыш, ягненок в утробе» [2. Вып. X. С. 127]: *Ӹне пӑран прахӑ* «У коровы случился выкидыш» (пример. – И.С.).

Особый интерес представляют наименования животных со словом *кайӑк*. Значения этого слова «дикое животное; дикая птица; дичь; дикий»; «зверь вообще» [2. Вып. VI. С. 12]. В чувашском языке употребляется парное слово *кайӑк-кӑшӑк*. В «Словаре чувашского языка» отмечено, что «многие понимают теперь это выраж. как собирательное, в см. „птицы”» [2. Вып. VI. С. 14]. В данном значении это слово употребляется и в современном чувашском языке. *Ешӑл йывӑс тӑррисенче кайӑк-кӑшӑк, тӑнче илемне мухтаса, юрӑ шӑрантарать* (В. Эльби). Однако «из прежних изд. на чув. языке и живой речи видно, что оно означает вообще диких животных, включая сюда и пресмыкающихся». *Вӑрман айӑнче уллах вырӑнта тӑват уралӑ кайӑк-кӑшӑке те ахаль хӑвармать*. [2. Вып. VI. С. 14]. *Этем мар, кайӑк-кӑшӑк те сайра тӑл пулать ку таврара* (А. Афанасьев). *Ӑрат хушӑнӑ вӑхӑтра пулла, кайӑк-кӑшӑке уйрӑмах лӑпкӑлӑх кирлӑ* (Капкӑн). Таким образом, слово *кайӑк-кӑшӑк* употребляется в собирательном значении «звери и птицы». «-Ӑк в *кӑш-Ӑк* по аналогии с *кайӑк*» [26. Т. I. С. 289]. *Кайӑк-кӑш* «птицы и звери, насекомые вообще» [2. Вып. VII. С. 323], *кайӑк-кӑш* «птицы и звери (вообще)» [17. С. 14]. К примеру, в рукописном фонде Н.В. Никольского зафиксировано название отдельной группы животных *сӑр кайӑк-кӑшӑсем*. Этим словом именуют грызунов: крысу (*крисса, крысса*), мышь (*мыша*) [14. Л. 133]. Это слово носит звукоподражательный характер, образовано от междометия, употребляющегося для отгона птиц. «В чувашском языке употребляется общераспространенное междометие *кӑш* с фонетическими вариантами *кша, кӑша, кшуй, ки*» [17. С. 12]. В чувашском языке слово *кӑшӑк* отдельно не употребляется. Тюркские соответствия: крым., ком., алт., тел., шор., кюэрик., саг., койб., кач., к.-кирг., уйг., чаг., вт., сарт., тур., аз., карТЛ. *куш* «птица», «вообще „крылатое существо”» [18. Т. II. С. 1022], тат. *кош*, башк. *кош* «птица, птичка» [26. Т. I. С. 289]. В чувашском языке употреблялось и другое парное слово с компонентом *кайӑк*: *кайӑк-хуҫа (хуҫа)* в значении «хищные звери». Это наименование встречалось в молениях, а в современном чувашском языке стало малоупотребительным: *Пиханпар, эсӑ кайӑк-хуҫана ан яр. Пире тата кайӑкран-хуҫаран*,

вӑрӑран-хурахран, вутран-кӑвартан, шывра́н-шуртан, тӑрлӑ асапран – хӑтар пире. [2. Вып. VIII. С. 325]. Слово *хуҫа, хоҫа* в современном чувашском языке употребляется в значении «хозяин, владелец; купец». А в парном слове компонент *хуҫа*, вероятно, имеет значение «то, что может погубить; что-то устрашающее». Неприрученные, неодомащенные звери, скорее всего, вызывали у людей чувство страха. Недаром зверей в чувашском языке называют *тискер кайӑк*. Слово *тискер* содержит эмоциональную окраску и употребляется в значениях «дикий; хищный»; а также «страшный; ужасный; мрачный» [28. С. 485]. Но *-хуҫа: кайӑк-* ~ может означать и исходное «хозяин», т.е. «зверь-хозяин», ср. рус. *закон-тайга, медведь-хозяин* (фразеологизм).

В структуре зоонимов, образованных на основе ассоциаций, может встречаться компонент, называющий детёныша животного: *путек-сурӑх* «общее назв. овец, ярка, не пришедшая в возраст овцы и не объегнившаяся» [2. Вып. X. С. 44]; «общее название ягнят» [2. Вып. IX. С. 197; Вып. X. С. 44, 47, 54]; «овцы и ягнята» [24. С. 168]. *Путек-сурӑха йатӑм сат пахчине ухлӑм-курӑк суйлама* [2. Вып. X. С. 44]. При этом следует отметить, что некоторые парные слова с данным компонентом не имеют значения собирательности: *пӑру-вильӑх* «телка» [2. Вып. X. С. 133], *пӑру-ӗне* «телка», *тына-пӑру* «овца» в составе *путек-сурӑх, -ӗне* «корова» в составе *пӑру-ӗне* и т.д. нужны для уточнения вида животного, так как *путек* «ягненок» может относиться и к детёнышу козы (*качка путекки*), *пӑру* «теленок» может относиться и к детёнышу оленя, лося (*пӑлан пӑрушӗ, пӑши пӑрушӗ*).

В чувашском языке встречаются наименования животных с компонентом *-качка*: *лаша-качка* «лошади вообще» [2. Вып. VIII. С. 68], *йым-качка* «собир. собаки» [28. С. 133], «бродячие собаки» [9. С. 95]. В «Словаре чувашского языка» отмечено, что «качка, употребл. как присловье и не имеет самостоятельного значения» [2. Вып. VI. С. 174]. В.Г. Егоров полагает, что данное слово произошло от *кач* (алт., кирг., уйг. и др.) «бегать», «убегать» и приводит следующие соответствия «тат. *качкын* «беглец»; узб. *кочок* «беженец», «перебежчик»; алт. *В* *качкын* «беглец», «бродяга», «разбойник»» [9. С. 95]. Компонент *качка* встречается в фонетическом варианте *качӑка* «то же, что *качка*» [2. Вып. VI. С. 173]. В «Материалах для исследования чувашского языка» зафиксировано парное слово *йым-качӑка* «вообще собаки», при этом отмечено обобщающее значение второго компонента, для сравнения приведено название отдельной собаки *йымтӑ* [1. С. 115]. Н.И. Ашмарин считает, что подобные «слова с приговорками» «употребляются обыкновенно в ед. ч. и выражают разнообразие и множество» [1. С. 114] Также встречается диалектная форма *качӑкка* «обобщающая приговорка (присловье)»: *лаша-качӑкка асӑрхамарӑм; ача-качӑкка сӑренине кормарӑм* [2. Вып. VI. С. 173]. В современном чувашском языке разговорное слово *качка* употребляется как «*частица, придающее обообщающее значение предшествующему слову: тӑла качка* любое сукно, всякие сукна» [28. С. 154]. *Качка* употребляется и в составе других парных слов, при этом слова имеют собирательное (обобщающее) значение: *ача-качка* «дети вообще», *пӑшал-качка* «ружья вообще», *шӑмми-качкипе* «с костями и тому подобным».

Слово *вильӑх* в чувашском языке имеет значение «скот, скотина» [28. С. 86]. Наименования животных, в которых *вильӑх* является первым компонентом, как правило, содержат в структуре вторые компоненты с затемненной семантикой. *Вильӑх-тӑварсем* имеет значение «скотина вообще». *Вильӑх-тӑварсем (scr. влх-тварсем)* *йепле, ҫавсене сьрса йарӑр.* [2. Вып. XIV. С. 239]. В древнетюркских памятниках *тӑвар* зафиксировано в значении «добро», «имущество»,

«богатство» [7. С. 542]. Слово *тӑвар* в современном чувашском языке в значении «скот» не употребляется. *Тувар* в значении «скот» характерно для караимского, кумыкского и крымско-татарского языков; ккалп. *тувар* – «молодняк скота» [20. С. 10]. В «Корневом чувашско-русском словаре» отмечено, что «в тур. *тавар* скот, животное домашнее, вьючное; так как у кочующих народов скот преимущественно составляет предмет торговли, то и в русский язык слово это перешло в значении товара» [10. С. 85]. Аффикс *-сем* в компоненте *тӑварсем* передает значение множественности. М.Р. Федотов отмечает, что аффиксы *-сам/-сем*, *-сан/-сен*, *-сём*, *-сён* являются родственными тюркскому слову *сан* «число, счет» (*са-* «считать») + *-н* словообразовательный аффикс) [25. С. 9]. *Вильӑх-чӑрлӑх* употребляется в значении «скотина», «домашние животные и птицы». *Ӑратлӑ вильӑх-чӑрлӑх*. *Вильӑх-чӑрлӑхе чунсӑрла пӑхма юрамасть* (Хыпар). В «Корневом чувашско-русском словаре» отмечено, что «*чирӑ* живой (тат. *тере*, кир. *тери*, алт. *тӑрӑ*, тур. азерб. *дири*) – *чирлӑх* животное (тат. *терлик*); *вильых-чирлӑх* домашняя скотина» [10. С. 104]. *Чӑрлӑх* «представляет общую основу с тат. *терлек* 'скот', 'скотина'» [13. С. 72]. Следовательно, *вильӑх-тӑварсем*, *вильӑх-чӑрлӑх* следует отнести к синонимичным парным словам, так как компоненты слов связаны синонимичными коррелятами. В тюркских языках встречаются наименования скота, также построенные на основе синонимических отношений: азерб. *мал-давар* «крупный рогатый скот – мелкий рогатый скот» [19. С. 107], башк. *мал тувар* «скот» (вообще) [6. С. 145]; башк. *мал-тыуар* «собир. скот и птица (домашние)» [26. Т. II. С. 162] (башк. *тувар* «скот»; «товар» по преимуществу [6. С. 145]), тат. *терлек-туар* «собир. скот (вообще)», тат. *мал-туар* «собир. скот и птица (домашние)», где общетюрк. *мал* (~ чув. *мул*) скот, скотина; имущество, состояние, богатство; добро; др.-тюрк. *tabar/tavar* добро, имущество, богатство [26. Т. II. С. 162].

Вильӑх может выступать вторым компонентом парных слов, как правило, эти наименования основаны на ассоциативных отношениях: *лаша-вильӑх* «1. собир. лошади, кони, конское поголовье; 2. мерин» [28. С. 210]; «вообще лошади» [2. Вып. VIII. С. 66], *ёне вильӑх* «крупный рогатый скот» [28. С. 101]. В «Словаре чувашского языка» зафиксировано *ут-вильӑх* «конь» [2. Вып. III. С. 317]. В речи это слово приобретает значение множественности, в «Чувашско-русском словаре» зафиксировано *ут вильӑх* в собирательном значении «кони, лошади» [28. С. 519]. *Ут* – общетюркское слово. М.Р. Федотов отмечает, что «во всех тюркских языках *ат* легченый жеребец, мерин (алт., кирг.); лошадь как единичное существо; верховая лошадь» [26. Т. II. С. 293]. В тюркских языках встречаются парные слова с данным компонентом: башк. *ат hat* «разные лошади», «лошади и прочее» [6. С. 147], азерб. *ат-мал* «лошадь-скот», туркм. *ат-алаша* «конь-лошадь, полученная скрещиванием племенного ахалтекинского жеребца с простой кобылой», туркм. *ат-дуе* «лошадь-верблюд» [19. С. 107].

Путек-ҫатак «общее назв. ягнят» [2. Вып. X. С. 44], *пытяк-ҫатак* «ягнята вообще» [2. Вып. IX. С. 197]. *Путек-ҫатака кӑтӑрен кӑтсе илнӑ чухне те карта-мӑне хупиччен старик кашнине пӑрне хуҫса шутланӑ* (Капкӑн). Слово *ҫатак* в современном чувашском языке не употребляется, раньше словом *ҫатак* называли ласкательно ребят [2. Вып. XII. С. 69]. Можно предположить, что данное собирательное наименование животных возникло на основе ассоциативных отношений. Следует также отметить, что *ҫат* – имитатив, передающий «зрительно-слуховой эффект при раскалывании дерева (треск), разламывании веток под ногами (треск), ударе по щеке и т.д.» [11. С. 130]. В целом *ҫат-* передает значение громкого звука, сопровождающего различные действия: *патак-ҫатак* «побой и все, что им сопутствует»; «побой и все, что с ними

связано». А ягнята, как известно, очень подвижные, «шумные», вероятно, именно на связи ягнят и издаваемого ими шума и возникло ассоциативное парное слово *путек-çатак*. Но ср. *çат-* в *çатта-çарамас* «совершенно голый», *-çат(ăк)* в *çетĕк-çатăк* «рвань; голодранцы и т.п.».

Лаша-масар «лошади вообще» [2. Вып. VIII. С. 68]. Этимология слова *масар* не ясна. М.Р. Федотов с долей сомнения предполагает, что данное слово произошло от «др.-тюрк. *madar* демон, чудовище» и приводит соответствия в тюркских языках: тат. *мазар*, башк. *мазар*, которые пишутся после существительных, придавая значение приблизительности, неопределённости: тат. *кеше-мазар* «какой-то человек, кто-нибудь», башк. *унда кеше мазар бармы?* «Есть ли там кто-нибудь?» [26. Т. I. С. 344]. В башкирском языке, к примеру, встречается зооним с данным компонентом: *at madar* «разные кони»; башк. *at* «лошадь» + *madar* [6. С. 147].

Среди чувашских детей была популярна игра *шăши-мăшилле*, во время которой зажимали в руку какие-нибудь предметы (орехи) и спрашивали, сколько их. На первый взгляд кажется, что название данной игры произошло от конструкции *шăши-мăши*, образованной только на основе фонетического уподобления. Однако в «Словаре чувашского языка» зафиксировано *мăши* в значении «олень; название какого-то неведомого зверя» [2. Вып. VIII. С. 325], закономерный диалектный вариант литературного *лăши* «лось». В «Кратком чувашско-русском словаре» зафиксировано вряд ли однокоренное слово *мăшăлти* в значении «мешковатый; тюлень» [15. С. 115], последнее образовано на базе имитатива *мăш/мăш*, символизирующего сопение при затруднённых действиях, а также вынюхивание, принюхивание. Словом *шăши-мăши* именовали грызунов, обнюхивающих предметы в поисках съестного.

У отдельных зоонимов – парных слов затемнено лексическое значение первого компонента: *куй-сурăх* «ордынская овца» [2. Вып. VI. С. 254]. М.Р. Федотов приводит соответствия «тат., башк. *куй* курдючная овца; уст. овца (вообще) > чув.» [26. Т. I. С. 302]. *Куй* в современном чувашском языке не употребляется в качестве самостоятельного слова, в то время как в большинстве тюркских языках как основное название овцы выступает *кой/койун* (напр.: тур., гаг. *койун*, аз., турк. *гойун*; кар., к-балк., кум., ног., ккалп., каз. *кой*; алт. *кой*; узб. *куй*, уйг. *кой*; хак., тув. *хой*, чул. *кой*) [27. С. 62–63]. Ср.: азерб. *гојун-гузу* «овца и ягнята», азерб. *мал-гојун* «крупный рогатый скот-овцы» [19. С. 111], башк. *куй-һарык* «овцы» (*куй* «овца, баран», *һарык* «овца, баран») [4. С. 75], кумык. *къой-мал* («овца-скот») «мелкий рогатый скот» [5. С. 47]. В языках Поволжья употребляются также основные слова, обозначающие овцу: тат. *сарык*, башк. *харык*, чув. *сурăх/сорăх*. К примеру, «в современном татарском языке *куй* обозначает 'курдючная овца', его значение 'овца вообще', как отмечают словари, является устаревшим, тем не менее в современном татарском языке имеются сочетания слов, в которых *куй* выступает как основной компонент со значением 'овца': *куй койрыгы* 'курдюк', *куй сарыгы* 'курдючная овца', *куй тиресе* 'овечья шкура» [13. С. 89].

Редко в чувашском языке встречаются наименования животных, состоящие из трех слов: *лаши-ёни-сурăхĕ* «лошади-коровы-овцы» [23. С. 383]. Данное наименование также имеет собирательное значение, является общим названием домашних хозяйственных животных, как и *ёни-сурăх* «домашний скот».

В чувашском языке парные слова, образованные только на основе рифмы и обозначающие животных, в отличие от других тюркских языков (ср.: башк. *at hat* «разные лошади», «лошади и прочее» [6. С. 147], кумык. *ат-мат* «кони и прочее», «всякие там кони» [5. С. 47], башк. *һарык-марык* «овцы вообще, разные овцы» (*һарык* – овца, баран + *марык*)), нами не выявлены. Зоонимы чувашского

языка представлены парными словами, компоненты которых связаны по смыслу. К сожалению, у ряда парных слов в современном чувашском языке семантика одного из компонентов утрачена, поэтому сложно определить принцип, который лежал в основе номинации: *тиха-тёрке* «общее назв. жеребят» [2. Вып. XIV. С. 82], *тиха-тёрпе*, *тиха-тёрке* «молодые жеребята» [2. Вып. XV. С. 119]; *лаша-тёмре* «лошади» [2. Вып. VIII. С. 68].

Таким образом, в парные слова объединены неслучайные компоненты. Основная часть наименований животных в чувашском языке, представленных парными словами, образована на основе ассоциативных отношений, реже встречаются зоонимы, связанные синонимическими корреляциями. В языке наименования животных, представленные подобными конструкциями, приобретают собирательное значение и обозначают животных определенного класса, вида. Большинство компонентов и некоторые парные слова-зоонимы представлены общетюркскими словами. В составе зоонимов встречаются компоненты с затемненной семантикой. В целом, парные слова в чувашском языке, как и в родственных тюркских языках, придают речи выразительность, яркость, динамичность. Они возбуждают в душе говорящего или слушающего ощущение красоты и богатства языка.

Литература

1. Ашмарин Н.И. Материалы для исследования чувашского языка: в 2 ч. Казань: Типолитограф. Императорского ун-та, 1898. Ч. 1–2.
2. Ашмарин Н.И. Словарь чувашского языка. Чăваш сăмахĕсен кенеки. Казань; Чебоксары: Чувашгосиздат, 1928–1950. Вып. 1–17.
3. Гордлевский В.А. Грамматика турецкого языка // Избранные сочинения. М.: Изд-во вост. лит., 1961. Т. II. 558 с.
4. Дмитриев Н.К. Грамматика башкирского языка. М.; Л.: АН СССР, 1948. 276 с.
5. Дмитриев Н.К. Грамматика кумыкского языка. М.; Л.: АН СССР, 1940. 206 с.
6. Дмитриев Н.К. Строй тюркских языков. М.: Изд-во вост. лит., 1962. 608 с.
7. Древнетюркский словарь / ред.: В.М. Наделяев, Д.М. Насилов, Э.Р. Тенишев, А.М. Щербак. Л.: Наука, 1969. 676 с.
8. Егоров В.Г. Словообразование в тюркских языках // Структура и история тюркских языков. М.: Наука, 1971. С. 95–107.
9. Егоров В.Г. Этимологический словарь чувашского языка. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1964. 356 с.
10. Золотницкий Н.И. Корневой чувашско-русский словарь, сравненный с языками и наречиями разных народов тюркского, финского и других племен. Казань: Тип. Императорского ун-та, 1875. 279 с.
11. Корнилов Г.Е. Имитативы в чувашском языке. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1984. 184 с.
12. Муратов С.Н. Устойчивые словосочетания в тюркских языках. М.: Изд-во вост. лит., 1961. 132 с.
13. Мусаев К.М. Лексика тюркских языков в сравнительном освещении. М.: Наука, 1975. 356 с.
14. Научный архив Чувашского государственного института гуманитарных наук. Отд. I. Ед. хр. 326. Л. 133.
15. Никольский Н.В. Краткий чувашско-русский словарь. Казань: Изд. Казанского губернского отдела по просвещению, 1919. 336 с.
16. Павлов И.П. Парные слова в современном чувашском языке // Исследования по этимологии и грамматике чувашского языка. Чебоксары, НИИ ЯЛИЭ при СМ ЧАССР, 1988. С. 56–78.
17. Петров Л.П. Чувашская орнитонимия и история ее формирования: дис. ... канд. филол. наук. Чебоксары, 1995. 147 с.
18. Радлов В.В. Опыт словаря тюркских наречий: в 4 т. СПб., 1893–1911. Т. 1–4.
19. Рамазанов К.Т. Парные слова в тюркских языках юго-западной группы (названия животных, птиц, насекомых) // Сов. тюркология. 1971. № 6. С. 101–112.
20. Садыкова З.Р. Зоонимическая лексика татарского языка. Казань: Тат. кн. изд-во, 1994. 130 с.
21. Севортян Э.В. Словообразование в тюркских языках // Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков: в 4 ч. Ч. 2. Морфология. М.: АН СССР, 1956. С. 314–328.
22. Семенова Г.Н. Комpositoобразование в чувашском языке и его национальная специфика. М.: Прометей, 2005. 318 с.
23. Семенова Г.Н. Структурно-семантические типы парных слов в чувашском языке // Ашмаринские чтения: материалы межрегион. науч. конф. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2004. С. 379–388.

24. Семенова Г.Н., Иванова А.М. Словообразование в чувашском языке – II // Вестник Чувашского университета. 2013. № 1. С. 167–170.
25. Федотов М.Р. Сравнительная грамматика тюркских языков. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 1975. 220 с.
26. Федотов М.Р. Этимологический словарь чувашского языка: в 2 т. / ЧГИГН. Чебоксары, 1996. Т. 1. 470 с.; Т. 2. 509 с.
27. Хабибуллина З.А. Древнетюркские названия животного мира в современном башкирском языке. Уфа: Изд-во Башк. гос. пед. ун-та, 2008. 152 с.
28. Чувашско-русский словарь: ок. 40 000 слов / сост.: И.А. Андреев, А.Е. Горшков, А.И. Иванов и др.; под ред. М.И. Скворцова. М.: Рус. яз., 1982. 712 с.

СЕМЁНОВА ИРИНА ПЕТРОВНА – аспирантка кафедры русского языка и литературы, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (irinnasemenova@yandex.ru).

I. SEMYONOVA

PAIR WORDS IN CHUVASH ZOONYMY

Key words: *zonym, pair words, collective noun, correlation, Chuvash language, Turkic languages.*

The article deals with pair words in Chuvash zonymy and the identification of their main semantic types. The author gives correspondences of pair words and their components in the Turkic languages. The study showed that the pair words found among zonyms are formed on the basis of associative, synonymic relations. There are also components with obscure semantics. Pair words that name animals, acquire a collective meaning in the language and indicate a particular class of animals or species. Most of the pair words components are represented by the common Turkic words.

References

1. Ashmarin N.I. *Materialy dlya issledovaniya chuvashskogo yazyka* [Materials for Studying Chuvash Language]. Kazan, 1898, vol. 1–2.
2. Ashmarin N.I. *Slovar' chuvashskogo yazyka* [Chuvash Language Dictionary]. Kazan, Cheboksary, Chuvashgosizdat Publ., 1928–1950, vol. 1–17.
3. Gordlevskiy V.A. *Grammatika turetskogo yazyka* [Turkish Language Grammar]. *Izbrannye sochineniya* [Selected works]. Moscow, Vostochnaya literatura Publ., 1961, vol. II, pp. 63–64.
4. Dmitriev N.K. *Grammatika bashkirskogo yazyka* [Bashkir Language Grammar]. Moscow, Leningrad, 1948, 276 p.
5. Dmitriev N.K. *Grammatika kumyjskogo yazyka* [Kumyk Language Grammar]. Moscow, Leningrad, 1940, 206 p.
6. Dmitriev N.K. *Stroy tyurkskikh yazykov* [System of Turkic languages]. Moscow, Vostochnaya literatura Publ., 1962, 608 p.
7. Nadelyaev V.M., Nasilov D.M., Tenishev E.R., Shcherbak A.M., eds. *Drevnetyurkskiy slovar'* [Ancient Turkic Dictionary]. Leningrad, Nauka Publ., 1969, 676 p.
8. Egorov V.G. *Slovoslozhenie v tyurkskikh yazykakh* [Word Composition in Turkic Languages]. *Struktura i istoriya tyurkskikh yazykov* [Structure and history of Turkic languages]. Moscow, Nauka Publ., 1971, pp. 95–107.
9. Egorov V.G. *Etimologicheskii slovar' chuvashskogo yazyka* [Chuvash Language Etymological Dictionary]. Cheboksary, Chuvash Publishing House, 1964, 356 p.
10. Zolotnitskiy N.I. *Komevoy chuvashsko-russkiy slovar' v sravnennykh s yazykami i narechiyami raznykh narodov tyurkskogo, finskogo i drugih plemen* [Root Chuvash-Russian Dictionary as Compared with Languages and Dialects of Different Peoples of Turkic, Finnish and Other Tribes]. Kazan, 1875, 279 p.
11. Kornilov G.E. *Imitativy v chuvashskom yazyke* [Imitative Words in Chuvash Language]. Cheboksary, Chuvash Publishing House, 1984, 184 p.
12. Muratov S.N. *Ustoichivye slovosochetaniya v tyurkskikh yazykakh* [Collocations in Turkic Languages]. Moscow, Vostochnaya literatura Publ., 1961, 132 p.
13. Musaev K.M. *Leksika tyurkskikh yazykov v sravnitel'nom osveshchenii* [Turkic Languages Vocabulary in the Comparative Light]. Moscow, Nauka Publ., 1975, 356 p.
14. *Nauchnyi arkhiv Chuvashskogo gosudarstvennogo instituta gumanitarnykh nauk. Otdel I. Edinitsa khraneniya 326. List 133* [Scientific archives of the Chuvash State Institute of the Humanities. Archive I. Storing Unit 326. P. 133].
15. Nikol'skii N.V. *Kratkii chuvashsko-russkii slovar'* [Concise Chuvash-Russian Dictionary]. Kazan, 1919, 336 p.

16. Pavlov I.P. *Parnye slova v sovremennom chuvashskom yazyke* [Pair Words in Modern Chuvash Language]. *Issledovaniya po etimologii i grammatike chuvashskogo yazyka* [Research on Etymology and Grammar of Chuvash Language]. Cheboksary, 1988, pp. 56–78.
17. Petrov L.P. *Chuvashskaya ornimonimiya i istoriya ee formirovaniya: dis. ... kand. filol. nauk.* [Chuvash Ornithonymy and History of its Formation. Cand. Diss.]. Cheboksary, 1995, 147 p.
18. Radlov V.V. *Opyt slovarya tyurkskih narechii* [Experience of Dictionary of Turkic Dialects]. St. Petersburg, 1893–1911, vol. 1–4.
19. Ramazanov K.T. *Parnye slova v tyurkskikh yazykakh yugo-zapadnoi gruppy (nazvaniya zhi-votnykh, ptits, nasekomykh)* [Pair Words in Turkic Languages of South-Western Group (names of animals, birds, insects)]. *Sovetskaya tyurkologiya* [Soviet Turkology], 1971, no. 6, pp. 101–112.
20. Sadykova Z.R. *Zoonimicheskaya leksika tatarskogo yazyka* [Zoonyms of Tatar Language]. Kazan, Tatar Publishing House, 1994, 130 p.
21. Sevortyan E.V. *Slovoobrazovanie v tyurkskikh yazykakh* [Word Formation in Turkic Languages]. *Issledovaniya po sravnitel'noi grammatike tyurkskikh yazykov: v 4 ch.* [Studies on Comparative Grammar of Turkic Languages. 4 vols.]. Moscow, 1956, vol. 2, pp. 314–328.
22. Semenova G.N. *Kompozitooobrazovanie v chuvashskom yazyke i ego natsional'naya spetsifika* [Word Composition in Chuvash Language and its National Specificity]. Moscow, Prometei Publ., 2005. 318 p.
23. Semenova G.N. *Struktarno-semanticheskie tipy parnykh slov v chuvashskom yazyke* [Structural-and-Semantic Types of Pair Words in Chuvash Language]. *Ashmarinskie chteniya: materialy mezhregion. nauch. konf.* [Proc. of Int. Sci. Conf. «Ashmarin readings»]. Cheboksary, Chuvash State University Publ., 2004. pp. 379–388.
24. Semenova G.N., Ivanova A.M. *Slovoobrazovanie v chuvashskom yazyke* [Word-Formation in Chuvash Language. Vol. II]. *Vestnik Chuvashskogo universiteta*, 2013, no. 1, pp. 167–170.
25. Fedotov M.R. *Sravnitel'naya grammatika tyurkskikh yazykov* [Comparative grammar of Turkic languages]. Cheboksary, Chuvash State University Publ., 1975, 220 p.
26. Fedotov M.R. *Etimologicheskii slovar' chuvashskogo yazyka* [Etymological dictionary of the Chuvash language]. Cheboksary, 1996, vol. 1, 470 p.; vol. 2, 509 p.
27. Khabibullina Z.A. *Drevnetyurkskie nazvaniya zhiivotnogo mira v sovremennom bashkirskom yazyke* [Ancient Turkic Names of Animals in Modern Bashkir language]. Ufa, Bashkir State Pedagogical University Publ., 2008, 152 p.
28. *Chuvashsko-russkiy slovar'* [Chuvash-Russian Dictionary]. Moscow, Russkiy yazyk Publ., 1982, 712 p.

SEMYONOVA IRINA – Post-Graduate Student, Russian Language and Literature Department, Chuvash State University, Cheboksary, Russia.

Ссылка на статью: Семёнова И.П. Парные слова в составе чувашских зоонимов // Вестник Чувашского университета. – 2015. – № 4. – С. 267–274.

УДК 135.3
ББК Э391.219

В.И. СЕРГЕЕВ

НУМЕРОЛОГИЯ И СИМВОЛИКА ЧИСЕЛ В ЖИЗНИ ЛЮДЕЙ И СУДЬБЕ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА (этнолингвистический этюд)

Ключевые слова: символ, монада, нумерология, мистика, божественная тройка, четыре первоэлемента, шестерка, священная семерка, этнолингвистика, этнография, этнология.

Статья посвящена изучению нумерологии и символики чисел от единицы до дюжины. Числа являются одним из самых интригующих символов. Нумерология возникла из убеждения, что предсказание судьбы возможно только благодаря числам. Традиционно каждое число имеет собственное значение, является символом. Единица обозначает первоисточник творения. Двойка – символ союза мужчины и женщины. Тройка – символ троицы, а также союза ума, тела и души. Цель работы: на основе собранного из разных источников фактического материала, используя сравнительно-сопоставительный метод, описать символику чисел от единицы до дюжины. Новизна исследования заключается в том, что вопросы нумерологии в отечественном языкознании и этнолингвистике поднимаются впервые. В перспективе исследование символики чисел мы намереемся довести до ста.

В отечественной этнографии, этнологии, лингвистике, этнолингвистике нумерология как наука и символика чисел, как часть ряда наук, не стали областью пристального внимания и изучения ученых. Между тем пифагореизм как религиозно-философское и математическое учение, основанное греческим философом, математиком, религиозным и политическим деятелем Пифагором Самосским (жил в Древней Греции VI–IV вв. до н.э.), исходил из представления о числе как основе всего существующего. Пифагор твердил, что «самое мудрое – число», «все расположено в соответствии с числами» [5. С. 99].

Существуют разные гипотезы возникновения цифры *один* (1), среди них концептуальная, или вербальная: человек имеет врожденный концепт *один* как точку отсчета и концептуальный аппарат для реконструирования следующих за ним чисел. В этом отношении особый интерес представляет высказывание философа В.З. Панфилова, который этимологический анализ числительного «один» в различных языках рекомендовал связывать с анализом личного местоимения 1-го лица единственного числа [6. С. 178–181]. Истинность данного высказывания В.З. Панфилова можно подтвердить на материале тюркских языков: *би* «я»+*ир* «человек, мужчина» > *би:р* > *бир* «один». Это объясняется тем, что понятие *один* формировалось путем осознания человеком своего собственного «я» – нечто такого, что обособлено и противопоставляется как внешнему миру, так и другим членам той общности, к которой он относился. *Один* (единица) символизирует первичную целостность, Бога. Например, в древнетюркском языке слово *bir* дано в значении «единый бог» [3. С. 101]. Мистическое единение (лат. *unio mystica*) – мысленное стремление соединиться с богом посредством растворения собственного сознания в Боге [7. С. 114–116].

В подзаголовке нашей статьи написано: «этнолингвистический этюд». Это значит, что описание символики чисел основано на комплексной дисциплине, изучающей языковые факты (названия чисел) в их отношении к традиционной духовной культуре народов, их мировоззрению и представлениям об объективной действительности. Мы ставим цель – исследовать номенклатуру чисел от 1 до 13 в языках сквозь призму человеческого сознания, менталитета, бытового и обрядового поведения, различного рода мифологических

представлений. В связи с этим и метод описания чисел носит название «комбинированный», т.е. это и описательный, и сравнительный, и сопоставительный (типологический) и др. В более широком смысле этнолингвистика рассматривается как сложная дисциплина с комплексом методов.

Числа раскрывают суть явлений и событий – в это верят адепты и нумерологи. Согласно этой теории, с помощью чисел можно постичь тайны бытия и расшифровать послания древних. Спекуляции (расчет, умысел) относительно чисел можно обнаружить уже у шумеров и античных философов. С недавнего времени интерес к числам возродился среди эзотериков (посвященных мистическим учениям) и конспирологов (соблюдающих, сохраняющих тайны). Приверженцы нумерологии убеждены, что числа благодаря магической силе влияют на жизнь человека [1. С. 54].

Нумерология не была чужда древним египтянам, ассоциировавшим некоторые числа с богами [4. С. 143].

В статье числа представлены в следующем порядке: на первом месте чувашские варианты, затем – татарские, английские, немецкие аналоги.

Символическое (мистическое) значение чисел:

1. Чув. *пёрре* ~ *пёр*; тат. *бир*; англ. *one*; нем. *ein*; лат. *un* «один». Есть мнение, что цифра 1 и слово *один* символизирует идею единства космоса, вселенной. Издревле (со времен Пифагора), число «один» называется монадой и считается символом мудрости. Единица – монада, единица – мистика, и все эти понятия связаны с идеями, обозначающими вообще стремление постигнуть сверхъестественное, божественное. Мистическое единение (лат. *unio mystika*) – мысленное стремление соединиться с Богом посредством растворения собственного сознания в Боге. Единица означает первоисточник творения, единство всего живого.

2. Чув. *иккё*, *икё*, *ик*; тат. *ике*; англ. *two*; нем. *zwei* «два». Проявление символического значения у числа «два» обусловлено принципом парности, пронизывающим всю архаическую модель мира, и особой значимостью культа близнецов и его парных символов [4. С. 144]. Человеческие двойки считались плохим предзнаменованием, предвещающим смерть. Двойка – союз мужчины и женщины, единство противоположностей.

3. Число «три» (чув. *виççё*, *виçё*, *виç*; тат. *эч*; англ. *three*; нем. *drei*) считается самым счастливым и священным числом в языках мира, по-другому его называют божественной тройкой.

В культурах Запада и Востока число «три» окружалось мистическим ореолом. Уже в древнегреческом пантеоне три брата – Зевс, Посейдон и Аид – делят власть над землей, океаном и подземным миром. В Египте почитали троицу, состоящую из Исиды, Осириса и Гора, а индуистские божества возглавляет триада – Брахма, Вишну и Шива. Ни для кого не секрет, что в монотеистических религиях цифра (3) могла олицетворить божественные сущности. Свидетельством тому служит учение о христианской Троице: триединство Бога – Отца, Бога – Сына и Святого духа.

На всех иллюстрациях Божье Око неизменно заключено в треугольник.

4. Символика числа «четыре» (чув. *тăваттă*, *тăватă*, *тăват*; тат. *дүрт*; англ. *four*, нем. *vier*).

Божественной тройке противостоит четвёрка (4), связанная скорее всего с земным. Она символизирует действительность, видимые вещи и стихии.

Символика числа «четыре» связана с представлениями о четырёхугольной горизонтальной структуре мифологической модели мира: *Амăрт кайăк пулас-мён*: *тăват кётеслĕ çанталăка вёçсе çурес-мён* [Фольк.] «Был бы я

орлом крылатым, я б облетел весь четырёхугольный мир». Символизм данного числа связана с квадратным и четырёхконечным крестом. Квадрат – эмблема земли у многих народов, а крест, кроме прочего, – символ целостности [2. С. 16]. У пифагорцев «четыре» было первым числом, которому было приписано геометрическое тело, *тетраэдр* – четырёхугольник, четыре первоэлемента и четыре стихии – земля, воздух, вода и огонь [5. С. 101].

С четверкой связаны пространство и время: год и четыре времени года, жизнь человека со всеми её этапами: детство, молодость, зрелость, старость, горизонт с четырьмя сторонами света: север, запад, юг, восток.

5. Символика числа «пять» (чув. *пиллэк*, *пилэк*; тат. *биш*; англ. *five*; нем. *fünf*).

Происхождение числительных *пиллэк*, *аллэ* «пятьдесят» связано с понятием «руки – пятерки». Первобытный человек для обозначения чисел прибегал к жестам руки, раскрытая рука изображала число *пять* [9. С. 77–79].

6. Символика числа «шесть» (чув. *улт*, *ултэ*, *улттэ*; тат. *алты*; англ. *six*; нем. *sechs*).

Три шестерки – число дьявола в христианстве, в мировой культуре *шесть* – символ союза и равновесия, пифагорейской системе – знак удачи, счастья. Куб, который, как известно, состоит из шести граней, – геометрический символ устойчивости и истины.

В русской традиции с этим числом связаны негативные коннотации: слово *шестерка* означает «подхалим, стукач, холуй» [5. С. 101].

Шестёрка – сумма первых трёх божественных чисел, реализация задуманного, префекционизм [10. С. 101].

7. Символика числа «семь» (чув. *сич*, *сичэ*, *сиччэ*; тат. *жиде*; англ. *seven*; нем. *sieben*).

Из небесной тройки и земной четвёрки вырастает священная семерка. Она – символ целостности и завершенности, поскольку, по законам нумерологии, объединяет божественное и мирское. Первоначальная символика семерки также происходит из Вавилона, где звездочеты обнаружили семь небесных тел: Солнце и Луну, а также Меркурий, Венеру, Марс, Юпитер, Сатурн. Согласно разысканиям античных авторов, эти семь небесных тел формируют сем сфер (ср. чув. *сичэ хутлэ пёлёт* «семислойное небо») и посредством трения порождают семь музыкальных нот: *до, ре, ми, фа, соль, ля, си*.

Семерка встречается в Библии чаще других чисел, прежде всего – в последней части Апокалипсиса. Здесь повествуется, как будет открыта книга с семью печатями. Это число – в семиствольном светильнике, семи таинствах, семи просьбах молитвы «Отче наш», семи добродетелях или семи словах Христа на кресте. Хотя оно иногда трактуется и как роковое: смертных грехов как раз семь [1. С. 57–58].

8. Восьмерка – (чув. *саккяр*, *сакяр*; тат. *секуз*; англ. *eight*, нем. *acht*) – символ возобновления, восстановления и перерождения. Восемь – в оккультизме – символ равновесия. Нумерология не была чужда древним египтянам, ассоциировавшим некоторые числа с богами. Например, восьмерка (8) – это четыре изначальных сущности, которые при удвоении становились восемью духами.

Символический смысл дат (чисел) учитывается даже при принятии политических решений. Характерный пример: на завершающем этапе обсуждения конституции ФРГ, в 23.30, будущий канцлер Аденауэр призвал ускорить процесс, напомнив, что на календаре 8 мая: «Я полагаю, – сказал он, – ... основной закон должен быть принят 8 мая. За четыре года до этого 8 мая 1945 г., Германия подписала капитуляцию, и Вторая мировая война завершилась».

Девятка (чув. *tăxhăp, tăxăp*; тат. *тугуз*; англ. *nine*, нем. *neun*) – три раза по три – завершение и достижение, т.е. девять – это три в усиленной форме, т.е. утроенная триада.

Британский философ Р. Бэкон (около 1214–1292), который снискал славу первого естествоиспытателя средневековья и считался основоположником современного эмпиризма, был убежден, что девятка (9) имеет душу. Определенная последовательность цифр кажется божественным предзнаменованием. В дни наподобие 09.09.09 ЗАГСы переполнены, а наиболее популярным временем заключения брака в тот памятный день было 09.09 – так в храме Куала-Лумпура 99 пар одновременно произнесли «Да!» [1. С. 59].

Десятка (чув. *вуннă, вунă, вун*; тат. *он*; *ун* англ. *ten*; нем. *zehn*) – сумма всех возможностей.

Идеальным числом для нумерологов также является дюжина [фр. *douzaine* восходит к лат. *duodecim* «двенадцать»]. Она символизирует действительность, видимые вещи и стихии. Это число по-другому называется божественной дюжиной. Дюжина идеальная проявляется в 12 месяцах года; в 12 знаках Зодиака, двенадцати часах дня и ночи. В библии она встречается часто: например, 12-летний Иисус беседует со старейшинами в храме, затем он объединяет вокруг себя 12 апостолов и предсказывает, что в день Страшного суда они будут восседать на 12 престолах. Наиболее известная божественная дюжина – это боги – олимпийцы у древних греков; в мифе о Геракле ему приписано 12 подвигов [1. С. 58].

Известны так называемые «дванадцатые праздники», их 12, они являются важнейшими для православных: Рождество Богородицы, Введение в Храм, Благовещение, Успение Богородицы, Рождество Христово, Крещение, или Богоявление, Сретение Господне, Преображение, Вход Господен в Иерусалим, Вознесение Господне, Пятидесятница, Воздвижение [11. С. 487].

А вот число *тринадцать* – «чёртова дюжина» – считается несчастливым. Дурная слава закрепилась за ним ещё в древности. У вавилонян тринадцатый (дополнительный) месяц именовался «вестником несчастья», у китайцев – «владыкой бед». Исследователи матриархата исходят из того, что изначально тринадцать было священным счастливым числом. В матриархальных обществах обычно использовался не солнечный, а лунный календарь, по которому год делился на тринадцать месяцев. В конце года, на зимнее солнцестояние, солнце якобы умирает, и это происходит именно в тринадцатом месяце. Впрочем, откуда именно у тринадцати (13) дурная репутация, понять не просто.

Вера в счастливое число основана на представлении, что жизнь человека особым образом связана с числами. Его якобы можно вычислить по определённой формуле, но вариантов такое множество, что однозначно определить своё счастливое (заветное) число невозможно. Все натуральные числа (1, 2, 3, 4, 5 и т.д.) наделялись особой силой и тайным смыслом: и вот среди них число 13 было священным, а стало дьявольским, т.е. «чёртовой дюжиной» [1. С. 58–59].

Представленное нами пионерное описание чисел основано не на собственном исследовании, а на высказываниях различных авторов. Это прелюдия к большому «плаванию» среди чисел. Чтобы говорить о научной новизне статьи, ставившей своей целью определить только подход к предмету «нумерология», тем более о практической значимости чисел в пределах от единицы до тринадцати (1–13), нужно целенаправленное исследование символики чисел хотя бы от единицы до ста (1–100) и на этой основе можно будет делать какие-то выводы. Нумерология как наука сейчас развита в Японии, Корее, Китае, США и Анг-

лии. Развитость этой науки отражается на развитости экономики, промышленности, сельского хозяйства и других отраслей производства, не говоря уже о таких науках, как философия, лингвистика и математика.

Когда данная статья была уже подготовлена к печати, мы ознакомились с монографией Ю.С. Степанова, в которой «Число, счет» включены как концепты в 9-м разделе [8. С. 507–579].

Литература

1. Великие иллюзии нашего мира. Тайны, символы и знаки мировой истории. М.: Ридерз Дайджест, 2014. 303 с.
2. Волков М.К. О числительных «один» и «семь» в испанском, чувашском и тюркских языках // Народная школа. 2009. № 4. С. 64–66.
3. Древнетюркский словарь. Л.: Наука, 1969. 676 с.
4. Егоров Н.И. Числовая символика в мифах // Культура чувашского края. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1994. Ч. I. С. 143–147.
5. Маслова В.А. Введение в когнитивную лингвистику. М.: Флинта; Наука, 2004. 204 с.
6. Панфилов В.З. Философские проблемы языкознания. М.: Наука, 1977. 288 с.
7. Сергеев В.И. Лингвотактика, лингвотакмемика и лингвосимволика. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та. 2015. 197 с.
8. Степанов Ю.С. Константы: словарь русской культуры. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Академический Проект, 2004. 992 с.
9. Федотов М.Р. Чувашский язык в семье алтайских языков. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1986. Ч. III. 127 с.
10. Фонтана Д. Тайный язык сновидений. Ключ к загадкам подсознания. М.: Контэнт, 2011. 176 с.
11. Шульц Г. Всероссийский словарь-толкователь. СПб., 1893. 576 с.

СЕРГЕЕВ ВИТАЛИЙ ИВАНОВИЧ – доктор филологических наук, профессор кафедры чувашского языкознания и культуры, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (cervitchuv45@rambler.ru).

V. SERGEYEV

NUMEROLOGY AND NUMERICAL SYMBOLISM IN LIFE OF PEOPLE AND IN FATE OF MANKIND (ETNOLINGUISTIC ETUDE)

Key words: *symbol, monad, numerology, mysticism, divine trinity, the Four Elements, number «6», sacred number «7», etnolinguistics, ethnography, ethnology.*

The paper is devoted to the study of numerology and symbolism of numbers from «1» up to «12». Numbers are the most intriguing symbols. Numerology arose from the opinion that the prediction of fate is possible only thanks to numbers. Traditionally every number has had its own meaning, and thus has been considered as a symbol. Number «1» symbolises the original source of world creation or creator (God). Number «2» is a symbol of a man's and woman's union. Number «3» is a symbol of trinity, as well as the union of intellect, body and soul. The purpose of this paper is to describe the symbolism of numbers ranging from «1» to «12» based on actual and scientific material collected from different sources using the comparative method. The novelty of this research lies in the fact that the issues of numerology are being raised in the national linguistics and ethnolinguistics for the first time. In the future, the author intends to study the symbolic meaning of all the numbers up to «100».

References

1. *Velikiye illyusii nashego mira* [Great Illusions of our World]. Moscow, Readers Digest Publ.t, 2014, 303 p.
2. Volkov M.K. *O chislitelnykh «odin» i «sem» v ispanskom, chuvashskom i tyrkskich yazykah* [About Numerals «One» and «Seven» in Spanish, Chuvash and Turkish Languages]. *Narodnaya shkola*, 2009, no. 4, pp. 64–66.
3. *Drevneturkskiy slovar* [Ancient Turkish dictionary]. Leningrad, Nayka Publ., 1969. 676 p.
4. Egorov N.I. *Ghislovaya simvolika v mifach* [Number Symbolism in Mythology]. *Kultura chuvashskogo kraja, chast I* [Chuvash Culture. Part 1]. Cheboksary, Chuvash Publishing House, 1994, pp. 143–147.

5. Maslova B.A. *Vvedeniye v kognitivnyuyu lingvistiku* [Introduction in Cognitive Linguistics]. Moscow, Nauka Publ., 2004, 204 p.
6. Panfilov V.Z. *Filosofskiye problemy yazykoznaniiya* [Philosophical problems of linguistics]. Moscow, Nauka Publ., 1977, 288 p.
7. Sergeyev V.I. *Lingvotaktika, lingvotagmemica i lingvosymbolika* [Lingvotactics, lingvotagmatics and lingvosymbolism]. Cheboksary, Chuvash State University Publ., 2015. 191 p.
8. Stepanov Yu.S. *Konstanty: Slovar russkoy kultury. 3-e izd., isprav. i dop.* [Constants: Russian cultural dictionary. 3rd ed.]. Moscow, Academician Project Publ., 2004, 992 p.
9. Fedotov M.R. *Chuvashskiy yazyk sredi altaiskich yazykov. Chast III* [Chuvash Language amongst Altaic Languages. Part III]. Cheboksary, 1986, 127 p.
10. Fontana D. *The new secret language of dreams*. San Francisco, Duncan Baird Publ., 2008 (Russ. ed.: Fontana D. *Tainyi yazyk snovidenii. Klyuch k zagadkam podsoznaniya*. Moscow, Kontent Publ., 2011, 176 p.).
11. Schul'z G. *Vserossiyskiy slovar'-tolkovatel'* [All Russian explanatory dictionary]. St. Petersburg, 1893, 576 p.

SERGEYEV VITALIY – Doctor of Philological Sciences, Professor, Chuvash Linguistics and Culture Department, Chuvash State University, Cheboksary, Russia.

Ссылка на статью: Сергеев В.И. Нумерология и символика чисел в жизни людей и судьбе человечества (этнолингвистический этюд) // Вестник Чувашского университета. – 2015. – № 4. – С. 275–280.

УДК 811.111'361+811.512.111'361
ББК Ш12=432.1*221+Ш12=635.1*221

И.Г. ТРОФИМОВА

СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ СЛОЖНОПОДЧИНЕННЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ С ПРИДАТОЧНЫМИ ВРЕМЕНИ В АНГЛИЙСКОМ И ЧУВАШСКОМ ЯЗЫКАХ

Ключевые слова: сложноподчиненное предложение, главное предложение, придаточное предложение, союз, деепричастие, глагол-сказуемое.

Приводятся результаты сравнительно-сопоставительного изучения структурно-семантических особенностей сложноподчиненных предложений с придаточными предложениями времени в английском и чувашском языках. В английском языке придаточное предложение времени вводится в главное при помощи союзов и союзных слов. В чувашском языке связь придаточного предложения с главным осуществляется при помощи относительных слов, послелогов и служебных имен. Союзы в английском языке, аффиксы и послелогов в чувашском влияют на выбор формы глагола-сказуемого в главном и придаточном предложениях. В обоих языках между главными и придаточными предложениями времени существуют отношения одновременности, предшествования и последующего совершения действий. В английском языке возможность выражения сложных отношений между главным и придаточным предложениями зависит в основном от временной формы и состава сказуемого, в чувашском языке – от временной формы сказуемого и лексического значения послелогов и аффиксов.

Вопросы синтаксиса сложноподчиненного предложения (СПП) в английском языке остаются актуальными и по сей день. Это связано прежде всего с недостаточной разработанностью темы как в теоретическом, так и в практическом плане. При разработке теории СПП всегда встает вопрос о классификации предложений этого типа. Существуют разные виды классификации СПП в зависимости от общего подхода к проблеме СПП и его отношения к простому предложению. Исследования по данной проблеме отражены в работах таких российских англистов, как В.И. Жельвис, Б.А. Ильиш, Л.Л. Иофик, И.П. Верховская, Я.Г. Биренбаум, Н.А. Бушуева и др. Одной из наиболее распространенных как в отечественной, так и зарубежной лингвистике является традиционная классификация, которая основывается на аналогии сложноподчиненного предложения и простого предложения. При этом придаточные предложения приравниваются к членам простого предложения. Некоторые ученые, исходя из соотношения придаточного предложения с главным, среди СПП выделяют одночленные (нерасчлененные) и двучленные (расчлененные) предложения (И.П. Ильин, Б.С. Хаймович).

В американской и британской лингвистических школах также возникла классификация придаточных предложений в зависимости от того, какое слово (часть речи) они замещают в простом предложении – существительное, прилагательное или наречие. По аналогии с членами простого предложения выделяются и типы придаточных предложений: субстантивные (Nominal clauses), адъективные (Attributive clauses) и адвербиальные (Adverbial clauses).

Дж. Брайант, В. Стокоу считают, что придаточные предложения употребляются как части речи – наречие, прилагательное, существительное [11].

О. Есперсен делит придаточные предложения на три группы:

1) первичные (дополнительные, вопросительные, относительные);
2) вторичные (относительно-ограничительные и неограничительные, контактные);

3) третичные (придаточные места, времени, контраста, образа действия, сравнения, причины, цели, результата, условия, ограничения, уступительные, индифферентные, параллельные) [12].

Таким образом, современный уровень развития лингвистики, в частности синтаксиса, не позволяет найти единого решения проблемы СПП.

Среди работ по синтаксису тюркских языков тема СПП является одной из наиболее часто встречающихся. Отдельные исследователи занимаются ею в течение многих лет. Однако, несмотря на это, как раз в вопросах СПП наблюдаются наибольшие расхождения во взглядах тюркологов. Это связано с разным пониманием характера причастных, деепричастных и глагольно-именных оборотов.

Существуют три подхода к СПП и придаточному предложению.

Одни исследователи все причастные, деепричастные и глагольно-именные обороты относят к придаточным предложениям (В.А. Гордлевский, А.Н. Кононов и др.). Другими учеными в качестве критерия придаточного предложения принимается обычно лишь форма сказуемого: если последнее выступает в личной форме, т.е. спрягается, то данное словосочетание признается предложением, если сказуемое не удовлетворяет указанному условию, то словосочетание (причастные, деепричастные и глагольно-именные обороты) признается лишь «развитым», «развернутым» членом простого предложения. Третьи считают, что придаточными являются только те конструкции с неличными формами глагола, которые имеют свое собственное подлежащее. Последняя концепция была разработана известным тюркологом Н.К. Дмитриевым [3]. Его положения о причастных и деепричастных конструкциях поддерживаются многими современными тюркологами, занимающимися вопросами синтаксиса (М.З. Закиев, Г.Г. Сайтбатталов, Е.М. Убрятова, И.А. Андреев).

Основы исследования вопросов синтаксиса чувашского языка были заложены еще в конце прошлого столетия Н.А. Ашмариним. Он рассматривал лишь некоторые вопросы СПП, так как дело изучения тюркских языков тогда только зарождалось. В послереволюционный период немало чувашских исследователей внесли свой вклад в изучении синтаксиса чувашского языка [5].

Подробно изучены вопросы синтаксиса чувашского языка И.П. Павловым [9]. Надо указать, что в его исследованиях содержится ряд весьма ценных наблюдений и выводов. Другой исследователь, Н.А. Резюков, на основе положений Ашмарина делает некоторые выводы о средствах связи придаточного предложения с главным [10]. Но он не отвечает на ряд вопросов, поставленных им в своей статье в связи с затронутой проблемой.

Вопросами синтаксиса чувашского языка занимался И.А. Андреев [1]. Им сделано довольно много исследований в этой области. Вслед за Н.К. Дмитриевым и некоторыми другими тюркологами он считает, что причастные и деепричастные обороты с неличными формами глагола являются придаточными предложениями. По его мнению, основным грамматическим признаком таких придаточных предложений является наличие самостоятельно выраженного подлежащего и сказуемого. Средствами связи этих придаточных предложений с главными служат либо послелоги, которые тем самым выполняют функции подчинительных союзов, либо форма сказуемого придаточного предложения, либо занимаемое им в предложении место [2].

Вопросами синтаксиса чувашского языка, в том числе сложноподчиненного предложения, занимались и такие исследователи, как С.П. Горский, М.Ф. Чернов, А.Р. Губанов и др.

Современный исследователь чувашского синтаксиса А.М. Иванова выделяет по конструкции две группы сложноподчиненных предложений в чувашском языке [6]. В первой группе сказуемое придаточной части выражается спрягаемой (личной) формой глагола. В таких конструкциях главное и прида-

точное предложение соединяются союзами и союзными словами. Придаточные предложения, сказуемые которых выражено глаголами личной формы, могут употребляться без отдельно выраженного подлежащего. Во вторую группу входят СПП, в которых сказуемым зависимого компонента является неличная форма глагола – причастие, деепричастие, субстантивированное имя. В этих конструкциях придаточная часть подчиняется главному предложению при помощи аффиксов, послелогов, порядка расположения частей.

Таким образом, в английском языкознании проблема СПП связана с классификацией придаточных частей, в тюркологии – с различным пониманием природы причастных, деепричастных и глагольно-именных оборотов.

Данная работа представляет собой попытку сопоставительного исследования английских и чувашских СПП с придаточными предложениями времени.

Задачей работы является выяснение сходства и различия сложноподчиненных предложений с придаточными времени в языках двух систем, а именно:

- а) в типах связи придаточного предложения с главным;
- б) в типах сказуемых обеих частей предложения;
- в) выяснение структурно-семантических особенностей внутри самих английских и чувашских предложений.

При исследовании мы пользовались такими распространенными в лингвистике методами, как сравнительно-сопоставительный, чисто описательный, статистический, а также методом структурно-семантического анализа.

Для статистического анализа были взяты полные выборки из текстов романов С.Р. Snow «Time of Hope» (345 с.) и В.И. Краснова-Асли «Вутра» (290 с.). В некоторых случаях для иллюстраций СПП использовались записи образцов чувашской разговорной речи.

В английском языке было проанализировано 492, а в чувашском языке – 313 предложений с временными союзами, или subordinаторами. Из приведенной ниже таблицы хорошо видно, как часто встречаются те или иные subordinаторы в сопоставляемых языках.

Таблица показывает, что в английском языке самым распространенным союзом является союз «when». Другие союзы, выражающие разнообразные оттенки временных отношений между главным и придаточным предложениями, встречаются гораздо реже.

Относительные (союзные) слова в чувашском языке развиты очень слабо. Главными средствами связи являются послелог и служебные имена. Самым общим выразителем временных отношений является деепричастие с аффиксом -сан/-сен.

Средством связи между главным и придаточным предложениями служит также форма сказуемого в придаточном предложении. Анализ сказуемых СПП представляет большой интерес. В английском языке в этом отношении наиболее исследованными являются СПП с придаточной частью, вводимой союзами «when» и «while». Объем статьи не позволяет рассматривать придаточные предложения, вводимые другими союзами, поэтому ограничимся союзом «when». Союз «when» чаще других временных союзов выражает осложненные значения.

С точки зрения особенностей сказуемых обеих частей СПП в английском языке могут быть разделены на следующие типы [4].

I. Предложения, сказуемые обеих частей которых простые глагольные. Они, в свою очередь, подразделяются на следующие подтипы:

- а) Глагол-сказуемое одной из частей стоит в одном из продолженных времен; наиболее употребительны предложения, где глагол-сказуемое одной

из частей (чаще главной) стоит в одном из продолженных времен, а глагол-сказуемое другой части – в одном из неопределенных времен. Например: *One December evening I was reading, trying to pluck up the fortitude to go into that room and calm her, when the telephone rang* [13. P. 34].

Субординаторы	Английский язык	Количество и процентное соотношение	Английский язык
	When		249 (50,7%)
Before.....	68 (13,8%)	Before.....	68 (13,8%)
As.....	56 (11,4%)	As.....	56 (11,4%)
Until.....	38 (7,7%)	Until.....	38 (7,7%)
While.....	27 (5,5%)	While.....	27 (5,5%)
Since.....	18 (3,7%)	Since.....	18 (3,7%)
After.....	15 (3,1%)	After.....	15 (3,1%)
As soon as.....	12 (2,4%)	As soon as.....	12 (2,4%)
As long as.....	5 (1,0%)	As long as.....	5 (1,0%)
Each time.....	5 (1,0%)	Each time.....	5 (1,0%)
Чувашский язык		Чувашский язык	
-сан/-сен	210 (70,2%)	-сан/-сен	210 (70,2%)
-иччен	23 (7,3%)	-иччен	23 (7,3%)
Хыççăн.....	18 (5,7%)	Хыççăн.....	18 (5,7%)
Чухне.....	14 (4,4%)	Чухне.....	14 (4,4%)
-ранпа/-ренпе.....	10 (3,2%)	-ранпа/-ренпе.....	10 (3,2%)
Хушăра.....	7 (2,2%)	Хушăра.....	7 (2,2%)
Умĕн.....	5 (1,6%)	Умĕн.....	5 (1,6%)
Массерен/-мессерен..	3 (0,9%)	Массерен/-мессерен..	3 (0,9%)
разное.....	13 (4,6%)	разное.....	13 (4,6%)

В приведенном примере союз «when» имеет чисто временное значение – для обозначения действия в какой-то определенный момент времени. Момент времени обозначен глаголом-сказуемым придаточной части, выраженным предельным глаголом, называющим единичное краткое действие.

Если же сказуемое одной из частей (обычно в придаточной) выражено неопределенным глаголом, то значение продолженной формы несколько меняется. В таких предложениях продолженная форма не выражает действия, находящегося в процессе в какой-то момент времени, а выражает просто длительное действие. Например: ... *when she was working in that room, she always sent down for a meal* [13. P. 146].

В подобных предложениях значение союза в основном временное, некоторое осложнение его добавочными смысловыми оттенками находится в зависимости от лексического состава предложения.

б) Глагол-сказуемое одной части (или обеих частей) СПП стоит в одном из времен перфекта. Чаще всего перфектная форма употребляется в придаточной части; при этом глагол-сказуемое придаточной части времени выражен перфектом прошедшего времени, а в главной глагол-сказуемое стоит в прошедшем неопределенном времени: *When Percy had gone out, Getliffe regarded me* [13. P. 250].

Если один из глаголов-сказуемых стоит в перфекте, в СПП с союзом «when» в большинстве случаев выражаются чисто временные отношения. Перфектные времена в СПП с союзом «when» употребляются редко. Также редко такие предложения выражают осложненные отношения.

в) Глаголы-сказуемые обеих частей предложения стоят в одном из неопределенных времен. Например: *It's sweet when you make it up* [13. P. 181].

Отношение между частями СПП примерно одинаковое – условно-(причинно)-временное. Наиболее ярко выступают условный и временной оттенки.

II. а) В одной из частей предложения сказуемое составное глагольное, в другой – простое. Здесь значение союза условно-(причинно)-временное: *On winter afternoons, when I could not work any longer, I gazed from my attic window over the roofs* [13. P. 21]).

б) Другое сказуемое составное-именное: *It became a tic, which sometimes, when I felt a pain, made me imagine the worst* [13. P. 290].

Здесь отношение между частями почти чисто условно-причинное. Временные отношения выступают как фон.

в) Оба сказуемых составно-глагольные: *And you could dissolve an anvil with acid when you couldn't stand it any longer* [13. P. 185].

Здесь мы имеем следственные отношения с наложением временного значения.

В чувашском языке придаточные предложения времени, вводимые изменением формы сказуемого, также могут находиться в различных отношениях к главному предложению [1].

Когда действие в главном предложении происходит одновременно с действием в придаточном предложении, сказуемое в придаточном предложении может быть образовано из следующих форм:

1) из деепричастий с суффиксами -массерен/-мессерен; такое сказуемое показывает на многократность действия (рус. «всякий раз»);

2) из деепричастий с аффиксами -нăсемён/-нĕсемён; показывается длительность действия.

Когда действие в придаточном предложении предшествует действию в главном предложении, сказуемое в придаточном предложении может быть образовано из следующих форм:

1) из деепричастий с аффиксами -сан/-сен, сассан/-сессĕн. Например: *Туй иртсен, тати-сыпписёр йĕрекен хĕре амăшĕ виçĕ сăмахпа çеç лăплантарчĕ* [7. С. 9].

Прибавление к деепричастиям с аффиксами -сан/-сен, -сассан/-сессĕн усилительных частиц -ах/-ех указывает на быстрое совершение действия в главном предложении вслед за действием в придаточном предложении. Например: *Иван вунçичче луссанах унăн ашшĕ âна авлантарасси çинчен шухăшлама тытăнчĕ* [7. С. 6].

Частицы «тин кăна», «анчах» нового смыслового значения не вносят, а лишь резче определяют последовательность действия;

2) из деепричастий с аффиксами -нăранпа/-нĕренпе: *Акă ёнтĕ Кипеккасси ачисем Криндачевкăна килнĕренпе тăхăр уйăх иртрĕ* [7. С. 15];

3) из сочетания положительной и отрицательной форм причастия: *Секретарь каласа пĕтернĕ-пĕтермен алăкран Иван амăшĕ хашкаса кĕчĕ* [7. С. 21].

Такая форма сказуемого в придаточном предложении показывает быстрое совершение действия;

4) из деепричастий с суффиксами -масăр/-месĕр: *Инкек килсе çапмасăр, пирĕн халăх âса кĕмест çав*.

В английском языке средством связи между главным и придаточным предложениями являются союзы, в чувашском языке, как было отмечено выше, эти средства разнообразнее.

Для выражения различных временных отношений употребляется значительное количество послелогов и служебных имен: чух (в то время как, когда), хыççан (после, после того как), умĕн (до), çĕре, тĕле (к тому времени), çинче (тогда как) и некоторые другие.

Послелог располагается в конце придаточного предложения, входит в его состав и осуществляет функцию связи придаточного с главным. Сказуе-

мое такого придаточного времени может выражаться только той частью речи (или ее формой), которая употребляется с тем или иным послелогом.

Сказуемое в придаточном предложении может быть образовано из следующих форм:

а) из прошедшего причастия: *Тыррине ҫапнă чух Праски кин пĕр икĕ кунлăха пырсан, аван пулнă пулĕччĕ* [7. С. 16];

б) из будущего причастия: *Астăватăн-и, вокзал умĕнче, пĕрлак ҫĕрсем ҫине каякансен эшелонĕ тапранас чух, эсĕ, ăсатма пынăскер,.. сылтăмалла кăтартрăн?*

в) из будущего причастия с оттенком долженствования: *Эпир ҫула тух-малла чух яланах ҫанталăк пăсăлат;*

г) при помощи слов пур, ҫук: *Турчăка пур чухне алла вутта чикмеҫҫĕ* (посл.);

д) из прилагательного: *Атте-анне сывă чухне пыр та тутă, ҫи-пуç та питĕ;*

е) из существительного: *Эсĕ дежурнăй чух класра яланах пурте йĕркенлĕ;*

ё) из местоимения: *Дежурнăй эс чух класра яланах пурте йĕркенлĕ;*

ж) из наречия: *Чунăм савни пĕрле чух ма юрлас мар, савăнас мар?* (фольклор).

Наряду с послелогом чух/чухне встречается и послелог ҫинче/ҫинчен, который имеет то же самое значение «когда». Но, в отличие от послелога чух/чухне, послелог ҫинче/ҫинчен может показывать не только временное отношение, но и условие совершения действия. Иногда трудно сказать, какое из этих отношений доминирует. Например: *Эсĕ пур ҫинчех вăл ман енне ҫаврăнса та пăхас ҫук.*

Послелог хыҫҫан (после) показывает, что действие в главном предложении следует за действием в придаточном предложении. Сказуемое в придаточном предложении образуется только из причастия прошедшего времени: *Васкамасăр апатланса тăранны хыҫҫан, Ахваниç тўрех ҫывăрма выртмарĕха* [7. С. 152].

В английском языке послелогу хыҫҫан соответствует по лексическому значению союз after: *I stood by the fire in Eden's drawing-room after he had gone to bed* [13. P. 343].

Союз since тоже указывает на то, что действие главного предложения следует за действием придаточного: *Marion had only taught there a year, since she came out of her college* [13. P. 11].

Союзу since в чувашском языке соответствует деепричастие с аффиксом -нăранпа/-нĕренпе.

Послелог умĕн (до) показывает, что действие в главном предложении предшествует действию в придаточном предложении. Сказуемое в придаточном предложении всегда стоит в форме будущего причастия: *Тухса килес умĕн эпĕ Зинкета каласа хăвартăм* [7. С. 208].

В английском языке те же временные отношения показывает союз before: *I did a couple of hour's good work before I went to bed* [13. p. 343].

Как уже было отмечено выше, в чувашском языке придаточные предложения, вводимые союзными словами, встречаются редко. Количество союзов, вводящих придаточное предложение в главное, также ограничено. Ими являются: хăсан (когда), хăсанчен (до каких пор), хăсантанпа (с каких пор). В главном предложении имеются указательные слова, соответствующие этим вопросительным наречиям (союзным словам). К ним относятся слова: ҫавăн чух (тогда), ҫавăнчен, ҫав вăхăтчен (до тех пор, до того времени), ҫавăнтанпа (с тех пор), ҫав вăхăтра (в то время). Придаточное предложение объясняет значение этих указательных слов, находящихся в главном пред-

ложении. И союзное слово, и соответствующее ему указательное слово являются членами предложения – обстоятельствами времени.

В этом случае сказуемое в придаточном предложении может быть выражено личной формой глагола, причастиями прошедшего и будущего времени, вспомогательным глаголом в сочетании с именем существительным.

Союзное слово «хăсан» с соответствующим указательным словом может обозначать действие, происходящее в настоящем и будущем или происходившее в прошлом. Например:

Хăсан кирлĕ пулать, çавăн чухне килсе илĕпĕр.

Хăсан кирлĕ пулать, çавăн чухне килсе илетпĕр.

Хăсан кирлĕ пулнă, çавăн чухне килсе илнĕ.

Таким образом, придаточное предложение, вводимое союзным словом «хăсан», может обозначать действие, происшедшее раньше другого действия, или действие, происходящее одновременно с другим действием, или действие, которое произойдет в будущем.

В английском языке отношения одновременности с оттенком длительности могут передаваться союзами «while» и «as».

Действие придаточного предложения, вводимого союзом «as», часто (как и при союзе «while») ограничивает действие главного во времени: *Smells poured out into the crowded streets as the shop doors swung open* [13. P. 206].

Предложения, введенные союзами *so long as*, *as long as*, *until*, также указывают на ограничение длительности действия главного предложения: *At home my mother could not rest until my father got a job* [13. P. 4].

После рассмотрения сложноподчиненных предложений с придаточными времени в английском и чувашском языках можно сделать следующие выводы.

1. В английском языке введение придаточного предложения в главное возможно только при помощи союзов и союзных сочетаний, в то время как в чувашском языке это осуществляется при помощи относительных слов, послелогов и служебных имен, союзы встречаются редко. Как в английском, так и в чувашском языках дополнительным средством связи главного и придаточного предложений служит форма глагола-сказуемого.

2. В обоих языках союзы, а в чувашском языке, кроме того, аффиксы и послелоги влияют на выбор формы глагола-сказуемого в главном и придаточном предложениях, причем в чувашском языке введение придаточного в главное предложение посредством изменения формы глагола в придаточном является наиболее распространенным. Аффиксы превращают глагол в личной форме в другую часть речи – деепричастие. Подобное явление в английском языке невозможно.

3. Как в английском, так и в чувашском языках между главным и придаточным предложениями существуют отношения одновременности, предшествования и последующего совершения действий. Союз «when» и деепричастный аффикс -сан/-сен являются наиболее многозначными и грамматикализованными. Действия во вводимых ими придаточных предложениях могут быть любой соотнесенности с действием, выраженным в главном предложении.

4. В английском языке от временной формы и состава сказуемого зависит возможность выражения осложненных отношений. В чувашском языке присутствие дополнительных оттенков значения зависит от временной формы глагола и лексического значения послелогов и аффиксов.

5. Если в чувашском языке подлежащее и в главном, и в придаточном предложениях выражено одним и тем же словом, то в одном из предложений, обычно в придаточном, это подлежащее опускается. В английском же языке присутствие подлежащего в обеих частях сложноподчиненного предложения обязательно.

Литература

1. Андреев И.А. Еще раз о сложноподчиненных предложениях в чувашском языке // Учен. записки ЧНИИ. Чебоксары, 1958. Вып. 18. С. 192–222.
2. Андреев И.А. Вăхата пелтерекен пăхăнуллă хутлă предложени // Учен. записки ЧНИИ. Чебоксары, 1962. Вып. 20. С. 155–178.
3. Дмитриев Н.К. Строй тюркских языков. Основные вопросы туркменского синтаксиса. М.: Изд-во АН СССР, 1962. 606 с.
4. Дубровская С.Г. Некоторые особенности сложноподчиненных предложений с придаточной частью, вводимой союзами «when» и «while»: дис. ... канд. филол. наук. М., 1974. 226 с.
5. Егоров В.Г. Введение в изучение чувашского языка. Чебоксары: Чувашкинигоиздат, 1960. 198 с.
6. Иванова А.М. Сложноподчиненное предложение в чувашском и русском языках: Опыт сопоставительного исследования: дис. ... канд. филол. наук. Чебоксары, 2003. 201 с.
7. Краснов-Асли В.И. Вутра: повесть: в 3 кн. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1957. Кн. 1. 290 с.
8. Лагоденко Ж.М. Структурно-семантический анализ сложноподчиненного предложения (на материале английского языка) // Научные ведомости Белгородского государственного университета. 2014. № 6, вып. 21. С. 92–97.
9. Павлов И.П. О двух типах деепричастных конструкций в чувашском языке // Учен. записки ЧНИИ. Чебоксары, 1955. Вып. 12. С. 48–74.
10. Резюков Н.А. К вопросу о сложноподчиненных предложениях в чувашском языке // Учен. записки ЧНИИ. Чебоксары, 1956. Вып. 14. С. 117–142.
11. Jofik L.L., Chachoyan L.D. Readings in the theory of English grammar. Л.: Просвещение, 1972. 224 с.
12. Jespersen O. Essentials of English grammar. Alabama Press University. Alabama, 1967. 392 p.
13. Snow P.C. Time of Hope. М.: Прорпесс, 1964. 345 с.

ТРОФИМОВА ИРАИДА ГЕННАДЬЕВНА – кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных языков № 1, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (iraidatrofimova@gmail.com).

I. TROFIMOVA

A COMPARATIVE STUDY OF COMPLEX SENTENCES WITH ADVERBIAL CLAUSES OF TIME IN ENGLISH AND CHUVASH LANGUAGES

Key words: complex sentence, main clause, subordinate clause, conjunction, adverbial participle, verbal predicate.

The present article presents the findings of the comparative study of structural-and-semantic peculiarities of complex sentences with adverbial clauses of time in the English and Chuvash languages. In the English language, the adverbial clause of time is introduced into the main clause by means of conjunctions. In the Chuvash language, the connection of the subordinate clause with the main clause is implemented with the help of relative words, postpositions and functional words. Conjunctions in the English language, affixes and postpositions in the Chuvash language influence the choice of the verbal predicate form in the main and subordinate clauses. In both languages, there exist relations of simultaneity, precedence and consecutive accomplishment of actions. In the English language, the possibility of expressing complicated relations between the main and the subordinate clause depends on the tense form and the structure of the predicate, and in the Chuvash language – on the tense form of the predicate and the lexical meaning of postpositions and affixes.

References

1. Andreev I.A. *Eshhe raz o slozhnopodchinennykh predlozheniyah v chuvashskom jazyke* [Once again about Complex Sentences in Chuvash Language]. *Uchenye zapiski Chuvashskogo Nauchno-Issledovatel'skogo Instituta. Vyp. 18* [Scientific papers of the Chuvash Scientific Research Institute. Issue 18]. Cheboksary, 1957, pp. 192–222.
2. Andreev I.A. *Vahata pelttereken pahanulla hutla predlozheni* [Complex Sentence with an Adverbial Clause of Time]. *Uchenye zapiski Chuvashskogo Nauchno-Issledovatel'skogo Instituta. Vypusk 21*. [Scientific Papers of Chuvash Scientific Research Institute. Issue 21], Cheboksary, 1962, pp. 155–178.
3. Dmitriev N.K. *Stroj tjurkskih jazykov. Osnovnye voprosy turkmenskogo sintaksisa* [System of Turkic Languages. Principal Issues of Turkmen Syntax]. Moscow, 1962, 606 p.

4. Dubrovskaja S.G. *Nekotorye osobennosti slozhnopodchinennyh predlozhenij s pridatochnoj chast'ju, vvodimoj sojuzami «when» i «while»: dis ...kand. filol. nauk* [Some Peculiarities of Complex Sentences with Subordinate Clauses Connected by Conjunctions «when» and «while». Doct. Diss.]. Moscow, 1974, 226 p.
5. Egorov V.G. *Vvedenie v izuchenie chuvashskogo jazyka* [Introduction into the Study of the Chuvash language]. Cheboksary, Chuvash Publ. House, 1960, 198 p.
6. Ivanova A.M. *Slozhnopodchinennoe predlozhenie v chuvashskom i rusском jazykah: Opyt so-postavitel'nogo issledovanija: dis. ... kand. filol. nauk* [Complex Sentences in Chuvash and Russian Languages: Experience of Comparative Studies. Doct. Dis.]. Cheboksary, 2003. 201 p.
7. Krasnov-Asli V.I. *Vutра: v 3 t.* [In Fire. 3 vols.]. Cheboksary, Chuvash Book Publ., 1957, vol. 1, 290 p.
8. Lagodenko Zh.M. *Strukturno-semanticheskij analiz slozhnopodchinennogo predlozhenija (na materiale anglijskogo jazyka)* [Complex Sentence Structural-and-Semantic Analysis (based on English language)]. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta* [Scientific Bulletin of Belgorod State University], 2014, no. 6, iss. 21, pp. 92–97.
9. Pavlov I.P. *O dvuh tipah deeprichastnyh konstrukcij v chuvashskom jazyke* [On Two Types of Chuvash Language Adverbial Participle Clauses]. *Uchenyje zapiski Chuvashskogo Nauchno-Issledovatel'skogo Instituta. Vypusk 12* [Scientific Papers of Chuvash Scientific Research Institute. Issue 12]. Cheboksary, 1955, pp. 48–74.
10. Rejukov N.A. *K voprosu o slozhnopodchinennyh predlozhenijah v chuvashskom jazyke* [On the Issue of Chuvash Language Complex Sentences]. *Uchenyje zapiski Chuvashskogo Nauchno-Issledovatel'skogo Instituta. Vypusk 14* [Scientific Papers of Chuvash Scientific Research Institute. Issue 14]. Cheboksary, 1956, pp. 117–142.
11. Iofik L.L., Chachoyan L.D. *Readings in the theory of English grammar*. Leningrad, Prosveshhenie Publ., 1972, 224 p.
12. Jespersen O. *Essentials of English grammar*. Alabama Press University, Alabama, 1967, 392 p.
13. Snow C.P. *Time of Hope*. Moscow, Progress Publ., 1964. 345 p.

TROFIMOVA IRAIDA – Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Foreign Languages Department № 1, Chuvash State University, Russia, Cheboksary.

Ссылка на статью: Трофимова И.Г. Сравнительно-сопоставительное исследование сложноподчиненных предложений с придаточными времени в английском и чувашском языках // Вестник Чувашского университета. – 2015. – № 4. – С. 281–289.

УДК 821.111Киплинг03=512.111

ББК Ш43(4Вел)=(432.11){5}**8Киплинг4*002.187.1=635.1

А.И. ТРУКОВА

ПОЭТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС И ПЕРЕВОД

Ключевые слова: поэтический дискурс, адекватность перевода, оригинальный и переводной текст, сравнительный анализ, художественная адекватность.

В статье рассмотрена проблема перевода поэтического текста. Вопросы перевода английской поэзии на чувашский язык до сих пор не оценены критиками и являются малоизученными. Отмечается, что чувашские переводчики, не владеющие английским языком, в процессе перевода английских произведений на чувашский язык использовали метод вторичного перевода с русского языка-посредника, на котором ранее были изданы оригинальные тексты. Проведен сравнительно-сопоставительный анализ перевода стихотворения «Boots» Р. Киплинга с английского языка на чувашский, выполненный Н. Теветкелем. Отличительной чертой произведения является военная, ритмичная интонация, которую переводчику удалось воссоздать. Н. Теветкел отказывается от дословного перевода в пользу описательного перевода, часто косвенно характеризует героев и ситуацию, в которой они оказались. Чувашскому переводчику удалось не только точно передать содержание поэтического текста, но и обогатить его объективными маркерами авторской интенции. Фактический материал представлен примерами опубликованных в печати переводов и собственными переводами автора статьи. Исследование вносит определенный вклад в осмысление проблем теории и практики художественного перевода.

Переводные поэтические тексты служат для осуществления сложного коммуникативного процесса: духовного общения между автором и читателями, воспитанными в другой культуре и в лоне другого языка. Следовательно, поэтический перевод необходимо рассматривать как явление интерлингвокультурной коммуникации [4. С. 93–94].

Перевод художественных текстов на язык малочисленного народа является сложной задачей и представляет значительную трудность. Довольно часто в подобных случаях невозможно воспользоваться прямым переводом ввиду отсутствия переводчиков, которые владеют языком оригинального произведения и языком, на котором будет создан переводной текст. Одним из выходов из сложившейся ситуации является метод непрямого, вторичного перевода с языка-посредника, которым владеет носитель языка малочисленного народа. Подобную ситуацию можно наблюдать в случае перевода произведений английских поэтов на чувашский язык, не все поэты владеют английским языком, и в процессе перевода иноязычных произведений они ссылаются на их русский вариант.

Большой трудностью перевода является соотношение смыслового перевода и перевода, сохраняющего дух оригинала, ведь кроме сюжета поэтическое произведение содержит множество различных мыслей и идей. Сложно одновременно точно передавать и дух, и букву стихотворения. Также следует прилагать усилия, чтобы воспроизвести интонацию, строфику и рифмовку, так как это помогает более точно воспроизвести дух произведения [5. С. 223].

Профессор В.В. Иванов сформулировал два положения и подчеркнул, что «... если при переводе обычного научно-технического текста должно остаться неизменным значение этого текста, то при поэтическом переводе неизменной должна остаться поэтическая модель (или поэтический смысл) стихотворения» [2. С. 371], где «под поэтической моделью текста понимается его поэтическое значение, не сводимое к значению подстрочника, потому что в поэтическую модель входит не только непосредственное содержание стихотворения, в какой-то мере поддающееся прозаическому пересказу, но и мо-

дель структуры стихотворения» [2. С. 370]. Второе положение: «...подобно тому, как значение языковой единицы не зависит от индивидуальных особенностей отдельных говорящих, поэтический смысл стихотворения не зависит от личного восприятия того или иного человека». Дж. Метьюз даже утверждает: «Одно кажется ясным: перевести стихотворение означает создать другое стихотворение. Перевод в целом будет верен предмету подлинника, но приблизительно верен его форме. И будет иметь он свою собственную жизнь, которая и есть голос переводчика» [Цит. по: 2. С. 372].

Отсюда следует, что о поэтической модели, или о поэтическом смысле, можно говорить лишь в том случае, когда поэтическое содержание и поэтическая форма едины и не связаны с личным восприятием читателя, так как это объективное явление. При определении степени адекватности перевода стиха все его компоненты должны быть учтены в равной степени и во взаимосвязи, необходимо определить, какое место в системе выразительных средств поэтического произведения занимает каждый из них; в процессе анализа возникает необходимость в их расчленении, однако всегда нужно учитывать их внутреннюю связь и взаимодействие [1. С. 23].

Чтобы показать чувашскому читателю определённое стихотворение и определённого автора, переводчикам с помощью средств чувашского языка необходимо создать аналогичный текст, сохраняя равновесие частей и интонацию стиха. Личное восприятие переводчика и поэтический смысл оригинала могут значительно расходиться, как следствие можно говорить о неадекватности перевода по отношению к оригиналу и о несовпадении различных переводов. Поэтический перевод, наиболее близкий к оригиналу, считается лучшим. Речь здесь идёт не о текстуальном соответствии, а о так называемой «художественной адекватности» [3. С. 281]. Необходимо помнить о стиливых особенностях оригинала и его собственно стихотворных характеристиках: размере и рифме. Художественная адекватность характеризуется также адекватностью соотношений между оригинальным произведением и поэтической традицией языка оригинала и переводным текстом и традицией переводящего языка [3. С. 290].

Переводы английских поэтических произведений на чувашский язык продолжают оставаться малоисследованными. Рассмотрим перевод стихотворения «Boots» английского поэта Р. Киплинга на чувашский язык, выполненный переводчиком Н. Теветкелем и опубликованный в газете *Хыпар* под названием «Тусан» (пыль). Р. Киплинг посвятил данное произведение англо-бурской войне 1899–1902 гг. Очевидно, что чувашский поэт в процессе перевода опирался на русскоязычный вариант стихотворения «Пыль», известный читателю благодаря переводу А. Оношкович-Яцыной.

Выражение *There's no discharge in the war* заменяется эквивалентом *Улаха тухман... (не на посиделках)* в первых двух строфах или *Върçă... улах мар (война – не развлечение)* в оставшихся шести строфах. Конечно, здесь даже нет намёка на странную англо-бурскую войну без выстрелов, которую Р. Киплинг описывает в своем произведении. Поэтому можно сказать, что замысел автора оригинала утерян в чувашском переводе. Однако вышеупомянутые эквиваленты позволяют читателю косвенно судить о тяготах военного периода.

Отличительной чертой произведения является военная, ритмичная интонация, которую чувашскому переводчику удалось воссоздать, о чем позволяют судить следующие строки:

Ир те каç, ир те каç вёрçăпа супатпър. – Улаха тухман...

Тўп! – тўп! – тўп! – Тўп! – тўп! – тўп! – Вăрçăра-çке эп, айван?! Улаха тухман.

Çăт-ха – çăт! – Çăт-ха – çăт! – Пўлĕхсем хăтар – Вăрçă... улах мар.

(День – ночь – день – ночь выбились из сил на войне – Не на посиделки вышли....)

Тук – тук – тук! – Тук – тук – тук! – На войне ведь я, простак. Не на посиделки вышли.

Потерпи-ка – потерпи! – Потерпи-ка – потерпи! Боже, сохрани – Война – не посиделки).

Сохраненная в переводе Н. Теветкелем интонация подчеркивает чувство безысходности и безвыходности через аллегорический образ пыли, который красной нитью проходит через все стихотворение. В чувашском переводе три раза встречается слово *тусан* (пыль): *çаврăнать тусан* (кружится пыль), *сăмсара – тусан шăрши* (в носу – запах пыли), *хуралать тусанлă тар* (чернеет пыльный пот).

Чувашский переводчик практически не использует дословный перевод. Так, например, во втором четверостишии оригинального произведения Р. Киплинг использует имена числительные:

Seven – six – eleven – five – nine-an'-twenty mile to-day –

Four – eleven – seventeen – thirty-two the day before .

А. Оношкович-Яцына использует буквальный перевод, тем не менее заменяя числительные для более точной рифмовки:

Восемь – шесть – двенадцать – пять – двадцать миль на этот раз,

Три – двенадцать – двадцать две – восемьдесят миль вчера.

Н. Теветкел применяет описательный перевод наряду с олицетворением и прямой речью, подчеркивая, что пехотинцы не просто устали, пройдя бесчисленное количество километров, а выбились из сил:

Утса тухнă сұхрăмсем те сұхăраççĕ хыçалта,

«сұхрăм шучĕ маншăн пĕтрĕ», – тет ўпне ыртан салтак.

(пройденные километры кричат позади,

«я потерял счет километрам», – говорит лежащий ничком солдат).

В четвертой строфе выражение *Try – try – try – try – to think o' something different* (Старайся – старайся – старайся – старайся – думать о другом.) в чувашской версии звучит *Шă-ла çырт-са хыт-са кай-са шухашлăр ырри çинчен* (сжав зубы, собрав силы, думайте о хорошем). В этом чувашском выражении мы видим усиление трагического, присутствующего английскому оригиналу. Данный перевод Н. Теветкеля, в котором он вводит эмоциональную характеристику героев, не искажает образ, созданный Киплингом, так как думать о чем-то другом в данном контексте и есть думать о чем-то хорошем.

Чувашский переводчик довольно часто косвенно характеризует героев или ситуацию, в которой они оказались. Описывая передвижение пехотинцев, Н. Теветкел использует выражение: *сас парса утатпăр* (идем, издавая шум), в то время как у Р. Киплинга просто *sloggin' over Africa*. Английское слово *slog* переводится как: «сильный удар; тяжелая, утомительная работа». Далее, в седьмой строфе *long strings of forty thousand million* (длинная вереница из сорока миллионов) заменено Н. Теветкелем на *вăрçă – юнлă туй ташши* (война – кровавый свадебный танец). Чувашский переводчик снова подчеркивает здесь трагизм повествования, обращая внимание на истертые в кровь ноги пехотинцев.

В чувашском переводе наряду с косвенной характеристикой ситуации встречается также и обобщение: голод, жажда, усталость представлены как нечто ужасное: *We can stick out hunger, thirst, and weariness* (Мы можем вы-

терпеть голод, жажду, усталость) – Салтак шӑпи – сехре хӑппи (участь солдата – что-то ужасное).

В подлиннике Р. Киплинг сравнивает передвижение солдат по пустыне с адом:

I – 'ave – marched – six – weeks in 'EII an' certify.

Н. Теветкел сохранил это выразительное средство в чувашском переводе:

Çак – та-мӑк-ран – а-ран – а-ран –

Шӑп та лӑп сич эрнерен сӑлӑнса тухаттӑм элӗ.

(Из этого ада – с трудом – Ровно через семь недель я бы сумел спастись).

Обстоятельные слова *Çак – тамӑкран* (из этого ада) вынесены вперед чувашским переводчиком, что помогает подчеркнуть трагизм ситуации.

В оригинальном стихотворении использованы в основном поддерживающие ритм одно- и двухсложные слова: *foot* (нога), *slog* (удар), *boots* (сапоги), *look* (смотреть), *what* (что), *night* (ночь), *day* (день), однако можно встретить некоторые пиррихии: *Africa* (Африка), *different* (различный), *bandoliers* (патронташ). В чувашском переводе одно- и двухсложные слова тоже преобладают: *ир* (утро), *каç* (вечер), *тусан* (пыль), *сӑхрӑм* (километр), *вӑрçӑ* (война), *салтак* (солдат). Тем не менее пиррихий в нем гораздо больше, чувашский переводчик широко использует четырехсложные слова: *сӑхӑраççӗ* (кричат), *курӑнмарӗç* (не видны), *шуйттансем* (черти), *тӗлӗртетӗ* (топанье).

Однако следует отметить, что оригинал и перевод стихотворения «Boots» состоят из одинакового количества строк (по 4 в каждой строфе), к тому же количество слогов в строках у Р. Киплинга и Н. Теветкеля отличается несущественно. Переводчик стремился максимально точно сохранить метрическую схему оригинала.

Слова и чувства английского и чувашского поэтов близки. Чувашскому переводчику Н. Теветкелю удалось подчеркнуть и верно передать глубокий смысл английского стихотворения. Безысходность и безвыходность – вот идея Р. Киплинга, которую прочувствовал Н. Теветкел. В его стихотворении – та же военная интонация, то же чувство обреченности наряду со все ещё теплящейся надеждой на светлое будущее. Чувашскому переводчику удалось не только точно и проникновенно передать содержание, но и обогатить его объективными маркерами авторской интенции.

Подводя итог, следует отметить, переводчик выбирает наиболее оптимальный для своей индивидуальности способ разрешения проблем и противоречий, которые могут возникнуть в процессе перевода, с учетом предъявляемых к нему требований.

Литература

1. Бойко Л.Б., Боярская Е.Л. Лексико-грамматические трудности перевода с английского языка на русский. Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта, 2005. 62 с.

2. Иванов В.В. Лингвистические вопросы стихотворного перевода // Труды Института точной механики и вычислительной техники. М.: Изд-во АН СССР, 1961. Вып. 2. С. 369–395.

3. Казакова Т.А. Художественный перевод: теория и практика. СПб.: Инъязиздат, 2006. 535 с.

4. Комиссаров В.Н. Лингвистическое переводоведение в России. М.: ЭТС, 2002. 184 с.

5. Трукова А.И., Родионов В.Г. Из истории переводов поэзии Киплинга: стилистико-компаративный аспект // Вестник Чувашского университета. 2013. № 2. С. 221–227.

A. TRUKOVA

POETIC DISCOURSE AND TRANSLATION

Key words: poetic discourse, adequacy of translation, original and translated text, comparative analysis, artistic value.

This article deals with the problem of poetic text translation. Questions of translating English poetry into the Chuvash language have escaped the critics' attention so far and are still insufficiently studied. It is noted that in the process of translating English works into the Chuvash language Chuvash interpreters, being non-English speakers, used a method of secondary translation from the intermediary Russian language, in which the original texts had previously been published. The author also made a comparative analysis of the translated poem «Boots» by R. Kipling from the English language into Chuvash, made by N. Tevetkel. A distinctive feature of the work is the military, rhythmic intonation, which the interpreter managed to recreate. N. Tevetkel avoids literal translation in favor of descriptive translation, often indirectly describing the characters and the situation in which they find themselves. Nevertheless, the Chuvash interpreter not only accurately conveyed the content of the poetic text, but also enriched it by objective markers of the author's intention. The actual material is represented by the examples of published translations and the translations made by the article's author. The study contributes to the understanding of the problems of the theory and practice of literary translation.

References

1. Boiko L.B., Boyarskaya E.L. *Leksiko-grammaticheskie trudnosti perevoda s angliiskogo yazyka na russkii* [Lexical and Grammatical Difficulties of Translation from English into Russian]. Kaliningrad, 2005. 62 p.
2. Ivanov V.V. *Lingvisticheskie voprosy stikhotvornogo perevoda* [Linguistic Issues of Poetry Translation]. *Trudy Instituta tochnoi mekhaniki i vychislitel'noi tekhniki* [Proceedings of the Institute of Precision Mechanics and Computer Engineering]. Moscow, 1961, Iss. 2, pp. 369–395.
3. Kazakova T.A. *Khudozhestvennyi perevod: teoriya i praktika* [Literary Translation: Theory and Practice]. St. Petersburg, In"yazizdat Publ., 2006, 535 p.
4. Komissarov V.N. *Lingvisticheskoe perevodovedenie v Rossii* [Linguistic Translation Science in Russia]. Moscow, 2002. 184 p.
5. Trukova A.I., Rodionov V.G. *Iz istorii perevodov poezii Kiplinga: stilistiko-komparativnyi aspekt* [From the History of Kipling's Poetry Translation: stylistic-and-comparative aspect]. *Vestnik Chuvashskogo universiteta*. 2013, no. 2, pp. 221–227.

TRUKOVA ALENA – Candidate of Economic Sciences, Head of Foreign Languages Department № 1, Chuvash State University, Russia, Cheboksary.

Ссылка на статью: Трукова А.И. Поэтический дискурс и перевод // Вестник Чувашского университета. – 2015. – № 4. – С. 290–294.

УДК 811.512.111'374.22
ББК Ш12=635.1*468*315

Э.В. ФОМИН

ДОПОЛНЕНИЯ К СЛОВАРЮ АГНОНИМОВ ЧУВАШСКОГО ЯЗЫКА*

Ключевые слова: абсолютные агнонимы, словарь, лексикография, чувашский язык.

Работа продолжает цикл исследований автора, посвященных семантизации абсолютных агнонимов чувашского языка. В данной публикации приводится новый список слов с проблемной семантикой, включающий более чем 80 лемм. Настоящая лексика установлена в ходе повторного просмотра электронного варианта словаря чувашского языка Н.И. Ашмарина, что позволило зафиксировать пропущенные единицы. Таким образом чувашская лингвистика завершает формирование исходной базы системной семантизации агнонимичной лексики.

В 2013 г. была опубликована книга «Материалы для словаря агнонимов чувашского языка» [3]. Несмотря на то, что на титульном листе книги нет надписи «Пробное издание», его следует признать таковым. Книга готовилась к печати в срочном порядке к девятому Международному симпозиуму по языковым контактам Поволжья в Саранске [4] с тем, чтобы презентовать ее участникам форума (согласно наблюдениям, абсолютные агнонимы нередко являются собой результат межъязыковых контактов). Посему книгу не миновали корректурные, переводческие и иного рода ошибки.

Тем не менее издание следует признать полезным, поскольку оно позволило собрать в едином источнике унифицированный пласт абсолютных агнонимов чувашского языка, выявленных в 17 томах словаря Н.И. Ашмарина [1], и благодаря этому изданию стала возможной оперативная и успешная работа над семантизацией проблемной лексики впоследствии.

После подготовки и издания индекса лемм словаря Н.И. Ашмарина [2] наконец-то появилась возможность провести новый поиск на выявление пропущенных абсолютных агнонимов. В результате удалось установить более 80 не учтенных ранее единиц. Эти словарные статьи и представлены в настоящей работе. Цель публикации – обнародовать вновь найденные абсолютные агнонимы с целью вовлечь заинтересованные лица в их этимологию и семантизацию.

Словарь полностью повторяет микроструктуру, положенную в основу издания «Материалы для словаря агнонимов чувашского языка» [3]. Структура словарной статьи включает в себя пять элементов:

- 1) лемму, выделенную жирным шрифтом;
- 2) транскрипцию, необходимую для атрибуции заимствованной лексики носителями других языков;
- 3) дополнительную информацию, содержащую разного рода сведения о лемме, например, неуверенные толкования, субъективные суждения составителей, специфику фиксации материала; ссылки на другие леммы представлены знаком (>);
- 4) иллюстративные примеры с переводом и исходным паспортом; иллюстрации даны курсивом, а ссылки на первоисточники – уменьшенным шрифтом; перевод, осуществленный составителем, обозначен специальным знаком (°);
- 5) паспорт, отсылающий к конкретному источнику, например, запись [Ашм1:90] означает нахождение искомого слова на 90 странице первого тома словаря Н.И. Ашмарина.

аку¹ [агу]. > сулуç, солуçă, сулăçă науськивающий, натравливающий; посылающий, заклинатель. Çын сумах-юмахё хыççён ан кай, сулуç аку хыççён

* Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 13-04-00045.

ан кай (т.е. не верь словам наущающих; из моления *Валём хуҫа в тайӑн сӑра*). *КАХ* [Ашм1:90; Ашм11:168].

алпяк [ал'а́к] по слухам, употребляется в д. Избахтино Тетюшского уезда [Ашм1:184].

алтмӑш [алтмъш] в загадке о лилии. *Алтрӑм-алтрӑм, алтмӑш тупрӑм. алтса ҫитсен кӑмӑш тупрӑм*. Рыл-рыл, нашел *алтмӑш*, когда дорыл, нашел *кӑмӑш* [Ашм1:177].

ан ҫемелӗ [ан_ҫьм'э'л'ь]. > ҫемел копна из снопов, которую делают на загоне [Ашм1:209].

аркаш² [аргаш] в загадке о лягушке. *Алтын аркаш, алтын аркаш талт сиктермӑш кӑнт-кӑнт-кӑнт. Качалово* [Ашм1:334].

аҫамсӑрха [аҫамзърүа]. *Ачасем ҫапла пуҫтарса пӗтерсесӗн ҫӑнӑхне пӗр аҫамсӑрха арӑм патне пашалусем пӗҫерме хӑвараҫҫӗ*. Собрав все, дети оставляют муку у ... женщины, чтобы она напекла из нее лепешек (во время ҫӑмӑр чӳк). Ср.: *асамҫӑ. Чувашские сочинения* [Ашм2:126–127].

атрас [атрӑс]. *Записки ВНО* [Ашм2:148].

ача нӑнчӑкӗ [аҫа н'үн'сьг'ь] [Ашм2:166].

ачкӑлтӑн [ачкълдън]. *Старое Чекурское* [Ашм2:176].

ашкӑнлан [ашкълнӑн]. *Ашкӑнланса ҫӳрет. Ходит ашкӑнланса* [Верхние Олгаши] [Ашм2:215].

вӑймӑк [вь'ймък] [Ашм5:295].

вӑлчака [въл'ҫагӑ] в загадке о подшивании платка к головному убору зятя. *Вӑль-вӑль вӑлча вӑлчака, вӑля тӑрӑнче вӑлчака. Тимирзьякасы* [Ашм5:305–306].

вӑрлӑ [вь'рль] в *автан вӑрли* крылья вареного петуха. *Старое Чекурское* [Ашм5:319].

вӑри² [в'ьр'и'] в *вӑри ял* верховые чуваша – так называют низовые чуваша верховых. *Вӑрт, вӑрт вӑри ял, ҫавӑрӑнса пӑхрӑм – хамӑр ял*. Верть, верть *вӑри ял*, оглянулся – наша деревня (мотовило). *Вӑри ял пек хытланать*. Поступает, как *вӑри ял*. *Вӑри ял пек калаҫать*. Разговаривает, как *вӑри ял*. > *вир'*; *вирьял*. *Собрание загадок* [Ашм5:366].

вӑрли [в'ьр'л'и'] [Ашм5:369].

вик¹ [в'и'к] в *вик ҫӳти*. *Н.Р. Романов* [Ашм5:415].

ивиккӑм [ив'и'к'ьм'] в загадке о косаре. *Ивиккӑм тувиккӑм, ҫавна тупмасӑр шанчӑксӑр. Сорн. (Козм.)* [Ашм3:88].

им-сим [им'з'им'] в загадке о лучине (?). *Пӗчӑккес(с)ӗ чӑланӑн имнесимне тупма ҫук*. Не найти *им-сим* маленького чулана. *Кубня* [Ашм3:117].

йӑкӑл-мокӑл [йьгъл_мӑгъл] *Йӑкӑл-мокӑл тӑваҫҫӗ* (дети). Делают *йӑкӑл-мокӑл* [Ашм5:413].

йӑрак [йьрӑк]. *Йӑракан пӗр тӑс*. Одно и то же кушанье надоедает. *Нюш-касы* [Ашм5:89].

йӑкӑлт-екӑлт [йьгъл'т'_јьг'л'т'] какое-то подражание [Ашм5:116].

йӑпӑн [йь'б'ьн'] в заумной загадке о колодце. *Йӑпӑн-ши кӑлтӑр кут. Раково* [Ашм5:131].

канть [кӑн'т'] в загадке о горении лучины. *Карта тӑрӑх канть-кантӗ* (так!) *чупать*. По забору *канть-кантӗ* бежит. *Орбаши* [Ашм6:69].

кӑрӑмсарай [къръмзарӑй] слово, не имеющее определенного значения (?). *Кӑрӑмсарайне кайса кӑнӗ*. Куда-то запропало. *Артюшкино*. > *Кӑрӑм Крым?* [Ашм7:176].

кӑшул [кьжүл] сомнительное слово. *Верхние Олгаши* [Ашм7:215].

кӑскен [к'ьск'э'н'] в *кӑскен тӑртлӗ шӑши* название породы мышей. *Хӑрлӗ, тӑрчӗ хора*, т. е. вдоль спины идет черная полоса. *Малое Карачкино* [Ашм7:302].

кура² [курá] в *кура майри*. *Собрание загадок*. > йёкёл слово с неизвестным значением в заумной песне [Ашм6:317].

леле [л'эл'э'] [Ашм8:73].

лутър [лудър] дет. при игре, например, в зайцы. Кто ловит, поймав «зайца», должен сказать: *лутър!* Непроизнесение этого слова дает право ловимому («зайцу») вырваться и убежать. По произнесении же этого слова уже заяц считается пойманным. *Трехбалтаево*. > *лутърчак* слово с неизвестным значением [Ашм8:92].

машё [мъж'ь] *Альшеево* [Ашм8:327].

наста [настá] *Пупё калать: чёрёленме кáна мар, наста тухса кайрё-хатет*. *Альшеево* [Ашм9:12].

нерчек [н'эрсэ'к']. *Мункачи* [Ашм9:20].

ниет [н'ијэ'т'] [Ашм9:22].

олма-тёлме [олма_т'ъл'м'э'] в игре *олám вутилла*. *Олám вути, олám вути, олма-тёлме чалáшла*. *Панклеи* [Ашм3:220].

олитван [ол'итвáн] в *олитванла выля* то же, что *олттáнла* в Икково [Ашм3:225].

орапа каçси [ораба каç:и'] [Ашм3:270].

паварник [паварн'и'к']. *Аçта каян, паварник? – Кив Мускава пасара*. Куда идешь, *паварник?* – В старую Москву на базар^с. *П.И. Орл.* [Ашм9:73].

парамчак [парамсáк]. *Тáри-тáримчак, Хусан кулачи парамчак, тáрансалар* [Ашм9:107].

патти⁴ [пат:и'би] *Патти, патти пат сүти, хáма сүнчи хáй сүтти*. *Шаймурзино* [Ашм9:137].

пáчърка³ [пъсъргá]. *Сил ту сүнче пáчърка тус, пáчърка тус та сүт ампар*. На ветряной горе друг *пáчърка*, друг *пáчърка* и светлый амбар^с. *Яжуткино* [Ашм10:166].

пёрел [п'ёр'эл'] в заумном детском счете, основанном на аллитерации. *Пёр пёрел, ик икел, вис висел, тáват тáваш, пилёк пилеш, ултá улма, сичё силме, сакáр салма, тáхър тáлма, вун тáвасми*. *Трехбалтаево* [Ашм10:229].

пурчём [п'ур'съм']. *Ик келет сáри пёр пурчём* [Ашм10:93].

сарви [сарв'и']. *Сарви сүнчи кепс(е) эпир, савáнпа яка пулн(á) эпир*. Мы поляя трава на *сарви*, поэтому мы нарядные^с. *Пазухин 19* [Ашм12:65].

суп², **сop** [суп] *Шур сүп шупáр(ё) сёлетрём, чыстах майра сарахань*. Мне сшили шубы из белого *суп*, и впрямь русский сарафан^с. *Чертааны*. [Ашм12:248].

сүл хёрри [сү'л' х'ёр':и'] [Ашм12:294].

тáрмичак [търм'исáк]. *Тáри тáрмичак, Хусан кулачи парамчак, тáрансалар*. > *тáрничак* [Ашм12:324].

Тáхър ял чүкё кёнеки [т'х'ър јáл чү'г'ь к'ён'эг'и'] [Ашм15:7].

тел пуçси [т'эл' пуç:и'] *Теллём, теллём тел пуçси*. *ЧП. Тел пуçсийён саранё* [Ашм13:271].

тён³ [т'он']. *Сятра* [Ашм14:212].

тэнт [т'он'т'] гл. то же, что *тёнт?* *Сятра* [Ашм14:213].

тёлпёр [т'ъл'б'ёр] [Ашм15:45].

тёнче тыт [т'ён'сэ' ты'т]. *Тёнче тытакан пёри сүк*. Нет никого, кто бы управлял миром^с. *Эпир ёсер-сиер, выляр-кулар, тёнче тытаканни эпир мар*. Пусть мы будем есть-пить, играть-смеяться, мы не те, кто отвечает за мир^с. *Раково* [Ашм15:57].

тёпки [т'ёп'к'и'] в загадке о капели. *Унта та ц-ц, кунта та ц-ц, тёпки-тёпки кус-кус*. *Раково* [Ашм15:73].

тёшмилер [т'ёшм'ил'эр]. *Тёшмилер хайхине*. Ничего не досталось (ирон.). *СТИК* [Ашм15:107].

тинес [т'ин'э'с]. *Альшеево* [Ашм14:50].

турман [турман]. *СПВВ* [Ашм14:161].

улла хăлăч [ул:á хъ'лъч] в сказке. *Эпёр саванта вăрман хăртнинче улла хăлăч ултă кĕсре суренине пĕлетпĕр те утту сынна каламастпăр*. Мы знаем, что там, в чашобе, ходят шесть улла хăлăч кобыл, и никому не скажем^с. *Красные Четаи* [Ашм16:317].

улмачă [улмáсь]. *СПВВ* [Ашм3:221].

ун⁵ [ун]. *Букварь 13* [Ашм3:243].

унече [ун'эсэ']. *СПВВ* [Ашм3:244].

унĕ¹ [ун'ĕ] слово неясного состава в *унĕмĕш*. > *ун*¹. *Ойкасы* [Ашм3:245].

урам хĕрри [урам х'ĕр':и] *Савăрăнса ситеймес* (не успевает обойти вокруг) *вăл* (она), *сатан кĕтессине ситет те, урам хĕррине, тĕтĕмпе чыхăнса вилет пушне чиксе*. Она не успевает обойти вокруг, доходит до угла ограды, к *урам хĕрри*, и погибает от дыма, склонив голову^с. *Альшеево* [Ашм3:269].

уратай [урадá] *Юркин* [Ашм3:275].

урăш [уръш] *Альшеево* [Ашм3:279].

усах [усáх] то же, что *усă + ах?* *Альшеево* [Ашм3:300].

усла³ [услá] в *услалла* название игры. *Юркин* [Ашм3:314].

ути¹ [уд'и'] в *ути кĕпси сĕлĕ триобум*. *Ути кĕпси тилĕ сĕрте ўсет, тымарĕ худан* (с кулак). *Ути кĕпси* растёт в сухом месте, корни с кулак^с. *Старое Чекурское*. *Ути кĕпси тăрри чĕкĕререн аван, вĕретсе чейпе пĕрле ёсĕсĕ*. Верхняя часть *ути кĕпси* хороша от диареи, пьют отвар вместе с чаем^с [Ашм3:328].

уша [ужá] в *уша юпи, оша юпи*. *Уша юпи* – столб около печи. *Новые Кармалы*. *Уша юпи* – доска у печи. *Тюрлема*. *Уша юпи сумĕнче суначĕсĕ суртисем*. Горели свечи около *уша юпи*^с. *Шелепи 22*. *Уша пуçси, уша юпи*. *И.С. Степ*. *Та-та сентĕре юпи сумне арасна пĕр сурта сутаçсĕ, вăл суртана кил сурти теçсĕ, ана килĕм-суртам, вутăм-каварăм, вильăхăм-чĕрлĕхĕм лайăх тăтăр; сула тухсан сула савантар, киле килсен киле савантар тесе лартаçсĕ, ана кил пушне лартатпăр тесе лартаçсĕ* (кил пуç нечто вроде хĕрт-сурт, вроде ангела дома), *сентĕре юпине уша юпа теçсĕ*. И к столбу полатей ставят особую свечу, эта свеча называется домашней, ее ставят для того, чтобы свое хозяйство, живность были в порядке; пусть радует в пути, пусть радует дома, столб полатей называется *уша юпи*^с. *Вăлсем* (колдуны) *вара мана вĕрентес тесе* (колдовству), *мунчана улсе кайрĕс*. *Мана хĕресе* (крест) *пăрахтарса уша юпи сине лартăрăс*. Они (колдуны), обучая меня (колдовству), повели в баню. Заставили выбросить крест и посадили на *уша юпи*^с. *БАБ*. *Уша юпи – кăма(ка) айĕкĕнчи* (ita scf.) *юпа, ун сине сентре хураçсĕ*. *Уша юпи* – столб, находящийся сбоку печи, на него кладут полати^с. *СПВВ*. *ТМ*. *Сентĕре юпине уша юпи теçсĕ*. Столбы полатей называются *уша юпи*^с. *Вилĕ йăлисем*. *Оша йопи тесе кăмака сомне тăратакан йопасĕне калаçсĕ; олă йопасĕм сине оша пуçси хăми хораçсĕ*. *Оша йопи* называются столбы, прислоняющиеся к печи; на эти столбы кладутся доски *оша пуçси*^с. *Средние Юмаши* [Ашм3:352].

хăма тура [хъмá турá]. *Мăйрака йышшĕсенчен тунă хăма тура татăкĕсемпе витнĕ* (шлемы). (Шлемы) покрыты отрезками, похожими на рогоподобные *хăма тура*^с. *Юрк*. [Ашм16:326].

хурлă тиркĕ [хурль т'и'р'г'ь] [Ашм16:193].

хурсă сартлă шапа [хурзъ сь'ртль шабá]. *Новые Кармалы* [Ашм16:229].

хурча [хурсá] в стихе. *Сар чăх ста? – Хурчара. – Хурча ста? – Хурамара*. Где рыжая курица? – В хурча. – Хурча где? – В вязе^с. *Абызово* [Ашм16:235].

хурчăк [хурсъяк]. *Чист.?* [Ашм16:235].

хусах юпа [хузáх юбá]. *Элĕ хам та нумай сурерĕм, таçта та ситнĕ пуль – килте хусах юпа та лартман элĕ*. Я и сам много ездил, где только не бывал – дома не ставил *хусах юпа*^с. *Тăхти*. 8 [Ашм16:239].

шекки [шэк':и']. *Шекки тӑрӑх сӳрерём, сӳрерём, пӑр ыра хӑр курмарӑм, курмарӑм. Ходил по шекки, не встретил ни одной хорошей девушки*^с. А.П. Прокоп. [Ашм17:156].

шенкеме [шэн'гэм'э']. А. Турх. [Ашм17:160].

шӗтӑрме [шьд'ьд'ьрм'э']. *Тӑвал килсе сёмёрсе кайсан тем шӗтӑрме килсе сёмёрчӗ теççӗ; кирек-мён килте сиен полсан та çав сӑмаха калаççӗ. После урагана говорят, что шӗтӑрме разорило, и так говорят в любом случае, когда происходят разрушения*^с. *Средние Юмаши* [Ашм17:380].

шкав [шкӑв]. *Тябердино* [Ашм17:383].

шӱмек [шӱм'э'к'] [Ашм17:261].

ыхра сӳрли мимӑрӗ [ыхра сӳрли 'би м'и'м'ьр'ь]. *Именево* [Ашм3:79].

элчӑрес [эл'сьр'э'с] то же, что *алчӑрас* от *алчӑра*? И.С. Степ. [Ашм3:14].

энкӑл [эн'н'г'ьл']. А. Турх. [Ашм3:17].

эрпай [эрбӑй]. *Альшеево* [Ашм5:394].

юнӑш² [ӱнъш] *Юнӑш – пит хытӑ йӑлӑнат. Юнӑш – очень сильно просят*^с. Сомнительно. *Старое Чекурское* [Ашм4:337].

Литература

1. Ашмарин Н.И. Словарь чувашского языка: репринт. Чебоксары: Руссика, 1994–2000. Вып. I–XVIII.
2. Индекс слов словаря чувашского языка Н.И. Ашмарина [Электронный ресурс] / сост. Э.В. Фомин, А.М. Иванова, В.Н. Игнатъев и др. Чебоксары, 2014. URL: http://www.nbchr.ru/PDF/index_slovary_a_ashmarin.pdf.
3. Материалы для словаря агнонимов чувашского языка / сост. Э.В. Фомин. Чебоксары: Пегас, 2013. 258 с.
4. Языковые контакты народов Поволжья: актуальные проблемы морфологии и синтаксиса: материалы IX Междунар. симпозиума (Саранск, 13–15 июня 2013 г.) / отв. ред. М.В. Мосин. Саранск: Изд-во Морд. ун-та, 2014. 324 с.

ФОМИН ЭДУАРД ВАЛЕНТИНОВИЧ – кандидат филологических наук, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин, Чувашский государственный институт культуры и искусств, Россия, Чебоксары (yeresen@yandex.ru).

E. FOMIN

SUPPLEMENTS TO AGNONYMS DICTIONARY OF CHUVASH LANGUAGE

Key words: *absolute agnonyms, dictionary, lexicography, Chuvash language.*

The work continues a series of author's research into semantization of absolute agnonyms of the Chuvash language. This publication offers a new list of words with problematic semantics, consisting of more than 80 lemmas. This vocabulary was established in the course of reviewing the electronic version of N.I. Ashmarin's Chuvash Language Dictionary, which allowed to detect the missing language units. Thus, the Chuvash linguistics completes the formation of the initial database of agnonymic vocabulary systematic semantization.

References

1. Ashmarin N.I. *Slovar' chuvashskogo yazyka: reprint* [Chuvash Language Dictionary. Reprint ed.]. Cheboksary, Russika Publ., 1994–2000. Vol. 1–17.
2. *Indeks slov slovarya chuvashskogo yazyka N.I. Ashmarina* [Words Index of N.I. Ashmarin's Chuvash Language Dictionary]. Cheboksary, 2014.
3. *Materialy dlya slovarya agnonimov chuvashskogo yazyka* [Materials for Chuvash Language Agnonymic Dictionary]. Cheboksary, Pegas Publ., 2013, 258 p.
4. *Jazykovye kontakty narodov Povolzh'ya: aktual'nye problemy morfologii i sintaksisa: materialy IX Mezhdunarodnogo simpoziuma* [Proc. of IXth Int. Symp. «Language Contacts of the Volga Region Peoples: Actual Problems of Morphology and Syntax»]. Saransk, Mordovian University Publ., 2014. 324 p.

FOMIN EDUARD – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Humanities and Social-Economic Disciplines Department, Chuvash State Institute of Culture and Arts, Cheboksary, Russia.

Ссылка на статью: Фомин Э.В. Дополнения к словарю агнонимов чувашского языка // Вестник Чувашского университета. – 2015. – № 4. – С. 295–299.

УДК 002.3(09)(1-87),19/21":80=512.111
ББК Ч611.3(3):Ш04=635.1в631.8

Э.В. ФОМИН, А.М. ИВАНОВА

КОЛИЧЕСТВЕННЫЕ ПАРАМЕТРЫ ИНОСТРАННОГО ПЛАСТА ЧУВАШСКОЙ КНИГИ*

Ключевые слова: чувашская книга, экстериорика, статистика.

Работа призвана ввести в научный обиход статистические сведения, характеризующие иностранный пласт чувашской книги. Настоящий пласт представляет более чем 200 названий, преимущественно изданных в западных странах и посвященных чувашской поэзии, языку и фольклору. Многие книги, особенно поэтические, в библиотечной практике квалифицируются в качестве редких и ценных. Другой примечательной стороной дальней экстериорики является существование изданий на чувашском языке.

В чувашской библиографии иностранная книга до последнего времени не создалась самоценным пластом. Эта литература все еще остается малодоступной читателям, поскольку поступает в национальные книгохранилища Чувашии случайно, бессистемно – исключительно в качестве дара авторов.

Попытки библиографического учета иностранных книг, соприкасающихся с чувашской действительностью, не раз предпринимались специалистами. Чувашская библиография располагает указателями по чувашскому языкознанию [5], творчеству Г.Н. Айги [1], в которых приводятся названия иностранных изданий, венгерскому [2], финскому [4], турецкому чувашеведению (рукописный список составлен Г.А. Дегтяревым). Однако многие названия дальней экстериорики все еще остаются неизвестными чувашским библиографам и специалистам.

Указатель «Иностранный пласт чувашской книги», составленный в рамках проекта РГНФ, представляет собой практически исчерпывающий корпус книг из 210 названий.

В настоящей работе приводятся следующие статистические параметры: национальный состав авторов, география книгопроизводства, отраслевая дифференциация книг, языковое разнообразие изданий и интенсивность книгопотока.

Этническая принадлежность авторов. Дальняя чувашская экстериорика почти на 70% обеспечивается самими чувашскими авторами (табл. 1) и еще уже – поэтом Г.Н. Айги, с именем которого напрямую связаны 126 книг из 210.

Таблица 1

Распределение авторов по национальности

Национальность	Всего	Доля, %
Чуваши	150	69,77
Венгры	12	5,59
Финны	11	5,12
Турки	9	4,19
Немцы	8	3,72
Поляки	2	0,93
Русские	2	0,93
Американцы	1	0,46
Французы	1	0,46
Шведы	1	0,46
Без автора	18	8,37
<i>Итого</i>	<i>215</i>	<i>100,00</i>

Значительными следует признать венгерские, финские, турецкие и немецкие показатели, чья совокупная доля соответствует 18%. Именно они представляют иностранное чувашеведение в наиболее чистом виде.

География книгопроизводства. Зарубежные книги, в широком смысле названные чувашскими, по большей части имеют европейское происхождение: из 28 стран 23 представляют Европу, три – Азию и две – Северную Америку (табл. 2). Первые пять стран – Франция, Венгрия, Германия, Швеция и Турция обеспечивают 64% всего пласта.

* Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 15-14-21005.

Таблица 2

Распределение книг по странам издания

№	Страна	Всего	Доля, %
1.	Франция	52	24,76
2.	Венгрия	27	12,86
3.	Германия	23	10,95
4.	Швеция	17	8,09
5.	Турция	16	7,62
6.	Голландия	9	4,29
7.	США	8	3,81
8.	Украина	8	3,81
9.	Польша	7	3,33
10.	Британия	6	2,86
11.	Финляндия	6	2,86
12.	Швейцария	5	2,38
13.	Словакия	4	1,90
14.	Япония	4	1,90
15.	Австрия	2	0,95
16.	Болгария	2	0,95
17.	Сербия	2	0,95
18.	Казахстан	2	0,95
19.	Белоруссия	1	0,48
20.	Дания	1	0,48
21.	Италия*		
22.	Македония	1	0,48
23.	Мексика	1	0,48
24.	Норвегия	1	0,48
25.	Румыния	1	0,48
26.	Словения	1	0,48
27.	Чехия	1	0,48
28.	Эстония	1	0,48
<i>Итого</i>		<i>210</i>	<i>100,00</i>

Примечание. * Книга «Aji, G. Ausgewählte Werke / G. Aji; übers. und herausgegeben von F. Ph. Ingold. – Wien-Lana: Ed. per procura, 1995–1998», опубликованная совместно издательствами Австрии и Италии, включена в состав первой страны.

литургической литературы на языках народов мира. В советское время богослужебные издания из Швеции воспринимались в качестве разрушающих устои социалистического общества и запрещались.

Языковое разнообразие иностранного пласта чувашской книги во многом формируется благодаря творческой деятельности поэта Г.Н. Айги. Его же именем обусловлены редкие языки чувашской экстериорика – африкаанс, валлийский, иврит, малави и др.

Характеристика книжного потока. До второй половины XX в. иностранные издания чувашской тематики появлялись очень редко. Например, между первой (1841) и второй (1876) книгами, немецким и французским изданием диссертации В. Шотта «De lingua Tschuwaschorum», насчитывается 35 лет. Тем не менее книжная экстериорика того времени не представляется случайной. Она органично существует в рамках мощного потока публикаций европейских ученых о чувашской культуре, выполненных в виде статей и очерков, а также упоминаний в книгах о народах России [3].

Отраслевая дифференциация изданий. Наиболее востребованная чувашская книга за рубежом – художественная. Ее доля достигает 70% (табл. 3). В подавляющем большинстве эта литература представлена в виде поэтических сборников Г.Н. Айги. При исключении его наследия показатели художественной литературы (17 книг) будут соразмерны данным по чувашскому языку и фольклору.

Таблица 3

Отраслевая дифференциация изданий

Отрасль	Всего	Доля, %
Художественная литература	143	68,09
Чувашский язык	34	16,19
Фольклор	13	6,19
Литургическая литература	9	4,29
Публицистические издания	6	2,86
Искусство и культура	4	1,90
История	1	0,48
<i>Итого</i>	<i>210</i>	<i>100,00</i>

Языковое разнообразие изданий. Чувашские издания за рубежом реализованы на 34 языках (табл. 4). Ведущими языками книг чувашской тематики выступают русский, немецкий, английский, венгерский и французский.

Обращает на себя внимание такой факт, как востребованность и самого чувашского языка. Это прежде всего связано с издательской деятельностью Института перевода библии (Стокгольм), ставящего целью распространение

Таблица 4

Язык изданий

№	Языки	Всего	Доля, %
1.	Русский	49	19,68
2.	Немецкий	34	13,65
3.	Английский	24	9,64
4.	Венгерский	20	8,03
5.	Французский	19	7,63
6.	Чувашский	17	6,83
7.	Турецкий	15	6,02
8.	Нидерландский	9	3,61
9.	Украинский	8	3,21
10.	Шведский	8	3,21
11.	Польский	7	2,81
12.	Японский	5	2,01
13.	Бретонский	4	1,61
14.	Словацкий	4	1,61
15.	Норвежский	3	1,20
16.	Болгарский	2	0,80
17.	Испанский	2	0,80
18.	Сербский	2	0,80
19.	Финский	2	0,80
20.	Африкаанс	1	0,40
21.	Белорусский	1	0,40
22.	Валлийский	1	0,40
23.	Датский	1	0,40
24.	Иврит	1	0,40
25.	Казахский	1	0,40
26.	Китайский	1	0,40
27.	Латинский	1	0,40
28.	Македонский	1	0,40
29.	Малави	1	0,40
30.	Румынский	1	0,40
31.	Сербско-хорватский	1	0,40
32.	Словенский	1	0,40
33.	Чешский	1	0,40
34.	Эстонский	1	0,40
	Итого	249	100,00

Книжная чувашская экстериорика оформляется в подлинный поток в последней четверти XX в. и выражается совокупной долей в 60% от общего числа изданий (табл. 5).

Таблица 5

Интенсивность изданий

Период	Всего, изд.
1841	1
1851–1875	–
1876–1900	1
1901–1925	7
1926–1950	4
1951–1975	12
1976–2000	29
2001–2015	30
Итого	84

Иностранный пласт чувашской книги – важная составляющая чувашского этнического бытия. Она выполняет доступную исключительно ей функцию выведения локальной культуры на международный уровень и обеспечивает существование непрерывного книжного пространства.

Литература

1. Геннадий Айги: науч.-вспом. указ.: в 2 ч. / сост. Г.Б. Куборская-Айги, Т.М. Баймушкина, Г.Г. Горшкова и др. / Нац. б-ка Чуваш. Респ. Чебоксары, 2004.
2. Дмитриева Ю., Адягаш К. Hungaro-Tschuvaschica: аннотир. библиогр. указ. исследован. венгер. учен. XIX–XX вв. / ЧГИГН. Чебоксары, 2001. 238 с.
3. Исследователи Чувашского края: биобиблиогр. указ. / сост. Э.Г. Николаева, Н.Д. Никитина. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2002. 256 с.
4. Луутонен И., Фомин Э.В. Финское чувашеведение: краткий истор. очерк и библиогр. указ. // Ашмаринские чтения: сб. материалов IX Междунар. науч.-практ. конф. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2006. С. 72–85.
5. Чăваш чĕлхи тĕпчевĕсем: биобиблиогр. указ. / хатĕрленĕсем Г.А. Деменцова, А.В. Матросова, Г.П. Соловьева, Э.В. Фомин. Шупашкар: Чăваш кĕнеке изд-ви, 2006. 287 с.

ФОМИН ЭДУАРД ВАЛЕНТИНОВИЧ – кандидат филологических наук, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин, Чувашский государственный институт культуры и искусств, Россия, Чебоксары (yegesen@uandex.ru).

ИВАНОВА АЛЕНА МИХАЙЛОВНА – доктор филологических наук, профессор кафедры чувашской филологии и культуры, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (amivano@ Rambler.ru).

E. FOMIN, A. IVANOVA
QUANTITATIVE PARAMETERS
OF CHUVASH BOOKS FOREIGN PUBLICATIONS

Key words: *the Chuvash book, exsterialics, statistics.*

The work is intended to introduce into the scientific use the statistical data that provide information about foreign publications of the Chuvash books. These publications are represented by more than 200 titles, which were mainly issued in Western countries and devoted to Chuvash poetry, language and folklore. Many of the books, especially poetry, have been qualified as rare and valuable by the libraries. Another remarkable aspect of exsterialics is that among these foreign publications are those in the Chuvash language.

References

1. Kuborskaya-Aigi G.B., Baimushkina T.M., Gorshkova G.G. et al. *Gennadii Aigi: nauch.-vспom. ukaz.: v 2 ch.* [Gennady Aygi: scientific-auxiliary index. 2 parts]. Cheboksary, 2004.
2. Dmitrieva Yu., Adyagashi K. *Hungaro-Tschuvaschica: annotir. bibliogr. ukaz. issledovanii venger. uchen. XIX–XX vv.* [Hungaro-Chuvashica: Annotated Bibliography Index of Studies of Hungarian Scholars of XIX–XX-centuries]. Cheboksary, 2001. 238 p.
3. Nikolaeva E.G., Nikitina N.D. *Issledovateli Chuvashskogo kraja: biobibliogr. ukaz.* [Chuvash Region Researchers: Bibliography Index]. Cheboksary, Chuvash University Publ., 2002. 256 p.
4. Luutonen I., Fomin E.V. *Finskoe chuvashevedenie: kratkii istor. ocherk i bibliogr. ukaz.* [Finnish Approach to Chuvash Linguistics: brief historical sketch and bibliography index]. *Ashmarinskie chteniya: sb. materialov IX Mezhdunar. nauch.-prakt. konf.* [Proc. of IX Int. Conf. «Ashmarin's readings»]. Cheboksary, Chuvash University Publ., 2006, pp. 72–85.
6. Dementsova G.A., Matrosova A.V., Solov'eva G.P., Fomin E.V. *Chuvash chelkhi tepchevcisem: biobibliogr. ukaz.* [Chuvash Region Researchers: Bibliography Index]. Cheboksary, Chuvash Publ. House, 2006, 287 p.

FOMIN EDUARD – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Humanities and Social-Economic Disciplines Department, Chuvash State Institute of Culture and Arts, Cheboksary, Russia.

IVANOVA ALENA – Doctor of Philological Sciences, Professor of Chuvash Language and Culture Department, Chuvash State University, Russia, Cheboksary.

Ссылка на статью: Фомин Э.В., Иванова А.М. Количественные параметры иностранного пласта чувашской книги // Вестник Чувашского университета. – 2015. – № 4. – С. 300–303.

УДК 811.512.145:34 + 811.512.145 (092)

ББК 81.2 Тат

Л.И. ЯРУЛЛИНА

ФОНЕТИЧЕСКАЯ ТЕРМИНОЛОГИЯ ТАТАРСКОГО ЯЗЫКА В ТРУДАХ УЧЕНЫХ, ПЕДАГОГОВ И ПРОСВЕТИТЕЛЕЙ XIX – ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XX ВЕКОВ

Ключевые слова: терминология, термины, грамматика, гласные, согласные, татарские просветители.

В статье рассматривается вопрос развития татарской фонетической терминологии в XIX – первой четверти XX вв. Анализируются труды таких известных ученых, педагогов и просветителей, как С. Хальфин, И. Хальфин, А. Архангельский, Г. Фаезханов, К. Насыри, Г. Алпаров, И. Гиганов, Ш. Иманаев, Дж. Валиди, Г. Ибрагимов. Исследуя данную проблему, автор методом сравнительного анализа выделяет три основных направления: термины, образовавшиеся под влиянием русской грамматики; термины, заимствованные из грамматики арабского языка, и исконно тюркско-татарские термины. Особое место уделяется вопросу терминологии согласных и гласных звуков татарского языка.

Вопрос фонетической терминологии татарского языка рассматривается уже в первых грамматиках XIX – первой четверти XX вв. Данная проблема становится объектом пристального внимания и всестороннего изучения ученых, педагогов и просветителей того времени.

В лингвистических трудах, учебниках XIX – первой четверти XX вв. по данному вопросу можно выделить три главных направления: термины, образовавшиеся под влиянием русской грамматики; термины, заимствованные из грамматики арабского языка, и исконно тюркско-татарские термины. Например, в учебниках С. Хальфина, И. Хальфина использованы термины «буква», «гласная и согласная буквы» [3, 4]. А. Архангельский же применяет словосочетания «гласные и согласные звуки», «закон последовательности», «закон созвучия» [1]. К. Насыри обращается к терминам «тавыш хәрефләре» (звучные буквы) и «тавышсыз хәрефләре» (беззвучные буквы) [15].

В грамматиках, созданных под влиянием арабского языка, информация о звуках передается, основываясь на такие термины, как «хәреф», «аваз», «хорурф һәжә», «әлифба хәрефләре», «айрылучы хәрефләре», «хорурф мөтәсыйлә», «хорурф мәнфәсыйлә», «кушылучы хәрефләре», «рәсми хәрәкәт», «хәрфи хәрәкәт», «мәд хәрефе» и др. [11–13, 17, 18 и др.]. В отличие от них Г. Нугайбек стремится создать термины на основе тюркско-татарской лексики: согласные называет «тавышбашлар», гласные – «тавышлыклар» [16].

В работах Г. Алпарова термины «гласный» и «согласный» применены параллельно с терминами «мәд» и «тавыш хәрефләре» [5]. А Дж. Валиди в определении гласных и согласных обращается к лексемам «сузынкы» («мәдди»), «тартынкы» («самит») [7].

И. Гиганов в работе «Грамматика татарского языка» (1801) к термину «буква» дает следующее определение: «Буквы суть знаки, которые служат къ составленію слоговъ и словъ» [2. С. 4]. Исследователь твердо осознает разницу между самим произношением звука и передачей его в письменной речи: «Различіе буквъ двоякое: по произношенію и изображенію ихъ на письме» [2. С. 4]. По мнению автора, различия в произношении являются результатом участия разных органов в образовании данных букв: «по произношенію во всякомъ языке различность ихъ произходить отъ разности органовъ, отъ разнаго ихъ положенія, и движенія рта, губъ и языка». Взав это за основу,

И. Гиганов подразделяет буквы на две группы: «гласные» и «согласные». По его представлению, органы, участвующие в образовании гласных «могут дать голосу отмену, на чувствительное и долгое время, сколько духа человеческого станеть» [2. С. 4]. Рассуждая о твердости и мягкости гласных, автор приходит к мнению о том, что «сии три гласныя, когда соединены въ складахъ съ согласными твердыми, бывають твердые; когда же съ мягкими, переменяются въ тонкіе» [2. С. 5]. Таким образом, природа твердости и мягкости гласных звуков, по мнению исследователя, зависит от особенностей их образования, применение в словах – от позиции по отношению к согласным звукам.

Г. Фаезханов в своей работе «Татар телигә кыскача гыйльми сарыф» (1887) не ограничивается только анализом фонетической системы татарского языка, а пытается дать толкование терминам: «Средства, используемые в письмах, то есть в письменности, для выражения звуков разговорной речи, называются *буквой*» [19. С. 10]. Таким образом, автор сумел определить самое главное различие между понятиями «звук» и «буква», признал, что звук произносится с помощью органов речи, т.е. это – физиологическое и акустическое явление, а *буква* – его письменное выражение. По мнению Г. Фаезханова, «чтобы выразить звуки татарского языка в письме, применяются тридцать две буквы, которых раньше называли буквами *хоруф һәжә*» [19. С. 10].

Ш. Иманаев в работе «Татар теленең нәхүе вә сарыфы» (1910) звуки называет «тавышлар». По его предположению, изображение звука на бумаге называется *буквой*, например, как *آق* (ак – белый) [10. С. 6]. Исследователь делит звуки на две группы: «звучание, которое может быть как звонким, так и беззвучным, то есть произносящимся еле слышно». В качестве примера приводит слово *ак*: в слове *آق*, *آ* – звонкий, *ق* – беззвучный. Звонкое звучание характеризуется громкостью и протяжностью [10. С. 6]. Ш. Иманаев в качестве трёх звонких звуков показывает: *اى* – *او* – *آ*. По мнению автора, выражение звуков *ا* – *ء* – *ى* на письме буквой *اى* имеет глубокие корни у татарского народа, поэтому необходимо сохранить букву *اى*. Тем самым Ш. Иманаев склоняется к мысли о выражении звуков в письме, по традиции, в форме диграфа [10. С. 8]. Гласные звуки автором делятся на две группы: 1) *а, у, ы, о* определяются как «твердозвучные», так как по рассуждениям автора они звучат твердо; 2) звуки *э, ʏ, е (э), ө* мягкие, так как они произносятся мягко [10. С. 10].

У Дж. Валиди в работе «Татар теленең имля һәм сарыф вә нәхү кагыдәләре» (1915) дается точное определение терминам *звук* и *буква*. «*ا ب ت* каждый из них является отдельной буквой. Голос, который издается при их произношении, называется звуком» [7. С. 7]. Ученый выдвигает достаточно интересную точку зрения о гласных звуках в разделе «Буквы мөд». По Дж. Валиди, 4 буквы (*ى و ه ا*) из 28 иногда «не произносятся как отдельные звуки, а оказывают влияние на длительность звучания предыдущей буквы» [7. С. 13]. Ученый под влиянием грамматик арабского языка придерживается мнения о том, что гласные самостоятельно не выражают звуки, а служат для протяжности (долготы) согласных звуков. А в «Грамматике татарского языка» Дж. Валиди, увидевшей свет в 1919 г., дается следующее определение звуку: «каждое отдельное звучание слышимое при разговорной речи, русские называют «звук», а татары – «аваз» [8. С. 24]. Таким образом, автор при определении вокализма и консонантизма татарского языка применяет термины *сузынкы* (протяжный) и *тартынкы* (непротяжный). По его мнению, «*сузынкы*» (протяжный) – это те звуки, которые произносятся протяжно и громко» [8. С. 25].

Дж. Валиди, достаточно верно определяя соотношение *звука* и *буквы*, пишет, что *буквы* – это линии, начерченные для отображения звуков [8. С. 25].

Автор считает, что сколько звуков имеется в языке, столько же должно быть и букв. Однако автор свои работы был вынужден написать средней имлой [8. С. 26], «так как народ имеет неприязнь к другим формам письма и не готов принять другой алфавит». Но в то же время, считает ученый, «наши буквы (арабский шрифт) как бы не расхваливались, очень далеки от отражения сути татарской фонетики, поэтому они не могут быть взяты за основу при изучении строения звука» [8. С. 34].

В процессе работы над терминами языкознания Г. Нугайбек в своей грамматике «Төрлек» (1911) тоже обращается к исконно тюрко-татарскому языковому материалу. Вместо терминов современного языкознания «сузык» (гласный) и «тартык» (согласный) им применены слова «тавышбаш» (согласный) и «тавышлык» (гласный) [16. С. 2].

Г. Алпаров в книге «Хәреф вә имлямыз» (1912) разъясняет понятия *аваз* һәм *хәреф*: «сколько в языке звуков, столько же должно быть и букв». «Хотя это правило для всех языков является самым важным, в нашем современном алфавите оно не действует: один звук обозначен разными буквами алфавита, или одна буква может обозначать разные звуки», – подчеркивает ученый. По мнению Г. Алпарова, «данный алфавит... создан в соответствии с арабской речью, поэтому ясно, что здесь не будет букв отражающих нашу речь» [6. С. 34].

Г. Ибрагимов в работе «Татар имлясы» (1914) термины *аваз* и *хәреф* поясняет следующим образом: «буква – это изображение звука на бумаге. Например, ب, ت, ج, его произношение и есть звуки. Его изображение на бумаге – буква». «... все буквы, применяемые в языке, называются *азбукой* этого языка», – пишет Г. Ибрагимов [9. С. 3–4]. Автор утверждает, что в татарском языке 36 звуков и 36 букв. По традиции буквы он делит на две группы: *мәд* (гласные) и *тавыш хәрефләре* (согласные). «Мәд – не имеют собственных звуков, служат для повышения, понижения, протяжности других звуков» [9. С. 4].

По мнению Г. Ибрагимова, «сколько звуков прозвучат при произношении слова, столько же букв нужно проставить при письме». В качестве примера языковедом приводятся слова *بلم, ترک* [9. С. 3]. Исходя из вышеизложенного, можно сказать о том, что Г. Ибрагимов под влиянием арабского языка, например в слове *белем*, только согласные характеризует как самостоятельные звуки. Гласные между ними, по предположению автора, скорее всего являются продолжением согласных, а не самостоятельными звуками.

Г. Ибрагимов признает, что в татарской письменности одной графемой могут обозначаться и гласные, и согласные звуки, которые по физиологическим и акустическим показателям совершенно разные. Например, иногда *و* выступают не только показателями долготы других звуков, но и выполняют функцию согласного звука: *تو، باي، ياتا*. [9. С. 4]. А это говорит о гетеографическом характере данных графем.

Таким образом, XIX век – первая четверть XX века – время активных исследований, поисков и открытий в области фонетической терминологии татарского языка. Именно тогда делаются первые попытки дифференциации таких понятий, как «буква» и «звук». Авторы трудов, анализируя звуковой состав татарского языка, пытаются ответить на вопрос и о количестве графем для них. Именно в эту пору ученые и исследователи приходят к осознанию того, что для каждого звука на письме должен быть свой знак (буква). Многие авторы уже начинают понимать, что арабский алфавит не может передать всю специфику звукового состава татарского языка. А это говорит о том, что изучение фонетического строя поднялось совсем на другой, более качественный, уровень.

Литература

1. Архангельский А. Грамматика народно-татарского языка. Оренбург: Типо-литогр. Б. Бреслина, 1894. 145 с.
2. Гиганов И. Грамматика татарского языка. СПб.: Имп. Акад. наук, 1801. 187 с.
3. Хальфин И. Азбука и грамматика татарского языка с правилами арабского чтения. Казань: Тип. Имп. Казан. ун-та, 1809. 106 с.
4. Хальфин С. Азбука татарского языка с обстоятельным описанием букв и складов. М: Имп. Московский ун-т, 1996. 52 с.
5. Алпаров Г.Х. Хәреф вә имлябыз. Казан: Лито-тип. торгового Дома «Братья Каримовы», 1912. 29 б.
6. Алпаров Г.Х. Сайланма хезмәтләр. Казан: Мәгариф, 2008. 287 б.
7. Вәлиди Ж. Татар теленең имля һәм сарыф вә нәхү кагыйдәләре. Казан: Тип. Мәгариф М.А.Мустафина, 1915. 52 б.
8. Вәлидов Ж. Сайланма хезмәтләр. Казан: Мәгариф, 2007. 271 б.
9. Ибраһимов Г. Татар имлясы. Казан: Хәсәенов нәшр., 1914. 28 б.
10. Иманаев Ш. Татар теленең нәхүе вә сарыфы. Казан: Тип. газеты Баянһүль-хакъ, 1910. 102 б.
11. Кәбүтәри Х.Б. Сарыф төрки. Казан: Электро-тип. УРНЭК, 1910. 51 б.
12. Кәмал С. Имля мөгаллиме. Казань: Типо-литогр. Умидъ, 1915. 22 б.
13. Мөхәммәдҗан Г.Т. Сарыф төрки. Казан: Тип. Торгового Дома Братьевъ Каримовых, 1900. 32 б.
14. Мөхәммәдрәхим Ә. Төрки сарыф. Казань: Лито-тип. Харитоновна, 1905. 54 б.
15. Насыйри К. Әнмүзәж. Казань: Типо-литогр. Имп. ун-та, 1975. 87 б.
16. Нуғайбәк Г. Төрлек. Казань: Лито-тип. И.Н.Харитоновна, 1911. 80 б.
17. Садыков Ф. Язу кагыйдәләре. Казань: Типо-литогр. И.В. Ермолаева, 1908. 30 б.
18. Фәезханов Г. Татар телигә кыскача гыйльми сарыф. Казан: Ун-т тип., 1887. 32 б.
19. Фәизхан Г. Татар телигә кыскача гыйльме сарыф. Казан: РИЦ «Школа», 2005. 60 б.

ЯРУЛЛИНА ЛЯЙСАН ИЛЬСУРОВНА – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Центра истории и теории национального образования, Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан, Россия, Казань (liysan-jarullina@mail.ru).

L. YARULLINA

TATAR PHONETIC TERMINOLOGY IN WORKS BY SCHOLARS,
TEACHERS AND EDUCATORS OF 19th – FIRST QUARTER OF 20th CENTURIES

Key words: *terminology, terms, grammar, vowels, consonants, Tatar educators.*

The article considers the development of the Tatar phonetic terminology of the 19th – first quarter of the 20th centuries. The author reviews the works by such well-known scientists, teachers and educators as S. Khalfin, I. Khalfin, A. Arkhangel'skiy, G. Faez'khanov, K. Nasyiri, G. Alparov, I. Giganov, Sh. Imanaev, Z. Validi, G. Ibragimov. While studying the given issue by means of a comparative analysis, the author identifies three main directions in term-formation: terms formed under the influence of Russian grammar; terms borrowed from Arabic grammar; and native Turkic-Tatar terms. The article draws special attention to the terminology of consonant and vowel sounds of the Tatar language.

References

1. Arkhangel'skii A. *Grammatika narodno-tatarskogo yazyka* [Folk-Tatar Grammar]. Orenburg, 1894, 145 p.
2. Giganov I. *Grammatika tatarskogo yazyka* [Tatar Grammar]. St. Petersburg, 1801, 187 p.
3. Khal'fin I. *Azbuka i grammatika tatarskogo yazyka s pravilami arabskogo chteniya* [Tatar Alphabet and Grammar with Arabic Reading Rules]. Kazan, 1809, 106 p.
4. Khal'fin S. *Azbuka tatarskogo yazyka s obstoyatel'nyim opisaniem bukv i skladov* [Tatar Alphabet with Thorough Description of Letters and Syllables]. Moscow, 1996, 52 p.
5. Alparov G.Kh. *Kharef va imlyabyz* [Our Alphabet and Writing]. Kazan, 1912, 29 p.
6. Alparov G.Kh. *Sailanma khezmatlar* [Selected Works]. Kazan, Magarif Publ., 2008, 287 p.
7. Validi Dzh. *Tatar telenen imlya kham saryf va nakhu kagyidalare* [Tatar Spelling, Morphology and Syntax Rules]. Kazan, 1915, 52 p.
8. Validov Dzh. *Sailanma khezmatlar* [Selected Works]. Kazan, Magarif Publ., 2007, 271 p.
9. Ibragimov G. *Tatar imlyasy* [Tatar Spelling]. Kazan, Khusaenov nashriyaty Publ., 1914, 28 p.

10. Imanaev Sh. *Tatar telenen nakhue va saryfy* [Tatar Syntax and Morphology]. Kazan, 1910, 102 p.
11. Kabutari Kh.B. *Saryf turki* [Turkic Morphology]. Kazan, 1910, 51 p.
12. Kamal S. *Imlya mugallime* [Teacher Writing]. Kazan, 1915, 22 p.
13. Mukhammadzhan G.T. *Saryf turki* [Turkic Morphology]. Kazan, 1900, 32 p.
14. Mukhammadrakhim A. *Turki saryf* [Turkic Morphology]. Kazan, 1905, 54 p.
15. Nasyiri K. *Anmuzadzsh* [Anmuzazh]. Kazan, 1975, 87 p.
16. Nugaiyak G. *Turlek* [Torlek]. Kazan, 1911, 80 p.
17. Sadyikov F. *Yazu kagyidalare* [Rules of Writing]. Kazan, 1908, 30 p.
18. Faezghanov G. *Tatar teliga kyskacha gyil'mi saryf* [Brief scientific morphology of Tatar language]. Kazan, 1887, 32 p.
19. Faizkhan G. *Tatar teliga kyskacha gyil'me saryf* [Brief scientific morphology of Tatar language]. Kazan, Shkola Publ., 2005, 60 p.

YARULLINA LAYSAN – Candidate of Philological Sciences, Senior Researcher, Center for the History and Theory of National Education, Sh. Mardjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, Russia, Kazan.

Ссылка на статью: Яруллина Л.И. Фонетическая терминология татарского языка в трудах ученых, педагогов и просветителей XIX – первой четверти XX веков // Вестник Чувашского университета. – 2015. – № 4. – С. 304–308.

УДК 811.161.1'622
ББК Ш12=411.2*212.1

ШИ ХУНШЭН

НЕКОТОРЫЕ ОСНОВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ С ОКОНЧАНИЕМ НА «-АЯ», ИМЕЮЩИХ ЗНАЧЕНИЕ «ПОМЕЩЕНИЕ»

Ключевые слова: русский язык, окончание, помещение, способы словообразования.

В русском языке существует один тип имен существительных, которые с окончанием на «-ая» имеют значение «помещение». Кроме единичных слов все эти существительные образовались из прилагательных. Разделение их на подгруппы по семантике и анализ их способов словообразования помогают в преподавании и изучении русского языка. Этот тип существительных по семантике имеет пять подгрупп: помещения общественного питания, специальные комнаты для специального персонала, специальные учреждения и грандиозные пространства. Каждая подгруппа имеет свои собственные способы словообразования. Многие из этих слов разговорные, просторечные и устарелые.

В современном русском языке способы словообразования можно разделить на 4 или 3 типа. Сунь Шуфан, ссылаясь на мнение Е.С. Кубряковой, разделила способы словообразования на 4 типа: словопроизводство, словосложение, конверсия и аббревиация [5. С. 77–80], а Лю Сумэй разделила – на 3 типа: 1) по мере развития и дифференциации значений слов появляются новые слова, т.е. «семантически новые слова»; 2) иноязычные заимствования; 3) на основе существующих слов или словосочетаний при применении стандартных моделей словообразования в русском языке создаются новые слова. Она также заметила: «Этот последний способ – наиболее используемый, является основой словообразования русского языка, он – главный предмет при исследовании словообразования (дериватологии)» [4. С. 13–15]. «Этот последний способ» включает в себя и «конверсию». Можно сказать, что конверсия является чаще используемым способом словообразования.

Язык изменяется и развивается. «В русском языке переход слова в новую часть речи является популярным явлением в постоянном изменении и развитии языка... Конверсия естественным образом производится по потребностям речевой коммуникации в процессе развития в областях политики, экономики, науки, культуры и производства. Так получается и с субстантивацией в русском языке: переход в разряд имён существительных других частей речи» [2. С. 100]. Цао Гуантянь в статье «Применение словообразования русского языка в учебной практике» констатирует: «Переход в другие части речи увеличивает применимость слов» [6. С. 124–126].

В русском языке имена существительные с окончанием на «-ая», имеющие значение «помещение», в основном, образованы от прилагательных. Согласно теории семантики такая группа слов может рассматриваться как большое «семантическое поле». «Семантическое поле представляет собой совокупность в семантической системе, составленную из семантических единиц, имеющих определенные общие семантические признаки» [9. С. 117]. По разновидностям семантических единиц каждого семантического поля все слова можно разделить на четыре категории: вещи (среди них можно выделить группу дел и группу предметов, среди предметов – конкретные и абстрактные объекты), движение (примерно эквивалентно грамматическому предикату), пространство-время и атрибут [9. С. 120].

Имена существительные с окончанием на «-ая», имеющие значение «помещение», например, бензозаправочная, ванная, мастерская, переплёт-

ная, пивная (разг.), подлунная (устар.), столовая, щитовая, ямщицкая и др., относятся к семантическому полю «пространство-время».

Семантическое поле имеет классность, систематичность и относительность. Классность означает: «Классификация слов по признакам вещей бывает и грубой, и тонкой, поэтому семантическое поле бывает и крупным, и маленьким», «несколько маленьких семантических полей могут быть объединены в крупное семантическое поле», «а крупные – в более крупное вплоть до крупнейшего семантического поля в одной языковой системе» [8. С. 126].

Как способ словообразования, тип перехода от прилагательных в существительные со значением «помещение» при использовании окончания «-ая» высокопродуктивен в русском языке. В России на улицах, в больницах, на предприятиях и в других местах часто встречаются вывески обслуживающих организаций, названия больничных кабинетов и других специфических помещений с именами существительными такого типа. В русском языке, особенно в устной речи, активно употребляются слова такого типа, хотя многие из них не включены в классические большие толковые словари русского языка, например, бульбяная, карточная, массажная, преподавательская, пилотская, сварочная, сушечная, фотомастерская и др.

Знание особенностей имен существительных этого типа помогает нам в преподавании и изучении русского языка. В первом томе «Русской грамматики (1980)» выделяются 4 подгруппы слов такого типа: а) названия помещения по совершаемому в нем действию (мотивирующие – прилагательные, мотивированные отглагольными существительными со значением действия и глаголами): моечная, сварочная, перевязочная, приемная и др.; б) названия помещения по лицу, для которого оно предназначено (мотивирующие – прилагательные, мотивированные существительными со значением лица): профессорская, учительская, диспетчерская, детская и др.; в) названия помещения по характерному для него предмету, находящемуся или производимому в нем (мотивирующие – прилагательные, мотивированные неодушевленными существительными с конкретно-предметным значением): душевая, ламповая, табельная, ванная и др.; г) названия помещения по характерному признаку (мотивирующие – качественные прилагательные): холодная, темная (оба – устар. названия помещения для содержания арестованных) [3. С. 236–237].

Данная статья с точек зрения семантической группы и способа словообразования анализирует и обобщает характеристики имен существительных этого типа. Для того, чтобы выделить специфические признаки этого типа словообразования, можно разделить слова такого типа на многоуровневые семантические поля: пять крупных семантических полей, которые далее можно разделить на еще более мелкие семантические поля.

1. Организация (помещение) общественного питания

«Организация (помещение) общественного питания» включает в себя различного рода продовольственные магазины, столовые, буфеты, кафе и др., где люди могут купить еду и питье. Эта группа включает в себя большое количество слов, например, бульонная, закусочная, кофейная (устар.), мясная (разг.), полпивная (устар., прост.), пончиковая, просфорная, чайная (устар.), чебуречная, шашлычная и др.

Группа слов «организация (помещение) общественного питания» имеет 4 способа словообразования.

1.1. Существительные со значением «различные продукты питания и напитки» производят однокоренные прилагательные, которые изменяют окончание на «-ая», и эти новые прилагательные становятся существительными с

новым значением. Например, блин → блинный → блинная, булка → булочный → булочная, бутерброд → бутербродный → бутербродная, кипяток → кипяточный (прост.) → кипяточная, штоф → штофный → штофная.

1.2. Существительные со значением «изготовитель пищи или владелец организации (помещения) общественного питания» производят однокоренные прилагательные, которые изменяют окончание на «-ая», и эти новые прилагательные становятся существительными такого типа. Например, кондитер → кондитерский → кондитерская, кухмистер → кухмистерский → кухмистерская (устар.).

1.3 Существительные со значением «предмет, использованный в организации (помещении) общественного питания» производят однокоренные прилагательные, которые изменяют окончание на «-ая», и эти новые прилагательные становятся существительными такого типа, например, стол → столовый → столовая, рюмка → рюмочный → рюмочная, буфет (шкаф для хранения посуды, столового белья) → буфетный → буфетная (устар.).

1.4 Существительные со значением «действие в организации (помещении) общественного питания» производят однокоренные прилагательные, которые изменяют окончание на «-ая», и эти новые прилагательные становятся существительными такого типа, например, распивка → распивочный (устар.) → распивочная (устар., разг.).

2. Специальное помещение

«Специальное помещение» включает в себя специализированные и целенаправленные помещения для медицинских, транспортных и военных целей. Количество слов этой группы – самое большое, способы словообразования – тоже наиболее сложные. Теперь эту группу слов и ее анализ можно резюмировать следующим образом.

2.1 Специализированные помещения. «Специализированные помещения» включают в себя рабочие и служебные помещения, связанные с различными специальностями, профессиями, ремеслами, а также обслуживающие помещения (кроме помещений общественного питания) и помещения для культурных и некоторых других, в том числе – производственных, например, бильярдная, заправочная, костюмерная, кочегарная (устар.), очистная, парная (разг.), плотницкая (разг.), пультовая (разг.), раздевальная, рольная, справочная, уборная (устар.), хлораторная, шифровальная и др.

2.2 Специальные помещения в жилых домах. «Специальные помещения в жилых домах» включают в себя различные специальные комнаты в жилых домах, например, гостиная, детская, душевая, столовая, кучерская, людская (устар.), образная (устар.), портретная (устар.), спальная (разг.), туалетная (устар.) и др.

2.3 Специализированные и целенаправленные помещения для медицинских, транспортных и военных целей. «Помещения для медицинских целей» – различные специализированные помещения в медицинских учреждениях, например, бельевая, наркозная, мертвецкая (разг.), операционная, ординаторская, покойницкая, предоперационная, перевязочная, процедурная.

«Помещения для транспортных целей» – пространства для общественной езды и ходьбы, например, мостовая, набережная, проходная.

«Помещения для военных целей» – места, предназначенные для военных нужд, например, исходная, оружейная (устар.), передовая.

Эта группа слов со значением «специальное помещение» имеет следующие 9 способов словообразования.

А. Существительные со значением «предмет, хранимый в специальном помещении, или инструмент и материал, применяемые в специальном поме-

щении» производят однокоренные прилагательные, которые изменяют окончание на «-ая», и эти новые прилагательные становятся существительными такого типа. (Эти предметы являются только объектом хранения в специальном помещении, или при их помощи совершаются специализированные действия, они не являются прямым объектом действия как объектом, указанным в пункте «Г» данной статьи.) Например, весы → весовой → весовая, карта → карточный → карточная, клей → клеевой → клеевая, лампа → ламповый → ламповая, шинель → шинельный → шинельная.

Б. Существительные со значением «субъект, совершающий специализированное действие в специальном помещении» производят однокоренные прилагательные, которые изменяют окончание на «-ая», и эти новые прилагательные становятся существительными такого типа. Например, бутафор → бутафорский → бутафорская, корректор → корректорский → корректорская, медник → медницкий → медницкая, повар → поварской → поварская (устар.), прозектор → прозекторский → прозекторская, парикмахер → парикмахерский → парикмахерская, слесарь → слесарная.

В. Существительные (чаще отглагольные) со значением «специализированное действие, совершаемое в специальном помещении» производят однокоренные прилагательные, эти произведенные прилагательные или описывающие такое действие прилагательные изменяют окончание на «-ая», и эти новые прилагательные становятся существительными такого типа. Например, брошюровка → брошюровочный → брошюровочная, осмотр → осмотровый → осмотровая, массаж → массажный → массажная, монтаж → монтажный → монтажная, убой → убойный → убойная, прачечный → прачечная, приспешный (устар.) → приспешная (устар.).

Г. Существительные со значением «прямой объект специального действия (чаще специализированного производства), совершаемого в специальном помещении» производят однокоренные прилагательные, которые изменяют окончание на «-ая», и эти новые прилагательные становятся существительными такого типа. Например, книга → книжный → книжная, конь → конный → конная, модель → модельный → модельная, табель → табельный → табельная, чертеж → чертежный → чертежная, шоры → шорный → шорная.

Д. Глаголы движения или существительные от глаголов движения производят однокоренные прилагательные, которые изменяют окончание на «-ая», и эти новые прилагательные становятся существительными такого типа. Например, приезжать → приезжий → приезжая (разг.), приходиться → приходящий (устар.) → приходящая; исходить (устар.) → исход → исходный → исходная, проходить → проход → проходной → проходная.

Е. Существительные со значением «местоположение» производят однокоренные прилагательные, которые изменяют окончание на «-ая», и эти новые прилагательные становятся существительными такого типа. Например, центр → центральный → центральная, перёд → передний → передняя (устар.), перёд → передовой → передовая.

Ж. Прилагательные, не произведенные от существительных, а описывающие признаки (кроме признаков действий), изменяют окончание на «-ая» и становятся существительными такого типа. Например, набережный → набережная.

З. Существительные со значением «организация, которой принадлежит специальное помещение» производят однокоренные прилагательные, которые изменяют окончание на «-ая», и эти новые прилагательные становятся существительными такого типа. Например, контора → конторский → конторская (устар.).

И. Существительные по принципу ассоциации производят соответствующие однокоренные прилагательные, которые изменяют окончание на «-ая», и эти новые прилагательные становятся существительными такого типа. У этой подгруппы слов между первоначальным существительным и произведенным окончательным словом отсутствует такая прямая «наследственная» связь, как у предыдущих 8 способов словообразования, существует только некая логическая связь. Это потому, что «Мотивировка слов рождается в захвате человеком неких признаков вещей и явлений» [1. С. 251]. Мотивировка слов имеет скрытость. Например, мост → мостовой → мостовая. От слова «мост» получается переносное значение «связующее звено», это значение далее переносится, появляется значение «связывающее наземное транспортное сооружение», это именно новое слово «мостовая».

3. Специальные комнаты для специального персонала

Специальные комнаты для специального персонала включают в себя комнаты для проведения работы, отдыха (временного пребывания) специального персонала различных профессий и социальных положений. Например, дамская, диспетчерская, комендантская, лекторская, надзирательская (устар.), официантская, прорабская, профессорская, судейская, швейцарская.

Существительные этой группы имеют только два способа словообразования.

3.1. Существительные со значением «специальный персонал» производят однокоренные прилагательные, которые изменяют окончание на «-ая», и эти новые прилагательные становятся существительными такого типа. Например, арестант (устар.) → арестантский → арестантская, дворник → дворничий → дворничья (устар.), лаборант → лаборантский → лаборантская, учитель → учительский → учительская.

3.2. Субстантивированные прилагательные со значением «специализированный персонал» изменяют окончание на «-ая», и эти новые прилагательные становятся существительными такого типа. Например, дежурный → дежурная, караульный → караульная, омонимичные исходным прилагательным в прямом значении (дежурный – мужчина, дежурная – женщина и т.д.).

4. Специальные учреждения

«Специальные учреждения» являются теми самостоятельными учреждениями (местами) вне сферы промышленной деятельности, которые имеют специальные полномочия и обязанности. Например, пересыльная (разг.), подмосковная (устар., разг.), приказная (устар.), съезжая, скорая (разг.), странная, темная (устар.), холодная (устар., прост.),

Эта группа слов со значением «специальные учреждения» имеет 4 способа словообразования.

4.1. Отглагольные существительные со значением «действия, связанные с специальными полномочиями и обязанностями» производят однокоренные прилагательные, которые изменяют окончание на «-ая», и эти новые прилагательные становятся существительными такого типа. Например, пересыл (переслать) → пересыльный → пересыльная (разг.).

4.2. Первоначальные прилагательные изменяют окончание на «-ая», и эти новые прилагательные становятся существительными такого типа. Например, подмосковный → подмосковная (устар., разг.), скорый → скорая (разг.), странный (устар.) → странная.

4.3. Существительные производят однокоренные прилагательные, которые изменяют окончание на «-ая», и по принципу ассоциации эти новые прилагательные становятся соответствующими существительными такого типа.

Например, приказ → приказный → приказная (устар.), холод → холодный → холодная (устар., прост.), тьма → темный → темная (устар.).

4.4. Глаголы движения производят однокоренные прилагательные, которые изменяют окончание на «-ая», и эти новые прилагательные становятся существительными такого типа. Например, : съезжаться → съезжий (разг.) → съезжая.

5. Грандиозные пространства

Среди существительных с окончанием на «-ая», имеющих значение «помещение», существует группа особых слов, площади их «помещений» измерить невозможно, они слишком большие, поэтому мы определяем семантическое значение этой группы слов как «грандиозные пространства». Вот они: Вселенная, подвселенная (прост.), подлунная (устар.), поднебесная (устар.), преисподняя (устар.), подсолнечная, трисподняя (устар., прост.).

Эта группа слов со значением «грандиозные пространства» имеет 2 способа словообразования.

5.1. Первоначальные прилагательные, описывающие «грандиозные пространства», изменяют окончание на «-ая», и эти новые прилагательные становятся существительными такого типа. Например, подлунный (устар.) → подлунная (устар.), поднебесный → поднебесная (устар.), подсолнечный → подсолнечная, преисподний (устар.) → преисподняя (устар.), трисподний (устар.) → трисподняя (устар., прост.).

5.2. Отсутствуют производящие первоначальные слова. Например, Вселенная, подвселенная.

В данной статье приведена классификация существительных по их основному словесному значению. Такая классификация не является абсолютной, некоторые слова могут включаться одновременно в разные группы, в две или в несколько. Например, слово «приемная» может включаться и в группу «специальные помещения в жилых домах», и в группу «специализированные помещения»; слова «прачечная» и «ординаторская» тоже могут одновременно включиться в несколько групп. Цель публикации заключается в анализе и обобщении семантических значений группы слов, выяснении способов словообразования у слов такого типа.

На основе вышеприведенных примеров очевидно, что слова такого типа употребляются во всех сферах общества, многие из них являются разговорными, просторечными или устаревшими. Для некоторых слов этого типа существуют однокоренные слова с тем же значением, но с иной суффиксацией или префиксацией. Например, кофейная = кофейня, курительная = курильня, моленная = молельня, парная = парильня, поварская = поварня, трисподняя = преисподняя.

Большинство слов этого типа произведены от прилагательных. «Прилагательные описывают признаки вещей, часто сочетаются с названиями вещей – существительными. В длительном процессе употребления многие существительные в таких словосочетаниях сократились, и прилагательные выполняют функцию выражения значений прежних словосочетаний «прилагательные + существительные», таким образом, прилагательные заменяют описываемые объекты и становятся существительными» [7. С. 118]. Словарный состав этого типа в русском языке всегда открыт, с развитием современного общества на основе давно действующих способов словообразования появляются снова и снова слова этого типа.

Литература

1. Ван Эйлу, Сы Фучжэнь. Изучение языковой мотивировки. Пекин: Изд-во общественных наук, 2002.
2. Жэнь Сымин. Очерк о субстантивации в русском языке // Вестник Хэнаньского университета Китая (Гуманитарные науки). 1988. № 2.
3. Русская грамматика: в 2 т. / гл. ред. Н.Ю. Шведова. М.: Наука, 1980. Т. 1. 784 с.
4. Лю Сумэй. Анализ словообразования новых слов в русском языке // Русский язык в Китае. 1997. № 2.
5. Сунь Шуфан. Мотивирование слов и сравнение словообразований в русском и китайском языках // Исследование иностранных языков. 2004. № 3.
6. Цао Гуантянь. Применение словообразования русского языка в учебной практике // Общественные науки Внутренней Монголии. 2003. № 3.
7. Чжан Хойсэн. Новейшая грамматика русского языка. Пекин: Изд-во Шануншугуань, 2002.
8. Введение в современное языкознание / гл. ред. Чи Чанхай. Ханчжоу: Изд-во Чжэцзянского ун-та Китая, 2004.
9. Очерк языкознания / гл. ред. Шэн Сяолун. Шанхай: Изд-во Фуданьского ун-та, 2003.
10. Большой толковый словарь русского языка. Перераб. изд. / Ин-т словарей Центра по изучению русского языка и литературы Хэйлунцзянского университета. Пекин: Изд-во Шануншугуань, 2001.
11. Кузнецов С.А. Большой толковый словарь русского языка. СПб.: Норинт, 2000. 1536 с.
12. Ожегов С.И. Словарь русского языка. 14-е изд., стереотип. / под ред. Н.Ю. Шведовой. М.: Рус. яз., 1982. 816 с.
13. Тихонов А.Н. Словообразовательный словарь русского языка: в 2 т. М.: Рус. яз., 1990.
14. Ушаков Д.Н. Толковый словарь русского языка: в 4 т. М.: Астрель, АСТ, 2000.

ШИ ХУНШЭН – доцент, директор Центра по изучению России, Аньхойский университет, Китай, Хэфэй (shishanshanc21@126.com).

SHI HONGSHENG
SOME OF THE MAIN FEATURES OF NOUNS ENDING IN «-АЯ»
WITH THE MEANING «A ROOM»

Key words: *Russian language, ending, room, means of word formation.*

There is one type of nouns in the Russian language, these nouns end in «-ая» and have the meaning «a room». Besides some single words, all these nouns are formed from adjectives. Splitting them into groups in accordance with semantics and the analysis of their means of word formation help in teaching and learning the Russian language. This type of nouns has five subdivisions in accordance with semantics: catering rooms, special rooms for specialized staff, specialized institutions and enormous spaces. Each subdivision has its own means of word formation. Many of these words are colloquial words, colloquialisms, and archaisms.

SHI HONGSHENG – Associate Professor, Director of the Center for Studying Russia, Anhui University, China, Hefei.

Ссылка на статью: Ши Хуншэн. Некоторые основные особенности имен существительных с окончанием на «-ая», имеющих значение «помещение» // Вестник Чувашского университета. – 2016. – № 2. – С. 309–315.

Типы строения иероглифов. В современном китайском языке 3500 иероглифов по частоте употребления занимают 99,48% общих употребительных иероглифов, самые употребительные 1000 иероглифов занимают 90% общих употребительных иероглифов. С течением времени накапливается большое количество иероглифов, в «Большой словарь китайских иероглифов» включены более 56 000 иероглифов [3]. Но в разное время количество чаще употребляемых иероглифов ограничено, например, для сочинения книги «Лунь Юй» Конфуция использованы 1355 иероглифов, для составления книги «Мэн-цзы» – 1889 иероглифов [4]. Иероглифы имеют высокую продуктивность, ограниченное количество иероглифов может образовать бесконечное количество слов, которые рождаются по потребностям современной жизни и обладают чрезвычайной экспрессивностью. В течение тысячелетий китайский язык таким образом записал обилие духовного достояния китайского народа, большое количество письменных памятников китайской культуры, зафиксированных иероглифами, внесло бесценный вклад в фонд мировой культуры.

Если мы узнаем строение иероглифов, то легко понять роль выражения и записи китайского языка. Иероглифы имеют 6 типов образования.

1) Пиктограммы (象形:сянсин) – способ начертание контуров и признаков вещей. Например, 日(солнце), 月(луна), 山(гора), 水(вода),火(огонь), 木(дерево), 马(лошадь), 鱼(рыба), 虎(тигр), 羊(овца), 衣(одежда), 目(глаз), 鼻(нос) и др. Сейчас мы на основе рисунков иллюстрируем процесс эволюции форм иероглифов в течение более чем 3 тысячи лет. Цзягувэнь (甲骨文) – имеет возраст более 3 тысяч лет, цзиньвэнь (金文: надпись на бронзе) – имеет возраст более 2 тысяч лет, позднее стиля цзиньвэнь появился новый стиль шигувэнь (石鼓文: надписи на каменных барабанах), который имеет возраст более 2 тысяч лет, сяочжуань (小篆: унифицированный иероглифический почерк, введённый при династии Цинь, ныне употребляется на печатях) имеет возраст в 2 тысячи лет с лишним. Лишу (隶书) – упрощенный вариант стиля сяочжуань, появился тоже во время династии Цинь. Стиль упрощенных иероглифов (简化字) установился в 1956 г. и употребляется сейчас как письменность литературного языка, в данном тексте этот стиль обозначен иероглифами, стоящими на первых местах справа строк примеров.

Посмотрим на процесс эволюции иероглифов группы «пиктограммы», все рисунки об эволюции форм иероглифов в данной статье взяты из книги «Рисунками иллюстрируются древние китайские иероглифы» [5].

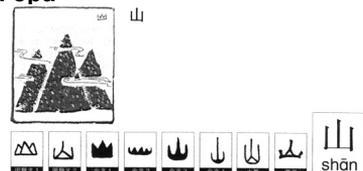
Солнце

Луна

Гора

Вода

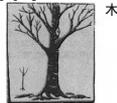
Огонь

火

火
huǒ

Дерево

木

木
mù

Лошадь

马

马
mǎ

Тигр

虎

虎
hǔ

Овца

羊

羊
yáng

Одежда

衣

衣
yī

2) **Простые идеограммы (指事: чжиши)** – способ начертания иероглифов абстрактными знаками, указывающими на факты. Например, 一 (один), 二 (два), 三 (три), 上 (верх), 下 (вниз), 元 (начало), 王 (король), 中 (центр, середина), 示 (показать, указать), 凶 (зловещий, страшный), 本 (корень, основа), 末 (макушка, конец), 灭 (тушить, уничтожить), 刃 (лезвие) и др. Посмотрим на процесс эволюции иероглифов группы «простые идеограммы».

元 (начало): над головой человека поставить черточку, что обозначает «начало» (голова у человека важная часть тела, всё начинается с нее).

元

元
yuán

上 (верх): этот иероглиф указывает на то, что человек поднимается на гору (наверх).

上

上
shàng

王 (король): топор палача имеет символическое значение «власть», поэтому этим знаком обозначается значение «король».

王

王
wáng

凶 (зловещий, страшный): верхняя часть древней формы этого иероглифа обозначает падение человека в яму, нижняя часть – над человеком висит такая угроза, опасность. Современная форма сохраняет суть состояния.

凶

凶
xiōng

中 (центр, середина): флаг в центральном месте племени указывает на понятия «центр», «середина».

甘 (вкусный, сладкий): кусок вкусного или сладкого во рту человека указывает на понятия «вкусный», «сладкий».

3) Составные идеограммы комбинации значений (会意: хуэйи) – способ образования нового иероглифа путем соединения двух (нескольких) идеограмм. Например, 友 (друг), 明 (светлый), 休 (отдых), 武 (вооружение), 名 (имя), 从 (следовать), 众 (толпа), 森 (лес), 林 (роща), 闻 (слышать), 甬 (не надо), 歪 (кривой, неправильный), 尖 (острый), 法 (закон), 孬 (плохой), 劣 (низкокачественный) и др. Посмотрим на процесс эволюции иероглифов группы «составные идеограммы комбинации значений».

友 (друг): две идеограммы со значением «рука» соединяются вместе, образуется новый иероглиф «друг».

(светлый): идеограммы «солнце» и «луна», как два светлых объекта, соединяются вместе и образуют новый иероглиф «М» (светлый).

休 (отдых): идеограммы «人» (человек) и «木» (дерево) соединяются, обозначают то, что человек, забираясь на дерево, отдыхает. Таким образом создается новый иероглиф «休» (отдых).

鲜 (вкусный): идеограммы «鱼» (рыба) и «羊肉» (баранина) соединяются, как два вкусных продукта, образуют новый иероглиф «鲜» со значением «вкусный».

武 (вооружение): идеограммы «止» (ходьба) и «戈» (клевец) соединяются, обозначают то, что человек держит клевец. Таким образом создается новый иероглиф «武» (вооружение).

名 (имя): идеограммы «夕» (сумерки) и «口» (рот) соединяются, обозначают то, что в сумерки человек спрашивает находящегося на расстоянии, кто он такой. Таким образом создается новый иероглиф 名 (имя).

4) **Фоноидеогаммы (形声: синшэн)** – способ словообразования иероглифа путем соединения смыслового компонента и звукового компонента. Количество иероглифов группы фоноидеогамм превышает 80% всех китайских иероглифов в современном китайском языке [6]. Например, 河 (река), 湖 (озеро), 宇 (дом), 阔 (широкий), 纤 (тонкий), 极 (конец), 物 (предмет), 空 (пустой), 情 (чувство), 据 (опираться), 颂 (прославлять), 苍 (старческий) и др. Посмотрим на строения иероглифов группы «фоноидеогаммы». «河» (hé, река) состоит из смыслового компонента «氵» со значением «вода» и звукового компонента «可» со звучанием «кё». «湖» (hú, озеро) состоит из смыслового компонента «氵» со значением «вода» и звукового компонента «胡» со звучанием «hú». «阔» (kuò, широкий) состоит из смыслового компонента «阝» со значением «дверь, т.е. широкий предмет» и звукового компонента «活» со звучанием «huó». «据» (jù, опираться) состоит из смыслового компонента «扌» со значением «рука, т.е. действие руки» и звукового компонента «居» со звучанием «jū». «妈» (mā, мать) состоит из смыслового компонента «女» со значением «женщина» и звукового компонента «马» со звучанием «mǎ».

Фоноидеогаммы имеют различные строения: смысловые и звуковые компоненты могут находиться слева, справа, наверху и внизу, даже могут быть в центре и вокруг центра. Смысловые компоненты в основном выражают принадлежность вещей. Например, смысловой компонент «木» выражает принадлежность вещей, связанную с деревом: 松 (сосна), 杨 (тополь), 柱 (деревянный столб), 床 (кровать), 梯 (лестница), 楫 (весло) и др.; смысловой компонент «犬» связан с «млекопитающими животными»: 狐 (лиса), 狼 (волк), 猴 (обезьяна), 狮 (лев), 狗 (собака), 猫 (кот) и др.; смысловой компонент «火» (огонь) связан с «огнем»: 烧 (жечь), 燃 (гореть), 爆 (взрыв), 炮 (пушка), 灶 (печь), 烟 (дым) и др.

Звуковые компоненты играют роль произношения иероглифов, эти компоненты и образованные иероглифы в отношении произношения бывают одинаковы и приближительны, бывают разными только в тонах (в китайском языке есть 4 тона).

5) **«Видоизменённая категория» иероглифов (转主 च्жуаньчжу)** – способ применения иероглифа для объяснения другого синонимичного иероглифа, оба они создавались в разные времена в разных регионах, но имеют схожие строения и произношения, в развитии практики языка они объясняют друг друга. Например, «考» (старый) может объясниться как «老» (старый), «颠» (вершина) может объясниться как «顶» (вершина), «舟» (лодка) может объясниться как «船» (лодка). Такие иероглифы единичные, они объясняли друг друга только в древних текстах, в современном китайском языке такое использование встречается только в устаревших выражениях, и то очень редко.

6) **Фонетические заимствования (假借 цзяцзе)** – способ создания нового иероглифа с одинаковым произношением и новым значением путем заимствования существующего иероглифа. Эти слова тоже единичные, фонетические заимствования происходили также в древнем Китае, когда не хватало иероглифов, часто связанных с абстрактными понятиями. Например, иероглиф «采» (пшеница) был позаимствован для создания иероглифа «采» с одинаковым произношением и новым значением «прийти», иероглиф «令» (приказ) был позаимствован для создания иероглифа «令» с одинаковым произношением и новым значением «начальник уезда», иероглиф «长» (пожилой) был позаимствован для создания иероглифа «长» с одинаковым произношением и новым значением «начальник», иероглиф «道» (дорога) был позаим-

ствован для создания иероглифа «道» с одинаковым произношением и новым значением «мораль» и др.

Высокая продуктивность иероглифов. Среди выше упомянутых 6 типов образования иероглифов только первые 4 типа были активны. Конечно, существует много таких иероглифов, которые создались при использовании смешанных типов образования. Например, иероглиф «照» (zhào, освещать) образовался таким образом: ниже наглядно представлено появление иероглифа «召» (zhào, звать) – два крестьянина зовут друг друга покусать в перерыв. Потом к «召» присоединился иероглиф «日» (rì, солнце) и получился иероглиф «昭» (zhāo, яркий), наконец, к иероглифу «昭» присоединился компонент «灺», равный иероглифу «火» (huǒ, огонь), и образовался иероглиф «照».

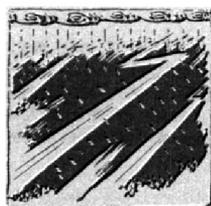

 две руки
  ложка
  посуда с едой
  рот

В древние времена создали большинство иероглифов, в 1716 г. в Китае был издан «Словарь Канси» (словарь китайского языка), куда были включены 47 035 иероглифов [7]. В древнем китайском языке как одно слово использовался один иероглиф, в современном китайском языке – два иероглифа (бывают и три, и четыре). В словарном составе китайского языка уже накопилось достаточно много иероглифов, в настоящее время новых иероглифов образуется все меньше и меньше.

Благодаря высокой продуктивности иероглифов все новые понятия и вещи можно выразить имеющимися иероглифами. Например, за много лет до появления в мире науки об электричестве китайский народ иероглифом «电» уже зафиксировал природное явление «электричество» (молния на небе во время дождя) (см. ниже).

电

Когда в жизни появилась новая вещь «телефон», китайский язык выразил эту вещь с применением двух имеющихся иероглифов «电话» «буквальное значение: электрическая речь», то же самое и с новым явлением «фильм» –

«电影» (электрическая тень), «телевидение» – «电视» (электрическое изображение), «компьютер» – «电脑» (электрические мозги) и т.д.

Китайские древние иероглифы и по сегодняшний день продолжают выражать все новые явления и факты, играют важную роль в распространении культуры во всем мире. Культурные достояния, записанные китайскими иероглифами, доступны всем народам мира.

Литература

1. Ван Сянян. О базе патриотического воспитания в провинции Хэнань Китая. Чжэнчжоу: Хэнаньжэньминь, 2006. С. 321–322.
2. Фэн Ши. Происхождение китайской письменности // Культурные памятники в провинции Сычуань Китая. 2008. № 3. С. 46–49.
3. Большой словарь китайских иероглифов. Чэнду: Изд-во словарей провинции Аньхой Китая, 1986. С. 1.
4. Лао Фэй. Сколько иероглифов использованы в книгах «Лун Юй» и «Мэн-цзы»? // Реформа письменности. 1985. № 4. С. 33.
5. Сюн Гоин. Рисунками иллюстрируются древние китайские иероглифы. Цзинань: Цилушунь, 2006.
6. Ху Юйшу. Современный китайский язык (переработанное издание). Шанхай: Образование, 1995. С.158.
7. Тань Чуньхун. Основы китайской культуры. Пекин: Китайская текстильная промышленность, 2009. С. 361.

ШИ ХУНШЭН – доцент, директор Центра по изучению России, Аньхойский университет, Китай, Хэфэй (shishanshanc21@126.com).

SHI HONGSHENG DEVELOPMENT OF CHINESE HIEROGLYPHS

Key words: *hieroglyph, Chinese hieroglyph, pictogram, ideogram, evolution.*

This article presents the link between the past and the present of Chinese calligraphy. The history of the origin and types of structure of Chinese hieroglyphs are considered, the evolution of the most common forms of Chinese symbols is shown on the basis of their illustrations and interpretations. The author describes the pictograms, simple and compound ideograms, fonoideograms, modified hieroglyphs and phonetic borrowings.

SHI HONGSHENG – Associate Professor, Director of the Center for Studying Russia, Anhui University, China, Hefei.

Ссылка на статью: Ши Хуншэн. Типы образования китайских иероглифов // Вестник Чувашского университета. – 2016. – № 2. – С. 316–322.

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Редакция журнала «Вестник Чувашского университета» просит авторов руководствоваться нижеприведенными правилами.

1. Авторские оригиналы представляются на бумажном и электронном носителях. Авторский текстовый оригинал должен быть пронумерован и подписан авторами на титульном листе с указанием даты.

2. К статьям, направляемым в редакцию, прилагаются:

- 1) *заявление автора на имя главного редактора;*
- 2) *две внешние рецензии;*
- 3) *ходатайство научного руководителя;*
- 4) *лицензионный договор в двух экземплярах;*
- 5) *экспертное заключение о возможности опубликования статьи в открытой печати.*

3. Авторы должны указать рубрику, в которой следует поместить статью.

4. **Оформление статьи:**

- 1) *классификационные индексы Универсальной десятичной классификации (УДК), Библиотечно-библиографического классификатора (ББК);*
- 2) *инициалы и фамилия авторов;*
- 3) *название статьи;*
- 4) *ключевые слова;*
- 5) *аннотация статьи;*
- 6) *название статьи, инициалы и фамилия автора на английском языке;*
- 7) *ключевые слова на английском языке;*
- 8) *аннотация на английском языке;*
- 9) *текст статьи;*
- 10) *примечательный библиографический список;*
- 11) *транслитерированный библиографический список References;*
- 11) *сведения об авторе.*

Авторские оригиналы подготавливаются с помощью компьютера в среде Microsoft Word (файлы типа doc). Формат бумаги А4, поля: справа и слева 4 см, сверху 4,5 см, снизу 5,7 см, от края до верхнего колонтитула 3 см, красная строка 0,75 см. Текст статьи набирается шрифтом Times New Roman размера 11 пт через 1 интервал.

Текст статьи представляется в двух экземплярах с приложением файла в электронном виде.

5. Рисунки. Количество рисунков не более 4. На рисунки должны быть ссылки. Рисунки должны быть внедрены в режиме Вставка Объект Рисунок Microsoft Word. Подписанные подписи выполняются шрифтом размера 9 пт.

6. Формулы и буквенные обозначения по тексту. Формулы набираются в редакторе формул Microsoft Equation. Шрифт для греческих букв – Symbol, для всех остальных – Times New Roman, основной размер 11 пт, крупный индекс 7 пт, мелкий 5 пт.

Латинские буквы набираются курсивом, буквы греческого алфавита и кириллицы – прямым шрифтом, обозначения матриц, векторов, операторов – прямым полужирным шрифтом.

Формулы располагаются по центру страницы. Номер формулы ставится у правого края. Нумеруются лишь те формулы, на которые имеются ссылки.

При выборе единиц физических величин рекомендуется придерживаться международной системы единиц СИ.

7. Таблицы. Текст в таблицах набирается шрифтом размером 9 пт, заголовки выделяются полужирным шрифтом. На таблицы должны быть ссылки.

8. Список литературы. Список строится по алфавиту, записи рекомендуется располагать сначала на языке издания, в которое включен список, затем на других языках. Источники набираются шрифтом Times New Roman размера 9 пт. При оформлении списка литературы необходимо руководствоваться ГОСТом Р 7.0.5-2008 «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила оформления».

Ссылки на источники в тексте даются в квадратных скобках, например [1], [1. С. 5].

9. Список References. Транслитерацию русского текста в латиницу следует производить в соответствии со стандартом BSI.

10. Сведения об авторах набираются полужирным шрифтом размера 10 пт **на русском и английском языках в именительном падеже** по следующей форме: *Фамилия, имя, отчество – ученая степень, должность, место работы, страна, город. Контактная информация (e-mail).*

11. Статьи, оформленные без соблюдения этих правил, возвращаются без рассмотрения. Возвращение рукописи автору на доработку не означает, что статья принята к печати. После получения доработанного текста рукопись вновь рассматривается редакцией. Доработанный текст автор должен вернуть вместе с первоначальным экземпляром статьи, а также ответами на все замечания. Датой поступления считается день получения редакцией окончательного варианта статьи.

12. Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается.

13. В одном номере журнала может быть опубликовано, как правило, не более двух статей одного автора, в том числе в соавторстве.

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

Абилова Р.О. «Они всегда со мной»: к истории настенного фотоальбома.....	5
Басманцев Д.В. Органы государственного надзора и следствия по борьбе со злоупотреблениями местной администрации на территории Чувашии в XVIII веке	11
Бойко Н.С. Роль губернаторов в развитии системы образования в период конца XIX – начала XX веков (на примере городов Среднего Поволжья).....	22
Бойко Н.С. Деятельность губернаторов России в сфере национального, в частности мусульманского, образования в конце XIX века.....	30
Буканова Р.Г., Уразова А.И., Шаяхметова И.З. Депутатский корпус городских советов Башкирской АССР в 1919–1946 годах	35
Григорьев А.Д., Харитонова С.Б. Женщина и война: анализ изменений социального статуса и роли (на материалах Чувашии).....	40
Гусаров Ю.В. Об уровне образования чиновничества Чувашии в XVIII – первой половине XIX века	49
Дмитриев А.Е. К вопросу о неопубликованных источниках по проблеме преодоления детской беспризорности в Чувашии в 1920–1930-е годы и трудностях их интерпретации ...	60
Захарова А.Н., Харитонова С.Б. Социокультурные процессы в условиях радикальной трансформации традиционного общества Чувашии в первой половине XX века	66
Зотиков А.В. Система мер по обеспечению пожаробезопасности в казенных селениях Казанской губернии во второй трети XIX века	72
Иванов Н.В. Деятельность детских домов в Чувашской АССР конца 30-х – начала 40-х годов XX века ..	78
Иванова Т.Н., Липатова И.А. «Как это начиналось»: создание Чувашского государственного университета имени И.Н. Ульянова в свидетельствах современников	83
Идиатуллоев А.К. Религиозность казахов России в начале XXI века	95
Казаков Н.А., Широков О.Н. «Негативная» сторона репродуктивного поведения населения: основные показатели текущей статистики для пространственно-временных сравнений	99
Козлов А.А. Развитие научно-технического сотрудничества ЧАССР со странами-членами СЭВ в области сельского хозяйства в 1970–1980-е годы	104
Кондратьева Е.В. Общинные цели полевых молений (чуваши и удмурты)	110
Ласточкина В.Б. Организация экономического районирования в Советской России в 1920–1930-е годы.....	116
Лебедев И.А. Генезис принципа «единство во множестве» в Священном Предании Православной церкви	121

Медведев В.В.	
Гумно в традиционной жизни чувашей.....	135
Минеева Е.К., Стариков С.В.	
Самарские и казанские левые социалисты в период заключения Брестского мира (февраль – март 1918 года)	138
Михайлова С.Ю., Данилов И.П.	
Исторический опыт взаимодействия университетской и хозяйственной систем Чувашии на рубеже XX–XXI веков	146
Салмин А.К.	
Булгарский язык в контексте истории чувашей	152
Смирнова А.Л.	
Молодой рабочий России: созидатель и потребитель культурных ценностей (1970–1980-е годы).....	160
Турицын И.В., Холодный М.А.	
Собственность и эффективность: аграрные альтернативы эпохи нэпа	167
Фатыхова М.Х., Спирчагова Т.А.	
Развитие национального вещания как мощный фактор сохранения культурной самобытности в регионах России	173
Харитонов Л.А., Ефимов Л.А.	
Развитие энергетической системы Чувашской АССР в 1945–1960-е годы	178
Харитонов М.Ю., Василенко О.В.	
Информационно-аналитическое обеспечение процесса принятия решений в истории государственного управления	184
Холодный М.А.	
Специфика отношений собственности в контексте культурной революции 1917–1920-х годов	189
Ялтаев Д.А.	
Обеспечение продовольственной безопасности в Казанской губернии на основе реформы 1900 года	195
Ши Хуншэн	
Центр по изучению России как форма межвузовского сотрудничества Китая и России: истоки и современность	202

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ. ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Абрамова А.Г.	
Грамматические параметры фразеологических парадигм	208
Анисимова А.Г., Капшутарь Е.С.	
Особенности становления англоязычной терминологии уголовного права: лексико-семантический аспект	215
Анисимова И.Н., Петрова О.А.	
О важности краеведческих знаний при обучении русскому языку как иностранному (из опыта использования элементарного лингвокраеведческого материала в преподавании русского языка слушателям подготовительного отделения Чувашского государственного университета).....	223
Бахтина С.И., Павлова Т.Н.	
Обучение грамматическим явлениям русского языка как иностранного в условиях начального билингвизма (грамматическая категория рода)	228
Емельянова М.В., Филоненко В.А.	
Особенности выражения речевого акта совета в разноструктурных языках	233
Ерина Т.Н.	
Чебоксарский региолект русского языка: лингвистические наблюдения.....	239
Карпеева О.Я., Свеклова О.В.	
Лексико-грамматические аналогии при обучении английскому языку	243
Корнилов Г.Е.	
Этнотопонимия республик Поволжья (Башкортостан, Коми, Марий Эл, Мордовия, Татарстан, Удмуртия, Чувашия) – XXXVII: А-анлаутные географические названия	247
Мешкова Т.В., Губанова Г.Ф., Губанов А.Р.	
Интенсивность как признак предикатов интенционального состояния желаний	252

Митрофанова З.И. О взаимодействии пресуппозиционно-ассертивных и тема-рематических компонентов в создании смысловой структуры высказывания (на материале английского языка).....	256
Романова Т.Н., Фёдорова Н.А. Лингвокультурологический аспект годонимикона (на материале названий улиц г. Чебоксары и г. Алатырь).....	262
Семёнова И.П. Парные слова в составе чувашских зоонимов	267
Сергеев В.И. Нумерология и символика чисел в жизни людей и судьбе человечества (этнолингвистический этюд).....	275
Трофимова И.Г. Сравнительно-сопоставительное исследование сложноподчиненных предложений с придаточными времени в английском и чувашском языках.....	281
Трукова А.И. Поэтический дискурс и перевод.....	290
Фомин Э.В. Дополнения к словарю агнонимов чувашского языка.....	295
Фомин Э.В., Иванова А.М. Количественные параметры иностранного пласта чувашской книги	300
Яруллина Л.И. Фонетическая терминология татарского языка в трудах ученых, педагогов и просветителей XIX – первой четверти XX веков.....	304
Ши Хуншэн Некоторые основные особенности имен существительных с окончанием на «-ая», имеющих значение «помещение»	309
Ши Хуншэн Типы образования китайских иероглифов	316
ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ	323

CONTENTS

HISTORICAL SCIENCES AND ARCHEOLOGY

Abilova R. «THEY ARE ALWAYS WITH ME»: HISTORY OF WALL PHOTO ALBUM	5
Basmantsev D. GOVERNMENTAL BODIES SUPERVISING AND INVESTIGATING ABUSES OF LOCAL ADMINISTRATION ON THE TERRITORY OF CHUVASHIA IN 18 th CENTURY	11
Boyko N. ROLE OF GOVERNORS IN DEVELOPMENT OF EDUCATION SYSTEM IN LATE XIX – EARLY XX CENTURIES (ON THE EXAMPLE OF THE CENTRAL VOLGA AREA TOWNS)	22
Boyko N. ACTIVITY OF GOVERNORS OF RUSSIA IN THE SPHERE NATIONAL, IN PARTICULAR MUSLIM EDUCATION AT THE END OF XIX CENTURY	30
Bukanova R., Urazova A., Shayakhmetova I. MUNICIPAL COUNCILS DEPUTY CORPS OF BASHKIR ASSR IN 1919–1946	35
Grigorjev A., Kharitonova S. WOMEN AND WAR: ANALYSIS OF CHANGES IN SOCIAL STATUS AND ROLE (BASED ON THE MATERIALS OF CHUVASHIA)	40
Gusarov Yu. LEVEL OF EDUCATION OF OFFICIALS IN CHUVASHIA IN XVIII – FIRST HALF OF XIX CENTURY	49
Dmitriev A. TO THE QUESTION OF UNPUBLISHED SOURCES ON ELIMINATION OF CHILDREN'S HOMELINESS IN CHUVASHIA IN 1920–1930 AND DIFFICULTIES OF THEIR INTERPRETATION	60
Zakharova A., Kharitonova S. SOCIO-CULTURAL PROCESSES IN THE FACE OF RADICAL TRANSFORMATION OF TRADITIONAL SOCIETY IN CHUVASH IN FIRST HALF OF XX CENTURY	66
Zotikov A. PROVIDING FIRE SAFETY IN STATE-OWNED SETTLEMENTS OF KAZAN PROVINCE IN SECOND THIRD OF XIX CENTURY	72
Ivanov N. CHILDREN'S HOMES ACTIVITIES IN THE CHUVASH AUTONOMOUS REPUBLIC IN LATE 1930s – EARLY 1940s	78
Ivanova T., Lipatova I. «HOW IT BEGAN»: ESTABLISHING I.N. ULYANOV CHUVASH STATE UNIVERSITY THROUGH THE EYES OF CONTEMPORARIES	83
Idiatullov A. RELIGIOSITY OF RUSSIA'S KAZAKHS IN EARLY XXI CENTURY	95
Kazakov N., Shirokov O. «NEGATIVE» SIDE OF REPRODUCTIVE BEHAVIOR OF THE POPULATION: MAJOR INDICATORS OF CURRENT STATISTICS FOR SPATIAL-AND-TEMPORAL COMPARISON	99
Kozlov A. THE DEVELOPMENT OF SCIENTIFIC AND TECHNICAL COOPERATION OF THE CHUVASH AUTONOMOUS SOVIET SOCIALIST REPUBLIC AND CMEA COUNTRIES IN THE FIELD OF AGRICULTURE IN 1970–1980s	104
Kondratyeva E. COMMUNAL GOALS OF FIELD PRAYING (ON THE EXAMPLE OF THE CHUVASH AND THE UDMURTS)	110
Lastochkina V. ECONOMIC REGIONALIZATION IN THE SOVIET RUSSIA IN 1920–1930s	116

Lebedev I. GENESIS OF THE «UNITY IN VARIETY» PRINCIPLE IN THE HOLY TRADITION OF THE ORTHODOX CHURCH	121
Medvedev V. THRESHING-FLOOR IN TRADITIONAL LIFE OF CHUVASH PEOPLE	135
Mineeva E., Starikov S. SAMARA AND KAZAN LEFT SOCIALISTS IN THE PERIOD OF CONCLUDING THE BREST PEACE TREATY (FEBRUARY – MARCH 1918)	138
Mikhaylova S., Danilov I. HISTORICAL EXPERIENCE OF COOPERATION BETWEEN UNIVERSITY AND ECONOMIC SYSTEMS OF CHUVASHIA AT THE TURN OF XX–XXI CENTURIES	146
Salmin A. BULGAR LANGUAGE IN THE CONTEXT OF THE HISTORY OF THE CHUVASH	152
Smirnova A. YOUNG WORKER OF RUSSIA: CREATORS AND CONSUMERS OF CULTURAL VALUES (IN THE 1970s–1980s)	160
Turitsyn I., Holodny M. PROPERTY AND EFFICIENCY: NEP AGRARIAN ALTERNATIVES	167
Fatykhova M., Spirchagova T. THE DEVELOPMENT OF NATIONAL BROADCASTING AS A POWERFUL FACTOR IN THE PRESERVATION OF CULTURAL IDENTITY IN RUSSIAN REGIONS	173
Kharitonov L., Efimov L. DEVELOPMENT OF CHUVASHIA'S ELECTRIC POWER SYSTEM IN 1945–1960	178
Kharitonov M., Vasilenko O. PROVIDING INFORMATIONAL AND ANALYTICAL SUPPORT FOR DECISION-MAKING PROCESS IN HISTORY OF PUBLIC ADMINISTRATION	184
Holodny M. PECULIARITIES OF PROPERTY RELATIONS IN THE CONTEXT OF CULTURAL REVOLUTION OF 1917–1920s	189
Yaltaev D. PROVIDING FOOD SECURITY IN KAZAN PROVINCE BASED ON 1900 REFORM	195
Shi Hongsheng THE CENTER FOR STUDYING RUSSIA AS A FORM OF INTERUNIVERSITY COOPERATION BETWEEN CHINA AND RUSSIA: ORIGINS AND THE PRESENT	202

PHILOLOGICAL SCIENCES. LINGUISTICS

Abramova A. GRAMMATICAL PARAMETERS OF PHRASEOLOGICAL PARADIGMS	208
Anisimova A., Kapshutar E. PECULIARITIES OF THE DEVELOPMENT OF ENGLISH CRIMINAL LAW TERMINOLOGY: LEXICAL AND SEMANTIC ASPECTS	215
Anisimova I., Petrova O. ON IMPORTANCE OF LOCAL LORE IN TEACHING RUSSIAN AS FOREIGN LANGUAGE (BASED ON CASE STUDY OF USING ELEMENTARY LOCAL-LORE-ORIENTED LINGUISTIC MATERIALS IN TEACHING RUSSIAN TO FOREIGN STUDENTS OF CHUVASH STATE UNIVERSITY PREPARATORY DEPARTMENT)	223
Bakhtina S., Pavlova T. EDUCATION GRAMMATICAL PHENOMENA RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE IN THE INITIAL BILINGUALISM (GRAMMATICAL CATEGORY OF GENDER)	228
Emelianova M., Filonenko V. PECULIARITIES OF EXPRESSING SPEECH ACTS OF ADVICE IN STRUCTURALLY DIFFERENT LANGUAGES	233
Erina T. CHEBOKSARY REGIOLECT OF THE RUSSIAN LANGUAGE: LINGUISTIC OBSERVATIONS	239
Karpeeva O., Sveklova O. LEXICAL AND GRAMMATICAL ANALOGIES IN TEACHING ENGLISH LANGUAGE	243
Kornilov G. ETHNIC TOPONYMS OF VOLGA REGION REPUBLICS (BASHKIR, KOMI, MARI, MORDVA, TATAR, UDMURT, CHUVASH REPUBLICS) – XXXVII: A-TOPONYMS	247
Meshkova T., Gubanov G., Gubanov A. INTENSITY AS DESIRE INTENSIONALITY PREDICATE MARKER	252

Mitrofanova Z. PRESUPPOSITIONAL AND ASSERTIVE COMPONENTS, THEME AND RHEME IN CREATING THE SEMANTIC STRUCTURE OF AN UTTERANCE (ON THE MATERIAL OF THE ENGLISH LANGUAGE)	256
Romanova T., Fedorova N. LINGUISTIC AND CULTUROLOGICAL ASPECTS OF ODONYMY (BASED ON NAMES OF CHEBOKSARY AND ALATYR STREETS)	262
Semyonova I. PAIR WORDS IN CHUVASH ZOONYMY	267
Sergeyev V. NUMEROLOGY AND NUMERICAL SYMBOLISM IN LIFE OF PEOPLE AND IN FATE OF MANKIND (ETNOLINGUISTIC ETUDE)	275
Trofimova I. A COMPARATIVE STUDY OF COMPLEX SENTENCES WITH ADVERBIAL CLAUSES OF TIME IN ENGLISH AND CHUVASH LANGUAGES	281
Trukova A. POETIC DISCOURSE AND TRANSLATION	290
Fomin E. SUPPLEMENTS TO AGNONYMS DICTIONARY OF CHUVASH LANGUAGE	295
Fomin E., Ivanova A. QUANTITATIVE PARAMETERS OF CHUVASH BOOKS FOREIGN PUBLICATIONS	300
Yarullina L. TATAR PHONETIC TERMINOLOGY IN WORKS BY SCHOLARS, TEACHERS AND EDUCATORS OF 19th – FIRST QUARTER OF 20th CENTURIES	304
Shi Hongsheng SOME OF THE MAIN FEATURES OF NOUNS ENDING IN «-АЯ» WITH THE MEANING «A ROOM»	309
Shi Hongsheng DEVELOPMENT OF CHINESE HIEROGLYPHS	316
RULES FOR THE AUTHORS	323

ВЕСТНИК ЧУВАШСКОГО УНИВЕРСИТЕТА (16+)

Гуманитарные науки

№ 4 2015

Редактор **Н.И. Завгородняя**
Корректор **Г.Ф. Губанова**
Технический редактор **Н.Н. Иванова**

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзоре)
Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ № ФС77-51087 от 04.09.2012 г.

Сдано в набор 01.10.2015. Подписано в печать 23.12.2015. Выход в свет 25.12.2015.
Формат 70×100/16. Бумага офсетная. Гарнитура Arial. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 26,61. Уч.-изд. л. 31,75.
Тираж 500 экз. Заказ № 1392. Свободная цена.

428015, Чебоксары, Московский просп., 15
Типография Чувашского университета